

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1901, апрѣль 24.
Москва.

мою профессору
в Царств.
Академию.

Глубокоуважаемый профессор!

ИТН.

Я уже получилъ несколько отзывовъ моей статьи
"Камни и Днища", а также гонораръ, за что пишу
Васъ принятъ мою искреннюю благодарность.

Пишавъ къ Вамъ глубокое уваженіе, желая Васъ
прислать Вамъ, какъ вознагражденіе моего почтенія,
третья часть моей труда "Очерки по исто-
рии древнейшей словесности". Въ составленіи, у
меня нѣтъ предвѣстій "Древнейшей Очерковъ", но
свѣдѣнія Народному Знанію и апокрифамъ и
Древней литературы до конца XII в., и потому
лишь въ возможности къ также прислать Вамъ.
Премного обяжете, если не откажете сказать
въ библиографіи нѣсколько словъ о моей книгѣ.

Въ глубокимъ почтеніемъ А. М. Мухоморовъ

Аду. Москва. Академическая Институтъ.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1901.

Александръ С. Хахановъ.

*Губернатору деламу профессору
Н. Фомъ Шредеру.
Авторъ.*

О Ч Е Р К И

П О

ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЫПУСКЪ 3-й.

Л И Т Е Р А Т У Р А XIII—XVIII ВВ.

ИЗДАНИЕ

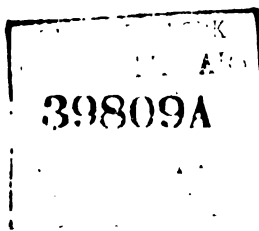
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1901.

Печатано подь наблюденіемъ члена-соревнователя **А. С. Хаханова.**

Предлежащій третій выпускъ Очерковъ по исторіи грузинской словесности заключаетъ обзоръ памятниковъ XIII—XVIII в., распределенныхъ по четыремъ группамъ: памятники собственно-литературные, памятники историческіе, памятники духовной литературы и памятники юридическіе. Особая глава посвящена вопросу о началѣ грузинскаго книгопечатанія и судьбѣ первыхъ грузинскихъ типографій какъ въ самой Грузіи, такъ внѣ ея предѣловъ. Въ приложеніи напечатано нѣсколько апокрифовъ изъ евангелій Іоакова и Никодима.—Какъ въ предшествовавшихъ выпускахъ, я ставилъ своей цѣлью познакомить читателей съ содержаніемъ самихъ памятниковъ, указать по возможности ихъ происхожденіе и отмѣтить параллель въ литературныхъ произведеніяхъ другихъ народовъ. Въ виду того, что значительная часть книги содержитъ обзоръ такихъ произведеній, которыя остаются лишь въ рукописяхъ, и потому являются большинству недоступными, я передавалъ сюжетъ такихъ памятниковъ съ болѣшими подробностями сравнительными съ печатными произведеніями. Остановливаясь на послѣднихъ, задача моя ограничивалась изложеніемъ и анализомъ ихъ литературныхъ источниковъ. Этимъ мотивомъ объясняется неравномѣрность количества страницъ, отведенныхъ обзору печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ. Помимо этого преобладанія изложенія сюжетовъ надъ оцѣнкой ихъ, еще одинъ видимый недостатокъ можетъ поразить читателя, а именно привлеченіе къ обзору и такихъ памятниковъ, которые не укладываются въ рамки періода XIII—XVIII в. Дѣйствительно, въ иныхъ случаяхъ пришлось руководствоваться не столько хронологической датой, сколько характеромъ такихъ произведеній, которыя стоятъ на рубежѣ конца XVIII и начала XIX в. Писатели, выступившіе на литературное поприще въ XVIII в. и захватившіе еще первое десятилѣтіе XIX ст., принадлежатъ особенностями и манерой своей дѣятельности къ предшествовавшему вѣку.—Настоящей книгой закончивается обзоръ словесныхъ памятниковъ до водворенія русскаго вліянія въ Грузіи. Слѣдующій четвертый выпускъ будетъ посвященъ зарожденію и развитію новой грузинской литературы въ теченіе XIX вѣка. Наиболѣе трудная часть обзорѣнія, опирающаяся главнымъ образомъ на неизданные еще матеріалы грузинской письменности вклю-

чительно до конца XVIII столѣтія, уже исполнена въ трехъ выпускахъ монхъ *Очерковъ*. Произведенія XIX вѣка, изданныя въ печати, за небольшими исключеніями, болѣе доступны изученію, несмотря на ихъ разбросанность въ ставшихъ библиографической рѣдкостью періодическихъ органахъ.

Исторія новой грузинской литературы открывается при новыхъ политическихъ условіяхъ жизни Грузіи, присоединенной къ Россіи въ 1801 г. (18 янв.). Такимъ образомъ, выходъ настоящей книги совпадаетъ съ столѣтней годовщиною вступленія грузинскаго народа въ составъ Россійской имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что наши *Очерки* далеки отъ полного и яркаго изображенія духовной культуры Грузіи за періодъ ея самостоятельнаго существованія, и издавая ихъ, я руководствовался единственнымъ желаніемъ въ общихъ чертахъ представить *первый* опытъ изученія памятниковъ грузинской письменности, составляющій столь существенный пробѣлъ въ историческихъ работахъ о прошломъ Грузіи. Прекрасно сознавая недостатки трехъ своихъ книгъ, авторъ считаетъ на снисходительность его читателей, въ виду снѣжности работы и отсутствія не только прецедента въ этой области, но и нравственной поддержки, и обѣщаетъ подвергнуть переработкѣ весь собранный имъ впервые матеріалъ, дополнивъ его какъ новыми неиспользованными еще свѣдѣніями, такъ и указаніями, имѣющими послѣдовать при оцѣнкѣ его *Очерковъ*.

18 янв. 1901 г.

Москва.

Обзоръ исторіи Грузіи въ эпоху ея раздробленія на нѣсколько политически самостоятельныхъ единицъ (XIII—XVII вв.).

Двѣнадцатый вѣкъ въ исторіи Грузіи отмѣченъ высшимъ расцвѣтомъ ея политическаго могущества и культурнаго подъема. Напряжение силъ физическихъ и умственныхъ, въ періодъ побѣдоносныхъ шестидесяти царя Давида и въ особенности царицы Тамары, истощило грузинскій народъ, а результатомъ этого истощенія явилось нравственное ослабленіе государственнаго организма. Верхній слой общества, въ лицѣ царствующихъ особъ и вождей народа, уже при ближайшихъ преемникахъ великой царицы, обнаружилъ признаки разложенія и моральнаго упадка. Къ тому же на Грузію обрушиваются внѣшнія бѣдствія. Вскорѣ послѣ смерти Тамары въ Грузію вторгается одинъ изъ полководцевъ Чингисъ-хана и наноситъ жестокое пораженіе грузинскому войску, предводительствуемому изнѣженнымъ, женолюбивымъ и безпечнымъ царемъ Георгіемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ него появляется Джелаль-Эдинъ Хваразмійскій, потерпѣвшій передъ тѣмъ пораженіе въ борьбѣ съ Чингисъ-ханомъ. Бѣдствіе, причиненное имъ странѣ, грузинской лѣтописью описывается слѣд. образомъ: «Край былъ опустошенъ такъ, что не уцѣлѣло ни одно жилище, за исключеніемъ цитаделей и укрѣпленныхъ мѣстъ. Казалось, Грузія была обречена на гибель. Причиною этого были цари и правители, ибо они забыли Бога, законы, нравственность, вѣрныя справедливости, предались раздорамъ и взаимной ненависти». Самого главнокомандующаго уничтоженнаго грузинскаго войска Джелаль-Эдинъ захватилъ въ плѣнъ и предалъ впослѣдствіи мученической кончинѣ за нежеланіе его принять исламъ.

Не успѣла Грузія оправиться отъ этого нашествія, какъ она снова сдѣлалась ареной кровопролитія. Въ 1236 г. подъ предводительствомъ сына Чингисъ-хана монголы, покоривъ Арменію, Ширванъ и Азербайджанъ, вторглись въ Тифлисъ, предоставленный бѣжавшими грузинскими полководцами въ полное распоряженіе враговъ. Черезъ три года вся страна была уже подчинена оружію монголовъ. Царица Русудана, отчаявшись получить существенное содѣйствіе противъ враговъ христіанства у папъ Григорія IX и Гонорія III, приславшихъ ей нрав-

ственное утѣшеніе и католическихъ миссіонеровъ вмѣсто просимой ею матеріальной помощи, вошла въ переговоры съ монголами и отправила къ нимъ своего сына для утвержденія его на престолѣ. Монголы согласились. Съ этихъ поръ грузинскихъ царей возводили на тронъ и низвергали (а нерѣдко и казнили) монгольскіе правители; при чемъ свойственное имъ деспотическое своеволие проявлялось во всей своей силѣ. Съ какою легкостью претенденты становились титулованными особами, съ такою же быстротой они утрачивали эфемерную славу и непрочную власть.

Нерѣдко бывало и такъ, что одновременно считалось нѣсколько царей. Но всѣ они бездѣйствовали. Никто не сумѣлъ положить конецъ крамоламъ. Напротивъ, Грузія раздробилась на удѣлы. Владѣтели ихъ тратили силы на борьбу между собою изъ-за господства. Страна изнемогала подъ гнетомъ непосильнаго бремени повинностей и податей. Изъ 10 способныхъ къ оружію одного монголы брали въ солдаты, такъ что въ 1258 г. число взятыхъ достигло до 90 тысячъ. Отсюда акад. Броссе предположилъ, что все населеніе Грузіи въ это время простиралось до 4½ милл. Помимо воинской повинности жители обязаны были вносить подать деньгами или натурой, а всякое промедленіе въ своевременномъ взносѣ влекло за собою захватъ дѣтей въ счетъ установленнаго налога. Пошлины взымались съ предметовъ рынка по 15 коп. за вещь въ 1000 драхмъ цѣною, а за убой скота полагалась особая пошлина «темаг».

Разоренная и разъединенная Грузія представляла жалкую картину. Она находилась подъ неумолкаемымъ страхомъ предъ монголами. Ихъ постоянные набѣги, при отсутствіи сильной административной власти, окончательно губили ее. Ко всему этому присоединилось развращеніе нравовъ подъ вліяніемъ монголовъ, сообщившееся какъ аристократіи, такъ и общественнымъ низинамъ. Царь Дмитрій, женатый на дочери трапезундскаго императора, беретъ еще нѣсколько женъ. Вельможи охотно подражаютъ его примѣру. Грузинскія царевны и княжны выходятъ за монгольскихъ вельможъ. Какъ бы въ довершеніе бѣдствій, въ 1279 г. великимъ постомъ случилось сильное землетрясеніе, разрушившее замѣчательные храмы Ацкверскій и Мцхетскій.

Краткой передышкой послѣ столькихъ несчастій послужило царствованіе Георгія V, прозваннаго Блестательнымъ. Онъ вернулъ на время счастливые дни Грузіи. По вступленіи на престолъ онъ объѣхалъ свои владѣнія, устанавливая вездѣ порядокъ; проникъ въ область горцевъ-грузинъ, Мтіулетію, и далъ имъ законы «Дзеглисъ-деба», древнѣйшій памятникъ права, вошедшій въ Уложеніе царя Вахтанга VI.

Къ этому времени монголы значительно ослабѣли. Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и расширилъ предѣлы своего царства, овладѣвъ Сомхетіей, Эретіей, Рани и Лекетіей, т. е. областью лезгинъ. Онъ наложилъ дань на Ширванскаго хана и объединилъ всѣ области разрозненной Грузіи. Такъ начинается краткій періодъ воссоединенія Грузіи въ одно цѣлое и на время устанавливается миръ въ истерзанной монголами странѣ. Надписи церковей гласятъ о поднятїи благосостоянія въ народѣ при Георгіи V († 1346).

Но это возрожденіе продолжалось только до вторженія Тимура Самаркандскаго (1387 г.). Тифлисъ вновь подвергся полному разоренію. Въ 1393 г. бѣдствіе повторилось: Тимуръ снова прошелъ по Грузіи съ огнемъ и мечемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ явился въ третій разъ. Въ теченіе 20 лѣтъ онъ не давалъ покоя странѣ. При рядѣ безцвѣтныхъ царей, деморализованная терзаніями Тимура, Грузія снова пришла въ упадокъ: снова она раздробилась на мелкіе удѣлы, вступившіе между собою въ непрерывную борьбу. Жизнь отдѣльныхъ удѣловъ представляетъ мрачную картину упадка дисциплины и расцвѣта состязаній царей съ владѣтельными князьями, сопровождавшихся жестокими истязаніями побѣжденных и опустошеніемъ страны мстительными побѣдителями. Исторія Имеретїи, непрерывная цѣпь войнъ царей съ феодалами, можетъ служить иллюстраціей разложенія государства на бродячіе элементы, не связанные общностью интересовъ. Сознаніе единства растворилось въ стремленїи къ обособленности, центробѣжная сила увлекла неокрѣпшихъ правителей на путь взаимной вражды и ослабленія.

Попытки установить единеніе были, и онѣ временами приводили къ цѣли, но скорѣ за объединеніемъ слѣдовало разложеніе царства на прежніе удѣлы. Этому много способствовали вторженія иноземцевъ. Въ этихъ случаяхъ притихшіе—было неспокойные феодалы—всегда вновь приходили въ неустойчивое движеніе. Злой рокъ какъ бы сторожилъ грузинскихъ единовѣрцевъ: иноземцы никогда не заставляли себя ждать. Такъ, черезъ два года послѣ Флорентійскаго собора (1438 г.), на которомъ, мимоходомъ сказать, представитель грузинской церкви не подписалъ акта объ увѣи, Грузія подверглась нашествію Тавризскаго правителя... Непрїатель, взявшій Тифлисъ, съ большой добычей вернулся назадъ. Разоренное населеніе не въ силахъ было платить подати, установленной для возобновленія храмовъ, и ее пришлось отмѣнить.

Грузія, однако, при этихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни не забывала своей миссіи на христіанскомъ Востоцѣ: около 1460 г. грузинскіе цари и владѣтельные князья, по приглашенію папы, готовились къ

Крестовому походу противъ мусульманъ, но онъ не состоялся по причинѣ разногласій, возникшихъ въ Венеціи между европейскими послами. Не состоялся также предполагавшійся бракъ дочери царя Георгія VIII съ Константиномъ XI Палеологомъ, императоромъ византійскимъ, вслѣдствіе осады Константинополя турками.

Въ 1453 г. падаетъ Константинополь, и съ тѣхъ поръ Западная Грузія испытываетъ политическое вмѣшательство Турціи во внутреннія дѣла, а Восточная Грузія подпадаетъ подъ вліяніе Персіи. И вотъ начинаются безконечныя интриги: пользуясь раздорами между разными частями Грузіи, персы и турки вмѣшиваются въ ихъ распри и, подъ видомъ принятія мѣръ для умиротворенія, возбуждаютъ усобицы, поднимаютъ царя—отца на царя—сына, брата на брата, сокрушая ихъ же руками честь и свободу страны. Вмѣшательство ихъ очень часто сопровождалось религіознымъ ренегатствомъ, опасными примѣрами измѣны царей вѣрѣ христіанской. Исламъ начинаетъ водворяться съ неожиданнымъ успѣхомъ на развалинахъ христіанства. Почти съ самаго начала 17-го вѣка на карталинскомъ престолѣ начинается рядъ царей—мусульманъ. Упомянемъ Вахтанга V-го или Шахъ-Наваза, съ котораго начинается линія князей Мухранскихъ на карталинскомъ престолѣ, и Вахтанга VI (1711—1724), «притворно», какъ самъ говоритъ, припавшаго исламъ. О послѣднемъ царѣ рѣчь будетъ ниже. Такъ же притворно принялъ исламъ и Кахетинскій царь Арчилъ (1664—1706), носившій, какъ и всѣ или почти всѣ грузинскіе цари этой эпохи, магометавское имя «Назаръ-ханъ». Оставаясь истиннымъ христіаниномъ, онъ только въ перепискѣ съ шахомъ именовался послѣдователемъ ислама. Усердный поклонникъ народной святыни, знатокъ священнаго писанія, возстановитель храмовъ, онъ заслужилъ имя отца подданныхъ и правосуднаго царя. Судьба его исполнена характерныхъ для описываемой эпохи превратностей. Онъ по два раза всходилъ на кахетинскій и имеретинскій троны и кончилъ жизнь изгнанникомъ въ Россіи за письменнымъ столомъ. Ему принадлежитъ поэма «Арчилиани», заключающая въ себѣ біографію царя Теймураза и рядъ свѣдѣній изъ быта и нравовъ древней Грузіи.

Большинство же царей не отличалось такой идейностью. Движимые узко-династическими интересами, они охотно мѣняли вѣру, обзывались доставлять въ гаремы невольницъ и распространять въ народѣ исламъ и персидскіе (или турецкіе) обычаи. Въ результатѣ въ низшихъ слояхъ общества получалось ослабленіе чистоты христіанской вѣры, къ которой примѣшались, помимо языческихъ остатковъ, элементы изъ ученія Магомета; католическіе миссіонеры и русскіе послы

единодушно отмѣчали это своего рода «троевѣріе». Въ высшихъ же слояхъ, начиная съ самаго царскаго двора, къ этому присоединилось и полное нравственное разложеніе: грубая чувственность, позорные инстинкты, кровосмѣсительные браки и насильственные разводы—все эти пустило глубокіе корни среди грузинской аристократіи. При этомъ многіе изъ царей — магометанъ первые во всемъ подавали соблазнительный примѣръ.

Бывали, конечно, и отрадныя исключенія, попадались люди съ поразительно твердыми убѣжденіями и непреклонной волей. Такъ, напримеръ, царица Кетеванъ, отличавшаяся небесной красотой и безупречной нравственностью, несмотря ни на какія пытки, которымъ ее подвергли персы, осталась непоколебимой христіанкой. Въ 1624 году на площади въ Ширазѣ царица была обнажена, и тѣло ея рвали раскаленными щипцами. На страшные обжоги клали горячіе уголья, и она все-таки не измѣнила своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ, на ее голову надѣли раскаленный чугунный котель, и она скончалась, вѣщавшая этимъ страшнымъ мученическимъ вѣнцомъ. Царица Кетеванъ, причислена къ лику святыхъ, и мощи ея частью покоятся въ Бельгіи, въ соборѣ города Немура, куда взяли часть ея тѣла католическіе миссіонеры, бывшіе свидѣтелями ея казни.

Къ сожалѣнію, врагъ былъ настолько могущественъ и коваренъ, а Грузія, помимо того, что силы ея были положительно ничтожны въ сравненіи съ непріятельскимъ, такъ еще вдобавокъ раздиралась безконечными междоусобицами, что всѣ почти сильныя личности кончали жизнь такъ же, какъ и царица Кетеванъ. При поразительномъ отсутствіи солидарности между различными областями Грузіи, между царями и феодалами, при полномъ господствѣ личныхъ интересовъ и мелочнаго самолюбія въ дворянствѣ, силы ихъ находили единственный исходъ— въ мученичествѣ; итти на компромиссы не было въ ихъ натурѣ.

Трудно представить себѣ картину болѣе сильнаго и всеобщаго господства мелкаго самолюбія, которому бы приносились въ жертву самыя существенныя интересы и свои собственные и всей страны, чѣмъ это было въ Грузіи XVII вѣка. Политическому разложенію Грузія обязана своимъ культурнымъ упадкомъ и оскудѣніемъ литературнаго творчества.

Характеръ грузинской литературы XIII—XVII в.

Съ XIII в. по XVIII в. дошедшіе до насъ памятники грузинской письменности увеличиваются въ количественномъ отношеніи, но по качеству они не отличаются ни оригинальностью, ни художественностью. Большая часть изъ нихъ можетъ быть распредѣлена по двумъ группамъ: одна изъ нихъ обнимаетъ нравственно-дидактическія произведенія, другая сосредоточивается на сказочныхъ сюжетахъ. Творческій духъ замѣтно блекнетъ, лучъ поэтического вдохновенія весьма рѣдко блеснетъ на пространствѣ почти пяти вѣковъ. Продуманнымъ по опредѣленной конценціи произведеніямъ XI—XII стол. соотвѣтствуютъ въ послѣдующію эпоху искусственное сплетеніе сказочныхъ сюжетовъ съ поучительною цѣлью. Выразительный языкъ классическаго періода замѣняется простымъ, но не отдѣланнымъ стилемъ, глубокая, художественная серія поэмъ отодвигается безцвѣтнымъ рядомъ персидскихъ переводныхъ пінтическихъ упражненій и чудовищныхъ разсказовъ. Проявляя скудость въ творчествѣ за обозрѣваемый промежутокъ времени, грузинскіе писатели обращаются съ небывалой дотолѣ страстностью къ изученію прошлой судьбы современнаго быта своей родины и тщательно собираютъ историческія свѣдѣнія и юридическіе обычаи. Источники по исторіи Грузіи обогащаются весьма подробными историческими и правовыми документами. Эти памятники въ связи съ многочисленными произведеніями духовнаго содержанія даютъ яркую картину состоянія грузинской письменности съ золотой ея эпохи до начала XVIII вѣка, къ которому относится возрожденіе политической мощи и культурнаго подъема Грузіи вообще или такъ называемый серебряный вѣкъ въ грузинской литературѣ.

Характеръ вышепоименованныхъ памятниковъ письменности служить основаніемъ разсмотрѣть ихъ по слѣд. отдѣламъ: 1) памятники чисто-литературные, оригинальные и переводные, 2) памятники историческіе, 3) памятники юридическіе и 4) памятники духовной литературы.

Обратимся къ обозрѣнію перваго отдѣла.

РУСУДАНИАНИ.

Къ самому началу XIII в., ко времени, вѣроятно, царствованія Русудани, относится объемистый донынѣ рукописный памятникъ «Русуданиани». Русуданиани представляетъ сборникъ двѣнадцати сказокъ, связанныхъ между собою искусственно, дидактической идеей. Д. И. Чубиновъ напечаталъ два отрывка изъ этого сборника: въ грузинской хрестоматіи, изданной имъ въ 1846 г. (I, стр. 36—73), онъ привелъ выписки изъ повѣсти о китайскомъ царевичѣ Джимшидѣ (II гл.), а въ хрестоматіи 1863 г. онъ помѣстилъ изъ Русуданиани IX главу—отрывокъ изъ повѣсти о Гостаѣ. Покойный грузинологъ относилъ названный памятникъ въ XIII в., основываясь «на слогѣ романа», отличающемся простотой, признакомъ, характеризующемъ произведенія этого столѣтія. Соображеніе это имѣло бы убѣдительную силу, если бы были установлены особенности грузинскаго языка, вскрывающіяся въ памятникахъ въ хронологическомъ порядкѣ или существовалъ историческій обзоръ грамматическихъ формъ и лексическаго состава грузинскихъ произведеній по вѣкамъ. По одной «простотѣ слога» трудно приурочить «Русуданиани» къ XIII ст. Другой изслѣдователь грузинской старины, акад. Броссе относилъ этотъ памятникъ къ XV в., основываясь на внутреннихъ признакахъ самого произведенія. Мнѣніе это имъ выражено въ обзорѣ памятниковъ по грузинской романтической литературѣ¹⁾.

Сюжетъ Русуданиани²⁾ можетъ быть выраженъ въ нѣсколькихъ словахъ. Добродѣтельный мужъ Аптвимиане имѣлъ 12 умныхъ сыновей и одну прекрасную дочь Русудану. Потомокъ царственныхъ предковъ изъ Йемана, Манучаръ, женится на красавицѣ Русуданѣ. Воспитанный тайно въ христіанской вѣрѣ, онъ получаетъ приглашеніе ко двору безбожнаго царя, который обѣщаетъ ему возвратить наслѣдіе, нѣкогда потерянное его предками. Видя въ этомъ повелѣніи царя волю Божию, онъ уѣзжаетъ и этимъ ввергаетъ жену свою въ безутѣшное горе. Однако, безбожный царь не довольствуется этимъ: онъ требуетъ къ себѣ

¹⁾ *Brosset*. Bulletin Scientifique Imp. Ak. M. 1838, IV, стр. 53—62; *Melanges Asiatiques* (—Bul de l'Ac. 1878, t. XXIV) t. VIII, p. 438, 24. De la litterature romanesque géorgienne.

²⁾ Полныя рукописи „Русуданиани“ не многочисленны; чаще встрѣчаются отдѣльные эпизоды о Джимшидѣ „Джимшидани“. Полныя списки имѣются въ Общ. грамот. въ Тифлисѣ, СПб. Имп. П. Библ. (Собр. кн. Грузинскаго № 72—А), Азіатскаго Музея (Géorg. 62—В) и значится въ спискѣ груз. памятниковъ, сост. въ 1824.

дочь Манучара, Роадому, а затѣмъ и сына его, Придова. Успокаивать Русудану въ безысходной тоскѣ пріѣзжаютъ ея родители, а за ними 12 братьевъ, которые ее развлекаютъ поучительными разсказами. Къ концу двѣнадцатаго разсказа пріѣзжаетъ Придонъ, который велитъ записать разсказы всѣхъ дядей. Разсказы эти, проникнутые идеею, что печали и испытанія смѣняются подъ конецъ по волѣ Божіей радостью и покоемъ. По словамъ проф. Чубинова повѣсть характеризуетъ бытъ, понятія, нравы народа и современное домоустройство. Мнѣніе это вѣрно, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія религіозной идеи, согрѣвающей всѣ части повѣсти.

Авторъ «Русуданіани» безусловно грузинъ, при томъ онъ христіанинъ¹⁾, сумѣвшій приноровить свой разсказъ ко вкусамъ христіанской читающей публики. Главную героиню свою онъ называетъ Русуданой, въ судьбѣ которой улавливаются сходныя черты одноименной грузинской царицы (1223—1247?), дочери Тамары. Совпаденіе въ имени и нѣкоторыхъ фактовъ изъ повѣсти и исторіи подало основаніе думать, что само произведеніе относится къ XIII в. Подобно Манучару Іеменскому, грузинскимъ царямъ эпохи монгольскаго ига приходилось отправляться къ языческимъ государямъ за утвержденіемъ своей же наслѣдственной власти: сынъ царицы Русуданы Давидъ Наринъ ѣдетъ въ Каракорумъ къ великому моголу въ видахъ укрѣпленія за собою престола Грузин, а дочь ея, Тамара, выдана за сельджука.

Есть основаніе думать, что авторъ «Русуданіани» пользовался устными сказаніями, и если мы не можемъ утверждать, что всѣ разсказы записаны со словъ народа, то относительно нѣкоторыхъ кажется вѣрнымъ предположеніе, что источникомъ его повѣсти послужили отголоски народныхъ произведеній (не говоря о томъ, что часто встрѣчаемъ имена Тариеля и Автандила). Во II-мъ разсказѣ мы находимъ героевъ Бедукугмрти (обладатель превратной судьбы—неудачникъ) и Бедшави (обладатель черной судьбы—несчастный), а въ XII разсказѣ выступаютъ героини съ обычными и нынѣ въ комическихъ повѣстяхъ именованіями: Ититине (Болтунья) и Илапараке (Говорунья). Эти главы, считая ихъ даже занесенными извнѣ, мы считаемъ записанными изъ устныхъ сказаній. Можно допустить, что авторъ самъ передѣлалъ въ сказочную повѣсть тотъ или иной памятникъ духовной литературы, напр. въ повѣсти о государѣ Ибреимѣ (VI гл.) мы, несомнѣнно, имѣ-

¹⁾ О христіанствѣ говорится въ разсказѣ о Европѣ, во введеніи 1—5; I, 3, 30; III, 1, 5, 10 и др.; о груз. народѣ и языкѣ II, 3, 5, 10; III, 4, 15; IV, 8, 10—12 и др.

емъ особый изводъ сказанія объ Евстратіи и его семьѣ ¹⁾). Въ началѣ повѣсти о Караманѣ, царѣ Урумскомъ, рассказчикъ, четвертый братъ говоритъ, что онъ сообщитъ исторію въ переводѣ съ арабскаго.

Въ «Русуданіани» встрѣчаются указанія поздняго его происхожденія: огнестрѣльное оружіе, часы, монета абазъ, введенная въ Грузію въ употребленіе при шахѣ Аббасѣ I (1585—1628 ²⁾). Но эти слова могли быть внесены поздними переписчиками, и мы пока не видимъ убѣдительныхъ доводовъ передвигать разбираемый памятникъ съ XIII къ XVII в.

Въ странѣ Змиріанской былъ именитый мужъ, который имѣлъ 12 славныхъ сыновей и одну дочь—Русудану, слухъ о красотѣ которой распространился всюду. Отецъ, не желая съ нею разстаться, отказалъ 12 царевичамъ, прибывшимъ просить ея руки ³⁾).

Въ странѣ Іеманетской жилъ богатый и могучій царь. За оставленіе истиннаго Бога и переходъ въ идолопоклонство, онъ былъ наказанъ свыше: по смерти его царство досталось другому, такъ какъ никого не осталось изъ его невѣрующаго рода. Малолѣтній сынъ его, Манучаръ, былъ тайно взятъ, по смерти матери, однимъ вельможей, который далъ ему блестящее образованіе—свѣтское и духовное. Онъ внушилъ своему воспитаннику притвориться неразумнымъ предъ провѣдавшимъ объ немъ царемъ, и царь отпустилъ вельможу съ царевичемъ безъ угрожавшаго имъ наказанія. Состояніе царевича росло быстро, онъ старательно возобновлялъ крѣпости и башни, но престолъ отца все оставался за врагомъ. Къ этому времени онъ узналъ, что въ странѣ Змиріанской живетъ мужъ Аптиміане, имѣющій красавицу—дочь—Русудану. Онъ отправляется добиться ея руки. Послѣ продолжительныхъ просьбъ, отецъ, долго не соглашавшійся разстаться съ до-

¹⁾ Груз. изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ „Русуданіани“.—СПБ. 1895, 229 (въ Сборникѣ „Восточныя Замѣтки“). Мученичество св. Евстратія съ домочадцами существуетъ на груз. яз. въ переводѣ Евѣмнія Святогорца XI в. А. А. Цапаремі. Свѣд. о памятн. груз. письм. I, 1886 стр. 58, № 4.

²⁾ *Langlois*. Essai de classif. des series monetaires de la Géorgie, p. 106—7.

³⁾ Напечатанное жирнымъ шрифтомъ заглавіе соответствуетъ киновари въ рукописи.

черью при своей жизни, устраивает торжественную свадьбу. Манучаръ приобрѣлъ силу и славу, пересталъ служить царю персидскому и иеменетскому.

Родилось у него три сына и одна дочь. Донесли враги персидскому царю, что Манучаръ не покланяется его богамъ и не признаетъ его власти. Царь грозно потребовалъ его къ себѣ. Трогательно прощается онъ съ своей женою, которая падаетъ въ сильный обморокъ при разставаніи съ любимымъ мужемъ. По порученію царя Манучаръ совершаетъ рядъ побѣдоносныхъ нападений на враговъ страны. Но недруги несчастнаго мужа продолжаютъ свое гнусное дѣло: они опять донесли царю, что у христіанина Манучара есть красавица—дочь, которую немедленно деспотъ вытребовалъ себѣ.

Манучаръ опасается огорчить жену новой жестокой разлукой съ дочерью, которая служить ей утѣшеніемъ въ горестномъ положеніи. Когда объявили Русуданѣ о такомъ немилостивомъ велѣніи царя, то она отказалась уступить дочь, обливая ее горючими слезами. Воспользовавшись ея безсознательнымъ отъ горя состояніемъ, похитили ея дочь и увезли.

Мать предается отчаянному горю. Даютъ знать объ ней родителямъ,—тѣ являютъ немедленно къ любимой дочери, которой не узнаютъ, настолько она измѣнилась въ лицѣ отъ горя. Между тѣмъ царь по навѣту враговъ вытребовалъ письмомъ *на грузинскомъ языкѣ* и старшаго сына Манучара, Придона. Этотъ приказъ нанесъ Русуданѣ сильный нравственный ударъ. Съ горя несчастная перестаетъ и ѣсть, и пить. Родители ее утѣшаютъ религиозными размышленіями, обращая ея мольбы къ Богу. Она старалась для успокоенія опечаленныхъ родителей скрыть свое горе, но «огонь сердца, ея пожирающій, былъ сильнѣе пламени изъ печи». Пришли и братья изъ Китая и окружили ее нѣжною любовью, говоря, что Придонъ такой герой, что можетъ безопасно даже въ царство дѣвовъ отправиться. Русудана предается отчаянію, говоря, что ея горе безпримѣрно. Но ей приводили *изъ книгъ* примѣры, какъ люди подвергались различнымъ испытаніямъ и въ концѣ получали удовлетвореніе.

Старшій братъ разсказалъ ей, какъ разъ, по порученію отца, совершилъ онъ походъ въ страну Хоросанскую, а оттуда отправился въ Китай, чтобы удостовѣриться, насколько въ самомъ дѣлѣ это царство велико. Самъ китайскій царь сообщаетъ ему, что въ одинъ годъ онъ не объѣдетъ его владѣній. Послѣдній при этомъ разсказалъ, что былъ царь Зостеръ, сынъ Зосима, у котораго наслѣдникъ Зави былъ занятъ только игрой въ мячъ и охотой, не интересуясь государственными дѣ-

лами и воинскими доблестями. Царь упрекнулъ его разъ въ этомъ. Сынъ, написавъ письмо, что уходитъ на 7 лѣтъ, чтобы вернуться достойнымъ трона или погибнуть, исчезъ къ невыразимому огорченію своихъ родителей и попалъ въ чудную китайскую страну. Во снѣ подъ орѣховымъ деревомъ явился ему старецъ и предупредилъ о грозящей опасности вслѣдствіе наступающей бури, причемъ съѣденные орѣхи сообщили ему пониманіе языка змѣй ¹⁾). Онъ поднялся и привязалъ себя къ дереву, и это спасло его отъ гибели при появленіи трехъ змѣй: черной, бѣлой и красной съ ужаснымъ свистомъ. Онѣ стали рассказывать другъ другу случаи изъ своихъ наблюденій. Черная рассказала, что красивый и мужественный мисретскій ²⁾ царевичъ 7 лѣтъ боленъ, родители носятъ его къ докторамъ, но онъ умретъ, такъ какъ не знаютъ, что лѣкарство заключается въ томъ, чтобы медь, рѣдку и траву изумрудную (?) столочь вмѣстѣ и растирать этой смѣсью голову и шею. Въ головѣ у юноши сидитъ лягушка и чтобы ее изгнать, нужно кожу съ черепа слегка подрѣзать, принести тазъ и вливать шибко струи воды, а съ прижатіемъ рукою головы темя откроется и лягушка выскочитъ. Бѣлая сказала, что богатый индійскій городъ погибнетъ отъ безводія, а между тѣмъ стоитъ срыть горку въ серединѣ города и воды будетъ въ изобиліи. Красная по молодости не знала ничего своего и сказала, что слышала отъ отца, какъ погибаетъ отъ одного дэви страна «Шапки-Невидимки», а его убить научить христіанка — красавица, которая у него находится въ плѣну. Со свистомъ змѣи удалились, а царевичъ спустился съ дерева, собралъ указанную черной змѣей траву и отправился въ Мисретію, гдѣ исцѣляетъ царевича, получаетъ царскую корону съ горячею благодарностью отъ царя, но не остается съ ними и идетъ въ Индію. По дорогѣ, указываемой постоянно таинственнымъ проводникомъ, онъ мисретской булавою убиваетъ дракона. Открывъ обильный источникъ въ индійскомъ городѣ, съ «Божьей помощью» въ сопровожденіи царской стражи, онъ рѣшается, несмотря на отговоры, идти въ богатѣйшую страну «Шапки-Невидимки», гдѣ приноситъ мѣстному царю полученные въ Индіи подарки. Убиваетъ дэви, овладѣваетъ сокровищами, скрытыми матерью той красавицы-царевны, которая ему помогла и отдала ключи отъ кладовыхъ. Извѣстили письменно «Царя Морей», что храбрый царевичъ Завъ освободилъ его сестру изъ плѣна, и въ ожиданіи отложили свадьбу до его прихода. Этотъ царь шель отомстить за кровь отца и матери, а по дорогѣ встрѣтилъ вѣстника объ убійствѣ дракона. Послѣ блестящей свадьбы, по желанію Зава,

¹⁾ Ср. сказку у Бебура „Правда и Кривда“, стр. 88.

²⁾ Египетъ часто называется въ грузин. рукописяхъ Мисретіей.

были розданы щедрые подарки всѣмъ пострадавшимъ въ несчастное время господства дэви. Завъ былъ возведенъ на престолъ «Шапки Невидимки», какъ мужъ освобожденной красавицы—племянницы правителя этого царства. Индійскій царь съ царевичемъ являются къ нему съ поклономъ и съ подарками.

Принимаетъ Завъ изъ Египта друга своего Мисри и посылаетъ отцу своему письмо съ взятыми кольцомъ и кошелькомъ у сестеръ, извѣщая его обо всемъ. Посоль доложилъ Зостеру, что сынъ спѣшитъ къ отцу своему съ богатствами, слонами, войскомъ, въ сопровожденіи четырехъ ему обязанныхъ царей, но пока онъ въ Египтѣ и ждетъ отъ отца разрѣшенія. Зостеръ и царица рады этому извѣстію, но стали выражать опасеніе, что не проживутъ года до прихода сына по старости и перенесеннымъ огорченіямъ. По дорогѣ Завъ въ томъ же полѣ встрѣчаетъ прежнихъ змѣй, которыя рассказывали другъ другу, что кто-то ихъ подслушалъ и избавилъ людей отъ бѣды. Они увидали Зава, набрасываются на него, но онъ ихъ убиваетъ, причемъ чернѣйшій его отцовскій конь потерялъ одну ногу при столкновеніи съ красной змѣей. Одинъ изъ сопровождавшихъ его визирей-старцевъ составомъ травъ оживилъ лошадь и придѣлалъ ему золотую ногу, которая вполне замѣнила прежнюю. Происходитъ трогательная встрѣча Зостера съ Завомъ. Празднованіе свадьбы и возведеніе Зава на отцовскій престолъ при звукахъ музыки и пѣнія отличаются большою торжественностью.

За этой свадьбой слѣдуетъ заключеніе браковъ двухъ сестеръ Зава съ двумя его друзьями—египтяниномъ Мисромъ и индійскимъ царевичемъ Горшарабомъ. Всѣ они подарки получаютъ отъ Зостера и его супруги.

Послы царей Настура и Навшадур (страны «Шапки-Невидимки») донесли Заву, что чернѣйшій дэви съ 12.000 дэвами идетъ противъ него отомстить за кровь убитаго бѣлаго дэви. Завъ вмѣстѣ съ Мисромъ и Горшарабомъ идетъ противъ дэвовъ. Происходитъ страшная ихъ битва съ дэвами, въ числѣ которыхъ участвуютъ между прочимъ *Бакбакъ-дэви* ¹⁾. Завъ единолично борется съ черными дэвами, Мисри съ Бакбакомъ, Навшадуръ съ Хазараномъ-дэви, Гаршарабъ съ Разаманъ-дэви, Настуръ съ Разимомъ-дэви и «съ Божьей помощью» ихъ побѣждаютъ. Передъ смертью Завъ пишетъ завѣщаніе, въ которомъ вспоминаетъ свою безумную молодость и наставляетъ сына Манучара помогать неимущимъ и Господь воздастъ ему за это. Онъ поручаетъ его своимъ совѣтникомъ и проситъ ихъ не забывать его души. Онъ возводитъ сына

¹⁾ Ср. сказаніе объ Амиранѣ у меня въ I вып. „Очерковъ“ стр. 35 et sq.

при жизни на престолъ. Горько оплакиваетъ народъ и сынъ своего царя-героя и великодушнаго человѣка, защитника вдовъ и сиротъ. Смерть матери-красавицы Мавриды также вызываетъ горячія слезы Манучара и его подданныхъ. Слѣдуетъ плачь дочерей—Арзуты, царицы Мисретской и Ардухи, царицы индійской съ горькими причитаніями. За ними цари Мисръ, Горшарабъ, Навшадуръ, («царь морей»), братъ Мавриды, царь «Шапки-Невидимки», Настуридзе одни за другимъ вслухъ оплакиваютъ, восхваляя его внѣшнія физическія богатырскія качества и красоту, внутреннія достоинства—умъ и доброту. Царь и царица были погребены вмѣстѣ. «Сравни,—заклучилъ братъ Русуданы, рассказъ свой,—свое положеніе съ ихъ судьбой и жди отъ Господа милости».

ГЛАВА II. (125 стр. рук.).

Разсказъ о царѣ Хатаетскомъ Томеранѣ и сынѣ его Джимшидѣ.

По предложенію отца, второй братъ Русуданы, Паремузъ, отправился въ страну Хатаетскую, гдѣ престарѣлый визирь разсказалъ о царѣ Томеранѣ. Бездѣтный царь со слезами вымолилъ у Бога сына и получилъ по откровенію во снѣ, что онъ долженъ воспитать наследника такъ, какъ научить неизвѣстная на двухъ костыляхъ женщина. Послѣдняя наставляетъ не говорить Джимшиду никогда о существованіи яйца, и сама, оставивъ одно яйцо, исчезаетъ. Родился Джимшидъ красавцемъ, отличался геройскими качествами, росъ быстро. Былъ отданъ приказъ по царству не упоминать нигдѣ объ яйцѣ. Но случилось разво время игры *въ нарди* (зернь) съ визиремъ, Джимшидъ и его партнеръ заспорили и визирь сгоряча сказалъ царевичу: «лопни, какъ яйцо!» Погнался царевичъ за нимъ, прося объяснить, что такое яйцо. Начинается требованіе съ плачемъ, всѣ скрываютъ отъ Джимшида, что такое яйцо. Тронутый его слезами, отецъ велѣлъ принести яйцо. Сынокъ долго любовался имъ, но оно вдругъ выпало изъ рукъ и покатилося. Онъ погнался за нимъ сначала пѣшкомъ, но, не догнавъ его, былъ вынужденъ осѣдлатъ коня и поскакать верхомъ на Бедшави ¹⁾. Визирь отправился за совѣтомъ къ отцу своему. Онъ далъ ему камень изъ кармана и стрѣлу, велѣлъ сѣсть на Бедукугма и послѣдовать за царевичемъ. Онъ долженъ былъ догнать его до вступленія въ море. Но прежде чѣмъ онъ подѣхалъ, упало въ море яйцо и за нимъ вѣхалъ царевичъ, а ви-

¹⁾ Бедшави и Бедукиа—имена коней, что въ переводѣ значить „черная судьба“ и „превратная судьба“.

зирь остался на берегу со слезами на глазахъ. Оправившись потомъ, на своемъ конѣ, онъ переплылъ на другой берегъ, гдѣ раздалось ржаніе Бедукугма въ отвѣтъ Бедшави. Здѣсь подь деревомъ визирь нашель царевича въ кровавыхъ ранахъ. Онъ привелъ въ чувство Джимшида, который разсказаль о борьбѣ его съ морскими драконами, нанесшими царевичу раны послѣ убійства чудовища. Ночью они уснули подь деревомъ, и вотъ показался необыкновенный свѣтъ, а въ немъ красавица, какъ она сама объяснила, бывшая плѣнница дракона. Въ благодарность за избавленіе отъ плѣна она научила визиря травами приставить къ царевичу оторванную ногу и дала хлѣбъ съ виномъ на ту ночь для подкрѣпленія силъ.

Утромъ отправились въ дорогу и трое сутокъ оставались безъ пищи и питья. Достигли, наконецъ, чуднаго сада съ маленькимъ прудомъ въ серединѣ. Садовникъ старикъ пригласилъ ихъ отдохнуть и отвѣдать плодовъ. Царевичъ вошелъ, а визирь остался за оградой. Старикъ между тѣмъ послалъ одного изъ своихъ людей куда-то, который по выходѣ изъ сада превратился въ тигра. Визирь поймалъ его и требоваль открыть, что они за существа. Оказалось, что они «рабы» (*qmāni*) змѣи Алмасы и спѣшать къ нему донести о дарованной ему чарами человѣческой жертвѣ. Визирь связаль его и вызваль царевича изъ сада, котораго забавляль бесѣдой и угощеньями старецъ, въ ожиданіи волшебнаго Алмасы, владѣвшаго садомъ, единственнымъ мѣстомъ отдыха на разстояніи 15-ти дневнаго пути. Видя визиря разгнѣвавшимся, старецъ воскликнулъ, и со всѣхъ корней деревьевъ на его зовъ выползли змѣи, которыя окружили Джимшида съ визиремъ. Они убивали мечами, но по свисту старца, онѣ непрерывно появляются, пока визирь не убиваетъ самого старца. Связанный челоуѣкъ-тигръ объяснилъ, что признакъ появленія Алмасы—громъ и молнія и что его нельзя ничѣмъ убить, развѣ съ помощью Божіей. Визирь одѣлъ Джимшида ¹⁾ въ броню и далъ ему привезенное отъ царя кольцо. Явился вскорѣ Алмасы. Происходить грозная битва, въ которой Алмасы убитъ съ «Божьей помощью». Джемшидъ и визирь наслаждаются въ саду, наполненномъ всевозможными плодами, пѣвчими птицами и красивыми бассейнами. Во время сна слышится визирю ржаніе Бедшави и Бедукугма(рти). Просыпается и видитъ «безконечно страшнаго дэви». Кони помогли Джемшиду убить дэви, но возвратиться домой по предложенію визиря онъ отказался и поѣхаль за показавшимся вновь яйцомъ. Оно прикатилось къ одному городу и скрылось въ домѣ старухи. Царевичъ

¹⁾ Въ рукописи дается это имя то въ формѣ Джимшида, то Джемшида.

съ визиремъ вошли къ ней за нимъ и просятъ ее выдать яйцо. Старуха предложила сначала имъ позавтракать, а потомъ поискать яйцо. Здѣсь они замѣтили стеклянную башню, вокругъ которой разливалось что-то въ видѣ смоляного моря. По ихъ настоянію, старуха объяснила, что въ башнѣ сидитъ красавица - царевна, а вокругъ нея обвился черною лентой драконъ.

Этотъ драконъ овладѣлъ городомъ и требовалъ отъ царя каждый день въ жертву по одному человѣку ¹⁾. Царь, выведенный изъ терпѣнія, рѣшилъ оставить городъ, а за нимъ всѣ горожане, оставивъ въ башнѣ царевну, за которой онъ хотѣлъ вернуться. Но драконъ осадилъ башню и лижетъ ее, чтобы достигнуть царевны. Я же, говоритъ старуха, замѣтивъ, что всѣ бѣжали, поставила котель съ пищей, которую и съѣлъ драконъ, когда онъ утромъ послѣ бѣгства царя тщетно поджидалъ себѣ обычную человѣческую жертву. Драконъ тогда пошелъ по городу и набрелъ на мой котель, и съ тѣхъ поръ я условилась давать ему пищу. Она послѣ этихъ словъ отнесла къ дракону котель, который затрудняется поднять тысяча человѣкъ. Вернувшись, она сказала, что драконъ полззалъ башню на столько, что красавица стала видна и что она отъ страха умереть, какъ ея служанки, или же башня развалится. Связавъ цѣпью старуху, Джемшидъ вступаетъ въ борьбу съ дракономъ и убиваетъ его, а красавица, Бепари, выходитъ изъ башни. Старуха донесла Саулу царю о позорномъ похищеніи его дочери. Войско царское дѣлаетъ нападеніе на Джемшида въ полѣ, гдѣ онъ почиваетъ съ Бепари, съ будущей Хатаетской царицей. Саулъ потерпѣлъ поражение. Тогда онъ чарами снизвелъ съ неба дракона, который окружилъ Джемшида и Бепари. Драконъ ими убитъ, но царь дѣлаетъ новое нападеніе. Видя это царевна, привязавъ платокъ къ шеѣ, проситъ Джемшида уйти, такъ какъ мстительный отецъ не оставитъ его: или убьетъ его, или самъ погибнетъ. Царь дѣйствительно, вскорѣ убитъ, войско разсѣяно, Джемшидъ ѣдетъ дальше и попадаетъ въ очарованный городъ дэвовъ. Визирь и Джемшидъ обращаются въ камень, Бепари оплакиваетъ царевича-жениха. Трое сутокъ вмѣстѣ съ явившейся къ ней для выраженія сочувствія женою дэви лила слезы на трупы и молила Бога о спасеніи окаменѣвшихъ ²⁾. Во снѣ на четвертый день Джемшидъ ей сказалъ, чтобы она зарѣзала Бедукетури (коня) и его спинною частью обвила оба трупа. Этимъ средствомъ, ею примѣненнымъ, они воскресли, жена дэви пригласила ихъ въ чудный дворецъ и объяснила, что она дочь гре-

¹⁾ Ср. Сказаніе о св. Георгіи у меня „Груз. изводъ сказ. о св. Георгіи“.

²⁾ См. у меня Нар. эпось, стр. 78—9.

ческаго царя и была похищена у нѣжно любящихъ родителей во время одной игры въ полѣ дэви, спустившимся на землю въ видѣ чернаго облака ¹⁾). Она и Бепари понравились другъ другу и тяжело было имъ разставаться. Здѣсь Джемшидъ веселился, охотился и скакалъ верхомъ. Одинъ разъ необузданный конь ускакалъ и привезъ его къ царицѣ демоновъ (Каджи). Визирь погнался за нимъ и встрѣчаетъ на дорогѣ на скалѣ красивую женщину, въ которой Бедшави признала злодѣйку и накинулась на нее. Визирь тогда обнажилъ мечъ, рубилъ женщину, которая превратилась въ безобразную вѣдму. Бедшави выводитъ его на роскошную поляну, гдѣ сидитъ Джемшидъ съ ласковой красавицей, увѣнчанной короною. На зовъ визиря, обращенный къ Джимшиду, волшебная красавица вскрикнула, и потекли войска. Визирь войско перебилъ, а Джимшида на Бедшави привезъ въ городъ дэвовъ, воевалъ съ бѣсами и, простившись съ дочерью греческаго царя, прибылъ въ городъ Алмасы, гдѣ жители имѣли лица въ обратномъ положеніи. Жена змѣи Алмасы, дочь царя Делами торжественно встрѣчаетъ Джимшида и угощаетъ его на славу. Визирь осматриваетъ богатую пекарню съ бассейнами, подвалъ, гдѣ кувшины съ стеклянными крышами; конюшню, въ которой кони съ шелковыми сбруями; замѣчательныя бани съ женскими портретами вокругъ золотыхъ бассейновъ. Затѣмъ приводятъ Джемшиду золотого слона, на которомъ сдѣлано два сидѣнья съ балдахиномъ для Джемшида и Бепари. Съ коронами на головѣ они осматриваютъ «райскій садъ» съ чуднымъ водопадомъ. Ограда его была изъ изумруда и бирюзы; кругомъ пахучій ароматъ; трогательное пѣніе птицъ; жемчужные ковры. Устраивается охота на чудныхъ птицъ и звѣрей, потомъ игра въ мячъ. Слѣдуетъ веселый пиръ, а за нимъ осмотръ драгоценностей царицы. Джемшидъ пишетъ черезъ визиря къ отцу объ избавленіи своемъ отъ чаръ и возвращеніи на родину. Отецъ Томеранъ идетъ навстрѣчу. Слѣдуетъ трогательная встрѣча царя съ царевичемъ и начинается свадьба въ теченіе 12 дней. Джемшидъ возведенъ на престолъ и окруженъ новыми людьми, которые отстранили вѣрнаго слугу. Его вспоминаетъ только тогда, когда у Джемшида пропадаетъ сынъ, порученный на воспитаніе придворнымъ, занятымъ своими интересами. Разъ, когда слуги напились, спустился Каджи и похитилъ мальчика во время игры. Вѣрный его визирь ѣдетъ на своемъ Бедшави и въ виду грозящей опасности отыскиваетъ царевича и возвращаетъ его Джимшиду. Затѣмъ онъ про-

¹⁾ Дэви въ видѣ чернаго облака ср. съ дэви въ образѣ дракона, челоуѣка и другихъ существъ.

щается и просить болѣе не требовать его къ двору. Отъ этого визиря слышалъ обо всемъ приключеніи съ Джимшидомъ второй братъ Русуданы. Если, заключилъ онъ свой рассказъ, мать Джемшида терпѣла и страдала такъ много, то зачѣмъ убиваться Русуданѣ и не ждать отъ Господа облегченія?

ГЛАВА III.

Третій братъ—Гурзи началъ новый рассказъ:

О царѣ желтаго города Гостамѣ и сынѣ его Хосро—христіанинѣ, славномъ героѣ, истребителѣ дэвовъ и демоновъ (каджи).

Отецъ Русуданы послалъ младшаго сына къ франкскому ¹⁾ царю для приписенія ему поклона. На возвратномъ пути онъ встрѣтился съ караваномъ, и одинъ изъ купцовъ рассказалъ о чудномъ царѣ Нушерванѣ—христіанинѣ, милостивомъ, справедливомъ и щедромъ ²⁾. Юноша отправился видѣть своими глазами благополучное царство. Оно оказалось лучше, чѣмъ онъ зналъ по рассказамъ. Его вниманіе обратили 500 церквей и монастырей, ежедневная раздача пищи неимущимъ и щедрья милости. Онъ представился царю, который его полюбилъ какъ сына. Разъ во время игры въ нарды царя съ старшимъ визиремъ, послѣднему донесли о неожиданномъ рожденіи сына. Воспитаніе красавца-мальчика поручили брату Русуданы, который выучилъ его играть въ мячъ, ѣздить верхомъ и охотиться. Бездѣтному царю также послалъ Господь сына Хосро. Визирь и юноша — воспитатель пришли его по-³⁾здравить. Царь угостилъ ихъ обѣдомъ съ пѣніемъ и музыкой ³⁾.

Отъ царя морей Бараспа прибылъ посоль, который доложилъ именемъ царя, что его сынъ Барзумъ отличается необыкновенной физической силой, подобенъ льву и не одинъ герой не можетъ съ нимъ состязаться. Поэтому, для предотвращенія его гнѣва, онъ требуетъ уступки—Желтой скалы, которой раньше у Нушервана никто не оспаривалъ. Нушерванъ отказалъ въ требованіи по совѣту брата Русуданы, который надежду возлагалъ противъ грознаго Барзума на быстро ра-

¹⁾ Франками называются вообще европейцы.

²⁾ Нуширванъ-Адиль (справедливый), болѣе извѣстный у европейцевъ подъ именемъ царя Хозрая и послѣдователемъ философіи Платона, былъ третій сынъ Кей-Кобада и современникомъ мусульманскаго пророка Мухаммеда. Ему приписываютъ построеніе гор. Дербенда. См. *М. Амихановъ-Аварскій Тарихи Дербендъ-Наме*. Тифлисъ.

³⁾ При первомъ свиданіи съ ребенкомъ онъ далъ 500 пиури нанѣ.

стущаго сына визира. Хосро же родился именно во время выступленія Нушервана въ походъ противъ Барзума. Ребенокъ, будучи одного мѣсяца, былъ похожъ на годовалаго, годовалый былъ строенъ, какъ десятилѣтній, «философы и риторы не могли воспѣть достаточно его красивую наружность». Разъ во время игры въ альчики онъ заявилъ отцу, что ему пора вооружиться и сѣсть на коня. Въ товарищи къ нему братъ Русуданы приводитъ четырехлѣтняго сына визира: «Утромъ, когда солнце розовымъ блескомъ засіяло и развѣяло мракъ», царь вышелъ въ поле съ вельможами. Сынъ визира, Заваръ, по внушенію брата Русуданы, мимо царя проѣхалъ верхомъ, въ полномъ вооруженіи. Царю понравился неизвѣстный юный всадникъ и подозвалъ къ себѣ. Оказалось, что онъ сынъ его визира. Царь пожелалъ съ этимъ ребенкомъ воспитывать Хосро, какъ онъ самъ воспитывался у отца Завара. Стали дѣти расти вмѣстѣ играть и охотиться. Царевичъ ¹⁾ подхватывалъ мечъ, какъ буря, летѣлъ, какъ соколъ. Хосро настоялъ на своемъ желаніи отправиться въ табунъ, чтобы выбрать себѣ коня. Здѣсь онъ нашелъ чудную лошадь, но она ускользнула изъ его аркана. Заваръ между тѣмъ далъ знать царю о необходимости прислать войско, такъ какъ царевичъ морской часто посѣщаетъ тѣ мѣста и опасность угрожаетъ его сыну. Заваръ предлагаетъ Хосро отдохнуть отъ погони за конемъ и погулять на берегу моря. «Показались желтыя скалы, окутанныя гробовымъ молчаніемъ: солнце съ высоты такъ ярко освѣщало, что можно было принять за пожаръ. Лучи его переливались по поверхности моря и полей (стр. 223). Здѣсь подошла собачка съ письмомъ на шеѣ отъ Кетеоны ²⁾, осужденной дьяволами-дѣвами на сожженіе. Она—внучка царя желтаго города Гостапаба. Мать ея—дочь франскаго царя, а отецъ былъ параличемъ разбитъ и въ день свадьбы только открыла царица, что онъ не можетъ встать съ мѣста. Царь усыновилъ одного ребенка визира, и этотъ ребенокъ былъ возведенъ впоследствии на престолъ. Она дочь этого послѣдняго царя и по смерти матери, на которую покушался Барзинъ, она получила ключи отъ сокровищъ и чудесный недоуздокъ;—имъ только можно поймать понравившагося Хосро коня, который поможетъ истребить дѣвовъ и Барзума. Хосро влюбился въ эту неизвѣстную красавицу и просилъ переслать недоуздокъ. Собачка (Гошіа)

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ въ текстѣ сравненіе съ Таріелемъ героя повѣсти „Русуданіани“. Это сравненіе свидѣтельствуетъ о томъ, что она появилась послѣ поэмы Ш. Руставели „Барсова кожа“.

²⁾ Кетеонъ-Кетевана.

полетѣла и вскорѣ какой-то *монахъ* принесъ недоуздокъ, которымъ поймали коня. Приблизился Барзумъ съ войскомъ и требовалъ съ угрозою чрезъ посла выдачи коня. Хосро отвѣтилъ, что онъ выбралъ его въ собственномъ имѣніи изъ своего табуна, никому не даетъ отчета и изъявилъ желаніе бороться съ нимъ. Первая борьба произошла между Заваромъ и Улхузомъ—гигантомъ, выставленнымъ Барзумомъ. Улхузъ нанесъ смертельный ударъ Завару, свалилъ его коня и подлетѣлъ, чтобы снять съ него голову, но на помощь посилъ Хосро, крикомъ его остановилъ, а потомъ и убилъ. Побѣду отпраздновали пиромъ.

Вторая битва столкнула Хосро съ самимъ Барзумомъ, который гордился своею опытностью и считалъ противника молокососомъ. Послѣ второго состязанія Барзумъ, однако, былъ убитъ противникомъ послѣ упорнаго нанесенія другъ другу ударовъ булавою. Вспыхнула битва, подобно которой никогда не бывало. Войско обратилось въ бѣгство. Затѣмъ Хосро убиваетъ еще дѣва Арджава и его спутниковъ, обитавшихъ въ тѣхъ скалахъ. Кровь лилась рѣкою, трупы наполнили поля. Господь покровительствовалъ *христіанамъ*. Страшная битва произошла еще съ дѣвомъ Акакутомъ: отъ брони ихъ сыпался огонь. Дѣви убитъ. Перебивъ чудовища, окружавшія Кетевану, Хосро съ Заваромъ отправился къ ней. Но башня ея оказалась, за неимѣніемъ лѣстницы, недоступной. Хосро обидѣлся, что въ городѣ его никто не встрѣтилъ, какъ избавителя. Ему донесли, что у подножія башни живетъ няня Кетеваны, имѣющая свинцовую (?) лѣстницу. Зангъ, ихъ сопровождавшій, распространилъ вѣсть о приходѣ въ городъ Хосро. Лѣстницу приставили, поднялись въ башню, гдѣ нашли «солнцеподобную красавицу, стройную, черно-окую, съ рѣсницами, какъ стрѣлы дубовыя. Ланиты горѣли, какъ утренняя заря, губы сіяли подобно майской розѣ; жемчужные зубы, хрустальный лобъ, черные волосы, обвивающіе шею, дополняли чудную наружность царевны. Хосро упалъ въ обморокъ отъ блеска сіяющей красавицы. Розовой водой его привели въ чувство. Жители просятъ отпраздновать свадьбу въ ихъ городѣ, но Хосро считаетъ долгомъ сдѣлать участниками этого торжества своихъ родителей. Предварительный праздникъ устраивается, и Хосро получаетъ цѣнные подарки. Раздавъ въ свою очередь дары церквамъ и вельможамъ и народу, Хосро велѣлъ болѣе не откладывать поѣздки и приготовить тронъ съ балдахиномъ (паланкинъ) для Кетеваны. При звукахъ трубъ и литавръ («коси, нагара и даи») собралось войско и при кликахъ радости спроводили Хосро. По желанію Хосро они прибыли къ родителямъ ночью скромно,

когда тѣ слезно молились. Происходитъ трогательная встрѣча родителей съ сыномъ и его невѣстой Кетеваной. 15 дней продолжается свадьба: 300 нищихъ и церкви одарены щедро. Онъ возведенъ на престоль. Кетевана сіяла въ бѣломъ платьѣ при выѣздѣ на слонѣ. Отецъ благословилъ и сказалъ: «царствуй благополучно и никогда не оставляй Бога, не отказывай въ милости бѣднымъ и будь скромнѣе въ своихъ желаніяхъ, избѣгай кровопролитія и несправедливаго покровительства своимъ родственникамъ». Пробывъ 15 лѣтъ у царя Гостапа, братъ Русуданы сталъ отпрашиваться домой, увѣренный, что отецъ безпокоится о запропавшемъ сынѣ. Желтый городъ получилъ съ воцаренія Хосро названіе «счастливаго города». Управление приморской частью молодой царь поручилъ Завару, которая измѣнилась, благодаря его заботамъ такъ, что стала неузнаваема.

Во время одного пира Хосро донесли, что Заваръ раненъ дракономъ и ждетъ помощи отъ царя. Выяснилось, что драконъ выползъ изъ моря, убилъ 12 человекъ Завара, а послѣдній хотя и поразилъ чудовище, но получилъ смертельную рану. Немедленно прибылъ Хосро къ любимцу своему и сталъ плакать. Нужно вспомнить, что при рожденіи Хосро получилъ отъ грифа перо, которое достаточно было при опасности царевичу поджечь, чтобы онъ явился на помощь ¹⁾. Графъ вылетѣлъ изъ скалы и по указанію Хосро онъ сталъ высасывать ядъ изъ раны Завара, пока онъ не пришелъ въ сознаніе, а потомъ обсыпалъ рану травой; чрезъ недѣлю Заваръ отправился. Гурзи (братъ Русуданы) тогда попрощался съ Хосро и вернулся къ горящимъ родителямъ по прошествіи многихъ лѣтъ. «Обожди и ты, — обращаясь къ Русуданѣ, говоритъ онъ, — получишь и ты утѣшеніе».

Началь четвертый братъ Барамъ.

ГЛАВА IV.

Разсказъ о Караманѣ, царѣ Уруми и сынѣ его Каисѣ, пріятный для слуха, извѣстный подъ именемъ Каисріани (263).

Былъ знаменитый и щедрый царь Караманъ Урумскій. Городъ его имѣлъ въ окружности пространство, которое можно обойти въ 7 дней. По воскресеньямъ (*кѳиріакѳе*) онъ угощалъ самъ нищихъ, умывалъ имъ руки, одѣвалъ голыхъ, раздавалъ «плури» венмушамъ. По понедѣльникамъ во второмъ дворцѣ онъ надѣвалъ царскую порфиру

¹⁾ Ср. Распространенный мотивъ въ груз. народныхъ сказкахъ.

и творилъ правый судъ съ утра до 11 часовъ вечера. Во вторникъ въ третьемъ дворцѣ устраивалъ роскошный пиръ, въ присутствіи вельможъ и назначалъ имъ въ управленіе города и области, въ среду въ четвертомъ дворцѣ открывалъ клады и раздавалъ всѣмъ щедрой рукой, въ четвергъ въ пятомъ дворцѣ распредѣлялъ вооруженія и коней, въ пятницу въ шестомъ дворцѣ игралъ въ мячъ съ вельможами и съ ними же отправлялся на охоту, а въ субботу въ седьмомъ дворцѣ, въ присутствіи царицы и придворныхъ дамъ давалъ обѣдъ съ музыкой и съ пѣніемъ. Такъ радостно проходили дни. Когда распространилась вѣсть о беременности царицы, то радость еще болѣе возросла. Родился у нихъ сынъ Каисъ. Царь былъ въ это время на охотѣ и вѣстнику о появленіи наслѣдника даны были имъ цѣнные подарки. На обѣдѣ, заданномъ въ полѣ, царь велѣлъ визирямъ посмотреть въ *книгу счастья*. Первый «философъ-мунаджибъ» предсказалъ, что царевичъ будетъ неописанной и небывалой красоты и приобрететъ новыя государства, второй прибавилъ, что онъ будетъ неустрашимый герой и побѣдитъ львовъ и богатырей, третій замѣтилъ, что онъ будетъ мудръ, свѣтелъ, какъ мѣсяцъ и сразитъ драконовъ, но по «астролябіи» опредѣлили, что въ юности царевичъ свергнетъ отца въ горе и слезы. Опечалился тогда царь, но вскорѣ оправился и радостно прибылъ въ городъ, осыпалъ царицу жемчугомъ и открылъ сокровища для подаенія нищимъ. Для избѣжанія грядущей, по предсказанію, опасности, онъ велѣлъ вырыть яму, построить домъ и тамъ съ няней поселить царевича ¹⁾. Онъ тутъ росъ быстро и четырехъ лѣтъ уже обнаружилъ громадную силу. Его забавляли играми, музыкою, пѣніемъ. Разъ онъ задумался и спросилъ няню: пѣвцы часто упоминаютъ объ отцахъ и матеряхъ,—вѣдь у каждаго есть отецъ и мать,—а у него развѣ ихъ нѣтъ? Или задавалъ вопросъ: что такое небо и земля? Няня, желая его отклонить отъ этихъ тревожныхъ вопросовъ, отвѣчала, что люди созданы, чтобы ѣсть готовую пищу и наслаждаться блескомъ свѣта и огня. Мальчикъ сталъ сомнѣваться въ подобномъ назначеніи человѣка, подошелъ въ гнѣвъ къ стекляннымъ дверямъ и толкнулъ ихъ силою, выломалъ и выбѣжалъ па дворъ.

Жители, видя его на улицѣ, въ изумленіи частью поспѣшили скрыться, частью же съ почтеніемъ кланялись ему. Сначала царь, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался, но въ виду красоты сына, плѣнился имъ и рѣшился не заключать его болѣе въ подземный городъ. Ребенокъ радовался, что нашелъ родителей. Мать упала въ обморокъ отъ

¹⁾ Ср. у меня Очерки по исторіи груз. слов. вып. I, стр. 112 и сл. Сказки о красотѣ и Али.

напыла чувствъ, но съ возвращеніемъ сознанія ласкала и нѣжила сына. Въ игрѣ въ мячъ вскорѣ онъ проявилъ такую ловкость, что всѣхъ привелъ въ изумленіе. Пожелалъ онъ затѣмъ идти на охоту, хотя родители пытались его удержать дома. Считаая обиднымъ для себя не испробовать силъ въ борьбѣ съ звѣрями, онъ вмѣстѣ съ отцемъ и ви-зирами собирается на охоту. Убиваетъ онъ здѣсь двухъ львовъ, тигровъ и много звѣрей, но, наконецъ, псявляется драконъ, который приводитъ всѣхъ въ трепеть. Каясъ беретъ три стрѣлы и, не смотря на слезы отца, выступаетъ противъ дракона. Царевичъ убиваетъ и это чудовище.

Затѣмъ отецъ показавъ ему 7 дворцовъ, но восьмой, въ скалѣ вырытый, онъ скрылъ отъ него. Каясъ рѣшилъ однако его посѣтить. Написавъ «завѣщаніе», что идетъ осматривать таинственный дворецъ и пусть его никто не ищетъ, пока самъ не вернется. Перескочивъ черезъ ограду дворца, онъ остановился передъ наглухо заколоченною дверью. Попытки ея отворить были тщетны. Онъ уснулъ отъ изнеможенія. Во снѣ явился старецъ и посоветовалъ ему вытащить изумрудный камень изъ стѣны, послѣ чего дверь отворится. Войдя такимъ образомъ во дворецъ, онъ былъ пораженъ пріятнымъ голосомъ, который его усыплялъ. Тотъ же старецъ предложилъ снять «багровую плиту» и узнаетъ тогда, кто издаетъ очаровательный голосъ. Открылась ему узкая дорога, на которую онъ неизвѣстной силой былъ направленъ. Вышелъ онъ на чудную поляну, усѣянную роскошными деревьями. Черезъ 7 дней приблизился къ одной свѣтящейся горѣ. Здѣсь былъ разведенъ садъ, окруженный серебряной водой. У ограды сада, въ исканіи двери, онъ уснулъ. Тотъ же старецъ явился и указавъ ему маленькій входъ съ верхней части сада. Онъ былъ чудно усаженъ плодовыми деревьями, теплыми и холодными бассейнами. 120 лѣтній не старецъ могъ объяснить царевичу откуда ему слышатся райскіе напѣвы. Юношѣ вдали померещился блескъ, который оказался болѣе чуднымъ садомъ съ золотой оградой. Старецъ сторожъ и тутъ ничего не могъ объяснить Каясу, даже истрепавшейся обуви не въ состояніи былъ ему замѣнить. Третій садъ, который онъ посѣтилъ былъ оберегаемъ незнакомымъ старцемъ, который держалъ скипетръ. Онъ, какъ и первые, любезно принималъ и угостилъ царевича «въ изумрудной бесѣдкѣ». По словамъ старца, тотъ садъ принадлежитъ *Сахмтхуцесу* (гофмаршалу двора), который постоянно пируетъ съ музыкой и пѣніемъ, чѣмъ и объясняется донесшійся до царевича голосъ. Царь же этой земли благородный Шерукъ, который имѣетъ лишь одну красавицу-дочь. По предсказанію астрологовъ (мунаджибовъ) ее долженъ взять только Каясъ, сынъ Урумскаго царя. Четыре царевича уже погибли изъ-за нея въ борьбѣ съ героями Шерука. Старца Каясъ поблагодарилъ

за справки, получивъ притомъ отъ него обувь и платье. Вскорѣ видить онъ, что ѣдетъ на красномъ конѣ человекъ со стрѣлой и двумя дротиками и гонить предъ собой двухъ антилопъ. Поклонился онъ царевичу, привязавъ лошадь, а самъ погналъ антилопъ, говоря: догони ихъ, Каисъ! Одна изъ антилопъ ускакала, а другую самъ хозяинъ убилъ. Обнажилъ кинжалъ, снялъ голову съ коня, котораго подвелъ Каису и исчезъ. Изумился Каисъ. Видить онъ другой ѣдетъ на лиловомъ конѣ съ одной стрѣлой и съ тремя дротиками. Онъ тоже самое продѣлалъ съ тремя антилопами и конемъ. Ѣдетъ третій на черномъ конѣ со стрѣлой и четырьмя дротиками. Поклонился Каису и сказалъ, что онъ, царевичъ, гораздо лучше, чѣмъ предсказалъ астрологъ. Онъ тоже самое продѣлалъ. Ѣдетъ кто-то на золотистомъ конѣ съ стрѣлой и 6 дротиками. Каисъ, предупредивъ, запрашиваетъ, почему ему подводятъ коня, а потомъ убиваютъ. Человекъ отвѣтилъ, что этого коня убивать нельзя, такъ конь, Каисъ и дочь Шерука родились въ одинъ день. Ѣдетъ Каисъ и видить трехъ дѣвъ, изъ которыхъ одна говоритъ, что пріѣхалъ тотъ, кого ждала, вторая замѣтила, что онъ выше похвалъ, третья отклонила голову. Дальше встрѣчается со старцемъ, который на ослѣ везетъ узелъ съ платьемъ, который подаетъ Каису. По дорогѣ всѣ затыя царя прославляютъ и привѣтствуютъ съ давно желаннымъ пріѣздомъ. Встрѣчаетъ его свита царя, въ которой участвуетъ Абрамъ-сахлхуцесъ. Присоединяется войско съ знаменами и музыкой, подводятъ въ даръ 12 коней отъ сахлхуцеса. Появляются новыя войска, принадлежащія тому же Абраму. Каисъ пораженъ силой и богатствомъ Абрама. Каковъ же долженъ быть самъ царь? мелькаетъ у него мысль. Быть можетъ, все это чары! въ недоумѣніи думаетъ онъ.

Сахлхуцесъ его благословляетъ и народъ прославляетъ его. Каиса одариваютъ. Являются послы царя съ просьбой поторопить царевича къ нему. По пути встрѣчаютъ ¹⁾ его, осыпаютъ его драгоценными камнями. Царь устраиваетъ пиръ съ музыкой и пѣніемъ, одариваетъ его щедро и приглашаетъ его жениться на его дочери, которой предсказали эту свадьбу астрологи въ день рожденія царевны. Царица считаетъ его уже возлюбленнымъ сыномъ, который защититъ государство по вступленіи своемъ на престолъ. Каисъ поражаетъ ихъ своею ловкостью въ игрѣ въ мячъ и стрѣлой онъ пробиваетъ въ цѣль серебряный тазъ. Царевна однако не желаетъ выходить за него, сначала

¹⁾ Встрѣчаютъ Бокаулхуцеси, Моларетхуцеси, Базіертхуцеси (начальникъ полиціи, казнохранитель, егермейстеръ). См. объ этихъ чинахъ поздняго происхожденія въ моей ст. жур. *Моамбэ*, 1898.

говоря, что думаетъ остаться дѣвой, а потомъ замѣчаетъ, что Каисъ будетъ желаннымъ для нея женихомъ, если онъ вступитъ въ борьбу съ царскими богатырями. Если семь лѣтъ, говоритъ она, онъ убилъ дракона и душилъ какъ кошекъ, львовъ и тигровъ, то нѣтъ опасности, что онъ погибнетъ, какъ думается отцу, отъ рукъ черныхъ «палавановъ» (т. е. богатый). Каисъ вызываетъ всѣхъ троихъ палавановъ одновременно. Богатыри оскорблены его гордостью. Произошла при звукахъ музыки схватка. Ударъ ихъ булавъ напоминалъ небесный громъ. Въ присутствіи царя и горожанъ Каисъ трехъ палавановъ побиваетъ. Городъ торжествуетъ: иллюминированъ и оглашенъ онъ пѣніемъ. Чудный садъ, гдѣ текли четыре рѣки, исполненъ пахучаго аромата. Тамъ находились статуи птицъ и звѣрей и одного человѣка, сдѣланнаго изъ драгоценныхъ камней. Въ этомъ саду назначенъ былъ роскошный пиръ. Поднялась царица съ царевной на изумрудный тронъ. Возложили на царевну и на Каиса яхонтовья короны и благословили при звукахъ пѣнія и музыки ¹⁾. Осыпали ихъ жены вельможъ и именитыхъ горожанъ драгоценными камнями. Подали посуду изъ яхонта, изумруда, рубина и бирюзы, чаши и кувшины изъ пестрыхъ яхонтовъ. Пѣли за ихъ здоровье и выражали желаніе «о долгоденствіи и благополучіи молодыхъ». Бѣдные были одарены ²⁾. Войска ликовали.

Во время пира донесли Шеруку, что западные, южные и восточные цари вторглись въ его владѣніе во отмщеніе за своихъ сыновей, погибшихъ изъ-за его дочери. Каисъ съ Шерухомъ выступаетъ въ походъ и остается въ непрерывныхъ столкновѣніяхъ съ южнымъ царемъ. Ему здѣсь донесли, что родился у него сынъ. Обрадовался онъ и награждалъ посла городомъ. Царь южный вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы избавиться отъ Каиса. Онъ предложилъ одному изъ своихъ воиновъ переодѣться въ костюмъ воина Каиса и коварно донести, что у него родился другой сынъ. Каисъ въ виду отсутствія своего изъ дому въ теченіе двухъ лѣтъ, заподозрилъ въ женѣ измѣну и въ гнѣвъ возвращается на родину. Ему съ радостью показали царевича— «отраженіе льва», но когда онъ попросилъ привести и другого сына, то царица сочла себя обиженной и подняла кинжалъ, чтобы зарѣзаться. Каисъ извинился и твердо заявилъ отомстить за обманъ. Отпра-

¹⁾ Названія инструментовъ: Коси, нагара, цинцила, барби, оргаго, буки, каманча, танбури, ченчи.

²⁾ Описаніе грозной битвы, торжественное празднованіе побѣды, раздача щедрыхъ подарковъ—общія мѣста въ грузинскихъ героическихъ повѣстяхъ. Ср. „Амиранъ-Дареджаніани“ у меня во II вын. „Очерковъ“.

вляется онъ на помощь Шеруку, который бѣжалъ въ страхъ послѣ нападенія царя южнаго, догоняетъ самого южнаго царя и беретъ его въ плѣнъ. Радость распространилась въ станѣ Шерука, что Господь послалъ такого защитника страны, каковъ Каисъ. Не успѣли отпраздновать побѣду надъ южнымъ царемъ, какъ съ претензiей является царь китайскій съ богатыремъ своимъ *Мазмуръ-дэви*. Но дэви убитъ и китайцы поражены.

Каисъ послѣ этой побѣды вспомнилъ о престарѣлыхъ родителяхъ своихъ и взявъ старшаго своего сына, отправился на родину, давъ клятвенное обѣщанiе женѣ и ея родителямъ вернуться назадъ. Увидѣвъ Каиса, отъ радости народъ, визирь, царь и царица плакали и обнимали его. Слѣдуетъ пиръ и раздача милостыни бѣднымъ и вѣнчанiе Каиса на царство. Но согласно данному слову онъ возвращается къ женѣ и чтобы не дать погибнуть отъ тоски родителямъ своимъ, онъ беретъ ихъ съ собою по совѣту мудрѣйшаго визиря. Эти два царства Карамана и Шерука раздѣляло пространство 6 мѣсячнаго пути. Сахлхуцесъ Шерука первый принимаетъ ихъ съ почетомъ и подарками, которые поражаютъ отца Каиса. По дорогѣ подносятъ имъ драгоценные камни, матерiи, по три царскія короны, коней корчибаши и базiertхуцеси (оберъегермейстеръ, начальникъ полиции). Встрѣчаетъ ихъ войско изъ женщинъ, 100 старцевъ, а самъ Шерукъ съ супругой и дочерью на слонѣ выступаетъ съ привѣтствiемъ. Встрѣча ихъ сердечная. Роскошный пиръ и поднесенiе подарковъ Шерукомъ кончается приглашенiемъ ихъ Караманомъ въ свое царство. Шерукъ съ женою и дочерью отправляется въ царство Карамана и здѣсь воздаетъ имъ должное. «Если Каиса родители ждали такъ долго и Господь его вернулъ, то почему тебѣ, говоритъ братъ Русуданы, не ждать возвращенiе сына съ щедрой милостью отъ царя?»

ГЛАВА V. (332 стр.).

Разсказъ о царѣ нищихъ Нодарѣ и сынѣ его Горджаспѣ.

Отецъ велѣлъ моимъ учителямъ, говоритъ Гиви, чтобы до окончанiя ученiя и ознакомленiя съ страной меня ему не показывали. Юноша въ теченiе года сдѣлалъ большiе успѣхи, изучилъ языки и астролябiю. Съ своими учителями онъ совершилъ путешествiе и по дорогѣ всегда удачно предсказывалъ состоянiе погоды. Миновавъ разъ поля и горы, они приблизились къ дворцу съ садомъ, на стѣнѣ котораго прочитали одну надпись. Она гласила, какъ царь той земли сле-

зами выпросилъ у Бога себѣ сына на склонѣ лѣтъ. Разогнавъ тоску, онъ отправился на охоту и достигъ «суровой скалы, надъ которой и воронъ не пролеталъ и тигръ не проходилъ».

Здѣсь вздумалъ онъ построить себѣ бесѣдку изъ камня этой скалы. Надпись проситъ всѣхъ отдохнуть въ тѣни сада и посылаетъ проклятіе тому, кто разрушитъ бесѣдку. По вычисленію оказалось, что бесѣдка построена за 700 лѣтъ до прихода туда юноши съ визиремъ. Проводникъ ведетъ ихъ до царскаго дворца. Царь Нодаръ ихъ угощаетъ, и во время игры докладываютъ ему о рожденіи Гварджаспа или Горджаспа. По порученію царя, Гиви «согласно съ астролябіей» предсказалъ, что царевичъ будетъ необыкновенной силы, истребитъ дѣвовъ и водворитъ въ странѣ добрый порядокъ. Въ ту же ночь родилось еще 6 существъ: чернѣй соловей, зеленый воробей, бѣлая змѣя, красный дѣви и дочь сѣвернаго царя. Соловей явится помощникомъ царевича, а остальные родившіяся существа будутъ служить счастью царевны. На 15 году онъ потеряется, но вернется съ громомъ побѣды. Нужно во всякомъ случаѣ сажать его на коня дѣда, надѣвать сапоги съ четырьмя гвоздями, не лишать его дѣдовскаго кольца, брони и булавы, а при этихъ условіяхъ дѣви и драконы не причинятъ ему никакого вреда. Когда царевичу, по расчету Гиви, исполнилось 14 лѣтъ, онъ отпросился у отца и отправился провѣдать Горджаспа. Юноша уже отличался всѣми воинскими добродѣтелями и красотой. Одѣлся онъ разъ въ броню, взялъ копье и булаву, сѣлъ на дѣдова коня и ускакалъ. Его сопровождалъ Гиви, соловей и воробей. Убиваетъ онъ по пути зеленую змѣю, за нею бѣлую, которая предъ смертью совѣтуетъ ему прикрѣпить ея глаза къ бронѣ, и они защитятъ отъ огненнаго дождя краснаго дѣви, желчью обмазать свои глаза, чтобы защищать ихъ отъ пара испускаемаго дѣви, кольцо надѣтъ на руку, которое покажетъ его дѣвамъ въ образѣ дѣви и утешитъ послѣднихъ. Горджаспъ приблизился къ красной скалѣ, гдѣ обитала красная змѣя (-дѣви). Воробей, его сопровождавшій, поднялся на скалу, но она стала издавать трескъ, подобно ружейнымъ выстрѣламъ. Паръ, издаваемый дѣви, покрылъ небо, но не причинилъ вреда Горджаспу. Дѣви сначала угрожалъ съ высоты скалы, потомъ спустился и завязался бой. Побѣдителемъ остался Горджаспъ. Онъ отказался жениться на дочери царя Пахпура ¹⁾ и пошелъ съ Гиви далѣе. Встрѣтился съ черными дѣви и ворономъ. Послѣдній хотѣлъ выколоть глаза во снѣ у Горджаспа и, зная это намѣреніе хищной птицы, соловей посоветовалъ застрѣлить ее. Сразивъ дѣви, ему пришлось столкнуться со львами,

¹⁾ Пахпуръ значить въ переводѣ приблизительно „хвостунъ“.

которые его до смерти изранили. Опасаясь на другой день болѣе страшнаго боя, Гиви предложилъ ночью отправиться къ показавшейся башнѣ, прося Бога не давать умереть царевичу гдѣ-нибудь на дорогѣ отъ кровоизліянія вдали отъ любящихъ родителей. Гиви утѣшаетъ мужественнаго царевича, что не предстоитъ умереть отъ этой раны.

Оставивъ коней на попеченіи соловья и черной птички (воробей), они вошли въ башню, которая оказалась богато убранной и наполненной яствами и всевозможными напитками. Уложивъ Горджаспа, Гиви сталъ бродить по башнѣ и попалъ въ одну комнату, гдѣ онъ сыскалъ лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней и между прочимъ «источникъ жизни». Подалъ онъ «воды» раненому и послѣдній, почувствовавъ облегченіе, уснулъ. Гиви потомъ открываетъ муку, серебряное торне (печь), кувшины съ масломъ. Наконецъ, предъ нимъ открылась постель, въ которой лежала женщина, держа въ рукахъ завѣщаніе Она заключаетъ скорбь на индійскомъ языкѣ няни (Шавбеди)¹⁾ по героѣ Заріарѣ. Няня, по завѣщанію была сестра индійскаго царя Горшараба, который предъ смертью старшаго возвелъ на престоль, а младшаго грудного ребенка отдалъ ей на воспитаніе. Когда онъ подросъ, то няня тетка привела его къ старшему брату: царю, который его очень полюбилъ за красоту и ловкость. Но близкіе къ царю хотѣли разлучить ихъ и внушили царевичу мысль искать себѣ невѣсты въ отдаленномъ государствѣ. Несмотря на попытки царя отклонить его отъ предпріятія, братецъ съ войскомъ и неразлучной теткой—отправился за невѣстой и остался временно въ полѣ, перерѣзанномъ прозрачными рѣками и усѣянномъ богатой растительностью; войску онъ велѣлъ построить себѣ городъ, а для себя возвелъ эту мраморную башню. Долго онъ жилъ тутъ, а потомъ исчезъ. Няня осталась въ неизяснимой горести. Прочитавъ надпись, Гиви спустился къ Горджаспу, подрѣшилъ его силы пищей, а на другой день онъ былъ въ состояніи ѣхать далѣе, розыскивая невѣсту. Черная птица донесла ему о дѣвахъ по пути. Дѣйствительно, окружили Горджаспа чудовища, но вооружившись «кольцомъ змѣи» и 12 дротиками, въ присутствіи жителей ближайшаго города, онъ истребилъ дѣвовъ и за нимъ драконовъ, осаждавшихъ цѣлый городъ. Подошли къ царю этого города, на дочери котораго и желалъ жениться Горджаспъ. Отецъ, довольный его ловкостью въ игрѣ въ мячъ, не соглашался выдать дочери безъ ея согласія. Во время пира Горджаспъ выпилъ лишнее и, заглядѣвшись на красавицу, подрѣзалъ себѣ палецъ. Дѣвица, видя это заупрямилась выйти за него. Въ безсознательномъ состояніи вынесли

¹⁾ Шавбеди—въ переводѣ „несчастный“ или „несчастливая“.

Горджаспа, три дня был онъ при смерти, но различными лѣкарствами, даваемыми Гивомъ, онъ оправился.

Царь, опасаясь войны съ такимъ героемъ, какъ Горджаспъ, уговариваетъ жену отдать за него дочь свою, а Горджаспа умоляетъ не покидать его. Невѣста, «со сверкающими слезами на глазахъ, какъ утренній дождичекъ на распутившейся розѣ», была наряжена и отпраздновали свадьбу, на которой Горджаспъ получилъ драгоценные камни, ткани, короны и оружія. Пиръ продолжается въ Желтомъ городѣ при звукахъ музыки и пѣнія. Гиви отправился къ Нодару привѣтствовать съ возвращеніемъ сына съ представителями 9 государствъ и 6 царями. Отецъ приказалъ свѣять трауръ и ждать съ нетерпѣніемъ встрѣчи съ столь давно пропавшимъ сыномъ. Цари подносятъ Горджаспу короны, ткани, драгоценные камни, выбираютъ для него лучшихъ слоновъ и коней. По случаю торжественной встрѣчи сына съ отцомъ, выѣхавшимъ къ нему на дорогу, устраиваетъ пышный пиръ, на которомъ участвуютъ райскія птицы, издающія ангельскіе голоса, и сопровождаютъ дѣвицы, возсѣдавшія на богато убранныхъ искусственныхъ слонахъ и поющія чудные мотивы»... «Клянусь,—говоритъ рассказчикъ вашимъ именемъ и солнцемъ моей сестры Русуданы,—что отъ пласуновъ и разноцвѣтно одѣтыхъ воиновъ все поле покрылось яхонтовымъ блескомъ». Богатство на пиршествѣ, данномъ сопутствующими царями,—изъ нихъ Сакаль царь отличился больше другихъ,—было поразительное: у трона расположились дворяне (*азнаурры*), вельможи (*дидебули*) и чиновники, которые держали въ рукахъ на блюдечкахъ серебро (тетри) и плури, на золотыхъ лазуревыхъ (изумрудъ), на агатовыхъ топазъ, на топазовыхъ сердоликъ, на сердоликовыхъ бирюзу, на бирюзовыхъ блюдечкахъ рубины, на рубиновыхъ изумрудъ, на изумрудовыхъ яхонты, на яхонтовыхъ жемчугъ.... Палатку царя, на золотыхъ столбахъ, окружали съ распущенными перьями павлины. Въ ней стояло два трона съ коронами, освѣщая ночью все кругомъ, какъ свѣчи.

Возсѣли Горджаспъ и его супруга, а свита поднесла ему на подносѣ (табаки) плури, жемчуги, честные камни. Воскурили амбріи и мускусъ. Подносятся благовонные напитки и сладости—сахаръ и «нукли». Кони, овцы, верблюды, соколы, коровы, гончія собаки по 500 и 1000 приносятся въ даръ имъ, вмѣстѣ съ порфирой, скипетромъ и цѣннымъ вооруженіемъ. Послѣ этого пира Горджаспъ ѣдетъ къ матери, которая при его видѣ падаетъ въ обморокъ отъ радости. Приводятъ ее въ сознаніе, и она обнимаетъ сына нѣжно. Свадьба празднуется въ теченіе 5 дней. Жители города представляются Горджаспу по очереди и приносятъ ему

поздравленіе съ возвращеніемъ. Послѣ пятилѣтняго отсутствія и Гиви сталъ прощаться съ Горджаспомъ. Послѣдній предлагаетъ ему въ жены дочь царя Папхура или Сакала и взять одинъ изъ преждезавоеванныхъ городовъ въ благодарность за оказанную ему дружбу и службу. Опасаясь задержки и стремясь на родину, Гиви велѣлъ приготовить прислугѣ хорошихъ коней и бѣжалъ тайкомъ вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ палатамъ. «Вотъ сравни по этому разсказу свое положеніе со состояніемъ родителей Горджаспа и что они сдѣлали? Зачѣмъ въ радость дьявола и сатаны сокрушать себя?»

Шестой братъ привелъ разсказъ одного царя о бѣдствіяхъ, съ нимъ приключившихся.

ГЛАВА VI.

Разсказъ Омана о царѣ Ибреимѣ. (414).

Отецъ послалъ Омана по дѣлу въ страну Ленсъ, гдѣ царствовалъ Ибреимъ. Такъ какъ онъ слышалъ о царѣ много хорошаго, то пожелалъ видѣть его и съ подаркомъ явился къ нему. Былъ онъ принятъ имъ ласково и одаренъ щедро. Прибылъ еще одинъ купецъ къ царю съ приношеніемъ. За нимъ пастухъ съ баранами. Царь обратилъ вниманіе на двухъ мальчиковъ, сопровождавшихъ пастуха. Купцу они также понравились во время ихъ игры и предложилъ пастуху продать мальчиковъ, отбитыхъ имъ, какъ оказалось, у волковъ. Сначала пастухъ заупрямился, а потомъ отдалъ ихъ за 1000 тумановъ (=10,000 р.) Царь опечалился. Онъ неожиданно велѣлъ повѣсить купца и отрубить голову пастуху. Народъ былъ въ недоумѣніи въ виду такого поступка справедливаго царя. На четвертый день только показался онъ и призвалъ къ себѣ Омана, который упрекалъ его въ жестокомъ обращеніи съ иноземцами. Царь объяснился. Онъ былъ, оказалось, не изъ царскаго рода той земли, а онъ Исмаиль Чалаби. (?) Растерявъ все состояніе, онъ остался въ нищенскомъ положеніи съ женой и двумя дѣтьми. Отправился онъ съ ними въ одинъ городъ, гдѣ на базарѣ нашель цѣнный камень, продалъ его и купилъ топоръ, который далъ ему возможность рубить дрова въ лѣсу, продавать ихъ и зарабатывать такимъ путемъ семьѣ пропитаніе. Въ одинъ день дѣти объявили возвратившемуся домой отцу, что жена его ушла съ какимъ-то купцомъ. Отецъ взялъ дѣтей и погнался за караваномъ. На берегу одной рѣчки онъ оставилъ одного ребенка и переправился съ другимъ черезъ мостъ, а вернувшись за первымъ, онъ замѣтилъ, что его тащитъ волкъ ¹⁾

¹⁾ Ср. Груз. сказку.

Онъ сталъ плакать, а въ это время второго ребенка на другой сторонѣ рѣки похитилъ другой волкъ. Отъ утомленія и погони онъ уснулъ и во снѣ ему сказали, что онъ находится въ странѣ Леисъ и пусть идетъ къ царю для услуженія. Попалъ онъ на дворъ царя. Его толкнули наравнѣ съ другими въ грязь и велѣли топтать ее, вмѣсто ожидаемой награды платьемъ, о которой ему сказали по дорогѣ. Въ изнеможеніи онъ только *по-грузински* сказалъ, что «Богъ—такой царь, который можетъ изъ грязи возвести человѣка на престолъ». Услышавъ это царь, разгнѣвался и велѣлъ его связать и бросить въ ящикъ, утыканный гвоздями. Каждый день приходилъ къ нему царь и съ злорадствомъ напоминалъ о тщетно произнесенныхъ словахъ и надеждѣ на Бога. Заключение обращалъ только взоры къ Господу, и въ такихъ мученіяхъ провелъ годъ въ темницѣ. Царь вскорѣ умеръ. Народъ заключеннаго въ ящикъ освободилъ, обрилъ, вымылъ и неожиданно возвелъ на престолъ, давъ ему имя Ибрема. Когда купецъ заявилъ ему о покупкѣ мальчиковъ, то у него усилилось подозрѣніе, не его ли это дѣти, которыя такъ были похожи. Одѣвшись въ платье простолюдина онъ подошелъ къ дому, гдѣ жили эти дѣти вмѣстѣ съ одной красивой женщиной. Мальчики заспорили съ слугой, который съ ними обращался грубо. Они сказали, что у ихъ отца 1000 такихъ слугъ, каковы они. Услышала это женщина, подошла, спросила ихъ и оказалось, что она мать ихъ. На другой день царь собралъ свѣдѣнія о пастухѣ, гдѣ и какъ нашелъ дѣтей, въ которыхъ онъ призналъ своихъ. Одного отнял у волка пастухъ, а другого табунщикъ, который уступилъ ребенка пастуху, какъ человѣку, способному лѣчить раны, нанесенныя волкомъ дѣтямъ. Пастухъ же продалъ ихъ, такъ какъ они убивали агнѣтъ и причиняли безпокойство. Призвавъ затѣмъ купца, царь узналъ, что его жену онъ нашелъ въ заброшенной избѣ, разлучилъ съ дѣтьми, посадилъ ее въ ящикъ и привезъ на верблюдѣ домой, но она потребовала въ отношеніи къ нему остаться сестрой. Купца царь убилъ за то, что онъ отнял у него жену, а пастуха за то, что онъ продалъ его дѣтей его врагу. Возвели же его на престолъ по слѣдующему соображенію: у царя, его гонителя, былъ братъ Исмеиль, котораго народъ за его ловкость, красоту и доброту очень любилъ. Царь возненавидѣлъ его, и братъ его вскорѣ исчезъ. Народъ однако замѣтилъ, что къ кому-то царь каждый день ходитъ въ темницу и объяснили это тѣмъ, что царь посѣщаетъ брата. Когда же онъ умеръ, то освободили его изъ заточенія, принимая его за пропавшаго царскаго брата и провозгласили царемъ. Онъ сталъ отказываться отъ престола, предоставляя его своему ребенку, но народъ упрямилъ остаться, говоря, что Иосифъ, сынъ Іакова былъ про-

данъ, и самъ царь пророкъ Давидъ помазанникъ воспитался въ полѣ среди пастуховъ и овецъ, поэтому царю, перетерпѣвшему, какъ Іовъ, не будетъ неприлично быть съ дѣтьми, воспитанниками пастуха, и тотъ на старости лѣтъ уступить имъ престоль. Такъ Господь спасъ отъ бѣды Исмаила и наградилъ его радостями. «Тебѣ, Русудана, слѣдуетъ потерпѣть и не огорчать братьевъ и родителей», закончила Оманъ свой рассказъ.—Седьмой братъ Годердзъ рассказалъ событіе, свидѣтелемъ котораго онъ былъ самъ.

ГЛАВА VII.

Разсказъ о греческомъ царѣ Коста(нтинѣ) (стр. 424).

Былъ щедрый и великій царь Коста ¹⁾. Разъ, когда Годердзъ посѣтилъ его, онъ отправился самъ съ семьёю визирями на охоту. У воротъ города царь встрѣчаетъ разслабленнаго нищаго, который проситъ хлѣба. Царь наградилъ его тутъ же и велѣлъ еще отдать ему, вопреки настояніямъ визирей, кое-что изъ завѣщанныхъ ему отцомъ кладовъ, отвести его домой на плечахъ визирей. Царица, видя это, одобрила поступокъ мужа. Ночью явился царю ангелъ, который благовѣстилъ, что Господь прощаетъ всѣ его грѣхи и что онъ насладится радостью и откроются ему врата рая. На утро приказалъ сдѣлать знамя изъ савана и собрать войско для похода. Визиря со слезами упрашивали его открыть, куда такъ неожиданно отправляется въ походъ. Царь же сначала упрекнулъ, что никто изъ его визирей до вчерашняго дня не подавалъ добраго совѣта, между тѣмъ душею его владѣлъ дьяволъ, мѣшающій его спасенію, а затѣмъ взялъ саванъ, зашелъ въ комнату и отдалъ душу Богу.

«Мы должны заботиться о душѣ, а не о земныхъ благахъ, ибо ни сокровища, ни дѣти, ни слава не могутъ измѣнить велѣній Господа».

Восьмой братъ Саамъ рассказалъ воспоминаніе объ одномъ царѣ.

ГЛАВА VIII.

Разсказъ о царѣ Балхи Бухарскомъ Амирѣ Касумѣ (428).

Отецъ на старости лѣтъ послалъ сына своего Саама, въ сопровожденіи ученыхъ людей съ поклономъ и подарками къ Балхи, царю Бухары. Цѣлый мѣсяцъ провелъ онъ «въ райскомъ городѣ», щедро и

¹⁾ Имеретинское произношеніе имени Константинъ.

ласково угощаемый царемъ. Имѣя одну лишь дочь, царь не хотѣлъ ея выдавать замужъ. Онъ задумалъ для нея построить золотой дворецъ, но, истративъ свои богатства и сокровища подданныхъ, даже всѣ золотыя кольца и пряжки, дворецъ остался все же недостроеннымъ. Подданные клялись, что у нихъ нѣтъ болѣе золотыхъ вещей. Царь опечалился и прибѣгъ къ хитрости. Велѣлъ «ходжѣ» (скопецъ) вывести одну красавицу изъ гарема, вести въ городъ и продать тому, кто дастъ одинъ плури. Сынъ вдовы молодой и богатый Али въ безуміи отъ красавицы сталъ умолять мать купить ее. Мать, не имѣя злата, отказала въ просьбѣ сыну, который съ горя упалъ холоднымъ трупомъ на землю. Въ борьбѣ чувствъ любви съ даннымъ обѣщаніемъ и въ страхѣ, что царь убьетъ его, если найдется у нихъ золото, или же сынъ умретъ, если красавица не будетъ куплена, мать открыла ему, что одинъ «плури» лежитъ во рту у покойнаго отца, если онъ откроетъ могилу, то такимъ путемъ достигнетъ цѣли. Красавица такимъ образомъ была куплена, а узнавъ это: Царь въ гнѣвѣ велѣлъ распилить сына Али. Прибѣжала въ горести мать и укоряла царя въ томъ, что покойный ея мужъ служилъ вѣрно и усердно, построилъ его башни съ палатами, а въ награду за эти услуги онъ приказываетъ единственнаго сына его наказать. Разспросивъ, какъ добылъ ея сынъ плури, царь его освободилъ и велѣлъ разрыть могилы всѣхъ и снять золото у всѣхъ покойниковъ, которыхъ по обычаю страны хоронили съ однимъ плури ¹⁾. Дворецъ такими средствами достроили и назначали пиръ. Царь обѣщаль выдать дочь за того, кто оцѣнитъ стоимость дворца. Соплились царевичи и цари, но всѣ были обезглавлены вслѣдствіе невозможности дать цѣну палатамъ. Двинулись три китайскихъ царевича съ несмѣтнымъ войскомъ, съ жемчугомъ и драгоценными камнями на верблюдахъ. Приблизившись по пути къ одной горѣ, они остановились тутъ и встрѣтили пастуха съ огромнымъ стадомъ овецъ. Пастухъ убѣждалъ не ходить къ Балхи Бухарскому, въ виду угрожавшей опасности; цѣну же дворца знаетъ только онъ. Царевичи стали смѣяться надъ нимъ, а визирь усмотрѣлъ въ этомъ пастухѣ спасителя отъ бѣды, посланнаго Богомъ. Пастухъ предоставилъ имъ стеречь стадо и рѣзать овецъ, сколько потребно для всего войска, а самъ отправился къ царю. Смѣло явившись во дворецъ, онъ сталъ осматривать его. Велѣлъ онъ принести лопату и холстъ. Предложилъ самому царю рыть въ серединѣ дворца и влѣзть въ яму, бросилъ ему туда и холстъ. «Вотъ цѣна твоему дворцу!» сказалъ онъ ему. Дьяволъ вошелъ въ тебя и заставилъ сотворить нечистый посту-

¹⁾ Ср. Грузинскій обычай. См. Исторія Грузіи, царевича *Теймураза*.

покъ, встревожить могилы усопшихъ и перебить царевичей. Теперь ты въ сердцѣ самаго ада, возьми себѣ только вотъ этотъ холстъ изъ знаменитаго дворца. Царь сталъ дрожать и плакать, прося научить, какъ спастись. «Разломай дворецъ и раздай золото нищимъ», былъ отвѣтъ пастуха, а для обезпеченія престола предложилъ онъ выдать дочь за одного изъ пришедшихъ китайскихъ царевичей. Пастухъ вернулся къ царевичамъ, которые двинулись съ войскомъ и вскорѣ показали передъ городомъ царя. Они рассказали горожанамъ, что послѣ объявленія имъ пастухомъ переговоровъ съ царемъ, исчезли гора, стадо, два царевича и самъ пастухъ¹⁾. Царь былъ пораженъ этимъ событіемъ. Выдалъ дочь за младшаго царевича, возвелъ его на престолъ и раздалъ золото съ разрушеннаго дворца нищимъ. «Царь покорился словамъ пастуха, а мы почему не обращаемъ вниманія на заболѣвшихъ родителей и положившихъ душу за тебя братьевъ? Жди милости Божьей!»

Девятый братъ Гургенъ разсказаль о городѣ Думманѣ «по существовавшимъ запискамъ».

ГЛАВА IX ²⁾.

Разсказъ о Думманѣ-Наманнами (434).

Отецъ послалъ Гургена въ городъ Думманъ, славившійся богатствомъ и разными золотыми издѣліями. Городъ имѣлъ четыре серебряныхъ вратъ. Въ окружности его нельзя было обойти и въ одинъ годъ, а одинъ, такъ называемый, караванъ-сарай былъ такъ великъ что для того, чтобы обойти нуженъ былъ цѣлый мѣсяць. Всѣ въ городѣ были заняты издѣліями золотыми, серебряными и жемчужными. Царь, котораго видалъ Гургенъ на охотѣ и въ игрѣ, два дня никогда не носилъ одной и той же короны, одѣянія, оружія, не пользовался тѣмъ же конемъ и треномъ. Онъ передавалъ ихъ одному изъ вельможъ, тѣ на другой день ниже себя стоящимъ до послѣдняго горожанина. Поэтому въ городѣ всѣ были богаты и не было нищихъ. Гургенъ пожелалъ узнать, кто устроилъ этотъ порядокъ. Отправившись во дворецъ, на дверяхъ котораго онъ замѣтилъ нарисованнаго царя на конѣ съ яхонтовой короной. Здѣсь хранилось завѣщаніе Гостамба.

¹⁾ Сказка переходитъ въ легенду, извѣстную въ близкой версіи въ устной словесности.

²⁾ Въ концѣ предыдущей главы Русудана благодарить братьевъ, что они столько хорошихъ разсказовъ ей сообщали.

Отдалъ онъ 3000 плури стражѣ и получилъ право его прочитать. Гостамбъ въ немъ говорилъ, что онъ былъ сынъ знаменитаго царя и росъ въ роскоши, окруженный любовью. Разъ во снѣ видѣлъ, что въ городѣ появился джейранъ, котораго никто не можетъ убить. Онъ взялъ стрѣлу, пустилъ ее въ него и положилъ его на мѣсто. Джейранъ оказался чуднымъ звѣремъ: онъ имѣлъ рога золотые, голову и уши черныя, лицо бѣлое, спину красную, шею и грудь бѣлыя, копыта черныя. Царевичъ сталъ плакать, а джейранъ ему говорить, что по молодости онъ его убилъ, а теперь слезы проливать бесполезно; и предложилъ ему взять правую лодыжку его,—она ему въ бѣдствіяхъ поможетъ. Джейранъ прибавилъ, что пришелъ его извѣстить объ осиротѣлой дочери Яхонтоваго царя, достойной для него подругѣ. Джейрана-путеводителя замѣнить его лодыжка: она приведетъ его къ скалѣ, гдѣ живетъ красавица. Царевичъ долго плакалъ до изнеможенія, не выходя изъ комнаты. Его привели въ чувство вошедшіе къ нему родители и нашли съ лодыжкой джейрана. Онъ рассказалъ сонъ и удивился, что лодыжка у него оказалась въ рукахъ. Царевичъ сталъ грустить по красавицѣ, наконецъ въ одну ночь исчезъ. 7 лѣтъ шелъ пѣшкомъ, потерявъ коня, износивъ платье. Одѣлся онъ въ шкуру звѣрей и питался ихъ мясомъ. Одна рѣка его привела въ красный городъ, но безлюдный. Шелъ онъ по городу съ утра до вечера, никого не встрѣчая. Приблизился къ дому, который имѣлъ двери вышиною въ два копыя и шириною въ одно копые. Вскочилъ онъ туда и напалъ въ темной комнатѣ на покрытаго волосами дэви въ желѣзной шапкѣ. Убилъ послѣ упорной борьбы этого бѣлаго дэви, а булавою его же брата—чернаго дэви, который даетъ Гостамбу свою булаву, обладающую чудодѣйственной силою: ею можно убить брата его—краснаго дэви. Совершивъ этотъ подвигъ, Гостамбъ воззвалъ къ жителямъ города, приглашая ихъ занять свои жилища, ибо дэви убиты. Населеніе за это его благодарить. Взялъ онъ здѣсь одного коня и отправился искать дѣвицу. Лодыжку по пути онъ потерялъ и попалъ въ поле, гдѣ на берегу рѣки хотѣлъ отдохнуть. Оказалось, что это владѣніе дракона, съ которымъ пришлось сразиться Гостамбу и «съ помощью Божьей» его убить. Но тутъ же онъ убиваетъ краснаго дэви, который предъ смертью указалъ ему дорогу къ красавицѣ и говорить, что тотъ джейранъ обманомъ доставлялъ ему много жертвъ.

Отправился онъ и замѣтилъ у скалы, какъ сказалъ дэви, бесѣдку и бассейнъ, тазъ и кувшинъ на немъ съ надписью: «я царица Франкская привела дочь свою—Гуларъ и посадила ее въ скалу. Лицо ея подобно солнцу, станъ—чинарѣ, волосы гиперовые, дыханіе, какъ мускусъ, взглядъ возбуждаетъ райское блаженство, зубы — жемчугъ, голосъ соловьиный,

грудь—чистое небо, усѣянное звѣздами ¹⁾. Посадила ее тутъ, такъ какъ лишилась она отца, и я предоставила ее попеченію Бога». Другая надпись гласила, что сѣроглазая няня—порожденіе дьявола—должна быть здѣсь оставлена, а красавица можетъ быть вызвана звуками тамбури, которымъ нужно выразить чувство перенесенныхъ страданій. Красавица выглянетъ изъ жилища и спустится къ пѣвцу. Гостамбъ возблагодарилъ Господа и, взявъ тамбури, стоя у подошвы скалы, сталъ напѣвать о своихъ приключеніяхъ, о полной нѣги роскоши прошлой жизни въ домѣ отца. Красавица была тронута жалобнымъ пѣніемъ, и она выглянула. Гостамбъ усилилъ изліаніе скорбныхъ чувствъ. Красавица спустилась въ бесѣдку, гдѣ она встрѣтилась съ пѣвцомъ, въ восторгѣ отъ сіяющей дѣвицы пробормотавшимъ: «для всѣхъ солнце сѣло, а для Гостамба оно восходитъ». Далѣе онъ объяснилъ ей свое происхожденіе и причину своего появленія. Красавица смягчилась. Послала няню извѣстить объ этомъ царицу, а его отвели въ благовонную баню и одѣли въ царское платье. Холодное ея отношеніе бросаетъ его въ обморокъ. Тутъ собравшаяся прислуга напоминаетъ царевнѣ, что влюбленный царевичъ покинулъ для нея тронъ, испыталъ массу тревогъ, одержалъ столько побѣдъ, а она—затворница не пожалѣла ни его, ни себя. Его привели въ сознаніе. Красавица почувствовала расположеніе къ своему поклоннику. Въ это время появилось войско царицы, которое извѣстила черноокая няня, добродѣтельная особа, вопреки сѣроокой. Мать упрекаетъ царевну, что она легкомысленно отдалась неизвѣстному царевичу и тѣмъ осквернила отцовскій тронъ. Она совѣтуетъ царевича не пускать, по крайней мѣрѣ, на родину и оставить его во владѣніяхъ ея. Но молодая чета, не обращая вниманія на эти упреки и одолѣвъ всѣ чары, съ большими сокровищами отправилась на родину царевича. Передается сердечная встрѣча съ отцомъ, пиръ и вѣнчаніе на царство Гостамба и Гулари (супруги). У нихъ родилось три сына. Когда они подросли, отецъ, взявъ двухъ старшихъ, отправился во владѣнія своей супруги. Въ одномъ городѣ онъ оставилъ царемъ перваго сына, а въ другомъ — втораго. Горожане въ радости устроили пиръ, тѣмъ болѣе, что околдователи ихъ всѣ были истреблены. Вернувшись на родину, предъ смертью описалъ свою жизнь, говоря, что двери его дворца для всѣхъ были открыты, ночью черезъ отверстіе въ домахъ онъ подавалъ бѣднымъ пищу и милостыню, и никого не притѣсняя искалъ одной истины «Дѣти

¹⁾ Подобные эпитеты и сравненія встрѣчаются въ грузинскихъ народныхъ пѣсняхъ. См. I вып. Очерковъ по исторіи груз. слов.

мои пусть слѣдуютъ моимъ дѣяніямъ и подготовляютъ въ этой кратковременной жизни путь къ вѣчности». Прочитавъ надпись, Гургень вернулся къ отцу, а рассказъ закончилъ упованіемъ на Бога, который спасаетъ людей отъ бѣдствій.

Десятый братъ Фиранъ разсказалъ о приключеніи, видѣнномъ имъ лично.

ГЛАВА X.

Разсказъ о царѣ Шамискомъ Банарозѣ и царицѣ Еленѣ (464).

Былъ гордый царь Банарозъ, который никогда не ходилъ пѣшкомъ, не ѣздилъ верхомъ, заставляя себя носить даже въ баню въ коронѣ и на тронѣ. Нищимъ никогда не подавалъ, никто не могъ просить у него содѣйствія, а между тѣмъ его лошади, верблюды и ослы имѣли золотыя подошвы. Самого Бога отправлю ни съ чѣмъ, говорилъ высокомерный царь. Разъ, однако, вернувшись изъ бани, онъ къ изумленію всѣхъ разломалъ золотую корону и тронъ и велѣлъ драгоцѣнности раздать нищимъ. Съ тѣхъ поръ бѣдный находилъ пріютъ подъ его покровомъ, сдѣлался онъ царемъ милостивымъ и справедливымъ. Только одного нищаго, возлежавшаго на базарной площади не жаловалъ онъ. Прошли года, а объ этомъ нищемъ разъ только во время пира и увеселеній царь вспомнилъ и удостоилъ своего вниманія; послалъ ему пищу на подносѣ и не давъ ему воспользоваться этою посудой, прислуга бросила ему въ холстъ мясо, взятый бѣднякомъ изъ бани, и облила его супомъ. Стали въ его царствѣ жить всѣ мирно, безъ насилія «коза и волкъ вмѣстѣ паслись». Приближенные этого царя и вмѣстѣ съ визирями удивлялись, что царь и иноземныхъ нищихъ награждаетъ, а валяющагося на площади не пріютить и не одѣнетъ. Черезъ 7 лѣтъ нищій этотъ исчезъ, и визири заявили, что нищій, котораго почему-то царь не жаловалъ, въ безвѣстности, вѣроятно, умеръ. Царь тогда открылъ эту таинственную исторію. Когда разъ онъ вернулся изъ бани, то въ постели своей засталъ другого царя болѣе свѣтлаго и прекраснаго, котораго окружали войска, а онъ въ страхѣ ушелъ, не смѣя заявить о своихъ правахъ на тронъ и остался нищимъ. Въ теченіе 7 лѣтъ питался вмѣстѣ съ собаками, которыя его лаемъ отгоняли, лѣтомъ проводилъ подъ деревомъ, а зимой переносилъ муки отъ мороза. Сталъ онъ сознавать свою прежнюю гордость и немилосердіе къ нищимъ. Его знали собственные пекаря и повары, а его же слуги бросили ему въ лицо присланную пищу. Онъ сталъ плакать и каяться. Уснувши около бани отъ утомленія, во снѣ или на яву получилъ откровеніе, что Господь

неизвестнаго старца поставилъ подъ видомъ Банараза царемъ страны, но такъ какъ самъ Банарозъ 7 лѣтъ терпѣливо перенесъ всѣ невзгоды, то онъ прощаетъ прежнія прегрѣшенія и возвращаетъ его на престолъ съ внушеніемъ впередъ не грѣшить. Проснувшись, онъ оказался въ царской постели. Визири, признавъ въ немъ нищаго, были поражены разсказомъ. Царь же велѣлъ раздать новыя милости, и вотъ 40 лѣтъ продолжается его благополучное и мирное царствованіе. «Тебѣ тоже ждаты милости Божьей». Въ это время подали Русуданѣ письмо отъ ея сына Фридона.

Письмо Фридона къ матери. Въ письмѣ онъ сообщаетъ, что царь вначалѣ принялъ его сурово. Правда по дорогѣ еще онъ получилъ отъ него лошадь и вооруженіе, но отецъ не только не выѣхалъ встрѣтить; но даже въ день перваго свиданія съ царемъ сынъ не могъ обняться съ дорогимъ отцомъ, стоящимъ неподвижно у трона. Фридонъ однако скоро понравился царю и по просьбѣ отца онъ отпущенъ на родину и назначенъ царемъ Іаманети. Эти слова вызвали радостное настроеніе у Русуданы, родителей ея и братьевъ. Торжественный пиръ въ ожиданіи его во всей странѣ не прерывался. По просьбѣ развеселившійся Русуданы пріятный разсказъ вспомнилъ Ростеванъ о сыновьяхъ Делама.

ГЛАВА XI.

Разсказъ о Хазарскомъ царѣ и трехъ братьяхъ, Диламскихъ царицахъ ¹⁾).

Когда я вступилъ въ Хазарскую страну, то посѣтилъ государя Насра; нужно ли распространяться о славѣ и величии его: каждый знаетъ, а болѣе всѣхъ государь, отецъ мой о богатствѣ и красотѣ его страны,—нечего говорить объ этомъ. Но я видѣлъ слѣдующій случай и доложу о немъ. Однажды меня объяла грусть въ разлукѣ съ родителями, и чуть было я не разстался съ душою. Затѣмъ я приободрился и сказалъ себѣ: «время ли ребячески падать духомъ? къ чему умирать? Страна эта—чужая: приглядись къ тому, къ другому; авось увидишь какую-либо новость и развлечешься». Поднялся я, сталъ гулять по городу и увидѣлъ много новаго, частью удивительнаго, частью увеселительнаго.

Такъ видѣлъ я обширный дворецъ, убранный лучше вельможескихъ; у воротъ стояло множество войска, которое было подобно цар-

¹⁾ Эта глава приводится по Н. Марру (см. Сборникъ „Восточныя Замѣтки“).

ской гвардіи. Я навѣдался о личности владѣльца. Люди сказали: «это кадій; всѣ жалобщики этой страны приходятъ къ нему, и онъ творить судъ». Я сказалъ въ своемъ сердцѣ: «тамъ скажутъ много чего смѣшного; пойду туда, посмотрю на зрѣлице». Попелъ я послушать. Немного прошло времени, какъ важные купцы привели трехъ безбородыхъ юношей, милѣе которыхъ я въ той странѣ не видѣлъ никого изъ смертныхъ. Почтенные купцы обвиняли ихъ въ уводѣ навьюченнаго верблюда; юноши же были беззаботны и веселы, точно сидѣли за пиромъ. Купцы подошли къ судѣ и жаловались такъ: «счастливый кадій пусть выслушаетъ нашу жалобу; у насъ пропалъ верблюдъ; онъ у этихъ юношей, ни у кого другого: улики мы слышали изъ ихъ же усть». Тогда обратились къ юношамъ: «скажите-ка, какъ украли вы верблюда и куда его дѣли? Юноши не пали на колѣна, вида даже не показали, что это сколько нибудь трогаетъ ихъ, и лишь повелительнымъ голосомъ сказали кадію, точно слугѣ: «спросите у этихъ купцовъ: было ли съ нами много войска? И въ толпѣ ли воиновъ они не нашли верблюда или въ стадѣ верблюдовъ не могли признать своего? Мы, три брата, шли сюда въ томъ видѣ, въ какомъ ты насъ видишь сейчасъ; съ нами не было ни души, съ кѣмъ бы мы могли отправить верблюда куда-либо, и никого не встрѣчали мы, кому бы могли его продать. По истинѣ свидѣтель Богъ, что въ глаза не видѣли мы ни человѣка, ни верблюда. но показались на встрѣчу вотъ они, и если бы даже видѣли, то сами посудите, мы не могли вѣдь проглотить навьюченнаго верблюда, въ пазуху или въ карманъ себѣ не могли посадить его, такъ куда мы могли его спрятать?» Купцы сказали: «это-то такъ, мы сами знаемъ; нѣкоторые изъ насъ обошли ихъ спереди, другіе сзади, и мы никого не видѣли кромѣ ихъ тропхъ. Но откуда же они знали, чѣмъ былъ навьюченъ нашъ верблюдъ (и съ какимъ онъ былъ изъяномъ)? А мы нагнали ихъ какъ разъ, когда они говорили объ этомъ». Кадій сказалъ юношамъ: «какъ же вы узнали все это касательно верблюда, если не видѣли его?» Тѣ сказали: «мы изъ страны не настолько обездоленной, чтобы не видѣли верблюда. Шли себѣ мы сюда усталые и унылые». Тутъ заговорилъ старшій братъ: «шли мы по широкому полю, съ прекрасной зеленою травою и, замѣтивъ слѣдъ верблюда, я сказалъ: «здѣсь проходилъ верблюдъ; у него недостаетъ одного глаза и одного зуба». Вотъ этотъ братъ мой сказалъ мнѣ: «это правда; кромѣ того верблюдъ навьюченъ съ одной стороны масломъ, съ другой—медомъ». Младшій сказалъ: «все, что сказали вы—правда; при этомъ на верблюдѣ сидитъ беременная женщина». Между тѣмъ насъ обступили эти купцы (крича): «дѣлайте, какъ знаете! Дайте намъ верблюда, или

мы перебьемъ васъ. Оружія съ нами никакого не имѣлось; но съ помощью Божьей и вашей судьбы мы не побоялись бы ихъ, если бы и кафтана на насъ не было. Однако я счелъ большимъ позоромъ быти ими заподозрѣннымъ въ воровствѣ и не выяснитъ правды. Потому я имъ сказалъ: не прибѣгайте къ силѣ, не то, думаю вы повредите себѣ. Я же готовъ слѣдовать за вами въ судъ, куда хотите: я не видѣлъ ничего, кромѣ этого чистого поля». Насъ потянули къ вамъ, сказавъ: «пойдемъ въ кадію». Вотъ и пришли мы. Если мы виновны, то наказывайте насъ по закону о ворахъ; если же мы невинны, то вамъ (лучше) знать, чего они наиболѣе заслуживаютъ за неосновательное обвиненіе. Кадій сказалъ: «какъ узнали вы то, что говорили про верблюда, если въ глаза его не видѣли?» Старшій братъ сказалъ: «я уже докладывалъ вамъ, что я не слѣпъ, чтобы не признать слѣдовъ верблюда; объ отсутствіи же глаза и зуба я заключилъ потому, что верблюдъ пасся собственно съ одной стороны, но и тутъ мѣстами стебельки травы торчали во весь ростъ, а съ другой стороны трава была не тронута, потому я сказалъ, что у верблюда недостаетъ одного глаза и одного зуба». Кадій сказалъ второму брату: «ты какъ узналъ (то, что говорилъ про выюки верблюда)?» Тотъ отвѣтилъ: «мѣсто, гдѣ лежалъ верблюдъ, осаждали съ одной стороны мухи, съ другой—муравьи. Потому и сказалъ я, что одинъ выюкъ былъ меду, другой—масла». Спросили третьяго: «а ты какъ узналъ (про беременную женщину)?» Тотъ отвѣтилъ: «гдѣ лежалъ верблюдъ, тамъ былъ замѣтенъ слѣдъ слѣзшаго съ него человѣческаго существа, которое при вставаніи съ мѣста на зеленой лужайкѣ, гдѣ оно лежало, ухватилося за траву. Потому и сказалъ я, что это беременная женщина, вѣдь мужчинѣмъ было подниматься такимъ образомъ ¹⁾».

Купцы были обличены во лжи, а юноши оправдались. Тогда юноши поднялись и, сказавъ купцамъ: «нужда не могла заставить насъ воровать у васъ», смѣло вышли вонъ. Я сказалъ въ своемъ сердцѣ: «они дѣти не простыхъ смертныхъ и сами не простые». Я послѣдовалъ за ними и спросилъ: «братцы, кто вы такіе? изъ какой вы страны? господа ли вы сами? или кто вашъ господинъ». Они отвѣтили мнѣ: «братецъ, мы не господа и не одного пса, тѣмъ менѣе кого-либо другого, и у насъ до сихъ поръ не было господъ, кромѣ самихъ себя. Если же кто теперь захочетъ быть нашимъ господиномъ, то мы слуги и рабы его». Я сказалъ: «съ вашего позволенія я поведу васъ къ государю и найду вамъ мѣсто».

¹⁾ Совпадающая съ этимъ разсказомъ во всѣхъ деталяхъ народная сказка записана мною со словъ покойнаго отца моего въ г. Гори.

на службѣ». Тѣ выразили благодарность. Пошелъ я и повелъ ихъ съ собою, помѣстилъ въ своемъ домѣ и далъ имъ покойно провести ночь. Утромъ отправилъ я ихъ въ баню и одѣлъ въ лучшія одежды. Къ тому времени отъ царя явился ко мнѣ человекъ съ приглашеніемъ; я пошелъ туда, а юношей попросилъ: «пожалуйста, насладитесь отдыхомъ вволю, но не напивайтесь, ждите отъ меня вѣсти. Когда я пришелъ во дворецъ, то у царя засталъ многочисленное общество: самъ онъ сидѣлъ веселый. Завидѣвъ меня, вельможи стали приглашать, а государь велѣлъ мнѣ сѣсть поближе. Я усѣлся, а онъ просто обласкалъ меня и сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ. Я всталъ и отвѣсилъ поклонъ. Затѣмъ въ обществѣ разговоръ коснулся различныхъ предметовъ, и кое-что сказали про пришлыхъ людей, давно (явившихся ко двору). Я доложилъ: «если государю угодно увеличить войско, и онъ расположенъ къ пришлымъ людямъ, то я приведу трехъ такихъ молодцовъ, что и глазамъ государя понравится ихъ видъ, и едва ли возложить царь на нихъ такое дѣло, которое не было бы имъ по силамъ». Государь изволилъ мнѣ сказать: «О! непременно приведи ихъ, заклинаю тебя Богомъ; мнѣ это будетъ очень пріятно, и я исполню все, чего пожелаешь». Мнѣ понравилась такая признательность государя, и я собрался встать, но онъ повелѣлъ: «сегодня насладимся пиромъ, а завтра приведешь ихъ». Въ тотъ день государь устроилъ великолѣпный пиръ и веселіе, и никто изъ насъ не былъ отпущенъ трезвымъ.

На разсвѣтѣ царемъ былъ отраженъ (ко мнѣ) человекъ: «приведи (молодцовъ), про которыхъ говорилъ мнѣ вчера», сообщалъ онъ. Нарядилъ я ихъ красиво и представилъ (ко двору). «Государь окажетъ мнѣ великую милость», доложилъ я ему, «если бросить на нихъ малостивый взглядъ и прикажетъ имъ служить по какой либо части, чтобы они оставались подъ сѣнью его (величества). Когда государь увидѣлъ ихъ, онъ не могъ оторвать глазъ: очень понравились они ему и, онъ сразу полюбилъ ихъ. Государь спросилъ меня про нихъ; и я доложилъ: «отъ нихъ я ничего не слыхалъ, и я знаю только то, что они мнѣ понравились, и мнѣ показалось, что имъ мѣсто исключительно въ вашей свитѣ. Но горе, если не знаніемъ ихъ накличу на себя неудовольствіе Бога; однако я представляю ихъ, точно родныхъ братьевъ, и пусть, какъ съ таковыми, обращается государь съ ними». Государь изволилъ мнѣ сказать: «пока я предоставлю ихъ самимъ себѣ, пусть отдохнутъ и затѣмъ приступятъ къ службѣ; ты научи ихъ служить, какъ это надлежитъ требовать отъ нихъ, а потомъ я поставлю каждого за то дѣло, которое подходящее для него. Пробыли они недѣлю;

государь угощаль ихъ и ухаживаль за ними внимательно. Ловкіе и расторопные, они съ своей стороны несли свою службу такъ хорошо, какъ только можно было ожидать отъ такихъ, случайно появившихся людей. Лицомъ и осанкою они производили прекрасное впечатлѣніе на всякаго, кто взглянулъ бы на нихъ и невозможно было и царю не заподозрить ихъ красоты, онъ старался, что либо узнать про нихъ.

Однажды, когда государь гуляль на площади, пастухъ преподнесъ ему великолѣпно приготовленнаго барашка, а садовникъ бутылку вина; вино было ярче яхонта. Тѣ братья, всѣ втроемъ сопровождали царя, и онъ пожаловаль имъ (подношенія). «Вы тутъ чужіе»,—сказаль царь, «нѣтъ у васъ ничего, не успѣли вы завести ни съ кѣмъ знакомства и, возможно, нечѣмъ вамъ развлекаться; возьмите это, и потребуйте еще, если что вамъ нужно: попируйте хорошенько». Тѣ откланялись въ благодарность и ушли. Въ ту ночь царю также случилось остаться въ одиночествѣ, и онъ сказаль самъ себѣ: «эти люди не похожи на простыхъ смертныхъ, и они едва ли происходятъ изъ простого рода. Пойду (подслушаю), быть можетъ, подъ хмѣлькомъ они поразскажутъ что-либо о себѣ, и узнаю, кто они такіе». Онъ ¹⁾, дѣйствительно, отправился и прислушался: они сидѣли, угощались и развлекались, насколько было къ лицу имъ пировать и развлекаться на чужбинѣ. При этомъ старшій братъ говорилъ: «братья, не согласитесь ли вы, что барашекъ этотъ вскормленъ молокомъ собаки». Не знаю, что сказать на это, замѣтилъ другой: «но лоза, давшая это вино, я подозрѣваю, росла на могилѣ чловѣка». Не знаю ничего ни про то, ни про другое, произнесъ третій: «но государь нашъ—повидимому, сынъ повара». Все это государь выслушалъ своими ушами и, не говоря ни дурного, ни хорошаго, возвратился домой; вошелъ онъ къ матери и съ грознымъ лицомъ спросилъ онъ ее: «чей я сынъ?» Она весело доложила: «другого царя, подобнаго тебѣ, и солнце, кажется мнѣ, не лицедрѣло, а царство видишь своими глазами, чей же можешь быть ты сынъ? Къ лицу ли тебѣ задавать такой вопросъ». Но государь былъ сильно разгнѣванъ и вторично изволилъ сказать ей: «говори правду, кто отецъ мой; я больше не въ силахъ терпѣть!» Мать опять доложила ему: «что ты изволишь говорить, государь? Развѣ ты не сынъ великаго государя Имариндо? Если ты не зналъ, то тебѣ надлежало спросить отца, когда онъ былъ живъ, а не теперь (наводитъ справки)». Государь вскочилъ въ ярости и притрозилъ ей страшной клятвой, что убьетъ ее непре-

¹⁾ Съ отмѣченнаго выше мѣста до настоящаго пропускъ въ народной сказкѣ; отсюда же начинается полная параллель безъ излишней, впрочемъ, риторики.

мѣнно, если она не скажетъ правды. Государыня испугалась, когда увидѣла, что государь уподобился бѣшеному, и доложила ему такъ: «не гнѣвайся, государь; впрочемъ и нѣтъ основанія огорчаться тебѣ. Успокойся и выслушай мои слова; я доложу тебѣ правду». Когда мать повела такъ рѣчь, государь смягчился и принудилъ ее покаяться, что она расскажетъ ему правду. Мать доложила ему: «если бы ты сдержалъ себя и довольствовался нашимъ положеніемъ, (то было бы хорошо): какъ былъ ты величавымъ государемъ, такъ и признавали бы тебя всѣ хазары и свѣдущіе нашей страны возлюбленнымъ сыномъ царя Имариндо. Но вотъ ты захотѣлъ узнать правду, и я доложу тебѣ (все), такъ какъ не думаю, чтобы я поступила съ тобой плохо.

Отецъ твой былъ великій и славный государь, такъ что всѣ государи завидовали ему, и богатства его государства переходили всякую мѣру; крѣпостямъ и городамъ не было числа, и сокровища его были несметны. Достигли мы старости, что не удостоились имѣть ни сына, ни дочери. Съ слезами обращались мы къ Богу, чтобы даровалъ онъ намъ сына; все могущество и величіе наше казалось намъ тщетнымъ, такъ какъ ему угрожало послѣ нашей смерти лишиться хозяйскаго призора и достаться чужимъ людямъ, другимъ хозяевамъ. Богъ соблаговолилъ взглянуть на насъ милостиво: я забеременѣла. Тогда государя стала беспокоить мысль, какъ бы не родилась дочь, но мнѣ онъ не говорилъ объ этомъ и не огорчалъ ничѣмъ. Когда настало время (родить), государь по секрету сказалъ повивальной бабѣ: «если родится дочь, не говори; невозможно, чтобы въ столь большомъ городѣ, какъ нашъ, (одновременно) не родился мальчикъ, и вы подмѣните дѣвочку». Государь обѣщалъ ей большія милости. Отецъ твой былъ поварь, а мать твоя служила при насъ во внутреннихъ покояхъ. По счастью, твоему или нашему, у меня и у твоей матери боли начались въ одинъ и тотъ же день. Твоя мать попросилась домой, и, слышу, повитуха говорить: куда она пойдетъ теперь? До дому ей далеко; а еще увидить ее кто-либо и будетъ позоръ для насъ. Пусть остается тутъ въ своей комнатѣ». Когда разрѣшилась я, то крикнули: «мальчикъ!» Обрадовались: приходили смотрѣть то тотъ, то другой. Повивальная бабка сказала: «государь едва-едва удостоился единственнаго желаннаго сына; такъ легко я не покажу его матери съ отцомъ. Мною данъ Богу обѣтъ: сейчасъ повѣшу его у себя на шеѣ, обойду дворы одной сотни человѣкъ и, что приподнесутъ ему, раздамъ бѣднымъ, до тѣхъ поръ не дамъ кормить грудью, не покажу его никому, и пусть никто не слѣдуетъ за мной». Она завернула ребенка въ мягкую ткань, привязала къ шеѣ и вышла; предварительно она пошла къ женѣ повара; ее

также корчило; только что входитъ повитуха, и ты родился. Повитуха подкинула ей мою дочь—люди не замѣтили ничего и завернула тебя въ ея пелены. Побывала она съ тобой тамъ и сямъ, а затѣмъ вошла ко мнѣ, поднесла тебя и говорить: «теперь посмотри на своего сына и накорми грудью». Когда я взглянула на тебя, мнѣ было приятно, воздала я Богу славу и накормила тебя грудью. Много тогда роздали (бѣднымъ давалъ всякій), кто приходилъ смотрѣть тебя

Послѣ этого стали мы тебя воспитывать, какъ принято у государей воспитывать желаннаго сына. До истеченія года я не знала (этого дѣла), но государь зналъ. Дочь была у твоей матери, а ты у насъ. Оказалось, что сердце болѣло у государя, такъ какъ ему была извѣстна неподобающая участь дочери. Но мнѣ откуда было знать объ этомъ? Когда твоя мать приводила малютку, я удивлялась, глядя, какъ она сіяетъ лучше крупной жемчужины и свѣтитъ подобно утренней зарѣ, и бывало скажу я: «О если бы для (моего) Насра удалось добыть въ жены подобную ей царевну! Развѣ не жаль, что она дочь такого простолюдина?» Царь при этомъ улыбался, но можно было замѣтить, что на сердцѣ у него тяжело. Однажды сидѣли мы одни и долго бесѣдовали о тебѣ. Государь изволилъ сказать мнѣ: «никогда не бывало сокрыто у меня въ сердцѣ тайны отъ тебя, и ничего я не дѣлалъ (безъ твоего вѣдома), кромѣ одного раза: вотъ уже годъ, я сдѣлалъ нѣчто, и то тяготитъ меня». Сердце забилося у меня, и нѣкоторое время я не могла ничего сказать. «И незачѣмъ такъ убиваться о томъ, что извѣстно мнѣ, изволилъ онъ опять заговорить; затѣмъ, сообщивъ все, что было имъ сдѣлано, царь продолжалъ: «мнѣ тягостно это, и изъ-за того боюсь Бога, что дитя мое въ такомъ положеніи, а сына моего повара держу я у себя.—Разъ вы поступили такъ согласно вашей воли, вамъ было такъ приказано», доложила я ему, то и (справиться) съ этимъ (дѣломъ) легко. Не печальтесь объ этомъ; я дочь отберу у жены повара хорошими обѣщаніями и ее воспитаю также, какъ подобаетъ вашему положенію. Они будутъ расти, и когда мальчикъ достигнетъ умственной зрѣлости и увидитъ такую лунолицую (красавицу), то—надѣюсь я на Бога—онъ влюбится въ нее. Чтобы не узнали другіе, въ чемъ дѣло, намъ придется держать такую рѣчь: «Богъ далъ намъ въ преклонныхъ лѣтахъ единственнаго сына. Мы не можемъ обозлить его противъ насъ: пусть дѣлается, какъ захочетъ». Такимъ образомъ ни труды наши и затраты по воспитанію его не пропадутъ, ни нашего наслѣдія не лишится наше (родное) дитя». Выслушавъ мои слова, государь очень развеселился и благодарилъ меня. На другой день я взяла дочь у твоей матери, сказавъ ей слѣдующее: «это дитя не для тебя; я воспитаю ее

для моего Насра: она ровесница ему». Это очень понравилось ей, и она воздала Богу великое благодареніе: «я не достойна того, чтобы дитя мое попирало (дворецъ) царя», говорила она. Привела ее къ себѣ и воспитывала обѣихъ вмѣстѣ въ нѣгѣ и на волѣ. Мы занимали васъ больше, чѣмъ принято у царей. Когда возросли вы, и созрѣли у васъ сознаніе и умъ, то ты полюбилъ ее, и такъ полюбилъ, что отъ страсти къ ней для тебя не существовало ни дня, ни ночи. Замѣтно было, что и она любитъ тебя. Мать и отецъ у тебя вскорѣ скончались. Дѣйствительно, Богъ представилъ тебя намъ; до десяти лѣтъ вы пробывли въ такомъ положеніи. Когда вамъ минуло десять лѣтъ, мы устроили вашу свадьбу «по той причинѣ, что», говорили мы, «мальчикъ нашъ таеъ отъ грусти: какъ бы не случилось съ нами такъ», говорили мы, чтобы милость Божія не обратилась въ гнѣвъ Божій надъ нами; (и въ правду) пусть принадлежитъ она ему, пока дѣйствительно не познаетъ онъ самого себя, а затѣмъ самъ будетъ знать, что дѣлать.

Послѣ свадьбы прошло два года; благословили васъ государемъ. Царь прожилъ еще пять лѣтъ послѣ того. Затѣмъ онъ покинулъ этотъ міръ и меня, жалкую, отвернувшуюся отъ міра, а самъ, оставивъ тебѣ все, что ты видишь, ушелъ по пути, по которому не приходятъ. До сихъ поръ ты былъ государевымъ сыномъ, а дитя мое было въ несоответствующемъ положеніи: ее звалъ дочерью повара всякій, кто только былъ современникъ событія. Нынѣ ты захотѣлъ узнать правду: ты—сынъ моего повара, а царица—дочь царя.

Эта исторія понравилась царю. Утромъ онъ вышелъ и велѣлъ привести садовника. Нѣтъ ли могилы человѣка въ моемъ виноградникѣ? спросилъ царь. Садовникъ доложилъ, что онъ скажетъ правду, если государь не разгнѣвается. Государь повелѣлъ: «говори правду; я тебѣ не сдѣлаю ничего (дурного)». Тогда садовникъ доложилъ: «государь, отецъ твой былъ человѣкъ крайне вспыльчивый и безжалостный; никто не осмѣливался перечить тому, что исходило изъ его устъ. Разъ онъ разрушилъ церковь, велѣлъ намъ мертвецовъ пораскапывать и сжечь, а намѣстѣ разбить виноградникъ; мертвецовъ мы однако не рѣшились копать и такъ разбили виноградникъ. И въ самомъ дѣлѣ въ вашемъ виноградникѣ такое количество могилъ, что и сказать не умѣемъ».

Затѣмъ привели пастуха. Государь изволилъ сказать ему: «не бойся! и говори правду, и клянусь собою, я не сдѣлаю тебѣ никакого вреда. Почему ты барашка отдалъ на кормленіе собакамъ? Пастухъ доложилъ ему: «государь въ правѣ казнить меня; я заслуживаю смерти.

Но чтобы выслужиться передь государемъ, бѣдный человѣкъ способенъ сдѣлать много непорядочнаго. Овца разрѣшилась двойнею; жалко мнѣ стало барашковъ, и одного (изъ нихъ) я подкинулъ собакѣ. Когда онъ выросъ, то любо было смотрѣть и по глупости своей я сказалъ: «вѣдь государь не догадается, что барашка вскормила собака, а барашекъ очень хорошъ. Понесу я его въ даръ государю, и онъ пожалуется мнѣ что-либо. Вотъ съ тѣмъ и принеси барашка вамъ». Когда говорили пастухъ и садовникъ, всѣ мы присутствовали, и государь былъ очень веселъ. Насъ всѣхъ удивляло, почему онъ вздумалъ допрашивать.

Затѣмъ позвалъ трехъ юношей и изволилъ спросить ихъ «какъ веселились вы вчера?» «Благодаря государю», доложили они ему, «мы веселились такъ, какъ того мы заслуживали. «О чемъ вы бесѣдовали?» «О чемъ было бесѣдовать намъ? Отъ щедротъ вашихъ мы пили и ѣли, затѣмъ спали». «Мнѣ все извѣстно», изволилъ сказать имъ государь: бесполезно скрывать. Почему ты замѣтилъ, что барашекъ вскормленъ собакою?» «Да здравствуетъ государь», доложилъ одинъ изъ юношей): «барашекъ было жирный и хорошій на виль, но такъ безвкусенъ, что тошно было ѣсть. Потому я и сказалъ, не сосалъ ли онъ отъ груди собаки». Другого спросилъ государь: «а ты изъ чего узналъ, что лоза стояла на могилѣ». Онъ доложилъ: «я высказалъ это мнѣ по слѣдующей причинѣ: вино было красное, крѣпкое, сладкое и безупречное: никто не могъ открыть въ немъ недостатка; по отъ него было такъ тяжело и такъ тошно, какъ будто пившій его пилъ свою кровь. Поэтому я и сказалъ: «лоза, давшая это вино, находится на могилѣ, иначе вино не было бы такимъ». Когда государь допрашивалъ названныхъ братьевъ, младшій испугался, какъ бы не опросилъ и его, и сталъ метаться, чтобы скрыть отъ себя, но не могъ укрыться. Тогда государь изволилъ сказать ему: «теперь ты предстань и скажи, почему ты уподобилъ меня сыну повара?» Младшій братъ сначала дерзнулъ было клясться (отказываясь отъ своихъ словъ), но потомъ догадался, что его обличили бы, и было бы хуже, и онъ заговорилъ безъ страха: «откуда мнѣ было знать, что ты сынъ повара? Государства ли не было у тебя или богатства, сидѣлъ ты неприлично или одѣвался непорядочно? (Нѣтъ, напротивъ, во всемъ этомъ) ты даже превосходилъ другихъ владыкъ; но при твоёмъ дворѣ ничего не упоминаютъ такъ часто, какъ ложку и шумовку: по слѣпотѣ моихъ помысловъ не сообразилъ я, что говорю неприлично, и сказалъ: «не сынъ ли повара государь, и потому не кажется ему неприличнымъ (постоянный разговоръ о ложкѣ и шумовкѣ)? Вѣдь при дворѣ царя нужны рассказы про то, какъ снаряжать войско, нужны бесѣды про игру въ

мячь, про метаніе по дичи, про ястребовъ и соколовъ, нужно совѣщаться, заниматься разборомъ дѣлъ и всѣми искусствами, необходимыми для храбреца». Государь громко разсмѣялся и изволилъ сказать: «конечно, братъ, все правда, что ты сказалъ. Но, кто бы тамъ ни было принято гостей спрашивать объ ихъ личности, происхожденіи и обстоятельствахъ жизни, а никакъ не возсѣдающихъ на наслѣдственномъ тронѣ. Касательно меня вы провѣдали то, что едва ли вполнѣ знали воспитавшіе меня, а воспитаннымъ мною и узнавать то было не отъ кого. Все это произошло отъ вашего знанія и глубкомыслія ума и моего незнанія».

Затѣмъ государь самъ изволилъ рассказать намъ о себѣ, какъ слышалъ отъ матери, и послѣ того онъ обратился къ тремъ юношамъ: «теперь, братцы; когда я рассказалъ вамъ свою исторію, расскажите мнѣ, кто вы такіе или изъ какого вы рода происходите?» Тѣ доложили: «намъ давно слѣдовало изложить свою жалобу; но у царя въ памяти не могло бытъ ничего хорошаго, содѣяннаго нашимъ родомъ, а мы не успѣли ни чѣмъ услужить ему. У насъ былъ такой планъ: исполнить какое-либо порученіе по приказанію царя и затѣмъ доложить о нашемъ дѣлѣ, быть можетъ государь взглянулъ бы на насъ милостиво, и съ его помощью довелось бы намъ ѣсть хлѣбъ нашей земли. Но теперь наше дѣло сложилось такъ: сама злая судьба и наша глупость помѣшали намъ, и мы вторично ввергли себя въ бѣду; не доброе постигнетъ насъ». Царь изволилъ сказать имъ: «объ этомъ не беспокойтесь, братцы! И вы ничего не сказали неприличнаго, и мнѣ нечѣмъ гнушаться: хотя и повара я сынъ, но таковъ я, что владѣю столь обширной страной, и многіе другіе владѣтельные князья покорны мнѣ; если бы я былъ сынъ царя, то, конечно, былъ бы я еще лучше. Познакомьте меня съ вашими дѣлами—быть можетъ, вы знатнаго рода и терпите насиліе отъ враговъ, а изъ меня могли бы вы извлечь какую-либо пользу. Я не пощажу для васъ ни себя, ни своего войска».

Они доложили ¹⁾: «живи, царь! такъ какъ ты не казнилъ насъ, то мы доложимъ тебѣ всю правду. Мы всѣ трое—дѣти диламскаго царя. Родители наши за грѣхи ихъ и на наше несчастіе скончались, когда мы родились. Не оставался никто достойный занять государевъ престоль. Отъ безначалія въ странѣ козы возобладали надъ львами. Наши данники окружили насъ и завладѣли нашимъ государствомъ; всѣхъ вѣр-

¹⁾ Въ народную сказку вносится отсюда сюжетъ о драгоцѣнномъ камнѣ, завѣщанномъ отцомъ тремъ сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ, безъ вѣдома другихъ, его присваиваетъ.

ныхъ нашихъ (слугъ) они разогнали. Кормилицы наши растили насъ, какъ своихъ. Когда нѣсколько возросли мы, насъ собрали они вмѣстѣ и сказали намъ такъ: «до сихъ поръ васъ всѣ считали за нашихъ дѣтей, и мы растили васъ, какъ своихъ дѣтей. Но теперь мы не можемъ держать васъ, какъ своихъ. Богъ разгнѣвался. Если даже оставимъ страхъ Божій и дадимъ вамъ убѣжище у себя, то дѣло въ томъ, что вы все же не похожи на нашихъ дѣтей и горе, если узнаютъ васъ: мы по истинѣ можемъ оказаться заклятыми вашими врагами; отнынѣ о себѣ заботьтесь вы сами, сами пособляйте себѣ». Мы принялись рыдать. Кромѣ нихъ мы не знали никого, кто бы призрѣлъ насъ; намъ было трудно разстаться съ ними. «Я былъ семи лѣтъ», сказалъ старшій, «а они были меньше меня; нѣсколько ума было все же у меня, и я сказалъ имъ: «не плачьте братья! Пойдемъ, предавъ себя Богу: гдѣ найдется для насъ пропитаніе, тамъ и останемся». Началь я путешествовать: пустился я въ путь и повелъ ихъ съ собою. Съ того дня и по сію пору такъ ходилъ и таскался я грѣшный, что негдѣ не случалось пробыть на одномъ мѣстѣ. Пока они были малы, я выучилъ ихъ на себя то одного, то другого, и путешествовалъ въ такомъ мученіи, такъ какъ враги наши, какъ оказалось, прознали про насъ и стали преслѣдовать и разыскивать насъ. Куда ни являлись мы, насъ спрашивали; когда мы рассказывали про себя, намъ оказывали большія почести. А когда разыскивающіе догоняли насъ, очень часто у насъ освѣдомлялись, не видали ли мы (бѣглецовъ). Оттуда мы снова убѣгали и уходили въ другое мѣсто. Вотъ двѣнадцать лѣтъ мы путешествуемъ съ такимъ трудомъ и въ такой нуждѣ и теперь мы добрались сюда. Поступайте такъ, какъ то достойно вашего величества. Не взирайте на нашу злую судьбу и не покидайте насъ за нашу глупость и безуміе. Нужда многихъ мудрецовъ сводила съ ума, а насъ учить-то некому было уму разуму». Когда это выслушалъ отъ нихъ государь, онъ воздалъ Богу благодареніе: «слава тебѣ, Господи, который изъ ничего создалъ тварей и изъ глины сотворилъ человѣка; еще болѣе удивительное и великое сдѣлалъ Ты, поставивъ царемъ меня, недостойнаго и убогаго, и давъ мнѣ въ удѣлъ такую славу; а еще болѣе достойно благодарить тебя за то, что Ты привелъ ко мнѣ дѣтей столь великаго государя. Нынѣ, Господь всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, помоги мнѣ, чтобы силою Твоей десницы и этимъ, дарованнымъ Тобою, моимъ царствомъ укрѣпить и сдѣлать ихъ, безжалостно сверженныхъ врагами и неустанно гонимыхъ, побѣдителями супостатовъ во славу Тебѣ».

Закончивъ эту рѣчь, государь приказалъ немедленно снаряжаться войскамъ; для ювошей же велѣлъ осѣдлать лошадей, достать оружіе

и готовить все, какъ подобаеть царямъ. Взялъ онъ и одѣлъ ихъ точно въ царскія одежды; пригласилъ на тронъ, и самъ сѣлъ рядомъ съ ними и наставлялъ ихъ; всѣхъ трехъ женилъ государь на своихъ дочеряхъ и сыгралъ свадьбу; далъ онъ имъ подобающее приданое и затѣмъ изволилъ сказать имъ такъ: «я отправлю съ вами много войска, и идите. Если Богъ дастъ вамъ побѣду, то не къ чему ѣхать мнѣ къ вамъ; въ противномъ случаѣ увѣдомьте меня, чтобы оказалъ я вамъ скорую помощь». Тѣ поблагодарили и сказали еще слѣдующее: «если мы нападёмъ на враговъ украдкою, то это не сдѣлаетъ вамъ чести, и намъ за доблесть не сочтется. Такъ какъ вы были столь милостивы, то (окажите намъ еще одну милость): пошлите челоуѣка къ врагамъ нашимъ, чтобы они узнали, что мы живы и породнились съ столь великимъ государемъ, и затѣмъ пойдёмъ мы, чтобы никто не горюилъ, что мы поступили предательски, а не побѣдили.

Царь и весь народъ одобрили этотъ совѣтъ. Послали гонца къ диламскому царю сказать: «готовься скоро и мы прибудемъ». Съ той стороны приготовились диламцы, съ этой государь снарядилъ юпошей въ путь со множествомъ войска подъ знаменами. Пустились они въ путь, и когда приблизились, то три брата остановили войска, а сами, надѣясь на свои руки, полагаясь на свою силу, пошли къ врагамъ. Когда тѣ замѣтили ихъ однихъ, не поставили ихъ ни во что, пренебрегли ими и быстро накинулись на нихъ; отсюда кинулись и, клянущъ Богомъ, повели жестокой бой. Богъ даровалъ юношамъ побѣду: они истребили враговъ, возвратили себѣ свой тронъ, покорили свое государство, войска одарили и отпустили домой, нагрузивъ добычею, государю отправили подобающіе цѣнные подарки, премного воздавали въ письмѣ хвалы и благодаренія и просили, чтобы государь не гнѣвался за нынѣшнее незначительное приношеніе: «мы сами лично—рабы царя и страна наша—прахъ его ногъ, писали они. Мнѣ написали они ласковое благодарственное письмо. «Всѣмъ мы обязаны тебѣ», писали они: «если бы ты не представилъ насъ царю, ничего этого не случилось бы съ нами. И мнѣ былъ пожалованъ ими подарокъ: «насъ три брата», изволили они сказать: «а ты будь четвертымъ старшимъ. Приходи къ намъ, ознакомься съ нашимъ домомъ и владѣніемъ и ты же наставь насъ, кому какое мѣсто надлежитъ занять, и всѣ дни нашей жизни дай намъ жить для тебя и пользуйся нашей службой». Тогда я не могъ пойти. Впослѣдствіи трехъ братьевъ я засталъ воцарившимися. Каждый разъ какъ отправлялся я къ нимъ потомъ, всѣ три царя выходили мнѣ на встрѣчу, принимали меня съ большими почестями и торжествомъ, смиренно привѣтствовали, доставляли мнѣ пріятный от-

дыхъ и развлеченіе, одаряли такъ щедро, что я не могъ всего нести, и такъ отпускали домой.

Все это я видѣлъ, и рассказано оно мною, (чтобы показать) какой великій царь Богъ; Онъ низвергаетъ съ высоты и возноситъ стоящихъ внизу, на него каждый долженъ уповать, памятая о томъ, что Имъ все ветхое обновляется, трудное становится легкимъ и кривое выпрямляется».

Сказка о трехъ сообразительныхъ юношахъ принадлежитъ къ числу популярныхъ повѣствовательныхъ мотивовъ ¹⁾).

ГЛАВА XII.

Объ Ититинѣ и Илапарикѣ (Болтунья и Говорунья)²⁾ 482 стр.

Въ Туркетской странѣ царствовали два брата Усени и Омаръ, нѣжно любившіе другъ друга. Первый умеръ бездѣтнымъ, второй оставилъ малолѣтняго сына. Начались безпорядки и волненія по ту и по сю сторону рѣки, раздѣлявшей владѣнія братьевъ. Жена Усейна—Ититине и Омара—Илапараке стали также другъ друга поносить участвовать въ общихъ сумятицахъ. Подроспій сынъ Омара Абубекиръ не могъ унять мать свою и въ отчаяніи пустился въ опасныя охоты въ горахъ и лѣсахъ, намѣреваясь гдѣ-нибудь погибнуть.

Въ одной скалѣ замѣтилъ красивую дѣвочку и дѣви,—второго убилъ, первую же взялъ въ руки и принесъ ее къ матери на плечахъ, прося ее воспитать для него. Она выросла и онъ женился. Жена каждый день исчезала съ утра до вечера и этимъ навлекла на себя подозрѣніе въ чародѣйствѣ. Заалъ отправился къ Абубекру по порученію отца и былъ припятъ хорошо. Онъ здѣсь видитъ то мѣсто, гдѣ на двухъ тронахъ, происходятъ словесныя, какъ острымъ мечомъ, состязанія жены Илапарике и Ититине. Въ одинъ день избранный Абубекра вызвалъ состязаніе съ Ититине вмѣстѣ Илапараке. Она взяла

¹⁾ Литература о судьбѣ этой сказкѣ: См. *Benfey*. Ein alter christlich--persischer Roman. Die Reisen der drei Söhne des Königs von Serendippo (Orient und Occident, Bd. III, 1865, стр. 257—288. *C. Hutha* Die Reisen der drei Söhne des Königs v. Serendippo Ein Beitrag zur vergleichenden Märchenkunde (Zestschrift für vergl. Litteratur. und. Ren.-Lit. II, 6, стр. 404—414). *Акад. Веселовскій* Слав. сказ о Соломонѣ и Китоврасѣ и Западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, СПб. 1872, стр. 79—80.

²⁾ Младшій братъ Заалъ сообщилъ этотъ юмористическій рассказъ.

три померанца и три мотовки шелку, а Ититине възсѣла на тронъ на противоположномъ берегу рѣки. Ититине безъ умолку болтала и бравилась, а противница, молча прядла шелкъ и ѣла померанцы. Когда она кончила всѣ три мотовки и съѣла послѣдній померанецъ, она бросила Ититине ихъ стебельки, сказавъ, что она кончила свою работу. Ититине възбѣлилась, соскочила съ трона въ намѣреніи погнаться за хитрой собесѣдницей и въ пылу гнѣва попала въ рѣку. Здѣсь она успокоилась и занялась приведеніемъ себя въ порядокъ. Служанки, которымъ велѣно было хранить глубокое молчаніе, принесли благодарность своей госпожѣ, столь искусно поразившей противную спорщицу. Абубекръ и его мать встрѣчаютъ съ радостью «героиню» и еще больше полюбили ее. Къ этому времени прибылъ траурный караванъ купцовъ, которые передали, что пропала любезная дочь царя морей, похищенная во время игры мрачнымъ туманомъ. Всѣ подданные, даже камни нѣмые облечены въ черныя покрывала. Похитившій ее туманъ (облако) былъ дѣви, убитый Абубекромъ, а дѣвица имъ освобожденная—дочь царя, которую признали кушцы. Была всеобщая радость и устроили великолѣпный пиръ. Залъ вернулся, видя все это на родину и приготовилъ вмѣстѣ съ Афѣвиміаномъ къ приему Фридоны съ музыкой и пѣніемъ.

Возвращеніе Фридоны къ матери и благословеніе его царемъ Іаманетскимъ (490).

Фридонъ съ матерью встрѣтился очень нѣжно. Онъ успокоилъ ее на счетъ судьбы отправившейся къ царю дочери и возбудилъ въ ней радостное настроеніе. На четвертый день послѣдовало восшествіе его на престолъ и поздравленіе войска съ возложеніемъ на него короны и восхваленіями его добротъ. Черезъ годъ дѣды и дяди, послѣ непрерывныхъ пировъ, возвратились къ себѣ. Предварительно велѣно было хорошимъ книжникамъ записать безъ пропусковъ тѣ рассказы, которые были сообщены братьями Русуданы въ ея утѣшеніе, прося дядей остаться и дать возможность закрѣпить письменно достойныя памяти приключенія. По окончаніи этой работы, самъ Фридонъ на разстояніи 2 парсанговъ провожалъ дѣда и дядей. Дѣдъ при разставаніи благословилъ его, внушилъ ему любовь къ Господу, къ защитнику его отъ всѣхъ невзгодъ. Русудана жила еще нѣсколько лѣтъ въ благополучіи съ сыномъ своимъ, впоследствии она впала въ болѣзнь и приблизился день ея кончины: обняла она маленькихъ дѣтей, послала привѣтъ братьямъ и всѣмъ окружавшимъ, прося прощенія у всѣхъ въ прегрѣшеніяхъ, отдала Господу душу. Общій плачь и искреннія слезы вызвала кончина Русу-

даны, милостивой къ нищимъ и богобоязненной. Похороны были устроены царскія, и много имѣній было пожертвовано въ поминовение ея души. Фридонъ взялъ на себя тяжелую задачу извѣстить дѣда о кончинѣ его дочери. Онъ плачетъ и причитываетъ, вспоминая ея красоту, обреченную на съѣденіе червямъ въ тѣсной могилѣ. Мать же Русуданы, какъ бы изъ мщенія, пишетъ письмо Манучару, котораго посолъ застаеъ утромъ въ новомъ одѣяніи. Тронутый глубокимъ горемъ Манучаръ изорвалъ на себѣ платье и корону и въ гнѣвѣ ворвался къ царю, поднявъ на него руку, чтобы отплатить за разлуку съ дорогой супругой. Визирь отклонилъ его мечъ и вывели его на казнь, но пришедшій въ себя царь велѣлъ оставить его въ живыхъ, говоря, что онъ обезумѣлъ отъ горести. Манучаръ два дня пребывалъ въ безсознательномъ состояніи, и царь велѣлъ его отправить на родину. Безъ признаковъ жизни привезли Манучара къ Фридону, онъ очнулся и радовался при видѣ своихъ дѣтей, а бѣдная Русудана сошла въ могилу, не дождавшись желанной встрѣчи съ несчастнымъ супругомъ.

«Вотъ вамъ лукавая и ложная мірская суета!»

Семь потоковъ изъ Евфрата раемъ протекаетъ
 Божьей милостью каждый на семь распадеетъ,
 Въ 49 превращаясь, озаряетъ свѣтомъ духъ,—
 Поливайте всѣ сады, сну никогда не предавайся.
 Изрекли мудрые апостолы, мудростью не превозносясь,
 Ни для стяжанія злата, какъ дымъ испаряющагося:
 Сильные да не гордятся, ибо все здѣсь преходяще,
 Пишетъ женамъ въ очарованье, въ польщенье сердцу юноши ¹⁾.

Характеристическія черты героевъ и героинь, ихъ обаятельная наружность и душевныя свойства, описаніе битвъ богатырскихъ (ср. съ «молніей») и чудовищъ, встрѣча и разлука съ любимыми сыновьями— все это дано въ «Русуданіани» съ признаками грузинскихъ героическихъ произведеній. Театръ описываемыхъ дѣйствій Китай (Хатаети), Египетъ (Мисреги), Бухара, Уруми (Ромея), Іаменетъ (Послѣднія названія встрѣчаются и въ «Давришіани»). Описаніе красоты Русудани представлено въ обычныхъ выраженіяхъ: Она была подобна солнцу, расцвѣт-

¹⁾ Рукопись изъ библ. Чубинова 944 стр. Она дефектна, („наклеби“) и переписана Чачикадзе въ XVIII—XIX в. Въ языкѣ замѣтны архаическія формы: окончаніе *З л.* на *is*: „дабанис“, „гаихадис“; архаическія слова: вж. дахурва—*дабуурва*, *расх.* вж. раши *квиріаке* вж. квира; *бодзали* (стрѣла) и др. Наряду съ архаизмами рядъ неологизмовъ, что заставляеъ отнести обработку и вставки „Р—ни“ позднимъ переписчикомъ.

шему свѣтлыми струями рѣки, стройна какъ тополь съ лунообразнымъ лицомъ, черныя глаза напоминали чернильное озеро, брови, что утренняя заря легли на разстояніи цѣлой стрѣлы, ротъ какъ кристалль, рѣсницы тонко отточенная стрѣла изъ терновой иглы: сжигаетъ она всѣхъ своихъ зрителей и никто не можетъ устоять противъ ея взоровъ; волосы изъ гишера обвиваютъ серебряную шейку, губы—райская роза, зубы—жемчугъ, на бѣломъ тѣлѣ распущены чудныя косы какъ Зоила и Отрида (Кроносъ и Ерми). Красоты ея не описать Басавели и никто о подобной красавицѣ нигдѣ не слышалъ.

Плачь матери Русуданы при извѣстїи о кончинѣ дочери носить характеръ грузинскихъ причитанїй: «О дочь моя, убитая рукою моею, положившая душу свою за своего возлюбленнаго и погибшая вдали отъ него (мужа). Какъ ты живешь подъ черной землей? Дочь моя! ты тяготилась носить сорочку, какже выносишь тяжесть камня, какъ ты дружишься съ могилой твое райское лицо! Увы! какъ исказить земля твои жемчужины—зубы и розовыя губы. Я не въ силахъ придти къ твоей могилѣ и спросить, какъ приласкала тебя земля! Здѣсь ты не могла ни одной минуты остаться безъ сада и прогулки, а теперь въ тѣсной могилѣ какъ ты устроилась? Я же сломанное дерево все болѣе и болѣе отцвѣтающее»... «Русуданїани», какъ видно изъ его изложенїя представляетъ рядъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть выдѣлены или по сравненїю съ аналогичными сказанїями другихъ произведенїй (напр., гл. объ «Итинїавѣ»), или въ виду сопоставленїя ихъ съ обращающимися въ народѣ подобными же сюжетами (напр., о трехъ царевичахъ), или вскрывается внесенная глава по самому заголовку, напр., «Кайсріани», т. е. рассказъ о Кайсарѣ, т. е. кесарѣ. Слово само свидѣтельствуетъ о древности происхожденїя этого рассказа, такъ какъ оно ужъ въ Евангелїи встрѣчается въ формѣ «Кесарь». (Ср. греч. царь Коста стр. 30). Одинъ эпизодъ о царѣ Банарозѣ, имѣетъ параллель въ сказанїи о «гордѣемъ Аггеѣ», обработанномъ В. Гаршинымъ. Авторъ или переписчикъ внесъ въ «Р—ни» особенности имеретинскаго говора: Коста, даронинеба и др. (420).

Къ 1320 г. должно быть отнесено въ деревнѣ Нугзалѣ, на стѣнѣ храма приведенное стихотворенїе. Это же стихотворенїе оказалось въ рукописяхъ архим. Тарасїа Месхшвили и въ рукописной географїи Вахушти, найденной у кн. Д. Макаева. Изъ этого героическаго стихотворенїя явствуетъ, что осетины Багатаръ и Давидъ Сосланъ ¹⁾ съ

¹⁾ Ср. эти имена съ героями устныхъ сказанїй и „Алгузіани“.

братьями заняли Кавказъ, вступивъ въ борьбу съ «четырьмя царствами». Дѣйствительно, до Георгія V Блистательнаго Грузія дробилась на четыре самостоятельныхъ владѣній: Имеретія, Месхетія, Карталинія и Кахетія. Названные осетины похитили сестру (?) правителя Грузіи и заняли всѣ дороги, укрѣпили ихъ своими оруженосцами. Такое усиленіе осетинъ засвидѣтельствовано грузинской исторіей: въ 1301 г. осетинскій князь Пареджанъ разорилъ Карталинію и водворился въ Горійской крѣпости. Борьба между Карталиніей и Осетіей продолжалась до воцаренія Георгія V, который обуздалъ своеволие горцевъ и въ томъ числѣ осетинъ. Вотъ стихотвореніе въ русскомъ переводѣ:

Нась было семь братьевъ,—Чарджонидзе Тчахели,—
Ось-Багатаръ, Давидъ Сосланъ, воюющіе съ четырьмя царствами,
Пидарось, Джадарось, Сакуръ и Георгій, грозно нападающіе на
враговъ,

Трое нашихъ братьевъ—иноковъ: Исаакъ, Романозъ и Василій
Были преданными рабами Христа.

Мы занимаемъ узкія дороги, идущія въ четыре стороны,
Имѣя замокъ въ Касари, а таможеню здѣсь въ Нугзалѣ у моста,
Надѣюсь на будущую жизнь, хорошо устроившись въ этой.
Золотоносной земли и серебряной песокъ имѣю столько, сколько
воды,

Покорилъ я Кавказъ, возставъ противъ четырехъ царствъ,
Похитилъ я сестру у владѣтеля Грузіи, не измѣнилъ своему
обычаю,

Настигъ онъ, клятвенно измѣнилъ мнѣ, взялъ на себя мою кровь.
Бакатаръ отданъ теченію рѣки, избито войско осетинъ.

Кто увидитъ это стихотвореніе, скажите небольшое «прости»¹⁾.

Алгузіани.

Къ концу XIV и началу XV вѣка принадлежитъ поэма «Алгузіани», рукописи которой восходятъ къ XVII и XVIII вв. Поэма написана тяжелымъ языкомъ и неуклюжими стихами: обычной плавности въ стихѣ грузинскихъ поэтическихъ произведеній не замѣчается въ «Алгузіани». Можно даже думать, что поэма писана не природнымъ грузиномъ, [«первороднымъ сыномъ ц. Бакатара?»] а иноплеменникомъ, начитавшимся грузинскихъ стихотворныхъ памятниковъ. Начиная съ тенденціознаго яв-

¹⁾ См. *Жорданія*, Хроникъ, II, 177--8. Ср. *Джанашвили* при переводѣ „Алгузіани“. В.с. Ф. Миллеръ въ Отзывѣ о XXII вып. Сборника матеріаловъ для опис. племенъ и пр. Ж. М. Н. Пр. СССХШ (1897, № 10), 332.

ленія, что у осетинъ былъ знаменитый царь, авторъ старается ссылкой на свидѣтельство хазаръ, франковъ и влаховъ подкрѣпить что-то сложное, сомнительное и дѣйствуя въ интересахъ осетинъ, по всей вѣроятности, самъ принадлежитъ къ этому народу ¹⁾). Поэма отличается подражаніемъ «Барсовой кожѣ» Руставели и начинается, по образцу послѣдней, прославленіемъ Бога. Но эта имитация цвѣтуетъ въ неизящныхъ стихахъ смыслъ воззванія Руставели. Канва самой поэмы, помимо quasi исторической основы, заимствована у Руставели. Герой поэмы Алгузъ похищаетъ свою возлюбленную, покидаетъ отца и удаляется въ Кавказскія горы, гдѣ ведетъ продолжительную борьбу съ различными народностями. Романтический сюжетъ съ перемѣной ролей героевъ поэмы, сравнительно съ дѣйствующими лицами у Руставели, служитъ основаніемъ предполагать, что знаменитый поэтъ XII в. возбудилъ у неизвѣстнаго автора желаніе написать поэму въ прославленіе Алгуза ²⁾). Несмотря на то, что поэма была издана дважды, она возбуждаетъ рядъ неразрѣшимыхъ вопросовъ въ виду того, что текстъ ея воспроизводился по новымъ спискамъ безъ историко-критическаго и филологическаго изслѣдованія. Оба извѣстныхъ списка могутъ быть признаны несовершенными, и есть мѣста, которыя въ списокѣ Н. Гамрекели читаются вѣрнѣе, чѣмъ въ списокѣ Общества

¹⁾ В. О. Миллеръ. Ж. М. Н. Пр. 1897, X, 329.

²⁾ „Алгузіани“ съ переводомъ на рус. яз. издана М. Джанашивили по списку „Общ. грамотности въ Сборн. Матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа, в. XXII. Раньше поэма была напечатана на груз. яз. въ 1888 г. (Тифлисъ) Н. Гамрекели по списку, найденному священникомъ Іоанномъ Русіевымъ въ Нузальской церкви. Поэма со словъ Русіева называлась, говоритъ Н. Гамрекели, „Агустіанъ—Алгузіанъ—Русіанъ—Сарагонъ—Тчахиліони“. Рукопись „Алгузіани“, принадлежащая обществу грамотности (№ 541) состоитъ изъ 67 страницъ in 8. Писана грузинскимъ „мхедрули“ на старинномъ грузинскомъ языкѣ. Поэма эта въ напечатанномъ (въ 1885 году) видѣ наполнена грубыми и непростительными ошибками. Такъ напр., вмѣсто слова *благодѣтель* напечатано *службою* (строфа 3); вмѣсто *сдѣланные*—сказанные, *стараніемъ*—нравственностью, вмѣсто *нонскій*—опечалился, вмѣсто *булывы*—мурзы, вмѣсто *махамы*—дули, вмѣсто *Кауранъ*—Бавна, вмѣсто *ютскій*—божій, вмѣсто *нефти*—парчи и мн. др. Издатель не только неряшливо отнесся къ корректурѣ, но даже внесъ отъ себя пять четверостишій (см. 35 стр. печатнаго изданія), чего нѣтъ вовсе въ рукописи общества грамотности, а взамѣнъ этого пропустилъ два четверостишія—одно на 48 стр. и другое на 50; также кое-гдѣ переставилъ одно четверостишіе на мѣсто другого, замѣнилъ одни слова другими, не понявъ смысла и значенія ихъ и пр. Такъ что пользоваться печатнымъ изданіемъ нѣтъ никакой возможности. Есть, къ сожалѣнію, несправности и въ изданіи этой поэмы М. Джанашивили.

груз. грамотности по изданію М. Джанашвили. Таковы строфа 2, 5 и др. Русскій переводъ поэмы не всегда отличается близостью къ оригиналу, таковы строфы 14, 15, 18 («геніи» вм. чародѣи и др).

Поэма начинается словами:

Боже Великій и Высокій, разумомъ непостижимый,
Троица Единая, людьми невыразимый,
Отецъ съ Сыномъ и Духомъ Святымъ міръ создавшій,
Всяческой славой украшенный и мудростью невзреченный.

Послѣ длиннаго витіеватаго обращеннаго къ Богу въ родѣ приведеннаго, авторъ продолжаетъ:

«Имѣешь всякую силу, Боже, раны мои залечить,
Разуму моему прибавить знанія, душѣ моей-лучь!
Возьмусь записывать въ книги о нашемъ родословіи (о томъ),
Кто отъ кого зачался, кто изъ какой фамиліи происходитъ,
Кто сынъ какого рода, кто отъ кого идетъ
И кто какую оказалъ отвагу, на землѣ живя.
Все опишу разумно, правдиво, ничего не измѣню;
Обо всемъ, что случилось у насъ хорошо, начну, не колеблясь;
Въ какомъ видѣ протекла наша жизнь;
Помощью Христа Бога все бывшее изложу.

Что у оссовъ былъ царь сильный, (о томъ) говорили прагги
(европейцы), хазары и влахи

Его называли Бакатаромъ, мы не могли найти равнаго ему:
Красотою, силою, энергіей онъ удивлялъ всѣхъ видѣвшихъ его».

Далѣе идетъ родословная Алгуза, его происхождение одновременно отъ царя Давида и Августа, римскаго кесаря ¹⁾). Затѣмъ описываются его походы—покореніе Черкесіи и горъ Кавказскихъ, покореніе Чечни и страны Нонско-Калмуцкой и Монголіи.

Фабула поэмы заключается слѣд.: Алгузонъ, старшій сынъ царя Августа, влюбился въ дочь Кесарь-хана и хотѣлъ жениться на ней, но отецъ воспротивился ему взять дочь этого царя язычника. Алгузонъ похитилъ ее («Естери» ²⁾). За это отецъ лишилъ сына права перво-

¹⁾ Такая генеалогія могла быть приписана авторомъ осетинскимъ царямъ, находившимся въ родствѣ съ грузинскими Багратідами, возводившими свой родъ къ царю-пророку Давиду. „Изъ рода Иессей—Давида—Соломона Мудраго... мы произошли“. Ср. съ этимъ титулъ грузинскихъ царей: „Иессей-Давитіанъ-Соломоніанъ“... Но авторъ „Алгузіани“ дѣлаетъ своего героя для возвеличенія вѣстѣ съ тѣмъ сыномъ и Августа-кесаря.

²⁾ Ср. грузинскую народную поэму объ „красавицѣ Этери“.

родства и вмѣсто него наслѣдникомъ престола объявилъ младшаго своего сына. Алгузонъ разгнѣвался на отца, съ приверженцами своими поплылъ по морю и прибылъ въ Черкесію, завоевалъ ее, а также Чечню, послѣ того какъ ея царь тщетно попытался отвязать у него жену, покорную Амосари [Абхазію?], княжество Миланкари, царство нонцевъ¹⁾-калмуковъ, гдѣ возложили на главу его монгольскую золотую корону; осетины же признали его своимъ законнымъ царемъ, ибо онъ происходилъ изъ сѣмѣи еврейскихъ царей: Иессея, Давида и Соломона.

Алгузонъ еще не успѣлъ упрочиться на престолѣ Черкесіи и Осетіи, какъ возстали противъ него цари: Алискантеръ Амосарскій и Каиранъ Джаджева Чеченскій. Однако Алгузонъ двинулъ на нихъ свои полки, разбилъ враговъ, въ числѣ которыхъ особенно яростно дрались хетажи²⁾ и убилъ ихъ царей нонскаго Амахуни и чеченскаго Каирана. Жена Каирана Марія-Хатуна оплакиваетъ трупъ мужа³⁾. Вторая пѣсня озаглавлена: Вступленіе въ Амасори и покореніе его; третья—Алгузонъ простился съ амоссарскимъ княжествомъ, четвертая—Алгузонъ назначаетъ Гамрекели княземъ Горанды (?); пятая—Вѣсть о смерти царя Алгузона, Асланъ Гамрекели просилъ у Алгуза помощи противъ Амосарскаго царя.—Алгузъ убиваетъ самого Амосарскаго царя Алискантера (Александра). На похороны пріѣзжаетъ сестра Алискантера царица Миланкарская Джанкала, собиравшаяся воевать съ Алгузомъ. Послѣдній отказывается великодушно отъ завоеваннаго царства въ пользу Амосарской царицы-вдовы. Гамрекели же былъ назначенъ княземъ города Горанды. Въ виду жалобъ населенія на Гамрекели, Алгузъ хотѣлъ его наказать, но Гамрекели предупредилъ намѣреніе царя, вторгся ночью въ его спальню и зарѣзалъ соннаго.

Въ поэмѣ названы: нонскія царевны—Эліонъ, Элиронія и Лестанія, ихъ визири—Кабаиръ, Сарагъ и Тибадъ и царскій казнохранитель Курупатра; чеченская царица Ева Маріамъ-Хатунъ, супруга Каирана Джаджева, амосарскіе визири Антиръ, Азапръ и Белиторъ.

¹⁾ Войска нонцевъ кричали „hila, hila“, въ чемъ нужно видѣть мусульманскій возгласъ Аллахъ, Аллахъ!

²⁾ По преданію, осетины Хетагуровы происходятъ отъ хетага, кабардинца. Слово „хетажъ“ на черкесскомъ языкѣ значить „старый участникъ“.

³⁾ Въ фантастическихъ чертахъ какъ во многихъ другихъ груз. произведеніяхъ описываются зданія въ нонскомъ царствѣ, „построенныя изъ мрамора и обведенныя новыми стѣнами изъ золота. Алгузъ, возсѣвъ на золотой тронъ монголовъ“ вмѣстѣ съ царицей Эстери принимаетъ дары и выслушиваетъ прославляющіе его стихи „риторовъ изъ города Атина“ (Аѣины).

Алгузъ былъ убитъ измѣннически. Наслѣднику его Чархилу при смерти отца было только 14 лѣтъ. Алгузу соорудили памятникъ съ длинною надписью на немъ, въ которой перечислены были всѣ его заслуги.

Въ послѣдней пѣснѣ, послѣ поэтическихъ причитываній надъ прахомъ Алгуза царицы Эстери, помѣщена слѣдующая картинка:

«Это были послѣднія слова ея: она испустила духъ.

Сердца всѣхъ потряслись, увидѣвъ ее прильпившуюся къ трупу
царя,

Приложившую блестящее свое лицо къ лицу царя и умершую.

Въ тотъ же день оба—солнце и луна—скатились съ неба.

И великую царицу Эстерь, солнцеподобное свѣтило,

Положили въ золотой гробъ и поставили бокъ-о-бокъ съ царскимъ
гробомъ;

Ихъ стали оплакивать государи, братья, сынъ и всѣ народы.

По совершеніи надъ ними всѣхъ похоронныхъ обрядовъ, возд-
вигли имъ месери ¹⁾

Надъ могилами поставили памятникъ красивый

Изъ тесаныхъ камней, столбъ его былъ прекрасно украшенъ дра-
гоцѣнностями,

Надъ нимъ водрузили изображеніе Алгузона, сдѣланное изъ мрамора,

Со слѣдующею надписью на немъ о достоинствахъ царя:

Если спросите, отвѣчу вамъ:—я царь амоссарскій

Вседержецъ великихъ государствъ, изъ корня и рода царя Давидова,

Алгузонъ, великій государь, самодержецъ Миланкари,

Повелитель великій оссовъ, черкесовъ, чеченцевъ, кистинъ, нон-
скаго двора,

По роду изъ великаго Августіана, владѣтель горъ и равнинъ.

Эльбруса, Кавказа и окружающихъ его странъ,

Православный христіанинъ и молящійся Вседержцу неба и земли,

Долгоплечій, рукою сильный, царствующій при содѣйствіи шашки,
пишака и щита».

Поэма кончается благочестивыми размышленіями автора о томъ, что Алгузонъ пострадалъ за то, что не исполнилъ заповѣди Божіей о послушаніи родителямъ:

«Какъ онъ не обрадовалъ своихъ родителей,

Такъ и Богъ не далъ ему времени радоваться, глядя на свое
царство...

¹⁾ Месери—мавзолей.

Его (Алгуза) тоже наказаль Онъ, такъ поступилъ и съ сыновьями (?) его».

Но Господь далъ обѣщаніе Давиду, что родъ его не пресѣчется и будетъ царствовать надъ народами.

Благодаря такому обѣщанію Бога, у царя Алгуза остался только одинъ сынъ —

Дчархиланъ, четырнадцать лѣтъ, наслѣдникъ отца своего.

И его исторію узнаемъ послѣ по дѣліямъ его;

Отецъ и мать его превратились въ прахъ, у сына же ихъ еще молоко на губахъ!».

Это окончаніе странной поэмы какъ будто говорить о томъ, что она представляетъ лишь часть хроники царственнаго дома Алгузона, которую имѣеть въ виду написать авторъ ¹⁾. Если авторъ исполнилъ свой планъ, то можно ожидать въ области грузинской рукописной литературы открытія и обѣщаннаго продолженія. «Быть можетъ мы ошибаемся, но на насъ она производитъ впечатлѣніе какого-то искусственнаго и какъ будто тенденціознаго сочиненія, въ которомъ книжный элементъ сильно подавляетъ кое-какія народныя преданія. Авторомъ ея могъ быть какой нибудь родовитый книжникъ, возводившій свой родъ къ осетинскимъ Багратидамъ, которыхъ генеалогію оспаривали», говорить проф. Миллеръ. Что касается времени ея написанія, то г. Лопатинскій привелъ въ своей замѣткѣ къ «Алгузіани» нѣсколько вѣскихъ соображеній въ пользу того, что поэма не могла явиться раньше 1400 г. и позже 1453 г., когда палъ Константинополь, такъ какъ авторъ ничего не знаетъ (*точно не говоритъ*) о туркахъ на берегахъ Воспора. Но если въ калмухахъ поэмы видѣть калмыковъ, ставшихъ извѣстными

¹⁾ Предположеніе В. Ө. Миллера оправдалось. Въ груз. газ. „Цнобисъ Пурцели“ (1898, № 555) появилось письмо „Самачаблоели“, который рассказываетъ слѣд.: „Сынъ свящ. І. Русіева, ключарь Мухетскаго собора Гр. Русіевъ передавалъ ему, что нынѣ напечатанная Алгузіани только десятая часть той поэмы, которую онъ помнитъ въ домѣ своего отца. Рукопись въ дл. $\frac{1}{2}$ арш. и шир. 6 вершк. была написана красивымъ мхедрули“ съ иллюстраціями: здѣсь были изображены—Бежанъ, Алгузь и др. Заглавіе ея было: „Алгузонъ-Русіани—Чараджонъ-Тчахилиони“. Нѣкоторыя поблекшія и загрязненныя мѣста рукописи были восстановлены братомъ Гр. Русіева, Александромъ, получившимъ образованіе въ духовной академіи. Этотъ послѣдній сообщилъ Н. Гамрекели изъ рукописи мѣста, касающіеся фамилій Гамрекеловыхъ. Рукопись изорвали дѣти; въ ней между прочимъ передавалась борьба Алгуза съ русскими. Царь Іоаннъ Грозный взялъ въ плѣнъ сына Алгузона—Ізона—во плѣнъ. Сыновья его, вернувшись въ Грузію, именовались Русіевыми“.

на Кавказѣ лишь въ концѣ XVII-го столѣтія ¹⁾), то авторъ поэмы жилъ позже этого времени.

Сиринозіани ²⁾).

Романъ, подъ названіемъ Сиринозіани, не упоминается—ни въ припискѣ о романахъ въ концѣ «Барсовой кожи», ни въ энциклопедіи «Арчиліани»—царя Арчила. Тѣмъ не менѣе рукописи его не рѣдки въ Грузіи и даже нѣсколько экземпляровъ его находитея въ бібліотекѣ тифлискаго комитета грузинской грамотности.

Разсказъ начинается съ того, что царь Турана Ардапесъ ³⁾ (или Ардапъ) приказываетъ своему войску приготовиться къ продолжительному походу, а предъ отправленіемъ пируетъ съ своими сподвижниками у покореннаго имъ царя Хардума Ширазскаго. Во время обѣда чья-то невидимая рука внезапно похищаетъ царя съ пира и переноситъ его въ Индію, гдѣ онъ видитъ сидящаго на тронѣ старика съ бѣлой бородой—индійскаго царя Шапура, царицу—жену его и прекрасную дочь. Престарѣлый Шапуръ извиняется, что похитилъ его такимъ постыднымъ образомъ, и затѣмъ онъ и царица предлагаютъ гостю взять за себя ихъ дочь. «Любовь къ царевнѣ похитила Ардапово сердце, и онъ разсыпается въ благодарностяхъ предъ царемъ Индостана. Живо устраивается свадьба, молодые веселятся, затѣмъ садятся на тронъ и, везомые джинами (духами), летятъ въ свое царство. Между тѣмъ, когда царь Ардапъ пропадаетъ такимъ таинственнымъ образомъ, сподвижники Ардапа обвиняютъ его во всемъ случившемся хозяина—царя Хардума и клянутся его убить, если не воротится ихъ владѣтель. Хардумъ кланется Соломономъ ⁴⁾), что онъ неповиненъ и проситъ принести ему волшебное зеркало изъ его спальни, поглядѣвши въ которое онъ можетъ узнать всю истину. Приносятъ ему зеркало, онъ смотритъ и, вздохнувъ, говоритъ: «Радуйтесь, царь вашъ живъ, но горе мнѣ, моя милая Нануджана (такъ звали дочь Шапура) крещена ⁵⁾

¹⁾ Не находится ли другое названіе калмуховъ въ поэмѣ *конны* въ связи съ названіемъ родовыхъ старшинъ у калмыковъ *нойоны*?

²⁾ Излагая эту повѣсть по статьѣ г. Грена въ газ. „Кавказъ“ я сличалъ его пересказъ съ двумя рукописями, изъ которыхъ одна принадлежитъ мнѣ, а другая кн. Ив. Бектабегу. Обѣ рукописи XIX в.

³⁾ По моей рукописи, а по рукописи кн. Бектабегова—„Ардапъ“.

⁴⁾ Собственно солнцемъ могилы мудраго Соломона. Здѣсь намекъ на знаменитый талисманъ востока.

⁵⁾ Христіанскій элементъ.

и ѣдет сюда». При этихъ словахъ вельможи видятъ несущійся по воздуху блестящій тронъ, а на немъ ихъ царя Ардапа и съ нимъ престелстную дѣвушку. Радости нѣтъ конца: сподвижники царя Турана обнимаютъ его колѣни, пять дней продолжается пиръ, а въ концѣ концовъ царь даруетъ свободу плѣнному имъ Хардуму, несмотря на полное несогласіе съ нимъ жены. Этимъ кончается первая глава.

Во второй главѣ разсказывается о томъ, какъ во время пира прибѣгаетъ бѣглець изъ города Маршика (Востока) Уміана и докладываетъ, что царь Персіи Музампаръ осадилъ этотъ городъ и что защитники его, вмѣстѣ съ визиремъ Чапуромъ, уже едва выдерживаютъ осаду. Ардапъ съ войскомъ отправляется къ Уміану, и послѣ упорнаго боя персы разбиты, а Музампаръ убитъ. Радостно встрѣчаютъ царя освобожденные, въ счастливый городъ прибываетъ царица и нѣтъ конца веселью побѣдителей.

Въ третьей главѣ бѣглецы разбитаго персидскаго войска прибываютъ къ сыну убитаго Музампара—Спандіеру и сообщаютъ ему о пораженіи персовъ. Не находя защиты и удовольственія мести, Спандіеръ проситъ помощи у своего дяди, чародѣя Ергина, помощи сверхъестественной. «Отправляйся на Ардапа», пишетъ ему въ отвѣтъ Ергинъ, «и не бойся, такъ какъ я съ тобою». Это письмо Ергинъ посылаетъ съ подвластнымъ ему чародѣемъ, требуя отъ него, чтобы онъ далъ ему знать о встрѣчѣ племянника съ врагами. Спандіеръ гигантъ съ желѣзными зубами, какъ говорится въ рукописи, съ радостью выступаетъ въ походъ. Ардапъ его встрѣчаетъ съ безчисленнымъ войскомъ; Спандіеръ умоляетъ свои войска отомстить за его отца. Начинается бой. При первой стычкѣ персы разбиты и бѣгутъ, Спандіеръ въ отчаяніи самъ бросается въ бой, но въ это время чародѣй Ергинъ похищаетъ Ардапа и визиря Чапура, и побѣда остается за царемъ Персіи. Масса бѣдствій обрушивается на Туранъ: царицу Нануджану похищаетъ неблагодарный Хардумъ и увозитъ въ Ширазъ; вельможа Спандіера Хосро воцаряется надъ Тураномъ; царь Ардапъ и визирь Чапуръ обращены Ергинномъ въ собакъ и караулятъ его дворецъ. Оканчивается эта глава разсказомъ о бѣдствіяхъ Нануджаны. Нануджана беременна и желаетъ лучше умереть, чѣмъ жить у Хардума, но влюбленный Хардумъ умоляетъ ее стать его женой. «Развѣ я не царь, говоритъ Хардумъ, и развѣ мало царей служатъ рабами моими? Развѣ живъ Ардапъ? Кто же тебя освободитъ? Полюби меня и, покуда я живъ, я буду твоимъ рабомъ». Нануджана не хочетъ и слушать его; онъ умоляетъ ее, но она желаетъ смерти. Въ это время она видитъ во снѣ старца, объявляющаго ей, что Ардапъ живъ и что ея сынъ

освободить ее. У царицы родится сынъ, но Хардумъ приказываетъ его бросить въ море. Вельможа Шабратъ, которому поручено это дѣло, плѣненный красотою младенца, сжаливается надъ нимъ, и хотя бросаетъ его въ море, но посадивши предварительно въ деревянный ларь¹⁾, въ который вмѣстѣ съ нимъ сажаетъ козу. Нануджана плачетъ, рыдаетъ и не хочетъ и слышать о замужествѣ. Разгнѣванный Хардумъ сажаетъ ее въ клѣтку до тѣхъ поръ, пока не склонится въ его пользу ея безразсудное сердце. Этимъ оканчивается третья глава.

Между тѣмъ, море выбрасываетъ ларь на берегъ Загнджана, гдѣ живетъ волшебница Арута. Увидя ларь, волшебница приказываетъ его привести къ себѣ, разбиваетъ и видитъ «небесно-прекраснаго младенца». Проникнутая любовью и желая въ немъ выростить себѣ возлюбленнаго, она дѣлаетъ надъ нимъ заклинанія и мажетъ его зельемъ. Съ помощью волшебства она создаетъ прекрасную комнату, гдѣ птицы поятъ молокомъ младенца и убаюкиваютъ его, а 300 каждей (особый родъ духовъ) и волшебниковъ день и ночь караулятъ его. Называетъ его Арута Сиринозомъ, думая, что онъ родился отъ моря, и съ семи лѣтъ начинаетъ его поучать чародѣйскому искусству. Въ свободное время Сириносъ прогуливается въ саду, гдѣ поютъ райскія птицы и гдѣ живетъ куропатка, о которой далѣе будетъ много рѣчи на страницахъ «Сириносіани». Между прочимъ, волшебница показываетъ Сиринозу три стѣнныхъ шкафа, прося учиться по содержимому въ двухъ изъ нихъ, но третьяго безъ ея позволенія не открывать. Такимъ образомъ юноша учится всякимъ премудростямъ. Любопытство и явившійся во снѣ челоуѣкъ заставляютъ его открыть, наконецъ третій шкафъ, и здѣсь онъ видитъ всю вселенную и, между прочимъ, своихъ родителей, обращенныхъ въ собакъ, и свою несчастную мать, Нануджану, сидящую въ клѣткѣ. Сириносъ опечаленъ, но скрываетъ причину своей печали отъ Аруты, отговариваясь тѣмъ, что ему очень хочется посмотрѣть въ третій заповѣдный шкафъ. Вторую ступень обученія составляютъ еще два шкафа, изъ которыхъ второй опять заповѣдный. Знанія, полученные Сиринозомъ отъ изученія перваго шкафа, приводятъ его въ восторгъ. Радостно онъ встрѣчаетъ Аруту. Арута въ восторгѣ; она принимаетъ все за чистую монету и, горя любовью къ Сиринозу, убиваетъ своего прежняго возлюбленнаго, дэви-Карума, дабы замѣнить его своимъ питомцемъ. Здѣсь оканчивается четвертая глава.

---

¹⁾ Известный сказочный сюжетъ, вторгшійся даже въ историческій разсказъ о Лаша-Георгіи, сынѣ царицы Тамары.

Въ пятой главѣ Сиринозъ уже открываетъ второй шкафъ и находитъ тамъ цѣлый рядъ магическихъ предметовъ: покрывало, служащее чѣмъ-то въ родѣ шапки-невидимки, золотой перстень, придающій носящей его рукѣ необыкновенную силу, вѣчно острый кинжалъ, лапти скороходы (въ родѣ башмаковъ Гермеса), магическое перо (все имъ написанное тотчасъ же исполняется) и книгу, дающую власть ея хозяину надъ всѣми духами, т. е. дѣвами, каджами и земными чертами. Тутъ же Сиринозу опять является какой-то человекъ и приказываетъ ему убить Аруту не позже, какъ на третью ночь, объяснивъ, что на мизинцѣ у волшебницы есть кольцо, и что въ немъ таится ея смерть. Является сама волшебница; хитрый Сиринозъ обманываетъ ее льстивыми словами; полная страсти, она приказываетъ приготовить ужинъ. Послѣ ужина новые любовники ложатся на магическую постель, которую обвиваетъ драконъ. Волшебница отдаетъ свое кольцо Сиринозу, но тѣмъ не менѣе, онъ не находитъ времени въ первую ночь убить ее, такъ какъ, полная страсти, она не спитъ до утра. Во вторую ночь, опьяненная виномъ волшебница засыпаетъ, и неблагодарный Сиринозъ, пользуясь моментомъ, втыкаетъ ей свой кинжалъ въ сердце. Арута умираетъ, и все то, что она создала своимъ чародѣйствомъ, умираетъ съ нею: живо исчезаютъ замокъ, его роскошь, его населеніе, и на голомъ берегу остается лишь одинъ голый Сиринозъ.

Чувствуя непривычную прохладу, молодой герой призываетъ главнокомандующаго каджами, Сардана, и проситъ его достать ему какую-либо одежду. Сарданъ раздѣваетъ на свадьбѣ гдѣ-то царскаго сына и облакаетъ въ его одежду Сириноза. Затѣмъ Сиринозъ надѣваетъ золотой перстень себѣ на палецъ, покрывало на лицо, лапти на ноги, остальные талисманы кладетъ въ карманъ и выражаетъ желаніе отправиться въ Индію, въ домъ какого-нибудь крестьянина. Герой засыпаетъ и, проснувшись, оказывается уже на мѣстѣ. Этимъ оканчивается пятая глава.

Проснувшись въ Индіи, Сиринозъ видитъ старика и старуху, сильно удивляющихся его появленію: герой объясняетъ, что онъ голоденъ, что онъ сынъ купца, корабль котораго разбило море и который погибъ, а въ концѣ концовъ проситъ принять его своимъ сыномъ. Отъ радости супруги чуть не сходятъ съ ума и благодарятъ Бога за такую великую милость. Сиринозъ спрашиваетъ старика, кто онъ, и, узнавъ, что его зовутъ Бабуломъ и что онъ занимается выдѣлкою выючныхъ сѣделъ, начинаетъ развѣдывать объ обстоятельствахъ и событіяхъ въ той странѣ, куда онъ пришелъ. Бабульъ объясняетъ, что въ странѣ царствуетъ могучій царь Дардузъ и страна находится въ

великомъ благоденствіи. У царя нѣтъ даже ни одного врага, такъ какъ послѣдній изъ нихъ волшебница Арута, похитившая его дочь и обратившая ее въ куропатку, убита какимъ-то Сиринозомъ. Дѣвушка эта такъ хороша, что за одинъ ея портретъ цари платятъ по 100.000 и даже она принуждена носить покрывало, такъ какъ всякій, видѣвшій ее хоть разъ, влюбляется въ нее до безумія. Она дала обѣщаніе выйти замужъ лишь за того, кто окажется самымъ могучимъ и неустрашимымъ богатыремъ и первымъ красавцемъ, и вотъ потому каждое воскресеніе устраиваются турниры. До начала турнира выходитъ обыкновенно изъ дворца одна дѣвушка съ ларемъ, куда кладетъ каждый свою просьбу, а у кого ея нѣтъ, то какой-либо подарокъ въ пользу бѣдныхъ. Самымъ могучимъ богатыремъ у нихъ Барамъ-индеецъ, съ которымъ только можетъ поспорить нѣкто Дерипъ-шахъ, сынъ сѣвернаго царя. Сиринозь интересуется, не видать ли кто эту царевну, которую зовутъ Муштариджанъ, безъ покрывала. «Да, отвѣчаетъ Бабула, это дочь визиря Сусамбара, которая всю ночь ее забавляетъ разными рассказами; братъ же ея состоитъ при царевнѣ главнымъ адъютантомъ». Услышавъ это, Сиринозь заочно влюбляется въ Муштариджанъ, подобно многимъ рыцарямъ среднихъ вѣковъ, цѣлую ночь онъ не спитъ и все думаетъ о своей возлюбленной, и лишь только разсвѣтаетъ, упрашиваетъ Бабула выйти съ нимъ на прогулку, прося при этомъ непременно называть его своимъ сыномъ. Новые родственники выходятъ на улицу и здѣсь красивый видъ Сириноза собираетъ около него цѣлую толпу любителей красоты. Всѣ спрашиваютъ Бабула, кто съ нимъ такой красивый юноша, и на отвѣтъ его, что это его сынъ, недовѣрчиво смѣются. Тутъ же имъ встрѣчается визирь и, увидя Сириноза, приходитъ въ восторгъ. Сиринозь бьетъ ему челомъ и голось его кажется визирю голосомъ ангела. Въ волненіи онъ его приглашаетъ на обѣдъ. Вернувшись домой, визирь все рассказываетъ своей дочери Сусамбарѣ, а та, разумѣется, Муштариджанъ. Женское любопытство затронуто, царевна приказываетъ своей наперсницѣ разузнать все подробно о Сиринозѣ и съ нетерпѣніемъ ждетъ результата.

Между тѣмъ Сиринозь, дабы отвязаться отъ своихъ уличныхъ преслѣдователей, проситъ Бабула купить ему покрывало. Такъ какъ у старика не оказалось денегъ, то прибѣгаютъ къ одному изъ талисмановъ: вынимается магическое перо, пишется извѣстная цифра и деньги оказываются въ карманѣ. Купленное покрывало не спасаетъ, однако, Сириноза: толпа провожаетъ его до самаго дома визиря. Во время обѣда Сусамбара старается рассмотреть Сириноза изъ окна, что

ей и удается, когда онъ снимаетъ покрывало. Въ восторгѣ при видѣ его красоты, она восклицаетъ: «Зачѣмъ ты сынъ ^ѣкушца? Если бы ты былъ царевичемъ, или сыномъ вельможи, то ты былъ бы вполне подходящимъ мужемъ для моей госпожи Мухтариджанъ!» Въ эту же ночь Сусамбара рассказываетъ все подробно царевнѣ и та, подобно Сиринозу, также заочно, благодаря тому, что видитъ его во снѣ, влюбляется въ него. Всю ночь тоскуетъ царевна и утромъ сознается своей подругѣ въ своей любви. Между тѣмъ Сириносъ рѣшается пуститься на добываніе руки царской дочери и для этого является на ближайшій по времени турниръ. Явленіе Сириноза возбуждаетъ общее вниманіе— всѣ поражены имъ, а царская дочь чуть не сходитъ съ ума. Начинается пиръ и послѣ пира Сириносъ кладетъ свое признаніе въ любви въ заповѣдный ларь. Начинается турниръ. Витязи отчаянно джигитуютъ, и странно, Сириносъ, какъ бы боясь, прячется за своего нареченнаго отца. Царевна это видитъ, и негодуетъ, а тутъ еще просьба мнимаго труса. Въ гнѣвѣ она указываетъ въ своей резолюціи на неравенство ихъ положеній и грозитъ дерзкому казнь. Тогда Сириносъ пускается на хитрость. Онъ приготовляетъ прекрасный обѣдъ и приглашаетъ да него самого главнаго приближеннаго царевны, напередъ купивъ съ помощью магическаго пера роскошный домъ. Между тѣмъ, царевна непреклонна, напрасно ее упрасиваетъ Сусамбара—за труса не пойдетъ дочь владѣтеля Индостана. Сириносъ надѣваетъ свое волшебное покрывало и невидимо добирается до постели Мухтариджаны. Все разузнаетъ герой, узнаетъ и то, что его обвиняютъ въ трусости, и наконецъ, цѣлуетъ царевну и тутъ же изъясняется ей невидимо въ любви. Выйдя изъ дворца, онъ рѣшается показать свою настоящую удалъ.

На серединѣ майдана, гдѣ происходятъ турниры, стоятъ на трехъ столбахъ три золотыя чаши. Ихъ нужно рыцарю сбить на семь скаку ¹⁾. Такого подвига и ловкости еще никто никогда не совершалъ. Сириносъ приказываетъ своему вѣрному слугѣ Сардану достать ему отцовское богатырское оружіе и богатырскую лошадь, садится на нее, вооружается и на первомъ же скаку сбиваетъ всѣ три приза. Послѣ этого подвига Сириносъ возвращается домой и первымъ же долгомъ приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ Сусамбару и старается съ помощью ея добраться до сердца царевны. Но напрасно убѣждаетъ царевну дочь визира, напрасно увѣряетъ, что сынъ Бабула на слѣдующемъ

¹⁾ Подобныя игры устраивались въ Тифлисѣ еще въ началѣ XIX вѣка.

турниръ покажетъ свое удалство, что онъ и есть тотъ герой, который сбиль три чаши. Царевна считаетъ все это за пустую сказку.

Кончается эта глава картиннымъ описаніемъ восточнаго турнира. На майданъ съѣзжаются удалые богатыри въ своихъ богатырскихъ доспѣхахъ, кругомъ толпы народа, а съ высокой башни смотрятъ на гипсодромъ царь, царица и царевна и ихъ вельможи. Вотъ выѣзжаетъ сынъ сѣвернаго царя; онъ вызываетъ индійскихъ рыцарей на бой. На него летятъ богатыри, но онъ ихъ сбрасываетъ съ коней и убиваетъ. Въ это время на середину арены выѣзжаетъ на черномъ конѣ молодой красавецъ. Вызывательныя рѣчи обращаетъ онъ къ царю, и царь высылаетъ противъ него своихъ богатырей. Это Сиринозъ. Могучей рукой онъ ихъ схватываетъ, подкидываетъ, какъ мячи, и раздробляетъ о землю. Всѣ изумлены, самъ сынъ сѣвернаго царя бросается на героя, и тотъ притворно какъ бы ему уступаетъ. Народъ кричитъ, народъ осыпаетъ насмѣшками труса. Арканъ противника уже связываетъ его, но еще моментъ, и вмѣсто побѣжденнаго Сириноза, самъ Деринъ-шахъ летитъ на воздухъ и его кости смѣшиваются съ мясомъ и обращаются въ безформенную массу. Тогда Барамъ, другой герой, сдается безъ боя. Этимъ оканчивается шестая глава.

Сиринозъ отправляется освободить своихъ родителей и появляется, наконецъ, въ Зулуметистанѣ, гдѣ живетъ волшебникъ Ергинъ. Увидя прекраснаго юношу, подходящаго къ его дворцу, Ергинъ дѣлаетъ свое обычное заклинаніе, но оно не причиняетъ Сиринозу никакого вреда.

Въ удивленія Ергинъ спрашиваетъ его, не онъ ли убійца его бабушки Аруты, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, бросаетъ въ Сириноза склянку съ волшебнымъ зельемъ. Избѣгнувъ вѣрной гибели съ помощью своего покрывала—невидимки, Сиринозъ видитъ, что все то, на что попало зелье, моментально превращается въ звѣрей. Видя съ своей стороны неудачу, Ергинъ обращается въ прекрасную дѣвушку, всю израненную и съ перерубленной шеей. Напрасно манитъ чародѣй героя, взывая о помощи—на Сириноза не подѣйствовали и эти чары. Чародѣй приглашаетъ Сириноза къ себѣ во дворецъ, но тотъ не соглашается идти. Тогда вынимаетъ чародѣй изъ за пазухи лошадиный волосъ и, обративъ его въ дракона, поднимается на воздухъ. Цѣлой тучей налетаютъ драконы съ воздуха на Сириноза, но сдѣлать ему ничего не могутъ. Удивленный и испуганный чародѣй проситъ уже пощады, но Сиринозъ требуетъ обратнаго превращенія изъ собакъ въ людей своего отца и визиря. Проситъ волшебникъ Сириноза зайти къ нему и здѣсь совершаетъ новое чародѣйство. Сиринозъ видитъ нѣсколькихъ мальчиковъ, за которыми гонится великанъ съ лукомъ. Вели-

кавъ стрѣляетъ въ Ергина, тотъ просить помощи у Сириноза, но и это чародѣйство не помогаетъ. Тогда чародѣй обращается въ глубокой потокъ, среди котораго стоятъ два дерева, на нихъ молодой герой оказывается стоящимъ. Сиринозъ хочетъ спрыгнуть на землю, но мгновенно попадаетъ въ воду. Изъ дворца выходитъ прекрасная дѣвушка, подаетъ Сиринозу руку, вытаскиваетъ его на берегъ и здѣсь начинаетъ надъ нимъ заклинанія. Въ критическую минуту появляется Сарданъ-каджъ и совѣтуетъ Сиринозу убить волшебницу своимъ магическимъ кольцомъ, что тотъ и исполняетъ. И вотъ исчезаетъ все съ лица земли и остаются лишь одни вновь обращенные въ людей звѣри. Царь Арданъ и визирь падаютъ въ ноги герою, но тотъ поднимаетъ ихъ и объявляетъ, чей онъ сынъ. Радости нѣтъ конца, отецъ со слезами обнимаетъ своего милого сына и только одна печаль омрачаетъ его ликъ — у него нѣтъ болѣе ни царства, ни дорогой супруги. Этимъ оканчивается глава.

Въ слѣдующей главѣ Каджи уносятъ царя и визира въ ихъ царство, Сиринозъ летитъ за ними. Цѣлое войско каджей является въ распоряженіе Сириноза. У родного города происходитъ трогательная сцена, очень похожая на сцену въ Одиссеѣ, когда рассказывается о возвращеніи героя домой. Съ Ардапомъ встрѣчается его старый придворный, превратившійся въ сельскаго десятника. Узнавъ царя, онъ обнимаетъ его колѣна; старики заливаются слезами, и счастливый отецъ съ гордостью рассказываетъ про своего знаменитаго сына. «Не бойся, Джаханъ», говоритъ царь, «посмотри на моего милого сына, даровавшего намъ такое великое счастье». Между тѣмъ, новому царю, Хосро, уже донесли о приближеніи враговъ во время пира, и пьяные царедворцы начинаютъ выбирать изъ своей среды полководцевъ. Сиринозъ невидимо входитъ въ царскій гаремъ и похищаетъ оттуда царицу. Плачъ и рыданіе поднимается въ царскомъ дворцѣ, Хосро шлетъ гонцовъ къ Спандіеру и самъ выходитъ на послѣдній бой. Сиринозъ подбрасываетъ противника на воздухъ и разбиваетъ его вдребезги, а побѣдоносная армія входитъ въ Уміанъ, гдѣ опять воцаряется Арданъ. Теперь остается Сиринозу освободить свою несчастную мать, чѣмъ и занимается слѣдующая глава.

Въ роскошномъ ширазскомъ дворцѣ пируетъ Хардумъ съ своими вельможами и прекрасными дѣвками. Въ разгарѣ пира ничего не слышатъ и не видятъ безумцы, напрасно докладываютъ Хардуму о появленіи врага, онъ не хочетъ и слышать и приказываетъ убить несчастныхъ вѣстниковъ. Въ эту минуту является невидимо Сиринозъ и самъ разсѣкаетъ пополамъ гонца. Всѣ въ ужасѣ, пирующие

разбѣгаются въ разныя стороны и остаются лишь вооружившійся Хардумъ и Сиринозь; вѣсть объ удивительномъ приключеніи доносится до сидящей въ клѣткѣ несчастной Нануджаны. Со страшными ругательствами Сиринозь снимаетъ съ себя покрывало; напрасно Хардумъ замахивается на него своею желѣзною палицею,—герой подбрасываетъ его на воздухъ и раздробляетъ въ дребезги. Видя смерть своего царя, прибѣжавшіе придворные молятъ Сириноза о пощадѣ, а великій визирь Хардума, Джанхузъ, ведетъ героя въ тотъ садъ, гдѣ такъ долго мучится его несчастная мать. Бѣдная Нануджана не знаетъ, видитъ ли она это во снѣ, или на яву; узнавши же обо всемъ случившемся, она заливается слезами и проситъ за великаго визиря, который, какъ оказывается, всячески поддерживалъ ее въ несчастіи. Кончается все самымъ благополучнымъ образомъ—всѣ ѣдутъ назадъ въ свое царство, а всѣхъ плѣнныхъ Хардумомъ Сиринозь приказываетъ каждаму отвезти по домамъ, причѣмъ велитъ о прибытіи ихъ доставить надлежащія квитанціи. Но этимъ еще не кончаются еще всѣ приключенія героя.

Въ слѣдующей главѣ Спандіеръ, въ отсутствіи Сириноза, съ 200,000 войскомъ является подъ стѣнами Уміана. Ардапъ, застигнутый врасплохъ, выходитъ однако, съ войскомъ навстрѣчу, при чемъ первое сраженіе было нерѣшительнымъ. Тогда, говорится въ романѣ, Спандіеръ раздѣляетъ все войско пополамъ, съ одною половиною идетъ на бой, а другую половину оставляетъ въ засадѣ. Ардапъ разбиваетъ войско Спандіера, но потомъ попадаетъ въ засаду и самъ пораженъ. Начинается тяжелая осада; у осажденных не остается болѣе провіанта и съ ужасомъ они ждутъ съ часа на часъ штурма, который долженъ рѣшить судьбу Уміана. Но судьба мгновенно измѣняется, когда является наконецъ, домой безплодно ожидаемый непобѣдимый Сиринозь. Увидѣвъ враговъ, осаждающихъ родимый городъ, и узнавъ, что это войска Спандіера, Сиринозь приказываетъ Джанхузу съ его ширазцами напасть на Спандіерово войско, а самъ направляется противъ царя. Здѣсь происходятъ двѣ параллельныя сцены: съ одной стороны, послѣ полного пораженія Спандіерова войска, царь встрѣчаетъ свою милую супругу. Въ нѣмомъ восторгѣ они обнимаютъ другъ друга, долго не могутъ вымолвить ни одного слова и только плачутъ; съ другой стороны Сиринозь борется съ Спандіеромъ. Легко раненый въ битвѣ, герой, по своему обыкновенію, разбиваетъ перса, подбросивъ на воздухъ, и, убивъ его, начинаетъ такъ же обходить и съ его свитою. Но, какъ оказывается, и Сиринозу не чуждо милосердіе. Послѣ полной побѣды къ нему приводятъ одного

изъ уцѣлѣвшихъ, арабскаго царевича Нуримана. Несчастный рассказываетъ герою свою плачевную исторію. «Лишь только я возмужалъ, говорить онъ, какъ сталъ горѣть непреодолимымъ желаніемъ помѣряться съ кѣмъ-либо въ бою. Напрасно меня уговаривалъ мой престарѣлый отецъ, я при первой возможности соединился съ Спандіеромъ. Пожалѣй моего стараго родителя!» Растроганный Сиринозъ прощаетъ вину какъ ему, такъ и другимъ плѣннымъ, и всѣ расходятся по домамъ, благословляя Сириноза и его отца Ардапа.

Въ слѣдующей главѣ Сиринозъ, во главѣ 300,000 войска, направляется уже на Персію, гдѣ его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями. Съ увлеченіемъ онъ разсматриваетъ великолѣпныя царскія палаты и еще съ большимъ удивленіемъ—прекрасную царицу, которая проситъ его возвратить ей милаго сына. «Во время вашего нашествія», говоритъ она, мой преданный визирь вывезъ сына за персидскую границу, но лишь только они прибыли въ Хинги-Каль, гдѣ Спандіерь воцарилъ одного князя, по имени Демурдага, какъ тотъ схватилъ ихъ и черезъ 25 дней онъ принесетъ въ жертву своему идолу моего сына, Зохла, такъ какъ тотъ обѣщался въ такомъ случаѣ даровать ему царство. Придворные, съ своей стороны говорятъ Сиринозу: «Городъ Хинги-Каль въ окружности 40 дней пути, окружаетъ его большой, глубокой и полный водою ровъ, самъ городъ на высокой скалѣ и онъ недоступенъ для врага, такъ какъ входа въ него ниоткуда не видно». При этихъ словахъ царица Хварашандъ¹⁾ теряетъ уже всякую надежду, но ее утѣшаетъ Сиринозъ, умоляя ее надѣяться на Бога и на Сириноза, для котораго нѣтъ ни въ чемъ препятствія.

Въ слѣдующей и послѣдней главѣ рукописи находится интересное описаніе человѣческихъ жертвоприношеній гдѣ-то за границею Персіи. Сиринозъ, говорится въ романѣ, невидимо прибываетъ къ берегу моря, гдѣ стоитъ чудесный городъ Хинги-Каль, и тутъ видятъ, что въ городъ ведетъ лѣстница, на которой двое людей постоянно дѣлаютъ заклинанія для того, чтобы чужой глазъ ее не примѣтилъ. Сиринозъ призываетъ Сардапа и велитъ ему ввести его въ середину крѣпости. Тотъ исполняетъ это приказаніе, и вотъ герой черезъ прекрасный городъ пробирается къ жилищу Демурдага, человѣка огромнаго роста и страшнаго вида, въ то время какъ тотъ забавляется со своими богатырями. «Завтра, говорятъ Демурдагъ, приготовьтесь къ празднику нашего идола Манбута, такъ какъ мы убьемъ, по обѣщанію, для него Зохла. Если же и визирь его не будетъ бить челомъ нашему

¹⁾ Ср. Хварашану, героиню груз. народныхъ сказаній.

богу, то мы и его убьемъ. Пойдите и объявите это осуждаемьмъ». Съ исполнителями приказанія отправляется и Сиринозъ. Прибываютъ они къ маленькому домику по близости крѣпости, у дверей котораго стоятъ на часахъ 500 воиновъ; входятъ туда и видятъ тамъ, при свѣтѣ турсклой свѣчи, прикованнаго золотою цѣпью Зохала и его визиря, которымъ объявляютъ о завтрашней казни. На слѣдующій день собирается народъ къ идолу Манбуту. По словамъ романа, идолъ состоитъ изъ высокаго столба, на верху котораго изображенъ драконъ съ сидящимъ на немъ челоуѣкомъ изъ чистаго золота, при чемъ въ одной рукѣ у челоуѣческой фигуры обнаженный мечъ, а въ другой щитъ. Подъ идоломъ стоитъ старикъ съ длинной сѣдой бородой и съ длинною тростью въ рукѣ, кругомъ разостлана дорогая парча, а передъ идоломъ на высокомъ пнѣ лежитъ половина челоуѣческаго туловища съ воткнутымъ въ него кинжаломъ и стоятъ два палача-негра. Старикъ влагаетъ одинъ конецъ трости въ ухо идолу, а другой прикладываетъ ко рту и тогда изъ идола раздается громкій голосъ: «Вѣрный мой рабъ Демурдагъ, убивъ Зохала, убей и визиря, если только онъ не будетъ мнѣ бить челоуѣкъ». Въ страхѣ Демурдагъ и народъ преклоняются предъ идоломъ, радуясь, что угодили ему, и вотъ приводятъ Зохала. Слезы льются изъ глазъ прекраснаго юноши; безчелоуѣчные палачи сдираютъ съ несчастнаго одежду, хотя онъ и умоляетъ ихъ и цѣлуетъ имъ руки и ноги. Народъ еле сдерживается отъ слезъ, но напрасно несчастный юноша взываетъ о пощадѣ къ Демурдагу, наконецъ, къ народу—музыкальные инструменты заглушаютъ его голосъ. Ему завязываютъ глаза и, кладутъ его голову на пень. Одинъ изъ палачей схватываетъ Зохала за волосы, а другой уже заноситъ топоръ, когда невидимая рука раздробляетъ палачей—это Сиринозъ. Изумленію всѣхъ нѣтъ конца, но когда Сиринозъ снимаетъ покрывало, Демурдагъ бросается на него съ саблей. Сиринозъ, смѣясь, даетъ Демурдагу пощечину, отъ которой тотъ падаетъ замертво, а затѣмъ подходитъ къ Зохалу. Несчастный юноша не можетъ придти въ себя отъ удивленія и счастья и бросается цѣловать Сиринозу руки. Герой его поднимаетъ и объявляетъ царемъ Персіи, вмѣсто Спандіера, назначая вмѣстѣ съ тѣмъ правителемъ Хинги-Кала, нѣкоего Горджаспа, а Демурдага и стараго жреца повелѣваетъ Сардапу связать и привести къ себѣ. Этимъ оканчивается наша интересная рукопись.

Всякій, прочитавъ содержаніе вышеизложеннаго романа, легко согласится, что въ немъ, какъ и въ знаменитой эпопеѣ Фирдуси «Шахъ-наме» описывается борьба Ирана съ Тураномъ, а потому начало всего романа стѣдуетъ искать или въ персидской литературѣ, или въ тѣхъ

легендахъ, которыя почти повсюду были извѣстны на Востокѣ и изъ которыхъ позднѣе создалъ свою поэму великій Фирдуси.

Легенда о царѣ Ардашъ или Арчаспъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ пехлевійскимъ легендамъ и тѣсно связана съ легендами объ явленіи Зороастра. Первымъ персидскимъ поэтомъ, писавшимъ объ ней, былъ Дакики, отрывки изъ произведеній котораго сохранились въ «Шахъ-наме» Фирдуси. Такъ какъ все здѣсь изложенное находится въ послѣднемъ произведеніи, то мы передадимъ вкратцѣ рассказы «Шахъ-наме», для сравненія ихъ съ романомъ о Сиринозѣ.

При Гуштаспъ въ Персіи является пророкъ Зердустъ или Зороастръ. Онъ своими чудесами заставляеть Гуштаспа увѣровать въ него и обратить свой народъ въ магизмъ. Первымъ изъ совращенныхъ явился сынъ Гуштаспа, Исфандіаръ (Спандіеръ), и вотъ царь Персіи велитъ написать уставы новой религіи на 19000 кускахъ пергамента и хранить ихъ въ пещерѣ Персеполиса. Услышавъ о такомъ фактѣ, царь Турана Арчаспъ пишетъ письмо къ Гуштаспу, указывая ему на его заблужденіе. Изъ этого письма, принадлежащаго перу Дакики, и изъ гордаго отвѣта Гуштаспа оказывается, что царь Турана находился подъ покровительствомъ девоу. Въ первомъ бою, послѣ отказа Персіи слѣдовать совѣтамъ Турана, сынъ Арчаспа убиваетъ брата Гуштаспа, и въ свою очередь погибаетъ отъ руки Исфандіара. Сраженіе кончается полнымъ пораженіемъ Арчаспа. Спустя немного времени, Исфандіаръ, благодаря дворцовымъ интригамъ, возмущается противъ своего отца, за что и попадаетъ въ темницу; Арчаспъ же снова вторгается въ Персію, разбиваетъ Гуштаспа и беретъ въ плѣнъ его прекрасную дочь. Гуштаспъ въ отчаяніи; онъ освобождаетъ Исфандіара и клянется ему передать корону, если онъ освободитъ сестру. Царевичъ соглашается, собираетъ армию и, поразивъ Арчаспа, хочетъ его преслѣдовать до его столицы. Въ этотъ городъ вели три дороги: одна 4-хъ мѣсяцевъ пути, другая—2-хъ мѣсяцевъ, третья же—семидневная, но на послѣдней находилась такая пустыня, столько ужасныхъ змѣй, что не было никакой возможности пройти черезъ нее. Исфандіаръ съ 60-ю богатырями избираетъ эту дорогу, а по двухмѣсячной посылаетъ своего молочнаго брата, Поштунга, съ остальною арміей. Ему дано приказаніе, въ случаѣ если онъ увидитъ огненный сигналъ Исфандіара, немедленно атаковать городъ. Въ одеждѣ купцовъ, Исфандіаръ и его спутники добираются до столицы Турана и прибываютъ ко двору Арчаспа. Старый царь безъ всякаго подозрѣнія принимаетъ ихъ. Ночью коварные гости зажигаютъ условный сигналъ. Армія Исфандіара овладѣваетъ городомъ; самъ же ея предводитель, объявляя о себѣ, убиваетъ Арчаспа. Сестра Исфандіара

освобождена, управление Тураномъ дано въ руки одного благочестиваго челоуѣка. Покоривъ всѣхъ, Исфандіарь требуетъ отъ отца исполненія обѣщанія, но коварный отецъ посылаетъ его прежде покорять Рустама, владѣтеля Сеистана. Храбрый царевичъ идетъ туда и до боя увѣщаетъ Рустама покориться ему. Тотъ несогласенъ, и начинается бой. Первый разъ побѣждаетъ Исфандіарь, такъ какъ онъ неуязвимъ. Тогда Рустамъ готовится двухконечную стрѣлу, чтобъ ослѣпить героя, и достигаетъ, наконецъ, своей цѣли. Умирая, Исфандіарь поручаетъ своего сына Батмана заботамъ Рустама и проситъ воспитать его воиномъ. Поштунгъ уноситъ тѣло своего молочнаго брата и прибываетъ къ коварному Гуштаспу, который хоть и поздно, но оплакиваетъ свое безумство. Весь этотъ рассказъ у Фирдуси освѣщенъ интересными подробностями: Исфандіарь прибываетъ въ столицу Арчаспа послѣ семи подвиговъ, т. е. истребивъ двухъ волковъ, двухъ громадныхъ львовъ, семиголоваго дракона, демона, гриффона, перейдя черезъ потокъ и черезъ огромное озеро.

Другое персидское произведеніе, «Исфандіарь-наме» уже рисуетъ дальнѣйшіе подвиги Исфандіара въ Индіи, Аравіи и даже въ Византіи.

Если мы сопоставимъ два рассказа объ Исфандіарѣ, грузинскій и персидскій, то сразу увидимъ, что въ нихъ заключается какъ много сходнаго, такъ много и противоположнаго. Въ то время какъ персидскія легенды восхваляютъ Исфандіара, грузинскія выставляютъ Арчаспа; о Зороастрѣ въ послѣднихъ нѣтъ рѣчи и все представляется лишь дѣломъ какого-то чародѣйства; побѣда оказывается въ грузинскомъ романѣ на сторонѣ Арчаспа и его сына, погибающаго въ «Шахъ-наме» Фирдуси. Въ письмѣ къ Гуштаспу, Арчаспъ, персидскихъ легендъ говоритъ: «О, стыдъ и срамъ: послѣ того, какъ Богъ надѣлилъ тебя царствомъ и всѣми благами жизни, одинъ старикъ чародѣй успѣлъ развратить тебя!» (намекъ на Зороастра). Такимъ же борцомъ противъ Персіи и, ея вѣры является Арчаспъ грузинскихъ легендъ. Все это заставляетъ насъ предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ литературою не Ирана, а Турана, и что въ нашемъ романѣ является отрывокъ одной изъ тѣхъ сокровищъ литературы, которая долго хранилась подъ спудомъ. Развитое культурное племя туранцевъ въ свою очередь, быть можетъ имѣло свою литературу о герояхъ Персіи, о чемъ лишь умалчалъ великій Фирдуси.

Первый вопросъ, являющійся при разностороннемъ рассмотрѣніи романа, это—оригинальный ли онъ, или переводный? Затѣмъ, не менѣе важны вопросы о томъ, каковы географія романа, его собственныя

имена и его древнегрузинскія слова. Постараемся отвѣтить на всѣ эти вопросы.

Что романъ этотъ не есть оригинальный, а лишь переводный съ персидскаго, это доказываетъ цѣлый рядъ персидскихъ оборотовъ рѣчи, встрѣчающихся на его страницахъ. Перечислимъ ихъ всѣ понемногу. Во 1-хъ, прибавка *djan* ко всѣмъ именамъ женскаго пола; напр. *pa-nudjan*, *muschtaridjan*, въ то время, какъ древне-пехлевійскія имена, какъ *Khuagaschand* этой прибавки не имѣютъ. Во 2-хъ, лица разнаго сословія, да и вообще всѣ, употребляютъ персидское восклицаніе *ei*, и это даже обращаясь къ царю, какъ по-персидски; напр. *ei dervischn*— о, дервишъ. Въ 3-хъ, употребленіе формы *Icha* въ концѣ именъ, какъ напр., *deripscha*, когда нужно было бы сказать *deripschakhi*. Въ 4-хъ большое количество персидскихъ словъ въ романѣ, какъ напр. *agam-khani*, перс. *agim khane*, т. е. райскій домъ (для обозначенія гаремнаго чертога). Это слово давно вошло въ грузинскій лексиконъ.

Сказать о времени составленія романа пока еще довольно трудно, хотя явленіе въ немъ джинновъ и упоминаніе о халатѣ, какъ почетномъ дарѣ, и указываютъ на сравнительно позднее его происхожденіе. Есть въ романѣ и позднѣйшія вставки, какъ напр. кромѣ известной вышеупомянутой исторіи о квитанціяхъ, указаніе на то, какъ герои выпивали кахетинское.

Гораздо интереснѣе географія романа, рисующаго собственно три страны: Индостанъ, Персію и Туранъ. Центръ всего составляетъ Туранъ съ главнымъ городомъ Уміаномъ. Послѣднее есть Баміанъ, о которомъ арабскій географъ Якутъ-ель-Хамови говоритъ слѣдующее: Баміанъ есть названіе города и значительной области между Балхомъ и Газною въ горахъ. Въ немъ находится цитадель. Городъ самъ маленкій, хотя и составляетъ изъ себя главное мѣсто значительной территоріи. Десять дней пути отдѣляютъ его отъ Балха и восемь отъ Газны. Въ городѣ находится зданіе, верхушка котораго высока удивительно и которое поддерживается гигантскими столбами; кромѣ того, это строеніе покрыто изображеніями всѣхъ птицъ, которыя только были сотворены Богомъ. Внутри зданія два огромныхъ идола, высѣченныхъ въ скалѣ такъ, что они возвышаются отъ подошвы горы до верхушки. Одного называютъ «краснымъ» идиоломъ, а другого «бѣлымъ». Вдалекѣ отъ Турана находится Индостанъ, до котораго цѣлыхъ двадцать лѣтъ пути. Наконецъ рядомъ съ Тураномъ—Персія, одна изъ нынѣшнихъ провинцій которой Ширазъ имѣетъ отдѣльнаго владѣтеля. Еще далѣе, вѣроятно у озера Вана, находится Хинги-каль или Хинги-кала,—быть можетъ, историческій Агтамаръ, гдѣ жители вѣруютъ въ идола Ман-

бута и откуда происходил Зороастръ. Мѣсто это считается чародѣйскимъ. Самъ Зороастръ, или Ергинъ грузинскихъ легендъ, живетъ въ отдаленномъ Зулуметистанѣ (?), а гдѣ-то въ Индѣйскомъ океанѣ—его бабушка Арутъ.

Всѣ собственныя имена романа, за исключеніемъ эллинизированнаго названія «Сиринозъ», въ которомъ воплощается уже поздняя византійская передѣлка легендъ,—чисто персидскія. Приведемъ самыя главныя изъ нихъ. Такъ, Арчаспъ—по персидски почтенный, цѣнный конь; въ грузинской передѣлкѣ Ардапъ—вода гнѣва; Муштариджанъ—прекрасная покупательница (перс.-араб. слово); Хварамандъ—солнце; Сусамбара—лилейногрудая; Джаханъ—миръ; Мавбутъ—я идолъ или тотъ идолъ и т. д.

Не менѣе интересны и древне-грузинскія слова романа, изъ которыхъ особенно интереснымъ считаемъ мы qabaza «кѣтка». Саба Сулханъ Орбелиани говоритъ про это слово, что оно имѣетъ это значеніе на иностранныхъ языкахъ. Корень его есть арабскій qabad, выговариваемый по-персидски qabaz, взять, схватить.

Впрочемъ, большинство мѣстъ романа написаны языкомъ болѣе или менѣе близкимъ къ современному. Какъ большинство вообще грузинскихъ рыцарскихъ романовъ, онъ представляетъ подражаніе и интересную картину восточной жизни. Значеніе его, какъ отрывка изъ литературы Турана, болѣе чѣмъ очевидно.

Къ числу переводныхъ съ персидскаго языка произведеній относится поэма «Лейль и Меджнунъ», съ которой была попытка сравнить «Барсову Кожу» Руставели.

Лейла и Меджнунъ.

На грузинскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ перевода царя Теймураза (1587—1663 г.) поэмы Меджнунъ и Лейла. Переводъ писанъ руставелевскимъ стихомъ «шайри».

Въ Аравіи ¹⁾, въ г. Лазо, жили близкіе родственники, оба царскаго происхожденія, родившіеся въ одну и ту же ночь—то были маль-

---

¹⁾ Царевичъ прежде чѣмъ перевести переводъ поэмы Низами, просить у Господа силъ для передачи должнымъ образомъ персидскаго произведенія на грузинскій языкъ. Затѣмъ отъ заявляетъ, что рассказъ о Лейлѣ и Меджнунѣ онъ заимствуетъ («оспариваетъ») у Шейха-Шейда. Ср. имя *Низами*: Абу Могамедъ-бекъ Іусуфъ Шейхъ

чикъ и дѣвочка. Новорожденныхъ отдали кормилицамъ на воспитаніе. У мальчика, «отражені лъва», оказалось странное свойство. Онъ не прикасался къ груди кормилицы, если послѣдняя не была красива. Родители и близкіе ко двору люди удивились этому обстоятельству и пригласили астрологовъ открыть имъ будущую судьбу мальчика. Астрологи предсказали, что мальчикъ родился въ созвѣздіи любви. Онъ влюбится какъ ни одинъ изъ смертныхъ, при чемъ любовь эта будетъ несчастною. Онъ, въ концѣ концовъ,—сказали астрологи,—убѣжить въ пустыню и будетъ жить среди дикихъ звѣрей. Родители мальчика были сильно встревожены предсказаніемъ и принимали всѣ мѣры къ тщательному воспитанію сына, въ роскоши и довольствѣ въ надеждѣ, что, быть можетъ, Богъ смилуется и не допуститъ исполниться предсказанію. Красавца мальчика назвали Кайсомъ, а красавицу дочь Лейлою. Когда мальчику исполнилось 7 лѣтъ, его отдали въ обученіе муллѣ. Такъ какъ дѣти были близкіе родственники, притомъ жили въ одномъ городѣ, то Лейла тоже попала въ обученіе къ тому же муллѣ. Своей красотой мальчикъ и дѣвочка сдѣлались украшеніемъ школы муллы. Всѣ любовались ими. Но вскорѣ наставникъ замѣтилъ, что мальчикъ сдѣлался дикъ, непонятливъ и непослушенъ. Желая открыть причину такой перемѣны, онъ сталъ слѣдить за нимъ и открылъ любовныя сцены между нимъ и Лейлою. Мулла разсердился на Кайса, названнаго въ виду его романческаго сумасшествія Меджунумъ, и прогналъ его отъ себя. Лейлу тоже вернулъ къ родителямъ, которые были страшно опечалены всѣмъ этимъ и не знали, куда дѣваться отъ стыда. Дочь отрекалась и заявляла, что не знаетъ, что такое любовь. Мать тотчасъ же заперла Лейлу и стала докучать дѣвочкѣ разспросами. Она хотѣла добиться признанія отъ дочери и узнать, не перешла ли она въ своихъ отношеніяхъ къ Кайсу извѣстныхъ границъ.

Лейла, не желая выдавать своей тайны, стала притворяться, состроивъ скромную мину, и такъ ловко провела мать, что родители убѣдились въ ея невинности и оставили ее въ покоѣ. Кайсъ-Меджунунъ¹⁾, между тѣмъ, сходилъ съ ума отъ любви, плакалъ, бѣсился, время отъ времени, и украдкою, прибѣжалъ въ школу, гдѣ воспитывались онъ и Лейла, и цѣловалъ мѣста, на которыя когда-то ступала нога его возлюбленной. Родители, видя Кайсъ-Меджунуна дѣ-

---

Низамеддинъ Мотарасп. *Joseph Hammer* Geschichte der schönen Redekunste Persiens. Wien, 1818, стр. 105.

¹⁾ Здѣсь передается психологически—вѣрно мучительное состояніе, въ которомъ очутился герой въ разлукѣ съ героиней.

льмъ день въ слезахъ и безумствованіи, съ гора потеряли головы, признавъ сына совершенно погибшимъ.

Однажды у Меджнуна отъ сильнаго горя вскрылась жила, и онъ сталъ истекать кровью. Родители были въ отчаяніи и не знали, что дѣлать, наконецъ, Меджнунъ слабымъ голосомъ проговорилъ: принесите комокъ земли, на которую ступала Лейла, положите ее на раскрытую рану, и кровь остановится сама собою. Сказано—сдѣлано. Меджнунъ выздоровѣлъ; но и отъ этого пользы было мало, ибо Меджнунъ все-таки продолжаетъ бѣсноваться сильнѣе прежняго, убѣгаетъ изъ дома и часто пропадаетъ въ пустынь. Наконецъ, родители собрали близкихъ и просили ихъ дать совѣтъ, какъ спасти Меджнуна. Тѣ отвѣчали, что необходимо женить Меджнуна на Лейлѣ и тѣмъ спасти его отъ бѣды. Сообщили объ этомъ родителямъ Лейлы. Тѣ дали свое согласіе, чтобъ разсѣять злые толки о своей дочери, и вотъ собрались на свадьбу родители Меджнука, взявъ съ собою жениха. Но тутъ случилось нѣчто зловѣщее. Когда мулла началъ читать *Кебинъ*, у Меджнуна забѣгали глаза, какъ у сумасшедшаго. Началось торжественное празднованіе свадьбы. Меджнуна и Лейлу, своей красотой равныхъ небеснымъ свѣтиламъ, посадили рядомъ, причемъ новобрачный, узавъ по покрывалу свою возлюбленную, сталъ цѣловать ее. Это обстоятельство признано было несомнѣннымъ признакомъ помѣшательства, и по настоянію родителей, опасавшихся за судьбу дочери, бракъ тотчасъ же былъ расторгнутъ, Меджнунъ выгнанъ изъ дому, а Лейла погрузилась въ тоску по миломъ. Тутъ уже онъ безповоротно рѣшилъ бѣжать въ пустыню, что и сдѣлалъ. Отецъ его умеръ съ горя. Все наслѣдство перешло къ дому Лейлы. Мать же Меджнуна осталась одна въ безутѣшномъ положеніи. Разъ Меджнунъ въ образѣ нищаго, явился въ домъ Лейлы, которая тотчасъ узнала его и выпросила для него милостыню, говоря, что сама же подастъ ее. Такимъ образомъ, состоялось нѣжное свиданіе, кончившееся объятіями. Мать, подсмотрѣвъ любовную сцену, вышла изъ себя и поволокла дочь за волосы въ домъ, а нищаго приказала выгнать. Настало лѣто. Лейла стала увядать. Родители рѣшили отправиться изъ Лазы въ горы для поправленья здоровья дочери. Справили караванъ, на спинѣ верблюда устроили шатеръ, помѣстили въ немъ Лейлу, а верблюда привязали веревкою къ переднему верблуду, на которомъ помѣстилась мать Лейлы. Остальная свита поѣхала впереди. Стемнѣло. Верблюдъ Лейлы почувствовалъ голодъ, оторвался отъ каравана, свернулъ съ дороги и сталъ бродить въ пустынь. Вдругъ онъ натывается на кучу хищныхъ звѣрей, посреди которыхъ отдыхалъ Меджнунъ. Звѣри съ ревомъ разбѣжались, а Меджнунъ, вскочивъ на

ноги, увидѣлъ предъ собою свѣтлый ликъ Лейлы, но, будучи сумасшедшимъ, не узналъ ее. Кто ты такая? Что тебѣ нужно отъ помѣшаннаго?—спрашиваетъ Меджунъ.

— Это я, твоя Лейла ¹⁾,—отвѣчаетъ она.

При этомъ голосѣ онъ падаетъ въ обморокъ. Лейла быстро спускается съ верблюда, принимаетъ голову Меджуна на свои колѣна и отираетъ рукавомъ его слезы. Меджунъ приходитъ въ сознаніе. «Благодарю судьбу, которая послала тебя ко мнѣ въ эту ночь, но вѣдь я погибъ для тебя, Лейла! Силы меня уже совсѣмъ оставили, пульсъ мой бьется черезчуръ слабо»...

— Перестань, милый,—отвѣчаетъ Лейла. Теперь мы на вѣки принадлежимъ другъ другу. Уйдемъ же, скроемся поскорѣе, а то меня будутъ искать и найдутъ опять.

— Пока я былъ живъ, судьбѣ не угодно было, чтобъ я наслаждался рядомъ съ тобою! Теперь же все кончено. Я умеръ для тебя! ²⁾—повторилъ Меджунъ.

Караванъ, узнавъ объ исчезновеніи Лейлы, быстро повернулъ назадъ и наткнулся на влюбленную пару. Свита отняла силою Лейлу у Меджуна, укоряя ее въ симпатіяхъ къ помѣшанному и привели ее назадъ къ матери. Это обстоятельство произвело на Лейлу ужасное впечатлѣніе. Она стала проливать непрерывныя кровавыя слезы, худѣть такъ, что не помогъ ей даже и горный воздухъ. Въ горькихъ причитаніяхъ она вспоминала своего возлюбленнаго. Родители Лейлы опять переселились въ городъ. Въ это время посѣтилъ ихъ какой-то арабскій царь Бафскій, сынъ Багдадскаго халифа. Онъ былъ близкій родственникъ лазскаго царя. При пышномъ его дворѣ собирались астрологи, врачи, поэты, какъ у «Александра Македонскаго». Во время своего шествія съ большой свитой чрезъ пустыню, гдѣ жилъ Меджунъ, эмиръ богатый, щедрый покровитель нищихъ и справедливый судья, увидѣлъ исхудалаго и сумасшедшаго человѣка, спросилъ, что понудило его сдѣлаться таковымъ? Ему отвѣтили: безнадежная любовь. Самъ Меджунъ вступаетъ съ нимъ въ бесѣду и просить его оставить въ покоѣ. Эмиръ рѣшилъ помочь Меджуну и взялъ его съ собою.

¹⁾ На англійскомъ языкѣ имѣется переводъ поэмы *Низами*: *Laili and Majnun*; а poem from the original persian of Nizami by James Atkinson, Esq. London. 1836. (Мы приводимъ дальше начальный отрывокъ изъ этого перевода).

²⁾ Здѣсь прибавляется замѣчаніе, что поэтъ не въ силахъ передать и десятой доли тѣхъ страданій, которыя они испытываютъ.

Между тѣмъ, лазскій царь, отецъ Лейлы, принявъ гостя съ почетомъ и показалъ эмиру свою дочь.

«Вотъ она и есть причина моей гибели», — указавъ Меджнунъ на Лейлу. Эмиръ, пораженный красотою Лейлы, самъ влюбился въ нее не менѣе. Меджнунъ и задумалъ отравить послѣдняго, чтобы потомъ самому жениться на Лейлѣ. Онъ подговорилъ прислугу подать напитки въ чашкахъ, причемъ Меджнуну должна была быть подана отравя. Но судьба рѣшила иначе. По ошибкѣ чаша Меджнуну была подмѣнена, и отравился самъ эмиръ Бафскій. Лейла снова продолжала лить слезы по Меджнуну, — утѣшенія были безсильны. Въ то время какъ хоронили царя Бафскаго, въ городъ Лазы явились послы отъ разныхъ царствъ, прося каждый изъ нихъ для своего царевича руку Лейлы. Эти семь царствъ, обратившихся съ письменной просьбой къ отцу Лейлы, были слѣдующіе: византійское, персидское, кандарское, бадахшанское, франкское, баранское (?), магрибское [восточное], при чемъ каждое изъ нихъ, свидѣтельствуя свое почтеніе персидскому царю, говоритъ о славл своихъ владѣній и просить руки красавицы. Но Лейла несмотря на просьбы отца, отказала всѣмъ, и отецъ ея долженъ былъ имъ написать извинительныя посланія. Между тѣмъ, Лейла совсѣмъ почти лишилась силъ. Она слегла въ постель и умерла. Родители были въ отчаяніи, горе ихъ было безграницно, его раздѣляли съ ними всѣ жители Лазы. Истерзанная горемъ мать взяла свиту и отправилась въ домъ матери Меджнуну, чтобы излить на нее всю желчь ¹⁾. Но какъ только она подошла къ этому дому, навстрѣчу ей вышелъ самъ Меджнунъ и, узнавъ о смерти Лейлы, тотчасъ же упалъ въ обморокъ, а затѣмъ, когда оправился, пожелалъ видѣть трупъ возлюбленной. Онъ явился на могилу Лейлы, обнявъ ея гробъ и, оплакавъ ее въ горячихъ слезахъ, тутъ же испустилъ духъ.

Ихъ похоронили вмѣстѣ. Отецъ Лейлы извѣщаетъ Багдадскаго халифа о кончинѣ дорогой дочери, составлявшей его единственную отраду. Послѣ ея смерти онъ отказывается отъ власти правителя и проситъ Халифа принять городъ Басри подъ свое покровительство. Когда визири доложили Халифу о судьбѣ Лейлы, тотъ въ избыткѣ горя сбросилъ съ головы корону и сталъ рвать на себѣ сѣдые волосы. Онъ отправляется въ Басри къ родителямъ Лейлы, чтобы оплакать ее свою прославленную племянницу. Въ Басри онъ велѣлъ художнику

¹⁾ Лейла, восхваляемая матерью, здѣсь сравнивается съ Этери, извѣстной героиней въ грузинской народной поэмѣ. См. мою первую книгу „Очерки по словесности“.

нарисовать портретъ Лейлы, и съ нимъ въ глубокой печали вернулся въ Багдадъ. Слухъ о несчастной влюбленной распространился во всей Персіи и стали поэты прославлять и воспѣвать ее ¹⁾. Родители же Лейлы видятъ ее во снѣ, что она пребываетъ въ раю, наслаждаясь тамъ блаженствомъ.

Мы привели содержаніе повѣсти Лейлы и Меджнунъ по грузинскому переводу царя Теймураза, которому принадлежатъ въ той же рукописи еще переводъ съ персидскаго: Юсифъ и Залиханъ (листы 6—55), Разсужденіе соловья и розы, Сравненіе весны и осени, Свѣчка и бабочки.

Любопытно, что всѣ эти произведенія начинаются съ воззваніемъ къ Творцу вселенной и его прославленіемъ. Здѣсь же упоминаются философы Діонось, Аристотель, мудрецъ Сибила (?) и другіе. У Низами же находимъ воззваніе совершенно иного характера:

Saki, thou know'st I worship wine
 Let that delihions cup be mine
 Wine! pure and limpid as my tears
 Dispeller of a lover's fears;
 With thee inspired, with the mad e bold
 Midst combat fierce my post I hold.

Ср. начало грузинскаго перевода:

«Боже, который своей мудростью еси источникъ мудрости,
 Сущающаго и несущающаго, слово щедро порождающее,
 Даруй мнѣ разумъ, дабы воздать мнѣ благодареніе и
 Приступить къ персидскимъ сочиненіямъ для перевода по-грузински».

Сопоставимъ это произведеніе съ поэмой Руставели.

Полное психическое разстройство главнаго героя Низами отнимаетъ у его поэмы всякое художественное достоинство. Въ поэмѣ о психологичн любви даже и рѣчи не можетъ быть, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, вполне помѣшаннымъ вслѣдствіе послѣдовательныхъ аффектовъ любви. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и есть

¹⁾ Ср. Повѣсть о Лейлѣ и Меджнунѣ, переведенная съ персидскаго языка на грузинскій и переложенная въ стихи царемъ Теймуразомъ. Рукопись Общ. распротр. грамотн. среди грузинъ, въ переплетѣ, заключаетъ 133 листовъ. Листы 55—98 отведены Лейлѣ и Меджнуну, остальные страницы заняты другими переводами царя Теймураза также съ персидскаго языка. Первые шесть листовъ занимаютъ отрывокъ изъ какой-то поэмы безъ начала. Листы 6—54 отведены *Юсифу и Залихану*.

главная причина, что поэма терпеть во многомъ. Хотя нельзя сказать, чтобы типъ Лейлы, этой восточной Джульетты, не былъ выдержанъ до конца. Но и въ изображеніи этого типа Низами не перешелъ границы, положенной историческими и социальными условіями магометанскаго міра. Лейла—это неспорченная гаремная красавица, лишенная самостоятельной энергіи даже въ области отстаиванія личной свободы, въ борьбѣ друга сердца, въ борьбѣ съ тираніей внѣшней среды. Чувство любви возникло въ ней фатально; она какъ чистое, неспорченное еще жизнью созданіе, всецѣло передалась порыву сердца и осталась до конца жизни вѣрна этому влеченію. Но при этомъ она остается настолько инертною, что ни единымъ активнымъ проявленіемъ протеста не заявляетъ о своемъ желаніи выйти изъ гнетущихъ ее обстоятельствъ. Она, какъ и тысячи ей подобныхъ гаремныхъ созданій, безмолвная рабыня любви. Она безъ всякой видимой борьбы погибаетъ подъ бременемъ невыносимыхъ магометанскихъ нравственныхъ воззрѣній. Въ этомъ и выражается художественный тактъ Низами. Откуда же онъ могъ взять типъ болѣе энергичный, готовый востать за свои естественныя права, когда магометанскій гаремъ не выработалъ другого типа, кромѣ бессловесной женщины съ убитыми фатализмомъ нравственными понятіями! Единственный разъ въ жизни, она, какъ будто, рѣшилась проявить энергію, спасти свою любовь—это при встрѣчѣ съ Меджнуномъ въ пустынѣ. Но и здѣсь встрѣча эта была фатальная, какъ бы предрѣшенная судьбою. Не вздумай верблюдъ пощипать траву, не оторвись онъ отъ каравана, никогда бы этой поэтической встрѣчи возлюбленныхъ не было-бы и въ поминѣ. Но когда они встрѣтились, они не сдѣлали ничего въ защиту своихъ естественныхъ правъ. Стоило только появиться на сцену посланцамъ родителей Лейлы, трусливымъ неграмъ, и Лейла стала опять прежнею Лейлою, лишенною воли рабынею. Рабы хватаютъ ее какъ каку-нибудь вещь, сажаютъ на верблюда и увозятъ. Гдѣ же, наконецъ, Меджнунъ, что же онъ дѣлаетъ при видѣ этого возмутительнаго насилія?.. Много ли нужно, чтобы расправиться съ продажною трусливою челядью? Гдѣ его пылкая любовь, гдѣ же готовность его пожертвовать собою за поруганную честь возлюбленной?... Онъ остается фатально скованнымъ, такимъ же помѣшаннымъ, какимъ онъ казался и прежде, крайне слабымъ существомъ, у котораго такъ грубо, даже насиліемъ можно похищать предметъ его пылкой, нечеловѣческой страсти... Тутъ Руставели нечему подражать, или брать себѣ за образецъ: грузинскому поэту, имѣвшему тогда передъ собою, на своей родинѣ примѣры подвиговъ великихъ полководцевъ, великихъ женщинъ временъ царицы Тамары, не зачѣмъ было

ходить въ подавленную сельджуками Персію и набирать въ персидскомъ гаремѣ типы женщинъ и помѣшанныхъ людей для своихъ поэтическихъ идеаловъ. Возьмемъ хоть, напримѣръ, заслуги Русудани, тетки царицы Тамары и сестры царя Георгія III-го, черезъ посредство которой былъ заключенъ миръ между царемъ Георгіемъ и адирбейджанскимъ султаномъ Ильдигузомъ, или же заслуги дочери Давида возобновителя тоже Тамары, воспитательницы царя Георгія и строительницы Тигвскаго монастыря, гдѣ воспитывались въ то время наслѣдники грузинскаго престола. Другая его дочь Ката—была за Іоанномъ-Бріенномъ. Послѣ низверженія византійскаго императора Андроника Комнена, она имѣла смѣлость спасти царскія сокровища, вырвать малолѣтнихъ Давида и Алексѣя Комненовъ изъ рукъ разъяренной дворцовой толпы, посадить ихъ на судъ, перевести туда императорскія сокровища и поѣхать на родину подъ покровительство славной племянницы своей царицы Тамары. Вспомнимъ еще заслуги двухъ придворныхъ дамъ, Хвапаги-Цакель, матери Рати Орбеніалы, и Корави Джакели, матери правителя Самцхе-Саатабаго. Передъ воцареніемъ царицы Тамары, нѣкто Кутлуръ Асланъ, начальникъ двора и Апридонъ, начальникъ придворной стражи, составили заговоръ, окружили дворецъ, и хотѣли низвергнуть царицу Тамару. Минута была критическая. Вдругъ придворныя дамы Хвапаги-Цакель и Корави-Джакели—выходятъ изъ дворца къ бунтующимъ, сильнымъ словомъ вліять на возмущенныхъ заговорщиковъ, умиряютъ бунтъ и приводятъ войско къ присягѣ своей царицѣ. Наконецъ, взять хоть бы знаменитаго полководца царицы Тамары Захарія Мхаргдели, который завоевалъ всю западную Персію до Казвина и принудилъ персидскаго властителя заплатить дань. Вотъ типы женщинъ и мужчинъ, которые могли дать и давали матеріалъ грузинскому поэту Шота-Руставели для созданія своихъ бессмертныхъ типовъ и идеаловъ.

Обратимся къ сравненію нѣкоторыхъ однородныхъ мѣстъ, встрѣчающихся какъ въ «Меджнунъ и Лейлѣ», такъ и въ «Вепхисъ-Ткаосани», при чемъ будемъ имѣть въ виду лишь художественную технику, характеры, внѣшнюю обрисовку психическихъ моментовъ, не касаясь внутренняго смысла, общественныхъ идеаловъ и выраженія философскихъ воззрѣній. Аналогичныхъ сценъ такого рода всего двѣ: моментъ зарожденія любви и затѣмъ картина кровопусканія, какъ средство противъ сильныхъ приливовъ крови. Я отказываюсь передать вполне гармонично поэтическую красоту формы съ внутреннимъ содержаніемъ поэмы. Изъ «Меджнунъ и Лейлы» (груз. переводъ царя Теймуроза), первый моментъ любви строфы 18, 19, 22, 23, 25, 26, 27, 28: ему было семь лѣтъ.

Онъ еще молодой ростокъ тополя, казался уже стройнымъ деревомъ. Родители привели его къ муллѣ и въ слезахъ умоляли его имѣть надъ нимъ внимательный надзоръ и не лишать его нѣжнаго попеченія. Лейла также не по лѣтамъ выросла, точно кипарисъ. Судьба привела ее къ тому же самому учителю на обученіе. Родители ихъ состояли въ близкомъ родствѣ и жили по сосѣдству. Мулла сталъ учить ихъ обоимъ усердно. Они были такъ красивы, что нельзя было оторвать глазъ отъ нихъ. Соловей началъ пѣть по сосѣдству съ розою, но роза не пугалась. Свѣтъ, исходящій отъ Лейлы, озарялъ все кругомъ. Изъ подъ смуглыхъ, густыхъ, дугообразныхъ бровей чаровалъ блескъ ея очей, подобный блеску полированного гишера. Свѣтило небесное блекло передъ природнымъ блескомъ Лейлы. Меджунуъ совершенно взбѣсился, испытавъ чары Лейлы. Смертоносное копье любви вонзилось въ его сердце, и онъ то и дѣло восклицалъ: «виновница моей смерти раскинула шатеръ въ моемъ сердцѣ». По одной и той же книгѣ стали они заниматься оба. На мальчика нашель столбнякъ отъ страсти, какъ объ этомъ предсказали астрологи. Онъ только засматривался на Лейлу; она же ему улыбалась и межъ розовыхъ губъ ея блестяли бѣлоснѣжные зубы.

Меджунуъ болѣе не въ состояніи былъ скрывать своей страсти. Огонь запылалъ въ его сердцѣ. Мулла, узнавъ объ этомъ огорчился страшно; онъ схватилъ его и приколотилъ. «Я бы его убилъ,—сказалъ онъ,—если бы только онъ былъ моимъ». Онъ прогналъ мальчика и не захотѣлъ болѣе держать у себя сумасшедшаго. Онъ отправилъ и дѣвицу къ родителямъ. Дурная молва объ этомъ вскорѣ распространилась повсюду. Родителямъ Лейлы стало стыдно за дочь. На Меджуна же разлука подѣйствовала еще сильнѣе: онъ заболѣлъ.—Обратимся теперь къ «Вещисъ-Ткаосани» («Человѣкъ въ барсовой кожѣ»).

У царя Парсадана не было дѣтей. Таріель совсѣмъ маленькій сынъ главнокомандующаго, былъ взятъ царемъ къ себѣ во дворецъ. Малютка росъ въ чертогахъ властителя. Царица, какъ мать ухаживала за нимъ, точно готовясь усыновить его. Когда Таріелю исполнилось 5 лѣтъ, вдругъ забеременила царица и разрѣшилась дочерью, названною Нестанъ-Дареджани. Сначала дѣти росли вмѣстѣ, играли и забавлялись въ чертогахъ царскихъ. Но когда Нестанъ-Дареджанѣ исполнилось 7 лѣтъ (слѣдовательно Таріелю 13), дѣтей разлучили другъ отъ друга. Царевнѣ построили великолѣпный дворецъ съ роскошнымъ садомъ, банями и дивными фонтанами изъ розовой воды. При Нестанъ-Дареджанѣ состояли воспитательницами: ея тетка, по имени Даваръ, мудрая, испытанная въ государственныхъ дѣлахъ, нянька Асмати и два

придворныхъ. Будучи семилѣтнею, она уже выказывала скромность и прозорливость, достойную наследницы престола. Она была красавица, краше луны; даже солнце не могло сравниться съ нею въ природномъ блескѣ. Въ новомъ дворцѣ она воспитывалась такъ, что кромѣ родителей и близкихъ посторонніе не допускались къ ней. Въ ея покояхъ курились благовонія и душистое амбрэ. Когда садилось солнце, она выходила изъ дворца въ паркъ и наслаждалась пѣніемъ птицъ. Въ часы досуга играла въ кости... Но лучше послушаемъ самого Таріеля. [Строфы 325, 329, 336, 337, 338, 339, 340, 341 и 342]. «Мнѣ исполнилось 16 лѣтъ. Царь воспитывалъ меня, какъ сына. Днемъ я состоялъ при немъ. Даже ночью онъ не отпускалъ меня изъ дворца. Тогда я уже былъ силенъ, какъ левъ и обладалъ красотою солнца. Ростъ мой подобенъ былъ росту райскаго дерева. Мѣткость моего выстрѣла постоянно удивляла всѣхъ; на ристалищахъ я удостоивался самыхъ высшихъ похвалъ... Когда я нѣсколько возросъ и въ состояніи былъ уже выдержать пылъ битвы, она уже созрѣла вполнѣ. Царь, замѣтивъ, что дочь, по своимъ познаніямъ, могла бы занять тронъ, отослалъ меня къ отцу. Въ эти годы я игралъ уже въ мячъ и на охотѣ убивалъ льва. Это было такъ давно, что хорошо уже не помню; все же расскажу тебѣ (Автандилу) исторію, хотя это для меня и очень тяжело. Этотъ коварный и измѣнчивый міръ не терпитъ добрыхъ дѣлъ. Его искра когда-то опалившая меня, до сихъ поръ жжетъ меня.—Долго онъ плакалъ и потомъ началъ такъ: «Разъ я и царь возвращались съ охоты. Вдругъ онъ схватилъ мою руку, повелѣлъ повидать наследницу. Не правда-ли,—какъ я еще живу, вспоминая тотъ моментъ? Я видѣлъ садъ, какого не видалъ еще смертный. До насъ доносилось оттуда пѣніе птицъ, пріятнѣе пѣнія сиренъ. Много было въ немъ фонтановъ изъ розовой воды, которая протекала въ ванны бань, входы которыхъ были занавѣшены золотошитыми коврами. Высокая ограда сада состояла изъ изумрудной зелени въ рядъ стоящихъ тополей. Царь соизволилъ сойти съ лошади около дворца, къ которому примыкали воздвигнутые изъ камня каравансарай. Когда мы вошли въ него, тронный залъ былъ устланъ коврами. Ахъ, мое бѣдное сердце, какъ это ты выносишь до сихъ поръ стрѣлу, которой пронзили тебя тогда!.. Царь потребовалъ убитыхъ турачей и приказалъ мнѣ отнести царевнѣ. Я взялъ дичь и послѣдовалъ за царемъ. Тогда я испыталъ бѣдствія міра. Стрѣла должно быть была изъ лучшей стали, если она сумѣла пронзить сердце, подобное скалѣ. Я зналъ, что царь не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь видѣлъ его дочь, подобную солнцу. Я остановился передъ входомъ, а царь, поднявъ роскошную занавѣсь, вошелъ въ комнату дочери. Не

видя никого, я слышалъ лишь говоръ, который доносился изнутри до меня. Слышалъ я, что она приказала Асмати (нянькѣ) взять турачей изъ рукъ Амилъбара (начальника войскъ). Асмати подняла передо мной золотомъ шитыя шторы. Я ее увидѣлъ; тотчасъ стрѣла пронзила мое сердце, въ головѣ затуманилось. Асмати попросила у меня дичи, я передалъ ей турачей. Пламя пожирало мою душу. Горе мнѣ, съ тѣхъ поръ уже не утихаетъ пылающій костеръ въ груди!..

Перейдемъ ко второй однородной картинѣ для сравненія: изъ «Меджунунъ и Лейлы», строфы грузинскаго перевода 41, 42, 43, 44, 45.— Меджунунъ сидитъ передъ своимъ дворцомъ. День и ночь онъ плачетъ. Слезы льются сами собою. Несчастные родители горюютъ возлѣ него. Въ его сердцѣ болѣзнь страсти принимаетъ ужасные размѣры. Безъ ланцета, сами собою открылась у него жила. Родители испугались, видя это. Въ самомъ дѣлѣ, онъ истекалъ кровью. Онъ болѣе не въ состоянн былъ владѣть членами. Никакими средствами не могутъ остановить кровь. Родители плачутъ, головами бьютъ о камни. Онъ, видя это, простоналъ: «Я не умру. Зачѣмъ вы преждевременно убиваете себя»... «Ступайте туда, гдѣ сидитъ предметъ моей страсти. Возьмите съ того мѣста комокъ земли и принесите ее ко мнѣ. Положите ее на раскрытую рану и кровь перестанетъ течь. Ничто другое не поможетъ». Тотчасъ же исполнили его желаніе, принесли комокъ земли на которую ступала Лейла. Положили на раскрытую рану. Кровь остановилась, Меджунунъ сказалъ: «Я исцѣленъ, но я все-таки дольше не хочу жить». Изъ «Вепхись-Ткаосани», строфы: 359, 360, 361, 364, 365, 366. «Дни шли за днями, но сердце мое все болѣе и болѣе пожиралось пламенемъ страсти. Прежде мое любимое занятіе было смотрѣть на ученіе войскъ; теперь не могъ я этого выносить. Выйти въ поле и посмотрѣть, какъ мимо проходятъ войска,—это для меня было цѣлое мученье. Доктора не могли помочь мнѣ. Темная печаль омрачила мою душу. Никто не могъ угадать настоящаго моего горя. Признали, что у меня сильный приливъ крови. Царь приказалъ пустить мнѣ кровь. Я соглашался на все, лишь бы скрыть отъ людей истинную причину моей болѣзни. На постели лежалъ я скучный, съ подвязанною рукою... Пришелъ отъ царя гонецъ. Онъ спрашивалъ о моемъ здоровьѣ. Я отвѣтилъ, что мнѣ теперь лучше и въ доказательство я поручилъ гонцу довести, что самъ явлюсь къ его величеству. Я дѣйствительно отправился во дворецъ. Царь предостерегъ меня: «Смотри,—сказалъ онъ,—не горюй болѣе». Онъ приказалъ мнѣ сѣсть верхомъ безъ оружія; самъ тоже сѣлъ и поѣхалъ со мною на охоту соколиную. По возвращеніи съ охоты, царь устроилъ пиръ во дворцѣ и старался всѣми силами раз-

влечъ меня»... Послѣ сравненія этихъ двухъ однородныхъ сценъ изъ «Меджнукъ и Лейлы» и «Вепхись-Ткаосани», я полагаю разрѣшается вопросъ, у кого изъ этихъ двухъ писателей больше художественнаго такта въ мастерствѣ воспроизведенія психологическихъ моментовъ—у Низами, или у Шота Руставели...

О поэмѣ Лейла и Меджнунъ Ethe ¹⁾ говоритъ, что въ ея основаніе положена древняя и вѣчно юная трагедія любви между двумя отпрысками враждебныхъ семействъ. О вліаніи Низами на всѣ послѣдующіе вѣка персидской литературы свидѣлствуютъ многочисленныя передѣлки его романтическихъ повѣстей и въ томъ числѣ Лейла и Меджнунъ ²⁾.

Къ XVI вѣку относится нѣсколько оригинальныхъ поэтическихъ произведеній небольшого объема. Этотъ періодъ ознаменованъ дѣятельностію грузинской писательницы Макрины, дочери царя Кахетинскаго Ираклія I. Она скончалась инокинею при Алавердскомъ храмѣ. Нѣкоторыя изъ церковныхъ гимновъ, составленныхъ ею въ честь св. Іосифа Алавердскаго, одного изъ 13 сирийскихъ отцевъ, помѣщены въ годичной минеѣ на 15 сентября ³⁾.

Къ XVI в. относятъ поэму Гочіани одного изъ царевичей подъ

¹⁾ Grundriss der Iranische Philologie, herausg. von Wilh. Geiger und Ernest Kuhn B. II стр. 241—5. *Laila u Manjnun* Djami's u. Hatifi's; см. здѣсь же стр. 245—8. Знаменитой книги Низами объ Александрѣ нѣтъ въ груз. переводѣ; его „Хосровъ и Ширинъ“ въ переводѣ хранится въ СПб. публичной библиотекѣ. Въ Урмузѣ на престолѣ вступили красавецъ Хосро(въ), доставившій миръ и счастье своимъ подданнымъ. При немъ жилъ богатырь Баракъ-Чубинъ. Онъ покорилъ Китай и вернулся оттуда съ обильной добычей. Но потомъ его постигъ гнѣвъ царя и бѣжалъ. Его—то хочетъ захватить Хосро. По портрету впервые узнаетъ о красотѣ Ширина. Онъ пылаетъ къ ней огнемъ любви. При первой встрѣчѣ оба такъ поражены красотой, что они не могутъ выговорить слова. При второй встрѣчѣ они объясняются и клянутся въ вѣчной любви. Различные походы Хосро и страстныя встрѣчи его съ Ширинъ составляютъ содержаніе поэмы (1211 года). Лл. 1—27 отведены Хосрову и Ширину, 27—57, книгѣ Барама и Гуладама съ перс. на груз. перев. по приказу правителя Грузіи царев. Вахтанга, 57—99 кн. Аджамы царя, пер. по приказанію Вахтанга. Изъ собр. кн. Грузинскаго, № 19. Ручкопись имѣетъ приписку 1800 г. „невѣстки царя Бетеваны“ (урожденной Церетели).

²⁾ *Wilh. Bacher. Nizâmî's Leben u. Werke.* Leipzig. 1871. Низами (†1202) обработалъ любовную исторію Лейлы и Меджнуна по просьбѣ ширванскаго владѣтеля Ахситана (Манучара) по прозванію Джала-ед-динъ Абу-л-Музаффаръ.

³⁾ *Иоссеіани* Грузія подъ владычествомъ царей мусульманъ. Т. 1849, стр. 16, прим.

именем Гоча. Сюжетъ и форма поэмы были заимствованы изъ народной жизни и благодаря легкости языка быстро распространились въ Имеретіи ¹⁾.

Гарсеванъ Чолокашвили жилъ, по словамъ З. Чичинадзе, около половины XVI вѣка. Имя его упоминается во многихъ сигеляхъ и гужарахъ. Объ немъ сохранилъ свѣдѣнія царь Арчилъ, по которымъ мы можемъ заключить, что «Чолокашвили Гарсеванъ» писалъ *Похвалу фруктамъ*, подобно многимъ упражненіямъ, дошедшимъ до насъ XVII—XIX вѣковъ. Рукопись «Похвалы фруктамъ» ²⁾, въ 77 страницъ указываетъ, что Гарсеванъ Чолокашвили сложилъ свои стихи при царѣ Александрѣ, а переписалъ въ 1574 г. изъ любовнательности кн. Дмитрій Орбеліани для сопоставленія съ собственнымъ произведеніемъ на эту же тему. Помимо «Похвалы» фруктамъ рукопись заключаетъ въ себѣ еще нѣсколько другихъ стихотвореній Гарсевана Чолокашвили. Въ похвалѣ ведутъ бесѣду между собою различные плоды, такъ сладкая «клубника рубиноваго цвѣта хвалится тѣмъ, что она поспѣваетъ раньше всѣхъ», которой возражаетъ дикая слива («ткэмали»), упрекая ее въ хвастовствѣ и указывая на то, что у нея только верхняя часть сладка, а корень горекъ и неприятенъ, заключаетъ свою рѣчь словами: «помимо меня ни одинъ плодъ, ни ягода не годятся». Восхваленіе приносится между прочимъ огурцу, о которомъ упоминаетъ царь Арчилъ. Въ одной строфѣ поэтъ называетъ себя по имени: «Изъ глазъ слезы постоянно льющій Гарсеванъ».

Начало XVII в. уже ознаменовывается въ исторіи грузинской литературы внесеніемъ робкимъ, постепенно усиливающимся, національныхъ мотивовъ. Писатели не ограничиваются переводами изъ сказочныхъ повѣстей персидскаго характера и религіозно-нравственныхъ сочиненій съ греческаго. Произведенія этого вѣка уже отражаютъ даже въ заимствованныхъ сюжетахъ отголоски современности и національной тенденціи. Эта черта сказывается на произведеніяхъ перваго по времени писателя Теймураза I и въ переводѣ «Шахъ-Наме».

Произведенія царя Теймураза I.

Царь Теймуразъ I, о переводѣ котораго повѣсти «Лейль и Меджнунъ» мы говорили выше, извѣстенъ какъ перелagатель персидскихъ

¹⁾ Нѣсколько листовъ изъ этой поэмы встрѣчалъ З. Чичинадзе. См. *его* Грузинск. литер. XIII—XVI вв. Т. 1885, стр. 26.

²⁾ Найдена З. Чичинадзе въ 1872 г.

поэтическихъ произведеній на грузинскій языкъ. Онъ былъ сынъ Давида и Кетеваны, принявшей мученическій вѣнецъ отъ шаха Аббаса 12 сентября 1624 г. Онъ род. около 1591 г. и воспитывался въ Кахетин. Воцарился въ 1605 г. и умеръ въ 1663 г. въ Персін, въ гор. Астрабадѣ. Съ разрѣшенія шаха прахъ его былъ привезенъ въ Грузію и преданъ землѣ въ Алавердскомъ соборѣ. Время его царствованія одна изъ самыхъ бѣдственныхъ эпохъ въ жизни Грузіи. Оно совпало съ опустошительными нашествіями Аббаса, истребившаго населеніе, частью же переселившаго изъ Грузіи въ Персію до 100.000 чел. Царю пришлось по дѣламъ царства много ѣздить, а иногда и скитаться безъ приюта по Персін, Турціи и Россіи и кончить жизнь свою, вѣвъ предѣловъ своей родины въ монашествѣ. Среди этихъ непрерывныхъ тревогъ онъ находилъ время для литературныхъ занятій, оставивъ нѣсколько переводныхъ и дидактическихъ произведеній въ стихотворной формѣ ¹⁾. Жизнь его описана царемъ Арчиломъ въ поэмѣ «Арчиліани». Большая часть его сочиненій переведена съ персидскаго языка, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Къ таковымъ относятся: «Вардбулбуліани», поэма о Розѣ и Соловѣ ²⁾; написанная по-персидски муллою Аджамомъ [Аттаджири?], по словамъ переводчика (см. VI-ю строфу). Съ персидскаго же заимствованы «Шамипараваніани», «Лейла Миджнуріани» и Иосифъ-Зилахіани ³⁾.

¹⁾ См. стихотворенія царя Теймураза I, изд. З. Чичинадзе съ предисловіемъ. Т. 1886. Въ сборникъ вошли: отдѣльныя четверостишія, Маджама, Вардбулбуліани, Шамипараваніани, Сравненіе Весны и Осени, Воспѣваніе Гремскаго дворца, Плачъ о царицѣ и Анбантъ-кеба.

²⁾ Впервые напечатана въ „Цискари“ за 1861 г.; Д. Чубиновъ перепечаталъ въ Хрестоматіи 1863 и въ 1875 г. появилась отдѣльной книжкой (изд. Арс. Каландадзе, съ предисл. П. У.), наконецъ въ 1886 г. З. Чичинадзе внесъ эту поэму въ собраніе соч. царя Теймураза.

³⁾ Joseph und Suleicha historisch-romantisches Gedicht aus dem persischen des Mewlana Abdurahman Dschami. Übersetzt und durch Anmerkungen erläutert von Vincenz edlem von Rosenweig. Wien, MDCCCXXIV.

„O schliesse Gott! der Hofnung Knospe auf
Zeig eine Rose aus der ewgen Flur!
Mein Garten lächle jener Knospe Mund
Und mich erquicke dieser Rose Duft!

Иосифъ извѣстенъ какъ идеалъ мужской красоты и добродѣтели на Востокѣ. Зулейта, супруга Тутифари. „Зилахіани“ извѣстно въ Грузіи въ XII в. Н. д. Ia. G. I, 412.

Содержаніе: Anrufung des göttlichen Nahemens. Beweise des Daseyns Gottes, d. propheten. Himmelfahrt d. Propheten... Die Liebe. Adam's Traumsgesicht. Joseph. Suleicha. Suleiches I Traum. Stillter Schmerz... Das

«Сравненіе весны и осени»¹⁾, «Посвященіе образу царицы Тамары въ Давидъ-Гаредрійской пустыни», «Мученическія страданія царицы Кетеваны», «Воспѣваніе царя Александра и царицы Нестанъ-Дареджаны», «Авбантъ-кеба» «Маджама» (стихи, заключающіе въ себѣ игру, съ двусмысленнымъ значеніемъ) являются оригинальными его произведеніями. Ему же принадлежит хронографъ, составленный на основаніи греческихъ и русскихъ источниковъ. Этими произведеніями царь Теймуразъ приобрѣлъ такую извѣстность, что его стали сравнивать съ Ш. Руставели²⁾. Еще у писателей прошлаго вѣка онъ именуется философомъ и риторомъ. Ему посвятилъ ямбы католикосъ Антоній I, восхвалявшій его главнымъ образомъ за то, что царь принялъ иноческій санъ.

Содержаніе его произведеній можетъ быть передано вкратцѣ. Царь-поэтъ, какъ средневѣковый писатель, мыслить контрастами. Онъ противопоставляетъ осень веснѣ, ночь дню, соловья розѣ, бабочку свѣчкѣ и пр. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ подражаніе Руставели начинаются прославленіемъ Бога Творца. Въ поэмѣ «Вардбулбуліани» роза вступаетъ въ бесѣду съ соловьемъ, беззавѣтно влюбленнымъ въ царицу цвѣтовъ. Наступила весна. Въ природѣ повѣяло возрожденіемъ. Расцвѣли душистые фіалки, нарцисы и ландыши. За ними распускаетъ свои нѣжные лепестки роза, надъ которой неустанно льетъ свои страстныя трели соловей, пѣвецъ любви. Роза избалованная всеобщимъ преклоненіемъ, не понимаетъ, кто это и зачѣмъ такъ назойливо вѣтается надъ ней, рассыпаясь въ сладостныхъ пѣсняхъ. Она не считаетъ его своей ровней. Вѣдь, ей служатъ сами цари и красавицы міра! Соловей обиженъ высокомѣрнымъ отношеніемъ розы, соглашается съ розой, что она украшеніе жизни, но и онъ, вѣдь, не простая птичка. Онъ таеетъ отъ любви къ ней, а она равнодушно предлагаетъ поискать себѣ жилище въ другомъ мѣстѣ. Онъ со слезами умоляетъ о пощадѣ, готовъ воспѣвать ея красоты и умереть на ея острыхъ иглахъ. Онъ не можетъ перенести разлуки съ ней, онъ живетъ и поетъ только для нея: вдали отъ нея онъ будетъ нѣмъ и глухъ. Роза снисходитъ къ его мольбамъ. Она признаетъ въ немъ сладкій голосъ и страсть любви, но все же находитъ его для себя

Badein Nile. Der Hirte. См. еще Mahmud Gâmi's Jûsuf: Zulaicha, in Kashmîri—Sprache. Von K. Fr. Burkhard. ZDMG. Leipzig. 1898 и 1899, В. 49 и 53.

¹⁾ Впервые появилась въ „Цѣскари“ а въ 1876 г. отдѣльной брошюрой изд. въ Тифлисѣ Д. Гвишвили и М. Ахнателовымъ.

²⁾ Онъ самъ въ поэмѣ „Вардбулбуліани“ готовъ держать пари въ томъ, что никто не скажетъ такихъ стиховъ, какъ онъ.

не соответствующимъ другомъ. Эти слова убійственно подѣйствовали на соловья, и онъ замолчалъ. Авторъ при этомъ прибавляетъ, что и ему надоѣло продолжать вымышленную ихъ бесѣду. Заканчивается поэма моленіемъ Богу о прощеніи ему грѣховъ и дарованіи милости. Болѣе естественнымъ завершеніемъ горькой «бесѣды» представлялась бы внезапная смерть соловья, которая, какъ извѣстно, часто посѣщаетъ птицъ во время пѣнія ¹⁾. Написано произведеніе четверостишіями (97 всего) 16-ти слоговымъ силлабическимъ размѣровъ ²⁾.

Съ персидскаго же языка заимствовано содержаніе другого произведенія «Сантели и Пепела», т. е. «Свѣча и Бабочка» ³⁾, такого же сентиментальнаго характера, какъ Вардбулбуліани. Въ ней замѣчаются слѣды христіанскаго воззрѣнія, внесенныя переводчикомъ въ персидскій оригиналъ. Такъ здѣсь упоминается икона, крестъ и церковь. Поэма открывается предупрежденіемъ, что повѣствуемый въ ней рассказъ—«вымыселъ, сообщаемый для пользы людямъ». Другими словами, она является аллегоріей, въ которой подъ свѣчой и бабочкой нужно разумѣть страстно влюбленныхъ. «Соберитесь читатели—чтецы, которые проливаете потоки слезъ, жертвуете своей жизнью для возлюбленныхъ, сжигаете неугасаемымъ пламенемъ истерзанное свое сердце, и посмотрите на бабочку, испускающую духъ, смертельно спаленную. Учитесь у нея всѣ искусства страстной любви». Бабочка вьется вокругъ зажженной свѣчи и обращаясь къ послѣдней, признается ей въ безумной своей любви. Она готова обратиться въ пепель отъ жгучихъ мерцающихъ лучей свѣчи, возженной словно солнце во мракѣ ночи». По волѣ Божьей, бабочка—рабыня свѣчи; для первой нѣтъ спасенія,—она окутана очаровательными сѣтями второй. Свѣча послѣ томительнаго молчанія удостоиваетъ бабочку отвѣта неутѣшительнаго, приглашающаго слѣпо влюбленную

¹⁾ Дарвинъ. Сочиненія. Т. II, стр. 255—6. (Изд. Поповой, СПб., 1896).

²⁾ Первымъ персидскимъ поэтомъ, воспѣвавшимъ любовь „Соловья къ Розѣ“ описывается *Баді’—уддінъ Минурихъ аттаджірі аттабрізі*, въ своей поэмі „Дилсұзнамъ“. Этотъ поэтъ жилъ (по мнѣнію *Ethé*, Grundriss der iranischen Philologie т. II, стр. 250—251) до 1456 г. нашей эры. Рукопись находится въ Bodleiana. Другая поэма персидскаго поэта Вафъ, жившаго въ нашемъ столѣтіи, была литографирована въ г. Lucknow въ Индіи подъ заглавіемъ „Gul u. Bulbul. *Ethé*, говоря о сюжетѣ „Соловей и Роза“ замѣчаетъ, что это „ein Vorwurf, der noch öfter von persischen Dichten behandelt worden est“. Однако, онъ другихъ именъ не приводитъ.

³⁾ Изд. въ Тифлисѣ въ 1876 г. Д. Гвишивили и М. Ахпателовымъ.

въ нее оставить ее въ покоѣ: вѣдь, она создана не для кровопролитія и любви, а жертвеннымъ приношеніемъ предъ святой иконой и крестомъ, для возжиганія предъ покойникомъ. Бабочка умоляетъ о пощадѣ, разсыпается въ похвалахъ красотѣ свѣчи, превосходящей прелести розы, а себя ставитъ выше соловья въ качествѣ влюбленнаго. Свѣча остается непреклонной, а бабочка въ отчаяніи раскрываетъ крылья и, опаливъ ихъ, падаетъ бездыханной. Тогда только свѣча прониклась жалостью къ погибшей бабочкѣ и стала быстрее таять, проливая какъ бы слезы въ знакъ сочувствія жертвѣ страсти. Давъ совѣтъ влюбленнымъ подражать бабочкѣ, поэтъ заявляетъ, что этотъ вымышленный рассказъ онъ написалъ, чтобы разсвѣять скуку, постигшую его въ бездѣйствіи, въ которомъ онъ пребывалъ въ теченіе семи лѣтъ. Очевидно, здѣсь дѣлается намекъ на его пребываніе въ Персіи. Поэма написана четверостишіями (всего 48) 16-ти слоговымъ силлабическимъ размѣромъ.

«Сравненіе весны и осени» — ¹⁾ оригинальное произведеніе царя Теймураза I. Оно заключаетъ въ себѣ 74 четырехстишія, каждый стихъ въ 16 слоговъ. Въ немъ сквозятъ историческія черты усиленія ислама и ослабленія христіанства въ Грузіи. Воздавъ благодареніе Создателю, авторъ проситъ прощенія за сказанную повѣсть: онъ вынужденъ взяться за нее въ виду того, что его время — эпоха оскуднѣнія истинной мудрости, въ Евангеліи и Апостолѣ перестали нуждаться, глубокихъ его мыслей никто не хочетъ слушать, «всѣ погнались за переходящими благами», и ему приходится для развлеченія грусти приняться за «болтовню» о сравнительномъ превосходствѣ весны предъ осенью или обратно. Это мѣсто служить свидѣтельствомъ, что современный бытъ начинаетъ отзывать на литературныхъ произведеніяхъ. Сюжетъ поэмы раскрывается въ формѣ бесѣды между двумя сезонами, изъ которыхъ каждый указываетъ на свои достоинства и привлекательныя стороны. Весна говоритъ, что она земной рай, такъ какъ въ періодъ ея пребыванія на землѣ, послѣдняя покрывается изумрудною зеленью, воздухъ наполненъ ароматомъ пахучихъ цвѣтовъ, деревья нѣжно распускаются, приглашая подъ тѣнь своихъ вѣтвей исполненные порывовъ къ жизни влюбленные юныя сердца для веселаго препровожденія времени съ чащей въ рукахъ и съ пѣснями на устахъ. На тысячу ладовъ распѣваютъ пѣвчія птицы на радость всей воскресшей природы. Можно ли осени-старухѣ съ поблекшими листьями сравниться съ ней весной-юношей, когда все оглашается пѣніемъ соловья?! Осень возражаетъ веснѣ, находя самохвальство послѣдней явнымъ недоразумѣніемъ. Вѣдь, только осенью

¹⁾ Изд. отдѣльной книгой Тифлисъ, 1876.

поспѣваютъ плоды—гранатъ, виноградъ, красный сокъ котораго изъ наполненныхъ кувшиновъ веселитъ людей. «Жирная» осень насыщаетъ весь народъ, а «тощей» весной и сами цари голодаютъ. Весеннія лихорадки только осенью прекращаются и излѣчиваются. Весна въ негодованіи на диэирамбы противницы замѣчаетъ, что только она способствуетъ общенію людей, путешествіямъ въ дальнія страны, а бурная осень только поглощаетъ нагруженные корабли и пронизывающій ея вѣтеръ лишь иссушаетъ природу, которой вскорѣ уже угрожаетъ холодная зима. Ноябрь мѣсяць осыплетъ осень снѣжнымъ покровомъ и запретъ людей въ душныя жилища при свѣтѣ слабо мерцающаго огня вмѣсто весенняго разгула на лонѣ природы. Осень спокойно отвѣчаетъ, что весна напрасно разглагольствуетъ: если ее, первую сгубитъ зима, то вторую поглотитъ лѣто—«сезонъ стрекозъ». Авторъ, не разрѣшивъ ихъ спора, представляетъ читателямъ высказаться, какой изъ періодовъ года является лучшимъ.

Сохранилось одно странное «Бесѣда лихорадки и священника» (?!) ¹⁾. Лихорадка измучила священника, который посылаетъ ей проклятiа именемъ креста. Лихорадка зоветъ юнаго священника, обремененнаго семьей, готовится къ могилѣ, а онъ, «воспріавшій святое крещеніе въ купели», гонитъ ее отъ себя, угрожая ей, въ случаѣ выздоровленія, должнаго возмездія. Лихорадка покидаетъ его изъ жалости къ женѣ и дѣтямъ его, да изъ почтенія къ церкви, но вскорѣ она вернулась, и снова завязывается между ними бесѣда. Священникъ ее упрекаетъ въ двуличіи, неискренности: нарушивъ обѣщаніе, она вновь посѣтила несчастнаго священника, у котораго она отняла уже дѣтей. Лихорадка считаетъ брань по ея адресу не подобающей саву священника. Онъ, собравъ силы, призвалъ св. Нину и принявъ хину, вызываетъ на бой лихорадку, которая, причинивъ ему много непріятностей и денежныхъ расходовъ въ пользу докторовъ, покидаетъ его, чувствуя, что она очень ему надоѣла. Это произведеніе носитъ характеръ заговора. Заключаетъ въ себѣ 24 четырехстишія по 16 слоговъ.

Поэма Маджама ²⁾, состоящая изъ 111 четырехстишій (въ 16 слоговъ каждый стихъ) принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя писались въ подражаніе Руставели. Въ третьей строфѣ авторъ

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Перепечатано съ отступленіями у З. Чичинадзе изъ журнала „Цискари“. Поэма эта въ своемъ составѣ еще не установлена. Въ ней иногда встрѣчается вставка—Похвала Н. Дареджанѣ. „Маджама“ въ томъ видѣ, въ какомъ изд. у Чичинадзе, напечатана съ вариациями въ журн. „Цискари за 1853.

даетъ переводъ самаго заглавія «Маджами» (персидское слово), что значить «по-грузински сборъ». Особенность этой поэмы по формѣ заключается въ томъ, что въ каждомъ четверостишіи повторяется въ концѣ одно и тоже слово, иногда съ измѣненнымъ значеніемъ. Стихи довольно звучные и не лишены поэтического пафоса. По содержанію поэма служитъ воспѣваніемъ неизвѣстной особы, б. м. царицы, супруги Теймураза. Красота ея воспроизводится въ тѣхъ же характеристическихъ чертахъ, въ которыя впервые Руставели одѣлъ своихъ героинь. Стройный, какъ кипарисъ, станъ, черные, глубокіе глаза, подобно «чернильному озеру», кристально бѣлое лицо ея сіяетъ, словно солнечные лучи, мила и нѣжна какъ Тинатина и Дареджана. Себя онъ сравниваетъ съ Таріеломъ и Маджнуомъ. Предъ милой «таетъ душа влюбленнаго, въ сердце его вонзила судьба смертельное копьѣ». Да и съ каменной грудью не устоять предъ ней! Онъ объять безысходной грустью, онъ изливается въ горячихъ слезахъ, нѣтъ словъ ужъ у него для воздаянъя похвалы «райской» красавицѣ. Горе его безгранично: онъ потерялъ сына и дочь, жизнь своихъ очей, опору старости, послѣднюю отраду. Колесо фортуны повернулось противъ него; онъ утратилъ счастье на землѣ. Но «Шота (Руставели) сказалъ, что для кого жизнь тягостна, тому смерть посылается въ облегченіе»... «Шота же сказалъ, что солнце одинаково освѣщаетъ и розу, и навозъ». А царь отъ себя прибавляетъ, что громовой ударъ постигаетъ и могучаго владѣтеля страны. Поэтъ постепенно переходитъ въ пессимистическое настроеніе. Онъ жалуется на тяготящую судьбу которая или преждевременно и внезапно сводитъ человѣка въ могилу, или же если продолжить жизнь, то осыпаетъ обильными неприятностями: отнимаетъ тѣхъ, кого мы любимъ, погружая насъ въ беспросвѣтную скорбь. Доведши человѣка до мучительной старости, судьба лишаетъ его то зрѣнія, то зубовъ, согнетъ его стройный станъ, покроетъ лицо морщинами, а потомъ пошлетъ неизбѣжную смерть, холодную могилу и черный камень надъ ней! Таковъ припѣвъ поэмы, въ которомъ слышится извѣстное изреченіе Соломона суета суетъ проникшее въ соч. Теймураза не безъ вліянія персидскаго ¹⁾. Но поэтъ не останавливается на изображеніи безотрадныхъ сторонъ человѣче-

¹⁾ Въ 51 строфѣ упоминается Хосровъ, вѣроятно, перс. поэтъ Насиръ Ибнъ Хосровъ, весело жившій болѣе 40 лѣтъ и окончившій признаніемъ, что міръ—суета (1045) г.) Поэма эта въ „Цискари“ приводится въ двухъ редакціяхъ: въ пространной (1852, VI) и сокращенной (1853, III). Съ послѣдней перепечатано у Чичинадзе.

ской жизни. Онъ ищетъ утѣшенія и примиренія съ ней. И подобно Державину въ одѣ «На смерть князя Мещерскаго» царь Теймуразъ заканчиваетъ поэму энергичной строфой:

«Я не говорю, что мы не должны дорожить матеріальными благами сего міра,
Но нужно ими пользоваться такъ, чтобы въ послѣдствіи не каяться,
Не обращая своего духа въ смертельную душу животныхъ,
Чтобы разставшись съ нимъ, не оказаться предъ замкнутыми вратами».

Словомъ, нужно достойно готовиться къ будущей жизни и устроиться здѣсь согласно «Четвероевангелію Христа».

«Плачь о царицѣ» — сжатая глубоко-прочувственная элегія по поводу смерти (въ 1610 г.) супруги Теймураза I Анны, урожденной Дадіани. Онъ женился на ней 16 лѣтъ и чрезъ четыре года уже она умерла, оставивъ ему двухъ сыновей — Левана и Александра. Поэтъ, описавъ поблекшую красу царицы, переходитъ къ изображенію своего несчастнаго положенія съ двумя осиротѣвшими дѣтьми. Смерть ея возложила на его главу вмѣсто короны уродливую шапку — «чачи», вручила ему черный посохъ взамѣнъ скиптра, облекла въ траурную порфиру, и поставила трономъ черную хату». Совершивъ обрядъ оплакиванія, онъ заперся въ мрачную келью и объятый пламеннымъ горемъ, рыдалъ и терзался. «О если бы она пришла сказать ему слово утѣшенія!» Эта элегія, полная искренняго горя, состоитъ изъ 12 четырехстишіи.

Маленькое стихотвореніе въ 5 черверостишіи воспѣваетъ царскій дворецъ въ Греми, воздвигнутый самимъ Теймуразомъ. Содержаніе его напоминаетъ аналогичное произведеніе Симеона Полоцкаго, посвященное Коломенскому дворцу Алексѣя Михайловича. Дворецъ свой Теймуразъ разноцвѣтными красками расписалъ, кружилъ чуднымъ садомъ, гдѣ распускаются пахучія розы, а надъ ними слышатся трели соловья.

«Анбантъ-кеба» — воспѣваніе различныхъ прелестей жизни, въ алфавитномъ порядкѣ.

Спорной является принадлежность ему четверостишія о сравнительныхъ отличительныхъ достоинствахъ народностей грузинскаго племени: въ немъ отмѣчается степенность месха, воинственность кахетинца, щедрость карталинца и вѣжливость имеретина. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ это четверостишіе приводится такъ, что по акростиху получается имя Гоча, которому оно и приписывается, но нерѣдко оно считается произведеніемъ царя Арчила. Безусловно ц. Теймуразу принад-

лежать сентенціи въ стихотворной формѣ: человекъ въ этой жизни долженъ съ Божьей помощью устраивать свои дѣла, но обязанъ друзьямъ и пріятелямъ также принести какую-нибудь пользу.

Въ другомъ четырехстишіи указываются разнообразныя свойства языка: онъ сладокъ и горекъ, длиненъ и коротокъ, способенъ разсѣять тоску и вонзить копье въ сердце, душа смертныхъ, но не рѣдко и орудіе кровопролитія. Есть стихотвореніе, въ которомъ перечисляются науки древнихъ грековъ: философія, медицина, риторика, грамматика, геометрія, астрономія, поэзія, музыка, военное искусство, художество, естествознаніе и математика ¹⁾. Царь здѣсь является лицомъ вполне образованнымъ

Въ «Цискари» (1852 г.) приводится «Бесѣда дня и ночи». Днемъ творится правда, ночью совершается воровство, говоритъ день. Ночь возражаетъ находя, что только во мракѣ замолкаетъ зло и люди отдыхаютъ. Днемъ бываютъ пиры, рысталища, а ночью бракъ поэтъ при этомъ подробно описываетъ свадебные обряды и обычаи, связанные съ первой ночью. Днемъ же исполняется стрѣльба въ цѣль и игра въ мячъ. Словомъ, здѣсь опять имѣется принятая система восхваленія своихъ достоинствъ и оспариваніе ихъ противной стороною.

Арчиліани. ²⁾

Дѣятельность царя Теймураза нашла панегирика въ лицѣ другого царственнаго писателя—Арчила. Его поэма «Арчиліани» представляетъ изложеніе горестной жизни и восхваленіе произведеніи царя Теймураза ³⁾.

¹⁾ О переводѣ Лемль—Меджнугіани, приписываемомъ царю Теймураза, существуетъ мнѣніе, что поэма эта переведена не имъ, а Зааломъ Туманишвили во время его пребыванія въ Персіи.

²⁾ Первое изданіе (неполное) появилось подъ ред. Шл. Юсселиани въ 1853 г. (Тифлисъ), а въ 1888 г. былъ напечатанъ „Арчиліани“ въ Бутакѣ. Тифлисское изданіе заключаетъ жизнеописаніе царя Теймураза.

³⁾ Пашо-Бертадзе, современникъ Арчила, является въ Грузіи XVI—XVII в. инициаторомъ использованія національнаго сюжета въ поэмі. Онъ выбралъ героя своей исторической эпохи карталинскаго царя Георгія XI (1675—1688. 1691—1695, † 1709), отозваннаго шахомъ Гусейномъ полководцемъ противъ авганцевъ. Онъ побѣдоносно вступаетъ въ Кандагаръ, беретъ въ плѣнъ правителя страны, но потомъ по навітамъ Георгій былъ обвиненъ въ измѣнѣ, правитель Кандагара, хитрый Миръ-Венсъ возвращенъ и отъ его вѣроломныхъ воиновъ во время пира падаетъ царь Георгій и съ нимъ грузинская конная дружина.

Вслѣдъ за предисловіемъ, въ которомъ царственный авторъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ писателяхъ, переходитъ къ «Бесѣдѣ Руставели съ царемъ Теймуразомъ». Бесѣда ведется въ діалогической формѣ. За первой рѣчью царя слѣдуетъ первый отвѣтъ Руставели, за которыми идутъ параллельно ихъ вопросы и отвѣты. Смыслъ «Бесѣды», написанной 16 слоговымъ стихомъ, заключается въ томъ, что диспутирующіе другъ друга восхваляютъ въ стихотворномъ творествѣ, воздавая честь противнику, умаляютъ свой талантъ. Царь говоритъ Руставели: нѣкоторые прославляютъ тебя, увѣряя, что ты меня побѣдилъ», а пѣвецъ «Барсовой кожи» смиренно отвѣчаетъ: «куда мнѣ сравниться съ вами, вождемъ поэтовъ»? Теймуразъ съ своей стороны уклоняется именовать себя «вождемъ поэтовъ» и указываетъ на выразительный языкъ созданія Руставели, а послѣдній не хочетъ ставить себя, подданнаго на ряду «съ господиномъ». Царь, однако, считаетъ за свою заслугу то обстоятельство, что онъ творилъ по собственному влеченію, а Руставели по приказанію великой Тамары. Руставели также покидаетъ прежнюю скромность и задаетъ царю вопросъ, что онъ обрѣлъ своимъ литературнымъ созданіемъ въ сравненіи съ той славой и популярностью, какою пользуется «Барсовая кожа». Царь не признаетъ за Руставели первенства среди грузинскихъ поэтовъ, считая Чахрухадзе старшимъ по времени писателемъ. Руставели настаиваетъ на томъ, что онъ первый далъ образецъ полной и совершенной обработки поэтическаго произведенія. Пріоритета въ этомъ отношеніи онъ не уступаетъ и самому царю. Царь объясняетъ преувеличенныя восхваленія, воздаваемые въ древности Руставели, тѣмъ, что у него не было достойныхъ соперниковъ, каковымъ является онъ теперь. Мѣсто свое онъ долженъ уступить царю, котораго окружаетъ еще ореолъ всевозможныхъ житейскихъ испытаній, равныхъ страданіямъ Іова. Руставели не убѣждается этимъ доводомъ въ превосходствѣ царя надъ собою, получившимъ образованіе на Аеонѣ, центрѣ мудрости. Теймуразъ возражаетъ, что изложеніе въ стихахъ одного разсказа не свидѣтельствуетъ еще о большомъ талантѣ. Руставели начинаетъ оставлять его въ покоѣ, признавая себя какъ бы побѣжденнымъ. Царь проникается самоувѣреніемъ и торжествуетъ побѣду. Онъ обѣщаетъ Руставели гор. Греми и богатые дары въ томъ случаѣ, если онъ сумѣетъ склонить своего соперника. Руставели отказывается принять дары, но при этомъ заявляетъ, что царь ничего не писалъ такого, чего бы ни сказалъ онъ раньше. Царь упрекаетъ поэта въ томъ, что послѣдній ввелъ въ грузинскую литературу джавахетскій языкъ, а самъ отличается невоспитанностью, свойственной всѣмъ месхамъ. Руста-

вели послѣ оскорбительныхъ этихъ словъ сожалѣть, что вступилъ съ царемъ въ соревнованіе и препирательство. Царь это принимаетъ за свою побѣду, говоря, что книга Руставели была хороша только до появленія его блестящаго сочиненія. Если бы поэма «Барсова кожа» была такъ недолговѣчна, царица не вознаградила ея автора, отвѣчаетъ смиренно Руставели. Царь, проявившій свои познанія въ священномъ писаніи и греческой философіи, считаетъ спорный вопросъ исчерпаннымъ и убѣжденъ въ томъ, что пѣвцу Тамары остается только предъ нимъ склонить свою главу, а Руставели, какъ бы кается, что осмѣлился вступить съ нимъ въ соревнованіе.

Такъ пожелалъ завершить «Бесѣду», состоящую изъ 15 вопросовъ и отвѣтовъ двухъ разновременныхъ и разнокалиберныхъ поэтовъ царь Арчилъ, изъ чувства родственнаго почтенія или непониманія лиры Руставели отдавшій пальму первенства творчеству царю Теймуразу.

Во второй части ¹⁾ *Арчиліани* за повѣствованіемъ отъ имени Руставели ²⁾ о побѣдоносныхъ походахъ царицы Тамары, идетъ шестнадцатый отвѣтъ со стороны царя и Руставели и завершается «окончательной» отповѣдью царя Теймураза, заключающей въ себѣ данныя изъ его жизни.

Вторая часть преимущественно посвящена трагическому жизнеописанію царя Теймураза. Послѣдній рассказываетъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Дѣдъ его царь Александръ II имѣлъ сыновей Давида (его отца) Ираклія Георгія и Константина. Первые три отличались всѣми добродѣтелями а третій прославился тѣмъ, что убилъ своего отца и брата Давида и пожелалъ жениться на овдовѣвшей невѣсткѣ своей, женѣ брата своего Давида, царицѣ Кетеванѣ, матери Теймураза ³⁾. Константинъ воспитывался въ Персіи и тамъ усвоилъ дикіе и развратные нравы. Царица Кетевана отвергла гнусное предложеніе Константина, поощряемаго къ злодѣяніямъ персидскимъ шахомъ. Когда же былъ убитъ этотъ ренегатъ, то на Кахетинскій тронъ былъ возведенъ Теймуразъ, который радостно былъ принятъ матерью и народомъ. Юный царь торжественно коронованъ, проводитъ время въ увеселеніяхъ и пирахъ, празднуетъ пышную свадьбу съ княжной Гуріели, которая своей преждевременной смертью ввергаетъ супруга въ глубокую печаль. Это мѣсто въ *Арчиліани* отличается искренностію чувства и истиннымъ поэтическимъ па-

¹⁾ Стр. 167 и сл.

²⁾ Поэтическое изложеніе согласно съ данными летописи.

³⁾ Объ этомъ трагическомъ событіи сообщаютъ мѣстные и иностранные источники. См. *Броссе* Переписку груз. царей съ російскими государями, стр. XII.

восомъ. «Миновало время радости, обступили горести и скорби, веселье покинуло меня, глаза наполнились слезами, а сердце тоской... Я говорилъ: о, солнце, поразсталось ты со мною, предавъ меня огненнымъ терзаніямъ!».. Среди этихъ тревогъ Теймуразъ получаетъ приглашеніе отъ шаха явиться къ нему. При дворѣ повелитель Ирана заставляетъ его просить руки сестры царя Карталинскаго Луарсаба, несмотря на настойчивые отказы Теймураза, въ виду ближайшаго родства царей карталинскихъ и кахетинскихъ. Шахъ не останавливается на этомъ. Онъ же возбуждаетъ другъ противъ друга Луарсаба и казахскаго хана. Потомъ шахъ вторгается въ Грузію, чтобы укрѣпить ее за собою, какъ постъ противъ Турціи. Для смягченія его гнѣва спѣшитъ къ нему царица Кетевана съ младшимъ сыномъ Теймураза—Александромъ; «не быть же мнѣ его няней?» говоритъ Шахъ и требуетъ въ заложники старшаго сына—Левана. Царь вынужденъ его отправить, хотя увѣренъ, что обоемъ ужь суждено остаться въ плѣну у шаха, вопреки слову послѣдняго. При первомъ столкновеніи съ Теймуразомъ шахъ потерпѣлъ пораженіе. Но опасаясь за исходъ своей участи, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ карталинскимъ царемъ Луарсабомъ въ Имеретію къ царю Георгію. Шаху однако удалось притворной дружбой къ Луарсабу вызвать его къ себѣ въ гор. Гори, увѣряя, что онъ воюетъ противъ личнаго своего врага Кахетинскаго царя, Теймураза, а Карталинію онъ готовъ оберегать всѣми средствами. Очарованный хитростью, Луарсабъ послѣдовалъ за шахомъ на охоту сначала въ Караязскія степи, а оттуда былъ завлеченъ въ Карабагъ и далѣе Мазандаранъ, гдѣ былъ преданъ смерти. Напрасно царь пренебрегъ совѣтами царей Теймураза и Георгія и всѣхъ къ нему близкихъ, удерживающихъ его въ Имеретіи! восклицаетъ авторъ. Своей мученической кончиной онъ проявилъ преданность народу и родинѣ, которую хотѣлъ спасти отъ разоренія исполненіемъ шахской воли.

Царь Теймуразъ по вызову Нодара Джорджадзе и Давида Асланшвили возвращается въ Кахетію. Шахъ, узнавъ объ этомъ, посылаетъ войско подъ начальствомъ Али-Кули-хана, который потерпѣлъ отъ вдохновенныхъ патриотическою рѣчью царя кахетинцевъ полное пораженіе на р. Арагвѣ. Царю досталась большая добыча. Отовсюду получилъ онъ поздравленія съ побѣдой. Шахъ въ гнѣвѣ сталъ угрожать Теймуразу отмщеніемъ. Царь съ семьей въ страхѣ снова бѣжалъ въ Имеретію, откуда чрезъ Саатабаго переправляется къ султану, оставивъ царицу въ Олтиси—подъ охраной Нодара Джорджадзе. Шахъ прежде всего велитъ эриванскому хану Амиргуну захватить въ плѣнъ царицу. Отразивъ его, царская семья собралась въ путь въ Россію. А шахъ по-

сылаетъ противъ Грузіи моурава Георгія Саакадзе и Зураба Эрнстова, давъ имъ Симона, сына царя Баграта, для возведенія на Карталвинскій престоль. Моуравъ измѣняетъ шаху, переходитъ на сторону грузинъ и, убивъ Карчихана, разсѣиваетъ персидскую орду. По окончаніи битвы отправляются въ Кахетію, которую послѣдно покидаетъ Пейкарханъ, и Теймуразъ приглашенъ снова на царство. Во Мцхетѣ народъ и князья принесли ему присягу въ вѣрности и преданности. Шахъ тогда прислалъ войско подъ начальствомъ Корчибаша, который одержалъ побѣду надъ грузинами на р. Алгетѣ (близъ Табахмела). Пало очень много именитыхъ князей, а нѣсколько взято въ плѣнъ, въ числѣ послѣднихъ было 9 братьевъ Мачабели. На р. Ксанкѣ Корчибашъ потерпѣлъ поражение отъ Моурава, и Теймуразъ снова овладѣлъ престоломъ карталино-кахетинскимъ. Къ этому времени умираетъ шахъ Аббасъ, а Моуравъ, прозванный грузинскимъ Алквядомъ, измѣнивъ Теймуразу, бѣжалъ къ султану. Утвердившись на престолѣ, Теймуразъ приступилъ къ переводу съ персидскаго пов. «Лейла и Миджвунъ и Иосифъ и Зулейха ¹⁾». Остановившись подробно на дальнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни злополучнаго царя, онъ и рассказываетъ все, что слышалъ и зналъ ²⁾ о вынужденномъ его переселеніи въ Имеретію, оттуда въ Россію къ Алексѣю Михайловичу, который принялъ семидесятилѣтняго вѣнценосца съ большимъ почетомъ и съ ясными доказательствами любви, о возвращеніи его въ Грузію и путешествіи въ Персію, къ мучителю христіанъ, шаху, поступившему съ нимъ грубо (облилъ его виномъ) изъ-за отказа ѣсть мясо въ среду и смерти его на обратномъ пути ³⁾. Такова печальная эпопея о царѣ Теймуразѣ.

Въ заключеніе Арчилъ даетъ о себѣ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній. Этотъ преслѣдуемый судьбою царь былъ старшій сынъ Вахтанга V (Шахъ-Наваза), род. въ 1647 г. и въ теченіе своей жизни всходилъ то на имеретинскій, то на кахетинскій престоль, а въ 1699 г. былъ вынужденъ переселиться въ Россію, гдѣ любимый сынъ его Александръ, былъ взятъ во время Сѣверной войны въ плѣнъ шведами. Съ просьбой объ его освобожденіи онъ обратился къ западно-европейскимъ государямъ ⁴⁾. Царь Арчилъ былъ больше поэтъ и философъ,

¹⁾ См. *Арчиліани*, стр. 118.

²⁾ іб. 201.

³⁾ Арчилъ сообщаетъ, что свѣдѣнія о царѣ Теймуразѣ имъ собраны со словъ очевидцевъ и лицъ, принадлежащихъ къ воспѣваемому имъ царю. Ср. *Жордані*. Хроника, II, 498.

⁴⁾ *Эзовъ* Новое Сношеніе Петра В. съ армянскимъ народомъ.

чѣмъ политической дѣятель. Кромѣ поэмы «Арчилиани», написанной частью въ Осетіи и законченной въ Астрахани ¹⁾ (см. стр. 121, 189, 201) ему принадлежатъ «О нравахъ Грузіи» и «Прославленіе по алфавиту», а также нѣсколько маленькихъ лирическихъ пьесъ, ямбовъ, «Бесѣда челоуѣка съ судьбой» немало и поучительныхъ произведеній. Въ основу образованія Арчилъ кладетъ священное писаніе. Для полноты воспитанія онъ требуетъ развитія физическихъ силъ путемъ постоянныхъ упражненій. «О нравахъ» — поэма въ стихахъ, проникнутая національной тенденціей.

Царю Арчилу принадлежитъ также переложеніе въ стихи „Висраміани“ („Дрозба“ 1885, № 85), хранящееся въ библиотекѣ кн. Мингрельскаго, нынѣ пожертвованной Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія.

Въ составъ же „Арчилиани“ вошли свѣдѣнія о нѣкоторыхъ писателяхъ, извѣстныхъ царю своими произведеніями; онъ упоминаетъ имена Чахрухадзе, Хосро Турманидзе, автора „Ростоміани“, Нанучи, дополнившаго своими строфами поэму Руставели ²⁾, жалкаго стихоплета Павленишвили, Байхасро, изложившаго въ стихахъ „Оманіани“, Парсаданидзе Нодара, воспѣвшаго „Барамгура“, Бардзима Вачнадзе, переложившаго книгу о Саамѣ въ стихахъ въ Одиши, Перечисляетъ поэтовъ, написавшихъ кое-что: Гарсеванъ Чолокашвили, Сулханъ Тоніашвили, Іоакимъ Сембелі („мудрецъ“), Першангъ Бертвадзе, Ваака Двалидзе, Датуна Ццаани.

Выше всѣхъ писателей онъ ставитъ Руставели и царя Теймураза, которыхъ онъ заставляетъ вступить въ словопренія. Пл. Юсселиани указанія о писателяхъ приписалъ въ «Цискари» (1852, III) царю Теймуразу I, а въ особомъ изданіи жизни царя Теймураза (Тифлисъ, 1853, стр. 179 и сл.) считаетъ ихъ принадлежащими перу Арчила.

Любопытная справка о появленіи павлина сообщается Арчиломъ.

Однажды, говоритъ царь Арчилъ ³⁾, государь нашъ Александръ (1574—1605 г. по Р. Х.) охотился въ Кахетіи въ долину Алони. Въ это время полевой сторожъ донесъ ему о появленіи въ Алони какихъ-то птицъ, неизвѣстныхъ доселѣ никому. Царь сейчасъ же со всею своею свитой и псарней отправился въ ту сторону, гдѣ указывались невѣдомыя птицы. Приблизившись къ нимъ, всѣ увидѣли, что

¹⁾ Всю поэму кончилъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ.

²⁾ По изданію Пл. Юсселиани (ср. Цискари 1852, III, отд. 2, стр. 3—7), а въ кутаисскомъ изданіи отсутствуетъ указаніе на Чахрухадзе, Турманидзе и Нанутча. Кутаисское и тифлисское изданія расходятся въ порядкѣ и числѣ упоминаемыхъ писателей, при чемъ кутаисское превосходитъ изданіе Юсселиани.

³⁾ „Арчилиани“, изд. Л. Мачутадзе. Бутансь, 1888 г.

одни изъ этихъ птицъ подняли свои хвосты и раскрыли ихъ вѣерообразно, другія громко кричатъ и пр. Царь сказалъ своимъ приближеннымъ: «Изображеніе этихъ птицъ мнѣ приходилось видѣть на картинахъ, но о существованіи ихъ въ Алони я не слыхалъ ни отъ кого. Это павлинъ, красивѣйшая птица. Переловимъ ихъ всѣхъ и разведемъ въ нашей странѣ. Павлины эти доставятъ намъ не мало удовольствія». По приказанію царя войско оцѣпило то поле, гдѣ благодушествовали павлины. Они всѣ были переловлены. Съ этого времени павлины размножились въ Кахетіи и Имеретіи.

О появленіи въ Грузіи павлиновъ говорятъ и лѣтописи Картлис-Цховреба. По словамъ лѣтописца ¹⁾ сокольничій донесъ царю Александру о появленіи въ Алони удивительныхъ и никѣмъ невиданныхъ птицъ. Александръ немедленно отправился въ Алони и нашелъ тамъ массу павлиновъ. Желая переловить всѣхъ живыми, онъ направилъ на нихъ ручныхъ соколовъ, но, за исключеніемъ одного «краснаго сокола», ни одинъ не тронулся съ мѣста. Переловленные павлины были доставлены въ столичный городъ Греми, и здѣсь павлины расплодились, размножились. Въ данномъ случаѣ любопытно использованіе историческаго факта въ поэзіи.

Онъ писалъ много стиховъ въ Россіи для разсѣянія тоски. Онъ жалуется, что «бездѣлье наскутило ему и погрузило его въ думы». Лишенный радостей жизни, «игры въ мячъ и охоты», онъ предался литературнымъ занятіямъ ²⁾.

Помимо названныхъ сочиненій Арчилу, первому пѣвцу пейзажей Грузіи и женской красоты, принадлежитъ рядъ еще литературныхъ произведеній и въ ихъ числѣ переводъ греческаго хронографа и Александріи, небольшая дидактическая поэма «О нравахъ Грузіи», анбантъ-кеба, художественное описаніе райскихъ видовъ, похвала красотѣ женщинъ и стойкости жителей Грузіи въ поэмѣ «Наргизовани» и «Хрустальный столбъ». При немъ была заведена первая типографія въ Москвѣ и отпечатаны книги, изъ которыхъ псалтырь 1705 г. является однимъ изъ древнихъ памятниковъ грузинской печати ³⁾. Поэма о нравахъ Грузіи ⁴⁾ заключаетъ въ себѣ указанія о различныхъ

¹⁾ Картлис-Цховреба, ч. II, стр. 110.

²⁾ Ср. *Жорданіа*. Хроника, II, 517.

³⁾ См. объ этомъ дальше въ главѣ о печатаніи грузинскихъ книгъ. Ср. мою ст. въ „Моамбѣ“ [1900, III] „Старопечатныя книги въ Московской синодальной типографіи“.

⁴⁾ Напечатана въ Журн. *Иверія* 1885, XII. Свѣдѣнія о поэмѣ Наргизо-

наукахъ и изяществахъ, сельскихъ занятіяхъ, препровожденіи времени, правилахъ свѣтской мудрости. Основой обученія онъ считаетъ священное писаніе, обязательнымъ усковіемъ воспитанія—вѣжливость, умѣнье держать себя при старшихъ, исполнительность въ порученіяхъ, преданность царю—параллель наставленіямъ изъ «Духовной» Татищева.

Грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ Александрія ¹⁾).

Грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ до настоящаго времени не была введена въ кругъ изученія исторіи переводовъ и передѣлки Александріи у западныхъ и восточныхъ народовъ ²⁾. Она не только не привлекалась изслѣдователями къ изучаемому вопросу, но даже существованіе ея въ грузинской словесности не подозрѣвалось, судя по согласному молчанію лицъ, занимающихся разработкой литературы этого предмета. Подобное обхожденіе молчаніемъ памятниковъ грузинской словесности объясняется тѣмъ невыгоднымъ для ученыхъ обстоятельствомъ, что мы не имѣемъ ни на русскомъ, ни на грузинскомъ языкѣ приблизительнаго перечня грузинскихъ рукописей, за исключеніемъ каталога «Общества распространенія грамотности среди грузинъ», изданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ—въ 1887 году и списка грузинскихъ манускриптовъ въ Св. Землѣ и Афонѣ, составленнаго А. А. Цагарели. Богатымъ количествомъ рукописей располагаетъ также Тифлисскій церковный музей, древніе монастыри и княжескія книгохранилища, свѣдѣнія о которыхъ лишь случайно и отрывочно проникаютъ въ печать. Вотъ почему, между прочимъ, грузинская апокрифическая литература, значеніе которой нынѣ выступаетъ въ новомъ свѣтѣ, столь обильная любопытными памятниками, мало въ наукѣ ути-

---

вани и „Хрустальный Столбъ“ см. у *Тоссемиани* въ Описаніи Душета и З. Чичинадзе „Груз. литература“, Т. 1888, 22—3. Въ поэмѣ о нравахъ встрѣчаются намеки на его пребываніе въ Астрахани и въ Россіи, гдѣ онъ потерялъ сына Александра во время шведской компаніи при Петрѣ Вел.

¹⁾ См. мой рефератъ, напечатанный въ Ж. М. Н. Пр. за 1893, № 9.

²⁾ Въ литературѣ по Александріи нѣтъ указаній о существованіи ея на грузинскомъ языкѣ. См.: *Пытингъ*, Очеркъ лит. ист. старинныхъ повѣстей и сказокъ русск., стр. 27. *Веселовскій*. Въ вопросу объ источникахъ сербской Александріи. *Fr. Spiegel*, Die Alexandersage bei den Orientalen, Leipzig, 1851. E. A — W. Budge. The history of Alexander the Great bring the Syriac Version of the Pseudo—Callisthenes 1889. (Cambridgе?).

лизировалась, если не считать отдѣльных, такъ сказать, мимоходныхъ вторженій, совершаемыхъ въ область грузинской церковной и народной словесности.

Грузиновѣдѣніе со времени академика Броссе вращалось по преимуществу въ сферѣ изученія историческихъ источниковъ, лѣтописныхъ извѣстій, археологическихъ находокъ, эпиграфическихъ фактовъ, изрѣдка останавливая вниманіе на юридическихъ актахъ и чисто литературныхъ памятникахъ. Это одностороннее изученіе прошлой судьбы Грузіи подало основаніе гипотезѣ о бѣдности грузинской литературы повѣствовательными произведеніями. Однако такое послѣднее и необоснованное мнѣніе разсѣивается безъ особеннаго усилія: грузинская литература казалась бѣдной древними памятниками, потому что объ нихъ не знали. Нерѣдко въ княжескихъ библіотекахъ намъ приходилось впервые случайно открывать нѣсколько любопытныхъ апокрифовъ и повѣстей, и въ томъ числѣ исторію объ Александрѣ Македонскомъ.

Грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ имѣетъ такое начало, которое ставитъ ее внѣ связи съ разказомъ Псевдо-Каллисѣена. Она начинается прямо словами: «Считають царя Александра Македонскаго сыномъ Филиппа, но это ложь: ибо онъ сынъ царя египетскаго Нектанаба и супруги царя Филиппа Олимпіады». Достаточно привести приступъ къ исторіи Александра Македонскаго Псевдо-Каллисѣена, чтобы признать отсутствіе родства между грузинской и греко-латинскій редакціями ¹⁾. Рождается вопросъ, является ли грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ самостоятельною переработкой сказаній объ этомъ героѣ исторіи, баснословія и легенды, или же восходитъ къ какой-нибудь редакціи Александрій? Сербская *книга Але-*

¹⁾ Καλλιस्थένης (Arriani Anabasis etc. ed. Car Müller): „Ἀπιστός μοι δοχεῖ γενέσθαι καὶ γενναϊότατος Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδων ἰδίως πάντα ποιησάμενος συνεργούσαν αὐτῷ εὐρών ἀεὶ ταῖς ἀρεταῖς τὴν προνοίαν“. По другой редакціи: „Οἱ σοφώτατοι Αἰγύπτιοι, θεῶν ἀπόγονοι, γῆς μέτρα καταλαβόμενοι, θαλάσσης κόμματα ἡμερωσάμενοι, ποταμὸν Νεῖλον διαμετρησάμενοι, οὐρανοῦ ἀστροθεσίαν διαψησάμενοι, παραδεδώκασι τῇ οἰκουμένῃ, ἐπὶ στρατείας ἀλκῆ λόγου, ρύσεως μαγίχης δυνάμεως. Φασὶ γάρ τὸν Νεκτανεβῶ τὸν τελευταῖον τῆς Αἰγύπτου βασιλέα... Ср. латинскій текстъ ibidem: Aegypti sapientes sati henere divinó primi ferunter permenisque sunt terram ingenii pervicacia et ambitum coeli stellarum numero assecuti. Quorum omnium Nectanabus prudentissimus fuisse comprobatur, quippe qui quod... Ср. Армянская Александрія (рукопись 1692 года и печатное изданіе 1842, Венеція): Мудрецы египетской страны, моря измѣривъ, исчисливъ звѣзды небесныя, передали всему міру силу, порядокъ и открытіе слова и искусства. Они разсказываютъ, что Нектанебъ былъ послѣднимъ царемъ.

ксандра Македонскаго легко разрѣшаетъ поставленный нами вопросъ. Вслѣдъ за небольшимъ введеніемъ въ ней читается соответствующее началу грузинской повѣсти мѣсто: «Глаголющія бо іего быти сына цара Филиппа, льжоуть, нь сы сынъ іестъ царя егупѣтскаго Анехтанава, великаго вльхва и царице Олимпіади» ¹⁾. Для укрѣпленія связующихъ грузинскую и сербскую Александрію узъ обратимся къ маршруту македонскаго завоевателя. Александръ, убивъ въ Олимпіи Саламадуша, идетъ на войну съ *куманами* (Саламадушъ сербск. Лаомедушъ), принимаетъ посольство Даріоза по смерти Филиппа и покорность соллурскаго царя (солунскаго) Кархидона. Затѣмъ совершаетъ походъ въ Аѳины, оттуда въ Римъ и доходитъ до Океана рѣки, основываетъ Александрію и Антиохію. Возвращается въ Македонію, откуда отправляется на востокъ, то-есть, завоевываетъ Іерусалимъ, Египетъ, вступаетъ въ борьбу съ Даріозомъ и Крисаномъ (Крезомъ?). Этотъ походъ завершается хожденіемъ въ невѣдомыя страны. Онъ посѣщаетъ статуи Ираклія и Серамиды, бесѣдуетъ съ нагомудрецами ²⁾ (съ Іовантомъ). За этимъ рассказомъ слѣдуетъ глава о чудовищахъ на краю свѣта и война съ Поромъ. Повѣсть кончается рассказомъ о «женахъ мазнанійскихъ» (амазонкахъ), Евримитѣ (Евриминтѣ), мерсалинскомъ царѣ и царицѣ Кандакѣ, посѣщеніемъ Александра Олимпіадой и смертью перваго въ «землѣ, именуемой Чесами, въ странѣ халдейской, близъ Египта». Эта схема грузинской повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ ясно свидѣтельствуетъ, что ходъ ея изложенія, отступая отъ Псевдо-Каллисѳена, совпадаетъ съ планомъ разказа сербской Александріи. Является вопросъ, какъ объяснить близость памятниковъ у сербовъ и грузинъ, культурныя связи между которыми до сихъ поръ не были засвидѣтельствованы. Послужила ли сербская Александрія оригиналомъ для грузинской повѣсти, или же обѣ, сербская и грузинская, редакціи восходятъ къ одному общему источнику, до насъ не дошедшему греческому тексту? Для разрѣшенія этого вопроса нужно сдѣлать небольшое отступленіе въ область изслѣдованія сербской Александріи.

¹⁾ Приповетка о Александрѣ Великомъ у старої српскої книжевности. Критически текст и расправа од Стоіана, *Новаковича*, у Београду, 1878, стр. 2. Ср. *изд. Јича, Život Alexandra Velikoga*, стр. 220 (Starine na sviet izdaje jugo slavenksa akademija znanosti i umjetnosti, knjiziga III, u Zagrebu, 1871). Здѣсь имя египетскаго царя и македонской царицы давы въ формахъ, близкихъ къ грузинскимъ именамъ: „Нектанаб“, Олимпіаде.

²⁾ „Нагомудрецы“ — грузинскій рассказъ въ рукописи X в. сохранился на Синаѣ. См. *Царели* Памятники на Синаѣ, стр. 227.

Академикъ А. Н. Веселовскій въ изслѣдованіи «Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи» установилъ тотъ фактъ, что утраченный греческій подлинникъ, къ которому восходятъ сербская Александрія, вѣнская рукопись ¹⁾ XV—XVI вѣковъ и ново-греческая народная книга объ Александровыхъ дѣяніяхъ, могъ быть составленъ въ XIII—XIV вѣкѣ. Эти три памятника близко стоятъ къ Псевдо-Каллисѣену С., не совпадая между собою въ нѣкоторыхъ деталяхъ, при чемъ греческая народная книга и вѣнская рукопись отличаются меньшею полнотою, чѣмъ сербская Александрія. Грузинская повѣсть носитъ всѣ черты родства съ сербскою редакціей, ближе примыкая къ изданной академикомъ Ягичемъ Александріи, чѣмъ къ тексту, напечатанному Новаковичемъ. Одна фраза грузинской повѣсти краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что ея переводчику приходилось считаться съ сербскою Александріей. На 133 стр. нашего перевода читается слѣдующая ненужная для грузинъ глосса: «макрини на сербскомъ языкѣ значить близкій». Соотвѣтствующее мѣсто въ сербской Александріи гласитъ: «макари по србскому езику блажени наричу се», (изд. Ягича, стр. 264), или: «макарони бо сербскомъ іезыкоу блажени наричоуть се» (изд. Новаковича, стр. 88). Очевидно, переводчикъ слабо знаетъ языкъ, или плохо разобралъ текстъ, что «блажени» принялъ за «ближены» и объяснилъ макарони въ послѣднемъ смыслѣ. Помимо этой глоссы, попавшей изъ сербской Александріи въ грузинскую повѣсть, послѣдняя носитъ всѣ тѣ особенности, которыя по тщательному изысканію академика Веселовскаго составляютъ отличительныя черты сербской редакціи. Вѣнская рукопись, греческая народная книга и сербская Александрія, примыкая къ Псевдо Каллисѣену С, заключаютъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія сравнительно съ послѣднимъ. Эти особенности сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: въ походѣ Александра при жизни еще отца противъ скивовъ по Псевдо-Каллисѣену послѣдніе замѣнены въ сербской редакціи куманами (половцами) ²⁾; Анакронъ, похитившій супругу

¹⁾ Рукопись эта, вывезенная изъ Константинополя Бусбекомъ, издана въ отрывкахъ *Каптомъ* (Mitteilungen aus zwei griechischen Handschriften als Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Mittelalter, im Programm des k. k. Real und Obergymansiums im IX Gemeindbezirke im Wien, 1872, стр. 38 и sq., а въ полномъ видѣ академикомъ *Веселовскимъ* въ названномъ изслѣдованіи, приложение, 1—66 стр.

²⁾ *Веселовскій*, Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи, стр. 166. *Васильевскій*, Византия и Печенѣги, см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1875, ноябрь, стр. 147, 157—158, 161 и сл.

Филиппа Олимпіаду, названъ въ нашемъ переводѣ согласно съ сербскою Александріей царемъ пелалонскимъ (то-есть, пелагонскимъ), а не солунскимъ, какъ у Псевдо-Каллисена. Оставивъ другія отличія сербской редакціи отъ разказа Псевдо-Каллисена, указанныя академикомъ Веселовскимъ, въ виду того, что они вскрываются и въ грузинскомъ переводѣ, отмѣтимъ ссылки на Соломона, упоминаніе Бога Саваоа-буквальное воспроизведеніе данныхъ о пророкѣ Іереміи. Эта особенность сербской и грузинской редакцій ставятъ ихъ и въ деталяхъ въ близкое родство.

Обращаясь къ собственнымъ именамъ сербской Александріи и грузинской повѣсти объ Александрѣ, мы находимъ, что въ послѣдней сохранились греческія названія съ особенностями сербской редакціи. (Ацилежь, Веронушь, Левкадушъ, Агамушь, Лаомедушь, Іеленоушь, Калистенушь), Ацилежь, Веронушь, Левкадушъ, Агамушь, Калистенаушь, Веленушь, Саламадушъ грузинской повѣсти соотвѣтствуютъ сербскимъ именамъ: Ацилежь, Вринеушь, Левкадушъ, Агамушь, Лаомедушь, Іеленоушь, Калистенушь ¹⁾ съ измѣненіемъ окончаній на *s* греческаго оригинала въ ш. Замѣтимъ, впрочемъ, что не всѣ имена потерпѣли это смягченіе: Даріозъ, Кандаркусъ удержали греко-римскую форму, при чемъ второе имя согласно съ транскрипціей сербской редакціи (Кандархусъ), а первое имя—Даріозъ, представляетъ начертаніе грузинскаго переводчика, которому должно было быть извѣстно именованіе персидскаго властителя. Эти особенности грузинскаго текста даютъ основаніе предполагать, что наша повѣсть переведена не съ греческаго языка, а съ какой нибудь редакціи сербской Александріи. Сербская глосса, попавшая въ грузинскій переводъ, можетъ служить лучшимъ подкрѣпленіемъ выставленнаго мнѣнія. Помимо вышеупомянутыхъ сербизмовъ въ грузинской повѣсти, нужно упомянуть о тѣхъ лексическихъ особенностяхъ, которыя скрываются въ нашей Александріи и могутъ быть объяснены лишь при посредствѣ сербской редакціи. Изъ послѣдней въ грузинскую повѣсть вошли слова, неизвѣстныя въ гру-

---

О Куманяхъ см. Марко Поло, гл. XVII (о царяхъ Грузин). Упомянувъ о вратахъ желѣзныхъ, Марко Полого вѣритъ, что „это самое мѣсто, о которомъ въ книгѣ Александра говорится, что онъ заперъ татаръ (Tarteri) за горами“. Но это не были татары, а были Куманы и другіе народы, ибо татаръ еще не было. Ср. *Гагара* о желѣзныхъ вратахъ въ Грузинской землѣ, о щеляхъ земныхъ, куда загнали „дивніи звѣри Гогъ и Магокъ“. *Визант. Вр.*, т. IV, вып. 3—4, 1797, стр. 558, Ст. акад. Веселовскаго объ Александріи.

¹⁾ Грузинская повѣсть объ Александрѣ М., стр. 5, 25, 213 и др.

зинскомъ лексиконѣ и оставленныя безъ перевода: пардуси, персидская *журчма* ¹⁾, (*коучма* по *Новаковичу*), парастаси, щить *антиета* (акинта, анита, *Новаковичъ*, 50; *Ягичъ*, 257); 10.000 лошаковъ *мадали* (магдаль у *Новаковича* и *Ягича*, указанные страницы), *кликизма* — отравы (гликизмо: *Новаковичъ*, 142; *Ягичъ*, 323), смазанъ *сункалитомъ*, котораго не беретъ ни желѣзо, ни огонь ²⁾ (асиликить у *Новаковича*), сиримелли органъ и др. ³⁾.

Эти недоумѣнія грузинскаго переводчика, разрѣшающіяся текстомъ сербской Александріи, возбуждаютъ вопросъ, представляетъ ли грузинская повѣсть полный переводъ сербской редакціи, или восходитъ къ греческому оригиналу, послужившему ближайшей инстанціей для вѣнской рукописи, греческой народной книги и сербской Александріи? Академикъ Веселовскій произвелъ тщательное сравненіе этихъ трехъ разказовъ объ Александрѣ Македонскомъ и установилъ особенности каждой изъ названныхъ редакцій. Пользуясь его выводами, мы можемъ сказать, что грузинская повѣсть ближе стоитъ къ сербской редакціи, чѣмъ къ греческой народной книгѣ и вѣнской рукописи. При численіи же между собою грузинской и сербской Александріи оказывается, что наша повѣсть, имѣя тѣсную связь съ сербской Александріей, — что видно изъ глоссы послѣдней, попавшей въ первую, — не представляетъ, — однако, подлиннаго перевода съ нея. Грузинскій переводчикъ кое-гдѣ произвелъ сокращенія, сдѣлалъ пропускъ отдѣльныхъ словъ и пѣлыхъ фразъ. Такъ, прежде всего разказъ свой озаглавилъ гораздо проще, чѣмъ мы находимъ въ сербской редакціи и по вѣнской рукописи. «Исторія Александра, царя Македоніи и всего Востока, Сѣвера и Юга, самодержавнаго царя царей» — вотъ заглавіе грузинской повѣсти. («царь царей» — шахинъ-шахъ у персовъ — титулъ грузинскихъ царей). Заглавіе же сербской редакціи по изданію Ягича гласитъ: «Житіе и послѣдованіе достальнымъ члвѣкомъ и воиномъ оустръмиающимъ се на брани, ниже оубо чѣтити и разоумѣти и слышати, блаженнаго моужа цара Александра, како воєва и како назва се царь въсей земли подьслньчнѣной. Начнемъ оуже о рожденіи и сьмерети его» ⁴⁾. Самая

¹⁾ Съ персидской *курчмой* на головѣ встрѣчаетъ Александръ мать свою Олимпиаду. Грузинская повѣсть, стр. 208. Ср. *Новаковичъ*, 139; *Ягичъ*, 321.

²⁾ Грузинская повѣсть, стр. 179. Ср. *Ягичъ*, стр. 299, *искиить*; *Новаковичъ*, стр. 110, *асникить*, *осниникит*.

³⁾ *Новаковичъ* на стр. 140, прим. 4, приводитъ чтеніе *сиримамели* (свирали).

⁴⁾ Ср. *Новаковичъ*, стр. 1. «Житіе и повѣсть достоѣпно и дивно, къ во-

повѣсть начинается съ того, что Александръ есть сынъ Нектанаба и Олимпіады, безъ имѣющагося въ сербской редакціи опредѣленія эпохи изъ всеобщей исторіи, къ которому относится рожденіе Александра: въ царствованіе Тарквинія въ Римѣ, при пророкѣ Іереміи, царѣ Даріи въ Персіи, Порѣ въ Индіи и Нектанабѣ въ Египтѣ. Любопытно, что грузинскій переводчикъ не перечисляетъ народовъ, соединившихся противъ Нектанаба, хотя въ числѣ ихъ названы его единоплеменники Вери (Ивери), то-есть, иверійцы, или грузины. Какъ примѣръ сокращеннаго изложенія, доведеннаго въ грузинской повѣсти до безсмыслицы, можно указать на пропускъ исторіи паденія Трои изъ-за Елены и Париса (Теленоушь и Парижь), переданной у *Новаковича* на 38 стр. Параграфъ четвертый въ сербской редакціи (Н) начинается словами, пропущенными въ грузинскомъ переводѣ: «Въ Македоніи бивъ Нехтенавъ великъ отъ Македоніанъ мнѣше се бити и великъ врачъ вльховъ нарицаше се отъ нихъ»¹⁾. Ни разу не называется по имени «чудный» конь буцефалъ, или, по сербской редакціи, Дучипалъ, хотя описаніе его по грузинскому переводу совершенно совпадаетъ съ описаніемъ сербской редакціи. Не удлиняя сличенія указаніемъ еще другихъ незначительныхъ пропусковъ и сокращеній, отмѣтимъ рядъ невѣрно прочитанныхъ и воспроизведенныхъ по-грузински собственныхъ именъ: *Мони* вмѣсто Амони, *Теони* вмѣсто Дафенеонъ (двѣ коня Дафенеона Аполона). Игры—олимпіа, истаніа, емеіа, посидона переданы въ такой формѣ, что приходится производить надъ ней нелегкія операціи для составленія соотвѣтствующихъ наименованій: *чтимніа*, *омем*, *біасеміа*, *посидоміа*. Въ большинствѣ случаевъ такое искаженіе именъ должно быть отнесено на счетъ переписчика, а не переводчика: есть прямыя свидѣтельства—я укажу ниже—о плохихъ способностяхъ переписчика имѣющагося у меня манускрипта разбирать древнее письмо.

инствомъ устремляюшти ея польз'но чести и слышати, добродѣтельна, благочестива же и велеумна мужа великаго Александра, македонскаго цара, како и отъ коуду бысть и како и до гдѣ прѣиде и кыхъ ради добродѣтелеи подльничной въсен царь и самодръжьць нарица се. Подобаеть чьтоуштому разумѣти, а разумѣвштому сию воинствьнымъ и моужьствьнымъ добродѣтелемъ подобати се. Имѣюи смыслъ да разумѣеть; естъ же сице". Въ примѣчаніи приводится краткое заглавіе по одной рукописи: „Житіе иже въсехъ великаго *царя царемъ* Александра". Это заглавіе ближе къ грузинскому. Вѣнская рукопись также даетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чтеніе βασιλεω βασιλεύς, стр. 44.

¹⁾ *Яичъ*, стр. 223.

Если есть пропуски въ грузинскомъ переводѣ, то можно указать и нѣкоторыя дополненія, неизвѣстныя мнѣ изъ сербской редакціи ¹⁾. Александръ, поставивъ царемъ Рима Ламандуша, отправился въ страну Литовскую(?), покорилъ земли многихъ сильныхъ царей и достигъ Иконіи до моря. По дорогѣ онъ встрѣтилъ звѣрей человѣкообразныхъ съ змѣиными глазами. Побѣдилъ онъ ихъ послѣ сильной битвы и вступилъ на желѣзную гору, гдѣ увидѣлъ крылатыхъ женщинъ, имѣющихъ ногти, какъ серпы ²⁾. Соответствующее мѣсто въ сербской редакціи не даетъ свѣдѣній о походѣ Александра въ Литовію и Иконію: «Лаомедоуша... въ Римѣ царя постави и всѣмъ западнымъ царемъ. Злато же многио войскоу възмъ на оучешкоу землю оустрыми се, тамо же шьствіе творе, царства многа и крѣпка порази и всюу вселенноу прѣшедь, даже до Окіана рѣкы дошедь и трехъ рѣкы, иже всюу землю обтычють. Звѣри обрѣте тамо человѣкообразные и дваглавы змиеви ноги имоуште, съ ними рать сотворь великоу, и тѣхъ побѣди, звѣри бо оружія не имоуште въскорѣ подаше. И на желѣзную нѣкоую гороу въшедь, жены дивніе на Александра въсташе и рать великоу съ ними сътвори, въединь часть тисоуштоу одь войске іего оубише. Все жены тѣи крила имѣхоу, ногти іако сръпи» ³⁾. Этотъ отрывокъ можетъ служить образчикомъ сокращеннаго изложенія грузинской повѣсти и примѣромъ дополненія оригинала.

Предполагать смѣшеніе «Окіана» сербской редакціи съ Иконіей грузинской повѣсти считаемъ невозможнымъ, потому что въ другомъ мѣстѣ переводчикъ очень ясно воспроизвелъ извѣстное на грузинскомъ языкѣ слово «океане». Наша повѣсть еще одну любопытную вставку вскрываетъ въ себѣ: говоря о построеніи Александромъ городовъ Александріи, Антиохіи (Селевкии и Византіи нѣтъ), прибавляетъ: «узналъ Селевкъ, что Антиохъ, Потоломей и Филонъ построили вмѣстѣ одинъ городъ и назвали Едессіей» ⁴⁾.

Не смотря на эти незначительныя отличія грузинской повѣсти объ Александрѣ отъ сербской редакціи, близость первой ко второй не подлежитъ сомнѣнію. Греческая народная книга, обличающая болѣе

¹⁾ Алад. *Веселовскій* (l. cit., 136) подъ сербской редакціей разумѣеть греческіе, славянскіе и румынскіе тексты. Въ этомъ же смыслѣ я употребляю сербскую редакцію.

²⁾ Грузинская повѣсть, стр. 45.

³⁾ *Новаковичъ*, стр. 35, и *Яшичъ*, 246.

⁴⁾ Грузинская повѣсть, стр. 47, ср. *Новаковичъ*, стр. 36 и *Яшичъ*, 247.

замѣтное вліяніе Псевдо-Каллисена ¹⁾, стоитъ дальше отъ грузинскаго перевода, а вѣнская рукопись съ допущенными въ ней пропусками сравнительно съ сербской и грузинской Александріей не могла служить оригиналомъ для нашего перевода. Грузинская повѣсть, вѣроятно, переведена съ сербской Александріи въ Россіи. Замѣтимъ только, что рукопись Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря должна быть устранена какъ про то типъ грузинскаго перевода, въ виду того, что нѣкоторые отрывки, приведенные изъ первой академикомъ Веселовскимъ, не совпадаютъ въ деталяхъ со вторымъ. Такъ, Александръ переправляется къ нагомудрецамъ по грузинскому переводу съ Филономъ, а не Птоломеемъ. Но и изъ напечатанныхъ сербскихъ текстовъ ни одинъ не лежитъ въ основаніи грузинской повѣсти. Это видно изъ нерѣдкаго совпаденія данныхъ грузинскаго перевода не съ основною редакціей Новаковича, а съ вариантами, имъ указанными въ примѣчаніи. Такъ, Александръ, поручаетъ предъ тѣмъ, какъ отправиться къ Даріозу въ качествѣ посла, раздѣлить царство между собою *Филому* и *Птоломею* по грузинской повѣсти, а по Новаковичу подобное порученіе дается *Антиошу* и Птоломею, при чемъ свѣдѣніе это не сопровождается вариантомъ ²⁾.

Заглавіе повѣсти «Исторія Александра, царя Македоніи, всего Востока, Сѣвера и Юга» находитъ ближайшее соотвѣтствіе съ сербской рукописью народной бібліотеки, означенной у Новаковича буквой *с*: «Житіе иже вѣсея великаго цара царемъ Александра како бысть о семь».

Кто, когда и гдѣ перевелъ на грузинскій языкъ Александрію, изъ моей рукописи нельзя прійти ни къ какимъ выводамъ. Можно съ увѣренностью сказать, что переводчикъ плохо разбиралъ оригиналъ, вслѣдствіе чего допустилъ ошибки, какъ смѣшеніе словъ «блажени» и «ближени», «зло» прочелъ за «злато» и перевелъ «окро» ³⁾. Не столько

¹⁾ *А. Веселовскій*, l. cit., 145—147, 154—155, 160 и др.

²⁾ *Новаковичъ*, стр. 63; у *Яича*, стр. 267, это же мѣсто гласитъ иначе: „Александръ отъ сна Птоломею и Филипу и Антиошу сан свои сказа“. *А. Поповъ* (Хронографы, вып. I, стр. 118—126) приводитъ свѣдѣнія о сокращенной Александріи, не имѣющія параллели въ грузинской повѣсти, наприѣръ, глава „О добродѣтеляхъ Александровыхъ“. Исслѣдованіе объ Александріи русскихъ хронографовъ см. Истрипъ, М. 1893 и его же „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ. М. 1893. Переводъ Арчилемъ одновременно хронографа и Александріи свидѣтельствуется о томъ, что эта работа произведена въ Россіи. Поэма „Арчиліани“ (см. стр. 201) закончена имъ въ Астрахани.

³⁾ Грузинскій текстъ, стр. 3. Ср. *Новаковичъ*, стр. 77: „до края земли: доде“.

переводчикъ, сколько переписчикъ отвѣтствененъ за искаженіе смысла исторіи объ Александрѣ Македонскомъ. Очевидно, переписчикъ имѣющагося у меня манускрипта снималъ копію съ древней, недостаточно ясной рукописи, что отразилось въ неправильномъ воспроизведеніи собственныхъ именъ и цѣлыхъ фразъ. Такъ, моя рукопись лидійскаго царя называетъ гдійскимъ, принимая сочетаніе грузинскихъ буквъ *ли* за *г*, по начертанію близкое названнымъ двумъ буквамъ вмѣстѣ; или Ланданушъ сербской редакціи передается въ формѣ Данданумъ, допуская легко объяснимое палеографіей смѣшеніе грузинскихъ буквъ *м* и *ш* ¹⁾. Слово «кидемде», «до края», читаетъ и воспроизводитъ «видремде». вслѣдствіе сходства по начертанію *в* и *ж*. «Покоривъ всѣ народы вправо отъ востока, Александръ дошелъ до края земли», а не до земли, какъ пришлось бы переводить, допуская имѣющуюся въ грузинскомъ текстѣ ошибочную замѣну «кидемде» словомъ «видремде». На счетъ переписчика нужно отнести попавшую въ грузинскій переводъ безмысленную фразу «вчно улну идіосіу», которая находитъ объясненіе въ слѣдующихъ словахъ сербской редакціи: Александръ изучилъ: «Иліадоу и Отисію вьсоу».

Рукопись, повѣствующая объ Александрѣ Македонскомъ, писана черными чернилами на синей бумагѣ и заключаетъ 225 стр. in-8°. Почеркъ—мелкій гражданскій алфавитъ («мхедрули»), заглавія сдѣланы кинотварью. Дѣленіе на главы имѣется только со второй половины повѣсти. Переписчикъ неизвѣстенъ, дата не выставлена. Можно однако съ увѣренностью сказать, что наша рукопись восходитъ къ концу XVIII или къ началу XIX вѣка. Она снята, очевидно, съ болѣе древняго манускрипта, но, вѣроятно, писаннаго также гражданскимъ алфавитомъ, а не церковнымъ («хуцури»), ибо во второмъ случаѣ невозможно было бы объяснить палеографическія вышеуказанныя смѣшенія буквъ *м* и *ш*, *в* и *ж*, которыя сходны въ алфавитѣ «мхедрули», а не «хуцури». Это обстоятельство даетъ основаніе относить грузинскій переводъ ко времени, слѣдовавшему за XIV вѣкомъ ²⁾, когда алфавитъ гражданскій совершенно отличался отъ церковнаго алфавита, исключительнаго письма въ древнихъ грузинскихъ памятникахъ. Языкъ повѣсти носитъ особенности древней конструкціи: нѣтъ, напримѣръ, повѣствовательнаго падежа, употребляющагося нынѣ для обозначенія подлежащаго при сказуемомъ въ прошедшемъ совершенномъ.

¹⁾ Грузинская повѣсть, стр. 9. *Новаковичъ*, стр. 10, примѣч.

²⁾ *Бакрадзе*, Грузинская палеографія (Труды V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ), Москва, 1877 г. стр. 85 и сл.

времени. Отмѣченная въ повѣсти конструкція составляетъ отличительную черту церковно-богослужебныхъ книгъ, напримѣръ, Евангелія, въ которыхъ до настоящаго времени употребляется именительный падежъ вмѣсто повѣствовательнаго. Слѣдуетъ еще назвать изъ лексического состава рукописи архаизмы, вышедшіе изъ употребленія въ новой литературѣ: «утевани» — поприще, слово, попадающееся и въ апокрифическомъ житіи св. Георгія XIV вѣка ¹⁾, «караули» — осель, имѣющій мѣсто въ грузинскомъ переводѣ Библии, «зучи» — племя и др. Указанныя палеографическія погрѣшности и лексико-синтаксическія особенности служатъ основаніемъ предполагать древній прототипъ нашей рукописи.

Мы имѣемъ указанія ²⁾ о переводѣ Александріи на грузинскій языкъ, восходящемъ къ концу XVII вѣка. Извѣстный поэтъ и риторъ, грузинскій царевичъ Арчилъ, выселившійся въ Россію въ XVII столѣтіи, перевелъ Александрію на грузинскій языкъ.

Арчилъ перевелъ Александрію прозой, а какой-то Петръ облекъ этотъ переводъ въ стихотворную форму. Въ такомъ видѣ дошла до насъ повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ въ трехъ экземплярахъ ³⁾, а прозаическій текстъ пока имѣется только у меня. Грузинская поэма объ Александрѣ начинается слѣдующими словами:

«Этотъ рассказъ на сѣверѣ, въ странѣ русскихъ хранился,
Съ теченіемъ времянь во всѣ страны онъ проникъ.
Перевелъ по-грузински Арчилъ, извѣстный своей славой.
Приказали же мнѣ переложить въ стихи, радуйтеся
внимающіе!»

Перелазатель въ стихи, нѣкій Петръ, пользуясь переводомъ Арчила, по приказанію котораго, быть можетъ, взялся онъ за свой трудъ, внесъ въ свою поэму черты грузинской жизни, напримѣръ, при описаніи свадьбы Александра съ Роксаной, напоминающемъ торжественный пиръ у грузинъ по произведеніямъ грузинскихъ писателей. Въ Александрію онъ внесъ стихи изъ извѣстной грузинской поэмы

¹⁾ *Мой* грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи, стр. 48—49.

²⁾ Объ Александрѣ М. въ грузинской народной словесности см. Сборникъ матеріаловъ для описанія племенъ Кавказа, X, отд. III, 37—44. У меня 1 в. „Очерковъ“. Связь между книжнымъ и народнымъ сказаніемъ очевидна.

³⁾ Одинъ экземпляръ принадлежитъ „Обществу распространенія грамотности среди грузинъ“, другой — Хоштарія, третій г. Квициридзе (см. *Цда*, вып. I, ст. 202 и сл.).

XII вѣка «Барсова кожа» Шота Руставели. Перелагатель старался сохранить дидактическую сторону повѣсти, или, какъ онъ говоритъ, «желалъ передать мудрость сей Александри». Такимъ образомъ, поэма «Александри», написанная Петромъ, можетъ быть основана на прозаической той повѣсти, которую я приобрѣлъ. Для утвердительнаго рѣшенія этого вопроса я сличилъ поэму съ повѣстью объ Александрѣ.

Замѣтимъ, что на грузинскомъ языкѣ имѣется еще одна прозаическая Александри, переведенная лѣтъ 30—40 тому назадъ грузино-католическимъ ксендзомъ Петросомъ, получившимъ образованіе въ Венеціи. Можно предполагать, что послѣдній переводъ сдѣланъ съ латинскаго языка, какъ большинство богословско-нравственныхъ книгъ, переведенныхъ грузино-католиками, на примѣръ: подражаніе Христу Өомы Кемпійскаго ¹⁾, но съ увѣренностью сказать что-либо невозможно, такъ какъ трудъ ксендза Петроса до сихъ поръ считается потеряннымъ, хотя онъ умеръ недавно въ городѣ Кутаисѣ. Такова ужъ судьба памятниковъ грузинской письменности!

Резюмируя вышеизложенное я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Грузинская повѣсть объ Александрѣ переведена не съ разсказа Псевдо-Каллисѳена и не съ утраченнаго греческаго оригинала XIII—XIV вѣка, а съ сербской Александри, восходящей къ недошедшему до насъ греческому тексту.

2. Переводъ грузинскій не совпадаетъ въ деталяхъ съ изданіями сербской Александри Новаковичемъ и Ягичемъ, допуская небольшія сокращенія и дополненія.

3. Переводъ сдѣланъ позже XIV вѣка и рукопись моя воспроизведена съ болѣе древняго манускрипта, насколько объ этомъ можно судить по погрѣшностямъ, объясняемымъ грузинскою палеографіей гражданскаго алфавита.

4. Нашъ переводъ прозаической Александри принадлежитъ царевичу Арчилу, по приказанію котораго нѣкій Петръ облекъ ее въ стихотворную форму въ XVII вѣкѣ.

Предположеніе наше, что прозаическій переводъ повѣсти объ Александрѣ послужилъ основой для переложенія въ стихи ²⁾, оправдывается въ общей схемѣ при сличеніи этихъ двухъ версій разсказа о Македонскомъ завоевателѣ. Отличіе ихъ заключается въ томъ, что стихотворная Але-

¹⁾ Подражаніе Христу Өомы Кемпійскаго переведено съ латинскаго на грузинскій языкъ грузин-окатолическимъ ксендзомъ *А. Мибривили*, Гори, 1889 и 1890 гг.

²⁾ Стихотворная „Александри“ была мнѣ прислана изъ Кутаиса г. Квициридзе.

Александрія даетъ дѣленіе на главы съ самаго начала, а прозаическая только со второй ея половины. Заглавіе въ первой нѣсколько иное: «Древнія сказанія, достойныя упоминанія, о великомъ и честномъ благодѣтелѣ завоевателѣ поднебесныхъ (странъ) и царѣ Македонскомъ Александрѣ, о жизни и подвигахъ его». Начинается она не съ заявленія, что Александръ не сынъ Филиппа, а со словъ: «Былъ въ Египтѣ Непталимъ, царь весьма богатый, изучившій подлинно звѣздочетство», которымъ соотвѣтствуетъ въ прозаической повѣсти мѣсто: «Былъ царь Нектаналъ, обладавшій большими познаніями въ волшебствѣ и астрономіи». Этимъ искусствомъ, а не войскомъ и сокровищемъ, побѣждалъ онъ своихъ враговъ, передаютъ и стихотворная и прозаическая Александрія. Нѣсколько иное начертаніе именъ Непталимъ и Нектанебъ, Олемпіаде и Олимпіаде, распредѣленіе на главы предполагаетъ два разные варианта сербской редакціи, именно *сербской*, такъ какъ въ стихотворной имѣемъ, тѣхъ же Кумановъ, Бога Саваоа. Какъ поэтъ, Петръ кое-гдѣ сократилъ или дополнилъ, не выходя изъ предѣловъ своего оригинала. Къ числу дополненій нужно отнести трогательное прощаніе Александра предъ смертью съ конемъ и войскомъ ¹⁾.

Ростоміани.

Съ XVII в. открывается въ Грузіи новое столкновеніе восточнаго вліянія съ западнымъ. Къ этому времени начинается воздѣйствіе русской литературы, вліяніе которой пока намѣчается въ предѣловъ Грузіи—въ Москвѣ, гдѣ водворяется грузинскій царь Арчилъ со свитой. Персидская поэзія, переживавшая свой захудалый періодъ, отражается въ грузинской письменности воспоминаніями или повторными переводами такихъ произведеній, которыя относятся къ расцвѣту персидской литературы. Между ними первое мѣсто занимаетъ «Ростоміани».

Въ грузинской литературѣ распространено мнѣніе, что изъ всѣхъ извѣстныхъ на европейскихъ языкахъ переводовъ Шахъ-Нама грузинскій «Ростоміани» представляетъ наиболѣе полное и близкое къ оригиналу воспроизведеніе знаменитой «Книги царей» персидскаго поэта Фирдоуси. Ознакомившись съ грузинскимъ переводомъ,

¹⁾ *Цицхисъ-Пуриели* (1896, 53) передаетъ, что Ив. Мачаваріани пожертвовалъ Обществу грамотности отрывокъ „Жизни Александра Македонскаго“. См. еще *Цагарели* вып. III, стр. 239: въ „Каталогъ груз. рукописей кн. Н. Д. Мингрельскаго“ значится Стихотворная повѣсть Александра Македонскаго.

мы можем проверить оба эти положения. Московское Археологическое Общество обратилось къ «Обществу распространения грамотности среди грузинъ» съ просьбой переслать одну изъ рукописей Ростоміани для сравненія его съ «Шахъ-Намэ» Фирдоуси. Общество обязательно исполнило нашу просьбу, но, къ сожалѣнію, доставило дефектную рукопись, извѣщая при этомъ, что недостатокъ ея заключается лишь въ послѣднихъ нѣсколькихъ страницахъ. Въ этомъ легко убѣдиться, сверивъ конецъ рукописи «Общества грамотности» съ Ростоміани въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ. «Ростоміани въ Грузіи былъ любимой для чтенія книгой, доказательствомъ чего можетъ служить число хранящихся его рукописей въ Тифлисъ, въ Обществѣ грамотности, въ С.-Петербургѣ и у частныхъ лицъ¹⁾. Судьба главнаго героя поэмы—Ростома и теперь воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ Грузіи въ различныхъ ея концахъ²⁾. Другой эпизодъ изъ Шахъ-Намэ весьма распространенный среди грузинскаго населенія, касается Бежана и Маниже сложившійся въ особую поэму подъ названіемъ «Бежаніани».

Переводъ Шахъ-Намэ на грузинскій языкъ по свидѣтельству писателя царя Арчила, жившаго въ XVII в., былъ сдѣланъ Хосро Турманидзе. Біографическія свѣдѣнія объ этомъ переводчикѣ приведены у Захарія Чичинадзе въ его книгѣ: «Грузинскіе писатели въ XVII ст.» Хосро Турманидзе воспитывался сначала въ Карталиніи, былъ короткое время въ Имеретіи, жилъ въ Гелатскомъ монастырѣ, оттуда переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ хорошо изучилъ персидскій языкъ. Впослѣдствіи онъ отправился изъ Кахетіи въ Персію съ политической миссіей по порученію царя Александра II. Въ Персіи онъ усовершенствовался въ языкѣ и приступилъ къ переводу поэмы Фирдоуси, надъ которой работалъ въ теченіе 8 лѣтъ. Турманидзе настолько возгордился своимъ переводомъ, что въ одномъ четверостишіи, написанномъ имъ къ царю Баграту, онъ сравниваетъ свой трудъ съ «Барсовой кожей», поэмой Шота Руставели, ставя выше его свои заслуги въ грузинской литературѣ. «Держу пари, говоритъ онъ, если Руставели сдѣлалъ столько, сколько я». Извлеченіе изъ «Ростоміани» рассказъ о «Бежанѣ и Маниже» на грузинскомъ языкѣ издавался девять разъ³⁾.

¹⁾ Въ каталогъ рукописей кн. Мингрельскаго значится „Ростоміани“ См. изд. Юсселіани-Арчилъ. Жизнь Теймураза, стр. 179. Ср. Цагарели, Свѣдѣнія III, 258.

²⁾ См. у меня I в. „Очерковъ по исторіи груз. словесности“.

³⁾ См. Цагарели, в. III, 258. Ростоміани, перев. съ персидскаго „Шахъ

По разсмотрѣннн рукописи «Ростоміани» съ ея приписками въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ приходится измѣнить взглядъ относительно времени и имени переводчика. Хосро Турманидзе не является первымъ и единственнымъ переводчикомъ Шахъ-Намэ на грузинскій языкъ. Въ С.-Петербургѣ подъ № 9 значится слѣдующее названіе рукописи: «Героическая поэма «Ростоміани», переводъ съ персидскаго языка въ царствованіе царя Карталинскаго Симеона гремскимъ хевисъ-беромъ Сократомъ Сабашвилемъ». Такое обозначеніе рукописи представляетъ плохой переводъ грузинской приписки:

«Этотъ Ростоміани изложилъ въ стихахъ Сократисдзе-Сабашвили¹⁾ (сынъ Сократа Сабашвили), со дня рожденія Заала до Лораспа написалъ стихи въ сладкихъ словахъ старшина Грени хевисъ-бери, воспитанный съ царями и прошу молиться о моей душѣ всѣхъ, кто прочтетъ (увидитъ) мое «твореніе». Изъ этой приписки видно, что «Ростоміани» отъ Заала до Лораспа перевелъ или лучше сказать въ стихахъ изложилъ еще Сабашвили. Самъ Хосро Турманидзе въ одной припискѣ, предшествующей вышеприведенной, указываетъ, какую часть «Ростоміани» слѣдуетъ ему приписать:

Разсказъ о Спандіарѣ Барзу теперь *всечью* услышите,
Врагъ и каждый вѣроломный да будетъ царемъ побѣжденъ.
Девятьсотъ семьдесятъ стиховъ да напоминаютъ о Хосровѣ,
И кто увидитъ (ихъ) да не оставитъ меня безъ молитвы».

Такимъ образомъ Хосро Турманидзе впервые переводитъ разсказъ объ Исфендіарѣ и самъ количество своихъ стиховъ «Ростоміани» опредѣляетъ въ суммѣ 972. Онъ не только съ Исфендіаромъ впервые знакомитъ грузинскихъ читателей, но исправляетъ и дополняетъ прежній переводъ. Вотъ, что онъ говоритъ объ этомъ:

И еще много другого недоставало первому переводу этой книги..
Мой патронъ (царь) Свимеонъ—да будетъ счастливъ межъ
людьми!—

Сыновьямъ его пусть суждено будетъ разсѣять враговъ.

А братьямъ его да будетъ неизмѣнно счастье земное.

Итакъ Хосро Турманидзе дополнилъ, что недоставало переводу Сабашвили и продолжалъ извлеченіе изъ Шахъ-Намэ до Исфендіара (Спандіара) включительно въ царствованіе царя Симеона († 1629).

Намэ Эрнстовымъ⁴⁾. Такъ значится въ катологъ памятниковъ груз. письм. 1810 г. 9-е изданіе „Бжаніани“, Т. 1883. Нынѣ появилось новое изданіе.

¹⁾ Brosset. Hist. de la Géorgie t. II p. 513.

Слѣдовательно, обозначеніе рукописи «Ростоміани» въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ неточно: не Сабашвили, а Турманидзе перевелъ Шахъ-Намэ при царѣ Симеонѣ ¹⁾. Я приведу еще одно мѣсто, указывающее на характеръ труда Сабашвили. Онъ говоритъ:

Изъ этой безконечной книги, сказанной мудрымъ человѣкомъ,
Я выбралъ немного, пріятное для чтенія,
Начало и конецъ на нашемъ языкѣ сдѣланы кратко,
И кто восполнить этотъ пробѣлъ, душа его да наслѣдуетъ рай.

Желаніе Сабашвили отчасти исполнилъ Турманидзе, но переводъ «Шахъ-Намэ» не былъ, повидимому, доведенъ до конца, насколько объ этомъ можно судить по «Ростоміани». Послѣ Турманидзе принимается его переводить новое лицо: въ той же рукописи С.-Петербургской публичной библіотекѣ открываются слѣды перевода третьяго лица, какого-то Парсадана.

Въ Муштарѣ былъ простымъ плѣнникомъ я Парсаданъ-стихотворецъ,
Нѣтъ у меня сочувствія и покровительства ни у царя, ни у народа,

При мнѣ находится младшій мой братъ, отличный поэтъ.
Упованіемъ и заступникомъ имѣю Державнаго Царя Небесъ.

Въ предыдущемъ четверостишіи онъ говоритъ:

О, несчастная моя голова! не переставай молиться
Почаще, обращай къ Богу и кончай, что началъ (сказалъ).
Отъ Манучара до Баамана въ два мѣсяца я написалъ.
Меня умнаго и мудраго неразумный человѣкъ покорилъ.

Трудно изъ этой приписки уразумѣть, что собственно принадлежитъ въ «Ростоміани» Парсадану. Если предположить, что онъ въ два мѣсяца отъ Манучара до Баамана все самъ перевелъ, то на долю Сабашвили и Турманидзе ничего уже не придется, такъ какъ грузинскій переводъ Шахъ-Намэ доведенъ только до Баамана. При томъ невозможно представить, чтобы въ два мѣсяца онъ могъ перевести такого солиднаго размѣра книгу. Думается, что Парсаданъ или переписалъ въ два мѣсяца извѣстный уже переводъ, или же прибавилъ нѣсколько намъ неизвѣстныхъ стиховъ. Кто такой Парсаданъ? Из-

¹⁾ Ethé, анализируя составъ и особенности Шахъ-Намэ, указываетъ и переводы этой эпопеи, существующіе на иностранныхъ языкахъ, но о грузинскомъ переводѣ онъ не упоминаетъ. Grundriss d. Iran. Philologie, II B., II Lief. 161, 207 и др.

вѣстенъ намъ Парсаданидзе Надоръ ¹⁾ и Парсаданъ, историкъ и стихотворецъ. Послѣдній Парсаданъ Горгиджанидзе, часть хроники котораго напечатана на грузинскомъ и французскомъ языкахъ. Онъ дѣйствительно былъ отправленъ плѣнникомъ въ гор. Муштари (въ Аравіи). Онъ перевелъ на грузинскія языкъ шіитскіе законы Джамп-Куль-Абасъ, нынѣ хранящіяся въ библиотекѣ грамотности въ *Тифлисъ*. Онъ же составилъ словарь грузино-арабско-персидскій, писалъ стихи. По вычисленію Броссе и въ Муштарѣ онъ былъ еще въ 1666 году. Слѣдовательно, возможно, чтобы въ 1671 году продолжалъ жить въ плѣну. Эта дата, т. е. 1671 имѣется въ концѣ рукописи «Ростоміани» въ С.-Птр. публичной библиотекѣ. Изъ всѣхъ выше разобранныхъ нами выписокъ и приписокъ слѣдуетъ заключить, что дошедшій до насъ «Ростоміани» представляетъ трудъ нѣсколькихъ лицъ, а не одного Хосро-Турманидзе, какъ думали донинѣ.

Что касается до времени перевода «Ростоміани» на грузинскій языкъ, то кажется нельзя окончательно его приурочить къ XVII в. Онъ переводился въ различное время, и есть основаніе думать, что еще въ XII в. въ эпоху Тамары грузины хорошо были знакомы съ героями Фирдоуси. Поэтъ XII в. Шавтели, прославляя въ своей поэмѣ, говорить о Саамѣ, Заалѣ, Ростомѣ.

Онъ же въ другомъ мѣстѣ вспоминаетъ о Ростомѣ:

Шота Руставели въ одномъ мѣстѣ своей поэмы вспоминаетъ:

Mit seiner eines Rustems würdigen Hand
Schoss er ein Reh, stieg dann von Ross ab
Und machte nach am Hain ein Feueran.

Чахрухадзе въ своихъ стихотвореніяхъ также называетъ Ростома.

Названныя у нихъ имена Утрутъ, Саамъ, Заалъ, Салимъ, Тури, Ростомъ—герои Шахъ-Намэ. Эти имена были въ Грузіи въ XII в. настолько популярнымъ, что поэты употребляютъ ихъ, какъ читателю хорошо извѣстныя, безъ всякаго объясненія. Можно предположить, что сказанія объ этихъ герояхъ распространились въ Грузіи или путемъ устной передачи, или же прозаическаго перевода «Книги царей», какъ это было сдѣлано съ Висраміани. Ростомъ приобрѣлъ значеніе національнаго героя и такую извѣстность среди грузинъ, что невозможно предположить, чтобы только въ XVII вѣкѣ впервые была переведена книга о подвигахъ Ростома. Требовалось значительное пространство времени, а не два вѣка только, чтобы стихи о Ростомѣ

¹ Царь Арчилъ считаетъ его авторомъ „Бараггура“ (Низами?) (См. дальше).

стали расщиваться во всѣхъ концахъ Грузіи. Сравненіе извлеченія изъ «Ростоміани» — повѣсти о Бежанѣ и Манижѣ съ народной поэмой «Бежаніани» не оставляетъ сомнѣніе о широкомъ вліяніи литературнаго разказа на народное сказаніе. Сравненіе ихъ служитъ доказательствомъ ближайшаго родства «Бежаніани» устного и письменнаго. Устная поэма записана мною въ Кизлярѣ, въ 1888 г.

Не только смыслъ, но даже строй и слова съ небольшимъ измѣненіемъ представляетъ полное тождество въ обоихъ текстахъ. Устная поэма: «Наше имѣніе составляли роща и лѣсъ для охоты, они теперь наполнились кабанамъ, число которыхъ неизмѣримо». Царь вызываетъ желающихъ сразиться съ этими слонообразными врагами, уничтожающими пшвы своими клыками длиной въ кинжалъ. Одинъ лишь Бежанъ выступаетъ на зовъ царя впередъ. Въ поэмѣ народной и литературной въ однихъ тѣхъ же словахъ читаемъ, какъ вызвался Бежанъ сразиться противъ враговъ страны.

Если можно отмѣтить мѣста, совпадающія въ обоихъ текстахъ, то нѣтъ недостатка и въ томъ, что народъ своеобразно сокращалъ или дополнялъ стихи литературнаго «Бежаніани», но источникомъ народной поэмы послужилъ отрывокъ Фирдоуси, очень распространенный прежде въ рукописи, а потомъ путемъ печати въ народѣ.

Сравнивая теперь грузинскій переводъ съ оригиналомъ, то окажется, что «Ростоміани» ¹⁾ съ его отрывкомъ «Бежаніани» представляетъ не полный и точный переводъ, а лишь стихотворное сокращенное.

¹⁾ За обычнымъ воззваніемъ къ Творцу вселенной съ мольбой переводчика — автора избавить его душу отъ адскихъ мукъ и не ослаблять его умственныхъ силъ для довершенія начатаго труда начинается повѣствованіе о прославленномъ царѣ-героѣ Манучарѣ—Саамѣ, сынѣ Нариманидзе, владѣтель укрѣпленнаго города Зуала.—Царь былъ несчастливъ въ своей жизни: у него не было сына и царь вмѣстѣ съ супругой своей, по красотѣ равной солнцу и алмазу, обращаются съ молитвой къ Богу о дарованіи сына. Молитва ихъ услышана. Жена родила сына; но страненъ былъ новорожденный съ сѣдми волосами. Отецъ, пораженный диковиной и считая ребенка пороженіемъ злого духа, отдаетъ двумъ вѣрнымъ слугамъ бросить его въ море. Заала выкормила по случайности львы, барсы и крокдилы, впоследствии же бѣлый графъ сталъ его „няней“, а его птенцы питали младенца кровью дичи. Таково вкратцѣ начало. Далѣе слѣдуетъ описаніе дальнѣйшей его судьбы, жизни Ростомъ въ связи съ легендарной его исторіей и подвигамъ. Сравни, у Мопля французскій переводъ Шахъ-Намэ „Le livre des rois“. Или же нѣмецкій переводъ „Das Heldenbuch von Iran aus dem Sohach Nameh des Firdussi von I. Görres, [Berlin 1820). „Im Namen dessen, der Herz ist von Geist und Verstand“...

иногда словами Фирдоуси, изложение. Иногда цѣлой страницы Шахъ-Намэ изложены въ «Ростоміани» въ одномъ четверостишіи. Для примѣра могу указать изъ «Бежаніани» рѣчь, обращенная къ Кайхосро ирменіанами о наплывѣ кабановъ и бѣдствіяхъ, ими причиненныхъ жителямъ. Четверостишіе грузинское передано у Моля на цѣлой страницѣ ¹⁾. Тоже самое нужно сказать о цѣломъ «Ростоміани». Онъ начинается съ рожденія Заала и слѣдовательно, вовсе опущены введение, Kaimors, Houscheng, Thamouras, Djemschid, Zohak, Feridoum. Доведенъ же «Ростоміани» до Ваһтан, сына Исфендіара, т. е. кончается смертью Ростомъ. Такъ какъ грузинскій переводъ внимательнѣе и подробнѣе слѣдилъ и передавалъ подвиги Ростомъ-героя, то самый переводъ названъ «Ростоміани». Онъ дѣлится на 252 главы и содержитъ 4684 стиховъ.

Сравненіе «Ростоміани» съ народной поэмой о Ростомѣ представляетъ гораздо больше нетождественныхъ подробностей. Выводы, къ которымъ приводитъ изученіе «Ростоміани», можно формулировать такъ:

1) «Ростоміани» былъ извѣстенъ въ Грузіи по крайней мѣрѣ съ XII в. путемъ устнаго занесенія разсказа о Ростомѣ или прозаическаго изложенія поэмы Фирдоуси. Объ этомъ свидѣлствуютъ грузинскіе писатели XII в.

2) Переводъ «Ростоміани» не можетъ быть приписанъ одному Хосро Турманидзе. Онъ переводился постепенно нѣсколькими лицами, изъ которыхъ самъ Хосро называетъ своего предшественника Сабашвили, познакомившаго грузинъ съ Фирдоуси до Лораспа.

3) «Ростоміани» не можетъ быть названъ близкимъ къ оригиналу переводомъ. Онъ представляетъ сокращенное стихотворное изложеніе поэмы Фирдоуси.

4) «Ростоміани» не можетъ считаться полнымъ переводомъ Шахъ-Намэ, такъ какъ онъ начинается съ Манучара и доводится до Баамана.

6) Повѣсть о Бежанѣ и Манижѣ, извлеченная изъ «Ростоміани», распространилась въ народѣ, а подъ ея сильнымъ вліяніемъ сложилась народная поэма «Бежан-Манижіани».

Существенная роль персидскаго вліянія состояла въ томъ, что оно внесло въ Грузію знакомство съ повѣстями не только персидскаго происхожденія, но передавало также сюжеты индійскаго и арабскаго происхожденія. Къ числу этихъ произведеній принадлежатъ повѣсть о семи мудрецахъ (Тимсаріани), Калила и Димна, Тысяча и одна ночь

¹⁾ *Mohl* III, 236. Le livre des rois. Paris. 1876.

и др. Эти произведения, обошедшія многія восточныя и западныя литературы, проникли и въ грузинскую большею частію въ персидской обработкѣ.

Тимсаріани.

«Книга Синдбадь», или «повѣсть о семи мудлецахъ», существующая на многихъ языкахъ, мимоходомъ недавно была введена г. Ольденбургомъ въ обзоръ вопроса объ ея истокахъ ¹⁾. Указаніе ограничивается, впрочемъ, тѣмъ, что называется грузинская версія Синдбада и ставится вмѣстѣ съ турецкой въ связь съ персидской рецензіей. Авторъ имѣлъ, къ сожалѣнію, свѣдѣніе объ грузинской версіи подъ названіемъ «Тимсаріани», исправленной и дополненной переписчикомъ ея извѣстнымъ писателемъ XVIII в. ректоромъ Телавской семинаріи Давидомъ Алексишвіли. Въ концѣ рукописи изъ собранія кн. Грузинскаго (№ 52), свѣдѣнія объ которой были сообщены С. Ольденбургу, имѣется теменго, не оставляющее сомнѣніе въ томъ, что повѣсть «Тимсаріани», хранящаяся въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ, подверглась подъ перомъ Давида—ректора нѣкоторымъ измѣненіямъ. Онъ сначала проситъ не порицать его за то, что онъ взялся не за свое дѣло, а потомъ сообщаетъ, что находя «переводъ этой книги сдѣланнымъ неискуснымъ языкомъ, онъ сгладилъ неровности и въ концѣ прибавилъ *имъ вымышленныя сказки*» ²⁾.

Въ самомъ текстѣ имѣются указанія, откуда начинается вставка рассказовъ, созданныхъ грузинскимъ писателемъ. Она открывается сказкой царевича, обращенной къ отцу: «Въ одномъ городѣ Сиріи былъ царь». Отсюда начинается разница въ составѣ между двумя рукописями, которыми я пользовался: тифлисской изъ Общества распространенія грамотности и Петербургской изъ Собранія кн. Грузинскаго ³⁾. Тифлисская рукопись дефектна, писана мхедрули in 4°;

¹⁾ С. Ольденбургъ О персидской прозаической версіи «Книги Синдбадь». Въ Сборн. въ честь проф. Розена, Спб. 1897, стр. 252—278.

²⁾ Рукопись относится къ 1781 г. и заканчивается нѣсколькими стихотвореніями (лекси, пистикаури, рвули) элегическаго содержанія, въ виду сердечной грусти Давида-ректора.

³⁾ Сравненіе *рук.* тифлисской и спб. до вставки ректора Давида показываетъ, что разница между ними несущественная. Она сводится замѣнѣ одного слова другимъ, въ измѣненіи иногда конструкціи рѣчи, но съ соблюденіемъ тождественнаго смысла. Нѣсколько иное обозначеніе главъ, при сохраненіи того же распредѣленія матеріала. Лишнія слова Спб. р.: «Хмисъ амогеба и *насухисъ мицема*», пропускъ слова «ака» тифл. р. въ петерб. р. и нѣсколько несущественныхъ словъ.

петербургская заключаетъ въ себѣ 12 лишнихъ сказокъ, созданныхъ Давидомъ — ректоромъ: онѣ не имѣютъ параллели въ версіяхъ Синдбада, насколько можно судить по даннымъ литературы вопроса ¹⁾. Тифлисская рукопись даетъ рассказы съ нѣкоторыми, правда, отступленіями, но въ порядкѣ, весьма близкомъ, къ персидской прозаической версіи «Книги Синдбадъ». Ядро Сборника состоитъ изъ рассказовъ царскихъ совѣтниковъ (у каждаго по два за исключеніемъ четвертаго визиря, сообщающаго, вопреки персидской версіи, 3 сказки, пятаго и шестого визирей, рассказавшихъ по одной сказкѣ, и «отвѣтныхъ» рассказовъ рабыни, которыми она старается ослабить впечатлѣніе, произведенное рассказами совѣтниковъ. Повѣсть эта индѣйскаго происхожденія была распространена по всей Европѣ, благодаря ея переводу на греческій и еврейскій. Съ послѣдняго сдѣланъ латинскій переводъ. Существующія версіи греческая, испанская, еврейская, персидская, арабская (1001 ночи) по мнѣнію проф. Комперетти восходятъ къ арабскому источнику.

Персидская прозаическая версія, къ которой приближается грузинская версія, есть потомокъ пехлевійской версіи чрезъ посредство персидскаго перевода X вѣка ²⁾.

Таблица рассказовъ „Тимсаріани“.

Таблица рассказовъ въ рукописи R. A. S. Persian № 337 (по Ольденбургу).

1. Лисица, обезьяна и рыба.	} Б. Синдбадъ.	} Тѣ же рассказы.
2. Споръ о старшинствѣ волка, лисицы и верблюда.		
3. Кашмирскій царь и вожакъ слоновъ.		
4. Обезьяна, женщина ³⁾ , баранъ и слоны.		
5. Попугай, хозяинъ и невѣрная жена ⁴⁾ .	} I визирь.	} Чистальщикъ платья.
6. Женщина, два любовника и мужъ.		

¹⁾ См. между прочимъ „Note sur une version turque du livre de Sindbad. Journal Asiatique. 1899, IX, Série, t. XIII, № 1, статья Decourdemanche.

²⁾ О повѣсти „Семь мудудцовъ“ и ея судьбѣ см. *Пятимъ* Очеркъ литерат. ист. стар. повѣстей и сказ. рус. 250—260. Также М. Murko „Die Geschichte von den Sieben Weisen bei den Slaven. Вѣна 1890. На грузинскомъ языкѣ напечатанъ (Тифлисъ, 1881) г. Ахпателовымъ переводъ съ армянскаго „О семи мудрецахъ“ („Швид-везиріани“), представляющій полное измѣненіе обстановки повѣсти: царь именуется Моголосъ и живетъ въ Римѣ, имя визиря Фонціане, сына—Діоклетіанъ.

³⁾ Объ ней ничего нѣтъ. Въ Б. С. названа.

⁴⁾ См. Араб. сказ., I, 38—9, прилож. къ Живоп. Обзор., Спб. 1894.

Таблица рассказов „Тимсаріани“.

Таблица рассказовъ въ рукописи R. A. S. Persian № 337 (по Ольденбургу).

7. Чистильщикъ платья и его сынъ (разсказываютъ рабыня).		Женщина, два любовника и мужъ.	
8. Пара куропадокъ.	} II визирь.	Тоже.	
9. Мнимопотерянная монета.		Царевичъ и гуль.	
10. Царевичъ и гуль (женщина) (разсказываютъ рабыня).		Старуха съ плачущей собакой.	
11. Старуха съ плачущей собакой.	} III виз. (Б.	Перебѣна пола.	
12. Три желанія (Б. С. VI виз.).		S. IV виз.	Спрятанное платье.
13. Кабанъ и фиговое дерево (рабыня).		Три желанья.	
14. Бопка, ребенокъ и змѣя.	} Б.С.III виз.	Капля меду.	
15. Банщикъ, его жена и царевичъ.		IV визирь.	Мнимопотерянная монета.
16. Невѣрная жена, поймавшая мужа.	} Б.С.III виз.	Человѣкъ, изучившій женскія козни.	
17. Капля меду (?) (рабыня).			Забульскій царевичъ, благое предзнаменованіе, лягушка и змѣя.
18. Невѣрная жена, перехитрившая мужа.	} V визирь.	Приключеніе царя Бикрамджита.	
19. Разбойникъ и левъ (рабыня).			Невѣрная жена, перехитрившая тестя.
20. Спрятанное платье } VI визирь.		Смѣхъ цвѣтами и не въ мѣру стыдливая царлица.	
21. Перебѣна пола (рабыня).		Царь и визирь, спорившіе о человѣкѣ безъ горя.	
22. Львиный слѣдъ.	} VII виз.	Кабанъ и фиговое дерево.	
23. Человѣкъ, изучившій женскія козни.			Невѣрная жена, поймавшая мужа.
24. Отравленное молоко.	} царевичъ.	Царь Входжа и четыре брата стражи.	
25. Легкомысленная мать и дитя въ колодецѣ.		} Тѣ же.	
26. Дитя, давшее наставленіе любовнику матери.			
27. Дитя и украденныя деньги.			
28. Продавецъ благовопнаго дерева и слѣпой старецъ.			
29. Похищенная царевна и четыре (?) искателя ея руки.			
30. Лисица, представившаяся мертвой.			
31.		Отравленное молоко. Лисица, представившаяся жертвой.	

Сравненіе показываетъ, что порядокъ въ грузинскомъ Тимсаріани и персидской версіи совпадаетъ въ началѣ до № 6, а въ концѣ отъ № 25 до 30.

При сравненіи груз. Тимсаріани ¹⁾ съ «Большимъ Синдбадомъ» замѣчаемъ слѣд. отступленія: въ груз. переводѣ нѣтъ разсказа «Брезгливый человѣкъ и хлѣбы», а въ виду дефектности рукописи не приводятся два послѣднихъ синдбада: «Юноша воръ» и «Удодъ и отшельникъ».

Порядокъ «Большого синдбада» и грузинскаго его перевода съ персидской версіи совпадаетъ до 10 разсказа включительно, за нимъ по-грузински идетъ «тимсари» третьяго визиря «Старуха съ плачущей собакой» и «Три желанія», изъ которыхъ въ «Б. синдбадѣ» первый разсказываетъ четвертый совѣтникъ, а второй шестой совѣтникъ. Далѣе по-грузински, за разсказомъ женщины «Кабанъ и фиговое дерево» (согласно Б. С. № 13) слѣдуютъ три тимсари четвертаго визиря ¹⁾: «Котка, ребенокъ и змѣя» (по «Б. Синдбаду» приводится первымъ совѣтникомъ) и согласно съ «Б. С.», «Банщикъ, его жена и царевичъ», и «Невѣрная жена, поймавшая мужа» (по Б. Синдбаду послѣдній разсказываетъ первый совѣтникъ). Далѣе идетъ разсказъ рабыни «Капля меду» и одинъ тимсари пятаго визиря «Невѣрная жена, перехитрившая тестя», разсказъ рабыни «Разбойникъ и левъ» и одинъ тимсари VI визиря «Спрятанное платье» («Три желанія» его по «Б. Синдбаду» гов. III визирь). Отсюда, т.-е. съ 22 разсказа порядокъ въ расположеніи матеріала снова совпадаетъ: «Перемѣна пола» (разсказъ рабыни по «Б. С.»), 2 тимсари VII визиря: «Львиный слѣдъ» и «Человѣкъ, изучившій женскія козни», 6 тимсари царевича: 1) «Отравленное молоко», 2) «Легкомысленная мать и дитя въ колодецѣ», 3) «Дитя, давшее наставленіе любовнику матери», 4) «Дитя и украденныя деньги», 5) «Продавецъ благовоннаго дерева и слѣпой старикъ», 6) «Похищенная царевна и четыре (?) искателя ея руки». Послѣдній разсказъ въ грузинскомъ «Тимсаріани» принадлежитъ женцинѣ: это—«Лисица, представившаяся мертвой».

Начало повѣсти таково: Былъ въ индійскомъ царствѣ государь, потомокъ древняго царскаго рода, по имени Тавкарчханъ. Онъ былъ такъ великъ и могуществененъ, что всѣ древніе извѣстные могучіе цари съ нимъ не могли сравниться. Царь былъ несчастливъ въ семейной жизни: у него не было сына. Но послѣ горячихъ молитвъ и щедрыхъ милостей Господь даровалъ ему сына-красавца, котораго онъ поручилъ воспитывать

¹⁾ Кто перевелъ „Тимсаріани“ на грузинскій языкъ, — существуетъ разногласіе: проф. Цагарели почему-то приписываетъ царю Вахтангу (Свѣдѣнія III, 258), но, рукопись „Тимсаріани“, общ. грам. называетъ прямо „переводчикомъ съ персидскаго языка царя Теймураза (II?)“.

врачу-Сумбату. Онъ выучилъ царевича всѣмъ премудростямъ. Няня, прельщенная его красотою, возымѣла позорное желаніе пробудить въ немъ страсти къ себѣ, обѣщая за это доставить ему возможность убить отца и овладѣть престоломъ. Царевичъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе «безстыдной» женщины, но за то подвергся клеветѣ предъ отцомъ за мнимое покушеніе сына на его жизнь. Отецъ въ гнѣвѣ приказываетъ казнить сына, убѣжденный рѣчью рабыни, но визирь, появляющіеся одинъ за другимъ, внушаютъ царю въ разсказахъ поучительныхъ мысли о коварствѣ женъ. Няня или рабыня, между тѣмъ, также не медлитъ явиться и своими разсказами разсвѣять увѣренность царя въ невинности сына. Царевичъ же теряетъ на семь дней даръ слова и, будучи нѣмъ, не можетъ оправдаться предъ отцемъ. Послѣ продолжительнаго состязанія семи визирей съ женщиной и вступленія въ бесѣду самого царевича, послѣдній оправданъ, а женщина осуждена. Вотъ канва разсказа для «Тимсаріани».

Въ связи съ «Ростоміани» находятся «Сиринозіани», «Придоніани» (Аферидунъ) и «Бараміани». О первомъ изъ нихъ мы уже говорили выше, изложивъ детально его содержаніе. Не останавливаясь на подробностяхъ «Придоніани» и «Бараміани», отмѣтимъ только сюжетъ и характеръ этихъ произведеній, по обработкѣ совершенно схожихъ съ «Сиринозіани» и подобными ему описаніями героическихъ походеній. «Бараміани» можетъ быть сопоставлена не только съ эпизодомъ изъ Шахъ-Намэ, но также Qissa-i-Bahramgur (die Geschichte Bahramgurs) Низами (Ethe, 242). Обратимся сначала къ «Придоніани»; она помѣщена въ рукописи безъ начала и конца, in folio, почеркъ XVI—XVII в. Изъ собр. кн. Грузинскаго, № 50 (Спб. Публ. библ.).

«Придоніани» повѣсть героическаго содержанія. «Героємъ» является въ началѣ Утрути, который борется съ дѣвами ради Баркиджанъ¹⁾. Изъ другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ повѣсти, отмѣтимъ Гварджаспъ, Теймуразъ и сынъ его Джимшедь, Гостапъ, Каймаръ, Семъ. Описывается война Сади (по прозванію мглись тави «волчья голова») и Джимшеда. Война Джимшеда и Заака. Завѣщаніе послѣдняго изъ страха предъ Придономъ. Раздѣленіе царства между сыновьями Придона. Письма Салима и Тура къ Придону и отвѣтъ имъ со стороны Придона. Коварное убійство Эраджа братьями Салимомъ и Туромъ. Рожденіе счастливаго Манучара. Воцареніе Агана и благословеніе его дѣдомъ Придо-

¹⁾ Другіе дѣви Кашмаджанъ, Джинбаджинъ.

номъ. Письма съ извиненіями къ нему со стороны сыновей. Борьба съ ними Манучара. Убіеніе Тура. Занятіе крѣпости Алана Манучаромъ. Борьба сына Наримана, Саама съ дѣвами. Помилованіе Манучаромъ туранцевъ и возвращеніе въ Иранъ. Таково схематическое его содержаніе ¹⁾).

¹⁾ Для сопоставленія съ приведеннымъ выше Сиронизіани (стр. 59 et sq.), гдѣ героями являются Исфендіаръ и Арчаспъ (Hammer, Geschichte der Schönen Redekünste Persiens), и съ другими повѣстями, происшедшими изъ Шахъ-Намэ, отиѣчаемъ схему „Сиронизіани“ по другой рукописи, недавно мною приобрѣтенной.

О царь Маширихъ и сынъ его Сиринозъ.

Къ царю Ардапу являются посланные просить помощи противъ Бисарійцевъ. Битва Ардапа съ Бисарійцами. Пораженіе ихъ. Плѣненіе царя ихъ Хардума. Вторая битва Ардапа съ Бисарійцами. Взятіе ихъ города.

Полоненіе царя Спанъ Мухампара въ городъ Машрихскаго царства и смерть Мухампара.

Обращеніе царя Ардапа и визиря Чанура въ собакъ.

Похищеніе Нануджаны Хардумомъ Бисарійскимъ. Онъ увозитъ ее въ свои владѣнія.

Арту Джадо находитъ ребенка въ ящикѣ и даетъ ему имя „Сиринозъ“.

Сиринозъ открываетъ второй шкафъ.

Сиринозъ пріѣзжаетъ въ Индію и плѣняется красотою царевны Дардухи.

Письмо Муштариджана къ сыну моря.

Отвѣтное письмо Сириноза къ Муштариджану.

Письмо Сириноза къ Сусамбару.

Сиринозъ отправляется и спасаетъ отца своего царя Ардапа и визиря Чанура.

Сиринозъ отправляется въ Машрихское царство.

Смерть Спандіара.

Сиринозъ освобождаетъ. Смерть Хардума Бисарійскаго.

Спандіаръ, сианскій царь, собираетъ войско и идетъ походомъ противъ царя Ардапа.

Пораженіе и смерть Спандіара.

Сиринозъ покоряетъ Персію.

Сиринозъ отправляется въ Англію и освобождаетъ повелителя ея Демурдаза, а также персидскаго царевича Зоалила; смерть многихъ вельможъ, сокрушеніе ихъ идола.

Повелитель Сѣвера Гурамъ, въ отищеніе за смерть сына, идетъ войной на Индійскаго царя. Сраженіе.

Китайскій богдыханъ Икстистъ во время охоты видитъ тѣнь Муштариджана. Онъ появляется съ войскомъ и воюетъ съ сѣвернымъ царемъ.

Б а р а м і а н и ¹⁾.

Глава первая, начало рассказа о китайскомъ царѣ Джоншерѣ; здѣсь же начинается и рассказъ о влюбленныхъ: Барамѣ-юношѣ и Гулиджанѣ. Внимай царь царей! Называется книга эта «Бараміани».

Воздавъ хвалу Создателю неба и земли, авторъ «Бараміани» рассказываетъ: Жилъ въ Китаѣ мудрый, богатый Джоншеръ; была у него дочь прекрасная Гулиджанъ, а сыновей не было. Любовь между этой самой Гулиджанъ и Барамомъ Кирманскимъ и составляетъ содержание «Бараміани».

Барамъ и Гулиджанъ въ отношеніи красоты охарактеризованы такъ же, какъ Руставелевскіе Таріель и Нестанъ. Барамъ сравнивается съ солнцемъ, а Нестанъ съ луной. Подражаніе Руставели явствуетъ и изъ другихъ мѣстъ: «былъ сынъ у царя—Барамъ, гроза для враговъ; царь его назначилъ главнокомандующимъ войсками». Слѣдующее мѣсто напоминаетъ соотвѣтственное изъ Руставели: «вѣтеръ приподнялъ покрывало съ паланкина... засіяла во тьмѣ луна... влюбилсь другъ въ друга». Герой, печальный, лежитъ въ постели, когда является къ нему женщина и говоритъ: «Твое свѣтило прислало меня». Письмо Гулиджанъ къ возлюбленному начинается такъ: «Пишу къ тебѣ, свѣтъ моихъ

Письмо китайскаго богдыхана Икдиста къ сѣверному царю.

Отвѣтное письмо сѣвернаго царя къ китайскому богдыхну.

Письмо китайскаго богдыхана къ индійскому царю.

Письмо Икдиста къ Муштараджану.

Отвѣтъ китайскаго императора Муштара Икдисту.

Харунъ Джадо въ Индіи. Похищеніе усыпленнаго Сусабара.

Богатырь Джаиди.

Папанъ-быкъ страшный.

Сиринозъ противъ Харунъ Джадо: Смерть его. Освобожденіе Сусабара. Походъ въ Индію и Пораженіе Папина Зара и пр.

¹⁾ Броссе эту поэму приписываетъ Онану (?) и относитъ къ XVIII в. Bibl. Analitique, p. 70. З. Чичинадзе говоритъ, что она переводилась трижды: въ XIII в., въ XVII в. въ прозѣ и въ XVIII в. въ стихахъ. По рукописи 1813 г., переписанной Мосе Бахутувичемъ Коргановымъ для Стефана Мамулова, оказывается, что „Бараміани“ переведенъ царемъ Вахтангомъ, (вѣрнѣе по его приказанію). Рукопись входитъ въ составъ сборника, гдѣ приводятся стихотворенія царя Теймураза („Вардбулбуліани“ и др.), его же переводы („Лейла и Меджнунъ“ и др.). См. „Цноб. Пурцели“. № 336. Изд. Бараміани въ Тифлисѣ въ 1881 г.

очей, левъ среди львовъ». На ея длинное посланіе Барамъ отвѣчаетъ: «О, царица небесныхъ свѣтилъ, блескомъ своимъ покрывающая солнце, эдемъ прекрасный, луна украшающая... велишь: не грусти, приходи повидаться съ твоимъ солнцемъ». Свернулъ это письмо и послалъ. Когда они встрѣтились, «растаяли ужъ совсѣмъ; какъ мнѣ описать радость двухъ солнць». говоритъ авторъ. Поцѣловавъ ее нѣсколько разъ, герой возвращается домой. Объ этомъ узнаетъ отецъ героини, и Барамъ принужденъ бѣжать въ пустыню. Гулиджанъ страшно горюетъ; утѣшенія матери кое-какъ успокоиваютъ ее. А Барамъ бродитъ въ пустынь и «днемъ бесѣдуетъ съ солнцемъ, а ночью съ луной». Затѣмъ, въ подражаніе Руставели, приводится «бесѣда Барама съ свѣтилами». Названы: солнце—свѣтило царей, луна—свѣтило путешественниковъ, Заря утѣшеніе—немошныхъ, Отаридъ — книжниковъ, Марсъ — воинъ, Муштаръ—государственныхъ дѣятелей, Зуаль (Афродита) и пр.

Въ саду «Зардахчани» Барамъ разговариваетъ съ соловьемъ о коварствѣ возлюбленной. Затѣмъ онъ направляется въ Балхеты и встрѣчается съ Молодомъ, военачальникомъ балхетскаго царя, какъ онъ самъ рекомендуется Бараму. Молодъ сочувствуетъ блѣдному, послѣдствіе влюбленности, герою и пишетъ письмо балхетскому царю Нариману, въ которомъ онъ восхваляетъ красоту и привѣтливость Барама и проситъ у царя разрѣшенія представить его. Получается утвердительный отвѣтъ и Барамъ представляется царю, который въ восторгѣ отъ его изящества и краснорѣчія. вмѣстѣ съ Нариманомъ Барамъ ѣдетъ въ Китай искать даму сердца. Еще въ дорогѣ отъ нѣкоего Барзамана они узнаютъ, что отецъ Гулиджанъ скончался, и что она, объята горемъ, отказывается отъ трона. Барамъ съ Нариманомъ вступаютъ въ царство Гулиджанъ и горе завершается свадьбой. Нариманъ возвращается домой. Поэма кончается смертью Гулиджанъ. Конецъ книгѣ сей «Бараміани» и разсказу о влюбленныхъ, который я перекладывалъ въ стихи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, при чемъ писалъ ежедневно по одной тетради, оттого и почеркъ не важный; прозаическій разсказъ слѣдуетъ читать особо». Ясно, что былъ прозаическій разсказъ «Бараміани» и что неизвѣстный авторъ переложилъ его въ стихи. Перекладываніе въ стихи окончилось въ концѣ апрѣля 1726 г. Запись гласитъ: «Эту поэму исправилъ я, Давидъ, Алексѣевъ сынъ, іюня 9, 1788 г. «Писалъ перомъ, а бумагу и чернила сами видите, потому и почеркъ не хорошій». На первой страницѣ приведено четверостишіе Саввы Каплинишвили. Затѣмъ приведено одно нескромное стихотвореніе и рукою самого Давида-ректора приписано: «Это — нехорошее стихотвореніе...

шутка ¹⁾. «Бараміани» существуетъ въ прозѣ и въ стихахъ. Въ послѣднемъ видѣ исполнилъ секретарь Онаній для царя Вахтанга въ Россіи. Стихи написаны руставеловскимъ размѣромъ, но лишены поэтической искры пѣвца Татары.

Килила и Дамана.

Калила и Димна, извѣстная у грузинъ подъ заглавіемъ «Килила и Дамана», переведена на грузинскій языкъ въ началѣ XVIII в. царемъ Вахтангомъ VI въ Персіи, въ г. Кирманѣ. Царь Вахтангъ VI извѣстенъ, какъ законодатель ²⁾, историкъ, переводчикъ и основатель первой типографіи въ Тифлисѣ. Здѣсь впервые были напечатаны Евангеліе, Служебникъ, Часословъ, Требникъ, Параклитонъ, Ирмосы Богородицы, Чинъ освященія церкви. Сверхъ церковно-богослужебныхъ книгъ изъ этой типографіи вышла безсмертная поэма XII вѣка «Барсова кожа», написанная поэтомъ Шота Руставели, въ царствованіе царицы Тамары. Въ 1721 г. въ этой типографіи была напечатана книга «Познаніе твореній» (мировъ) астрономическаго содержанія, переведенная съ персидскаго языка царемъ Вахтангомъ VI; еще раньше въ 1711 г. здѣсь была напечатана книга: «Наставленіе о томъ, какъ учитель долженъ учить ученика, изложенное вкратцѣ іеромонахомъ Германомъ».

Въ 1712 году царь Вахтангъ VI предпринялъ путешествіе въ Персію съ цѣлью представиться шаху и выпросить у него подтверждающую грамоту на царство по смерти брата своего, Кайхосро. Шахъ, раздраженный отказомъ Вахтанга принять магометанство, велѣлъ заключить его подъ стражу въ г. Испагани. Вахтангъ Львовичъ про-

¹⁾ Содержаніе „Бараміани“ я привожу по рукописи, хранящейся въ Парижской Национальной бібліотекѣ. См. мою ст. въ „Моамба“, Грузинскія рукописи Парижской Націон. библ. См. о рукописяхъ „Бараміани“ Цагарели, III, 257—8.

²⁾ Изъ юридическихъ памятниковъ царю Вахтангу принадлежитъ Собраніе Законовъ, извѣстное подъ заглавіемъ „Уложеніе царя Вахтанга“. Оно состоитъ во 1-хъ законовъ греческихъ, армянскихъ, царя грузинскаго Георгія V Блестательнаго (1318—1346), атабега Агбуги, владѣтеля Самцхе-Саатабаго (нынѣш. Ахалцихск. уѣз.), монсеевыхъ и католиковскихъ и во 2-хъ изъ обычаевъ, введенныхъ при грузинскихъ царяхъ закономъ. Уложеніе составлено Вахтангомъ до 1709 г., когда онъ былъ лишь правителемъ Грузіи, въ отсутствіе царя Георгія XI, бывшаго въ Персіи. Другой памятникъ—„Дастулама“ даетъ понятіе объ экономическомъ и административномъ строѣ, о доходахъ и расходахъ грузинскаго царства.

былъ въ Персіи пять лѣтъ (1712—1717), и къ этому времени относится его переводъ «Килилы и Даманы». Еще будучи въ Испагани Вахтангъ VI поручилъ перевести этотъ памятникъ одному персіанину, съ трудомъ понимавшему грузинскій языкъ; поэтому немудрено, что переводъ оказался негоднымъ и неудачнымъ. Вскорѣ самому Вахтангу пришлось разстаться съ Испанією и переѣхать въ качествѣ правителя Адрибежана въ Кирманъ. Здѣсь, считая, какъ онъ говоритъ, «бездѣлье разрушительнымъ для души и для тѣла», занялся переводомъ «Калилы и Димны», кончилъ благополучно свою работу, искренно заявляя при этомъ, какъ тяжело было исполнить этотъ трудъ, который дается, по его словамъ, «человѣку хорошо изучившему иностранный языкъ, съ котораго переводится извѣстное произведеніе».

Грузинскій текстъ Калилы и Димны, имѣющійся теперь у насъ, принадлежитъ не одному царю Вахтангу. Трудъ царя раздѣлили ученый монахъ Савва Сулханъ Орбеліани: первому, т. е. царю, принадлежатъ проза, второму, монаху—стихи. Нѣсколько стиховъ принадлежитъ самому Вахтангу, но большая часть изъ нихъ написана С. С. Орбеліани, по порученію царя, хотя самъ Вахтангъ сознаетъ, какъ предосудительно духовному лицу вмѣсто Библіи заниматься чтеніемъ Килилы и Даманы. Сотрудникъ царя—просвѣщенный монахъ Савва Сулханъ Орбеліани, составившій грузинскій словарь и сборникъ басень, извѣстный подъ заглавіемъ «Книга мудрости и лжи». «Путешествія по Европѣ» и др. сочиненій. Онъ извѣстенъ еще тѣмъ, что привезъ въ Грузію 12 капуцинскихъ монаховъ для распространенія католичества среди грузинъ. Самъ Вахтангъ имѣлъ склонность присоединиться къ католической церкви, въ виду политическихъ цѣлей, а труды капуцинскихъ монаховъ не пропали даромъ: они успѣли многихъ православныхъ изъ грузинъ обратить въ католичество.

Царь Вахтангъ VI въ своемъ «завѣщаніи», приложенномъ къ переводу Килилы и Даманы, говоритъ, что еще въ Золотой вѣкъ грузинской литературы, въ царствованіе «царицы царицъ» Тамары въ XII в., Килила и Дамана была переведена на грузинскій языкъ. Но переводъ этотъ считается утраченнымъ. Въ XVII ст. Давидъ, отецъ царя Теймураза I, перевелъ ее «до сказки о черепахѣ и скорпионѣ»¹⁾. Переводъ остался неполнымъ и недоконченнымъ; онъ тоже считается недошедшимъ. Теперь у насъ имѣется текстъ Килилы и Даманы, переведенный въ XVIII в. царемъ Вахтангомъ VI. Переводъ напечатанъ цѣликомъ въ 1886 г. на счетъ кн. Гр. Гуріели и все изданіе посту-

¹⁾ См. объ немъ дальше.

пало въ собственность «Общества распространения грамотности среди грузинскаго населенія». Отрывки изъ «Килилы и Даманы» еще въ 1846 г. вошли въ грузинскую хрестоматию, составленную профессоромъ петербургскаго университета Д. I. Чубиновымъ.

Индійскій текстъ «Калилы и Димны», первообразъ которой Панчатантра—пятикнижие, сопровождается предисловіемъ, указывающимъ на мотивы возникновенія сборника. Мотивы эти приводятся въ двухъ редакціяхъ—въ древнѣйшей и позднѣйшей. Въ веденіи къ Гитопадешъ,—древнѣйшее заглавіе сборника, Панчататрой же, по мнѣнію Бенфея, сталъ онъ называться позднѣе,—возникновеніе этой книги мотивируется такъ: индійскій царь Сударсанъ въ Паталипутрѣ, замѣтивъ въ трехъ своихъ сыновьяхъ неохоту къ занятіямъ науками, по совѣту приближенныхъ, поручаетъ воспитаніе ихъ браману Вишну Сармѣ, который, по обѣщанію, сообщилъ молодымъ принцамъ въ мудрой діалогической формѣ всѣ необходимыя для правителя познанія въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Этотъ основной мотивъ происхожденія Панчатантры въ позднѣйшихъ редакціяхъ представляетъ измѣненія. Имя индійскаго царя измѣняется въ Амарсагъ, сцена дѣйствія переносится изъ Паталипутры въ Махилоропію ¹⁾. Наставникъ Вишну—Сарма уже не рассказчикъ, а писатель: ему приписывается составленіе Панчатантры. Лицо Вишну-Сарма, какъ полагаютъ изслѣдователи, или прямо вымыслено, или подъ нимъ скрывается человѣкъ, стяжавшій себѣ громадную извѣстность. Слѣды этого введенія незамѣтны въ грузинскомъ переводѣ.

Въ царствованіе Хозроя Нупервана въ VI ст. индійскій сборникъ былъ переведенъ на пеглевійскій языкъ. Пеглевійскій текстъ не дошелъ до насъ, но отъ него осталось предисловіе тоже въ двухъ редакціяхъ. Согласно съ одной,—болѣе древней,—персидскій врачъ Барзуйе однажды нашелъ книгу, содержащую рассказъ о томъ, что въ Индіи есть высокія горы, гдѣ растутъ деревья и травы, изъ которыхъ готовится средство, способное воскресить мертвыхъ. Барзуйе (или Барзуйеть) отправился, по порученію царя, въ Индію достать эти драгоцѣнныя средства. Здѣсь мудрецы объяснили врачу смыслъ прочитанной имъ книги, что подъ горами надо подразумѣвать мудрыхъ и разумныхъ людей, подъ деревьями—ихъ мудрость и разумъ, подъ средствомъ къ воскрешенію мертвыхъ—ихъ сочиненія, мертвые же, воскрешаемые такимъ средствомъ—неразумные люди. Барзуйе

¹⁾ *Lancereau*. *Panchatantra* p. 2—3.; *Benfey*. *Pantschantra*, Theil II, p. 1—2.

тогда обратился къ указаннымъ мудрецами книгамъ, между ними онъ нашелъ Калилу и Димну, которую въ переводѣ привозить въ Персію.

Въ другой редакціи помѣщена біографія врача Барзуйе (груз. Зовіа), который, отказавшись отъ щедрого вознагражденія Нусервана за свой трудъ, выпросилъ у него позволеніе познакомиться читателей съ своей личностью. Предавшись сначала съ жаромъ изученію медицины съ цѣлью сдѣлаться угоднымъ божеству, онъ сблизился со многими учеными и впалъ наконецъ въ сомнѣніе вслѣдствіе разногласія въ религиозныхъ убѣжденіяхъ своихъ товарищей. Тогда Барзуйе рѣшился посвятить жизнь дѣламъ добродѣтели и отказаться отъ радости земной жизни. Его разсужденіе о суетности послѣдней, облеченное въ прекрасную аллегорическую форму, до сихъ поръ имѣетъ значеніе по глубинѣ мысли и яркости красокъ, которыми мудрый врачъ живописуетъ нравственное состояніе своихъ современниковъ.

Вмѣсто этихъ предисловія, грузинская редакція имѣетъ свое собственное предисловіе, которое намъ поможетъ опредѣлить время и оригиналь, съ котораго переведенъ нашъ текстъ. Наше предисловіе кратко передаетъ исторію возникновенія и переводовъ Калилы и Димны. Издавна было извѣстно, начинается грузинское предисловіе, что въ Индіи есть сочиненіе на индійскомъ языкѣ, заключающее всѣ полезныя свѣдѣнія, необходимыя человѣку въ жизни. Точное заглавіе его неизвѣстно, Бенфей считалъ названіемъ его *piticâstra*— «Книга поведенія».

Въ VI ст., въ лучшую пору культурной и политической жизни Персіи, царь Хозрой Нусерванъ, изъ династіи Сассанидовъ, наслышавшись о славѣ этой книги, пожелалъ имѣть ее на персидскомъ языкѣ. Тогда врачъ его Зовіа (въ литературѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Барзуйе), предложилъ свои услуги, отправился въ Индію, провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ и долженъ былъ прибѣгнуть ко всѣмъ возможнымъ хитростямъ, чтобы перевести эту книгу на «палаурскій», т. е. пеглевійскій языкъ. Заглавіе «Килила и Дамана» этому переводу дано было по имени двухъ шакаловъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ первой части сборника (въ санскритскомъ текстѣ *Karataka* и *Damanaka*, т. е. Прямодушный и Лукавый). Такимъ образомъ заглавіе одной части Панчатантры было перенесено на весь сборникъ.

При халифѣ Амбужабарѣ, продолжаетъ наше предисловіе, неосведомленный до насъ пеглевійскій текстъ (состоящій изъ 13 главъ по мнѣнію Бенфея) былъ переведенъ на арабскій языкъ. Перевели его два старца Абдулъ, сынъ Макана и Абуласенъ, сынъ Абдула. Въ литературѣ нашего памятника переводчикомъ называется Рузбей, (пер-

сидское его имя) или чаще Абдаллахъ-ибнъ-Альмакаффи (онъ же Аломаканно)¹⁾, «краснорѣчивый писатель и изящный поэтъ», халифомъ же Альманасаръ—второй халифъ изъ Абассидовъ, жившій въ VIII ст.²⁾ Заглавіе перевода съ персидскаго языка «Kalilah и Dimnah» потеряло звуковыя видоизмѣненія, обусловливаемые особенностями арабскаго языка. Абдаллахъ прямо заявляетъ, что онъ переводитъ съ пеглевійскаго текста, около 200 лѣтъ до него приготовленнаго Барзуйе, врачомъ персидскаго царя Хозроя Нушervана. Пеглевійскій текстъ³⁾ до насъ не дошелъ и неизвѣстно, насколько точно слѣдовалъ тексту арабскій переводчикъ. Переводъ Абдаллаха къ концу VIII в. былъ переложень въ стихи поэтомъ, имя котораго неизвѣстно, а другая передѣлка этого же перевода въ стихахъ принадлежитъ поэту Абдальмуминъ бенъ-Гассану, время жизни котораго неизвѣстно.

Въ X ст., по повелѣнію Насра сына Агмета, Калила и Димна была переведена обратно на персидскій языкъ, каковой переводъ поэтъ Рудеки, по грузинской редакціи, снабдилъ стихами. Въ литературѣ Рудеки считаютъ переводчикомъ⁴⁾ Килилы и Димны, а наша редакція приписываетъ ему лишь честь переложенія перевода въ стихи, сдѣланнаго какимъ-то «ничтожнымъ муллою». Извѣстно, что трудъ Рудеки не дошелъ до насъ и мы объ немъ знаемъ по свидѣтельству Шахъ-Намэ⁵⁾.

Слѣдующій переводъ Калилы и Димны,—на какой языкъ грузинская редакція не называетъ,—сдѣланъ по повелѣнію Абуль-Музафаръ-Барама, сына Магомета, мудрецомъ Абдуль Насрулемъ⁶⁾. Онъ не только

¹⁾ *Silvestre De Sacy Mémoire historique sur le livre intitulé Kalilah et Dimna*, p. 10.

²⁾ *Булаковъ*. Стефанитъ и Икнилатъ стр. 6.

³⁾ Первой по времени обработкой пеглевійской редакціи К. и Д. явилась сирийская версія, которой придаютъ названіе древней, въ отличіе отъ позднѣйшей сирийской версіи, исполненной въ X или XI в. по арабской рецензіи. *Рябининъ*. *Калilah и Димна: ея происхожденіе и исторія*, стр. XVIII. Грузинское названіе „Дамна“ отражаетъ санскр. Даманака, гипотетическое пеглевійское Damnak и древне-сирок. Damnag.

⁴⁾ Ср. *Пытинъ*. *Очеркъ исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ*, въ *Ученыхъ Зап.* 2-го отд. Импер. Ак. Н. 1858, т. IV, стр. 151.

⁵⁾ *Назаріанцъ*. *Фердуоси Тусскій*, стр. 35—7.

⁶⁾ Древнѣйшахъ изъ существующихъ персидскихъ версій арабской К. и Д. составлена 'Abû-l Maâîf Nawru-l lâh'омъ ibn Muhammad 'ibn Abdi-l-Namid, отчасти въ царствованіе извѣстнаго покровителя литературы Бахрамъ Шâна, тринадцатаго газнавидскаго султана (въ 1151 г. по Р. Х.). *Рябининъ* *op. c.*, LIX.

перевель, но и передѣлать Калилу и Димну. Редакторъ грузинскаго изданія г. Чхоніа дѣлаетъ догадку, что К. и Д. была переведена на одинъ изъ монгольскихъ языковъ. Догадка, конечно, ни на чемъ не основана и принята быть не можетъ, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, не открыто прямо или косвенно существованіе Килилы и Димны на монгольскомъ языкѣ въ эту отдаленную эпоху. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ по нашему мнѣнію, опять на персидскій языкъ въ первой половинѣ XII вѣка, въ правленіе Бахрама, шаха газневидскаго, а не казанскаго ¹⁾, какъ думаетъ редакторъ грузинскаго изданія. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія можно привлечь литературу предмета у Сильвестра де Саси, Бенфея, Рябинина, Пыпина и Булгакова.

Въ XV ст. появилась еще новая редакція этой книги, основанная на переводѣ Насръ Аллаха. Это уже не переводъ, а передѣлка перевода Насра Аллаха, принадлежитъ талантливому комментатору Алькорона, Гусейну сыну Али, «слабому и ничтожному рабу», какъ онъ самъ себя называетъ. Переводъ Абдуль-Насръ-Аллахъ древнѣйшая изъ персидскихъ редакцій, дошедшихъ до насъ, состоитъ изъ 16 главъ, арабская редакція изъ 18 главъ, а передѣланная редакція Насръ Аллаха Гуссейномъ-Али изъ 14 главъ. Передѣлка Гуссейномъ-Али сдѣлана по приказанію эмира Анвари Сохайли, признавшаго текстъ Насръ-Аллаха устарѣвшимъ, переполненнымъ арабскими терминами и выраженіями. Эта редакція извѣстна подъ именемъ «Анварі Сохайли» («Свѣтило Колѣно»). Заглавіе Анваре Соһайлі дано въ честь Amir'a šāyḥ 'Aḥmād Soḥāīlī, бывшаго визиремъ у султана Абуль-Гази Гусейна Багадурхана Хорасанскаго. Нашъ переводъ основанъ на этой редакціи. Онъ не знаетъ о позднѣйшей передѣлкѣ Калилы и Димны, сдѣланной въ Индіи при великомъ Моголѣ Акбарѣ Махаммедомъ Абари-Абуль-Фазелемъ; не можетъ быть отнесенъ и къ предшествующимъ этой редакціи переводамъ, ибо, въ такомъ случаѣ, не было бы извѣстно переводчику предисловіе «Анварі Сохайли», специально принадлежащее Гуссейну-Али.

Исторія возникновенія Килилы и Димны въ предисловіи Гуссейна-Али ²⁾, приведенномъ и въ грузинскомъ переводѣ, рассказывается такъ:

¹⁾ Я полагаю, что источникъ ошибки, сдѣланной г. Чхоніа скрывается въ томъ, что онъ вмѣсто „Газневели“ (Газневидскій), онъ вычиталъ въ рукописяхъ „Казанели“ (Казанскій), а отсюда и переводъ Абдуль Насруая приписанъ казанскому переводчику изъ татаръ.

²⁾ Лучшее изданіе текста принадлежитъ Ouseley (Hertford, 1851); изъ переводовъ самый изящный и самый лучший *Eastwile's* The Anvari. Suhaili; or the lights of Canopus; being the persian version of the fables of Pilpay;

Правитель Китая, Умайюкмаль, въ сопровожденіи своего мудраго вождя Ханджустара, послѣ утомительной охоты, располагается для отдыха въ густой травѣ на берегу свѣжей горной рѣчки, осѣненной вѣтвями высокихъ деревьевъ. Очаровательная окружающая природа вскорѣ заставила забыть усталость, а рой трудолюбивыхъ пчелъ на одномъ вѣтвистомъ деревѣ далъ случай визирю высказать много глубокихъ размышлений и поставить въ примѣръ царю государственное и социальное устройство пчелъ. Абсолютно-монархическій порядокъ и консервативное спокойствіе, господствующее въ жизни пчелъ, въ противоположность непрерывнымъ волненіямъ въ государствѣ, привели царя къ мысли оставить свой державный посохъ и кончить дни свои въ мирномъ уединеніи. Но визирь возражаетъ противъ такого аскетическаго влеченія царя; онъ говоритъ, что человекъ долженъ жить въ обществѣ и для общества, преслѣдовать зло и сѣять добро. Обязанность же каждаго правителя быть безпристрастнымъ искателемъ истины, направлять жизнь отдѣльныхъ лицъ своимъ высокимъ примѣромъ на путь полезной дѣятельности, воспитывать въ своихъ подданныхъ чувства симпатіи ко всѣмъ обездоленнымъ и обиженнымъ судьбой. При этомъ для образца онъ указалъ на царя Дабшелима, который, слѣдуя совѣтамъ мудреца Бидпая, глубоко проникая сознаниемъ своей обязанности и отеческой любовью по отношенію къ управляемому народу ¹⁾).

Визирь по просьбѣ царя подробно разсказалъ исторію Бидпая и Дабшелима. «Царь Дабшелимъ, началъ визирь, при которомъ царство достигло высшаго могущества, а народъ цвѣтущаго благосостоянія, устроилъ пиръ, на который были приглашены всѣ мудрецы и ученые, чтобы въ бесѣдѣ съ ними обогатить свой умъ познаніями въ дѣлѣ лучшаго государственнаго управленія. Послѣ пира и пѣнія мудрецы благоговѣнно приблизились къ царю и по очереди произнесли прочувственныя рѣчи о различныхъ добродѣтеляхъ. Одинъ изъ нихъ произнесъ рѣчь о милостынѣ. Царь, выслушавъ ее такъ былъ ею тронутъ, что велѣлъ немедля открыть двери своей сокровищницы и раздать огромныя суммы всѣмъ бѣднымъ и нищимъ. Въ ту ночь, во снѣ явился къ нему почтенный старецъ и возвѣстилъ ему волю всевышняго божества, которому благоугодно было вознаграждать его достойно за его необыкновенную щедрость и внимательность къ бѣднымъ. Старецъ

---

or the book *Kālilah and Damnah*, rendered into persian by Husain Vā-iz u'l-Kāshifi: literally translated into prose and verse.

¹⁾ *Калила и Дамна*, груз. переводъ (1886 г., Тифлисъ) стр. 15—27.

велѣлъ ему ѣхать утромъ на востокъ, гдѣ въ пещерѣ онъ найдетъ несмѣтное богатство. Дабшелимъ по даннымъ старцемъ указаніямъ отыскалъ скрытый кладъ рѣдкихъ драгоценностей и крѣпко заколоченный ящикъ, въ которомъ оказался кусокъ шелковой матеріи съ надписью на сирскомъ языкѣ (а не на «аеинскомъ», т. е. греческомъ, какъ передаетъ наша редакція). Послѣ долгихъ разысканій нашелся человекъ, который сумѣлъ разобрать эту загадочную надпись. Она оказалась автографомъ персидскаго царя Ушанга и содержала 14 мудрыхъ совѣтовъ въ руководство правителямъ. Сущность совѣтовъ сводится къ тому, что царь не долженъ довѣрять доносчикамъ и шпионамъ, долженъ устранять отъ себя льстецовъ и лицъ, косящихся въ ненависти и во враждѣ съ другими. Общественная польза требуетъ, чтобы онъ окружалъ себя мудрыми и учеными людьми и дѣйствовалъ только по ихъ совѣту. Онъ долженъ быть разсудительнымъ, великодушнымъ, доступнымъ и милостивымъ къ рабамъ и бѣднымъ. Надпись предлагала для укрѣпленія и усовершенствованія въ этихъ теоретическихъ совѣтахъ обратиться къ философу, жившему на островѣ Сарандѣ¹⁾. Царь Дабшелимъ, раздавъ все найденное богатство «вдовамъ, сиротамъ и бѣднымъ», вернулся въ столицу съ твердымъ рѣшеніемъ предпринять путешествіе на о—въ Саранду.

Два близкихъ къ царю визиря пытались отклонить его отъ опаснаго предпріятія, подкрѣпляя свои совѣты поучительными баснями («сказка о двухъ голубяхъ», «сказка о двухъ коршунахъ» и др.). Но тщетно: краснорѣчивыя рѣчи ихъ не убѣдили царя въ бесполезности его намѣренія: «Это путешествіе,—говоритъ онъ имъ,—я долженъ совершить съ цѣлью приобрѣсти полезныя знанія и свѣдѣнія; желаніе мое непреклонно». Оставивъ царство на попеченіе своего дѣятельнаго визиря, Дабшелимъ отправился на о—въ Саранду, нашель тамъ на высокой горѣ пещеру, гдѣ, по словамъ сопровождающей его свиты, жилъ мудрецъ Бидпай. Послѣдній «на арабскомъ языкѣ»²⁾ попросилъ царя пожаловать къ нему въ пещеру «въ домъ мира и любви». Мудрецъ Бидпай, уподобляемый по выраженію лица аскетомъ, а по святости всевышнимъ силамъ, разспросилъ царя о цѣли его далекаго путешествія. Дабшелимъ разсказалъ мудрецу подробности видѣннаго сна и найденнаго клада. «Блаженъ и благословенъ правитель, воскликнулъ Бидпай, поднимая взоры къ небу, который для приобрѣтенія познаній

¹⁾ Библиа и Дамана, груз. переводъ стр. 28—38.

²⁾ Это мѣсто указываетъ на арабскій текстъ, послужившій оригиналомъ для персидскаго перевода.

обрекаетъ себя на такія лишенія и заботы, чтобы утѣшить всѣхъ своихъ несчастныхъ подданныхъ¹⁾.

Царь передалъ мудрецу 14 совѣтовъ, прочитанныхъ на шелковой матеріи. Мудрецъ взялъ эти совѣты темами для своихъ поученій и назиданій, а царь Дабшелимъ слушая глубоко запечатлѣвалъ эти мудрыя бесѣды на скрижаляхъ своего впечатлительнаго сердца. Разговоръ между Дабшелимомъ или полнѣ Рай-Дабшелимомъ и Бидпаемъ (Шидпаемъ) или Барамомъ, по-грузински, и составляетъ, какъ говоритъ переводъ Вахтанга, содержаніе Килилы и Даманы²⁾.

Приведенное предисловіе вполне совпадаетъ съ идентичнымъ предисловіемъ Анвари Сохаили, извѣстнымъ намъ по *Mémoire historique sur le livre intitulé Kalila et Dimna De Sacy*³⁾ (стр. 45—7).

Нашъ текстъ заключаетъ 14 главъ. Въ предисловіи своемъ Гусейнъ-Али говоритъ, что онъ выключилъ изъ арабской редакціи двѣ главы, которыя онъ призналъ не столь полезными, а остальные 14 главъ, выражаясь его фигуральнымъ языкомъ, «онъ одѣлъ въ болѣе легкой и пріятный для читателя покровъ».

Такъ, нашъ переводъ Калилы и Дманы сдѣланъ царемъ Вахтангомъ VI съ редакціи (персидской) XV вѣка.

Относительно языка грузинскаго перевода нужно замѣтить, что онъ въ высшей степени богатый и витіеватый. По удобочитаемости онъ значительно уступаетъ замѣчательному, по своему психологическому анализу, роману въ прозѣ XI вѣка «Висраміани».

Примѣръ цвѣтистости и витіеватости грузинскаго языка данъ на 215 стр.. Перевести этотъ отрывокъ положительно невозможно, но содержаніе его приблизительно слѣдующее: въ лѣтописяхъ со времени сотворенія видимаго міра не назначалось безсмертіе въ удѣлъ смертному созданію. Для послѣдняго портной еще не готовилъ одѣянія вѣчной жизни; для него блескъ лампы не сіялъ еще безъ горя

¹⁾ Бидпай и Барамъ одно и то же лицо: на стр. 65 мудрецъ названъ Бидпаемъ, на 66 стр. Барамомъ, а на 67 стр. опять Бидпаемъ. Добшелимъ узналъ, что „это мѣстопробываніе одного мудреца, имя котораго Phid-phai. Phid-phai переводится какъ „врачъ благости“. Нѣкоторыми индійскими знатыми людьми передается его имя не Phid-phei, а по индійски—Heavathpathi. Ср. Eesatwil'a... called Bidbai... in Hindi they call Hasti-pat (p. 69).

²⁾ „Килила и Дамана“ груз. переводъ 63—66.

³⁾ Ср. Anwari-Suhaili or the lights of Canopus, by Husayn Kashifi, Calcutta. 1880.

и скорби. Переводъ вообще очень точно воспроизводитъ персидскій оригиналь; также довольно близко передается въ стихотворномъ размѣрѣ содержаніе персидскихъ стиховъ. Впрочемъ, авторъ ввелъ кое-что и со своей стороны. Такъ на его счетъ надо отнести три разсказа на 9 и 10 стр. тифлис. изданія.

Что касается самаго содержанія, то оно немного измѣнилось подъ влияніемъ христіанской религіи. Царь Вахтангъ, сдѣлавъ въ одномъ мѣстѣ выписку изъ Библии, («въ потѣ лица каждый долженъ добывать себѣ пропитаніе ¹⁾ и содѣйствовать взаимной пользѣ и ходу общественныхъ дѣлъ»), вслѣдъ за этой цитатой въ примѣчаніи прибавляетъ, что мѣста, которыя противорѣчили христіанскому ученію, онъ смягчилъ и приноровилъ къ требованіямъ вѣры ²⁾. Результатомъ этого смягченія является перенесеніе въ буддійскій сборникъ аллегорическихъ разсказовъ христіанскихъ понятій и воззрѣній. Не разъ встрѣчаемъ въ грузинскомъ переводѣ бесѣды и стихи въ чисто православномъ духѣ: о блаженствѣ въ раю и страданіяхъ въ аду ³⁾, напр: «пострадаешь въ этой жизни, но за то наследуешь царство небесное».

Иногда на одной страницѣ переводчикъ Калилы и Динмы пять, шесть разъ прибѣгаетъ къ Провидѣнію и Промыслу Божьему для объясненія извѣстнаго явленія ⁴⁾. «Промысль Божій привелъ меня къ этой гибельной комбинаціи обстоятельствъ» (буквально «къ гибельному озеру», но послѣднее слово, какъ видно изъ связи рѣчи употреблено въ смыслѣ развязки комбинаціи случайностей). «Провидѣніе (не предопредѣленіе, какъ думаютъ) Божества ни сила, ни хитрость не въ состояніи отворотить ⁵⁾. Или ⁶⁾ Промысль Божій человекъ долженъ уважать (благодарить). Вообще можно сказать, что христіанскій элементъ внесенъ въ составъ правоученій и назиданій въ значительной степени.

Въ нашемъ переводѣ читается значительное количество такихъ мѣстъ, которыя вовсе не принадлежатъ къ индійскому тексту. Таковы названія городовъ и народовъ: Багдадъ (113 стр.), Римъ (193 стр.), Ефесъ (305). Къ царю Дабшелиму мудрецъ Бидпай обращается на

¹⁾ Сл. Библия, кн. Бытія III, 19.

²⁾ Калила и Дамана, груз. пер. стр. 74, примѣчаніе царя Вахтанга VI.

³⁾ ib. 218; ср. стр. 68 и др.

⁴⁾ Калила и Дамана, груз. перев. стр. 187.

⁵⁾ Ib. стр. 135.

⁶⁾ Ib. стр. 568. См. также стр. 261, 217 и др. Обратимъ вниманіе на стр. 181: „въ исповѣди получишь оправданіе“. Поученіе въ чисто-христіанскомъ духѣ.

арабскомъ языкѣ, въ другомъ мѣстѣ ставится въ извѣстность философъ, стяжавшій себѣ славу обширными познаніями въ эллинской мудрости (33). Рассказывается объ одномъ израильянинѣ, говорящемъ на еврейскомъ языкѣ. Также слѣдующія собственныя имена, по всей вѣроятности, представляютъ позднѣйшія вставки: мудрый Соломонъ, философъ Платонъ, Иаковъ сынъ Исаака. Александръ Македонскій и Дарій Персидскій. De Sacy въ своемъ *Mémoire historique sur le livre intitulé Calila et Dimna* указываетъ на отсутствіе вышеприведенныхъ собственныхъ именъ (Александра и Дарія), какъ на одно изъ доказательствъ происхожденія Калилы и Димны изъ индійскаго сборника ¹⁾.

Въ нашей редакціи встрѣчаются мѣста, которыя обличаютъ въ переводчикѣ грузина и свидѣтельствуютъ о его близкомъ знакомствѣ съ Кавказомъ и Грузіей: на 504 страницѣ говорится о величественномъ впечатлѣніи, какое производятъ кавказскія горы на зрителя. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ дѣлается ссылка на извѣстный сборникъ басенъ «Орбели», намекъ на «Книгу мудрости и лжи» С. С. Орбеліани. Замѣчаніе о веселомъ настроеніи подъ воздѣйствіемъ Бахуса носитъ чисто грузинскій характеръ ³⁾. Эти вставки, очевидно, внесены царемъ Бахтангомъ VI, хотя онѣ ничѣмъ не отмѣчены. Иногда можно догадываться, откуда наша редакція черпаетъ матеріалъ для нравоученія. Такими источниками могутъ быть названы Библия (книга Бытія и притчи Соломона), философія Платона, писанія пророковъ и апостоловъ.

О взаимномъ отношеніи персидской и грузинской редакцій я сказалъ выше. Существуетъ полный переводъ «Анварі Соханли» на англійскомъ языкѣ, который въ первый разъ вышелъ въ Калькутѣ, 1805 г. а потомъ въ Бомбаѣ въ 1828 г. Помимо этого перевода извѣстна еще сокращенная французская обработка четырехъ первыхъ книгъ «Анварі Сохаили» подъ заглавіемъ: *Livre des lumières ou la conduite des rois composé le par sage Pilpai, traduit par Dabid Sahid d'Israhan. Paris, 1644 г.* На нѣмецкомъ языкѣ, кажется, нѣтъ полного перевода «Анварі Сохаили». Мнѣ извѣстна лишь одна глава «Анварі Сохаили» въ нѣмецкомъ переводѣ, помѣщенная въ журналѣ Бенфея. Это—*Probe einer Ueber setzung des Anwari Suhaili, C. Crüger.* Съ редакціей «Анварі Сохаили» не нужно смѣшивать арабскую редакцію Калилы и Димны, имѣющуюся въ нѣмецкомъ переводѣ, каковы *Calila*

¹⁾ *De Sacy. Mémoire historique, p. 6.*

²⁾ *Билла и Дамана стр. 68.*

³⁾ *Ib. стр. 69.*

und Dimna, eine Reihe moralischer und politischer Fabeln des philosophen Bidpai aus dem Arabischen Ubersetzt von C. H. Holmboe. Christina, 1832. Также другой переводъ на нѣмецкомъ языкѣ: Die Fabeln Bidpais aus dem Arabischen von Philip Volf. Stüttgart, 1837. Арабская и персидская редакціи (Анвари Сохаили) представляютъ значительныя разницы въ сравненіи между собою и потому научный интересъ заключается въ сличеніи грузинскаго перевода Анвари Сохаили съ его же переводомъ на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Ограничиваюсь сравненіемъ одной главы Анвари Сохаили на грузинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Выводы этого сравненія очень важны и благопріятны, хотя объемъ, такъ сказать, сравненія былъ очень ограниченъ. Оказалось, что наша редакція вполне соответствуетъ нѣмецкой, какъ въ прозаической, такъ и въ стихотворной части, при чемъ стихи, которые у насъ считали плодомъ фантазіи. С. С. Орбеліани и царя Вахтанга, совершенно совпадаютъ съ нѣмецкими не только въ сущности содержанія, но большею частью даже въ количествѣ строкъ. Вотъ примѣры:

Мтчелт ірубелтаган гамохда сіухвис тцвилит цвароба
Гамоцха сиглахакиса дрос тцерилис кепта мтцароба.

Почти дословный переводъ находимъ у Крюгера на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾.

Aus der Wolkenhand des Herrschers träufte mild des spende Reggen.
Wusch das harte Wort bedürftig aus der Zeit mit seinem Segen.

Сопоставимъ теперь четверостишіе. «Мзем даипара пардаги схивса зеда ар саченлад»...

Переводъ, приведенный у Крюгера, слѣдующій:

Schleierverhüllt sass im gezelt schon der Tag,
Gleich auch erschien scheierausbreitend,
Heiligen gleich sass dader Sonn Einsiedler,
Himmel der hielt betend der stern Rosenkranz ²⁾.

Если иногда замѣчается отсутствіе органической связи между прозой и стихами, то упрекъ въ этомъ, конечно, никакъ не можетъ падать на нашихъ переводчиковъ.

Замѣтимъ еще, что и рассказъ «о скрытомъ кладѣ», которымъ начинается у насъ Килила и Дамана, подкрѣпляетъ точность и вѣр-

¹⁾ Orient und Occident, II, 347 (журналъ Бенфея), перев. С. Cruger.

²⁾ Ib. II, 346.

ность нашей редакціи, ибо идентичный рассказ изъ «Анварі Сохали» передается Бенфеємъ въ его «введеніи къ Панчатантрѣ ¹⁾».

Я сравнивалъ грузинскую редакцію съ «Стефанитомъ и Ихниллатомъ», но русскій переводъ (съ греческаго языка) сдѣланъ съ такими большими сокращеніями и выпусками, что наша редакція превосходитъ его чуть ли не 20 разъ. Возьму для примѣра первую книгу въ грузинскомъ и русскомъ переводѣ, первую книгу потому что она все же подробнѣе и полнѣе сравнительно съ другими главами въ русскомъ переводѣ. Стефанитъ и Ихниллатъ прямо начинается съ басни о богатомъ купцѣ; у насъ этому рассказу предшествуетъ сказка о царѣ Галабскомъ и его двухъ сыновьяхъ, сказка о монахѣ и коршунѣ, о земледѣльцѣ и крысѣ, при чемъ эти сказки сопровождаются длинными назидательными размышленіями. Послѣ басни о богатомъ купцѣ грузинскій переводъ даетъ сказки, которыя не читаются въ Стефанитѣ и Ихниллатѣ: сказка о двухъ товарищахъ, о пустынникѣ, о несправедливомъ правителѣ, объ уткѣ, о воронѣ и о садовникѣ ²⁾. Результаты сравненія отрицательны: они ничего существеннаго не выясняютъ; впрочемъ, оно такъ и должно было быть, потому что величины сравниваемыя были, такъ сказать, несоизмѣримы.

Въ сравненіи съ Панчатантрой Килилы и Дамана представляетъ значительную разницу. Только пять главъ К. и Д. соотвѣтствуютъ пяти книгамъ индійскаго сборника, да и эти главы во многомъ отличаются отъ пятикнижія: много басенъ индійскаго происхожденія опущены въ К. и Д. и обратно, въ нашемъ переводѣ есть рядъ басенъ, отсутствующихъ въ первообразѣ Килилы и Димны.

Спеціальное обозрѣніе редакцій и списковъ собственно грузинскаго перевода оказалось также невозможнымъ. Редакторъ изданія грузинскаго перевода г. Чхоніа пользовался при печатаніи четырьмя рукописями: первая и болѣе полная изъ нихъ принадлежитъ кн. Вачпадзе, вторая издателю Килилы и Дамана кн. Гр. Гуріели, приобретенная имъ изъ бібліотеки послѣдняго имеретинскаго царя Соломона II, третья—собственность «Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія», четвертая—князя Лордкипанидзе изъ бібліотеки послѣдняго владѣтеля Мингреліи, кн. Давида Дадіани. Переводъ грузинскій напечатанъ по рукописи кн. Вачпадзе, а разночтенія приведены въ примѣчаніяхъ. Когда книга была напечатана, редакторъ г. Чхоніа получилъ изъ Москвы отъ проф. И. А. Окромчеделова-Серебрякова пя-

¹⁾ *Benfay* *Pantschatantra*. Einleitung, 97.

²⁾ Стефанитъ и Ихниллатъ, М. 1881.

тую, по счету, рукопись, которая представляет подлинную копию съ рукописи Вачнадзе.

Редакторъ, печатая рукопись Килилу и Даману по первой рукописи, произвольно и непонятными для читателя соображеніями руководствуясь, измѣняетъ основную редакцію и вставляетъ разночтенія изъ другихъ рукописей и, признавая ихъ наилучшимъ образомъ сохранившимися, не приводитъ вариантовъ ни изъ основной редакціи, ни изъ другихъ рукописей. Примѣръ такого произвольнаго отношенія къ вариантамъ служить его примѣчаніе на стр. 498. Желательно было бы, чтобы варианты были означены буквами (рукопись Вачпадзе *a*, рукопись Гуріели *b* и т. д.), всегда приводились они, разъ имѣются и указывались рукописи, откуда разночтенія заимствованы. Вслѣдствіе отсутствія такихъ знаковъ при рукописяхъ возникаетъ недоумѣніе относительно какихъ вариантовъ говоритъ редакторъ, что это предложеніе приведено только въ двухъ (?) рукописяхъ ¹⁾. Иногда редакторъ прибѣгаетъ къ неудачнымъ догадкамъ и поправкамъ. Въ одномъ мѣстѣ ²⁾ онъ измѣняетъ «*misthvis*» въ «*mathis*», ставя послѣднее слово въ зависимость отъ множественнаго числа. Но здѣсь употреблено не какъ мѣстоимѣніе, а въ смыслѣ союза— «потому», «для того». Въ другомъ мѣстѣ онъ «восполняетъ пробѣлъ» и прибавляетъ слово «младшій братъ» ³⁾, но нѣтъ необходимости измѣнять текстъ, ибо изъ предыдущаго предложенія ясно, о комъ идетъ рѣчь. Вообще нужно было стараться, какъ можно меньше исправлять и пополнять пропуски въ текстѣ.

Изданіе съ внѣшней стороны удовлетворительно, но редакціонная работа исполнена неудовлетворительно.

Остается сказать, что Килила и Дамана не единственные у насъ памятники, который имѣеть значеніе для исторіи всеобщей литературы. De Sacy и Бенфей, перечисляя всевозможные переводы Килилы и Димны на персидскій, арабскій, еврейскій, сирскій, испанскій, греческій, турецкій, французскій, нѣмецкій и др. языки, не подозреваютъ существованія Килилы и Дамана на грузинскомъ языкѣ. Точно также для многихъ было открытіемъ свѣдѣніе о грузинскомъ переводѣ Шахъ-Намэ извѣстное подъ именемъ Ростоміани. Многіе ли знаютъ, какъ богата груз. переводная не только духовная, но и свѣтская древняя литература? А, вѣдь, у грузинъ существуютъ переводы Гомера, Ге-

¹⁾ Килила и Дамана, стр. 113.

²⁾ Ib. 129, примѣч. редактора.

³⁾ Ib. 71, примѣч. редактора.

родота, Плутарха, Аристотеля, Цицерона, Тацита, Иосифа Флавія, Квинта Курція и др. ¹⁾. Разъ укоренившееся предубѣжденіе о бѣдности древней грузинской письменности крѣпко держится въ умахъ многихъ ученыхъ. Проф. Паткановъ, по глубокому недоразумѣнію, приписалъ составленіе грузинской лѣтописи, Картлисъ-Цховреба, царю Вахтангу VI, жившему въ XVIII в., между тѣмъ, это ложное представленіе о грузинской лѣтописи, писавшейся безспорно, постепенно съ VII в. по Р. X., прямо опровергается вариантомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Картлисъ-Цховреба» царицы Маріи (жены карталинскаго царя Ростомъ) и переписанной между 1636—1646 г., т.-е. тогда, когда Вахтанга VI еще не было на свѣтѣ ²⁾ и котораго, ужь слѣдовательно, никакъ нельзя считать составителемъ лѣтописи. Правда, упрекъ можетъ быть направленъ противъ самихъ грузинъ, которые не знакомили ученыхъ съ своей богатой литературой. Но теперь дѣло принимаетъ другой оборотъ. «Общество распространенія грамотности среди грузинскаго населенія», состоящее подъ предсѣдательствомъ кн. И. Г. Чавчавадзе, и любители древней письменности приступили къ изданію грузинскихъ оригинальныхъ и переводныхъ памятниковъ.

Ученый царь Вахтангъ VI въ своемъ завѣщаніи, приложенномъ къ его переводу Анваре Сохаилі, говорить, какъ мы уже упоминали выше, что еще въ золотой вѣкъ грузинской литературы, въ царствованіе «царицы царицъ» Тамары «Килила и Даманы» была переведена на грузинскій языкъ, но переводъ этотъ былъ утраченъ, точно также считается до настоящаго времени погибшимъ переводъ «К. и Д.», предпринятый въ XVI в. отцомъ царя Теймураза I Давидомъ и доведенный имъ до сказки о черепахъ и скорпионѣ ³⁾. Лѣтомъ 1898 года мнѣ удалось найти въ библиотекѣ Тифлискаго Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія одинъ рукописный сборникъ статей различнаго содержанія, между которыми оказались и басни, до настоящаго времени неизвѣстныя. Списавъ всѣ сохранившіяся въ рукописи басни и сличивъ ихъ съ Килилой и Да-

¹⁾ См. у *Цагарели*. Свѣдѣнія о памятникахъ груз. письменности. Спб. 1886.

²⁾ *Баркрадзе*. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи, стр. 16

³⁾ О древнемъ знакомствѣ съ К. и Д. въ Грузіи свидѣтельствуетъ косвенно сравненіе посла султана Хварезмайскаго съ савой-ворономъ изъ „сказки Килилы и Даманы“, *Вахушти*, Исторія Грузіи, стр. 162, глава о царствованіи Георгія III (1156—1184).

маной въ переводѣ царя Вахтанга VI и съ арабской «Калилой и Димной», переведенной съ арабскаго на русскій языкъ М. О. Агтая и М. В. Рябининимъ, я пришелъ къ убѣжденію, что нашелъ новый отрывокъ грузинскаго перевода «К. и Д.», быть можетъ относящагося къ XII в. и понявъ со временъ Вахтанга VI считавшагося погибшимъ.

Найденный мною переводъ басенъ помѣщенъ въ рукописномъ сборникѣ XVIII в. (№ 110, въ кожаномъ переплетѣ in 4°, письмо «мхедрули»). Онъ заключаетъ въ себѣ: 1) «Давришіани». (Разсказъ о четырехъ дервишахъ), 2) Бесѣда дня съ ночью, соч. царемъ Теймуразомъ I, 3) «Оманіани» въ прозѣ, продолженіе «Барсовой кожи Руставели» и 4) Сказки. Сказки начинаются безсвязно съ предшествовавшей страницей прямо со словъ «Быль одинъ знаменитый купецъ». Какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго ознакомленія съ рукописью, отмѣченная басня вмѣстѣ съ другими, за ней слѣдующими заимствованы изъ недошедшей до насъ въ цѣлости IV главы, такъ какъ передъ восьмой сказкой читается «глава V» (соотвѣтствующая въ переводѣ г. Агтая главѣ IX объ обезьянѣ и черепахѣ). Эта глава заключаетъ въ себѣ 6 сказокъ, шестая глава заключаетъ въ себѣ три сказки, всѣхъ стало быть сказокъ въ сборникѣ шестнадцать. Обрывается рукопись на второй строчкѣ сказки о купцѣ, имѣющемъ красивую жену. Хотя сборникъ этотъ неполонъ и не совпадаетъ въ деталяхъ съ арабской «К. и Д.», но по дошедшимъ до насъ сказкамъ можно сказать, что онѣ не принадлежатъ переводу царя Вахтанга VI ни по языку, ни по формѣ: въ рассматриваемой рукописи языкъ проще, менѣе тяжеловѣсенъ, чѣмъ у Вахтанга, которому помогали ученые монахи С. С. Орбелиани. Этотъ послѣдній снабдилъ переводъ Вахтанга разнообразными стихами, совершенно отсутствующіе въ найденномъ мною сборникѣ басенъ, написанныхъ только въ прозаической формѣ. Переводъ этого сборника не можетъ быть приписанъ также царю Давиду, такъ какъ извѣстно, что онъ довелъ свой трудъ до сказки о черепахѣ и скорпионѣ (т. е. гл. IX по араб. «Калилѣ и Д.»), а новый сборникъ заключаетъ въ себѣ и главу X, соотвѣтствующую арабскому оригиналу.

Сравнивая же вновь найденныя басни съ Калилой и Димною, легко усмотрѣть въ общемъ сходство въ содержаніи, но не всегда въ самомъ расположеніи матеріала. Первая же сказка изъ грузинской рукописи, мною приведенная въ русскомъ переводѣ, представляетъ близкое воспроизведеніе басни «Купецъ, его жена и воръ», изъ VIII гл. «о совахъ и воронахъ» Калилы и Димны. Слѣдующая сказка *долженная визиремъ* «Отшельникъ, корова, воръ и шайтанъ» парал-

лельна басня изъ «К. и Д.» подъ тѣмъ же заглавіемъ. Третья «сказка» *Слѣпой и ея жена* соотвѣтствуетъ араб. баснѣ «Плотникъ и ея жена». Нѣчто въ родѣ сказки визиря Зирака (въ грузинской рукописи) подъ заглавіемъ «Обезьяны и медвѣдь» ¹⁾ составляетъ начало главы «о совахъ и воронахъ» у г. Аттая. За этой сказкой слѣдуетъ сказки «Отшельникъ и мышенокъ», «Черная змѣя и лягушка» по содержанию совпадающія съ таковыми же изъ «Калилы и Димны». Седьмая сказка въ моемъ сборникѣ о «воробѣй и змѣѣ» не имѣетъ параллели въ «Кал. и Димнѣ». Глава пятая грузинскихъ сказокъ соотвѣтствуетъ главѣ IX «К. и Д.» «Объ обезьянѣ и черепахѣ» съ одной лишней вставочной сказкой—«Два вора, царь и обезьяна». Съ «басней арабскаго оригинала. Левъ, шакаль и осель» можно сопоставить грузинскую сказку «Левъ, лисица и осель». Шестая глава грузин. сборника начинается словами: «О поспѣшности и раскаяніи впоследствии». По содержанию она приближается къ главѣ X у Аттая «Объ отшельникѣ и ласкѣ», но сверхъ разсужденія о необходимости сдерживаться, чтобы потомъ не раскаиваться передается только начало сказки объ отшельникѣ вздумавшемъ жениться и отправившемся за совѣтомъ по этому вопросу къ другому отшельнику. Сказку эту я перевелъ съ тѣми размышленіями, которыми она сопровождается, какъ образецъ правдоучительныхъ вставокъ, переполняющихъ разсказъ. При этомъ нужно замѣтить, что грузинскій текстъ изобилуетъ сентенціями и значительно превосходитъ арабскій оригиналъ разглагольствованіями на извѣстную тему. Пятнадцатая, по порядку, въ моей рукописи «Сказка, сказанная куропаткой» не имѣется въ «Калилѣ и Димнѣ», а послѣдняя грузинская сказка соотвѣтствуетъ арабской баснѣ «Отшельникъ, ягненокъ и воры» (гл. VIII у Аттая).

Хотя рукопись, найденная мною, относится къ XVIII в., но судя по одной припискѣ ²⁾, она снята съ болѣе древняго списка. Въ воспроизведеніи собственныхъ именъ и формъ грамматическихъ замѣчаются слѣды архаическіе. Такъ имя визиря Бидпая или Барама, данное въ груз. переводѣ Анваре Сохъан-ли (стр. 2), въ формѣ Барам здѣсь имѣетъ съ придыханіемъ (звукъ *a* передъ *p*) Бахрам. Другія собственные имена, здѣсь упомянутыя, слѣдующія: царь Рай; разсказываютъ басни Каршона, Кардана, Зираѣи. Этому имени соотвѣт. въ древне-сирійской версіи имя царя мышей *Siraγ* ³⁾.

¹⁾ Заглавія басни или «сказки» въ груз. рукописи не имѣютъ: мы ихъ обозначаемъ по содержанию.

²⁾ См. у меня дальше.

³⁾ *Рябиннъ*, стр. XV.

Въ переводѣ имѣются ново-персидскія слова, какъ «баибани» пустыня (bi-безъ, âb-вода+оконч. ân)=безводное.

Переводъ принаровленъ къ грузинской рѣчи весьма искусно, прекраснымъ, выразительнымъ языкомъ. Нерѣдко упоминается, что визири говорили *по-грузински* ¹⁾, но это, конечно, не свидѣтельствуеъ въ пользу оригинальнаго происхожденія найденныхъ сказокъ. Можно съ увѣренностью сказать, что басни, переведенныя на грузинскомъ языкѣ, не были буквальнымъ воспроизведеніемъ оригинала. Считать таковымъ оригиналомъ арабскія басни Бидпая въ той редакціи, которая имѣется по-русски является невозможнымъ въ виду того, что правоучительными размышленіями, порядкомъ расположенія матеріала и добавочными сказками найденный грузинскій отрывокъ представляетъ существенную разницу съ «Книгой Калила и Димна». Я ограничился переводомъ ²⁾ сказокъ и опустилъ бесѣду по поводу ихъ смысла и значенія. Грузинскій отрывокъ открывается переводомъ VIII гл. «К. и Д.» о совахъ и воронахъ. Въ этой главѣ въ арабскомъ оригиналѣ имѣются восемь сказокъ, по-грузински сохранились шесть сказокъ, начиная съ четвертой «Купецъ, его жена и воръ», затѣмъ слѣдуетъ въ порядкѣ «К. и Д.» «Отшельникъ, корова, воръ и шайтанъ», Слѣпой (плотникъ «К. и Д.») и его жена, приведенный въ книгѣ г. Аттая по-латыни. Затѣмъ въ грузинской рукописи приводится сказка «Обезьяна и медвѣдь», соответствующая до извѣстной степени баснѣ о царѣ совѣ и воронѣ, заканчивается эта глава по-арабски двумя сказками, имѣющимися и въ груз. переводѣ: Отшельникъ и мышенокъ, и черная змѣя и лягушки. Примыкающія же къ нимъ въ груз. рукописи басня «Воробей и змѣя» отсутствуетъ въ «К. и Д.». Въ главѣ «Объ обезьянѣ и черепахѣ» по-грузински приводится сказка «Воръ, царь и обезьяна», не отмѣченная въ «К. и Д.», при чемъ съ араб. сказкой этой главы «Левъ, шакаль, и осель» можно сравнить груз. сказку «Левъ, лисица и осель». Изъ X гл. «Объ отшельникѣ и ласкѣ» въ груз. переводѣ сохранилось только начало груз. же басня, сказанная куропаткой, пропущена въ К. и Д., послѣдняя сказка Отшельникъ, воры и агненокъ соотвѣт. третьей сказкѣ VIII гл. «К. и Д.» Я перевелъ для сравненія нѣсколько сказокъ по содержанію приближающихся къ «К. и Д.» и всѣ сказки не имѣю-

¹⁾ Ср. *Аттая и Рябининъ* Калила и Димна, стр. 196: „Этотъ отшельникъ говорилъ, между прочимъ, *по-еврейски*.“

²⁾ См. мой „Грузинскій отрывокъ Калилы и Димны“ въ I вып. III тома „*Древностей Восточныхъ*“ Императорскаго Московскаго археол. Общества М. 1899.

щіяся въ ней. Какъ видно изъ перечисленія груз. сказокъ, значительно число ихъ имѣются въ VIII и IX гл. «К. и Д.», при томъ съ тѣми дополненіями, которыя приводятся въ примѣчаніяхъ русскихъ переводчиковъ изъ ватиканской рукописи Guidi ¹⁾. Слѣдуетъ отмѣтить, что Guidi даетъ рукописи заглавіе (il capitolo di Behrâm re dei topi), которому соответствуетъ въ грузин. рукописи имя Bahram. Порядокъ сказокъ въ этой главѣ, какъ можно было замѣтить перебить, такъ: за 8-ой сказкой «К. и Д.» *Черная змѣя и лягушки* приводится въ груз. переводѣ сказка «Отшельникъ, ягненокъ и воры», занимающая третье мѣсто въ VIII гл. «К. и Д.» Двѣ же первыя сказки изъ этой главы вовсе не сохранились. Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ, можно предположить, что найденный груз. отрывокъ басень Бидная не есть воспроизведеніе той «К. и Д.», которая имѣется въ русскомъ переводѣ.

Какъ бы то ни было, нижеприводимыя сказки представляютъ интересъ для занимающихся вопросомъ объ отпрыскахъ Панчантанры.

Какъ видно изъ одного мѣста рукописи, она была переведена съ болѣе полнаго оригинала. Въ главѣ VI читается, что переводчикъ изъ нея перевелъ только нѣкоторыя басни. А конецъ этой сказки свидѣтельствуетъ, что нынѣ найденная рукопись снята съ болѣе древняго списка: замѣтка переписчика—«здѣсь въ оригиналѣ не хватало»—служитъ къ этому мнѣнію достаточнымъ основаніемъ. Найденный отрывокъ заключаетъ въ себѣ слѣды древней конструкціи и архаическія формы наряду съ особенностями позднѣйшей жизни груз. языка, смѣшеніе звуковъ *x* и *hi*, окончаніе на *is* и др.

XVIII вѣкъ.

Мы уже вступили при обзорѣ «Калилы и Димны» въ періодъ XVIII вѣка, извѣстнаго подъ именемъ «серебряной эпохи» грузинской литературы. Этотъ періодъ ознаменованъ съ одной стороны культурнымъ подъемомъ Грузіи и съ другой стороны временнымъ возрожденіемъ политической мощи при царѣ Иракліи II. Эти два фактора способствовали развитію новой грузинской литературы, открывшейся дѣятельностью царственныхъ особъ. Еще въ XVII вѣкѣ на творчество Теймураза I и царя Арчила мы отмѣтили воздѣйствіе національной тенденціи, стремленіе, помимо заимствованія сюжетовъ изъ иностранныхъ

¹⁾ Напр. ср. примѣч. къ IX гл. о черепахъ и обезьянѣ. Тутъ же предисловіе стр. LXXXIX.

произведений, внести элемент современности, воспроизвести исторический момент, передать личное чувство горести или радости. Эта струя историчности и индивидуальности, возрастая, достигает наивысшаго расцвета въ произведенияхъ царя Вахтанга, царевичей Бакара и Вахушти, Католикоса Антонія I, С. С. Орбелиани, Давида Гурамашвили и др. Зарождается новая школа подъ влияніемъ русской схоластической образованности, переводятся сочиненія европейскихъ писателей (Вольтера; Монтескье, Вольфа, Расина и др.), кодифицируется право, опредѣляется административный строй и система налоговъ, заводится типографія и усиливается общеніе съ Россіей. Наконецъ, XVIII вѣкъ обогащается новыми видами литературнаго творчества: появляются систематизированныя проповѣди, любопытныя путешествія свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, весьма цѣнные мемуары и историческія записки. Грузія переживаетъ одинъ изъ сильныхъ подъемовъ въ своей жизни, точно это былъ послѣдній симптомъ обреченнаго на гибель политическаго организма. Народъ напрягаетъ свои силы и выдвигаетъ изъ своей среды талантливыхъ дѣятелей, составившихъ славу и гордость страны.

Царь Вахтангъ VI.

Золотая эпоха государственнаго и культурнаго расцвѣта Грузіи совпадаетъ съ укрѣпленіемъ въ ней династіи Багратидовъ въ теченіе X—XII вѣковъ, возрожденіемъ же своей мощи въ XVIII вѣкѣ, ослабѣвшей подъ тяжелыми ударами монголовъ, турокъ, персовъ и лезгинъ, она обязана царю Ираклю II (1744—1798), а въ культурномъ— царю Вахтангу VI (1675—1737), обреченному значительную часть жизни скитаться безъ скипетра внѣ предѣловъ своей страны.

Судьба царя Вахтанга Левановича можетъ служить яркимъ примѣромъ характеристическаго состоянія грузинскихъ правителей въ періодъ ихъ вассальныхъ отношеній къ могущественной Персіи. Съ раннихъ лѣтъ до гробовой доски надъ нимъ таготѣлъ злополучный рокъ, перегонявшій его поочередно то въ Грузію, то въ Турцію, то въ Персію и, наконецъ въ Россію. Еще будучи пятнадцатилѣтнимъ юношей, Вахтангъ былъ отправленъ въ качествѣ заложника дядей, карталинскимъ царемъ Георгіемъ XI, по водвореніи въ Имеретіи правителемъ страны Арчила, при содѣйствіи пашей арзерумскаго и ахалцихскаго. По возвращеніи на родину, онъ участвовалъ въ народномъ возстаніи противъ Ираклія I, или Назарь-али-хана, назначеннаго шахомъ намѣстникомъ Карталини, то-есть, Восточной Грузіи ¹⁾.

¹⁾ *Histoire de la Géorgie*, II, p. 82—99.

Цѣль возстанія—возвратить престолъ вышеназванному Георгію XI—была не достигнута, и Вахтангъ бѣжалъ въ Имеретію, гдѣ въ 1694 г. женился на Русудани, дочери владѣтеля Черкесіи. За умиротвореніе дѣлъ въ Кандагарѣ Гургену-хану былъ пожалованъ престолъ Карталиніи, временнымъ правителемъ которой, по сверженіи Назаръ-али-хана, былъ назначенъ Вахтангъ Левановичъ (въ 1703 г.).

Двадцати-восьми-лѣтній правитель Карталиніи, Вахтангъ, прозванный Гуссейнъ-кули-ханомъ, энергично взялся за дѣло, ему порученное. Правленіе его продолжалось лишь 8 лѣтъ (1703—1711), но за этотъ промежутокъ времени онъ сдѣлалъ для подъема своей отчизны столько, сколько ни одинъ изъ ближайшихъ его предшественниковъ. Онъ первый основалъ въ Тифлисѣ типографію, въ которой были отпечатаны богослужебныя и свѣтскія книги. Самъ, прекрасный знатокъ восточныхъ языковъ и писателей, занялъ выдающееся мѣсто въ литературѣ, въ качествѣ переводчика и автора многочисленныхъ произведеній. Имъ переработаны въ одинъ сводъ грузинскія лѣтописныя свѣдѣнія и въ одинъ кодексъ дѣйствовавшіе издревле законы и обычаи. Ему же принадлежитъ («Дастулама») опредѣленіе государственныхъ повинностей и установленіе административнаго порядка. Въ интересахъ поднятія православія, Вахтангъ, воспользовавшись распаденіемъ Персіи, снова перешелъ изъ ислама въ христіанство ¹⁾, въ 1705 г. предоставилъ каѳедру католикоса брату своему Доментію, вернувшемуся изъ Россіи, возстановилъ разрушенныя при Иракліи I города и церкви. «Богобоязненный, щедрый, смиренный и милосердый къ вдовамъ, сиротамъ и бѣднякамъ», по словамъ лѣтописи, онъ оставилъ теплыя воспоминанія въ сердцахъ народа ²⁾. Онъ подчинилъ своему вліянію имеретинъ и кахетинцевъ (Кар.-Цховр. II, 71), возстановилъ порядокъ внутри страны, обезопасилъ ее отъ внѣшнихъ вторженій лезгинъ и осетинъ, разрушивъ ихъ крѣпости, служившія средоточіемъ ихъ военныхъ силъ (Каргл.-Цховреба II, 77).

Послѣдствія мудрой дѣятельности Вахтанга Левановича уже успѣли благотворно отразиться на спокойствіи и благосостояніи грузинскаго народа, но ему, по тяготѣвшему въ то время надъ Грузіей року, не

¹⁾ *Бутковъ*, Матеріалы для новой исторіи Кавказа, I, стр. 16, 61 (С.-Пб., 1869 г.).

²⁾ Ce prince dès son enfance, s'était montré religieux, sage, ami de la science, aimant à construire et orner les églises.... il était élément, pacifique, examinant mûrement et parlait avec gravité. *Ibid.* 100.

долго суждено было оставаться во главѣ правленія. Шахъ, въ знакъ особой милости, пожаловалъ ему царскій титулъ и вызвалъ его къ себѣ въ Персію въ 1712 г. Здѣсь Вахтангъ уклонился произнести отречение отъ вѣры Христовой, и съ этого-то времени начинается рядъ его бѣдствій, не прекращавшихся до послѣднихъ дней его жизни. Прежде всего шахъ лишилъ Вахтанга трона, назначивъ царемъ Грузіи брата его, яраго мусульманина, Иессея, получившаго имя Али-кули-хана. Семья Вахтанга, опасаясь гоненій новаго правителя, находитъ убѣжище въ Имеретіи, а самъ низложенный царь, являясь и внѣ власти сильнымъ противникомъ ненавистнаго народу за безчинства Иессея, былъ отправленъ повелителемъ Ирана въ Кирманъ.

Но не долго бразды правленія оставались въ рукахъ и самого ренегата Иессея. По истеченіи же семи лѣтъ, гнѣвъ шаха Гуссейна постигъ его, вслѣдствіе обнаруженной имъ неспособности обуздать хищныхъ лезгинъ,—былъ смѣщенъ съ престола Карталини, управление которой снова поручается Вахтангу ¹⁾.

Царь Вахтангъ, подъ именемъ Гуссейна-кули-хана, одновременно былъ назначенъ повелѣніемъ шаха «правителемъ Грузіи и спасаларомъ (то-есть, военачальникомъ) Эрана и Тавриза»; поэтому ему пришлось остаться въ Персіи, а намѣстникомъ его объявляется сынъ его Бакаръ, который, впрочемъ, оказался недостаточно энергичнымъ, чтобы положить конецъ набѣгамъ лезгинъ. Тогда шахъ отпускаетъ въ Карталинію Вахтанга, на котораго возлагается обязанность умиротворить и обезопасить непрерывно расхищаемую Грузію. Власть его въ Грузіи еще не вполне укрѣпилась, вліяніе на сосѣднія племена только намѣчалось, когда неопредѣленное его положеніе еще болѣе осложнилось столкновеніемъ между Россіей и Персіей и роковымъ по своимъ послѣдствіямъ участіемъ, которое Вахтангъ принялъ въ борьбѣ названныхъ державъ.

Случился неожиданный погромъ, погубившій въ самомъ зародышѣ мирное назначеніе Россіи въ Закавказьѣ. Успѣшно развившійся торговый пунктъ, Шемаха, въ 1722 г. подвергся разоренію свирѣпыхъ лезгинъ, причинившихъ огромный уронъ русскимъ купцамъ. Это событіе склонило Петра Великаго въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій противъ Персіи. Обстоятельства времени способствовали къ осуществленію видовъ великаго преобразователя. Внутреннее разстройство Персіи достигло крайнихъ предѣловъ.

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 31 (Москва, 1868).

Вахтангъ становится вооруженнымъ противникомъ сюзерена и союзникомъ Россіи, обѣщая государю, если онъ воспользуется слабымъ состояніемъ Персіи и вступить въ войну съ нею, поставить въ поле отъ 30 до 40.000 человекъ и пройти до самой Испаганіи ¹⁾.

Вахтангъ явно сталъ измѣнникомъ шаха, отвергъ союзъ съ Турціей въ надеждѣ на дружбу съ Россіей, а между тѣмъ Петръ Великій, принятый въ Шамхальскомъ владѣніи и Дербентѣ безъ сопротивленія, оставилъ городъ, отчасти по недостатку провіанта, и возвратился въ Астрахань. Съ дороги изъ Дербента Петръ Великій отправилъ къ Вахтангу подпоручика Ивана Толстаго съ неожиданнымъ порученіемъ склонить царя, чтобы онъ убѣдилъ шаха уступить Россіи Каспійское побережье и христіанскія свои владѣнія, для сохраненія остальнаго съ помощью императора отъ бунтовщиковъ и притязаній Порты. Прибывшій въ началѣ ноября Толстой далъ знать изъ Тифлиса, что онъ здѣсь не нашелъ Вахтанга, вмѣсто котораго править побочный его сынъ Вахушти, пришедшій въ ужасъ по поводу возвращенія императора. Вахушти представлялъ всю опасность, въ какой очутилась Грузія. Страна была обречена испытать гнѣвъ шаха и непріязнь султана за усердіе, проявленное къ Россіи Вахтангомъ. Эрзерумскій папа, по указу султана, уже въ другой разъ присылалъ съ угрозами, что если грузины не поддадутся Портѣ, то земля ихъ будетъ разорена. Вахтангъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ и, прибывъ въ Тифлисъ, охотно взялся исполнять порученіе императора относительно мирныхъ переговоровъ съ шахомъ, которому не безызвѣстны были его отношенія къ Россіи. Результатомъ его переговоровъ было отрѣшеніе его отъ грузинскаго престола за измѣну своему сюзерену. 30-го января 1723 г. въ Тифлисъ полученъ былъ указъ шаха, коимъ онъ жаловалъ царство Карталинское кахетинскому владѣльцу. Послѣдній немедленно явился подъ Тифлисомъ, но Вахтангъ отказался добровольно уступить свой тронъ сопернику, а данное имъ сраженіе было проиграно, и онъ лишился престола, потерявъ кредитъ въ народѣ и поддержку со стороны прежнихъ союзниковъ. Турки въ то время заняли значительную часть Грузіи. Вахтангъ оставилъ Тифлисъ въ 1723 г. и перебрался въ горы, а въ 1724 г. въ Имеретіи полу-

¹⁾ Вахтангъ называлъ Петра неугасимою лампадою при гробѣ Христовѣ и вѣнцомъ четырехъ патриарховъ, а себя потомкомъ Давида и Соломона, увѣрялъ въ своемъ послушаніи русскому государю, котораго пришествія они всѣ ждали, — какъ Адамъ, сядя въ аду, ждалъ сошествія Христа избавителя. *Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 75—76. Ср. Переписка Груз. царей...*, стр. 139.

чить приглашеніе отъ императора прибыть въ Россію ¹⁾ «съ малою свитою», приче́мъ было предписано мѣстнымъ начальствамъ содѣйствовать зависящими отъ нихъ средствами его безопасному переѣзду.

Въ 1725 г., когда Петра Великаго уже не стало, прибылъ въ Москву Вахтангъ съ сыномъ Бакаромъ и братомъ Симеономъ въ сопровожденіи капитана Лопухина, отправленнаго на встрѣчу грузинскому царю въ Астрахань. Вахтангъ прибылъ въ С.-Петербургъ, предсталъ къ императрицѣ Екатеринѣ I, которая его приняла милостиво и пожаловала кавалеромъ ордена Св. Андрея.

Вскорѣ возникли событія, въ которыхъ участіе Вахтанга «могло принести пользу» правительству Екатерины I. Въ 1726 г. русское правительство задумало уклониться отъ вмѣшательства въ персидскія дѣла. Вслѣдствіе дороговизны содержанія и нездороваго климата, предполагалось вывести русскія войска изъ персидскихъ провинцій Гильяна, Мазандерана и Астрабада, куда со времени персидскаго похода было отправлено болѣе 26 тысячъ человѣкъ, но такъ, чтобы по уходѣ русскихъ, турки не могли утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ. Отправиться въ Персію и вести переговоры съ шахомъ Тагмаспомъ было поручено Вахтангу, которому удалось выговорить въ вѣчное владѣніе Россіи Дербентъ, Астрабадъ и всѣ области, упомянутыя въ трактатѣ. Въ 1728 г. указомъ повелѣно было Вахтангу возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь Вахтангъ возобновилъ свои ходатайства предъ государыней о защитѣ грузинъ противъ турокъ, которые, по извѣстіямъ, получаемымъ ех-царемъ, грабили святыхъ обители, принуждали жителей къ обращенію въ исламъ, опустошали села и города. Онъ чрезъ вице-канцлера графа Остермана просилъ позволенія отправить въ несчастную родину одного изъ сыновей своихъ, съ прибытіемъ котораго могли бы прекратиться бѣдствія, объясняющіяся отсутствіемъ сильнаго властителя въ Грузіи.

1-го мая 1734 г. въ силу высочайшаго указа Вахтангъ съ сыномъ Бакаромъ отправился на Кавказъ.

Но дѣла приняли неожиданный оборотъ. По ганжійскому договору 1735 г. Россія уступила Персіи Баку, Дербентъ и Кубинское хозяйство, оставила крѣпость Св. Креста, и бывшее тамъ войско было переведено въ Кизлярскую крѣпость, вновь воздвигнутую на лѣвомъ берегу р. Терека. По грузинскимъ источникамъ можно заключить, что царь Вахтангъ, прибывъ въ Астрахань, не поѣхалъ больше въ Мо-

¹⁾ Переписка грузинскихъ царей съ російскими государями отъ 1659 по 1770 г. (С.-Пб., 1861), стр. LXXV=LXXIX. *Бутковъ*, оп., с. L, стр. 51.

ску, разочаровавшись въ возможности осуществленія своей мечты— вернуться къ роднымъ пепелищамъ. Не долго, впрочемъ, ему оставалось жить въ Астрахани ¹⁾: онъ умеръ здѣсь въ 1727 году 25-го—27-го марта ²⁾ и погребенъ былъ въ мѣстной соборной церкви ³⁾.

¹⁾ О пребываніи его въ Астрахани см. „Дух. В.“ 1898, №№ 12, 16, 18, 20.

²⁾ Царевичъ Вахушти, сынъ Вахтанга, считаетъ днемъ смерти отца 27-е марта, лѣтопись Сехніа Чхейдзе 25-е марта, а Картлисъ Цховреба 26-е марта. См. „Переписка“, стр. 220, Hist. de la Géorgie, II partie, 2 livr., p. 53.

³⁾ Въ 1762 г. рядомъ съ могилой царя Вахтанга былъ преданъ землѣ прахъ другаго царя Теймураза II, зятя Вахтанга VI.

Въ Астраханскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, въ нижнемъ храмѣ, покоятся прахъ двухъ грузинскихъ архипастырей Іосифа и Романа и двухъ державныхъ царей Иверіи Вахтанга и Теймураза.

Грузинскіе архипастыри: Іосифъ, архіепископъ Самебельскій, и Романъ, митрополитъ Самтавійскій и Горійскій, погребены въ *стѣро-западномъ углу* нижняго собора. Надъ ними нѣтъ никакой надписи. Первый изъ нихъ, ѣхавши изъ Москвы въ Кизляръ, заболѣлъ на пути и въ Саратовѣ 1 сентября 1750 г. скончался; онъ погребенъ 28 числа. Послѣдній, слѣдуя въ Москву, заболѣлъ на дорогѣ и въ городѣ Черномъ Яру скончался 30 января 1753 года.

Надъ тѣлами грузинскихъ царей Вахтанга Леоновича и Теймураза Николаевича поставлены были памятники (какъ и надъ гробами астраханскихъ святителей, погребенныхъ въ нижнемъ соборѣ), покрытые—одинъ краснымъ бархатомъ, а другой—лазуревымъ бархатомъ. Памятники эти, вмѣстѣ съ прочими,—въ 1801 году, для распространенія нижняго собора, по изволенію астраханскаго архіепископа Платона, были разобраны, а изъ покрововъ первый 1792 г. похищенъ, а второй употребленъ на ризничныя вещи. *Царь Вахтанъ погребенъ отъ южной стороны около праваго передняго столба*; на памятникѣ была на мѣдной доскѣ (неизвѣстно когда утраченной) надпись русскими буквами: „Отъ корени Іессеова и вѣтви Давидова, колѣна Соломонова, родился въ мірѣ 1675 г. сентября 15 дня, Грузинскаго государства 6-й царь Вахтангъ. Вселися въ сей гробъ 1763 года, марта 26 дня, за престолъ и за вѣнецъ. Нынѣ се зри мя, благословенія прошу“. Надпись сія сохранилась въ книгѣ, между списковъ соборныхъ актовъ. *Царь Теймуразъ погребенъ отъ сѣверной стороны у лѣваго передняго столба*. Изъ дѣлъ соборнаго архива видно, что царь Теймуразъ преставился 28 декабря 1761 года, привезенъ въ Астрахань въ 1762 году и погребенъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Надгробная надпись на грузинскомъ языкѣ: „Теймуразъ Николаевичъ, наследный царь Грузинскій, Кахетинскій и Барталинскій, прибывшій въ С.-Петербургъ въ 1761 году на поклоненіе Ея Императорскому Величеству Монархинѣ Всероссийской“. (См. „Сѣверную Пчелу“ 1853 года, № 223). Но сей надписи въ дѣлахъ Астраханской Епископскіи и Собора не видно.

Смерть его вызвала чувства глубокаго сожалѣнія, соединенныя съ отчаяніемъ, выраженія которыхъ сохранились въ поэмѣ Давида Гурамишвили «Давирани», современника и спутника злополучнаго царя.

Мы уже говорили о трудахъ царя Вахтанга по собиранію историческихъ источниковъ и свода ихъ подъ именемъ Каргликъ-Цховреба ¹⁾. Объ Уложеніи и Дагулама его скажемъ въ главѣ объ юридическихъ памятникахъ. Къ этому прибавимъ, что помимо названныхъ трудовъ ему принадлежатъ переводы Калилы и Димны, Познаніе твореній, перев. съ персидскаго, сочиненій астрономическаго и астрологическаго содержанія: Звѣздочеть, Тала-Масала, Рамли ²⁾. Ему приписывается переводъ Тимсаріани и мысли, собранныя подъ заглавіемъ «Батонисъ набазанеби» (*Paroles du prince*). Мысли эти заключаютъ образцы изъ поэзіи, философіи, религиозныхъ воззрѣній и историческихъ воспоминаній. Въ ихъ составъ вошло и нѣсколько прозаическихъ отрывковъ изъ сочиненій Вахтанга, между прочимъ Амиръ-Назаріани, перевед. имъ въ стихахъ и списанной мдиваномъ Мельхиседекомъ Кавкасидзе. Мелкіе его стихотворенія сохранились въ рукописяхъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Тифлисѣ ³⁾. Стихотворенія эти разнообразнаго содержанія—элегическія, эротическія, похвальные, нравоучительныя. Ему же принадлежатъ «Маджама» и Анбакъ-Кеба. Первая изъ нихъ заключаетъ 42 четверостишія по 16 слоговъ каждый стихъ. Содержаніе составляетъ анализъ сердечныхъ явленій и бесѣды вина съ розовыми устами. Стихи проникнуты грустью и неудовлетворенностью: «Сердце ты отняло у меня сознаніе, но что-жъ ты дало взамѣнъ его», восклицаетъ онъ. Грусть его проистекаетъ изъ общаго источника его превратной жизни: «Судьба возстала противъ меня, колесо счастья въ мою сторону не вертится». Каждая строка заканчивается словами: «о горькая судьба, о горькая смерть». Нѣкоторыя строфы посвящены воспѣванію неизвѣстной красавицы «затмившей солнце», для прославленія которой онъ призываетъ «сонмъ мудрецовъ во главѣ Діонисія». Обычная туманность грузинскихъ поэтовъ, прикрывающихъ свою мысль по-

¹⁾ См. „Очерки по ист. груз. слов.“. вып. II.

²⁾ Всѣ эти книги хранятся въ Азіатскомъ музеѣ въ СПб. См. *Dorn Das-Asiat. Museum der Ak. d. Wissenschaften. Stpb. 1846: Le livre de la creation, traduit du persan par le roi Wachtang, imprimé à Tiflis en 1721, 4° avec figures de géometrie, Tables astronomiques d'Oulong—Beg, ouvrage traduit par le roi Wachtang VI et corrigé de sa main.*

³⁾ Рукописи принадлежатъ Лазаревскому Институту, Обществу грамотности среди грузинъ, Церк. музею и Спб. Публичной библ. Стихи его приведены въ „Дчашниѣ“ Мамука Бараташвили.

кровомъ фіалокъ, нарцисъ и пр., проявляется и въ поэзи Вахтанга VI. Если его нельзя назвать оригинальнымъ, то ему слѣдуетъ во всякомъ случаѣ воздать должное какъ писателю, пользовавшемуся для своихъ стиховъ правильной рѣчью и звучной версификаціей. Въ стихотвореніи Анбактъ-кеба онъ занятъ изложеніемъ нѣкоторыхъ событій изъ священной исторіи, главнымъ образомъ, изъ жизни Спасителя и распространенія Его ученія послѣ крестнаго страданія. Религіозный сюжетъ произведенія облеченъ въ стройную форму, исполненную величавости и торжественности.

Стихотворенія царя Теймураза II ¹⁾.

Съ Теймуразомъ I часто смѣшиваютъ Теймураза II, поэтическая дѣятельность которой относится къ XVIII в. и засвидѣтельствована нижеприведенными произведеніями. Теймуразъ II род. въ Тифлисъ, вступилъ во второй бракъ съ дочерью Вахтанга VI Тамарой († 1746) и въ третій бракъ съ Анаханумъ, вдовой царя Кайхосро. Ъздилъ въ Россію представляться Елизаветѣ Петровнѣ и искать у нея покровительства противъ враговъ. Умеръ на возвратномъ пути въ Астрахани, († 1761) гдѣ и погребенъ.

Одно изъ его произведеній посвящено бесѣдѣ съ «Превзошедшимъ всѣхъ поэтовъ, великимъ философомъ, мудрецомъ Руставели». Царь въ первой строфѣ, называя себя скромно неучемъ, считаетъ только мудреца достойнымъ воспѣть похвалу Руставели. Далѣе, «вопрошая его о предметѣ его пѣснопѣній», авторъ признаетъ прославленныхъ героевъ Руставели никогда не существовавшими и, слѣд., напрасно онъ «проливаль слезы», однако стихи пѣвца Таріеля и Дардежаны столь возвышенны, что ими можно пользоваться для духовныхъ и свѣтскихъ цѣлей. Въ послѣдней строфѣ царь, впрочемъ, находитъ болѣе соответствующимъ воспѣвать «ту, съ которой солнце не могло сравниться, сияющую и никогда въ Европѣ мракомъ не покрывающуюся». Намекъ, должно быть на царицу Тамару, которую Руставели аллегорически прославилъ въ лицѣ Тинатины и Нестанъ-Даредажны.

Въ отвѣтъ Руставели говорить, что его вопрошаютъ по истеченіи 600 лѣтъ со дня его смерти. Но кто его вызываетъ на словесное состязаніе? Если знатное лицо, то нужно послушать и удовлетворить его. Руставели послѣ этого вступленія сообщаетъ свѣдѣнія о своемъ

¹⁾ Журн. „Иверія“ 1879. Эти стихотворенія З. Чичинадзе приписываетъ ц. Арчлау; см. послѣсловіе къ сочиненіямъ ц. Теймураза I.

общественномъ положеніи въ качествѣ секретаря при цар. Тамарѣ, поручившей ему, обогащенному познаніями, слагать стихи. Желаніе великой царицы онъ исполнилъ, изложивъ въ стихахъ найденный имъ рассказъ. Произведеніе его не осталось незамѣченнымъ дѣдомъ самого царя Теймураза, ¹⁾ упражнявшимся въ стихотворствѣ. Въ заключеніе онъ прибавляетъ, что если бы онъ жилъ, то торжественно воспѣлъ бы того, о комъ слагаетъ стихи царь Теймуразъ.

Стихи эти не представляютъ художественнаго интереса; значеніе ихъ исчерпывается взглядомъ на поэму Руставели и его всеобъемлющаго генія.

Другія его мелкія произведенія предлагаютъ въ формѣ стихотворныхъ загадокъ вопросы изъ священной исторіи. Такъ онъ писалъ Іакову Шемокмедели: мудрость построила себѣ домъ на семи колоннахъ, и смертью смерть поправъ, спасла мертвыхъ. Загадка Іаковомъ Шемокмедели разрѣшена удачно: мудрость — Христосъ, домъ — непорочная Его Мать, колонны — семь таинствъ, смерть — крестное страданіе Спасителя, искупившаго человѣчество.

Теймуразу принадлежитъ очень въ рѣзкихъ выраженіяхъ, переходящихъ въ брань, сатирическое произведеніе, «Сказанное крещенымъ евреемъ свящ. Давидомъ противъ духовника Захарія Габашвили» и «Отвѣтъ единомышленниковъ—духовника Захарія Давиду». Давидъ порицаетъ Габашвили за происки которыми онъ достигъ возведенія въ санъ католикоса недостойнаго іерарха и лишилъ Антонія трона, а мдиванъ-бега Іоанна всего состоянія; исказилъ онъ Грузинское пѣніе и внесъ въ языкъ персидскія слова. Противъ его корыстолюбія и мстительности Давидъ искалъ защиты у царя и патріарха. Въ Грузіи не было такого коварнаго человѣка Іуды предателя и кровопійцы, какъ Габашвили, пишетъ Давидъ Парееву Еліозовичу, служившему при двухъ патріархахъ для донесенія докладовъ царю Грузинскому.

«Отвѣтъ» не щадитъ Давида, изображая его низкимъ цхинвальскимъ евреемъ, невоспитаннымъ и злымъ, какъ рабъ Тактаковыхъ, искусившимся въ скитаніяхъ по Турціи. Его мало бранить,—онъ заслуживаетъ побоевъ палкой и дубиной. Его считаютъ сплетникомъ, сѣятелемъ вражды, злоязычникомъ, невоздержаннымъ въ пищѣ и питъѣ, его поднимали въ пьяномъ видѣ на базарѣ, близъ развратныхъ притоновъ. При такихъ недостаткахъ ему трудно свершить путь въ Грузію и совѣтуетъ ему вернуться въ Турцію.

¹⁾ Намекъ на царя Теймураза I.

Изложенное вкратцѣ произведеніе царя Теймураза указываетъ на нѣкоторые пороки, водворившіеся въ обществѣ при скрещеніи разнообразныхъ національныхъ и культурныхъ элементовъ.

Теймуразъ является писателемъ не только сатиръ и эпиграмъ ¹⁾, но и похвальныхъ одъ и посвященій. «Въ вѣчную память царя Вахтанга» (конечно VI) онъ перечисляетъ заслуги этого коронованнаго дѣятеля: «онъ возобновилъ храмы въ Мцхетѣ, Урбниси и Сіонѣ въ Тифлисѣ устроилъ типографію, провелъ каналъ изъ Кеія въ Хунанъ, истреблялъ звѣрей, написалъ книгу Законовъ, издалъ Ш. Руставели.

Одно похвальное четверостишіе посвящено ц. Тамарѣ. «Когда я подросла—говорить она,—то исполнилась красоты и вознесла голову до небесъ; ударила мечемъ на Востокъ и взяла подать съ Дербента, на Западѣ всадила межу, перейдя Аранъ,—сдѣлавшая все это отдала душу въ Вардзіа» (монастырь). Особый видъ грузинской мѣрной рѣчи, извѣстный подъ именемъ «зма», переходящей часто и въ прозу, нашель въ ливѣ царя Теймураза лучшаго выразителя находчивости и остроумія въ бесѣдѣ древнихъ грузинъ. «Зма»—непереводимы въ виду переполненія ихъ идиотизмами языка. Нѣкоторые изъ этихъ образцовъ, составленныхъ Теймуразомъ, дошли въ рукописяхъ, сопровождающихся комментаріями. Такъ, «зма», обращенная имъ къ красивой крестьянкѣ на Гомборѣ въ день Пасхи ²⁾, заключаетъ игру словъ, *калата* (корзина), *маканкалата* (дрожащій) и *момикалата* (расположить къ себѣ). Царю понравилась красавица съ корзиной въ рукахъ и свидѣтельствуеетъ ей свое расположеніе, а красавица отвѣчаетъ ему, что въ день Пасхи царя никто не видѣлъ дрожащимъ.

Цѣлая группа героическихъ повѣстей 18 в. находится въ записности отъ Тысячи и одной ночи. Къ нимъ относится: Давришіани, О царѣ Аджамѣ, сказаніе о Хикарѣ и др. Обратимся къ содержанію «Давришіани».

Давришіани ³⁾.

Былъ царь въ Константинополѣ, богатый и милостивый, но бездѣтный. Увидѣвъ разъ себя въ зеркалѣ старцемъ, убѣленнымъ сѣдинами, онъ опечалился и заперся въ комнату. По совѣту визиря онъ

¹⁾ Напр. противъ конокрадовъ горцевъ.

²⁾ Изъ рукописнаго сборн. „стиховъ, ямбъ, шутокъ древнихъ“ царев. Іоанна.

³⁾ Давришіани или сказочная повѣсть. Изданіе второе (на груз. яз.). Тифлисъ, 1890 г. 96 стр. in—8. Ср. рукопись Спб. Публичной бібліотеки. Рукопись гласитъ, что она писана Парсаданомъ (?) въ 1785 г.

находить отраду въ раздачѣ милостыни, а потомъ въ усердной молитвѣ и въ книгахъ, въ одной изъ которыхъ онъ вычиталъ, что и въ минуту горя, и въ минуту радости человѣкъ найдетъ утѣшеніе на кладбищѣ. Царь ночью отправился на могилу предковъ и здѣсь въ одной палаткѣ замѣтилъ огонь и вокругъ него четырехъ дервишей. Царь подошелъ къ палаткѣ и прислушался къ ихъ разговору. Они по очереди рѣшили рассказать свою судьбу случайно сошедшимся собесѣдникамъ. Первый, выплакавъ слезы, заявилъ, что онъ сынъ богатаго купца, но по смерти родителей, благодаря негоднымъ друзьямъ, промоталъ свое наслѣдство. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи, замужняя сестра дала ему средства для поправленія разстроеннаго состоянія. Вмѣстѣ съ караваномъ онъ прибылъ въ страну Іамани и при всѣхъ въ городѣ при немъ неизвѣстный бросилъ сундукъ, въ которомъ оказалась изрубленная женщина очаровательной красоты. Онъ тратитъ послѣднія деньги на ея лѣченіе, а потомъ по ея запискѣ получаетъ отъ одного купца блюдо, наполненное золотомъ. Покупаетъ дворецъ и поселяется въ немъ съ ней. Она оказывается Іаманейской царевной, которая своего убійцу облагодѣтельствовала, а онъ по наущенію пѣвицы-любовницы совершаетъ надъ ней злодѣяніе. По указанію ея онъ приглашаетъ его съ любовницей во дворецъ на пиръ и тутъ отплачиваетъ она имъ тѣмъ же орудіемъ, т. е. убиваетъ его. Тронутая его преданностью, она выражаетъ желаніе покинуть религію «Буты» и идоловъ и слѣдовать за нимъ. Но во время поисковъ брода черезъ рѣку кто-то ее похитилъ, и по совѣту одного старца направился въ Константинополь, гдѣ онъ встрѣтится съ тремя такими же дервишами и царемъ бездѣтнымъ.

II гл. Второй дервишъ сказалъ, что онъ сынъ Иранскаго царя, шаха Манучара. Разъ во время охоты, гоняясь за однимъ оленемъ, раненымъ имъ же въ ногу, онъ зашелъ въ пещеру, гдѣ оказался старецъ. Послѣдній то оплакивалъ раненаго оленя, то изливалъ слезы предъ женщиной, которая оказывается пстуканомъ. Юноша сталъ упрекать старца за идолопоклонство, а тотъ въ отвѣтъ рассказалъ свою исторію: онъ сынъ Мисретскаго богача и ѣздилъ съ товарами въ страну франковъ (т. е. въ Европу). Здѣсь онъ представился прекрасной царевнѣ и доставилъ ей лучшіе подарки. Онъ принимаетъ на себя обязанность доставить письмо отъ нея въ одинъ садъ, гдѣ сидѣлъ въ клѣткѣ юноша, а предъ нимъ лежала отрубленная голова, надъ которой онъ плакалъ. Войско царя въ саду его догоняетъ и избиваетъ за то, что между этимъ юношей-царевичемъ и дѣвицей—его двоюродной сестрой—онъ явился посредникомъ. По смерти отца царевичъ остался малолѣтнимъ

и вмѣсто него сталъ управлять царствомъ дядя, дочь котораго должна была выйти за него. Но потомъ, изъ желанія удержать власть за собой, царица посовѣтовала объявить царевича сумасшедшимъ. Его стали лѣчить и мучить. Дѣвушка горевала и продолжала его любить, несмотря на уговоры родныхъ и визерей. Она прибѣгла къ хитрости притворилась равнодушной и согласилась даже его убить, но когда ее привезли къ нему, то она бросилась обнимать его. Тогда тайкомъ отравили юношу, голову котораго въ клѣткѣ оплакиваетъ его двоюродный братъ. Дервишъ самъ ѣдетъ видѣть все это въ странѣ франковъ. Оплакивающий главу юноши предлагаетъ дервишу нести черепъ къ царевнѣ, и тогда онъ удостоится ее видѣть. Такъ и случилось. Она даже рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родной земли, но утонула при переправѣ чрезъ рѣку вмѣстѣ съ Базать-ханомъ пріютившимъ ихъ на короткое время еще въ странѣ франковъ. Дервишъ же получаетъ совѣтъ отъ старца ѣхать въ Константинополь. Царь вернулся домой и велѣлъ привести къ себѣ дервишей, которымъ онъ рассказываетъ свою исторію.

III гл. Самъ царь рассказалъ дервишамъ одну любопытную исторію. Вступивъ на престоль, онъ показывалъ всѣмъ свои сокровища, гордась ими. Но мудрый его визирь разъ сказалъ ему, что больше изумленія возбуждаетъ богатство одного иранскаго купца, который повѣсилъ собаку на шею рубинъ съ тарелку. Обиженный этимъ замѣчаніемъ, царь велѣлъ его казнить, но деспота остановилъ присутствующій тутъ иностранный посоль, который предложилъ навести предварительно справки, насколько правъ визирь; послѣдняго заарестовали, давъ ему срокъ одинъ годъ оправдать свои слова. Дочь визиря, узнавъ объ этомъ, переодевшись въ мужской костюмъ, отправляется искать того богатаго иранца. Прибыла она въ Шамось ¹⁾ (Сирію), гдѣ видитъ торговые ряды, сдѣланные изъ золота. Предъ однимъ магазиномъ сидѣлъ старецъ и рядомъ съ нимъ собака на золотой парчѣ, на шеѣ которой висѣлъ рубинъ величиной въ 12 тарелокъ; ей прислуживали черные рабы. Старцу переодѣтая дѣвица объяснила, что ее ограбили на дорогѣ козахи, а прислугу ея перебили. Старецъ обрадовался, видя красиваго юношу и усновилъ ее, — она не открывается, что предъ нимъ дѣвица, а не юноша. За обѣдомъ собаку посадили на золотой стулъ, дали ѣсть и пить на золотыхъ тарелкахъ; потомъ вывели изъ клѣтки двухъ мужей и, нанося имъ удары плетью, заставили доѣсть остатки на собачьей тарелкѣ. Дѣвица отказалась принять пищу; негодуя, что старецъ обоготворяетъ собаку, а людей презираетъ. Когда дѣвица собралась въ

¹⁾ Грецизмъ—окончаніе *ос*.

обратный путь на родину, старикъ пожелалъ слѣдовать за ней съ богатымъ караваномъ. Прибывъ на родину дѣвицы, старецъ былъ представленъ царю съ прибывшими съ нимъ собакою и мужьями въ клѣткѣ. Царю онъ разсказалъ, что мужья эти—его братья ¹⁾, которые, не разъ будучи имъ спасаемые матеріальной и нравственной поддержкой, искали его смерти: бросали его въ море ²⁾, отнимали у него возлюбленныхъ, а собака одна оставалась вѣрной: приносила ему пищу и чашку воды въ яму «мудреца Соломона», куда его бросили братья, умоляла по своему не бить его, когда по навѣту братьевъ наказывали его судьи. Освобожденный царевной изъ ямы вмѣсто сына визиря, онъ снова спасаетъ братьевъ изъ бѣды, пойманныхъ въ воровствѣ, поселяется съ ними, но они отплачиваютъ тѣмъ, что изрубили его въ полѣ во время охоты. Собака стала издавать мучительные звуки, которые дошли до царевны франкаго царя. Она приняла его подъ свое покровительство и спасла его. Разъ его застали на молитвѣ. Няня донесла царевнѣ, что онъ вѣруетъ въ единого Бога, а не въ Будду. Онъ объяснился съ ней и увѣрилъ ее, что есть невидимый Творецъ, идолы же—созданія дьявола для гибели человѣка. Она зарѣзала няню ночью и бѣжала вмѣстѣ съ нимъ изъ отцовскаго дома. Царъ написалъ письмо хану Бандаръ (Бендеръ?) задержать караванъ, въ которомъ окажется царевна. Здѣсь ее заперли въ башню, куда и онъ проникъ чрезъ тайный входъ; ханъ влюбился въ нее и оставилъ ее у себя. Но для освобожденія она предлагаетъ слѣдующія мѣры: онъ долженъ сѣсть предъ капищемъ «Буты» въ траурѣ; ему дадутъ драгоценные камни и халатъ, но пусть потребуетъ, чтобъ его представили «матери Буты». Предъ ней онъ притворился адептомъ Буты, по закону котораго за похищеніе жены обиженный мужъ можетъ убить обидчика, и на этомъ основаніи онъ требуетъ освобожденія изъ башни его супруги, запертой ханомъ. Мать Буты, угрожая хану каменнымъ дождемъ и пожаромъ, освободила плѣнницу. На мѣсто убитаго хана поставили его правителемъ Бендеръ. Братья, которыхъ онъ назначилъ военачальникомъ и судьей, разъ ворвались къ нему въ спальню съ цѣлю убить его, но собака подняла вой, онъ проснулся и послѣ этого покушенія онъ повергъ ихъ этому постыдному плѣву въ клѣткѣ.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о *драгоценныхъ камняхъ* (Гл. V).

Старецъ разсказалъ о томъ, какъ онъ нашелъ драгоценный рубинъ, повѣшенный имъ на шею собакѣ. Въ Бандарѣ былъ онъ ха-

¹⁾ Ср. разсказъ „Второй шейкъ и двѣ черныя собаки“ въ 1001 ночи I, 22 и сл.

²⁾ Ср. разсказъ „Первая изъ трехъ богдадскихъ женщинъ“ ib. стр. 122 и слѣд.

номъ. Съ помощью подзорной трубы онъ увидѣлъ вдали двѣ фигуры, которыя оказались юношей и женщиной. Юноша 22 лѣтъ весь былъ покрытъ длинными волосами и когтями. За пазухой у него была только трава, а его спутница прислала изъ гарема показать драгоценные камни. Юноша—сынъ богатаго купца, погибшаго въ Индіи во время бури на морѣ. Онъ же спасся и прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ жители были черны и голы, и питались горехомъ. Предъ воротами другого города одинъ старецъ совѣтовалъ не вступать туда, давъ ему указаніе на горѣ скрыть и провѣять песокъ, въ которомъ оказались драгоценные камни. Юноша однако вошелъ въ городъ, гдѣ братъ того старца встрѣтилъ его и сталъ бранить своего брата, что не предостерегъ юношу отъ опасности. Для спасенія онъ предложилъ ему поклониться Бутѣ, за что получить дочь визиря 14 лѣтъ, такъ какъ нельзя отказывать въ рукѣ поклонникамъ Буты. Но она послѣ брака отъ родовъ умерла и его живого по обычаю страны вмѣстѣ съ женой опустили въ пещеру съ 40 дневной провизіей ¹⁾. Въ этомъ помѣщеніи оказались змѣи и теплая вода. Когда провизія истощилась, онъ убивалъ всѣхъ живооноукаемыхъ къ нимъ и пытался ихъ провизіей. Но одну красавицу 18 лѣтъ онъ пожелалъ оставить и, продѣлавъ отверстие въ стѣнѣ, вышелъ вмѣстѣ съ нею драгоценностями, взятыми у покойниковъ, и отдалъ старцу эти драгоценные камни. Открылось, что этого старца съ собакой привела дочь визиря, котораго царь заарестовалъ за заявленіе, что есть богачъ, который собакѣ повѣсилъ рубинъ. Царь освободилъ визиря и всѣхъ наградилъ.

Третій дервишъ разсказалъ слѣдующее. Онъ былъ персидскій царь. Визиря разсказали разъ ему о царѣ Нунцевалѣ и Аташѣ. У милостиваго Аташа нашелся врагъ Нофилъ, сынъ Арабіамани. Нофилъ овладѣлъ его царствомъ и объявилъ награду въ 1000 р. и халатъ, кто представитъ ему Аташа. Объ этомъ приказѣ, передаваемомъ бѣднякомъ женѣ, слышалъ самъ Аташъ, который добровольно открывался имъ, чтобъ бѣднякъ получилъ награду. По дорогѣ къ Нофилю нѣсколько человекъ заявило претензію, что Аташъ будто схваченъ ими. Самъ Аташъ заявилъ, что онъ пойманъ бѣднякомъ. Нофилъ освободилъ и приблизилъ къ себѣ Аташа, а бѣднякъ разбогатѣлъ. Услышавъ объ этомъ, дервишъ, бывшій царемъ, самъ начинаетъ щедро раздавать милостыню при входѣ у 40 воротъ выстроеннаго имъ зданія. Одинъ дервишъ получилъ подаваніе при всѣхъ входахъ. Дер-

¹⁾ Ср. въ Арабскихъ сказкахъ, Синдбадъ, (четвертое путешествіе), т. V, стр. 100 и слѣд.

вишь былъ въ этомъ уличенъ и, обиженный замѣчаніемъ царя, посоветоваль послѣднему выучиться распредѣленію милостыни у царевны въ Басрѣ. Посадивъ визиря царемъ, онъ ѣдетъ дервишемъ, срокомъ на 5 лѣтъ разыскивать ее. Встрѣчается предъ садомъ со старцемъ, который его просить подѣлать съ нимъ трапезу. Черезъ три дня онъ оставляетъ его и получаетъ по обычаю весь дорогой сервизъ и приборы стола. Будучи представленъ царевнѣ Мисретской, онъ изъявилъ желаніе исполнить все, что она прикажетъ. Приближенный Берозъ сказалъ, что ищетъ объясненія слѣдующей исторіи: въ Нимрузѣ онъ видѣлъ, въ присутствіи народа, на коровѣ ¹⁾ проѣхалъ юноша съ обнаженной шашкой въ одной рукѣ, и прекрасный портретъ держалъ въ другой рукѣ. Снялъ онъ шашкой голову съ раба, ударилъ о землю портретъ и уѣхалъ. Дервишь ѣдетъ по указанію Бероза и видитъ все, что онъ рассказалъ. Когда загадочный юноша вернулся на коровѣ назадъ, онъ погнался за нимъ и, несмотря на его угрозы, онъ проникъ къ нему въ жилище. Юноша сообщилъ ему исторію своей жизни: онъ сынъ Нимрузскаго царя. Астрологи предсказали его отцу, что сынъ его будетъ счастливъ, но 12 лѣтъ онъ испытаетъ бѣдствія. Царь велѣлъ построить для него дворецъ и развести при немъ садъ, чтобы онъ не показывался свѣту. Няню и воспитателя принималъ онъ по наивности за Адама и Еву, а садъ за рай. Разъ войлокъ въ саду прорвался и лучъ солнца палъ на розу. Онъ удивился и принялъ лучъ за розу. Черезъ отверстіе войлока опустили кровать, въ которой лежала красавица. Она дала ему выпить и потомъ ушла. Въ безсознательномъ состояніи его увели въ опочивальню.

Для исцѣленія отъ болѣзни отправляютъ его къ заморскому лѣкарю. Тотъ излѣчиваетъ больного и учитъ своему искусству. Впослѣдствіи учитель повѣсилъ, и у него онъ нашель книжку, чтеніе которой въ теченіе 40 дней давало ему возможность овладѣть духами (каджи). По возвращеніи домой, онъ прибѣгаетъ къ этой книжкѣ. Именемъ Соломона онъ проситъ и приказываетъ духу дать ему свою дочь. Духъ привелъ страшную уродку, отъ которой царевичъ отказался. На 40 день чтенія явилось 40 «феерій», несущія яхонтовый тронъ, на которомъ воссѣдалъ старецъ съ вѣнцомъ. По желанію юноши старецъ доставилъ ему свою красивую дочь. Во время пира кто-то отнял у юноши книгу, передалъ другому; дѣвица замѣтила, что горе предстоить ему за потерю книги. Юноша попытался отнять книгу, но человекъ обратился въ корову, которую онъ послѣ того бьетъ, чтобы она отдала книгу, а портретъ, который я раз-

¹⁾ Ср. Арабскую сказку „Три исторіи“.

биваю, представляет ее образъ. Услышавъ это и третій дервишъ по совѣту старца, направляется въ Константинополь.

Глава шестая. Разсказъ четвертаго дервиша. Онъ былъ царевичемъ и по смерти отца воспитывался дядей среди женщинъ, чтобы отвлечь его отъ государственныхъ знаній. По завѣщанію отца онъ долженъ былъ жениться на дочери дяди, и вотъ астрологи опредѣлили, что чрезъ три года, три мѣсяца, три недѣли и три часа наступитъ счастливый моментъ для ихъ брака. Но дядя поручаетъ убить царевича его же воспитателю: послѣдній совѣтуетъ юношѣ обратиться за помощью къ царю каджей—Садикѣ, который далъ его отцу 39 обезьянъ, а если онъ выпроситъ еще одну обезьяну, то тогда каждая обезьяна явится съ 1000 человекъ. Но Садикѣ потребовалъ отъ него взаимной услуги: ему поручено было найти ту дѣвицу, портретъ которой ему показаль. Онъ отправляется ее искать. Вступивъ въ одинъ городъ, онъ видитъ группу людей, читающихъ (Псалтирь?!) и старца, которому за чашку воды онъ даетъ одинъ плури (1 р. 40 к.). Слѣдя за нимъ, онъ пришелъ въ его жилище, гдѣ оказывается искомая красавица — дочь старца, бывшаго калантаромъ. Она была выдана за царевича, но въ первую же ночь ¹⁾ въ спальнѣ женихъ былъ убитъ таинственными ударами духовъ. Онъ ихъ приводитъ къ Садикѣ, но послѣдній былъ также избитъ духами, когда онъ вошелъ къ красавицѣ въ палатку. Царевичъ тогда наноситъ ей ударъ мечомъ, и трупъ ея, все уменьшаясь сдѣлался величиною въ орѣхъ, и, поразивъ его въ голову, повалилъ его на землю. Когда царевичъ очнулся, никого уже около него не было. Послѣ этого онъ пошелъ по указанію старца трехъ дервишей, съ которыми и встрѣтился.

VII гл. У царя Бахтура родился сынъ отъ наложницы. Радость необыкновенная смѣнилась горемъ, когда узнали, что ребенокъ исчезъ, а мать въ обморокъ. Дервиши плакали. На третій день показалось облако, и по исчезновеніи его спустилась яхонтовая люлька съ ребенкомъ. Онъ названъ былъ Шазадой и росъ чудесно: въ мѣсяць три раза исчезалъ и возвращался съ чѣмъ-нибудь драгоцѣннымъ. Когда ребенку исполнилось 7 лѣтъ, царь и дервишъ взмолились взять ихъ туда, куда увлекали ребенка. Показавшіяся руки ихъ подхватили и унесли съ ребенкомъ въ какое-то райское мѣсто, принадлежащее, какъ объяснили духи, царю Шаруху; ему, поставленному Соломономъ, Шарухъ, царь «джиновъ» сказалъ, что онъ далъ слово выдать дочь за сына чело-

¹⁾ Ср. разсказъ второго царственнаго нищаго въ 1001 ночи. I, 89 (Прилож. къ „Живописн. Обзор.“).

вѣческаго и женить сына на дочери смертнаго. Подъ той звѣздой, подъ которой родилась его дочь и родился, какъ донесли ему духи, Шазада, и вотъ почему онъ его восхищаетъ къ себѣ и любитъ такъ сильно. Онъ повелѣлъ привести того юношу, сидящаго на коровѣ, царя каждей — Садикъ, Калантара съ дочерью. Въ заключеніе передается, какъ всѣ достигли того, къ чему стремились.

Въ «Давришиани», какъ видно изъ его содержания, присутствуютъ аналогичные мотивы «1001 ночи», отмѣченные нами въ примѣчаніяхъ, и представляетъ своеобразную ихъ передѣлку. Это обстоятельство однако не препятствовало его распространенію среди народа какъ въ многочисленныхъ рукописяхъ, такъ и въ печатномъ видѣ.

Болѣе близкую зависимость отъ арабскихъ сказокъ находимъ въ «Повѣсти о мѣдномъ городѣ». Я привожу буквальный переводъ съ дѣлюю дать представленіе, насколько онъ соотвѣтствуетъ оригиналу.

Повѣсть о Мѣдномъ городѣ ¹⁾.

Былъ въ городѣ Багдадѣ царь, по имени Абуеликъ. Разъ онъ собралъ на площади народъ и мудрецовъ и просилъ ихъ повѣдать какъ Соломонъ властвовалъ надъ дьяволами. Выступилъ изъ толпы одинъ визирь и сказалъ: «могучій и славный царь! есть нѣкій купеческій сынъ, который сказалъ: «я былъ на Селави (въ 1001 ночи—островъ Цицили) сорокъ дней и ночей блуждалъ по морю, и, когда поднялись на одну высокую гору, нашли тамъ черныхъ безобразныхъ людей, которые насъ

¹⁾ Рукописный сборникъ XVIII—XIX вв. изъ моей бібліотеки, писанъ алфавитомъ мхедрули. Означенная повѣсть слѣдуетъ въ сборникѣ вслѣдъ за рассказомъ „Алексій, человекъ Божій“. Въ концѣ сборника помѣщена повѣсть объ юношѣ и дѣвицѣ (Калъ-Важіани) съ датой 1834 г. Приведенная повѣсть есть пересказъ „Исторіи Мѣднаго города“ изъ „1001 ночи“. См. т. V, стр. 130 и слѣд.

Исторія Мѣднаго города (Phadze kahak по-армянски—Spilenzis kalaki по-грузински), въ которой находится и наставленіе мудраго Хивара, выдержала нѣсколько изданій на армянск. языкѣ въ Константинополѣ въ 1708, 1731, 1807 1834, 1850 гг., въ Тифлисѣ въ 1857 и въ 1861 гг.

Переводчикъ „Мѣднаго города“ архимандритъ Аракеъ (Анеци или Ширасъ-Внеци), переведенъ съ турецкаго [= арабскаго]. „Книга исторіи Мѣднаго города, Вопросы дѣвицы и юноши и Исторія Хивара и т. д. Константинополь, 1708, 1731. Названные три повѣсти приводятся также въ моемъ груз. сборникѣ по всѣмъ признавамъ переведенномъ съ армянскаго. О вопросахъ дѣвицы и юноши см. у меня I вып. „Очерковъ“.

привѣтствовали и взяли сначала къ себѣ, а черезъ три дня на рыбную ловлю, закинули неводъ и вытащили изъ моря кувшинъ съ свинцовою печатью Соломона. Когда печать сорвали, изъ кувшина вышелъ черный дымъ, поднялся въ воздухъ, сдѣлался страшнымъ и зывалъ голосомъ: «Соломонъ, Соломонъ, сынъ пророка Давида, грѣшны мы предъ тобою, подвластны тебѣ, не осмѣлимся болѣе совершить то, что преступили». Дьяволы полагали, что Соломонъ еще живъ! Царь багдадскій не хотѣлъ вѣрить этому разсказу до тѣхъ поръ, пока ему не покажутъ подобнаго кувшина, и велѣлъ Талапу сыну Селата (въ 1001 ночи—Талибъ сынъ Сала) отправиться къ эмиру Муса, владѣтелю Запада и вмѣстѣ съ нимъ сыскать Соломоновъ кувшинъ. Взявъ большую казну, драгоценныя камни и коней и рабовъ, Талапъ съ эмиромъ Мусой во главѣ войска, въ сопровожденіи старца, знающаго и море, и сушу и мѣсто, гдѣ Соломонъ, разгнѣванный бросилъ чертей въ кувшинъ, запечаталъ и кинулъ въ море. Старецъ заявилъ, что имъ предстоитъ путь очень далекій, сорокъ дней придется ѣхать по безводному пространству и встрѣтять по дорогѣ много чудесныхъ явленій: необходимо по этому взять воды на 100 верблюдахъ въ хрустальныхъ кувшинахъ, чтобы они не испарились отъ жаркихъ вѣтровъ. Въ числѣ 2000 всадниковъ прибыли они въ страну Харебу (?). Прошелъ уже годъ со времени выступленія въ путь, и звѣзда, по указанію которой старецъ шелъ, закрылась облаками. Сбились они съ пути и стали плакать. Вошли въ какой-то городъ, гдѣ поднималась одна высокая, черная гора, издали казавшаяся дымнымъ столбомъ. Приблизившись къ нему, онъ оказался высокимъ прекраснымъ куполомъ, построеннымъ изъ драгоценныхъ камней яхонта и изумруда, съ мраморными вратами. Куполь былъ сверху покрытъ свинцомъ, а у подножья его стояли 1000 верблюдовъ. Прекрасный этотъ куполь, построенный развѣ только самимъ Богомъ, былъ оставленъ во владѣніе птицъ безъ слѣдовъ человѣческаго надзора. Жалкое его положеніе заставило проливать горючія слезы: гдѣ ихъ владѣтели или строители? говорилъ эмиръ Муса. Мы должны благодарить Бога, отвѣчаетъ старецъ, что Онъ насъ спасъ отъ грозящей бѣды и привелъ въ это прекрасное мѣсто; отсюда до мѣднаго города по дорогѣ, проведенной Александромъ Македонскимъ, мы должны идти три мѣсяца. Муса предлагаетъ прежде всего осмотрѣть городъ, а потомъ двинуться далѣе. Тамъ нашли громадный прекрасный дворецъ, на дверяхъ котораго была рукою сдѣлана надпись. Старецъ знатокъ языковъ «семи племенъ» прочелъ ее, которая гласила такъ: человѣкъ, пришедшій въ это мѣсто, пусть оплакиваетъ насъ, ибо мы сдѣлались несчастны отъ нашего громаднаго состоянія, и воз-

дайте хвалу Богу, которому мы должны отдать отчетъ въ нашихъ дѣ-
 яніяхъ. Затѣмъ вошли во дворъ и нашли чудное зданіе, украшенное
 золотомъ и серебромъ. Вступивши во вторыя двери, прочли надпись,
 сообщающую о числѣ родившихся и умершихъ на землѣ. Эмиръ Муса
 сталъ плакать въ сознаніи ничтожности земныхъ благъ. Былъ въ этомъ
 царствѣ куполъ, вокругъ котораго были расположены четыре могилы,
 покрытыя мраморными плитами съ надписью на греческомъ языкѣ.
 Надпись на одной могилѣ гласила, что покойникъ подъ ней при жизни
 раздавалъ много милостыни и мнилъ себя безсмертнымъ, а нынѣ онъ
 обратился въ горсть праха и тотъ самый, который взялъ цѣлый рядъ
 крѣпостей и плѣнилъ народы, обратился въ сѣдъ червей и держитъ
 отвѣтъ за угнетенныхъ имъ на этой землѣ. Другая надпись гласитъ:
 «въ часъ смерти меня не могли спасти сокровища и арміи, и одинъ
 только саванъ остался со мною». Третья надпись была слѣдующаго
 содержанія: «Братья, единъ Богъ безсмертенъ, и не полагайтесь на
 міръ, ибо онъ преходищъ и обманчивъ. Я былъ царь и властвовалъ
 надъ 1000 город., владѣлъ несчетнымъ сокровищемъ и 20,000 конями,
 меня сопровождали 20,000 всадниковъ, жилъ въ счастья 100 лѣтъ, и
 вдругъ смерть похитила меня во дворцѣ. Судьба моя пусть послужитъ
 вамъ урокомъ! Когда я умиралъ, я взмолился о помощи къ воинамъ;
 тѣ изъявили готовность покорить враговъ, но противъ Бога безсильны!
 Тогда я роздалъ сокровища бѣднымъ, но было все уже тщетно: я
 испустилъ духъ, и нѣтъ больше въ мірѣ имени царевича Галатія!»
 Надпись эта была высѣчена на фонтанѣ, откуда лилась вода зигзагами.
 «Увы намъ, которые не сдѣлали никакого добра! Дѣти Адама всѣ сой-
 дутъ въ могилу! Старайтесь оставить по себѣ добрую память. На две-
 ряхъ надпись сообщала о богатствѣ и его непрочности: за обѣдомъ
 мнѣ прислуживали 10.000 слугъ и угощаль 200.000 человекъ, а
 нынѣ я несчастный странникъ! Земная жизнь лишь сонъ мимолетный!
 Не полагайся на нее смертный! Не гордитесь и не грѣшите»).

Вступивши во внутрь купола, нашли скатерть вышитую золотомъ
 и драгоценными камнями; на ней было расположено 12 безцѣнныхъ
 камней. Надпись говорила: «Гдѣ тѣ, которые веселились вокругъ ска-
 терти, множество царей здѣсь проводило время, а нынѣ ихъ не видно!
 Всѣ приходящіе уходятъ! Мудрецъ! подумай, гдѣ строители этихъ
 дворцовъ, оцѣни эту жизнь и воздай хвалу Богу»!.. Всѣ эти надписи
 были списаны въ теченіе трехъ дней по приказанію эмира Муса.

¹⁾ Ср. „Если повернется лошадь направо, то ворота отпрутятся, а если налево,
 то запрутся“, надпись на мѣдной лошади, прочитанная Соломономъ при посѣще-
 нии имъ Мѣднаго города. *Сборникъ* попечителя кавказ. учеб. округа, вып. X, стр. 38.

Прошли определенное пространство и на высокой горѣ нашли мѣднаго всадника съ надписью. Судѣлали, какъ сказано ею и пошли по данному указанію. Повороти меня десять разъ, и куда я обращусь, на той сторонѣ будетъ мѣдный городъ. Нашли на горѣ челоуѣка по поясницѣ зарытаго въ землю: онъ имѣлъ два крыла, лицо львиное, волосы въ родѣ лошадинаго хвоста, бѣлый цвѣтъ какъ у гуся, глаза огненные и издавалъ страшный крикъ говоря: «Слава Господу великому и вѣчному, что ввергъ меня въ эту нестерпимую муку». Мы были поражены этимъ необыкновеннымъ чудовищемъ. Спросилъ его старецъ кто онъ такой: «Я іумейскій (?) дѣви, который боролся съ Соломономъ, имя мое Тадзшіери. Несу эти муки по приказанію мудраго Соломона, пока по волѣ Божьей не освобожусь, а наказанъ я вотъ за что: былъ царь Аббахъ Азисъ ¹⁾, мой племянникъ по сестрѣ, онъ располагалъ большимъ войскомъ, и никто не могъ съ нимъ соперничать: вѣтры повиновались его власти. Была у него дочь неописанной красоты. Прислалъ Соломонъ пословъ съ просьбою выдать за него дочь и увѣрвать въ его Бога, Создателя неба и земли, въ противномъ случаѣ предупреждалъ приготовиться къ войнѣ въ увѣренности, что онъ не побѣдитъ. Тогда собралъ Соломонъ войска изъ смертныхъ, дьяволовъ, змѣй, драконовъ, звѣрей, гадъ и птицъ, научилъ ихъ какъ воевать и во главѣ ихъ напалъ на нашу сторону. Черезъ посла Соломонъ возобновилъ свои требованія къ нашему царю. Царь отвѣтилъ, что война рѣшить, чей Богъ сильнѣе. Соломонъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части, одну поставилъ направо, а другую налево; птицамъ велѣлъ подняться вверхъ и царапать намъ лицо и глаза; звѣрямъ разрушать башни, змѣямъ и драконамъ связывать ноги. Самъ Соломонъ возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, опирающемся на разноцвѣтный родъ змѣй и велѣлъ поднять себя вверхъ, чтобы взирать на бой. При немъ состоялъ первымъ визиремъ Амиранъ. Страшный бой продолжался три дня и три ночи. Я выступилъ съ своимъ отрядомъ противъ Амирасъ, котораго крикъ при нападеніи звѣрей, птицъ и гадъ навелъ ужасъ на наше войско. Я, обезсиленный, бѣжалъ, но Амиранъ ²⁾ погнался, по приказанію Соломона, за мною и схватилъ меня. Я просилъ Амирана

¹⁾ Александръ В., сопровождавшій Соломона Мудраго, при посѣщеніи Мѣднаго города, вошелъ во дворецъ, гдѣ „на тронѣ возсѣдалъ царь съ вѣнцомъ и скипетромъ, подлѣ него царица съ вѣнцомъ на головѣ и запиской въ рукахъ“. *Сборникъ кавказ. уч. окр. вып. X, стр. 39. Ср. Потанинъ Этн. Об. XXI, 22—3.*

²⁾ Герой грузинскихъ сказаній.

защитить меня предъ Соломономъ. Связали меня свинцовыми и желѣзными цѣпями, взвалили на меня каменные колонны и подняли на эту гору, гдѣ вы меня видите и Соломонъ погнался самъ за нашимъ обратившимся въ бѣгство царемъ и убилъ его, воиновъ перебилъ, дворець разрушилъ и красавицу взялъ въ жены.

Эмиръ Муса прославлялъ Господа и спросилъ дѣви, не знаетъ ли онъ чего о дьяволахъ, брошенныхъ въ море Соломономъ. Онъ далъ имъ на этотъ счетъ слѣдующія указанія: вокругъ того моря находится гора, гдѣ живутъ черные люди и недалеко самый мѣдный городъ. Шли сорокъ дней и увидѣли городъ, который горѣлъ какъ отъ вспыхнуваг^о пожара. Это былъ Мѣдный городъ. Подошли къ городу, но вратъ не могли найти. Посадили на верблюда четырехъ воиновъ и обошли кругомъ стѣну, которая была построена изъ чернаго камня. Ограда въ 40 четвертей ширины имѣли 7 воротъ. Эмиръ Муса со старцемъ поднялись на одну гору и оттуда любовались этимъ чудеснымъ городомъ и нашли нѣсколько могилъ съ надписями. «О, дѣти Адама, увѣрьтесь, что все тщетно на землѣ и смерть неожиданно похититъ васъ!.. Мы ничего не взяли съ собою кромѣ савана, и все наше богатство безсилно. Спаси меня раба твоего, Господи, отъ грѣха, гласила четвертая надпись. Поднялись боины эмира Муса по стѣнѣ города, засмѣялись, ударили въ ладоши и пришли въ городъ, упали въ обморокъ и умерли. Муса заплакалъ. Талапъ, обѣщавъ Богу половину своего состоянія, разсмѣялся, прыгнуть въ городъ и палъ въ безпамятство. Муса поумалъ, что и онъ умеръ и заплакалъ. Талапъ подаль голосъ, что онъ живъ. Онъ видѣлъ у двери одного всадника, на рукѣ котораго была надпись: всади гвоздь въ мой пупокъ и 12 разъ поверни, и двери отворятся. Талапъ такъ и сдѣлалъ. Эмиръ Муса вступилъ въ городъ съ половиной своего отряда и нашелъ, что въ городѣ все умерло, базаръ полить, кругомъ идутъ улицы съ фонтанами, на которыхъ возсѣдали львы; изъ пасти ихъ лилась вода на благоухающіе цвѣты. Жители лежали мертвыми предъ кучей золота, серебра и жемчуга, и при прикосновеніи ихъ обращались въ прахъ. Подвалы также были полны драгоценностями. Вошли затѣмъ во дворець, который имѣлъ три двери паподобіе башенъ: одна изъ золота, другая изъ серебра и третья изъ мѣди. Видѣли необыкновенное зрѣлище! Близъ одной двери былъ всадникъ рядомъ съ фонтаномъ, окруженный опьяняющимъ благоуханіемъ деревьевъ. Видя кругомъ себя одну смерть, эмиръ Муса сказалъ: «Увы тебѣ, мертвый городъ! Боюсь, чтобы и мы не подверглись той же участи». Видѣли семь стрѣлъ и мечей во дворцѣ и людей въ сидячемъ положеніи, еще не разложившихся. На стѣнѣ была

надпись: «Никто не строилъ такого громаднаго государства, какъ мы, но мы переселились, и все осталось».

Во дворцѣ же были три колонны—синяя, красная и желтая, на которыхъ возвышался куполь изъ золота и серебра. Надъ куполомъ расположенъ былъ золотой левъ съ сверкающими глазами. Тамъ же сидѣла съ чудной короной царица на стулѣ, предъ которой растилался прелестный коверъ ¹⁾. Эмиръ Муса выразилъ сожалѣніе со слезами на глазахъ, что этой красавицѣ царицѣ не было суждено править государствомъ. На это соболѣзнованіе царица отверзла уста и сказала: дѣти Адама, не полагайтесь на этотъ міръ, старайтесь дѣлать добро, ибо все преходяще. Смотрите на меня и остерегайтесь грѣха, иначе угрожаетъ вѣчный огонь!

Сказалъ эмиру Талапъ содержаніе одной надписи: гдѣ Адамъ, созданный Богомъ? или царь Соломонъ, царь Александръ? Остается у человѣка только то, что онъ роздалъ нищимъ, ибо богатство преходяще, а слава обманчива. Случилось, говорила надпись, что въ теченіе 8 лѣтъ не было дождя въ нашей странѣ, не оставалось ни коровъ, ни воды, ни корма. Отправили на лодкахъ парчу и золото, чтобы купить хлѣба, но нигдѣ его не находили. Начинали тогда сильныя поѣдать слабыхъ, господа своихъ рабовъ, и мы предались волѣ Божіей. Будьте милостивы и проводите время въ молитвѣ и пощеніи. Другая надпись гласила, что городъ возникъ по наблюденію звѣздъ, и умоляю васъ не лишать насъ этихъ богатствъ, оставьте ихъ съ нами. Эмиръ Муса сталъ плакать надъ царицей, но уйти съ пустыми руками невозможно. Приказалъ войнамъ принести посуды и наполнить ихъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Талапъ говорилъ, что можно пренебречь словами царицы, ибо Богъ далъ богатство живымъ а не мертвымъ, для которыхъ нуженъ только одинъ саванъ. Талапъ покусился даже снять съ царицы корону, но черный человѣкъ, «который домъ держалъ», семь разъ ударилъ по стѣнѣ и повалилъ Талапа. Эмиръ Муса былъ пораженъ этимъ происшествіемъ и въ страхѣ выбѣжалъ изъ дворца. Взяли, однако, другія сокровища сколько могли, заперли ворота города и направились къ морю.

Шли сорокъ дней и увидѣли одну высокую гору, на которой замѣтили черныхъ людей. Эмиръ Муса взоспелъ туда а черные скрылись въ пещерахъ. Черезъ нѣсколько времени вышли оттуда и стали осматривать напавшее войско. Старецъ вступилъ съ ними въ бесѣду.

---

¹⁾ Ср. *Сборникъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа*, вып. X, стр. 37—44.

«Черные» исчезли и вскорѣ вернулись съ своимъ чернымъ царемъ. Стали его угощать и ласкать. Старецъ спросилъ ихъ, тѣлесныя или безтѣлесныя они существа. Царь отвѣтилъ, что они тѣлесныя созданія и вѣруютъ во единого Творца неба и земли по внушенію свѣтшагося человѣка, пришедшаго къ нимъ изъ моря. Эмиръ Муса воздалъ благодареніе вездѣ славящемуся Богу. Спросилъ эмиръ чернаго царя о мѣдныхъ кувшинахъ, брошенныхъ въ море. Царь приказалъ охотникамъ принести кувшины, и обрадовался эмиръ, уложилъ кувшины въ золотые сундуки, а черному царю подарилъ халатъ. Отъ золота и серебра черные отказались: намъ они не нужны, мы звѣроловы, не торгуемъ, охотимся, мясо съѣдаемъ, шкурой укрываемся и прославляемъ Бога. Отправился черный царь на охоту по морю, собралъ огненосныхъ коней и звѣрей, издающихъ человѣческіе звуки и отдалъ ихъ эмиру Мусѣ. Въ каждую пятницу изъ моря доносился громкій голосъ, прославляющій Создателя вселенной. Все въ мірѣ умираетъ, одинъ Онъ безсмертенъ. Спросилъ эмиръ чернаго царя, кто такъ славить Господа. Царь отвѣчалъ, что они слышатъ голоса, но не видятъ издающаго его. Эмиръ удивился и воздалъ хвалу Богу, прославляемому всѣми. Царь далъ двухъ проводниковъ Мусѣ, которые короткимъ путемъ привели его въ городъ. Муса послалъ своему царю два кувшина: изъ нихъ вышелъ черный дымъ, пришелъ странный видъ человѣка и взывалъ: «Соломонъ, Соломонъ, сынъ пророка Давида то, что дерзнули совершить, не сдѣлаемъ вновь, мы въ твоей власти!» Дьяволы полагали, что Соломонъ еще живъ. Царь былъ пораженъ этимъ явленіемъ. Старцу-проводнику царь далъ семь верблюдовъ золота и серебра, хорошаго коня и халатъ. Царь съ радости, по возвращеніи ихъ съ трехлѣтняго путешествія, роздалъ изъ привезенной добычи много милостыни, но горько оплакивалъ, узнавъ о смерти Талана, произшедшей изъ-за стремленія похитить корону царицы. Слѣдуя словамъ ея, онъ отказался отъ престола, освободилъ всѣхъ рабовъ, поставилъ на царство одного вельможу, самъ же удалился въ келью, гдѣ послѣ семилѣтней горячей молитвы отошелъ мирно въ вѣчность ¹⁾.

По грузинскому преданію объ Александрѣ Македонскомъ подробное описаніе мѣднаго города дано Соломономъ мудрымъ Александру въ бесѣдѣ съ нимъ. Оно находится въ связи съ приведеннымъ нами разговоромъ съ тѣмъ отличіемъ, что дѣйствующими лицами являются

¹⁾ Ср. „Сборн. мат. для опис. Кавказа“ в. XIX, вмеретинская сказка „О дочери царскаго эконома“ (предисл. VII).

Александръ и Соломонъ, которые вмѣстѣ посѣщаютъ мѣдный городъ, послѣ того, какъ мудрый царь разсказалъ завоевателю изъ Македоніи богатомъ городѣ, видѣнномъ имъ во снѣ. Городъ за грѣхи былъ наказанъ Богомъ и поразили жителей его смертью. Александръ рѣшилъ завладѣть этимъ городомъ и его сокровищами. Съ этою цѣлью онъ идетъ съ войскомъ на этотъ городъ. За этимъ отрывкомъ о мѣдномъ городѣ идетъ разсказъ о наказаніи Александромъ моря.

Ученіе и наставленіе Хикара Мудраго.

Повѣсть объ Акирѣ, какъ извѣстно, восточнаго происхожденія ¹⁾. Она сохранилась на многихъ изъ восточныхъ языковъ, но существованіе ея на грузинскомъ языкѣ до-нынѣ не было констатировано. Слѣды этой повѣсти въ грузинскихъ сказкахъ и нѣкоторыя другія соображенія заставляли предполагать ея существованіе въ болѣе или менѣе полномъ грузинскомъ изводѣ. Понски недавно увѣнчались успѣхомъ. Я нашелъ повѣсть о мудромъ Хикарѣ въ одномъ рукописномъ сборникѣ начала текущаго столѣтія ²⁾. При сравненіи ея съ армянскими и арабскими версіями, оказывается ея большее сходство съ лондонскимъ изданіемъ армянской версіи и близость къ версіи, помѣщенной въ сборникѣ Кавк. Учеб. Окр. [вып. XIX]. Впрочемъ, въ послѣднемъ иныя наставленія короче, чѣмъ въ армянской лондонской версіи и въ грузинской повѣсти. Въ иныхъ мѣстахъ замѣчается перестановка, соединеніе двухъ параграфовъ въ одинъ и обратно раздѣленіе одного на два.

Повѣсть помѣщена въ сборникѣ, заключающемъ въ себѣ слѣд. произведенія: Житіе Алексія, челоуѣка Божьяго, Прославленіе (въ стихахъ) Богородицы (29—35), повѣсть о Мѣдномъ городѣ (35—97), повѣсть о Хикарѣ (97—123), Благовѣщеніе Іоакима и Анны и рожденіе Богородицы (123—139), Благовѣщеніе и рожденіе Іоанна Крестителя (139—147). Рождество І. Христа и земная жизнь Спасителя (147—189), Судъ надъ І. Христомъ, распятіе и плачь Богородицы (189—229) и повѣсть «Кал-важіани» (229—252 стр.), представляющая сюжетъ изъ Бесѣды трехъ святителей.

¹⁾ См. *Веселовскій*. Тысяча и одна ночь. Т. II, М. 1890, предисл. XVI. *Григорьевъ*. Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ пов. объ Акирѣ премудромъ. [См. Юбилейный Сборникъ въ честь Вс. Ө. Миллера. М. 1900].

²⁾ Печатное мое воззваніе въ „Иверію“ къ грузинологамъ, не извѣстно ли имъ кака я-либо рукопись, повѣствующая о Хикарѣ, осталось безъ отвѣта.

Передъ этой повѣстью на стр. 229 имѣется дата 18¹/₃₄. Сборникъ писанъ разными почерками, изъ которыхъ самымъ некрасивымъ и неразборчивымъ является почеркъ повѣсти о мудромъ Хикарѣ.

Указанная дата не можетъ служить точнымъ указаніемъ о времени появленія повѣсти о Хикарѣ на грузинскомъ языкѣ. Есть основаніе думать, что найденная нынѣ мною повѣсть списана съ болѣе древняго списка. Основанія эти сводятся къ тому, что переписчикъ повѣсти очень часто невѣрно разбиралъ древній текстъ и вмѣсто одного слова читалъ другое. Такъ онъ читалъ слово (калаки—городъ) тамъ, гдѣ по смыслу и по сравненіямъ съ текстами на другихъ языкахъ стоитъ слово (кали—жена), ошибочно, очевидно, раскрывая титло, или же допуская неправильное чтеніе лигатуры въ родѣ буквы ц, которая можетъ быть принята за сочетаніе буквы s+a, отсюда въ рукописи бессмысленное слово «sasinathlod gachdebi» (свѣточемъ), вмѣсто «sasacinlad», т. е. «сдѣлаться посмѣшищемъ». Не только отдѣльныя буквы и слова воспроизведены въ рукописи неумѣло и небрежно, съ пропускомъ цѣлыхъ слоговъ и словъ ¹⁾, но цѣлыя фразы нерѣдко представляются неудобопонятными въ виду того, что переписчикъ плохо разбиралъ древній почеркъ и читалъ совсѣмъ не то, что ему давалъ текстъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ грузинскій текстъ имѣетъ параллель въ повѣсти на другихъ языкахъ, я возстановлялъ чтеніе, а при отсутствіи параллели въ соотвѣтствующихъ предложеніяхъ, я не разъ оставался въ недоумѣніи.

Несмотря, однако, на несовершенство нашего текста, открытіе его должно быть признано весьма важнымъ для исторіи распространенія повѣсти объ Хикарѣ тѣмъ болѣе, что есть основаніе надѣяться, что найдется болѣе древній и правильный списокъ повѣсти.

Точное ея заглавіе можетъ быть передано въ слѣд. словахъ: «Ученіе и наставленіе, сказанныя Хикаромъ Мудрымъ, которыми поучаются люди (=сыны человѣка) и воспринимаютъ въ сердце мудрость».

Начинается такъ: «Я былъ визирь царя [Сене]Курумъ ассирійскаго. Имѣлъ я 60 женъ и построилъ себѣ 60 дворцовъ. Я Хикаръ былъ 60 лѣтъ и не имѣлъ дѣтей». Послѣ этихъ словъ рѣчь отъ перваго лица часто замѣняется, совершенно неумѣстно, рѣчью отъ третьяго лица, иногда даже въ одномъ и томъ же слитномъ предложеніи. «Разъ вошелъ я въ капище, принесъ много даровъ, зажегъ огонь и

¹⁾ Напр. Бессмысленныя и неправильныя фразы и слова: *mani* вм. *mthani*, *ashi* вм. *zashi*, *in* вм. *ni*, *enas* вм. *shens*, *sachlshi* вм. *chalchshi*, *shemacri* вм. *shemovsari*, и пр.

бросилъ туда оймѣанъ, принесъ въ жертву жертвенныхъ животныхъ и молилъ словами:

О, Господи и небоги Бнелши ¹⁾ велите и даруйте мнѣ одного сына, ибо Хикарь отживъ умереть и что скажутъ люди—вотъ Хикарь мудрый и краснорѣчивый умеръ и не было у него сына, который его бы похоронилъ, ни дочери, которая бы его оплакала. Что мнѣ сказать? Не имѣю сына, который бы унаслѣдовалъ мое достояніе послѣ моей смерти, и если въ день онъ по 10 тумановъ ²⁾ (туманъ=10 р.), будетъ тратить, даже въ такомъ случаѣ не истощитъ моего достоянія. Но сына хочу имѣть для того, чтобы онъ своей рукой горсть земли бросилъ на меня ³⁾ и мнѣ не остаться безъ поминовѣнія.

Тогда послышался (голосъ) отъ небоговъ, который сказалъ: Хикарь, «нѣтъ велѣнья (свыше) имѣть тебѣ дѣтей. Если ты усыновишь своего племянника—сына сестры—воспитаи его, и онъ воздастъ за твое имя». Такъ послышался мнѣ голосъ отъ небоговъ. И взялъ я Натана, племянника моего, тогда онъ былъ одного года—одѣлъ я его въ порфиру и бархатъ и златотканнымъ поясомъ опоясалъ, — (словомъ) нарядилъ его такъ красиво, какъ царскаго сына, *кормилъ его молокомъ и медомъ, спалъ на моей груди на моихъ рукахъ* ⁴⁾, пока ему не исполнилось семи лѣтъ. Потомъ сталъ я его учить наукамъ и искусствамъ, вышпимъ познаніямъ и умѣнью давать прямые отвѣты на царскіе вопросы Ни днемъ, ни ночью я не переставалъ учить и насытилъ его знаніями, какъ молокомъ, хлѣбомъ и водою.

Но царь сказалъ мнѣ: мудрый визирь ⁵⁾, Хикарь, ты постарѣлъ (безсвяз. фраза), кто же послѣ твоей кончины замѣнитъ тебя краснорѣчіемъ и мудростью въ государственныхъ дѣлахъ? Я постоянно озабоченъ этимъ вопросомъ. Отвѣтилъ ему [Хикарь]: о сильный ⁶⁾ и слав-

¹⁾ Очевидно Балшимъ (и Шилимъ) армянской версіи, напечатанной въ Лондонѣ въ 1898 г.

²⁾ 10 талантовъ по Лондонской армянской версіи.

³⁾ Ср. Арабскую повѣсть о Хикарѣ: молю даруй сына, который наследуя мнѣ, былъ бы свидѣтелемъ моей кончины и, закрывъ глаза, похоронилъ бы меня.

⁴⁾ Нѣтъ подчеркнутыхъ словъ въ арабской; въ армянской Лондонской версіи „спалъ на орлахъ моихъ и голубяхъ“. Армянскую версію, изданную въ Лондонѣ, буду обозначать буквою Л, а въ Сборникѣ. Кавказ. Учебн. Овруга чрезъ СКУО,

⁵⁾ Л. писецъ. ⁶⁾ Л. Государь, здравствуй вѣчно. — Эти слова по арабской повѣсти царь сказалъ еще до свиданія съ Натаномъ.

ный царь ¹⁾: «У меня есть сынъ, превосходящій меня мудростью и познаніями». [И] велѣлъ ему царь: «приведи его, чтобы я видѣлъ его. И когда я (т. е. Хикарь) привелъ и представилъ царю, то послѣдній обрадовался и сказалъ: будь благословенъ этотъ день Хикарь; ты при жизни своей привелъ и представилъ мнѣ сына твоего, и самъ будешь покоенъ. Я поклонился низко царю своему и взялъ [Натана] съ собою и тамъ [дома] его наставлялъ, поучая.

Наставленія Хикара, данныя сыну своему Натану.

1. Сынъ, если узнаешь тайну при дворѣ царя, или у начальниковъ и вельможъ, то береги ее и хорони въ сердцѣ своемъ и не выдавай ее никому, пока другіе тебѣ не скажутъ [объ этомъ].

2. Сынъ, завязаннаго и запечатаннаго человѣкомъ не открывай и развязаннаго ²⁾ не связывай.

3. Сынъ, лучше съ ученымъ мужемъ сѣно ³⁾ таскать, чѣмъ съ неучемъ ѣсть и пить.

4. Сынъ, да не будетъ такъ, чтобы, когда тебя отправляютъ по дѣлу, ты пошелъ, не разузнавъ (своей миссіи), потомъ [какъ бы] не пришлось послать другихъ и тебѣ стать посмѣшищемъ.

5. Сынъ, остерегись, гдѣ либо ⁴⁾ выше старшаго тебя сѣсть, чтобы не пришлось тебѣ сказать: садись ниже, и [тѣмъ] осрамиться. Садись ниже, чтобы тебѣ сказали: поднимись выше.

6. Сынъ, если другъ твой будетъ боленъ, не говори въ сердце своемъ (про себя): да куплю грушу или яблоко и такъ пойду навѣстить его! Иди самъ и повидайся своими глазами, потому что лучше больного посѣтить съ пустыми руками, чѣмъ его сильно накормить.

7. Сынъ, не проливай человѣческой крови, чтобы и другіе не проливали твоей.

8. Сынъ, не прелюбодѣйствуй съ чужой женой, чтобы и другіе не прелюбодѣйствовали съ твоей.

9. Сынъ, лучше слугѣ протосердечно отвѣтить господину своему, чѣмъ поучать его и тѣмъ привести его въ гнѣвъ.

10. Сынъ, не позволяй твоему товарищу наступить тебѣ ногой на ногу, а то онъ исполнится дерзостью и наступитъ на грудь.

¹⁾ По *СКУО* наставленія далъ Хикарь до перваго представленія сына царю.

²⁾ Свободнаго.

³⁾ Л. и *СКУО*—камни.

⁴⁾ Л. и *СКУО*—если пойдешь въ приглашенное мѣсто.

11. Сынъ, не будь такъ сладокъ, чтобы тебя проглотили и горекъ, чтобы отъ тебя отплеывались ¹⁾).

12. Сынъ, лучше быть слѣпымъ глазами, чѣмъ умомъ, ибо не имѣющій глаза видитъ умомъ восходъ и закатъ солнца ²⁾, а жалкій умомъ ходитъ всегда *во мракъ* (? и въ арм. версіи это слово неясно).

13. Сынъ, лучше дѣвочкѣ родиться и умереть, чѣмъ жить и опозорить свой родъ.

14. Сынъ, лучше въ твоёмъ домѣ (имѣть) одну долю, чѣмъ одну четверть въ чужомъ домѣ.

15. Сынъ, лучше одного козленка зарѣзать ³⁾ въ своёмъ домѣ, чѣмъ въ чужомъ домѣ быка.

16. Сынъ, не входи въ царскія палаты и не говори съ женою судьи.

17. Сынъ, глазъ челоуѣка жадень: не насытится сокровищами, пока не наполнится землею ⁴⁾).

18. Сынъ, въ сватовство не вмѣшивайся: если бракъ неудаченъ окажется, то стануть тебя проклинять, а если хорошъ, то о тебѣ не вспомнать.

19. Сынъ, когда идешь въ судъ, то много (тамъ) не говори и неправды не допускай, чтобы *не быть уличеннымъ* ⁵⁾ и не попасть въ тюрьму.

20. Сынъ, сначала подумай о своихъ словахъ (отвѣтъ) въ своёмъ сердцѣ, *если ты не правъ* и покайся, чтобы судья не заключилъ тебя въ тюрьму и не конфисковалъ твое достояніе.

21. Сынъ, если (кого-ч.) ведутъ на висѣлицу, не спѣши къ нему, чтобы онъ не взвелъ на тебя вину и не сказалъ: и этотъ мой соучастникъ (товарищъ).

22. Сынъ, когда идешь на свадьбу или на поминки по покойникѣ, сначала дома покушай и потомъ иди на свадьбу [и на поминки]. Отъ большой радости или горя (позабудуть о тебѣ) и ты останешься голодень ⁶⁾).

¹⁾ Совпадаетъ СКУО, а Л. „не будь ласковъ къ тѣмъ, которые готовы тебя проглотить, ниже суровъ къ плюющимъ на тебя“.

²⁾ Л. разъѣздъ; СКУО даетъ только: Лучше быть слѣпымъ глазами, чѣмъ умомъ.

³⁾ Л. и СКУО имѣтъ.

⁴⁾ Л. до входа въ землю.

⁵⁾ Л. подчеркнутыхъ словъ нѣтъ.

⁶⁾ Въ скобкахъ въ текстѣ вставлены мною слова для ясности.

23. Сынъ, лучше окольнымъ путемъ чрезъ мостъ перейти, чѣмъ войти въ ближайшую воду.

24. Сынъ, новыхъ законовъ несправедливо не создавай, когда ты сдѣлаешься начальникомъ.

25. Сынъ, не увлекайся красивой разодѣтой женщиной приукрашивающей свое лицо: если ты истратишь на нее все свое состояніе, ничего не получишь больше, чѣмъ отъ своей жены, кромѣ грѣха и позора.

26. Сынъ, если увидишь юношу парящаго въ небесахъ, не вѣрь его слову, ибо слово старца прочно ¹⁾ (смыслъ).

27. Сынъ, если сынъ твой окажется мудръ, то все же прежде чѣмъ вручить ему состояніе, испытай его.

28. Сынъ, съ брачнаго пира вставай и уходи домой раньше твоихъ товарищей и не возвращайся, чтобы быть почтеннымъ. Если же вернешься, то вмѣсто чести примешь безчестье.

29. Сынъ, кто сильнѣе тебя, тому не возражай.

30. Сынъ, если порогъ твоего дома болѣе даже девяти [аршинъ], при входѣ склони голову свою.

31. Сынъ, не покупай большой мѣрой и не продавай меньшей мѣрой, радуясь въ душѣ, что получилъ выгоду, такъ какъ разгнѣвается Господь, отнять у тебя все, что есть и отдать другому.

32. Сынъ, не клянись ложно и не говори неправды, такъ какъ ложная ²⁾ клятва и ложная рѣчь сокращаютъ жизнь человѣка.

33. Сынъ, не отступай отъ воли Господа и дасться тебѣ, чего не попросишь.

34. Сынъ, то, что представляется тебѣ зломъ, не дѣлай своему товарищу *«твори всѣмъ добро и тогда самъ приобрѣтешь добро»* ³⁾.

35. Сынъ, не объявляй въ народѣ о своихъ долгахъ и недостаткахъ, потому что отъ этого пользы тебѣ не будетъ, а приобрѣтешь безчестье.

36. Сынъ, возлюби жену твою, потому что она плоть твоя и трудомъ воспитываетъ твоихъ дѣтей.

37. Сынъ, возлюби брата твоего, какъ самого себя, чтобы ты радовался имъ, пока у тебя дѣти подростутъ.

38. Сынъ, приучай сына твоего къ голоду и жаднѣ, чтобы онъ привыкъ къ терпѣнію во время голода.

¹⁾ Л. юноши нѣтъ.

²⁾ СПКО „причиналъ тебѣ большія страданія на томъ свѣтѣ“ (330).

³⁾ Л. курсивъ—особый параграфъ.

39. Сынъ, если дѣла челоуѣка не добры и онъ самъ не имѣеть добраго имени и опозорень въ мирѣ, то лучше ему умереть, нежели жить.

40. Сынъ, если въ чужомъ домѣ придется тебѣ быть и тебѣ подадутъ змѣю или скорпіона, то не осмѣивай и не порицай [за это].

41. Сынъ, не говори дурного твоему товарищу, ¹⁾, но смѣйся ему въ глаза, чтобы быть веселымъ среди товарищей.

42. Сынъ, доставляй женѣ всякое удовольствіе, но не открывай своего сердца ²⁾, потому что женщина отъ природы слаба и не въ силахъ хранить тайны: она выдастъ ее сосѣдямъ и ты вступишь въ горе и испытаніе.

43. Сынъ, если вещь тебѣ не принадлежитъ, то не передавай ея другимъ.

44. Сынъ, подумай сперва въ своемъ сердцѣ о томъ, что нужно сказать, потомъ говори; если же взболтнешь, что придетъ на языкъ, то станешь посмѣшищемъ.

45. Сынъ, когда двое спорятъ и дерутся, ты не вмѣшивайся, чтобы тебѣ попусту не погибнуть.

46. Сынъ, не говори пустыхъ словъ и не смѣйся, п. ч. челоуѣкъ отъ гнѣва перейдетъ къ дракѣ, а за дракой слѣдуетъ смерть.

47. Сынъ, если бы челоуѣкъ строилъ себѣ дома крикомъ, то въ недѣлю строилъ бы 8... (неразборчивъ текстъ стр. 109).

48. Сынъ, какъ бы ты ни былъ алченъ, не забывай жертвы предъ Богомъ ³⁾.

49. Сынъ, не давай товаръ бесплатно и безъ свидѣтелей, ибо это влечетъ излишніе разговоры и разлуку съ друзьями.

50. Сынъ, почитай отца и мать, чтобы отъ дѣтей твоихъ получить тебѣ тоже.

51. Сынъ, хотя бы ѣлъ и пилъ при дворѣ вельможъ, то не зналъ бы покоя, пока не выплатилъ (? стр. 110).

52. Сынъ, если богатый съѣстъ змѣю, скажутъ, что онъ *принялъ ее въ видъ мкарства* [курсивъ въ сирійскомъ — «мудрецъ»], а если бѣдный съѣстъ, то скажутъ, что ѣлъ съ голоду.

¹⁾ Армян.—родственнику (239).

²⁾ Л. Сокровенныхъ тайнъ.

³⁾ Л. Подумай всегда о нищемъ и бездомномъ, чтобы въ роковой день Богъ спасъ тебя.

53. Сынъ, лучше тебѣ все свое достояніе отдать ворамъ, чѣмъ самому украсть самую незначительную вещь ¹⁾. (Ср. арм. 46).

54. Сынъ, не радуйся гибели твоего врага, ибо тебѣ самому угрожаетъ смерть. (Ср. 47).

55. Сынъ, когда увидишь старца, то встань и воздай ему почетъ, чтобы другіе поступали съ тобою также.

56. Сынъ, какъ рѣка не приостановится и не сдѣляется сладкой, какъ медь, а воронъ не побѣлѣетъ, какъ голубь, такъ безстыдница не оставитъ безстыдства, а *безумный станетъ мудрымъ*.

57. Сынъ, не учащай посѣщать домъ друзей, чтобы не усилить ихъ негодованія ²⁾.

58. Сынъ, держись заповѣдей Божьихъ, ибо завѣтъ Господа ограда крѣпкая для человѣка.

59. Сынъ, приучи языкъ свой говорить доброе среди твоихъ друзей (арм. «всѣхъ»).

60. Сынъ, если добрый совѣтъ найдутъ у тебя, то назовешься мудрымъ, ибо злое всегда раздается отъ (злого) человѣка.

61. Сынъ, если хочешь сдѣлать доброе ³⁾ дѣло, то преждевременно не хвались, такъ какъ быть можетъ не исполнишь и тогда сдѣлаешься посмѣшищемъ.

62. Сынъ, не пожелай пролить человѣческой крови и не возлюби драки, но ищи миролюбія, потому что мягкое слово покоряетъ ожесточенное сердце человѣка ⁴⁾.

63. Сынъ, когда выпьешь вина, не будь болтливъ, ибо отъ многословія происходитъ ссора, а за ней драка, смерть и убійства ⁵⁾. (Ср. у меня рукоп. стр. 3).

64. Сынъ, миръ—мать утвержденія спокойствія и кротости ⁶⁾.

65. Сынъ, пока ты обушь, растапывай тропинку среди колючекъ своему товарищу, слѣдующему за тобой ⁷⁾.

¹⁾ Л. Не гради достоянія людей, дабы не быть казненнымъ смертью въ этой жизни и не горѣть въ неугасимомъ огнѣ тамъ.

²⁾ Л. и СКУО всѣхъ.

³⁾ Пока не кончишь дѣла въ Л и СКУО.

⁴⁾ Л. также, СКУО „Не пренебрегай домою родственниковъ твоихъ, чтобы они не презирали тебя.

⁵⁾ СКУО Послѣ выпивки лучше засни, п. ч. вино вызываетъ болтливость, которая можетъ повести къ дракѣ.

⁶⁾ Л. и СКУО миръ—мать всѣхъ добродѣтелей.

⁷⁾ Л. съ тобой.

66. Сынъ, стремись приобрести что-либо доброе, потому что для человѣка лучше доброе имя, чѣмъ прославленная красота, которая пропадаетъ отъ болѣзни и смерти, а доброе имя на вѣки остается ¹⁾).

67. Сынъ, если встрѣтишься съ безстыдной женщиной, или покорись ей, или уходи отъ нея.

68. Сынъ, бойся языка своего больше, чѣмъ враговъ, п. ч. никто не можетъ нанести тебѣ столько ранъ и насмѣшки [какъ языкъ твой].

69. Сынъ, лучше враждовать съ умнымъ, чѣмъ дружить съ глупымъ.

70. Сынъ, пьяницу и глупаго не посылай по дѣлу, п. ч. онъ навлечетъ на тебя много зла.

71. Сынъ, наставлять невѣжу все равно, что сыпать золу въ рѣку ²⁾).

72. Сынъ, злого, сумасшедшаго, болтуна и гордеца въ домъ не пускай, п. ч. отъ ихъ дѣяній ты осрамишься.

73. Сынъ, будь даже владытелемъ всего міра, не забывай о смерти ³⁾).

74. Сынъ, ради веселья пей вино, но не напивайся больше вина.

75. Сынъ, ⁴⁾ вино иногда веселить, а иногда позорить и *дѣлаетъ постыжницею* ⁵⁾).

76. Сынъ, лучше воевать съ воиномъ, чѣмъ съ безнравственной женщиной. (Ср. арм. § 67).

77. Сынъ, злой и гордый человѣкъ, видя драку своего товарища, обрадуется и *думаетъ, что ему прибавилась* (отъ этого) слава ⁶⁾).

78. Сынъ, если Господь воззритъ на тебя милостиво, то еще болѣе бойся Его, чтобы потомъ получить прощенье въ прегрѣшеніи.

79. Сынъ, когда (люди) увидятъ тебя возвеличеннымъ Богомъ и царемъ, тебя всякій полюбитъ навсегда.

80. Сынъ, если оставишь Бога, то царь, богатые и всѣ любящіе тебя, возненавидятъ тебя.

¹⁾ Въ груз. текстѣ этотъ параграфъ разбитъ неумѣло на двѣ половины, Въ армян. переводѣ онъ соединенъ (§ 58).

²⁾ СВУО муку, Л. пыль.

³⁾ Л. и насколько достигнешъ величія, настолько же держи себя скромнымъ.

⁴⁾ Въ арм. версіи соединенъ этотъ параграфъ съ предыдущимъ.

⁵⁾ Этнхъ словъ нѣтъ Л.

⁶⁾ Въ СВУО нѣтъ курсивныхъ словъ; §§ 78, 79, 80 соединены въ Л. версіи.

81. Сынъ, не думай, что бѣдный ничего (дурного) не сможетъ тебѣ сдѣлать: (дурное) исходить отъ нихъ, а не отъ честныхъ.

82. Сынъ, если чужая жена полюбитъ тебя и скажетъ тебѣ: ты лучше моего мужа, (не вѣрь ей) какъ собакѣ,.. скрещивающейся со всякой собакой.

83. Сынъ, новаго товарища испытай раза два, чтобы не потерпѣть отъ него злое.

84. Сынъ, безнравственная женщина похожа на могилу мертвеца, наполненной всяческими гадами ¹⁾).

85. Сынъ, не будь невоздержанъ въ бесѣдѣ среди товарищей, полагая, что ты дорогъ имъ, п. ч. они же станутъ тебя порицать, и сдѣлаешься ихъ посмѣшищемъ. (Ср. арм. § 71).

86. Сынъ, [человѣкъ], сіяющій ярче солнца умомъ, но съ жаднымъ сердцемъ, если владѣетъ имуществомъ громаднымъ, то все же онъ пустой и жалкій мертвецъ и злой мыслью бесполезенъ, какъ онъ ни будь богатъ, однако является живымъ мертвецомъ. (Ср. 72).

87. Сынъ, будь щедрымъ протягивающему тебѣ руку, ибо Богу непріятно, если человѣкъ причиняетъ кому-либо безчестіе. (Далѣе наборъ словъ неясныхъ).

88. Сынъ, не садись на чужую лошадь и не ѣшь, какъ ни голоденъ, чужого хлѣба (безъ приглашенія).

89. Сынъ, открой сердце свое своему другу и чрезъ два и три дня испытай его, хранить ли онъ твою тайну или выдалъ ее (другимъ). (Арм. § 73).

90. Сынъ, тотъ твой другъ, кто не выдастъ тебя послѣ ссоры... (Арм. 73).

91. Сынъ, жадность мать всякаго зла, а милосердіе—отецъ всякаго добра.

92. Сынъ, будь остороженъ, твори миръ и правду, ибо любящіе зло не знаютъ, что дѣлаютъ...

93. Сынъ, не говори злыхъ словъ (=не злословъ) никому и не слушайся (самъ) ихъ, п. ч. злословіе наноситъ сильную рану душѣ человѣка, являясь большимъ позоромъ.

94. Сынъ, если хочешь кому-либо сдѣлать подарокъ, то впередъ не хвались и не общивай, п. ч. не исполнивъ (намѣренія), возбудишь вражду къ себѣ въ пріятелѣ ²⁾).

¹⁾ Л. и похожа на „ископаемую могилу, полную зловонія“. Ср. § 84 груз. версіи.

²⁾ „Чтобъ не смѣялись надъ тобой“. арм. 76.

95. Сынъ, гордый человекъ чуждъ членамъ своего дома и родственникамъ; если онъ и захочетъ быть съ ними любезенъ, то ему отвѣтять только невниманіемъ ¹⁾. (Ср. СКУО § 77).

96. Сынъ, ²⁾ лучше человекъ пасти лошадь и осла, нежели быть слугою лживымъ.

97. Сынъ, не входи въ долги ради твоего пріятеля, п. ч. испытасяешь много неприятностей, пока расплатишься съ его долгами.

98. Сынъ, человекъ—(существо) зломыслящее и завистливое ³⁾.

99. Сынъ, горы изъ холмовъ, такъ и предлюбодѣи послѣдствія зла ⁴⁾. (Пропускъ изъ арм. § 281).

100. Сынъ, не связывайся съ чужой женой, такъ какъ она подобна соленой водѣ, отвѣдавъ ея возбуждается у тебя еще большая жажда, и ты унаслѣдуешь дурное имя.

101. Сынъ, мудрецъ подобенъ свѣту огня, сіянію солнца и соколу быстрому: онъ принятъ съ почетомъ и у царя и вельможъ. (Совпадаетъ съ Л).

102. Сынъ, человекъ, который не любитъ собрата, говоря въ своемъ сердцѣ, что онъ здоровъ и богатъ, лишается Богомъ жизни и добра. (Ср. § 83 арм. въ СКУО).

103. Сынъ, неразумный человекъ, напившись, спѣшитъ думать, что нѣтъ никого важнѣе его, но встрѣтится съ болѣе сильнымъ, который убьетъ его. Ср. СКУО § 83.

104. Сынъ, какъ земля мать всѣмъ растеніямъ, такъ пьянство мать всякому злу.

105. Сынъ, если ты правитель страны, то берегись пьянства (= арм. мести), п. ч. ты (долженъ быть) исполненъ думъ небесныхъ и земныхъ.

106. Сынъ, устремившійся на меня разъяренный звѣрь не испугалъ меня, столкнулся съ врагомъ и не одолѣлъ меня, а встрѣтишься съ злоязычной женщиной и будешь побѣжденъ ⁵⁾.

107. Сынъ, не будь поспѣшенъ, какъ миндаля, которая сначала расцвѣтаетъ, а потомъ даетъ плодъ, но будь какъ тутовое дерево,

¹⁾ Л... но покорный всегда близокъ не только роднымъ и друзьямъ своимъ, но также дальнимъ и незнакомымъ.

²⁾ СКУО. Лучше получить въ подарокъ лживую лошадь, чѣмъ раба.

³⁾ СКУО. Не будь злымъ и завистливымъ: злой и завистливый вредать не только врагамъ своимъ, но и друзьямъ.

⁴⁾ Л. Горы замерзшіе амбары, лукавое жилище злыхъ.

⁵⁾ Человекъ ничѣмъ непобѣжденный нерѣдко оказывается бессильнымъ предъ развратницей. СКУО § 86.

чтобы сначала плод съѣсть, а потомъ распуститься. (Ср. Венец. жур. «Vaz'maver» 1898, окт. 488—92 статья Хикарь и кн. о Тобита).

108. Сынъ, нечестивый будетъ таковымъ своими злыми дѣяніями, а безгрѣшный—своими добрыми дѣлами ¹⁾.

Сынъ мой Натанъ всему этому научилъ тебя, прими въ сердце свое и исполняй все (сказанное) и будешь мудрымъ среди своихъ сверстниковъ, а предъ царями почтень. Таково было мое наставленіе, которое я далъ сыну моему Натану, и я, Хикарь, думалъ, что мое наставленіе онъ сокроетъ въ своемъ сердцѣ, но онъ, какъ если бъ кто золу бросилъ въ быструю рѣку, растерялъ мое наставленіе. Я прежде всего далъ ему свое имя, своихъ слугъ и состояніе, сдѣлалъ его визиремъ царя Зенаѣрива ²⁾ а онъ поспѣшно забылъ мое наставленіе и началъ злоумышлять противъ меня... Аминь». Такимъ образомъ, по-грузински сохранилась лишь первая половина повѣсти.

Къ переводамъ (съ армянскаго?) относится Шупаникиани повѣсть о Шупаникѣ, изд. въ Тифлисѣ (1879).

¹⁾ Л. Сынъ! Нечестивецъ падаетъ за свои злыя дѣла и не можетъ больше возстать, но если падаетъ праведный, онъ снова возстаетъ вслѣдствіе добрыхъ (качествъ) своихъ.

²⁾ Въ арм. версіи имя это дается въ транскрипціи разнo: Сенекиримъ, Синнакаримъ, Синакаримъ; слав. Синограѣ и Синагрипъ. Арм. форма „Асуристанъ“ вм. груз. „Асурети“.

См. The story of Ahikar, from the Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopie, greek and slavonik versions by F. C. Conybeare. J. Rendel Harris and Agnes Smith Lewis. London, 1898. 8°, p. p. LXXXVIII + 16 + 274. (Фредерикъ Конибиръ англійскій арменистъ, проф. Оксфордскаго университета).

Венеціанскій журналъ „Vaz'maver“ 1898 окт. 488—492, 1899, апрѣль, 160—1. Хикарь или Ахикарь и книга Тобит'а. Hoffman проф. Бильскаго унив. первый указалъ на это отношеніе. См. Auszug aus Syrisch. Acten Persisch, Märtyrer. 1880, въ сборн. Abhandlungen f. d. Kunde d. Morgenl. VII, 3 Heft, 182—183.

О переводахъ см. E. Kuhn (Zum weise Akyrios) въ Byzant. Zeitsch. I, 127 et sq. О древнесирійск. и др. ср. изслѣд. G. Bikkell. Atheneum, 1890, p. 700. M. Lidzbarski Zum weisen Achikar. ZDMG. 1894, 353—7. В. Meissner. „Изслѣдованіе источниковъ исторіи Хикара“ въ ZDMG, 1894, II, 171—187 Архим. Іаковъ Ташьянъ сообщаетъ въ своемъ каталогѣ рукописей о татар. переводѣ. Ср. славян. у Буслаева въ Хрест., Ягича Byzant. Z, I, 107 1892 г. и Бостомарова (въ Памяти. старин. рус. литер.). Пыпинъ. Лнт. ист. стар. пов. Свѣдѣнія о Хикарѣ собраны въ „Handes Amsoria“ 1899. Сходство между Эзопомъ и Хикаромъ см. Брумбахеръ. Gesch. d. Byzant. Lit. Munchen. 1897, стр. 897—8.

О царь Аздабахтъ [Содержаніе].

Въ странѣ Аджами (?) жилъ царь Аздабахтъ и былъ у него визирь Моабаръ. Дочь послѣдняго отличалась необычайной красотой. Отправившись по дѣламъ службы въ дальнія провинціи и соскучившись, послалъ онъ за дочерью одного надежнаго человѣка. По дорогѣ она встрѣтила царя на охотѣ. Свита царская была поражена ея солнечной красотой. Царь взялъ ее къ себѣ и тѣмъ нанесъ оскорбленіе визирю. Послѣдній собралъ войско и изгналъ царя, который съ женой ищетъ помощи у Кирманскаго царя. Царь возвратилъ себѣ тронъ, но сынъ, родившійся по дорогѣ въ Кирманъ, былъ потерянъ. Ребенокъ попалъ разбойникамъ, которые взяли его воспитывать. Его (Худада) усыновилъ Паровъ-Хосро. Но вскорѣ онъ съ ребенкомъ попалъ въ плѣнъ разбойникамъ, которые доставили ребенка Аздабахту. Царь его не узналъ, но вспоминалъ слезно о пропавшемъ сынѣ. Разбойнику царь далъ имя Бахтиарха и должность «млхороба» [конетабля] и оставилъ его съ ребенкомъ. Но будучи обвиненъ въ желаніи пробраться въ гаремъ, былъ приговоренъ къ казни. Однако казнь откладывается вмѣшательствомъ визирей и поучительными сказками, которыя рассказываетъ обвиняемый. (Сказки лл. 65—до конца). Эта повѣсть представляетъ извлеченіе изъ «1001 ночи» арабскихъ сказокъ. Она извѣстна подъ именемъ «Исторіи о десяти визиряхъ»¹⁾. Начало ея: май erzählt, o Königi der zeit, dass inalten Tageu ein König Nameus *Asad Bacht* lebte, dessen Resident Kunein Madûd heiss. Въ груз. переводѣ царь названъ Аздабахтомъ, визирю его дано имя Моабара и страна Аджами. «Исторія семи мудрецовъ» въ переводѣ съ армянскаго на грузинскій появилась въ Тифлисѣ въ 1881 г.²⁾ Дѣйствующія лица въ ней «римскій царь по имени Моголось», умный визирь и Фонціоносъ. Сынъ носилъ имя Діокетіана. Замѣтимъ, что Діокетіанъ онъ же Діоклетіанъ; въ армянскомъ языкѣ имена съ звуковъ *л* переходятъ въ *г*: напр. Соломонъ — Согомонъ, Елена — Егине и др.

¹⁾ См. „Die Geschichte der zehn Wezire“ von Max Henning, XVII Nachtrag, I Theil. Leipzig. На груз. яз. иѣтается въ собраніи царевича Юанна (въ Спб. публичной библиотекѣ). Ср. начало нѣмецкаго перевода съ грузинскимъ.

²⁾ Ср. *Murko*. Die Geschichte von den sieben Weisen. Sitzungberichte der Kais. Akad. der Wissenschafte CXXII. Вѣна. Исторія семи мудрецовъ, изд. Обществомъ Любителей древней письменности. Спб. 1878, два выпуска, съ предисловіемъ Ѳ. Булгакова. *Пытинъ*. В. Евр. 1894, май, 311—3.

Къ переводнымъ произведеніямъ XVIII в. героическаго содержанія испытаннымъ воздѣйствіе 1001 ночи, относятся еще фантастическія повѣсти: Миріани, Камардіани, Саридоніани, Караманіани, Сейланіани и др.

Миріани [Содержаніе] ¹⁾.

О восточномъ царѣ—Хосровѣ шахѣ и сынѣ его—Мирѣ.

Восточному царю, шаху Хосрову, при его могуществѣ, богатствѣ и славѣ, не достааетъ для полноты счастья только сына. Въ горести царь призываетъ къ себѣ своихъ маговъ и астрологовъ и объявляетъ имъ свое горе. Тѣ совѣтуютъ шаху жениться на дочери Перійскаго царя,—а между тѣмъ ее еще никто не доставалъ, за исключеніемъ ц. Соломона, которому данъ былъ на то магическій перстень (печать). Перстень этотъ, съ тѣхъ поръ, невѣдомо куда исчезъ, а мѣстонахожденіе его знаетъ одинъ только мудрецъ-отшельникъ.

Царь вмѣстѣ съ своимъ визиремъ, отправляется къ указанному отшельнику.

На предложеніе царя—помочь ему въ отыскиваніи царевны—пери, мудрецъ соглашается идти съ ними къ чародѣю Наргизу, въ башнѣ у котораго находится молитвенная книга—необходимый посредникъ для завладѣнія царевной. Однако, такъ какъ башня эта неприступная, то и взять ее можно не иначе, какъ заклинаніями, въ таинства которыхъ посвященъ мудрецъ.

Отправляются царь, визирь и философъ (мудрецъ) за «молитвенной книгой» къ чародѣю Наргизу.

Неприступное жилище (башня) Наргиза возвышалось на высокой горѣ. Проникнуть туда удалось по молитвѣ мудреца. Ворота открылись. По открытому пути къ башнѣ они освободили горлицу, которая оказалась плѣнницей Наргиза. Проникнуть въ самую башню имъ не удалось, такъ какъ, лишь только сторожевые духи донесли Наргизу о пришельцахъ, тотъ тотчасъ же принялъ противъ нихъ свои волшебныя мѣры; такъ, насылая на нихъ огонь, обрушиваясь лично подъ обликомъ леопарда, и пр., льва волшебникъ Наргизъ, всячески сплился сломить ихъ сопротивленіе, опорой котораго служилъ недоступный для него кругъ, гдѣ находились путники. Видя безуспѣшность своихъ

¹⁾ Броссе издалъ „Миріана“ въ переводѣ на французскій языкъ (1836 г.) „Le Miriani ou histoire du roi Miri, conte géorgien“. Этотъ рассказъ внушенъ „Синдбадомъ“ изъ 1001 ночи. Въ такихъ словахъ характеризуется эта повѣсть въ каталогѣ бібліотеки профессора-ориенталиста Шефера. Conte inspiré par Sindbad le Marin des Mille et une nuits. На груз. яз. изд. въ Тифлисѣ, 1876 г.

попытокъ насилія, Наргизъ рѣшился на хитрость. Подъ видомъ слѣпого старца, сталъ онъ просить помощи у нихъ. Благодаря, однако, неоднократнымъ увѣщаніямъ философа—не переступить границъ закодированнаго круга, путники держались черты его, несмотря на сильное желаніе помочь мнимому старцу; но чапа ихъ сострадательнаго терпѣнія переполнилась, когда на ихъ глазахъ старецъ началъ тонуть; не выдержавъ, царь бросился помогать ему... и сталъ тонуть, влекомый въ воду могучей рукой чародѣя. Той же участи подверглись визирь и философъ, поспѣшившіе на выручку другъ друга.

Такимъ образомъ, они очутились во власти Наргиза, который удовольствовался тѣмъ, что обратилъ cadaго изъ нихъ въ одного изъ животныхъ.

Но они, потерявъ человѣческой обликъ, сохранили при этомъ разумъ. Когда они спали однажды въ дуплѣ дерева, громадная птица взяла ихъ къ себѣ вмѣстѣ съ дупломъ. На другое утро они проснулись уже на берегу ручья Іосифа. Передравшіеся на ихъ глазахъ птицы спустились въ ручей и вышли оттуда съ затянувшимися ранами, вполнѣ обновленными. Тогда, по совѣту мудреца, они окунулись въ этотъ ручей и вышли изъ него, принявъ прежній обликъ. Затѣмъ они продолжали перебиваться въ этомъ лѣсу, пока неожиданная помощь не выручила ихъ.

Та горлица, которую они освободили изъ башни Наргиза, оказалась той самой Розампорой, перійской царевной, которую они искали 14 лѣтъ. Велика же была радость ея родителей, когда они увидѣли вновь свою любимую дочь. Послѣ того, какъ она рассказала своему отцу, царю Паруспалу обстоятельства своего плѣненія и освобожденія, царь, изъ благодарности къ людямъ, которые возвратили ему его дочь, послалъ розыскать и привести ихъ къ себѣ.

Посланные царя вернулись—было безъ успѣха: они обошли весь міръ и видѣли только троихъ, спящихъ людей въ лѣсу. Тогда Паруспалъ приказалъ своей дочери разузнать, «кто эти спящіе»? Царевна признала въ нихъ своихъ спасителей и осторожно такъ сонными доставила ихъ домой. Изъ признательности къ виновникамъ спасенія состоялась свадьба царя съ Розампорой и они отбыли къ себѣ, всюду встрѣчаемые благословеніями подданныхъ царя.

Спустя нѣкоторое время царица Розампора родила царевича сына—Мира. Мудрецы предсказали, что онъ рожденъ въ счастливой сорочкѣ; но въ 16-лѣтнемъ возрастѣ царевича произойдетъ кризисъ—онъ увидитъ портретъ, и если это пройдетъ благополучно, то въ остальной жизни онъ обезпеченъ отъ всякихъ приключеній.

Царь-отецъ давалъ сыну царственное образованіе и, соотвѣтственно предсказанію мудрецовъ, повелѣлъ не показывать Миру какихъ бы то ни было портретовъ. Но и царевичъ не ушелъ отъ судьбы. Однажды, когда Миръ охотился и погнался за джейраномъ (дикая коза), отдалившись отъ войска, онъ вышелъ на морской берегъ, гдѣ встрѣтилъ плачущаго человѣка. «Плачущій человѣкъ» былъ потерпѣвшимъ крушеніе иноземнымъ купцомъ: — весь скотъ его погибъ и самъ онъ едва спасся. Въ несчастіи его утѣшалъ портретъ одной красавицы-царевны, который онъ везъ влюбленному въ нее царю въ обмѣнъ на сокровища.

По просьбѣ Мира, купецъ Муштаръ показалъ царевичу образъ красавицы Номіавтавы, увидѣвъ его царевичъ упалъ въ обморокъ. Когда Миръ пришелъ въ себя, онъ попросилъ Муштара продать ему портретъ Номіавтавы и указать путь въ ея царство,—что тотъ и сдѣлалъ. Добыть царевну ему помогаетъ другъ дѣтства сынъ визиря—Никахтаръ. Несмотря на то, что Муштаръ, находившійся неотлучно при Мирѣ, утѣшалъ его, горестъ послѣдняго была столь велика, что обезпокоила и друга его дѣтства Никахтара.

На просьбы Никахтара разъяснить ему причину горести—Миръ отвѣтилъ, что онъ безумно влюбленъ въ Номіавтаву, желаетъ, во что бы то ни стало ее добыть. Миръ обратился къ отцу для разсѣянія тоски съ просьбой отправить его попутешествовать на морѣ,—на сушѣ ему уже надоѣла охота.

Корабль снаряженъ и экипажъ набранъ, Миръ пустился въ путь. На третій день наступила страшная буря, которая проявилась на 8-й день. Корабль былъ сбитъ съ дороги и черезъ мѣсяцъ пристали къ глухому острову. Здѣсь встрѣтили одного старика, который назвался Арамійемъ. Онъ коренной житель острова и въ дружбѣ съ повелителемъ страны дэвовъ Аміаномъ. Арамій посоветовалъ Миру, при свиданіи съ Аміаномъ, преподнести тому въ подарокъ сѣру.

Арамій повелъ въ собраніе дэвовъ Мира и его войско. Ночью дэвы вышли изъ своихъ скалистыхъ убѣжищъ во главѣ Аміана съ лампой. Дэвы разсѣлись по мѣстамъ, и начался пиръ.

Арамій воспользовался веселой минутой и представилъ Аміанъ-дэву Мира съ его войскомъ. Царь дэвовъ ласково отнесся къ Миру, а послѣ того какъ послѣдній преподнесъ ему кусокъ сѣры, ласка перешла въ прямое благоволеніе.

Аміанъ-дэвъ посадилъ его возлѣ себя и предложилъ ему принять участіе въ пирѣ, а чтобы его развеселить, повелѣлъ призвать музыкантовъ.

Миръ, придя къ себѣ послѣ пира, загрузилъ а потомъ заплакалъ по своей красавицѣ Номіавтавѣ.

Въ то же время дочь Аміанъ-дэви случайно замѣтила въ столь поздній часъ огонь въ домѣ Мира, пошла убѣдиться воочию въ томъ, что онъ подѣлывалъ.

Увидѣвъ Мира, она отъ избытка чувства и его напряженности упала въ обморокъ. Сопровождавшая ее няня еле привела ее въ чувство. Встревоженнымъ родителямъ сказали, что она замѣтила, было въ домѣ Арамій какого-то человѣка, хотѣла подкрасться къ нему и убить его, но что сама внезапно получила ударъ, но неизвѣстно отъ кого.

Тогда Аміанъ-дэвъ замѣтилъ своей дочери, что тотъ человѣкъ-послѣдователь пророка, а ихъ имъ не позволено Богомъ убивать.

Когда наступила ночь, Миръ предложилъ своимъ людямъ идти на собраніе дэвовъ, а самъ собрался спать.

Дочь Аміанъ-дэва замѣтила отсутствіе Мира; она отпустила свою няню и направилась въ домъ Арамій, чтобы повидаться съ предметомъ своей страсти. Принявъ страшный видъ, она явилась Миру и испугала его. Во время ихъ нѣжнаго объясненія явился Арамій, и они расстаются.

Однажды Миръ видѣлъ слѣдующій сонъ. Ему приснилось, что онъ въ саду, въ которомъ находился чей-то роскошный дворецъ. Одна женщина объяснила ему, что палаты эти принадлежатъ дочери западнаго царя Номіавтавѣ. Въ саду съ нимъ встрѣтилась сама Номіавтава и съ улыбкой спросила Мира: «что ты сдѣлалъ съ дочерью Аміана-дэва?» Тутъ Миръ поднялъ такой отчаянный крикъ, что всѣ спавшіе съ нимъ проснулись въ ужасѣ; они привели его въ чувство и затѣмъ услышали вѣщій сонъ его.

Когда приблизилось время посѣщенія дочерью Аміана-дэва Мира, послѣдній натеръ съ умыслами свой палецъ нефтью. При ея появленіи онъ сталъ на виду у нея прятать посуду (отъ нефти). Онъ объяснилъ ей, что помазалъ себя зельемъ любви; а сдѣлалъ онъ это для того, чтобъ влюбить въ себя этимъ дочь дэва; особенно дѣйствуетъ, если натереть себя имъ — еще поднести къ тѣлу зажженную сѣру. Дочь Аміана удалась въ отдѣльную комнату, разулась, натерла себя нефтью и поднесла къ тѣлу зажженную сѣру и погибла въ пламени. А между тѣмъ Миръ, такъ счастливо избавившійся отъ преслѣдованій дочери дэва, обратился съ просьбой отпустить его къ царю дэвовъ Аміану. Послѣдній не безъ сожалѣнія расстался съ нимъ, его спутниками и Араміей, который пожелалъ отправиться съ Миромъ.

Они пристали къ острову, который изобилывалъ дичью и плодами; поверхность его орошали прозрачные ручьи. Усѣвшись у одного изъ та-

кихъ ручьевъ, Арамій и его спутники вдоволь накушались и затѣмъ легли спать. Миръ же раскрылъ передъ собой (портретъ) изображеніе Номіавтавы и тихо плакалъ. Вдругъ предстали люди чудовишнаго вида, громаднаго роста и громко вzywали объ его (Мира) смерти. Миръ пустилъ стрѣлу въ нихъ; проснувшіеся товарищи сдѣлали тоже—и великаны-чудовища, а какъ потомъ оказалось—пираты, не устояли и бросились въ бѣгство.

Мѣсяць спустя наши путники ⁴⁾ набрали на другой островъ, который также очаровалъ ихъ своей чудной растительностью, своимъ обиліемъ плодовъ и дичи. Вниманіе Мира здѣсь было привлечено неизвѣстнымъ красавцемъ. Симпатія Мира къ незнакомцу усилилась, когда Андалибъ,—такъ назвался незнакомецъ,—повѣдалъ свое горе. Оказалось, что онъ сынъ Перійскаго царя, обрученъ съ красавицей Гулазарой, тоже царевной. Судьба уже готовила было ихъ сдѣлать счастливыми супругами, какъ вдругъ Гулазара исчезла. Нигдѣ ея нельзя было найти. Одно еще утѣшало Андалиба: это то, что въ «псалтири» отца его есть мѣсто, гдѣ ясно указано, что она не умерла. Это давало ему надежды и вмѣстѣ заставляло блуждать его. И Миръ, съ своей стороны, повѣдалъ Андалибу свое горе. Нѣкоторая общность ихъ жребія привязала ихъ еще болѣе другъ къ другу. На другой день они разстались съ искреннимъ желаніемъ когда-нибудь встрѣтиться.

Когда, по обыкновенію, послѣ обильной ѣды Миръ и войско заснули, на нихъ напали мѣстные чудовища—періи. Полу-люди, въ то же время и полу-змѣи, сѣли они на ихъ спины раньше, чѣмъ тѣ могли опомниться. Завладѣвъ Миромъ и его спутниками—періи заставляли ихъ возить и кормить себя.

По указанію Арамія, они набрали извѣстной травы, выжали изъ нея сокъ, помазали этимъ сокомъ пищу чудовищъ и умертвили ихъ тѣмъ. Передъ самымъ отъѣздомъ, Арамій почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ обратился къ Миру съ просьбой передать написанное имъ письмо Магрибскому царю. Въ этомъ письмѣ Арамій просилъ царя сочувственно отнестись къ Миру и рекомендовалъ послѣдняго, какъ зятя. Затѣмъ Арамій испустилъ духъ и былъ похороненъ тамъ же (на островѣ).

Миръ снова направляется на востокъ; на морѣ судно его терпитъ крушеніе, онъ спасается на доскѣ и встрѣчается съ рыболовами

⁴⁾ Замѣтимъ, что рукописи „Миріани“ немногочисленны. Броссе воспользовался одной изъ рукописей Миріани въ Парижѣ для выбора примѣровъ, вошедшихъ въ его *L'Art Libéral*.

въ странѣ Іемень. Во главѣ ея стоялъ царь Масуръ, у котораго былъ сынъ прекрасный Музамбаръ. Музамбаръ во время охоты вошелъ въ лѣсъ и засталъ тамъ плачущаго Мира. Послѣдній разсказалъ царевичу о своемъ приключеніи. Въ дорогѣ случилось несчастье, которое послужило затѣмъ источникомъ новыхъ страданій. Музамбаръ принялъ въ немъ участіе отвезъ въ городъ, но еще не выѣзжая изъ лѣса, на нихъ напалъ левъ. Музамбаръ, равно какъ и лошадь его были загрызены на смерть звѣремъ, но послѣдній падаетъ отъ сабли Мира.

Миръ заподозрѣвъ въ убійствѣ царевича, но объясняетъ царю знаками, что онъ неповиненъ. Онъ былъ заключенъ въ темницу. Прошло до 40 дней. Дѣло не выяснялось, а приближенные царя, убѣжденные въ виновности Мира, требовали его казни. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, царь повелѣлъ вывести изъ темницы Мира и совершить надъ нимъ мучительную казнь.

Мира выводятъ на казнь въ Іеменской странѣ; Іеменскій царь воздастъ ему за смерть своего сына. Муштаръ видитъ его во снѣ; онъ приходитъ въ страну Іемена и спасаетъ Мира отъ смерти.

По настоянію Муштара царь, убѣдившись на трупѣ покойнаго сына въ томъ, что тотъ погибъ отъ льва, велѣлъ освободить Мира и богато одарилъ его. Такъ счастливо избавившись отъ угрожавшей ему смерти, Миръ все еще тосковалъ по Номіавтавѣ и только слова утѣшенія и одобренія Муштара нѣсколько умѣрали его горе.

Царь Іемена, потерявъ своего единственнаго сына-наслѣдника, рѣшилъ передать свой тронъ по смерти Миру.

Во время одного изъ своихъ посѣщеній царскихъ покоевъ, его замѣтила изъ своего терема дочь царя—Саравса. Послѣдняя страстно и безумно влюбилась въ Мира. Когда царевна однажды, въ поискахъ за Миромъ нашла его спящимъ подъ деревомъ—она, въ знакъ любви, помѣнялась съ нимъ кольцами ¹⁾). Благодаря этому перстению любовь Саравсы стала извѣстна Миру. Какъ вѣрный своей Номіавтавѣ, Миръ сталъ избѣгать царевны и въ одинъ день, богато одаренный царемъ, «временно» отправился на поклоненіе въ Іерусалимъ. Прошло много времени. Срокъ его возвращенія давно уже истекъ, а его все не было. Тогда, въ припадкѣ ревности, Саравса потребовала у своей кормилицы, чтобы та чрезъ своего брата, разбойничавшаго въ окрестностяхъ Іерусалима, погубила Мира. Дѣйствительно, когда Миръ со своимъ другомъ Муштаромъ проходили мимо логовища Сановши, Миръ былъ захваченъ въ плѣнъ этимъ разбойникомъ и проданъ въ Египтѣ.

¹⁾ Ср. мотивъ араб. сказки.

Въ Египтѣ жители, похоронивъ своего царя, выбрали согласно обычаю царемъ раба-Мира. Какъ ни высоко и завидно было положеніе Мира, однако онъ неустанно горевалъ по Номіавтавѣ и своихъ двухъ друзьяхъ: Никахтарѣ и Муштарѣ.

Никахтаръ, спасшись на доскѣ послѣ кораблекрушенія, попалъ сначала въ царство Барамы; тамъ успѣла влюбиться въ него дочь царя—Суперве. Съ помощью усыпляющаго средства, Никахтаръ посаженный въ сундукъ, проснулся въ объятіяхъ Суперве.

На обратномъ пути, напали на него разбойники, завладѣли сундукомъ и къ великому удивленію своему, открыли въ немъ Никахтара. Послѣдній очень понравился атаману Насибу; въ одинъ изъ своихъ набѣговъ тотъ взялъ и его съ собою. Набѣгъ оказался не изъ удачныхъ: Никахтаръ съ Насибомъ были отведены плѣнными на судъ царя Мира.

Послѣ того какъ счастливо нашелся Никахтаръ, отсутствіе третьяго друга—Муштара было еще замѣтнѣе Миру. Онъ неутѣшно горевалъ по немъ. Никахтаръ посоветовалъ ему однажды послать за Муштаромъ Насиба. Миръ такъ и сдѣлалъ. Насибъ блестяще оправдалъ его надежды: спустя короткое время Муштаръ былъ уже въ объятіяхъ двухъ своихъ друзей. Въ награду за это Насибъ былъ произведенъ въ верховнаго вождя всей арміи и онъ же удостоился чести отправиться, по порученію Мира, просить руки дочери царя Илаила, царевны Номіавтавы. Томясь однажды отъ голода и жажды, затерянные гдѣ-то въ пустынѣ, встрѣтили они одного молившагося старца. Въжливово привѣтствовали его путники и вошли по его приглашенію къ нему въ домъ. Старецъ оказался вѣщимъ; Насибъ отправился въ его садъ и къ своему ужасу увидѣлъ, какъ всѣ посланные имъ люди, превратившись въ птицъ, сидѣли при послѣднемъ издыханіи въ ямѣ.

Все это было дѣломъ рукъ «вѣщаго» старца. Но и заплатился же онъ за это: несмотря на его слезныя просьбы, онъ и его сподручники были немедленно умерщвлены Насибомъ.

Насибъ посѣщаетъ царство царицы Хушуреды. Послѣдняя изъявляетъ желаніе видѣться съ Насибомъ. Происходитъ аудіенція, въ которой Насибъ передаетъ ей свое назначеніе. Номіавтава, слышала весь разговоръ матери съ Насибомъ; она пылаетъ сильной любовью къ Миру, котораго уже давно любитъ.

Насибу отвѣчаютъ, что Номіавтава предназначена племяннику царя Магриби; онъ возвращается обратно къ Миру. Послѣдній рѣшаетъ объявить войну царю Магрибскому (Египетскому).

Нѣкто Зулумать стремится завладѣть Номіавтавой. Съ этой цѣлью онъ проникаетъ въ крѣпость. Но, при дальнѣйшемъ приведеніи своего

плана, онъ впадаетъ въ ошибку. Въмѣсто Номіавтавы, онъ увозитъ въ сундукъ спящую Зору.

Миръ пишетъ рѣшительное письмо царю Илаилу и его дочери, своей возлюбленной Номіавтавѣ. Царь повторяетъ ему свой отказъ, а изъ письма Номіавтавы онъ убѣждается, что она его любитъ.

Вторая попытка Зулумата кончается также неудачей. Въмѣсто Номіавтавы, онъ выноситъ сундукъ, наполненный голодными змѣями.

Миръ же убиваетъ кудесника Булгамуна и его сына.

Дочь Булгамуна, чтобъ отомстить за смерть отца и брата, принимаетъ образъ Номіавтавы. Всѣ усилія ея направлены къ тому, чтобы, обманувъ Мира, пролить кровь его. Но происки ея служатъ ей же на пагубу.

Благодарный визирь (дочь котораго спасъ Миръ) совѣтуетъ царю породниться съ Миромъ, отдавъ ему дочь. Царь рѣшаетъ пригласить его къ себѣ на свиданіе, чрезъ посредство Отарида.

Послѣ свиданія съ царемъ, Миръ съ Насибомъ отправились къ Номіавтавѣ.

Встрѣча влюбленныхъ была трогательная. Они рѣшили жить и умереть вмѣстѣ.

Царю ничего не оставалось дѣлать, какъ согласиться на бракъ дочери съ царемъ Чинети (Китай).

Царь Илаилъ пышно отпраздновалъ свадьбу дочери своей съ Миромъ. Народъ присоединился къ этому торжеству. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней шло непрерывное веселье по всему царству Магриба. Наконецъ, одаренный богатымъ приданымъ, отправился онъ въ свою страну—Чинеты (Китай).

На обратномъ пути Мира также ожидало нѣсколько приключеній. Такъ, въ одномъ лѣсу Миръ погнался за оленемъ. Въ пылу преслѣдованія онъ однако самъ попалъ въ руки врага—Милтова. Послѣдній обошелся съ ними сурово. По его приказанію всѣ трое (Миръ, Никагтаръ и Насибъ) были посажены въ тюрьму, гдѣ имъ и пришлось много вынести до освобожденія изъ плѣна.

Затѣмъ Миръ попалъ въ новую бѣду. Маленькое войско Мира было разбито превосходными силами царя Абру. Номіавтава, къ великому огорченію супруга, попала въ руки врага и была ввергнута по его повелѣнію въ темницу. Самъ Миръ подвергся той же участи.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи Миръ вспомнилъ «о трехъ перьяхъ». Послѣднія были даны ему Андалибомъ въ томъ предположеніи, чтобы въ случаѣ какого-либо несчастья, Миръ сжегъ одно изъ нихъ и тогда появится ему на помощь самъ Андалибъ. Не успѣлъ Миръ

привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ Андалибъ съ войскомъ сталъ громить его враговъ, пока не освободилъ супружескую чету и ихъ дружину.

Это приключеніе оказалось послѣднимъ. Вскорѣ счастливые супруги были у себя, въ царствѣ своемъ—Чинети. Тамъ ихъ ждали объятія родителей Мира—Хосрова Шаха и жены его Розампоры. Радости и счастью не было конца. Послѣ столь долгой разлуки счастливые родители наконецъ-то свидѣлись съ неменѣе счастливымъ сыномъ своимъ—Миромъ, и его великолѣпной супругой Номіавтавой.

Повѣсть эта примыкаетъ по своему характеру къ сказкамъ 1001 ночи. Языкъ повѣсти легкій и выразительный. Изданіе полно неисправностей.

Камардіани ¹⁾.

Въ странѣ Камардо (Кабардо?) былъ царь прославившійся своей мощью и богатствомъ. Столицу его окружали башни, на которыхъ возсѣдающіе золотые драконы возвѣщали о приближеніи иноземцевъ. Послѣднихъ встрѣчалъ калантаръ и показывалъ всѣ достопримѣчательности города, потомъ представлялъ царю. Тотъ пребывалъ въ неутѣшномъ горѣ. Сынъ его, красавецъ какъ Іосифъ, ловкій наѣздникъ и мудрый, какъ Соломонъ, краснорѣчивый какъ Давидъ, разъ во время пира задремалъ и увидѣлъ одну красавицу, которой онъ обѣщалъ свое сердце. Вслѣдъ за ней явилась болѣе восхитительная дѣвушка и, узнавъ, что сердце юноши занято, бросила въ него цвѣтокъ и исчезла. Съ царевичемъ стало дурно и, проболѣвъ три года, скончался. Явился къ царю въ одѣяніи купца одинъ царевичъ Иварда, «сынъ могущественнаго Мардигума Каранджати», слышавъ объ этомъ происшествіи. Онъ разсказалъ о богатствахъ своей страны, объ ея чудесныхъ бассейнахъ, дающихъ исцѣленіе, воскресеніе, молодость, красоту. Далѣе онъ передалъ сообщеніе одного купца, который въ богатѣйшемъ городѣ Мурдалѣ со 100 воротами, — гдѣ каждый можетъ брать изъ складовъ, что угодно, — видѣлъ несчастнаго царя, потерявшаго двадцатилѣтняго сына во время охоты. Сынъ погнался чрезъ бейбанъ (=пустыню) за милымъ существомъ, сопровождавшимъ оленя. Милое существо оказывается царевной. За ея спутникомъ посылается царемъ Бандаромъ гонцы, но онъ избиваетъ ихъ, какъ Караманъ, а самъ не является. Огорченному за такое безчестье царю дочь его Шушаханумъ совѣтуетъ отправить къ юношѣ Самарду пословъ съ мирнымъ приглашеніемъ,

¹⁾ Излагается содержаніе по единственной рукописи, принадлежащей М. П. Сабинину.

безъ угрозъ. Вступивъ въ городъ, Самарда увидѣлъ царевну и опьяненный ея блескомъ, упалъ въ обморокъ. Царевна же отъ этого горя потеряла сознание. Врачи привели обоихъ въ чувство. Ихъ обвинчали, но вскорѣ молодую царицу похитили духи, которые предложили Самарду жениться на дочери визиря. Поиски оказались тщетными. Самардъ отправляется въ поиски и попадаетъ въ очарованный городъ. Побѣдивъ дѣвоу онъ легъ у подошвы горы, гдѣ нашель случайно письмо Шушиханумы, наложившей на себя руку. Царь, узнавъ о смерти дочери, предался отчаянію, но вскорѣ оно смѣнилось радостью, въ виду рожденія наслѣдника. Во II гл. описывается рожденіе сына Сундара. По этому случаю розданы большія милости. Царевичъ отданъ на воспитаніе мудрецу Леону. Онъ подросъ, а царь заболѣлъ; для его излѣченія врачи совѣтовали окатышъ изъ желудка дикой козы. Царевичъ добылъ съ сыномъ визиря это лѣкарство, но чуть не погибъ отъ дикаго кабана. Для излѣченія онъ вмѣстѣ съ Сагулво — другомъ тайкомъ отправляется въ Каранджати выкупаться въ чудесномъ бассейнѣ. Отецъ крайне огорченъ его отбѣздомъ. По пути одинъ царь, долго разыскивавшій Сундара, даетъ ему провожатаго, съ помощью котораго перебиваютъ они враговъ и вступаютъ въ цѣлебный источникъ. Но тутъ башни по обыкновенію столкнулись, показался свѣтъ—сигналъ для жителей города о появленіи иноземцевъ. За неповиновеніе царевичъ былъ взятъ въ плѣнъ, а за отказъ открыть свое происхожденіе, заточенъ. Онъ перенесъ въ тюрьмѣ тяжкую болѣзнь. Черезъ 3 мѣсяца явившійся Иварда, по просьбѣ дочери визиря, приближенной къ царевнѣ Малалѣ,—его спасаетъ. Свою личность онъ открываетъ и Парари, дочери визиря, и ея онъ представлень Малалѣ. Онъ, пораженный ея красотой, впадаетъ въ обморокъ. Пришедши въ себя, онъ письменно объясняется. Она остается равнодушной къ влюбленному юношѣ и отвергаетъ его предложеніе о свиданіи съ нею, несмотря на сочувственное посредничество Парари. На второе страстное его письмо она склоняется отвѣтить въ стольже гиперболическихъ восхваленіяхъ его достоинствъ, какъ онъ прославлялъ ее красоту. Женская скромность однако удерживаетъ отъ искренняго желанія пока видѣться съ нимъ, остальное предоставляетъ усмотрѣнію *Венеры* (?). Новое письмо, исполненное мольбы, побудило Малалу явиться на свиданіе къ нему въ домъ Парари и, добившись согласія отца, узнавашаго чрезъ визиря, отца Парари и Иварды, о царскомъ происхожденіи Сундара, выходитъ за него. Празднуется торжественная свадьба. Съ богатымъ приданымъ на 100 верблюдахъ везетъ онъ молодую въ домъ отца. Послѣдній роздавъ много милостыни, отъ радости вскорѣ умираетъ, и Сундаръ

воцаряется, но часто задумывается над судьбой Мурданскаго царевича Самарди и Бандарской царевны Шушиханумы. Случившійся съ нимъ отъ задумчивости обморокъ заставилъ его рассказать ихъ исторію Малалѣ. Но ея настоянію онъ вмѣстѣ съ Сагулво отправляется ихъ разыскивать. Для разсѣянiя тоски въ одиночествѣ одна рабыня рассказала сказку о китайской царевнѣ Елвара (дочери Доплонди) и царевичѣ Островномъ Гарди, сынѣ Диндарѣ ¹⁾. Островный царь просилъ руки Елвари для сына, въ случаѣ отказа угрожалъ войной. Царевна обиженная требованіемъ, переодѣвшись мужчиной сама подъ именемъ Шекирь (то Бакирь), сына визиря, отправляется дать отвѣтъ и посмотреть жениха, на сколько онъ удовлетворяетъ ея требованіямъ. Бакирь объявляетъ, что Елвари выйдетъ замужъ за того, кто понравится ей, похожей по словамъ посла по наружности на него. Гарди сопровождаетъ «посла» въ Китай и здѣсь происходитъ ихъ свадьба. Сундарь же попадаетъ чрезъ пустыню въ замокъ, гдѣ его встрѣчаетъ старикъ. Онъ рассказалъ печальную исторію Гура, который былъ оставленъ друзьями, послѣ того, какъ онъ промоталъ свое состояніе ²⁾.

Мимо этого замка провели духи плѣвленную Шушихануму, изъ-за нея съ ними долго бился Гуръ и израненный смертельно палъ, а старецъ съ тѣхъ поръ остался одинъ. Старикъ далѣе сообщилъ, что Шушиханумъ наложила на себя руку, а Самардъ при видѣ ея трупъ закололъ себя. Испѣленіе имъ можетъ быть дано только царевичемъ страны Камардо. Старикъ взялся показать ему усопшихъ и много плакалъ. Пришлось выдержать отчаянную борьбу съ дѣвами, охранявшими трупы. Старикъ былъ убитъ, а Сундарь раненъ, но Сагулво его вылѣчилъ. Взятые впоследствии въ плѣнъ Сундарь и Сагулво при содѣйствіи царевны Фей, сжалившейся надъ Самардомъ и Шушиханой, побѣдилъ Каджовъ [духовъ] взвалили трупы на свои плечи и принесли въ Каранджати, гдѣ выкупали въ чудесномъ бассейнѣ и такимъ образомъ воскресили. Оканчивается всеобщимъ ликованіемъ.

Имена героевъ грузинскаго происхожденiя: Самарди (образованіе грузинское отъ персидскаго слова «мард» при помощи суффикса Са) = мужественный, Сагуло отъ грузинскаго слова «гули» (сердце) — сердечный, Елвара — сіяющая, отъ груз. «елва» — сіянье. Другія имена

¹⁾ Ср. араб. сказку „О Камари“ Зиманъ царевичъ острова Каледана и о Китайской царевнѣ Бадурѣ.

²⁾ Ср. араб. сказки о Нурэддинѣ и невольницѣ персіанкѣ.

персидско-татарскаго происхожденія (напр. Шушиханумъ). Рукопись въ 133 стр. in 4° писана прекраснымъ мхедрули, стариннымъ языкомъ съ примѣсью неологизмовъ. Изъ архаизмовъ отмѣтимъ: *«урва, мзера, достакари, аргани (посохъ); варваризмы: дурси (золото), дубенди (сухое варенье), шука (улица), асили (цеховой); неологизмы: патрети (портретъ), Китай, перамонія, секунда. Новое понятіе: Венера, «превосходитъ латинъ мудростью». Новое образованіе женскаго рода: хелтица; вмѣстѣ съ этимъ указанія на Дилрегети, Караманіани и др. особенности свидѣтельствуютъ, что «Караманіани» принадлежитъ перу переводчика, хорошо знакомаго съ древними грузинскими произведеніями и ихъ языкомъ, но жившаго въ эпоху позднѣйшую, когда лексиконъ и грамматика подверглись измѣненіямъ именно въ XVII—XVIII вв. Образованіе женскаго рода впервые замѣчаемое въ XVIII в. и новыя слова, проникшія подъ вліяніемъ сближенія съ З. Европой и Россіей заставляютъ отнести этотъ переводъ къ XVIII в. Ходъ разсказа, описаніе наружности героевъ, красоты чертъ, восхваленіе богатствъ и въ особенности морализующая тенденція этой повѣсти—составляютъ аналогичныя особенности грузинскихъ героическихъ повѣстей.*

Караманіани.

«Караманіани, повѣсть о «необычайномъ витязѣ, сынѣ персидскаго царя. Онъ былъ первый изъ богатырей и военачальниковъ царя Ушанга». Повѣсть переведена съ персидскаго министромъ двора при царѣ Иракліи II Давидомъ Орбеліани. Она заключаетъ въ себѣ 12 книгъ и приписывается извѣстному Тарсусу Акиму ¹⁾.

Грузинскій переводчикъ «Караманіани» Давидъ Орбеліани (1716—1756), находился въ родствѣ съ царствовавшимъ въ Грузіи домомъ; онъ былъ женатъ на царевнѣ, дочери Иракліи II, Тамарѣ. Воспитывался сначала въ Тифлисѣ, подъ вліяніемъ членовъ своей семьи, принимавшей участіе въ писательской дѣятельности. Онъ изучилъ, помимо грузинской литературы, языкъ персидскій и армянскій. Ѣздилъ нѣсколько разъ съ дипломатической миссіей въ Персію, откуда привезъ рукопись «Караманіани», «пріятную для слуха» и перевелъ ее по-грузинки, простымъ разговорнымъ языкомъ. Давидъ Орбеліани из-

¹⁾ Второе изданіе Давида Лазарева „Караманіани“ на груз. языкѣ вышло въ 1888—1892 гг. Первое изданіе было начато въ 1875 г. Въ рукописяхъ значится въ спискѣ памятниковъ груз. письм. сост. въ 1810 г. Цагарели Ш, 258. См. еще каталогъ Церковнаго музея I, № 283 и Собр. груз. рукопис. царев. Іоанна.

вѣстенъ еще какъ авторъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ стихотвореній, а въ особенности какъ храбрый и распорядительный полководецъ, принимавшій живое участіе во всѣхъ походахъ Ираклія II.

Авторъ «Караманіани» былъ, по изслѣдованію Ethé ¹⁾, послѣдователь Фирдоуси Абу Тахиръ Мухаммадъ бинъ-Гасакъ бинъ-Али бинъ-Муса Тарсуси ²⁾, въ историко-романической области. Онъ обработалъ свою повѣсть на основаніи различныхъ персидскихъ сказаній. Сюжетъ его Dastan-i-Qahraman, Qahramanname и Hikayat-i-Qahramani-Qatil относится ко временамъ древне-иранскаго царя Гушанга. Герой повѣсти, по неизвѣстной до-нынѣ традиціи, убиваетъ Исфендіара, въ то время какъ по Шахъ-Намэ онъ падаетъ отъ руки Рустема (перс. текстъ изд. въ Берлинѣ, имѣется турецкая обработка). Кромѣ Карамана,— имена: Катранъ, Барамъ, Гарданкешанъ, Гулистамъ-бали, Гварджаспъ, Ушангъ, Хосровъ-Шири, Кетанъ-шахъ, Спандіаръ и др. переполняютъ повѣсть. Разсказъ носитъ обычный восточный характеръ: герои претерпѣваютъ всевозможныя и фантастическія приключенія: феи уносятъ ихъ на крыльяхъ, огнедышащіе драконы приготовляются ихъ пожрать, покойники угрожаютъ имъ изъ гробовъ. Безконечная и однообразная борьба съ дэвами, родственныя связи съ ними людей, волшебства и чары, страшныя звѣри и птицы, единорогъ, окаменѣлые герои—сопровождаютъ одинъ чудовищный разсказъ, вплетенный въ другой столь же сказочный эпизодъ ³⁾. Дѣйствіе происходитъ въ фантастической обстановкѣ, хотя иногда и упоминаются географическій терминъ Сейстанъ, Эранъ-Туранъ, Индія. Эпоха жизни и религія дѣйствующихъ лицъ также не поддается опредѣленію: встрѣчаются имена Богъ-Саваноэ, Энохъ, пророки, поклоняются огню, клянутся могилой Адама, читаютъ молитву Авраама.

Саридоніани.

«Саридоніани» — жалкое стихотворное подражаніе «Барсовой поэмѣ». Герой поэмы—Саридонъ—играетъ роль Автандила и доставляетъ Зургану, при содѣйствіи наложницы, Багдадскому царевичу одну красавицу, въ которую послѣдній безумно влюбленъ, подобно Таріелю. Не только канва заимствована у Руставели, но и отдѣльныя сцены и характеристика представляютъ уродливую имитацию поэту XII вѣка.

¹⁾ Grundriss d. iranisch. phil. II B., S. 318.

²⁾ Акад. Дорнъ считаетъ Тарса Акима авторомъ „Dareh-Nemeh“, но рѣшался признать его авторомъ и „Караманіани“ Mém. asiat. t. VIII, p. 441.

³⁾ Ср. сказку о мѣдномъ городѣ.

Такъ, Саридонъ впадаетъ въ обморокъ въ присутствіи Изабуръ отъ избытка чувствъ, подобно Таріелю, котораго приводитъ въ сознание наперсница Дареджаны—Асманъ. Есть попытки у автора философскими тенденціями освѣтить свою поэму: подражая Руставели, онъ желаетъ облагородить чувство любви и противопоставить ее земнымъ вождельніямъ, но для этой возвышенной мысли, скраденной у пѣвца эпохи Тамары, авторъ не нашелъ лучшей картины, какъ отмѣтить контрастъ между «любовью и златомъ». Есть основаніе поддерживать предположеніе, что поэма сочинена какимъ-то купцомъ на Сѣв. Кавказѣ, быть можетъ въ Владикавказѣ. Если это мнѣніе оправдается, то время сочиненія «Саридониани» слѣдуетъ отнести къ концу XVIII или къ началу XIX вѣка, когда грузины стали переселяться съ юга на сѣверъ. Поэма распространена среди владикавказскихъ купцовъ. Издана она Кайхосромъ Чариковымъ (Тифлисъ, 1879, 135 стр.). Стихи неуклюжи, лишены легкости и даже количество слоговъ не выдержано: на ряду съ 16 слоговымъ стихомъ встрѣчается 18-ти слоговой.

Джаннама Сейланіани (Содержаніе).

Сасапрасъ-шахъ покоривъ Индію, собиралъ войско противъ Ирана. Царь Индіи Судрай устраивалъ прощальный пиръ. Къ пирующимъ подвели 5 человѣкъ одного слона съ громаднымъ перомъ. Они оказались изъ Джиннистана, гдѣ на скалѣ устроилъ гнѣздо Башкунджъ [грифъ], перо котораго они принесли на спинѣ слона. Атаръ-дэви враждуетъ съ пашкунджи, жители лишились покровительства пашкунджи, «хранителя человѣка», и теперь повинуются Саваръ-дэви, намѣстнику Атара. Послѣдній хочетъ истребить родъ пашкунджи, который чрезъ этихъ пословъ присылаетъ перо и проситъ у шаха оказать помощь чрезъ посредство Сейлани Саабскирани.

Сейланъ, давъ начальство надъ войскомъ мелнку—Нижаду, отправился въ Джанистанъ. Его привели въ пещеру къ дѣтенышамъ пашкунджи. Успокоивъ встревоженныхъ, въ отсутствіе пашкунджи, птенцовъ, онъ внимательно разсмотрѣлъ ихъ: по размѣрамъ они были подобны слону, крылья были лазоревыя, головы яхонтовыя, клювъ жемчужный, ноги съ когтями равнялись единорогу. По свисту вѣтра онъ догадался, что возвращается «Симруги» пашкунджи; Сейланъ его въ клювъ поцѣловалъ. Симругъ угостилъ его обѣдомъ и общалъ одного птенца и свою помощь за убійство дэви. По пути къ Атаръ-дэви, покорившаго семь царствъ, (въ томъ числѣ и Кавказъ), Сейланъ узнаетъ, что Атаръ

устраиваетъ свадьбу и наложилъ такія приношенія на подвластныхъ царей по этому поводу, что они умоляютъ уменьшить ихъ, т. к. они не въ силахъ нести ихъ. Атаръ за это разгнѣвался и угрожаетъ имъ. Замѣтивъ Сейлана, который былъ непочтителенъ къ его посланію дѣвамъ, Атаръ вызвалъ 10.000 дѣвовъ съ желѣзными палками, но Сейланъ ихъ разогналъ. Съ палницей тогда выступилъ самъ Атаръ. Послѣ страшной битвы Атаръ убитъ. Сейланъ освободилъ его плѣнниковъ и овладѣлъ его казной. Получивъ перо пашкунджи, онъ вернулся. Перо слѣдовало въ случаѣ нужды прижечь, чтобы явился пашкунджи.

У Китайскаго царя Амза(-шаха) была красавица дочь Сипидан-дамъ. Она заявила, что выйдетъ за того изъ многочисленныхъ ея жениховъ, (въ томъ числѣ Абашетскій церевичъ Манучаръ и Хваразмійскій Джаангиръ), кто пробѣдетъ стрѣлой валяющійся на городской площади мраморъ. Ей рассказала няня Лейличина о подвигахъ Сейлана, достойнаго для царевны жениха. Няня искала Сейлана по ея порученію и нашла его во время охоты. Она обратилась по чародѣйству въ оленя и завлекла Сейлана и потомъ исчезла. Сейланъ сѣлъ отдохнуть у подножья чинары. Здѣсь на соннаго напалъ витезъ-Силаръ. Но былъ замѣченъ и обезглавленъ. Вскорѣ онъ замѣтилъ китайское войско, на встрѣчу котораго шелъ драконъ. Удары ему наносимые, не причинивъ вреда, привели его въ ярость. Онъ сразилъ двухъ царевичей и поспѣшилъ на помощь царю китайскому. Последняго, воссѣдающаго въ коронѣ на слонѣ, на половину уже поглотилъ драконъ, но во время подоспѣлъ Сейланъ, и драконъ былъ убитъ его стрѣлой. Самъ онъ былъ раненъ и, излѣченъ мазью, данною ему однимъ дѣви. Въ роцъ ему принесла дары и пищу Лейличина и завела рѣчь о сочетаніи своей госпожи съ нимъ. Сейланъ, «почитатель единаго Бога», напомнилъ, что царевна поклоняется Бутѣ. Няня отвѣтила, что царевна такъ его любитъ, что жертвуетъ для него и собой, и Бутой. Онъ вмѣстѣ съ ней приходитъ въ городъ и останавливается въ домѣ, по указанію няни.

Когда ему удается пробить стрѣлою мраморъ, то изумленіе собравшихся на площади достигло необычнаго энтузіазма. Няня рассказала царевнѣ о своемъ пребываніи у Сейлана. Заинтересованная царевна соглашается ночью съ няней идти переодѣтая къ Сейлану и застаётъ его спящимъ. Красота его изумила царевну,—она была готова броситься къ нему въ объятія. Но она предпочла оставить ему золотое яблоко съ своимъ портретомъ и незамѣченной исчезнуть. На другой день, когда Сейланъ въ восторгѣ любовался портретомъ неизвѣстной красавицы, явилась няня и рассказала все случившееся ночью. Сейланъ увлеченъ царевной, но продолжаетъ еще скрываться и не является

просить ея руки. А къ этому времени абашетскій царевич Джаангиръ собирается грозною войною противъ Китая, за отказъ въ рукѣ царевны. Въ его 300.000 войскѣ участвовали также занги (негры) и дэви. Произошла отчаянная битва. Кончилось сначала единоборство богатырей поражениемъ пепрiятеля, т. е. абашцевъ. Боролся дэви Кейванъ съ богатыремъ китайскимъ Заваромъ. (Здѣсь передаются обычныя подробности состязанiя сначала палицей, потомъ саблями и пр.). Стоялъ страшный стонъ въ теченiе 40 дней, но бой остался нерѣшительнымъ. Заваръ былъ раненъ. Между тѣмъ на помощь къ абашцамъ пришелъ веллканъ Нарманъ. Съ нимъ состязался китайскiй богатырь Самкаль. Послѣднiй и еще 20 китайскихъ богатырей пали. Унынiе объяло китайскiй лагерь. Визирь совѣтуютъ склониться на требованiе Джаагира и выдать царевну. Няня Лели (Лейличиня) извѣщаетъ Сейлана о такомъ положенiи. Она вызывается отстоять царевну, нежелающую выйти за «чернаго абаша», когда войско послѣдняго приблизится къ городу. Послѣднiй вновь укрѣпляютъ, и Сейланъ вступаетъ въ состязанiе съ Нарманомъ, по вызову, и наноситъ ему смертельныя удары. Сейланъ, одѣвшись въ шкуру убитаго имъ же дракона, вступаетъ въ единоборство па словахъ съ богатыремъ Гилакели. Съ башенъ городскихъ смотрѣли народъ и царевна на этотъ «безпрямѣрный бой». Сейланъ избилъ войско зенговъ и дэвовъ.

Въ благодарность, въ честь Сейлана устраняется пиръ, на которомъ рѣшается соединить брачными узами давно влюбленнаго героя съ царевной. Послѣдняя соглашается отречься отъ поклоненiя Бутъ, но тетя ея, узнавъ объ этомъ, выписываетъ ее къ себѣ, подвергаетъ ее оскорбленiю, а потомъ заключенiю подъ стражу духовъ. Царю отказано возвратить дочь добровольно, Сейланъ тщетно борется съ огнедышащими духами. Ему напоминаютъ о перышкѣ Симруга. Послѣднiй по условленному знаку является и наставляетъ, что для достиженiя цѣли ему нужно взять камень изъ храма Авраама въ Шамѣ (Сирiи) и, сотворивъ молитву надъ нимъ, онъ получитъ возможность освободить царевну, свою невѣсту. Другъ его, Дилдузъ, хитростью добываетъ для него камень. Возложивъ камень на тетку царевны, сдѣлали первый безсильной и взяли вторую домой, гдѣ происходитъ пиръ и раздача милостей. Царь Шама Мелихъ-Говдерзъ узналъ о похищенiи камня, пошелъ войною противъ Китая и вступаетъ въ битву съ Сейланомъ, который его побѣждаетъ. Слѣдуетъ опять пиръ и раздача милостей.

Рукопись не кончена. На послѣдней страницѣ мы имѣемъ начало главы, оставшейся недоведенной до конца.

«Сейланіани» — героическая повѣсть о богатырѣ Сейланѣ. Она представляет передѣлку одной изъ многочисленныхъ редакцій персидской повѣсти о Сагибѣ Киравѣ. Въ рукописи хранящейся въ С.П.Б. публ. библ. въ собраніи царевича Іоанна. (№ 17) читается слѣд. приписка:

Книга сія Сеиланъ-Нама переведена съ индійскаго языка Давришемъ Сейди; она на персидскомъ языкѣ читается съ большимъ интересомъ и чрезвычайнымъ умиленіемъ. Съ персидскаго же языка на грузинскій перевелъ я, царевичъ Іоаннъ. Сочиненіе сіе состоитъ изъ 7 книгъ, въ которыхъ повѣствуется о туркахъ, иныхъ, персіанахъ, синдахъ, джинахъ, урумахъ, китайцахъ, японцахъ, сѣверцахъ, семи Кафскихъ горахъ и дивахъ Эіатскихъ полей, арабахъ, іамавахъ, ихъ войнахъ и войнахъ разныхъ царей, а также въ этихъ книгахъ разсказаны о громкихъ дѣлахъ богатырей и ихъ состязаніяхъ такъ увлекательно, что любо и пріятно слушать эти разсказы.

Приводимъ оглавленіе этой рукописи.

Глава 1. Въ Туркестанѣ царствовалъ нѣкто подъ названіемъ Шахъ-Сарафразъ... У этого царя не было наследника.

Здѣсь—b) о посланіи визиря Камала въ Индію, къ царю съ просьбою о выдачѣ дочери.

Здѣсь—c) о препровожденіи обратно визиря Камала Индійскимъ царемъ къ Шаху-Сарафразу.

Здѣсь—d) о войнѣ Сарафраза-Шаха противъ Индійскаго царя Судрай-Шаха.

Здѣсь—объ освѣдомленіи Синдскимъ царемъ Ширгиръ шахомъ относительно дружбы, заключенной между Судрай-Шахомъ и Сарафразъ-Шахомъ и ополченіе его съ большимъ войскомъ на Судрай-Шаха.

Здѣсь—e) о прибытіи Симиширзана въ страну Балхетскую и большая война, предпринятая Сейланомъ.

Глава 7. Здѣсь—о походѣ Сейлана на дракона Макнатскаго, у котораго была 71 рука. Война сильная.

Глава 8. Здѣсь—о состязаніи Сейлана съ дракономъ, убійство имъ послѣдняго, а также истребленіе имъ много славныхъ богатырей и дѣвовъ.

Глава 9. Здѣсь—объ отправленіи Сейлана на охоту на Эіатское поле, о встрѣчѣ его съ Кеталомъ Саранишъ, битвѣ его съ нимъ, побѣдѣ надъ нимъ, покореніи его и слѣдованіи Кетала Саранишъ за нимъ; о поимкѣ послѣднимъ звѣря и дрессировкѣ имъ такового.

Глава 10. Здѣсь—о выѣздѣ его въ Туркестанъ, торжественная, радостная встрѣча матери, дяди и 7 двоюродныхъ братьевъ Сейлана, узнавшихъ о выѣздѣ послѣдняго.

Глава 11. Здѣсь—объ отъѣздѣ его, для оказанія помощи Индійскому царю. Синдскій царь, узнавъ объ этомъ, отправляется тайно, чтобы посмотрѣть на

его войско и на атлетовъ, освѣдомиться о подвигахъ послѣднихъ; а также туркестанскій и индійскій цари, присутствуя при этомъ войскѣ, вполне довольны послѣднимъ и расхваливаютъ его.

Глава 12. Здѣсь—о приѣздѣ изъ города Бармани Пепсалбуландбазу для оказанія помощи Синдскому царю и для отомщенія за кровь своего брата Ровшани Даста Чубисъ-Зани и большая война ихъ.

Глава 13. Здѣсь—о выходѣ Салсали Алмасъ-Дандана, война съ нимъ, умерщвление послѣднимъ его.

Глава 14. Здѣсь—о войнѣ между Кеисаленъ Буланда-Газу и Сейланомъ и убіеніе его Сейланомъ.

Глава 15. Здѣсь—о войнѣ Хераба Шимшира-Зани и Индійцевъ и Турокъ и истребленіи Серабіемъ многихъ извѣстныхъ атлетовъ.

Глава 17. Здѣсь—о бѣгствѣ Синдскаго царя Ширгиршаха, прибытіи его въ страну Синдистанскую, входъ его въ замокъ Маршарканскій, находившійся на границѣ Шарисъ-Джанана, въ предѣлахъ владѣній Джиниктанскаго царя.

Глава 18. Здѣсь—объ отобраніи отпуска Сейланомъ у Шаха-Сарафраза и отбытіи его для вырученія и спасенія жизни своему прадѣду Судрайшу.

Глава 19. Здѣсь—о войнѣ и уничтоженіи слоновъ, исполненныхъ чарами магіи, взятіи крѣпости и арестованіи Ширгиршаха.

Глава 20. Здѣсь—о прибытіи къ мѣсту, гдѣ былъ построенъ Тамуршахомъ—царемъ куполь, о разрушеніи и обезвреженіи козней магіи, находеніи гроба того царя и захватъ орудій.

Глава 21. Здѣсь—объ утвержденіи Саабукраноби на престолъ и назначеніи дяди Сейлана Меликнишади въ званіи „Саркадра“, а Сейлана „найбомъ“.

Окончился разсказъ Сейлана; 1-я книга. Книга эта Сейланма писана 17-го мая 1791 года.

Обозрѣвъ памятники прозаическіе, преимущественно переводнаго происхожденія, обратимся къ стихотворнымъ сочиненіямъ XVII—XVIII вв. Остановимся прежде всего на «Дид-Моуравіани» *Иосифа Тбилели*.

Иосифъ Тбилели.

Иосифъ Тбилели, митрополитъ Тифлисскій, извѣстенъ какъ авторъ «Дид-Моуравіани»—исторической поэмы, посвященной жизни и дѣятельности Моурава Георгія Саакадзе. Самъ авторъ приходится внукомъ «дзисъ-дзедъ» герою поэмы, оставившему въ Грузіи имя непобѣдимаго полководца и славу Алквіада. Иосифъ, воспитанный въ монастырской кельѣ въ Квабтаховской обители, проникся благоговѣніемъ къ своему великому дѣду, испытавшаго въ жизни много превратностей. Возведенный въ санъ архіерея, онъ занималъ каеэдру въ Имеретіи, въ послѣдствіи былъ переведенъ (1662 г.) при царѣ Ростомѣ въ Тиф-

лись, гдѣ посвятилъ себя широкой дѣятельности обогащенія библіотеки при Сіонскомъ соборѣ цѣнными памятниками и самъ внесъ свою лепту въ литературу свѣтскую и духовную. Въ области свѣтской литературы онъ приобрѣлъ извѣстность своей поэмой Дид-Моуравіани ¹⁾. Мудростью и поэтическимъ даромъ, по словамъ Католикоса Антонія, онъ завоевалъ любовь своихъ современниковъ и по настоящее время его произведеніе пользуется популярностью среди народа.

Георгій Саакадзе, герой его поэмы, выступаетъ на историческое поприще въ началѣ XVII в., въ эпоху шаха Аббаса, высшаго подъема персидскаго вліянія на Грузію. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода, но благодаря своей храбрости, мудрости и красотѣ онъ былъ возведенъ царемъ Симеономъ въ почетное достоинство тархана, а Георгіемъ X пожалованъ званіемъ моурава, правителя одной части Карталиніи. Царь Луарсабъ приблизилъ его къ себѣ и женился на его сестрѣ, увлекшись ея замѣчательной красотой. Родовитая аристократія, недовольная успѣхами незнатнаго дворянина, разставила сѣти интригъ и составила заговоръ противъ его, несмотря на его военныя заслуги. Предупрежденный въ м. Цхинвалахъ о кровавомъ замыслѣ враговъ, моуравъ послалъ архіеп. Доментія Мровели спросить Луарсаба, за что его долженъ постигнуть царскій гнѣвъ. Луарсабъ оправдался въ возведенномъ на него замыслѣ. Моуравъ напомнилъ царю о своихъ дѣяніяхъ на полѣ сраженій и побѣдоносной битвѣ своей съ турецкимъ отрядомъ, вторгшимся въ Грузію, когда между прочимъ, былъ схваченъ врагами священникъ Ѳеодоръ и подъ угрозой смерти требовалъ, чтобы онъ привелъ къ мѣстопробыванію царя. «Не пожертвуй вѣчною жизнью временной, не буду предателемъ царя», сказалъ себѣ грузинскій Сусанвиъ. Онъ завелъ непріятельскій отрядъ въ непроходимыя дебри и спасши царя, самъ погибъ мучительной смертью. Опасность для страны, однако не миновала: врагъ покрылъ живописныя долины и въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ явился спасителемъ моуравъ, нанеши въ Схертской лощинѣ жестокое пораженіе туркамъ, поддержанный своимъ тестемъ Нугзаромъ, Эриваномъ Арагвскимъ. Авторъ съ большими подробностями описываетъ эту битву, и личную мужественную отвагу Моурава. Эта побѣда закончилась всеобщимъ торжествомъ и посѣщеніемъ царя въ Носте моурав-

¹⁾ Неизвѣстенъ годъ рожденія автора. Изъ акта видно, что въ 1662 году онъ былъ уже митрополитомъ Тифлисскимъ.

²⁾ Была вздана поэма впервые Пл. Юсселиани (Т. 1851) и недавно переиздана И. Имедашвили и С. Чпладзе (Тифлисъ, 1897). Въ журн. „Цискари“ (1852, III) приведенъ отрывокъ изъ этой поэмы.

ской усадьбы, гдѣ онъ встрѣчаетъ красавицу—сестру Георгія Саакадзе и настаиваетъ на своемъ желаніи вступить съ нею въ бракъ, не обращая вниманія на просьбы моурава предъ царицей-матерью отклонить Луарсаба отъ неравныхъ узъ. Свадьба эта прилила новую каплю въ чашу недовольства аристократіи на Саакадзе, а плодомъ этого недовольства явилась мысль пригласить его на охоту и коварно его убить, съ согласія самого царя. Моуравъ, провѣдавъ объ этомъ, прискакалъ въ свой замокъ, съ большой опасностью перевезъ свою семью во время разлива чрезъ Арагву въ Душетъ къ Нугзару Эрстову и самъ бѣжалъ въ Персію. Замокъ его былъ разграбленъ и сожженъ его врагами. Моуравъ былъ принятъ благосклонно шахомъ Аббасомъ. Онъ вскорѣ прославился своими побѣдами въ Индіи и въ войнѣ съ турками при Багдадѣ. Не довольствуясь этой службой Моурава, шахъ отправляетъ его вмѣстѣ съ Корчиханомъ разорить собственную родину—Карталинію, послѣ того какъ уже были опустошены Аббасомъ оба грузинскихъ царства—Кахетія и Карталинія ¹⁾). Саакадзе съ персидскимъ отрядомъ вступилъ въ Карталинію и возвелъ на тронъ шахскаго кандидата Симона-хана, которому отказались повиноваться князья и народъ. Вступивъ затѣмъ въ Кахетію, Саакадзе внезапно изъ истребителя страны превратился въ ея защитника. Узнавъ объ измѣнническомъ убійствѣ заманеннаго въ Персію царя Луарсаба, онъ забылъ нанесенныя ему обиды, поднялъ населеніе, самъ убилъ Карчихана, вождя персовъ, освободилъ Карталинію и Кахетію отъ иноземнаго войска и возвелъ на Карталинскій тронъ Кайхосро, изъ Мухранскихъ князей. Въ его головѣ возникаетъ смѣлый планъ объединенія всей Грузіи подъ однимъ скипетромъ и вызываетъ изъ Имеретіи законнаго кахетинскаго царя—Теймураза. Саакадзе, недавній бичъ страны, становится народнымъ героемъ; въ церквахъ молятся за его благоденствіе; смирятся предъ нимъ аристократія. Шахъ же, узнавъ объ его измѣнѣ, казнилъ сына Моурава и подвергъ царицу Кетеванъ, мать Теймураза, мученической смерти ²⁾, а дѣтей Теймураза превратилъ въ евнуховъ. Виновникъ этихъ бѣдъ, Саа

¹⁾ Жизнь и дѣятельность Саакадзе детально изучена въ трудѣ „Борьба за уничтоженіе и объединеніе Грузіи“ современнаго грузинскаго писателя М. Пурцеладзе (Т. 1892).

²⁾ Объ этомъ варварскомъ событіи 1620 г. сообщаютъ католическіе миссіонеры въ Персіи. Часть ея мощей они перевезли въ Европу. Извѣстно, что тѣло причисленной къ лику святыхъ царицы, отказавшейся принять исламъ, рвали раскаленными щипцами; на страшныя раны и обжоги клали горячіе уголья. Наконецъ, на ея голову надѣли до красна раскаленный чугунный котелъ.

кадзе, вызвалъ новое нашествіе на Грузію Аббаса и пробудилъ къ себѣ прежнее недовѣріе, когда онъ потерпѣлъ пораженія отъ шаха. Затѣян-ная имъ партизанская война также не увѣнчалась успѣхомъ, личныя доблести не упрочили мира и онъ покинутый Зурабомъ Эрстовымъ и всѣми приверженцами бѣжалъ въ Турцію. Здѣсь еще разъ пронеслась слава объ немъ. Но эта слава послужила причиной его гибели. Жена визиря въ письмѣ къ мужу выразила неудовольствіе, что «знаменитый Моуравъ покрылъ его имя». Огорченный визирь потребовалъ къ себѣ Саакадзе и отрубилъ ему голову (1629 г.). Такъ погибъ грузинскій Алевіадъ, полководецъ и герой, «простой дворянинъ, равнаго которымъ никто не сдѣлалъ своей шпагой». Поэма заключаетъ въ себѣ 492 строфы, по четыре стиха въ строфѣ, по 16 слоговъ каждый стихъ. Языкъ поэмы энергичный, представляющій смѣсь книжной конструкции съ народной. Поэтическихъ картинъ въ этомъ произведеніи напрасно будемъ искать и версификація небезупречная. Авторъ проникнутъ сочувствіемъ и благоговѣніемъ къ своему великому предку. Онъ заставляетъ его много размышлять о состояніи Грузіи и анализировать его душевное состояніе при превратностяхъ судьбы. Авторъ, заканчивая свою поэму признаетъ, что онъ сталъ воспѣвать «мірскія дѣянія» вопреки завѣтамъ апостоловъ, заботиться о спасеніи души». Но онъ вспоминаетъ въ свое оправданіе, что онъ писалъ о «божественныхъ вопросахъ», но, къ сожалѣнію, эти работы до насъ не дошли.

Давидъ Гурамишвили и его поэма.

Среди грузинскихъ писателей XVIII в. и по таланту поэтическаго творчества, и по глубинѣ лирическаго воодушевленія, и по реальности содержанія первое мѣсто занимаетъ поэтъ, князь Давидъ Гурамишвили, авторъ поэмы «Давитіани».

Давидъ Гурамишвили происходилъ изъ древняго княжескаго рода. Отдаленные предки его носили фамилію Зедгинидзе (*Вахушты*, «Географія», 46) и состояли въ родствѣ съ ксанскими эриставами. Нашъ поэтъ родился, вѣроятно, въ Горисъ-убани ¹⁾, близъ Сагурамо, недалеко отъ Тифлиса, въ 1705 году, такъ какъ онъ въ пьесѣ, имъ написанной въ 1774 г., называетъ себя старцемъ 69 лѣтъ. Онъ воспитался на рукахъ доброй няни, о которой онъ нѣжно вспоминаетъ въ минуты житейской горести. Судя по его стихотвореніямъ, онъ получилъ хорошее образованіе непосредственно или подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей, ознакомившихъ его съ священ-

¹⁾ „Я былъ князь, житель деревни Горисъ-убани“ („Давитіани“, стр. 56).

нымъ писаніемъ и съ произведеніями грузинской свѣтской литературы. Онъ усвоилъ духъ и энергію произведеній Шота Руставели, царей Теймураза I и II, Арчила, Вахтанга и извѣстныхъ писателей XVIII в. Бектабека, Нодара, Отара, Мамука и др. Онъ проявлялъ наклонности къ отвлеченному мышленію и основательныя знанія въ области греческой философіи; нерѣдко упоминаетъ объ ученіи Эпикура и Платона; согласно съ іонической школой онъ считаетъ человѣка, созданнымъ изъ четырехъ стихій («земли, воды, огня и вѣтра»¹⁾). И природныя наклонности, и аристократическое происхожденіе, и разностороннее воспитаніе предназначали его къ широкой государственной аренѣ, но стеченіе обстоятельствъ закинуло его въ пную среду дѣятельности. Онъ съ юныхъ лѣтъ до старости остается «гонимымъ странникомъ», по прихоти мачихи-судьбы.

Будучи 19-ти лѣтъ, въ 1724 г. Гурампшвили былъ захваченъ въ плѣнъ лезгинами, которые въ союзѣ съ турками, по переселеніи царя Вахтанга въ Россію, стали властными и самоуправными хозяевами всей восточной Грузіи. Это событіе относится къ тому времени, когда попытка карталинцевъ и кахетинцевъ взять горійскую крѣпость, занятую турками, кончилась распаденіемъ союза грузинскихъ эриставовъ, т. е. правителей провинцій, и переселеніемъ нашего поэта, участника этой злополучной войны, въ Ксанское ущелье, въ деревню Ламискана²⁾, на границѣ Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ. Здѣсь, по словамъ его, въ іюнѣ мѣсяцѣ, во время жатвы, онъ былъ застигнутъ 15-ю лезгинами, когда отошелъ въ сторону отъ рабочихъ къ рѣчкѣ близъ лѣса, чтобы освѣжиться струей холодной воды. Связавъ беззащитнаго поэта по рукамъ и ногамъ, хищная орда направилась съ нимъ чрезъ Душетскій и Телавскій уѣзды, въ деревню Осокола, лежащую въ Андійскомъ округѣ, Дагестанской области. Недаромъ поэтъ «проливалъ горячія слезы»: его гнали пѣшкомъ по сыпучимъ камнямъ и колючимъ кустамъ, кормили саломъ и травю, да и ихъ не давали вдоволь. Въ Дагестанѣ его посадили въ яму, а потомъ заставили его прислуживать приставленному къ нему патрону. Голодный, холодный и оборванный онъ взываетъ къ Богу въ молитвахъ о ниспосланіи ему своей милости.

На ряду съ этими физическими муками онъ испытываетъ нравственныя страданія въ виду потери всѣхъ «родныхъ и сладостной отчизны». Онъ примирился бы съ своимъ горькимъ положеніемъ, если-бы лезгинны

¹⁾ См. его „Давитіани“, стр. 169.

²⁾ „Давитіани“, стр. 57.

не вздумали его продать, как презрѣннаго раба. Неизвѣстная и гѣмъ болѣе тагостная участь предстояла плѣннику. Размышленія о грядущей унизительной неволѣ привели его къ мысли бѣжать въ сторону родины ночью, тайкомъ, но онъ былъ «пойманъ и избить». Опытъ неудачный сдѣлалъ его предусмотрительнѣе; муки и одиночество приучили его къ обдуманности: второй разъ онъ спасенія ищетъ не на югѣ, а по направленію къ сѣверу отъ Дагестана, гдѣ въ то время стояли русскія войска. Вдохновеніе къ бѣгству онъ получилъ «во снѣ отъ таинственнаго голоса, который, приободрилъ его, обѣщавъ быть его вождемъ и путеводителемъ». По указанію «днемъ солнца, а ночью луны и семи звѣздъ» (т. е. Медвѣдицы) онъ держалъ путь къ сѣверной странѣ. Онъ испыталъ не мало тревожныхъ минутъ въ ожиданіи непріятельской погони, перенесъ много горя и лишеній, пока достигъ береговъ р. Терека. Въ горахъ по пути его застигла страшная гроза съ сильнымъ градомъ и спасся онъ отъ когтей смерти только благодаря тому, что по блеску вспыхнувшей молніи онъ вскарабкался въ одну пустую скалу и, здѣсь отдохнувъ и подкрѣпившись силой и молитвой къ Богу, продолжалъ свое тяжелое странствіе, едва пробивая крупный градъ, легшій по колѣна на дорогѣ. Онъ терпѣлъ три дня мучительный голодъ, питаясь въ теченіе трехъ дней 7-ю сливами; пускался въ путь только ночью, а днемъ укрывался въ тростникѣ отъ неугомонныхъ своихъ преслѣдователей.

Чѣмъ дальше, тѣмъ блужданіе его въ неизвѣстныхъ краяхъ становилось невыносимѣе. Изорванное платье не защищаго его отъ ночной стужи, питаньемъ служила полевая трава или кислый барбарисъ. Не въ напрасной горести онъ обращался къ Богу съ мольбой послать ему «хлѣба на пропитаніе» и одѣяніе въ защиту отъ суроваго ночного холода. На четырнадцатый день своего безпріютнаго скитанія поэтъ очутился на берегу открытой («безлѣсной») рѣчки (андійскій Койсу?). Ночь провелъ въ снѣгѣ подъ сводомъ небеснымъ, а утромъ пошелъ далѣе, обезсиленный отъ голода и удрученный душевными тревогами въ ожиданіи новаго плѣненія. Можно себѣ представить, какъ обрадовался поэтъ, когда по дорогѣ онъ нашелъ два огурца и полъ арбуза. Эта находка была самая драгоценная для проголодавашагося путника. Но тутъ неожиданный проблескъ удачи омрачился весьма чувствительной потерей. Положивъ огурцы за пазуху, горемыка подошелъ къ рѣчкѣ промыть заплывшійся арбузъ, но когда онъ наклонился къ водѣ, выпали огурцы въ рѣчку, которая послѣшно ихъ подхватила и унесла. Напрасно поэтъ гнался за ними. Горная рѣчка быстро умчала ихъ въ

своемъ теченіи. Ему пришлось *упрекнуть* Бога, «зачѣмъ Онъ даровалъ ему, если хотѣлъ отнять».

Въ смутныхъ думѣхъ незамѣтно онъ приблизился къ саду, гдѣ впервые насытился виноградомъ послѣ продолжительной голодовки. Съ этого момента начинается поворотъ колеса въ его жизни. Онъ въ саду слышалъ колокольный звонъ въ церкви, изъ которой съ крестными знаменіями выходилъ народъ. Не увѣренный въ столь неожиданномъ счастьи, поэтъ сначала принялъ за обманъ, за бѣсовское навожденіе и потому рѣшилъ подождать до вечера въ скошеномъ сѣнѣ. Странное испытаніе подготовило ему ложе. Здѣсь «легіонъ комаровъ» возсталъ противъ него и задушилъ-бы его, если-бы онъ зажалъ себѣ ротъ. Это несчастье заставило его измѣнить свое намѣреніе и поспѣшить подойти къ богомольцамъ. Предъ ними онъ набожно перекрестился и облобызалъ крестъ Христа. Народъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на оборванца-христианина, не понимающаго русскаго языка. Услышавъ единственное слово, ему знакомое, «хлѣбъ» ¹⁾, онъ быстро сообразилъ, что онъ находится среди русскихъ и чрезъ переводчика пшавы (пховельца) Января сталъ рассказывать, кто онъ и откуда къ нимъ попалъ. Поэтъ удовлетворилъ любопытство добрыхъ людей, давшихъ ему братскій пріютъ. Отсюда онъ направился въ Солагъ и далѣе въ Астрахань, («Давитіани»), стр. 87), гдѣ въ 1728 г. царь Вахтангъ VI былъ задержанъ по случаю чумы на обратномъ пути въ Москву изъ Персіи, куда онъ ѣздилъ отъ имени русскаго правительства съ дипломатической миссіей.

Гурамишвили, повидимому, Вахтанга ужъ въ Астрахани не засталъ и отправился съ его обозомъ въ Москву; здѣсь представился своему царю въ 1730 г. по смерти государя Петра II. Онъ объ этомъ путешествіи упоминаетъ вкратцѣ: «Съ Терека я отправился въ Солагъ, изъ Солага въ Астрахань. Оттуда въ Москву, царю Вахтангу, Бакару-хану Шахнаазу представился». Вахтанга онъ нашелъ огорченнымъ вслѣдствіе того, что царь не засталъ въ живыхъ Петра Великаго, обѣщавшаго ему помощь противъ враговъ Грузіи, и шесть лѣтъ безплодно онъ провелъ въ Россіи, не двигая впередъ дѣла спасенія истерзанной родины. Вахтангъ зачислилъ поэта въ свою свиту и пожаловалъ ему «джабадаръ-башоба» (должность главнаго начальника арсенала). При царѣ Гурамишвили скоро успѣлъ выдвинуться своимъ остроуміемъ и поэтическимъ талантомъ: въ обычныхъ стихотворныхъ соста-

¹⁾ „Одинъ сказалъ другому: „дай хлѣба“ ему, Лазарь“. Слова „дай хлѣба“ въ поэмѣ приводится въ грузинской транскрипціи (см. „Давитіани“, стр. 86).

заніяхъ съ Джавахишвили и нѣкимъ Ромой онъ оставался торжествующимъ побѣдителемъ. Царь приблизилъ къ себѣ поэта, и онъ съ тѣхъ поръ всюду его сопровождаетъ. Въ 1734 г. онъ былъ спутникомъ Вахтанга по Волгѣ на Кавказъ совершенно безуспѣшную попытку возвратить себѣ тронъ. Впослѣдствіи онъ вступилъ въ свиту царевича Бакара, а когда организовался грузинскій гусарскій полкъ, онъ вошелъ въ его составъ въ качествѣ рядового ¹⁾. По указу государыни Анны Иоанновны, грузины-гусары получали жалованье только во время войны, причѣмъ имъ были пожалованы въ вѣчное владѣніе имѣнья съ крестьянами въ Малороссіи: князьямъ по 35—20 домовъ, а дворянамъ по 10 (срав. «Давитіани», стр. 104). Поэтъ значится въ спискѣ лицъ, получившихъ 30 домовъ въ мѣстечкѣ Миргородѣ ²⁾. Грузины поселились въ миргородскомъ, лубенскомъ, прилуцкомъ и полтавскомъ полкахъ. Въ путешествіи грузинскаго митрополита Іоны упоминаются деревни (Ахалдаба, Мановеловыхъ, Билики, Алексиполь, Монастрича (деревня Джаваховыхъ), гдѣ онъ посѣтилъ по пути изъ Кіева въ Москву своихъ родственниковъ, но положеніе ихъ трудно опредѣлить въ точности. Грузины участвовали подъ руководствомъ Минниха въ походѣ на Крымъ, Очаковъ и Хотинъ ³⁾.

¹⁾ Грузины могли служить и въ другихъ армейскихъ полкахъ (напр., князя Амилахваровы), а впослѣдствіи и въ штатской службѣ.

²⁾ *М. Плахинскій* „Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.“ стр. 7, примѣч. (изъ Сборника истор.-фил. общества при харьковскомъ университетѣ): „въ м. Миргородѣ князьямъ Заалу Херхрулидзеу и *Давиду Гурамову*— по 20 дымовъ“. Перечисленіе грузинскихъ князей и дворянъ, поселившихся въ Полтавской губерніи, см. въ названной брошюрѣ. Поданные грузинъ жаловались на большіе поборы и „побой“, которыми ихъ отягощали. Указъ 1762—1764 гг. о роспускѣ груз. полка не былъ приведенъ въ исполненіе и уже въ 1767 году вмѣсто прежде предполагаемаго Оренбурга мы находимъ три груз. полка въ Сибирскѣ (*Бутковъ*. „Мат. для нов. исторіи Кавказа“ I, 280; III, 110).

³⁾ Миннихъ оцѣнилъ храбрость грузинъ и рѣшилъ образовать изъ нихъ 10 полковъ, въ виду этого-то онъ послалъ въ Астрахань и Бизляръ дворян. Бориса Егорова собрать грузинъ. Но онъ привелъ только 500 чел. и организовалъ три полка по 70-ти чел., а оставшіеся 38 были распределены по всѣмъ полкамъ. Вскорѣ грузинамъ (1742 г.) пришлось принять участіе въ шведской войнѣ („Шведти“, по словамъ поэта), подъ начальствомъ Ласси. Царевичъ Георгій, сынъ Вахтанга, участвовалъ тогда во флотѣ и награжденъ чиномъ генералъ-маіора. (*Бутковъ*. „Матеріалы для новой исторіи Кавказа“, I, 59, 539; III, 74, 77, 453). По окончаніи этой войны вышелъ указъ о переселеніи грузинъ въ Оренбургскую губ. (П. С. З. XI, № 8616), но онъ не былъ исполненъ.

Въ семилѣтней войнѣ (1756—1763 г.) грузинскій полкъ опять выступаетъ въ походъ. Многіе грузины здѣсь пали, поэтъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ Магдебургскую крѣпость. Въ числѣ другихъ для выкупа плѣнныхъ стали собирать Дав. Датуновъ, Іос. Шубашидзе и др. милостыню, но правительство воспретило (П. С. З. 11, 570, 14-го іюня 1762 г.). Гурамишвили былъ выкупленъ соотечественниками, вѣроятно, около 1762 г. Совершенно разоренный и беспомощный вернулся онъ въ Малороссію. Поэтъ проникся глубокою скорбью и огорченіемъ, явившимися результатомъ его житейскихъ неудачъ. Нѣтъ точныхъ указаній, принималъ-ли онъ участіе въ усмиреніи черкесовъ, противъ которыхъ былъ посланъ въ 1769 г. грузинскій гусарскій полкъ (Бутковъ I, 290, 294) подъ командою кн. Ратишвили въ походъ Румянцева противъ турокъ. Быть можетъ, въ 1764—1774 гг. поэтъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ за этотъ періодъ нѣтъ ни одного стихотворенія, да и правительство не оставило-бы его дома при наступленіи враждебныхъ дѣйствій.

Въ 1774 г., въ возрастѣ за 60 лѣтъ, мы видимъ его дома, въ чинѣ прапорщика, какъ онъ самъ себя называетъ въ проектѣ о мельницѣ ¹⁾. Къ этому времени относится стихотвореніе, въ которомъ онъ негодуетъ на завистниковъ, быть можетъ, на начальника своего Мамуку Давиташвили. Наслаждаясь миромъ въ деревнѣ на старости лѣтъ, онъ написалъ «Бесѣду», «Пренія смерти и человѣка», «Споръ и судъ человѣка и жизни», «Жалобу Адама», «Завѣщаніе Давида Гурамишвили», «Надпись на надгробномъ камнѣ» и «Поминовеніе души пишущаго сію книгу»—вѣроятно, лебединыя его пѣсни. Послѣднія стихотворенія отмѣчены чувствомъ духовнаго одиночества, глубокою тоской по родинѣ и грустью предъ осадившею его старостью. Онъ остался одинъ, безъ братьевъ, погибшихъ дома и на войнѣ. «Умерли всѣ друзья, ни одинъ уже не обрѣтается», говоритъ онъ въ «Судѣ жизни и человѣка». Не было въ живыхъ и самого царевича Бакара (1700—1750). Поэтъ остался бездѣтнымъ. Онъ горюетъ о томъ, что некому будетъ молиться объ его душѣ. Старость прежде всего ослабила его зрѣніе, порѣдѣли густые волосы, морщины покрыли лицо. Поэтъ ропщетъ на судьбу, разлучившую его съ родиною и коварно его наказавшую. Въ эпитафій онъ упоминаетъ о своей отчизнѣ, гдѣ онъ недалеко отъ обитателей Іоанна Зедазенскаго и св. Шіо ²⁾ въ своемъ имѣніи приготовилъ себѣ усыпальницу и «теперь, зритель, гдѣ я погребенъ!»

¹⁾ Приложенъ къ концу собранія его сочиненія.

²⁾ Монастыри эти расположены въ 20—30 верстахъ отъ г. Тифлиса.

Всю свою силу духа онъ сосредоточилъ среди горестныхъ думъ на книгѣ своей «Давитіани», которая должна была, за неимѣніемъ дѣтей (см. поэму, стр. 301), вызвать въ читателяхъ поминовеніе его души. Онъ самъ собралъ въ одну рукопись, что было разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ, и скорбитъ о томъ, что не успѣлъ написать все, что хотѣлъ сказать. Онъ прекратилъ писать стихи въ 1774 г.; но въ 1787 г. онъ еще былъ живъ, что видно изъ его проекта о построеніи мельницы. Когда онъ умеръ и гдѣ погребенъ, въ точности неизвѣстно, но если припомнить, что родился онъ въ 1705 г., то поэтъ жилъ, по крайней мѣрѣ, болѣе 80-ти лѣтъ. Погребенъ, быть можетъ, въ Ахтубскомъ монастырѣ (на границѣ трехъ губерній: Харьковской, Черниговской и Полтавской), гдѣ грузины-поселенцы поклонялись знаменитой иконѣ Богоматери, упоминаемой поэтомъ въ проектѣ о вновь изобрѣтенной имъ машинѣ мельницы ¹⁾, подъ именемъ «Ахтубской Божьей Матери». Въ написанномъ предъ смертью стихотворномъ «завѣщаніи» онъ проситъ похоронить его просто, не тратить «сребра» и не облекаться въ траурныя одѣянія.

Первая часть произведенія ²⁾ Давида Гурамишвили посвящена изображенію состоянія Грузіи въ прошломъ столѣтіи, междоусобной борьбѣ карталинскаго и кахетинскаго царей. Вниманіе его обращено не на жизнь и дѣянія одного лица, а на судьбу цѣлой страны, переживавшей мучительную агонію. Онъ воспроизвелъ картину Грузіи въ столкновеніи царей Вахтанга VI карталинскаго и Константина кахетинскаго (Мамадъ-Кули-ханъ), вполне проникнутыхъ искреннимъ же-

¹⁾ Замѣтимъ, что грузинамъ въ Малороссіи отдавались помѣстья послѣ принятія ими присяги и подъ условіемъ, что получившіе ихъ должны стать вѣчно подданными Россійской имперіи. Генеральная войсковая канцелярія для уничтоженія возникшихъ недоразумѣній между грузинами и раздатчиками предписала послѣднимъ инструкцію, по которой нужно было отдавать въ подданство грузинамъ посполитыхъ, а не мѣщанъ и казаковъ съ тѣмъ, чтобы въ отведенныхъ дворахъ, кромѣ женщинъ, были и мужчины, а угодыя посполитыхъ поступали во владѣніе грузинъ. Шляхетство поселеніе грузинъ въ Малороссіи считало нарушеніемъ своихъ правъ.

²⁾ Напечатано въ 1881 г. въ Тифлисѣ подъ редакціей П. Умкашвили на средства Г. Заликаніани, по рукописи самого поэта, поднесенной сыну Ираклія I, царевичу Миріану, въ 1787 г. Нынѣ она хранится въ библ. тифлискаго общ. распростр. грамотности среди грузинъ. Первые отрывки изъ „Давитіани“ появились въ „Цискари“ за 1852 (X, XI, XII) и 1860 г. (IX, X, XI, XII) и въ хрестоматіи Чубинова 1861 г. („Эо, мео“), а въ 1870 г. изд. были 43 главы подъ ред. Г. Церетели, Н. Берзенова и П. Умкашвили.

ланиемъ мира и блага для истощенной волненіями Грузіи. Однако, обстоятельства складываются вопреки ихъ благороднымъ порывамъ; злой рокъ сторожить ихъ неуспшно: имъ предстоитъ братоубійственная война, которую въ началѣ царь Константинъ энергично пытается отклонить. Шахъ возбуждаетъ его противъ царя Вахтанга, обѣщая ему царство послѣдняго, но онъ предпочитаетъ навлечь на себя гнѣвъ шаха, чѣмъ проливать кровь соплеменнаго народа. «Мы были едины,—пишетъ онъ Вахтангу,—враги только насъ раздѣлили и теперь насъ вводятъ въ обманъ и заблужденіе». Но идея единенія народу еще не доступна; личные интересы поглощаютъ національные; злоба заглушаетъ мелькнувшее сознание государственности: кахетинцы возбуждаютъ Константина противъ Вахтанга. У послѣдняго есть враги среди самихъ карталинцевъ, во главѣ которыхъ стоитъ его родной братъ-мусульманинъ, Іессей (отецъ католикаса Антонія I). Сторонники войны разжигаютъ вражду между двумя единоплеменными царями. Грубое вождельніе ихъ поживиться въ смутную эпоху окрыляется, когда царь Константинъ подвергается неожиданному нападенію на карталинской границѣ. Кахетинскій владѣтель возвращается безмятежно назадъ, но подстрекаемый неуспынными врагами мира онъ съ горечью соглашается начать военныя дѣйствія, говоря: «я желалъ братской любви, а вы не уклоняетесь отъ брани и мести, будете вы отвѣтственны за послѣдствія этой войны!»

Трагическое положеніе обоихъ царей заключается въ томъ, что они противъ кровопролитія, а между тѣмъ приходится имъ быть виновниками избіенія своего народа. Гурамишвили, ближайшій сановникъ при Вахтангѣ VI, передаетъ эти печальныя событія со словъ, вѣроятно, самого царя и его вельможъ. Таившееся въ глубинѣ ихъ души чувство горести сообщило поэту, который описываетъ судьбу Грузіи съ плачемъ и стономъ. Онъ описываетъ судьбу своей родины, разоренной иноземцами, но главную причину ея ослабленія видитъ въ внутреннихъ неурядицахъ: междоусобная война навлекла на народъ всѣ неизбѣжныя бѣдствія. Расколъ среди грузинъ ярче всего проявился послѣ столкновения Константина съ Вахтангомъ: побѣжденная сторона призывала то персовъ, то турокъ, то лезгинъ на помощь, обращавшуюся въ гибель цѣлой странѣ. Кахетинцы, пораженные карталинцами, обратились къ лезгинамъ, ставшимъ впоследствии хозяевами Кахетин, какъ половцы открыли дорогу въ Русь, послѣ приглашенія ихъ на помощь Олегомъ Гореславичемъ¹⁾. Съ другой стороны, Вахтангъ, по-

¹⁾ Ср. „Слово о полку Игоревѣ“.

терпѣвшій неудачу, просилъ чрезъ посредство брата своего Иессея, помощи у ахалцихскаго паши и ввелъ турокъ въ Карталинію, надѣясь подъ щитомъ этихъ враговъ Грузіи возвратить себѣ злополучную власть. Разсчеты обманули Вахтанга, и былъ онъ вынужденъ прибѣгнуть въ Россіи къ покровительству Петра Великаго, съ которымъ уже находился въ дипломатической перепискѣ ¹⁾). Поэтъ здѣсь не скрываетъ своего благороднаго негодованія, упрекаетъ царя Вахтанга въ политической недалковидности, смѣло говоритъ ему правду, не опасаясь даже смерти: «скрывать зло вредно для страны». Онъ съ сознаниемъ непростительной вины предъ родиной сѣющихъ раздоры царей спрашиваетъ ихъ, что они обрѣли плодомъ своей неусыпной мести помимо собственной гибели: «какъ пѣтухи, истомленные, истрепанные въ борьбѣ, дѣлаются добычей собаки, такъ и Грузія досталась на растерзаніе туркамъ, персамъ и лезгинамъ».

Поэтъ исполняется скорбныхъ чувствъ при видѣ опустошенной страны, надъ которой онъ льетъ горячія слезы. Онъ проникается тѣмъ пессимистическимъ настроеніемъ, которое охватываетъ человѣка послѣ разрушенія въ прахъ его свѣтлыхъ надеждъ и тихаго счастья. Сознаніе постигшаго родину бѣдствія и грозящей гибели приводятъ къ тому политическому недовольству и разочарованію, которыя водворились въ Западной Европѣ вслѣдъ за французской революціей, не осуществившей освободительныхъ стремленій ея провозвѣстниковъ. Пессимизмъ Гурамішвили, какъ у всѣхъ поэтовъ и философовъ, явился результатомъ истощенія моральныхъ и экономическихъ средствъ своей страны. Его плачь и скорбный гласъ по поводу междуусобицъ сталъ воззваніемъ историческимъ. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ до Вахтанга Грузія была истощаема не столько внѣшними вторженіями, сколько внутренними неурядицами. Раздробленіе ея на три царства (Имеретію, Карталинію и Кахетію) и пять княжествъ (Самцхе, Гурія, Мингрелія, Абхазія и Сванетія) потрясло прочныя основы государства и повлекло за собою дальнѣйшее разчлененіе отдѣльныхъ владѣній на независимыя провинціи (рачинское эриставство въ Имеретіи, ксанское—въ Карталиніи, батумское—въ Гуріи). Ослѣпленные честолюбіемъ владѣтели разоряютъ другъ друга, поощряемые къ своей гибели турками и персами, и доводятъ страну собственными стараніями до полного разрушенія. Общіе интересы поглощены стремленіемъ къ удовлетворенію личной мести и своихъ мелочныхъ выгодъ.

¹⁾ См. объ этомъ въ главѣ, посвященной царю Вахтангу VI.

Въ такой моментъ раскола ¹⁾ среди правителей Грузіи возвышается голосъ поэтъ Гурамишвили, приглашая ихъ къ единенію противъ враговъ, къ водворенію порядка въ странѣ, къ прекращенію братоубійственной войны. Онъ указываетъ на причины, ослабившія союзъ западной и восточной Грузіи, устраненіе коихъ укрѣпить связующія ихъ узы. Грузія утратила прежнюю силу вслѣдствіе воцарившихся нравственныхъ пороковъ; «народъ пересталъ чтить Бога въ небесахъ и царя на землѣ; вмѣсто служенія странѣ, стали руководиться личными побужденіями: гордость, мщеніе, нарушеніе крестнаго цѣлованья, воровство, плѣннопродавство, грабежъ вдовъ, сиротъ и путниковъ охватили всѣхъ, какъ прилипчивая эпидемія».

Неуясненіе себѣ положенія вещей и ослѣпленіе феодаловъ корыстными цѣлями напоминаетъ поэту печальное вавилонское столпотвореніе. Страна была предоставлена собственной горькой участи; не было человѣка, годнаго и помышляющаго объ ея интересахъ: ложь и притворство заѣли населеніе. Забывъ вѣчные идеалы и завѣты предковъ, подъ страхомъ смерти, временнымъ удовлетвореніемъ своего тщеславія были объаты всѣ. Результатомъ такого грустнаго нравственнаго состоянія явилось пораженіе грузинъ неусыпными ихъ врагами, открыли имъ врата и склонили свои главы подъ ударами, ими же подготовленными («десятокъ грузинъ уступилъ одному врагу»).

Воспользовались несогласіемъ грузинъ турки, персы, лезгинны, осетивны, черкесы, дадойцы, кистинцы и каждый изъ нихъ не замедлилъ нанести по одному удару. Такъ соотечественники поэта очутились въ глубокомъ «озерѣ грѣха», откуда они уже не могли выбраться, не находя столь нужнаго брода. Въ завершеніе бѣдъ, нѣкоторые измѣнили Христу и перешли въ исламъ. «Кто сочтетъ бѣдствія Грузіи! Горе видѣвшему ихъ тогда!» Подобныя внутреннія неурядицы и внѣшнія вторженія разогрѣли въ душѣ Данте патріотическое пламя написать «Адъ». Грузинскій поэтъ, подобно итальянскому писателю, являясь свидѣтелемъ разлагающейся отъ смертоносныхъ язвъ родины, объатый «тоской, терзающей, какъ острья иглы», измученное его сердце, набрасываетъ свою скорбную историческую поэму. Къ объективному, патріотическому пессимизму присоединяется личное недовольство, разочарованіе въ жизни: его судьба преслѣдовала съ неумолнимымъ постоянствомъ. Лишенный родины, перетерпѣвъ муки въ плѣну у лезгинъ, съ неимоверными трудностями прибывъ въ Москву къ царю Вахтангу VI, онъ воскресаетъ духомъ, патріотическія мечтанія его окрыляются.

¹⁾ Предисловіе къ изданію „Гурамиани“, написанное П. Урмаишвили.

Но царь умираетъ, и онъ остается снова безпріютнымъ сиротой! Планы освобожденія грузинъ отъ иноземцевъ остались лишь сладкимъ призракомъ неосуществившихся надеждъ. Понятно поэтому, что горькій опытъ жизни привелъ его къ убѣжденію, что колесо фортуны вертится съ поразительной измѣнчивостью: «Не вѣрь судьбѣ, она измѣнчива и фальшива, ея не удержишь, какъ-бы ни старался—сегодня даруетъ счастье, но завтра не избѣгнешь бѣды, то вѣетъ она зефиромъ, то разрушительной бурей». Резюмируя постигшія его невгоды, онъ восклицаетъ: «Зачѣмъ родила меня мать моя!» Развѣ это не возгласъ Кальдерона: «самая великая вина человѣка та, что онъ родился». Его исполненное негодованія и житейской опытности проклатіе судьбѣ является весьма характернымъ образчикомъ его творчества, проникнутого одной суммирующей его міровоззрѣніе пессимистической идеей. Она можетъ быть выражена слова мудраго Соломона: «суета суеть и всяческая суета». Представленіе объ его манерѣ творчествѣ можно судить по приведенному мною переводу изъ его «Давитіани», значительно, впрочемъ, утратившему силу выразительности сравнительно съ оригиналомъ. Отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ не мало автобіографическихкихъ указаній и характеризуетъ тонъ его скорбной лиры ¹⁾.

«Не вѣрь судьбѣ, она двулична и лжива: какъ ни старайся, а ея не удержишь; сегодня она веселитъ, а завтра заставитъ плакать; такъ ужъ лучше отказаться вовсе отъ плоти и заботиться только о душѣ.

Свѣтъ и мракъ одинаково исходятъ отъ нея, она непостоянна, измѣнчива; въ одну минуту она посылаетъ тихій вѣтерокъ, а въ другую такую бурю, которая сокрушаетъ корабли; всякая радость, благодаря ей, измѣнницѣ, кончается горемъ, и остается въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, каковы бы они ни были, на болѣе или менѣе продолжительное время невозможно.

Знаю я; вѣдь, и я въ одно время считалъ себя счастливымъ. Я старался не выпускать изъ рукъ счастья. Но вы видите теперь, какъ недоволенъ я судьбою, и какъ сильна тоска, которая гложетъ мое сердце!

Да, мимолетное счастье!

---

¹⁾ Обстоятельную статью о пессимизмѣ Д. Гурамишвили помѣстилъ въ журналѣ „Моамбэ“ [1897. X] М. Болквадзе. Біографія поэта написана О. Жорданія. Почтенному автору осталось неизвѣстнымъ малороссійское помѣстье Д. Гурамишвили. Объ этомъ см. у меня выше.

Все, что мнѣ было дано въ началѣ, подъ конецъ было отнято. Я очищаль нитку, а судьба-измѣнница превратила ее всю въ узлы. Оттого и горитъ мое сердце, какъ щепка въ пламени.

Судьба проклятая, лживая, коварная кинула сѣть мнѣ подъ ноги. Подступила она ко мнѣ съ такими ласковыми, сладкими словами, что я принялъ ее за друга; оказалось, что она заигрывала только со мною, соблазняла меня; и когда я ей проигралъ все, самъ оставшись ни при чемъ, она же меня съ насмѣшкой упрекала: «Что ты сдѣлалъ, безумный?»

Откуда, куда она (судьба) меня привела и куда еще ведетъ? Не видятъ меня ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра. И дѣтей вѣдь она меня не удостоила.

Взяла судьба все, что было у меня. Сѣти, ею разставленныя, опутали меня. Дважды я былъ связанъ врагами, оттого и плачу; слезы туманятъ мнѣ глаза и день кажется ночью.

Стянула лукъ злодѣйка и вонзила стрѣлу въ самое сердце. Не дала мнѣ ни сына, ни дочери, никто не зоветъ меня отцомъ; вотъ я сѣлъ и сталъ слагать стихи, думая: они замѣнятъ мнѣ дѣтей.

Вотъ о чемъ споръ между мной и лживой судьбой: человѣка она тащить туда, куда онъ хочетъ, накинувши на шею арканъ; я желалъ имѣть хоть одного сына, судьба не дала, а кому не нужно, дала даже двухъ сразу. Оттого я и заливаюсь горючими слезами; отъ нихъ вся одежда сдѣлалась мокрой.

И всю жизнь свою я плачу, не опредѣлила мнѣ злодѣйка пѣть; преждевременно старѣюсь я, какъ вная не во время расцвѣтшая хляля рѣдка, и гасну бесплодно.

Прозябаю я безъ потомства, словно дерево безъ вѣтвей. Горе и тоска отравляютъ мнѣ сердце. Слезы жгутъ мнѣ глаза (дальше слѣдуетъ сравненіе: подобно тому, какъ могильная трава, смѣшанная съ известкой, жжетъ глаза рыбамъ). И дворецъ представляется мнѣ какъ клѣтка птицъ.

Не надежна судьба: то сыро отъ нея, то сухо и жарко; послала она сегодня какую-нибудь радость, такъ не забывай, что сейчасъ же за этой радостью слѣдуетъ горе. Не вѣрь ей (судьбѣ), обманетъ, — лука и не увидишь, а стрѣлу пустить. Завидую тому, кто сумѣлъ идти прямо по жизненному пути.

Судьба то опечалитъ человѣка и заставитъ плакать, то напротивъ, веселитъ и заставляетъ пѣть. На одномъ чемъ-нибудь человѣку не суждено состарѣться. А въ концѣ-концовъ, какъ сдѣлала изъ глины сосудъ, такъ въ глину и обратитъ его опять.

Какъ бурное море, волнуется и движется жизнь! За нею по пятамъ идетъ время и нити, ею оставляемыя, обращаетъ въ ткань. А этотъ костлявый, сухой человѣкъ, что ему нужно, чего онъ размахиваетъ косою, что онъ косить? Да, весь блескъ судьбы (счастья) въ сущности чернѣе чернаго, и вотъ причина, почему я недоволенъ ею!

Оттого я и нахожусь въ такомъ тревожномъ состояніи, какъ человѣкъ, испытавшій непріятельское нападеніе. Грусть, словно хорошо отточенный ножъ, искромсала мнѣ сердце. Дни мои сократились отъ горя. Все, что я сладкаго когда-нибудь пилъ, превратилось въ горечь. Лиса и шакаль приготовились пожрать мой трупъ. Теперь иду къ тебѣ, братъ мой туда, гдѣ ты ждешь меня.

Какъ мнѣ успокоиться, какъ могу я сдѣлать для себя пріятное! Я при смерти, душа моя готова разстаться съ тѣломъ.

Говорятъ мнѣ: «не оставайся въ Ахаль-дабѣ¹⁾, иди въ Амоболи». Но кто присмотритъ за моей сиротой, если меня возьмутъ туда?

Скажи, злодѣйка, что выиграла ты въ спорѣ съ Давидомъ? Зачѣмъ съ такимъ злорадствомъ ты ставишь ему на видъ его бездѣлье? Нѣтъ лучше сына, чѣмъ тотъ, который у Давида:

Произведенія его—вотъ сынъ его, вотъ оплотъ и противъ враговъ. Я довольствуюсь въ качествѣ сына своимъ твореніемъ, если только ему суждено вырости; а рощу я его для веселыхъ пѣсенъ, если только моя пѣсня въ концѣ концовъ не превратится въ плачъ (похоронный)²⁾.

Печальныя пѣсни Гурамишвили льются изъ глубины религіознаго чувства. Какъ истинно уповающій христіанинъ, въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Грузію, онъ видитъ наказанье свыше за отступленіе отъ евангельскаго ученія. Эта особенность его элегическихъ пѣсней приближаетъ ихъ къ наставленіямъ христіанскаго проповѣдника. Понятно, почему свѣтскому поэту пришлось настроить свою лиру на религіозныя мелодіи. Западная Грузія въ это время уже омусульманилась и ахалцхскіе атабеги стали именоваться пашами; въ восточной Грузіи цари и дворяне нерѣдко украшали себя чалмой и принимали исламъ, и такимъ образомъ распатали основы, на которыхъ держалась маленькая христіанская страна въ борьбѣ съ послѣдователями Магомета. Вотъ

¹⁾ Деревня въ Малороссіи. Название грузинское, часто встрѣчающееся въ Тифлисской губ.

²⁾ Къ числу наиболѣе звучныхъ и глубокихъ по идеѣ стихотвореній относятся: „Прославленіе Творца“ (стр. 146) и „Плачъ Давида надъ судьбой“ (стр. 152).

тотъ чистый родникъ, откуда черпаетъ поэтъ свои прочувственные мотивы. Религіозный тонъ не сообщаетъ однако, его произведеніямъ иноческій или аскетическій характеръ. Поэзія его прикрѣплена всѣми корнями къ жизни дѣйствительной, потребностямъ народа. Онъ не отшельникъ, а боецъ за насажденіе правды, человѣколюбія и христіанской чистоты въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ. Поэтъ обращаетъ взоры человѣка къ его внутреннему міру, побуждая его къ критическому отношенію къ собственнымъ поступкамъ и помысламъ. Онъ внушаетъ мысль, что безъ любви къ правдѣ и долгу человѣкъ—жалкая вещь, которую малѣйшее дуновение вѣтерка обращаетъ въ ничто. Ему хочется направить умы отъ временныхъ интересовъ, суеты преходящей къ вѣчнымъ идеаламъ справедливости и гуманности.

Его произведенія притомъ не лишены чертъ, характеризующихъ извѣстную эпоху въ жизни Грузіи. Современники, безъ сомнѣнія, живо понимали смыслъ лирическихъ вздоховъ и стenanій поэта. Его «Молитва» была выраженіемъ испытаннаго грузинами чувства упованія въ плѣну у различныхъ иновѣрцевъ. Онъ внесъ слова «Отче нашъ» въ свои «ямбическіе стихи» (въ началѣ каждой строчки по одному или нѣсколько словъ изъ молитвы Господней) и примѣняетъ ихъ къ своему горестному положенію, истомившему его голодомъ въ плѣну. Онъ молить Царя небснаго не оставлять его безъ покровительства и милости, даровать ему пропитаніе, «какъ онъ послалъ израильтянамъ», дать ему силы противъ недруговъ, отвлечь отъ него угрожающую гибель, морскую пучину бѣдствій и спасти отъ зла, открывъ ему путь, какъ Моисею при переходѣ чрезъ Красное море. Эта молитва Гурамипшвили могла быть нѣснопѣніемъ истерзаннаго врагами народа. Воспроизведемъ еще одинъ его гимнъ солнцу въ полномъ видѣ. Онъ выражаетъ его религіозное чувство, приближающееся къ пантеистическому воззрѣнію. Смыслъ его станетъ яснѣе, если вспомнить, что онъ написалъ въ плѣну, когда онъ въ странѣ невѣрной лишился лицезрѣнія своей милой, терпѣлъ холодъ и пребывалъ во мракѣ¹⁾.

«Вдали отъ тебя, о, солнце, я плачу и рыдаю. Морозъ и мятель допимаютъ меня. Освѣти и согрѣй меня (два раза).

Я плачу о томъ, что не видно лица твоего, о, солнце, солнце. Ты очень нарядно и достойно всякихъ восхваленій. Освѣти и согрѣй меня.

¹⁾ Ему принадлежитъ рядъ пѣсень, переведенныхъ съ русскаго и малорусскаго и сохранившихъ русскія заглавія: „Не дамъ покою, пойду съ тобою“: „Что за причина, всегда кручина“: „Ахъ, какъ скучно“: „Улетѣла зазулька чрезъ дубину“; „Полно, полно, не прощайся“; „Весна, весна“ и др.

Не превращай, о, солнце, погоды въ ненастье; не бросай ты меня послѣ мороза въ раскаленные уголья: обожжетъ меня ихъ жарь. Освѣти и согрѣй ты меня.

Ты большая рѣдкость (драгоценность), о, солнце. Мудрецы воспѣвали тебя. Ты даръ свыше. Освѣти и согрѣй меня.

Порадуй меня, о, солнце, своимъ появленіемъ. Одѣнь меня въ новыя одежды. Не грѣетъ меня ветхая шуба. Освѣти и согрѣй меня.

Взгляни на меня, о, солнце, и покажи свое блистательное лицо. Не дай мнѣ замерзнуть. Барукъ ¹⁾ восхваляетъ теплоту твоихъ лучей. Освѣти и согрѣй меня.

У взирающаго на тебя съ цѣлью познать тебя, кружится голова; онъ теряетъ рассудокъ. Онъ не въ состояніи устремить на тебя взоръ. Ему невѣдомы пути твои.

Какъ бы краснорѣчиво (соб., музыкально) человекъ ни воспѣвалъ тебя, какъ бы красиво онъ ни восхвалялъ твою мудрость, онъ не въ состояніи воздать должное. Ему не вѣдомы пути твои.

Тебя, создавшаго солнце, онъ уподобляетъ солнцу и обращаясь къ нему, воспѣваетъ тебя. Но пути твои ему невѣдомы.

Только тотъ, кто любитъ и почитаетъ тебя, хотя и не знаетъ, гдѣ ты; только тотъ, кто готовъ въ угоду тебѣ сжечь свое тѣло, познаетъ путь твой.

Ты освѣщаешь вверху неба—твердь, внизу—сушу, море, ручейки; но отъ моихъ глазъ ты укрываешься за тучами, и я долженъ искать тебя разумомъ своимъ.

Меня сильно удивляетъ то обстоятельство, что ты минуешь меня тогда, когда я и безъ того горю, а когда и мнѣ холодно, ты, напротивъ, посылаешь мнѣ тихій вѣтерокъ. Я принужденъ искать тебя разумомъ своимъ.

Ты создало и послало меня на свѣтъ Божій, но ты же покрыло глаза мои какой то сѣткой, и мнѣ трудно лицезрѣть тебя. Я долженъ искать тебя разумомъ своимъ.

Хотя я и близорукъ, но мысль моя достигаетъ до тебя съ земли на небо. Ты Спаситель мой! Я ищу тебя разумомъ своимъ.

Молю тебя, о, солнце, удостоить меня слѣдующей милости: открой мнѣ, слѣпому, глаза, укажи мнѣ пути твои».

Помимо воззванія къ истинѣ и любви въ поэзіи Гурамишвили слышится еще одна нота, придающая его творчеству такой отгѣнокъ, который можетъ быть названъ облагороживающей человекѣ мелодіей

¹⁾ Грузинскій поэтъ, современникъ Гурамишвили.

по преимуществу. Поэтъ, хорошо зная по наблюденію, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ увлеченіе страстью, и чувствительностью, требуетъ подчиненія сердечныхъ порывовъ голосу разсудка, господства ума надъ сердцемъ. Эта идея проходитъ черезъ идилію «Пастухъ Кацвіа»¹⁾. Въ этомъ художественномъ произведеніи пастухъ является образцомъ воздержаннаго человѣка, который любимой и влюбленной въ него дѣвушкѣ даетъ благоразумный совѣтъ прежде всего познакомиться по-глубже и открыть причину взаимныхъ симпатій. Онъ по-онѣгински предостерегаетъ ее отъ опасныхъ увлеченій и напоминаетъ ей о правилахъ церковныхъ и житейскихъ, вполне признавая согласнымъ природѣ супружеское сожительство. Пастухъ приводитъ въ примѣръ своего отца, который, не сумѣвъ воздержаться отъ страстей, сдѣлался въ послѣдствіи предметомъ осмѣяній. Онъ желалъ бы подражать отцу своему, и потому предварительно считаетъ необходимымъ переговорить съ послѣднимъ. Отецъ даетъ ему согласіе на бракъ и въ поученіе указываетъ на Адама и Еву, потерявшихъ рай въ силу сердечныхъ влеченій, и дѣтей Авеля, отучившихся искать внутренней красоты, будучи ослѣплены внѣшнимъ блескомъ. Эти нравоучительные примѣры поэта были не бесполезны для современнаго ему общества, гдѣ руководство личными вождѣльнїями и «несогласіе между отцомъ и сыномъ» привели страну на край гибели. Такія идеи, проникающія творчество Гурамишвили, и дѣлаютъ его проповѣдникомъ обновленія Грузіи въ нравственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ.

Что касается до художественной формы его произведеній, то ему пришлось ее создать въ отличіе отъ установившейся со временемъ Руставели и героическихъ повѣстей. Къ его времени появилась «теорія поэзіи» *Джасиники*, принадлежащая перу Мамуки Бараташвили. Этотъ грузинскій Буало требуетъ для оставленія памяти въ потомствѣ воспѣвать поучительные сюжеты (притчи, наставленія, воинскіе подвиги) и воздерживаться отъ «татарскихъ» сказаній и пѣснопѣній въ честь женской красоты. Если ужъ хочется поэту посвятить стихи прекрасному полу, то пусть онъ вдохновляется темами супружеской вѣрности и любви; другими словами, поэзія должна была носить дидактическій характеръ. Гурамишвили проникся этой теоріей, хотя нельзя сказать, чтобы ей слѣдовалъ исключительно безусловно. Въ тѣхъ стихотвореніяхъ (напр., вторая половина «Пастуха Кацвіа»), гдѣ онъ не стѣсняетъ себя требованіями de l'art poétique, онъ достигаетъ большей

¹⁾ Собств. „Кацвіа“ означаетъ въ переводѣ тернъ, иглу терноваго дерева.

искренности и правдивости изложения, облеченного в очень тонкую, изящную форму.

Язык его отличается простотой, но выразительностью, отсутствием вычурности, но захватывающей глубиной лирических движений. Он первый внес в стихотворную поэзию элементы простонародной речи ¹⁾, ограничив господствующее влияние стиля церковно-богослужебных книг в светской литературе. Он в области поэзии произвел ту реформу, которая в прозе была предпринята С. С. Орбелиани, автором остроумных и метких басен. К сожаленью, сближение литературного и народного языка было приостановлено произведениями плодовитого писателя Антония I, католика Грузии. Точно также стихотворные размеры под пером Гурамишвили достигли такого разнообразия и легкости, какие нам неизвестны были до его времени. Не мало влияния в этом отношении оказало на Гурамишвили знакомство его с русскими народными песнями. Он же первый внес в искусственную поэзию размеры народного стихосложения.

Саять-Нова.

При взятии Тифлиса Ага-Магомет-ханом погиб знаменитый сазандар (певец) Грузии, Саять-Нова. Он был придворный трубач царя Ираклия II. Сто лет тому назад, в стенах старого Тифлиса имя Саять-Нова было славно повсюду, от царского дворца до сады ремесленника. Это был бедный армянин, ткач по ремеслу и сазандар по прозванию; в юности разгульный певец, в старости отшельник в Гахпадском монастыре после смерти жены и, наконец, в минуту смерти, христианин, с крестом в руках убитый врагами вѣры на пороге церкви. Спустившись на майдан (базарную площадь в Тифлисе), до сих пор виднётся из-за плоских кровель синий конический купол армянской церкви, называемый крепостною, потому что она помещалась когда-то внутри тифлисской крепости. На дворе этой церкви, где теперь так часто собираются амкары (цехи) для торговых сделок, в 1795 г. зарыт был окровавленный труп 80-летнего старца Саять-Новы. Не ищите над гробного камня на его темной могиле, говорить рассказчик этой легенды, — но знайте, что черты лица его и, быть может, звуки его голоса и донья носят, как

¹⁾ Любопытно, что он очень последовательно отличает употребление двух груз. *x*, и у него вовсе отсутствуют *he* и *y* смягченное. Встрѣчается у него частица *qe* (стр. 10, 24), характеризующая язык сивахский говор.

смутный призрак давно протекшаго, въ памяти тѣхъ немногихъ старожиль, для которыхъ нашествіе [1795 г.] Ага-Магометъ-хана не составляетъ преданія. Когда Тифлисъ былъ взятъ, Саятъ-Нова молился въ храмѣ и, слыша приближеніе враговъ, взялъ въ руки крестъ и пошелъ къ нимъ навстрѣчу, желая остановить ихъ на порогѣ. Два стиха, двѣ звучныхъ рѣчмы на татарскомъ языкѣ вылились изъ его усть:

«Не отступлю отъ Иисуса,
Не выйду изъ церкви».

И это были послѣднія его слова. Пѣсни его посвящены воспѣванію наслажденію любовью и красотой ¹⁾.

Цѣлый міръ я прошель, въ Абиссиніи былъ,
Но не видѣлъ такую, какъ ты:
Всѣхъ красавиць повыше твой смертный удѣлъ,
Всѣ тобой восхищаемся мы.
Ты надѣнешь-ли платье изъ шелка-сырца,
Иль кафтанъ изъ парчи золотой—
Тотъ сырецъ обращается въ шелкъ дорогой,
Всѣхъ восторгъ оправдаетъ пѣвца.

* * *

Дорогой ты алмазь, счастливъ твой господинъ!
Не печалится тотъ, кто находитъ тебя.
Кто-жь тебя потерялъ, кто остался одинъ,
Умираетъ отъ горя, стена.
Слишкомъ рано въ могилу, да будетъ ей свѣтъ,
Твоя мать въ сонмъ усопшихъ сошла.
Если-бъ была жива, тебѣ равный портретъ
Въ этомъ мірѣ она-бъ создала.

* * *

Ты съ рожденья сіяешь своей красотой,
Твои родинки—волота блескъ.
Весь въ кораллахъ вѣнокъ въ волосахъ золотой,
Испускаетъ онъ радужный блескъ.
Твои глаза горятъ искрометнымъ виномъ,
Твои щечки, какъ въ пурнѣ лавашъ [лепешка],
Твои брови стрѣлою, рѣсницъ карандашъ
Не помянетъ влюбленный добромъ.

* * *

¹⁾ См. „Россія и Азія“, подъ ред. А. Н. Грена 1898, № 15 и 16.

Твое личико—чистыя солнце, луна.
 Гибкій станъ твой обвилъ кашемиръ.
 Кисть упала изъ рукъ. Такъ безсильна она.
 Отнялся у души моей миръ.
 Сядешь, милая, ты, на коверъ тахтовой—
 Попугаю подобенъ твой видъ.
 А стоишь на порогѣ ты сакли родной,
 Мнится мнѣ, гиппогрифъ то стоитъ.

* * *

И теперь ужъ, увы, не Саятъ я Нова!
 Я свой домъ на песокъ созидаль.
 Взглядъ твой, полный и страсти и пыла огня,
 Какъ костеръ мою душу сжигаль.
 Что ты сдѣлала, ангель, съ моею душой?
 Какъ мнѣ вѣсть отъ сердечка узнать?
 И цвѣтной твой муслинъ, станъ обвинъ твой волной,
 Индустанскимъ цвѣткомъ буду звать.

Саятъ-Нова писалъ стихи не только на грузинскомъ, но также на армянскомъ и татарскомъ, остающіеся пока неизданными въ печати.

Бесики ¹⁾.

Бесики (Бесарионъ-Виссаріонъ Габашвили), одинъ изъ крупныхъ лирическихъ поэтовъ XVIII в. Талантъ его отличается самобытностью и оригинальностью. Воспитавшійся на образцахъ персидской поэзіи и предшествовавшихъ ему грузинскихъ писателей, онъ выработалъ чрезвычайно выразительный языкъ, передающій тончайшіе оттѣнки настроенія его эротической музыки. Стихотворенія Бесики служатъ вѣрнымъ отголоскомъ его личныхъ чувствъ и испытанныхъ волненій. Сынъ знаменитаго пастыря церкви Захарія Габашвили, выжившаго изъ Грузіи, въ царствованіе Теймураза I, католикоса Антонія I, обвиненнаго имъ въ латинствѣ, Бесики (род. 1749 г.) получилъ образованіе въ духовной школѣ, изучилъ персидскихъ и грузинскихъ писателей и еще на ученической скамьѣ сталъ писать стихи, нерѣдко посвящая эпиграммы монастырской братіи, которая его въ одномъ четверостишіи его приравниваетъ за это къ антихристу. Обладая сверхъ поэтическаго дара еще музыкальной и вокальною способностью, красавецъ и лихой вѣдокъ на

¹⁾ Стихотворенія его изданы З. Чичинадзе въ Тифлисі, 1883 г. (66 стр. in 8°).

конѣ, онѣ скоро приобрѣлъ извѣстность какъ пѣвецъ и исполнитель романовъ подѣ звуки тари и гонгури. Современники придавали его игрѣ и пѣнію чудодѣйственную силу, способную возвратить къ жизни больного на смертномъ одрѣ. Благодаря извѣстности своего отца, онѣ сблизился съ царемъ Иракліемъ II, который принялъ его на службу, давалъ ему серьезныя порученія, отправляя въ качествѣ посла въ Персію, гдѣ онѣ усовершенствовался въ знаніи персидскаго языка и поэзіи. Связи его такъ укоренились во дворцѣ, что онѣ вступалъ даже въ романическія сношенія съ дочерью Ираклія II, которой онѣ онѣ щедрой рукою посвящалъ любовныя стихотворенія. Эти произведенія, исполненныя огня и страсти, завоевали ему громкое имя въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ. Популярность его распространилась и въ другихъ слояхъ настолько, что на каждой пирушкѣ раздавались его пѣсни и произносился тостъ за ихъ талантливаго автора. Самъ онѣ все больше и больше втягивался въ кругъ разгульной молодежи, въ особенности послѣ запрещенія посѣщать дворецъ и выдачи замужъ его возлюбленной царевны (Анны), имя которой воспѣто имъ въ посвященіи «Хатуни». Пѣсни его, оглашавшія ортачальскіе сады, становились все болѣе нескромнаго характера и возмущали своей непристойностью благовоспитанныхъ родителей. Царь внялъ ихъ жалобамъ и подвергъ его временному заключенію. Покаявшись въ своихъ крайнихъ увлеченіяхъ, Бесики былъ освобожденъ изъ заточенія, но снова охватила прежняя страсть къ кутежамъ и похождениямъ, вызваннымъ горестнымъ чувствомъ разлуки съ «Хатуни», облеченной въ монашеское одѣянье до ея выхода замужъ. Стихотвореніе «Черные дрозды, заключенные въ черной клѣткѣ» — намекъ на Хатуни въ иноческой рясѣ — вызвало гнѣвъ царя, угрожавшаго ему смерною казнью съ метехской скалы. Предупрежденный о грядущемъ бѣдствіи, Бесики бѣжалъ, написавъ на память элегію «Въ садъ горести я вступилъ», въ Имеретію къ изгнанному изъ Грузіи отцу своему свящ. Захарію Габашвили, принятому благосклонно Соломономъ имеретинскимъ царемъ изъ вражды къ Ираклію. Захарій съ сыномъ своимъ заняли должность личнаго царскаго секретаря и чрезъ нихъ шла переписка съ иностранными государями. Имеретинскій царь въ знакъ особой милости, какъ говорятъ, даже усыновилъ Бесики и одарилъ его имѣніями въ Рачѣ. Съ ними вели дружескія сношенія тифлискіе собутыльники, слезно умоляя вернуться съ своей лирой на родину. Но Бесики возведенный въ княжеское достоинство, увлекся въ Имеретіи политической дѣятельностью: ѣздилъ въ Персію, чтобы съ помощью шаха водворить въ Карталиніи царевича Александра, врага Ираклія II, а когда это не удалось завелъ

сношенія съ Россіей, просилъ назначить русскаго консула въ Ахалцихѣ для ограниченія плѣннопродавства, давалъ свѣдѣнія о Батумѣ и о путяхъ его захвата и пр. Въ 1790 г. (или 1788?) онъ съ братомъ Симономъ былъ отправленъ царемъ Давидомъ въ Россію, но попался въ плѣнъ крымскимъ татарамъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ ст. «Цремла исари». Освобожденный изъ плѣна, онъ прибылъ въ Москву къ грузинскимъ царевичамъ. Онъ былъ принятъ любезно и посѣщалъ вмѣстѣ съ ними свѣты и балы. Изъ Москвы онъ отправился въ Петербургъ, откуда, возвращаясь на родину, онъ долженъ былъ ѣхать чрезъ Яссы, гдѣ пробылъ нѣсколько времени, чтобы узнать рѣшеніе вопроса его миссіи чрезъ ген. Потемкина. Здѣсь онъ заболѣлъ и умеръ въ 1791 г. 24 января, какъ свидѣтельствуеетъ надгробная надпись на грузинскомъ и болгарскомъ языкахъ. Стихотворенія его большею частью написаны аллегорическимъ языкомъ: роза обозначаетъ, по свойственной восточной поэзіи, возлюбленную, соловей—возлюбленнаго и пр. Первая же пѣса Бесики въ сборникѣ его произведеній открывается подобной аллегоріей. «Вошелъ я въ грустный садъ тоски, желалъ собрать я розъ букетъ», но роза строго покарала смѣльчака, поразивъ его пронзительной стрѣлой. Она велѣла ему заглянуть въ сердце и открыть свою вину. За разъясненіемъ поэтъ обращается къ нѣжной фіалкѣ, которая не удостоиваетъ его прямого отвѣта, упрекая его въ томъ, что онъ покинулъ ихъ и покорился другой. Прибѣгаетъ со слезами на глазахъ за утѣшеніемъ къ нарцису, умоляя его снискать ему милость розы, и просить ее объясненія; въ чемъ она его считаетъ измѣнникомъ. Нарцисъ разрѣшаетъ его недоумѣніе: роза недовольна его измѣной, и теперь она ему мститъ за непостоянство. Вернулся поэтъ назадъ, полный слезъ и огорченій, вызывая сочувствіе во всѣхъ, своимъ несчастіемъ и желаніемъ скорѣйшей смерти. Это стихотвореніе—эхо его внутренней жизни. Оно является образцомъ его творческой лиры. Черные дрозды, въ черной клѣткѣ нѣжно воркующіе, служатъ выраженіемъ его тоски, при видѣ возлюбленной въ иноческой рясѣ. «Я сталъ рабомъ одной звѣзды, я чахну для нея, она для меня—увы! Чась свиданія не наступаетъ и жизнь для насъ становится лишь горечью и отравой», восклицаетъ онъ въ другомъ стихотвореніи, преисполненный отчаянія и безысходной грусти. Возлюбленная его составляетъ одинъ просвѣтъ въ его мрачной душѣ, но она покинула его безжалостно, безъ огорченія. Онъ приглашаетъ всѣхъ влюбленныхъ, терзаемыхъ своими миломи, послушать его пламенную исповѣдь о зарожденіи безумной страсти къ стройной неописанной красавицѣ. Ликъ ея сіяетъ словно луна, на которомъ вырисовываются родимыя пятна, ланиты распустились алой

розой, черныя, какъ гиперъ волосъ, сжигаютъ всѣхъ безумной страстью, покоряя въ мигъ. Нужно быть мудрецомъ, чтобы достойно ее воспѣть. Онъ сравниваетъ предметъ своихъ посвященій съ солнцемъ Діаной, Аполлономъ, Авророй, а себя ставитъ въ положеніе неотвязчиваго поклонника и просителя ихъ милости. Стихотворенія по формѣ называетъ онъ мухамбази, баяти, пѣсня, капаія. Но содержаніе же составляетъ эротическія изліянія отличающіяся искренностью, теплотою и грустью. Это первый въ Грузіи лирической поэтъ-элегикъ. «О, моя царица, я мучусь, вдали отъ тебя, сердце ноетъ, не находя тебя, плѣнительницы моей», говоритъ онъ въ одной пѣснѣ (стр. 30). Потерянную красавицу онъ называетъ драгоценнымъ камнемъ, а себя чужестранцемъ, умоляющимъ соловья о любви. Пользуется извѣстностью его стихотворенія «О, роза не распустившаяся, не оставь меня, твоего раба!» «Увы потерялъ драгоценный рубинъ», «Въ омраченномъ сердцѣ», «Въ садъ горести я вступилъ». Эти романсы и нынѣ поются. Кромѣ этихъ пьесъ онъ писалъ: «Прославленіе франтовъ», Посвященіе «Хатуни» царицѣ, въ которомъ онъ умоляетъ ее не забывать его, Анбантѣ-іеба и истор. поэмѣ «Аспиндская битва» 1771 г., въ которой прославился царь Ираклій II. Со стороны формы онъ усовершенствовалъ стихосложеніе, ввелъ рیمованіе въ четверостишія 1, 2 и 4 стиховъ и въ пятистишія 1, 2, 3, 4, а пятый стихъ представляетъ рѣму, общую для всего стихотворенія. Иногда въ четверостишіи 4-й стихъ имѣетъ общую рѣму съ первымъ стихомъ.

Приводимъ изъ Бесики два стихотворенія въ русскомъ переводѣ ¹⁾.

Жизнь моя полна печали...
 Ты одна мой свѣтлый лучъ.
 Вглянешь — сердцу веселѣ
 Солнце выйдетъ изъ-за тучъ.
 Но и ты мнѣ измѣнила,
 Обрѣкла на смерть меня.
 Жизни нить ты оборвала
 Сердце вырвала шутя.
 За жестокость такую
 Ты отвѣтишь мнѣ душой,
 И Самъ Богъ, судья верховный
 Пусть рассудитъ насъ съ тобой.

¹⁾ См. *Ипполитовъ-Ивановъ* Груз. нар. пѣсня. М. 1895.

Другое его стихотвореніе «Севдисбагшевел» по переводу митр. Евгенія:

Гіацинтъ на меня прогнѣвался, я прибѣгнуль къ Нарцису
И съ кровавыми слезами слово вымолвилъ,
Сказавъ: помоги ты мнѣ, научи
Отъ узкой дороги сыскать дорогу широкую.
Бѣдный я! не знаю, какъ сбился съ пути;
И какъ бы мечемъ пронзенный,
Проливалъ я о семь слезы ручьями ¹⁾.

Грузинская пѣтука.

«Ученіе о поэзіи» (см. выше с. 217), или поэтика Мамука Бараташвили

¹⁾ Истор. изображеніе Грузіи, СПб. 1802. Примѣръ шестистишной пѣсни, метръ коей заимствованъ изъ персидской поэмы. Въ дополненіе къ разбѣрамъ, отмѣченномъ ниже у Бараташвили, приводимъ изъ „Истор. изобр. Грузіи“ родъ грузинскаго стихосложенія.

1) Самый древній и употребительный—*шапри*: это четверостишіе риемованное; метръ его: $\text{UUUUUU} \mid \text{UUUUUU}$. Примѣръ изъ Руставели: Ромелман шекма самкаро дзалита мѣт дзіерита—Бто сотворилъ твердь еялюю своею крѣпкою. 2) *Чахрухаули* (въ честь поэта изобрѣтателя Чахрухадзе). Это четверостишіе съ риемами; метръ его: $\text{UUUUUU} \mid \text{UUUU}$. Примѣръ изъ „Тамаріани“ Чахруха: Тамаръ ццнари, шесаццнари, хманарнари, пирццнари.—Тамара кроткая, пріятная, сладкогласная. 3) *Рвули* изъ 8 однородныхъ стиховъ. Метръ такой же, какъ въ шапри; 4) *Дзатнакорули* (изъ 3 стиховъ, изъ конхъ первые два одного метра, а третій безъ риемы и особеннаго метра: 1 и 2. $\text{UUUU} \mid \text{UUUU}$; 3. UUUUUUUU). 5) *Ццобили* изъ 8 стиховъ однородныхъ: UUUUUUUU ; 6) *пистикаури* изъ 8 стиховъ Чахрухаули второго рода, метръ коего: $\text{UUUU} \mid \text{UUUU} \mid \text{UUUU} \mid \text{UUUU}$ 7) *Лекси* изъ 2 однородныхъ стиховъ по образцу шапри: UUUUUUUUUUUUUUUU 8) *таети* изъ одного стиха съ цезурой, метръ тотъ же, какъ *лекси*.—Д. Чубиновъ (Груз. грамматика, СПб. 1855, стр. 75—6) прибавляетъ къ этимъ разбѣрамъ *теджлиси* по 11 слоговъ въ стихѣ и 4 стиха въ куплетѣ, *гати* 8 слоговъ въ стихѣ, а въ куплетѣ 5 стиховъ, изъ конхъ 3 имѣютъ одну риему, а два послѣдніе другую, *ямбико*—стихи безъ риемы, *мустазади* 14 слоговъ въ стихѣ, а въ куплетѣ 5 стиховъ; *муханбази* 10 слоговъ въ стихѣ, а въ куплетѣ 9 стиховъ, *баяти* въ стихѣ 7 слоговъ, а въ куплетѣ 4 стиха. Примѣры см. у него.—Еп. Кирионъ и Гр. Китидзе (см. *Теорія слов.*, Тифл., 1898) признаютъ 10 разбѣровъ: *шапри* (16 слоговъ), *рвули* (8 сл.), *дзатнакорули* (20 сл.), *чахрухаули* (20 сл.), *ццобили* (11 сл.), *пистикаури* (10 сл.), *лекси* (16 сл.), *мрчбледи* (14 сл.), *ямбико* (14 сл.), *шерули*.

подъ заглавіемъ «Дчашники»¹⁾. (Проба), составлена на основаніи образцовъ изъ извѣстныхъ писателей въ грузинской литературѣ. Его ars poetica открывается опредѣленіемъ стиха. Стихъ, говоритъ грузинскій Буало, есть одно изъ тѣхъ средствъ въ дѣлахъ міра, которое способствуетъ воспоминанію о человѣкѣ послѣ его смерти. Мѣткое и пронизательное слово, сказанное умно и задушевно, сохраняетъ память объ его авторѣ и поучаетъ внимающаго прославленію Бога во спасеніе души. Бараташвили видитъ лишь дидактическое назначеніе поэзіи, при томъ смотритъ на нее съ религіозной точки зрѣнія, заключая свою мысль словами: пѣснопѣнія и ямбы—тѣже стихотворныя произведенія. Если благородные стихи доставляютъ автору безсмертіе, то посвященные воспѣванію злыхъ дѣлъ и умысловъ, напротивъ, вмѣсто славы и воспоминанія покрываютъ позоромъ, укоризнами и грѣхомъ автора, поощряющаго злу. Примѣромъ добраго наставника въ поэзіи онъ считаетъ Руставели, провозглашающаго святость семейной жизни, возносящаго чистоту божественнаго и мірскаго поученія. Однако, нѣкоторые изъ стихотворцевъ приняли его поэму въ руководство для амурныхъ поползновеній, другіе даже священное писаніе въ цѣляхъ плотскихъ использовали и, наконецъ, для снисканія вниманія дамъ стали пѣть и перелagать татарскія пѣсни въ ущербъ сочинителямъ и въ осужденіе воспринимающимъ. Въ виду того, что стихотворство является, такимъ образомъ, источникомъ и добра и зла, Бараташвили возымѣлъ благое намѣреніе писать ученіе о поэзіи. Поэту, говоритъ онъ, не подобаетъ пѣть о недостойныхъ явленіяхъ. Если онъ желаетъ прославлять любовь, то пусть посвящаетъ свое творчество святымъ, почитаемымъ церковью, пишетъ божественные гимны, или же пусть восхваляетъ супружескую нѣжность чувствъ, подобно апостолу Павлу и Руставели («порицающаго легкомысліе Фатмани»), наконецъ, можно хорошія притчи и сказанія перелagать въ стихи или возносить боевыя сцены богатырей, приучающія человѣка владѣть оружіемъ въ защиту вѣры, царя и родины.

Переходя отъ содержанія къ правиламъ версификаціи, Бараташвили замѣчаетъ, что въ другихъ языкахъ могутъ быть стихи различныхъ слоговыхъ количествъ—короткіе и длинные,—но въ грузинскомъ языкѣ обязательно одинаковое количество въ стихотвореніи (шапри), хотя нѣкоторые соединяли короткій стихъ «чaxpuxaули» съ длиннымъ²⁾. Длинный стихъ

¹⁾ Привожу содержаніе по рукописи СПб. Публ. библ. Указаніе ниже схемъ размѣровъ принадлежитъ мнѣ.

²⁾ Въ персидской поэзіи онъ считаетъ это явленіе также несвойственнымъ.

хорошъ для поучительныхъ притчъ, причемъ онъ приводитъ въ образецъ четверостишіе изъ 16 слоговъ каждый стихъ. Юноша долженъ походить взрожденной терновой иглѣ, старецъ лишь ватѣ, «согрѣвающей сердца»... Многосложные стихи употребляются для притчъ и сюжетовъ, связанныхъ между собою. Восьмисложный стихъ хорошъ, напр., въ томъ случаѣ, когда мысль не укладывается въ четырехсложную строку. Ямбы употребляются для темъ изъ священнаго писанія. Размѣренная рѣчь вообще (*шецкобили*) бываетъ разныхъ названій: *шаири*, *лекси*, *рѣули*, *цкобили*, *шереули* *мрчобледи*, *дзатокорули*, *чахрухаули* (*пистикаури*), *таэпи*. Писать стихи можно или по врожденному таланту, или же по подражанію образцамъ другихъ поэтовъ. Въ первомъ случаѣ творчество непосредственное, во второмъ стихотворецъ подставляетъ слова своей мысли подъ извѣстный размѣръ уже составленныхъ пѣсенъ. Постепенно усовершенствуясь, подражатель можетъ стать независимымъ поэтомъ по формѣ. Что же касается до содержанія, то стихотворецъ долженъ вложить такой смыслъ въ свое стихотвореніе, который допускаетъ двоякое толкованіе, напр. стихъ: «кто не будучи не безумнымъ, проявить искренность тому, который его выдастъ!» можетъ быть истолкованъ въ смыслѣ сохраненія тайны духовной исповѣди и амурныхъ секретовъ. Бараташвили даетъ совѣты и относительно стиля. Тяжелое для произношенія и длинное слово портитъ впечатлѣніе стиха, напротивъ легкое и короткое слово, слѣдующее одно за другимъ, является вполне отвѣчающимъ цѣлямъ гармоніи, какъ, напр., у Руставели. Конечно, это совершенство отдѣлки стиха доступно только, по его мнѣнію, лицамъ, усвоившимъ основательно правило грамматики и риторики. Требуется внимательно разсмотрѣть соотношеніе стиховъ въ куплетѣ между собою, словъ въ строкѣ, ихъ ритмъ и риму. Для созвучія онъ считаетъ достаточнымъ со стороны обыкновеннаго стихотворца совпаденія двухъ-трехъ конечныхъ звуковъ. Четверостишіе составляетъ *шаири* (стихъ въ 16 слоговъ), первые два стиха—*лекси*, а послѣдній стихъ *таэпи*; формула его $\cup\text{---}\cup\cup \quad | \quad \cup\text{---}\cup\cup \quad | \quad \cup\text{---}\cup\cup \quad | \quad \cup\text{---}\cup\cup \quad |$. Ме Руставели хелобита, виѣ саймеса а мадари... «Я Руставели искусно исполняю это дѣло. Длинный *шаири* представляетъ другую схему: $\text{---}\cup\cup \quad | \quad \text{---}\cup\cup \quad | \quad \text{---}\cup\cup \quad | \quad \text{---}\cup\cup$
| $\text{---}\cup\cup\cup$

(Миджнурса твалад ситурпе мартебе мартвита мзеоба... Ищущій любви долженъ обладать внѣшней миловидностью какъ солнце); съ такимъ же подраздѣленіемъ на *лекси* и *таэпи*.

Чахрухаули (въ 20 слоговъ) подобно *шаири* можетъ быть разбитъ на *лекси* и *таэпи*.

Его схема $\cup\cup\text{---}\cup\cup \quad | \quad \cup\cup\text{---}\cup\cup \quad | \quad \cup\cup\text{---}\cup\cup \quad | \quad \cup\cup\text{---}\cup\cup \quad |$

Каждый стихъ онъ раздѣляетъ на четыре части, какъ бы цезурой. По образцу этихъ древнихъ стиховъ Барашатвили даетъ свои примѣры шексобили: (14 слоговъ) «ааеое, амео, сакварелса рамео»... (Доставъ какое-либо удовольствіе своей милой) съ указаніемъ лекси и шаири.

Схема $\cup - \cup \cup \mid - \cup \cup \mid \cup - \cup \cup \mid - \cup \cup \mid$

Мденари (текущая рѣчь) въ 16 слоговъ:

«Чем сакварело винао мѣцкѣв мидгхар тцинао».

(О милая моя ты вѣчно предо мною)

«Цкобил мравалмухли» (Многосложная размѣренная рѣчь въ 16 слоговъ).

Схема $\cup \cup - \cup \cup \mid - \cup \cup \mid \cup \cup - \cup \cup \mid - \cup \cup \mid$. Сообщая свои стихи Барашатвили просить, чтобы его не исключали изъ числа поэтовъ. Если его творчество не блещетъ оригинальностью и силою, то со стороны версификаціи стихи его не уступаютъ упражненіямъ въ шитикѣ другихъ стихотворцевъ его времени. Онъ приложилъ образцы стихотвореній изъ «Калилы и Димны» С. С. Орбеліани и нѣсколько стихотвореній царя Вахтанга. Онъ сдѣлалъ первый опытъ теоретическихъ указаній въ версификаціи. Прибавимъ, что извѣстный ученый Н. Гулакъ признавалъ грузинскій стихъ силлабическимъ, но въ связи съ удареніемъ ²).

Во время Соломона II и супруги его Маріи, урожденной Дадіани, въ Имеретіи также началось стремленіе «къ искусству и мудрости», говорится въ предисловіи рукоп. поэмы *Хуб-Мардіани*. Авторъ произведенія сынъ Соломона, I Георгій, который обработалъ частью въ стихахъ, частью въ прозѣ *народный сюжетъ вкратцѣ, имѣ слышанныи*, какъ поучительный разсказъ о превратностяхъ судьбы. Онъ противопоставляетъ его любовнымъ стихамъ, какъ назиданіе въ дружбѣ и любви. Въ предисловіи же со словъ царевича узнаемъ, что онъ писалъ помимо подлежащаго произведенія «анбантъ кеба», пятнадцать ямбовъ, семь чахрухаули, нѣсколько таэпи и мухамбазы и житіе одного (?) святого. Названіе его поэмы персид. происхожденія.

Одна элегія приписывается царицѣ Кетевани, замученной персами (см. выше), и одинъ акаэистъ св. Аббо Макринъ, сестрѣ царя Теймураза. До насъ дошли еще стихи царевны Маріи, дочери Ираклія II и царевны Кетевани. Стихи послѣдней именуется «мустазадъ» и состоятъ

¹) *Интимтовъ-Ивановъ*, I. с.

²) Ср. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній въ хрестоматіи *Д. Чубинова*. СПб. 1863.

изъ 14 слоговъ по 5-ти стиховъ въ строфѣ. «Сердце рвется къ ден-ницѣ съ хвалой, жаждетъ созерцанія разумъ мой, къ нему душа поспѣшно рвется, объятая тоской... О сердце бѣдное покорись его ласкѣ, если воспламененную грудь онъ сумѣетъ утолить». Помимо этой элегіи царевна Марія написала сатирическое «посланіе прот. Анчисхетскаго собора Соломону Алексидзе на безбожнаго Давида—ректора».

Самому царю Ираклію приписывается составленіе особой молитвы Спасителю ¹⁾. Благочестивый царь изливаетъ чувства покаянія въ слѣд-выраженіяхъ: «Увы намъ, согрѣшившимъ предъ Тобою Господи! Увы намъ нарушившимъ заповѣди Твои, Господи! Увы намъ, Творецъ Господи, все дарованное Тобою отвержимъ и отступившимъ отъ пути истинны! Грѣшны, грѣшны, Господи, но помилуй и прости намъ прегрѣшенія». Заканчивается молитва прославленіемъ Троицы.

Другая царевна, писавшая стихи, Кетеванъ, дочь Ираклія II кото-рой принадлежитъ извѣстная элегія: «Ой вѣта встѣва гансакрѣомели».

Образчикомъ лиры царевны Кетевани можетъ служить слѣдующее стихотвореніе, и нынѣ распѣваемое въ Грузіи.

«О, какъ тяжело мнѣ словомъ выразить
Все, что вынесло сердце бѣдное!
Тучей съвера горы родины
Тѣнью мрачною ужъ окутаны;
Мѣста чудныя, красота полныя,
Бурей грозною вы загублены!
Розы пышныя и душистыя
Отъ земли родной вы оторваны!
Ливень силою беспощадною
Затопилъ поля милой родины.
Отъ тебя вдали, о мой край родной,
Я томлюсь въ тоскѣ и скорблю душой!
Доля горькая—жизнь невольная,
Жизнь печальная, одинокая!
Тяготятъ меня рѣчи льстивыя
И вниманіе стражи бдительной
Но ни слова мнѣ въ утѣшенье...
И надежды нѣтъ на спасенье!
О природа—мать всемогущая,
О сила Божія вездѣсущая,
О зачѣмъ меня пощадили вы,
Грономъ молніей не сразили вы!»

¹⁾ Рукопись общ. распротр. грам. № 182.

Большое собраніе стихотвореній грузинскихъ царей, царевичей и князей имѣется въ рукописномъ фоліантѣ царевича Григорія Іоанновича. Онъ записалъ произведенія царевича Ильи, свои собственныя, царей Теймураза II и Вахтанга, стихи Іоанна Ялгузидзе, Петра Ларадзе, Іоны Мровели, Димитрія и Автандила Туманашвили, Сазандаря Мачабели, Степана Пешангивили, Саятъ-Нова, Вис. Габашвили ¹⁾ и др. Всѣ эти поэты бряцали по поводу личныхъ невзгодъ, проистекающихъ отъ нераздѣленныхъ чувствъ любви и несбывшихся мечтаній. Выше индивидуальныхъ интересовъ они не поднимаются. Отраженіе эпохи рѣдко въ нихъ творчествѣ замѣтно. Наболѣе плодovitый изъ нихъ—царевичъ Григорій изнываетъ отъ тоски въ Петрозаводской крѣпости. Этотъ иногда возвышаетъ голосъ въ упрекъ своимъ соотечественникамъ и грустить, чтъ «закатилось солнце Иверіи». Царевичъ Илья скорбитъ, что «грусть вцѣпилась ему въ сердце своими когтями, причиняя неисчислимыя боли».

Изъ писателей оставившихъ стихотворныя произведенія, отмѣтимъ еще слѣдующихъ.

Димитрій Орбеліани († 1727, погребенъ въ Тифлисскомъ сіонскомъ соборѣ) прославился стилистической отдѣлкой фразъ, какъ выражается объ немъ католикосъ Антоній въ «Мѣрномъ словѣ» (§ 808). Мзечабукъ Орбеліани—поэтъ, привѣтствовавшій рожденіе послѣдняго царя, Георгія. Стихотвореніе это любопытно въ томъ отношеніи, что здѣсь авторъ пользуется народной колыбельной пѣсней, оканчивающейся словами: «Солнце войди». Соломонъ Месхіевъ Алексѣевъ (отецъ архим. Тарасія) написалъ похвальное слово Ираклію II, по поводу пораженія послѣднимъ «агарянь». Этотъ самый Соломонъ Алексѣевъ спасъ анчхатскую икону при нападеніи Ага-Магометъ-хана и отвезъ ее на арбѣ въ Телавъ, переправившись во время разлива черезъ Куру.— Кн. Игнатій Туманшвили, статсъ-секретарь при Иракліи II и Георгіи XII, извѣстенъ какъ книжникъ и стихотворецъ. Сынъ его Георгій, писалъ эротическія лирическія пьесы. Одна изъ нихъ начинается грустнымъ восклицаніемъ: «О, какимъ я жгучимъ огнемъ объять! Страсти искры, не угасая, все во мнѣ горять!» Димитрій Тумановъ, переселившійся съ царевичами въ Россію, оставилъ романсы, долго распѣвавшіеся въ Грузіи. Извѣстна его пѣсня («баяти»): «О милая, въ раю расцвѣтшая душа, ты мнѣ судьбой назначена, отъ тебя жду жизни сладость». Другое стихотвореніе заключаетъ аллегорическое воспѣваніе красавицы,

¹⁾ См. объ немъ ст. о грузинскомъ стихосложеніи *К. Додашвили* въ „Иверіи“, 1890 г.

черные глаза которой сравниваются съ гипервыми лодками въ открытомъ морѣ ¹⁾).

Изъ фамилии Баратовыхъ извѣстны Барамъ и Зааль, изображающіе подь видомъ соловья, розъ, нарцисса своихъ возлюбленныхъ. Изъ Багратионовыхъ—Давидъ оставилъ стихи элегическіе, похвальные и религиозные. Изъ послѣднихъ были напечатаны въ журн. «Цискари»: Изгнаніе Адама изъ рая и распространение послѣ этого разныхъ бѣдствій. Соломонъ Леонидзе произнесъ надъ гробомъ Ираклія II въ стихахъ «Плачь шпаво-тушь-хевсуръ». Къ религиознымъ сюжетамъ обращался Петръ Ларадзе, возстановитель Диларіани. Ему ²⁾ принадлежитъ «О крестномъ страданіи Спасителя». Давидъ Чолокашвили написалъ духовную оду, представляющую частью переводъ изъ Ломоносова, частью собственное переложеніе изъ книги Іова (гл. 40, 41). Начинается она словами, соответствующими «О ты, что въ горести напрасно, на Бога ропщешь человекъ». Ему же принадлежитъ переложеніе 145 псалма. Въ области романсовъ ему приписывается «Сикварело дзалса шенса»—«Кто силъ страсти не подвластенъ»...

Въ качествѣ переводчика стихотворнаго произведенія извѣстенъ Саридонъ Чолокашвили, воспитавшійся въ Москвѣ (въ нач. XVIII в.) при грузинскихъ царевичахъ. По возвращеніи въ Тифлисъ онъ перевелъ *Les aventures de Telemaque* съ русскаго перевода Тредьяковскаго «Телемахида» Фенелона.

Къ этому же времени относится поэма Кайхосро Андроникашвили, извѣстная подь именемъ «Сѣтъ влюбленныхъ» («Миджнуртъ бада»). Въ ней повѣствуется объ юношѣ франгистанскомъ и любви его къ Гулбарі, переписка ихъ, восхваленіе взаимныхъ достоинствъ и благополучное сближеніе ихъ влюбленныхъ сердець ³⁾).

Къ поэтическимъ произведеніямъ XVIII в. относится стихотворная обработка одной главы изъ «Русуданіани». Она можетъ быть наз-

¹⁾ Стихи названныхъ лицъ приводятся въ рукописномъ сборникѣ царевича Григорія (хранится въ СПб. Публ. библ.), который тщетельно собиралъ все ему извѣстное изъ литературы грузинской, не исключая анекдотовъ, и просилъ читателей присоединить то, что имъ забыто. Нѣкоторыя изъ стихотвореній этого сборника напечатаны въ грузинской хрестоматіи *Д. Чубинова*.

²⁾ См. объ немъ II в. моухъ „Очерковъ“. Героическую повѣсть „Баба-Амираніани“ возстановилъ Соломонъ Тархнишвили, шамшадильскій моуравъ.

³⁾ Напечатано у *Д. Чубинова*, груз. хрест. СПб. 1863. стр. 10—21. Отдѣльное изданіе, Тифлисъ 1885. Ср *Ethé. Grundr d. iran. phil.*, II, 251. „Die Zauber Kraft der Liebe“ von Muhammed Akram Ghanimat.

вана «Джимшедиани», такъ какъ героемъ ея является Джимшедъ. Авторомъ является Мамука Бараташвили. Помимо этой поэмы существуетъ еще «Джимшеріани», написанная въ XVII в. Сулханомъ Винтанашвили. Въ этой поэмѣ излагается въ стихахъ содержаніе другого классическаго произведенія Амиранъ — Дареджаніани ¹⁾). Любопытно, что въ нее не вошли тѣ главы, которыя внесены въ нѣкоторыя рукописи о Дареджанидзе ²⁾). Объ этихъ главахъ, призванныхъ неправильно отрывками изъ недошедшаго до насъ Диларіани, мы говорили въ другомъ мѣстѣ ³⁾). Къ XVIII в. относится переводъ съ персидскаго «Варшикіани», героической повѣсти (Изд. Тифлисъ, 1899).

С. С. Орбелиани.

С. С. Орбелиани, одинъ изъ замѣчательныхъ грузинскихъ писателей, значеніе котораго до настоящаго времени, какъ баснописца и лексикографа, остается въ полной силѣ.

Сулханъ-Савва Орбелиани, сынъ Вахтанга верховнаго судьи Грузин, племянникъ по матери царей Арчила, Георгія и Леона, родился 24 октября 1659 г., воскресенье вечеромъ. Биографическія объ немъ свѣдѣнія

¹⁾ Рукоп. общ. распротр. грам. среди груз. № 390 по описанію Баричашвили. Она относится къ 1732 г.

²⁾ У царевича Баграта, время жизни и личность котораго не установлены, — мы считаемъ невозможнымъ видѣть въ немъ Баграта Мухранскаго, покрайней мѣрѣ съ тѣми доводами, которые выставилъ г. Марръ, заставившій его жить съ первой четверти XVI в. до конца XVII в., — итѣется свѣдѣніе о томъ, что повѣсть «Дареджаніани» переведена съ *книги сарацинъ*, называющуюся у нихъ «Kisai Namva». Эту мысль повторяетъ Іадръ Шемокмедели, переложившій въ стихи «Пренія о религіи», соч. Баграгомъ. (З. Чичинадзе время жизни Баграта относитъ къ 1511—1573 г., а г. Марръ принялъ это на вѣру). Г. Марръ спѣшитъ записать Баграта въ число своихъ немногихъ единомышленниковъ и, ссылаясь на свою только статью «Персидская національная тенденція въ груз. романѣ Амирандареджаніани», заявляетъ, что «давно не было сомнѣнія, что Амирандареджаніани переводный памятникъ», и что онъ переведенъ на грузинскій языкъ съ персидскаго языка. Во-первыхъ, Баградь не говоритъ, что повѣсть эта переведена съ *персидскаго* языка, а скорѣе разумѣетъ арабскій, такъ какъ сарацинами именуется арабы. Во-вторыхъ, сначала нужно свѣрить его съ Kisai-Namva и потому утверждать степень зависимости груз. перевода отъ оригинала «сарацинскаго». Въ-третьихъ, нужно принять къ свѣдѣнію возраженія о неосновательности мнѣнія о переводѣ Дареджаніани, напр. сдѣланныя г. *Потанинымъ*. «См. Восточ. мотивы въ европ. эпосѣ», 384 стр. и др.

³⁾ См. мои «Очерки», II, 230—2; Ср. *Моамбэ*, 1900, II.

извлекаемъ частью изъ свидѣтельствъ современниковъ, [царь Вахтангъ VI и католикосъ Антоній I], частью же изъ его же сочиненій; таковы: «Словарь грузинскаго языка», «Путешествіе по Европѣ», «Калила и Димна» (стихи) и «Письма».

Получивъ хорошее образованіе ¹⁾, изучивъ священное писаніе и грузинскихъ писателей, Сулханъ Орбелиани по смерти жены, по имени Тамары, дочери атабега Хали-паши, постригся въ монахи подъ именемъ Саввы (лѣтъ сорока въ 1698 г.) въ Давидъ-Гареджійской пустыни (или въ въ Иоанно-Крест. монастырѣ, по мнѣнію П. Умикашвили). Въ 1710 г. былъ вызванъ въ Хорасанъ царемъ карталинскимъ, а черезъ два года онъ сопровождаетъ въ Испанію замѣстителя карталинскаго царя, Вахтанга, которому былъ обѣщанъ шахомъ-Гусейновомъ престолъ подъ условіемъ принять исламъ. Вахтангъ не согласился на это предложеніе, поэтому онъ посланъ или сосланъ былъ въ Кирманъ. А С. С. Орбелиани вернулся въ Карталинію и отсюда отправился incognito въ 1713 г. во Францію съ отвѣтнымъ письмомъ Вахтанга на посланіе Людовика XIV. (Письма Вахтанга къ имп. Карлу IV о распространеніи католицизма въ Грузіи хранятся въ римскомъ арх. de Propaganda Fide).

Вахтангъ въ письмѣ за прославленіемъ мощи Людовика говоритъ, что ждетъ онъ случая послужить ему, хотя онъ окруженъ невѣрующими, благодаритъ и радуется за вниманіе къ нему французскаго короля (*Brosset. Bibliogr. analytique* № 18. Ср. «Дрозба» 1876, 43).

Путешествіе по Европѣ Орбелиани совершилъ въ сопровожденіи папскихъ миссіонеровъ, съ которыми онъ сблизился въ Тифлисѣ, и перешелъ въ католицизмъ. Онъ поѣхалъ черезъ Константинополь въ Парижъ съ миссіонеромъ Бишаромъ, имѣя порученіе, судя по письму его къ Понъ-Мартену, министру Людовику XIV, отъ царя Вахтанга просить короля Людовика XIV оказать вліяніе на шаха и уговорить его, чтобы онъ далъ тронъ Вахтангу, не заставляя отрекаться отъ христіанской вѣры. Съ своей стороны, какъ извѣщалъ С. С. Орбелиани письменно Григорія Пон Мартена, Вахтангъ желаетъ перейти въ католицизмъ и обратитъ въ католицизмъ горцевъ, давалъ обѣщаніе принять подъ свое покровительство католическихъ миссіонеровъ, дать хоро-

¹⁾ Онъ говоритъ въ предисловіи къ своему Словарю, что не зналъ ни одного языка кромѣ грузинскаго. Намъ кажется, что Орбелиани пишетъ такъ изъ скромности; изъ другого мѣста можно заключить, что онъ зналъ по крайней мѣрѣ армянскій яз.: въ подражаніе армянскому „Баркарку“ (словарю), говоритъ онъ, я составилъ лексиконъ. См. его *Словарь*, стр. IV.

шій домъ французскому консулу въ Тифлисъ и охранять товары французскихъ купцовъ. Грузинскій посоль въ Людовика XIV въ Версали двѣ аудіенціи въ маѣ 1714 г., произнесъ предъ нимъ цвѣтистую рѣчь и познакомился съ баснописцемъ Лафонтеномъ. Обнадеженный въ нравственной поддержкѣ короля, онъ покинулъ Парижъ, вернулся чрезъ Римъ и Сицилію въ Константинополь, гдѣ пробылъ 17 мѣсяцевъ до 13 мая 1716 г. подъ покровительствомъ французскаго консула Дезалера. По пути изъ Стамбула въ Грузію онъ испыталъ много невзгодъ между Трапезунтомъ, Лазистаномъ и Ардануджомъ. Около Хопи ихъ ограбили лазы. Въ Грузіи, куда онъ привезъ двухъ капуцинскихъ миссіонеровъ и одного іезуита, его ожидали новыя огорченія за переходъ въ католицизмъ отъ царя Іессея; онъ пріютился у католички до возвращенія Вахтанга, съ которымъ вскорѣ онъ переѣзжаетъ въ 1724 г. съ тремя братьями (Николай Тбилели, Заалъ и Эрастъ) и племянниками (Элизбаръ и Вахтангъ) въ Россію и умираетъ, отрекшись отъ католической вѣры ¹⁾ во дворцѣ ц. Арчила въ с. Всесвятскомъ, близъ Москвы въ 1725 г. 26 янв., и погребенъ тутъ же.

Остановимся теперь на его работахъ научно-литературныхъ. Прежде всего С. С. Орбеліани восполняетъ пробѣлъ, образовавшійся въ грузинской литературѣ: «исчезъ у грузинъ существовавшій лексиконъ благодаря, говоритъ онъ, вражескимъ вторженіямъ». Онъ приступилъ къ его составленію съ юныхъ лѣтъ, по приказанію царя Георгія, брата Вахтанга VI. Онъ воспользовался для образца армянскимъ лексикономъ, а слова, введенныя имъ и объясняемыя имъ, онъ заимствовалъ «изъ св. писанія, Прокла, Платона, Діодосія, Аристотеля, Категорія Порфирія» и другихъ «мудрыхъ книгъ», сравнилъ эти слова со словами другихъ языковъ; бралъ слова изъ книгъ греческихъ, латинскихъ, армянскихъ русскихъ и арабскихъ». При помощи другихъ будучи увѣренъ въ томъ, что не всѣ слова имъ собраны, онъ обращается съ просьбой къ ученымъ прибавлять, но не присваивать его труда, какъ сдѣлалъ образованный его современникъ, писатель, игумень Іовъ при жизни самаго автора, протестовавшаго въ благородномъ негодованіи противъ такихъ неожиданныхъ притязаній. Трудъ его, заключающій

¹⁾ Біогр. свѣдѣнія см. у *Цагарели* „Книга мудрости и жи“ (рус. перев.). СПб. 1878. Р. Эрстова при *Словарѣ* С. С. Орбеліани, изд. на счетъ еп. Александра. Тифлисъ 1884. Иверія 1899, № 21. Въ архивѣ S. C. de Propaganda Fide хранится письмо С. С. Орбеліани къ папѣ Клименту XI отъ 1709 г. Онъ признаетъ его главою церкви и упоминаетъ о женѣ своей, которая также католичка. *Жорданія*, (Хроники, II, 502—4) даетъ свѣдѣнія о С. Орбеліани.

словарь, грамматическіе эскизы, свѣдѣнія изъ астрономіи и естественной исторіи, есть плодъ огромной начитанности и любви къ знанію. («Иверія» въ 1894, № 2>4, сообщаетъ, что найденъ словарь «хуцури», предшествовавшій С. С. Орбелиани, который имъ считался утеряннымъ).

«Путешествіе»; описанное имъ, не дошло до насъ въ полномъ объемѣ ¹⁾. Удѣлѣвшія его «письма» изъ путешествія начинаются съ описанія Рима (вслѣдъ за небольшимъ введеніемъ о гор. Аликорни). Въ Римѣ онъ осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности древняго и христіанскаго искусства: храмы, монастыри, дворецъ папы. Папа Климентъ XI, съ которымъ онъ находился въ перепискѣ съ 1709 г., принявъ его ласково далъ ему часть св. Креста, черепъ св. Климента и много другихъ вещей и заявилъ, что онъ для Вахтанга и жизни своей не пожалѣетъ! Орбелиани былъ тронутъ сердечнымъ приѣмомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ многихъ великодушныхъ поступковъ папы и между прочимъ вспоминаетъ какъ папа, по обыкновенію, лично угощалъ 12 нищихъ. Обѣщанія главы католическаго міра приободрили Орбелиани, и онъ занялся изученіемъ святынь Рима. Посѣтилъ онъ пріютъ при монастырѣ Іоанна Богослова, гдѣ воспитывались ежегодно до 800 бѣдныхъ дѣвушекъ, выдаваемыхъ потомъ замужъ; видѣлъ то мѣсто, гдѣ въ смолу былъ брошенъ Іоаннъ Богословъ импер. Нерономъ. Прикладывался онъ къ мощамъ, восхищался сводами храмовъ: удивлялся ихъ богатству, внимательно измѣряя ихъ въ длину и ширину; сообщаетъ попутно сказанія, напр. о камнѣ, близъ языческаго храма Истины, изображающемъ человѣческую голову съ открытыми устами; онъ слышалъ и записалъ чудо, которымъ сопровождается прикосновеніе къ этому камню: неправый, положившій въ уста головы руку, теряетъ ее, такъ какъ ее сжимаетъ и, наконецъ, сокрушаетъ каменная голова.

При посѣщеніи извѣстныхъ достопримѣчательностей его встрѣчаютъ съ необыкновенною предупредительностью и любезностью. Онъ осматриваетъ школы, больницы, пріюты. Ему представляютъ школьничковъ изъ арабовъ, эфиоповъ и армянъ, обучающихся пѣнію и письму. Взгляды его шире, чѣмъ интересы дипломата или паломника. Его вниманіе одинаково сосредоточиваетъ и растительный міръ, и красоты природы отъ Рима до Флоренціи и Толетино. Патріотическое чувство при этомъ оживляетъ его рассказъ и придають особую цѣнность его описаніямъ. Въ его умѣ возникаютъ виды родной страны и онъ сравниваетъ пейзажи окрестностей Флоренціи съ видами Одиша, а вино

¹⁾ „Цискари“ 1852. № 1—4; *Броссе* въ Journ. asiat., avril, mai 1832, février 1834) напечаталъ съ двойнымъ переводомъ латинскимъ и французскимъ.

Атенское (близъ гор. Гори) съ итальянскимъ. Поэтическое воображеніе окутываетъ въ фантастическій покровъ волшебныя его описанія окружающей природы, церковныхъ алтарей, пышныхъ фонтановъ, со всѣми характерными свойствами арабскихъ сказокъ. Онъ не жалѣеть словъ при изложеніи своего посѣщенія Мальты, Мессины, огнедышащей Этны, роскошнаго обѣда у гостепріимнаго мальтійца и гранмагистра (т. е. правителя). Пользуясь вниманіемъ посла французскаго короля, онъ ѣдетъ на его корабль по морю чрезъ Митилену, Витлинь—приплываетъ въ Константинополь, а оттуда тчань [лазь] привозятъ его въ Кобулетію, будучи по пути ограбленъ въ Хопи. Языкъ его писемъ выразительный, полународный, полукнижный. Онъ переходитъ отъ восторженныхъ описаній къ ровному, спокойному изложенію, оставаясь вездѣ искреннимъ выразителемъ охватившихъ его чувствъ и впечатлѣній¹⁾.

Еще до-заграничнаго путешествія С. С. Орбеліани принялъ участіе въ переводѣ «Калилы и Димны» на груз. языкъ, предпринятому царемъ Вахтангомъ VI. Первому въ переводѣ принадлежатъ большая часть стиховъ, а второму часть стиховъ и проза. Стихи рифмованные, звучные, заключающіе въ себѣ правоученія, часто переходящіе въ трюизмы, въ родѣ «Кто дѣлаетъ зло, обрѣтетъ зло» или «Каждое слово имѣетъ время, а бесѣда свое мѣсто» (стр. 209). Иногда Орбеліани ограничивается однимъ стихомъ, «таэпи 16 слог. иногда двумя, (лекси 16 сл. или пистикаури 20 сл., чахрухаули 20 слог.), но нерѣдко онъ сопровождаетъ прозаическій рассказъ осмысленнымъ четверостишіемъ (шапри=16 слоговъ). Такъ, онъ воспѣваетъ хорошую, вѣрную жену:

Въ этомъ и въ томъ мѣрѣ достойна хвала добрая жена,
Блаженъ мужъ хорошей жены; онъ сумѣетъ затушить пламя
жизни,

Если кто постарается найти подобную жену,
Обратить тотъ свою землянку въ золотой домъ.

Есть стихи мрчобледи или цкобили, переули въ шесть стиховъ по 16 слоговъ²⁾ (416, 164, 260). Вахтангъ замѣчаетъ, что духовному лицу, какимъ является С. С. Орбеліани, не пристало заниматься чтеніемъ «Калилы и Димны» вмѣсто божественной библии. Для полноты свѣдѣній о трудахъ Орбеліани скажу, что онъ оставилъ еще 1) «Две-

¹⁾ О рукописяхъ его Путешествія имѣется упоминаніе въ спискѣ памятниковъ груз. письменности, сост. 1810 г. Ср. *Цагарели*, свѣдѣнія, III, 263.

²⁾ См. о видахъ грузинской версификаціи выше стр. 224—227.

ри рая»¹⁾, христіанское наставленіе, 2) Мученичество св. пророковъ и 3) Ученія²⁾, взятія изъ книгъ св. писанія— всѣ три еще не напечатаны. Послѣдній трудъ въ 708 стр. хуцури переписанъ въ 1729 г. въ Москвѣ Зосимомъ Орбеліани. Наконецъ онъ является авторомъ книги «Мудрости и лжи», которая заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разбора.

Книга мудрости и лжи³⁾, это—сборникъ басенъ; на старинныхъ рукописяхъ его сохранилась помѣтка, по которой авторомъ этой книги считается С. С. Орбеліани. Хотя на заглавномъ листѣ С.-Петербургскаго изданія 1850 г. читается, что С. С. Орбеліани составилъ ее «во время своей юности», однако въ другихъ изданіяхъ и спискахъ такогорукаванія не находимъ, да и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ окончательную редакцію ея нужно отнести скорѣе къ зрѣлому возрасту, а именно послѣ путешествія по Европѣ. Къ такому предположенію приводятъ встрѣчающіяся въ его басняхъ европейскія понятія и географическія названія: рядъ рассказовъ объ итальянскихъ живописцахъ, о Дукѣ и Грандукѣ, Магистросѣ, Римѣ, Флоренціи, Константинополѣ, «о золотомъ камнѣ», «золотой химіи».

Чтеніе самой книги производитъ впечатлѣніе, что она написана человекомъ, умудреннымъ житейскимъ опытомъ, много пережившимъ и передумавшимъ въ теченіе своей жизни. Его «книга» разлагается на три составныя части: 1) сказки, басни, анекдоты и пр. 2) различныя правила и сентенціи объ обязанностяхъ царей, визирей, друзей и др. и 3) несложная канва рассказа, соединяющая въ одну повѣсть, по-

¹⁾ Рукопись значится въ Каталогѣ Тифл. церков. древлехранилища: in quarto, 174 стр., нач. нѣтъ, въ переплетѣ.

²⁾ «Наставленія, сказанныя Сулханомъ Орбеліани», рукопись хуцури 708 стр. принадлежитъ свящ. З. Давидову (Иверія, 1899, № 21). Ср. церк. муз. № 450. Рукопись написана въ Москвѣ въ 1729 г. Зосимомъ Орбеліани съ просьбой помолиться за его грѣшную душу. Рукопись заключаетъ 46 главъ и трактуетъ о различныхъ церковныхъ вопросахъ,—каковы: церковь, исповѣдь, адскія муки, второе пришествіе, воскресеніе мертвыхъ, о любви къ ближнему, милосердіи, о семи смертныхъ грѣхахъ, Страсти Господни, поученія въ дни праздничныя—Рождества Христова, Преображенія, Іоанна Крестителя, св. Георгія, Успенія Богородицы и др. Вариантъ его словаря, см. Бат. Тифл. церков. муз. № 75 и Гелатскаго («Квали» 1897, № 52). Особый вариантъ у Н. Гамрекели. (См. его брошюру «Саба Орбеліани и его груз. лексиконъ», Т. 1885 г.). Извѣстенъ еще вариантъ словаря, переписанный въ 1824 г. (См. Иверія 1888, № 57). См. еще «Кребули» Акакія Церетели 1899, IX.

³⁾ Изд. въ СПб. 1859. Полное изданіе появилось въ Тифлисѣ подъ ред. П. Умикашвили. Тифлисъ 1871. Въ 1894 г. оно переиздано въ Тифлисѣ.

добно другимъ восточнымъ и западнымъ сборникамъ. Содержаніе ея таково: одинъ добродѣтельный государь, Фонезъ, имѣеть мудраго ви- зиря, Седракна и преданнаго евнуха, Рукна. Царь бездѣтенъ, но вскорѣ, послѣ горячей молитвы и раздачи щедрой милостыни бѣднымъ, Господь даруетъ ему сына, Джумбера, для котораго, послѣ долгихъ поисковъ, во время охоты, находятъ молодого наставника Леона. Онъ не соглашается на это предложеніе, опасаясь службы при дворѣ. Рукна также противъ него. Однако, царь послѣ долгаго спора беретъ съ собою Леона воспитателемъ сына, вызвавъ неудовольствіе въ Рукнѣ. Леонъ воспитываетъ своего питомца въ спартанскомъ духѣ, обращается съ нимъ сурово, во время охоты самъ ѣдетъ верхомъ а царевичъ слѣдуетъ за нимъ босякомъ. Заставляетъ голодать, даетъ ему нѣсколько палочныхъ ударовъ, чтобы, по его показаніямъ предъ царемъ отцемъ, будущій царь сынъ имѣлъ понятіе объ тягостяхъ пѣшеходовъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ. Царь экзаменуетъ сына. Послѣ блистательно выдержаннаго Джумберомъ испытанія отецъ уступаетъ ему царство и тронъ. По желанію царя Леонъ рассказываетъ свои похождения: изъ этого Рукна усматриваетъ опытность и познанія и совѣтуетъ царю оставить его при дворѣ. Оканчивается рассказъ выраженіемъ Фонезомъ опасеній, въ виду возможныхъ среди царедворцевъ разногласій, могущихъ имѣть для всѣхъ ихъ нехорошія послѣдствія.

Этой внѣшней канвой разсказа соединяются басни, сказки, анекдоты, сентенціи, высказываемыя пятью названными лицами въ видѣ вопроса, отвѣта, сравненія и нравоученія. Основной мотивъ книги, такимъ образомъ, дидактической: дѣло идетъ о воспитаніи сына и наслѣдника и царя, приготовленію будущаго достойнаго правителя. Подобный мотивъ проходитъ черезъ «Анварі Сахаили», а также еще неизданный сборникъ «Тимсаріани»¹⁾. Вопросъ объ оригинальномъ и вполнѣ мѣстномъ происхожденіи «Книги мудрости и жи» еще въ литературѣ не обсуждался. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сборникъ Орбелиани вошли странствующие басни (подъ вліяніемъ Лафонтена), общепринятыя восточныя труизмы, избитыя анекдоты.

У Орбелиани имѣются аналогичныя басни съ Анвари Сахаили: таковы «Черпаха и скорпіонъ» и «Змѣя, человекъ дерево, быкъ и лисица». Рядъ басенъ заимствованъ авторомъ изъ устныхъ сказаній грузинскаго народа, но въ цѣломъ своемъ составѣ сборникъ является произведеніемъ, планъ котораго принадлежитъ самому С. С. Орбелиани.

¹⁾ См. объ немъ выше, стр. 119, и сл. Письма С. С. Орбелиани см. журналъ „Иверія“ за 1879 г.

Книга его имѣеть въ виду занимать и поучать одновременно, подобно «Панчатантрѣ» «Гитопадешѣ», Анвари Соханли и др. Выраженіе идеи въ формѣ басенъ является обычнымъ приемомъ на Востоцкѣ. Но сходство басенъ съ извѣстными сборниками Орбеліани по мнѣнію Уордропа, англійскаго ихъ переводчика ¹⁾, не свидѣтельствуетъ объ ихъ переводѣ съ иностраннаго языка. Басни эти вполне оригинальны, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ не находятся въ связи съ общей канвой разсказа, такова басня «Золотоносный осель, ручная мельница и тыква».

Къ сборникамъ басенъ принадлежитъ Лисья книга, переведенная изъ армянскихъ сказокъ Вардана на грузинскій (изд. Тифлисъ, 1899). Всѣхъ басенъ 157 ²⁾. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны въ простонародіи, другія сходятся съ баснями С. С. Орбеліани. Языкъ тяжелый и мѣстами темный ³⁾.

Подводя итоги обзорѣнія писателей XVIII в., нужно отмѣтить прежде всего не только разнообразіе темъ сочиненій, ими затронутыхъ, но также расширеніе круга литературныхъ дѣятелей, въ составъ котораго входятъ царственныя особы обоого пола. Кроме того, этотъ вѣкъ характеризуется развитіемъ національнаго и оригинальнаго творчества, преимущественнаго лирическаго и нравоучительнаго (главнымъ образомъ подъ перомъ Гурамишвили и Орбеліани) и стремленіемъ къ теоретическимъ обоснованіямъ какъ видовъ литературныхъ произведеній, такъ и богословскихъ, философскихъ и педагогическихъ началъ. Это новое научное теченіе, взамѣнъ исключительно господствовавшаго увлеченія сказочными сюжетами, обязано своимъ зарожденіемъ въ Грузіи

¹⁾ The Book of Wisdom and lies a georgitn Hory-book of the eighteenth century, by *Sulkhan-Saba Orbeliani*, translated with notes by *Ol ver Wardrop*, Printed by Wil. Morris at the Kelmscott Press, 14.

²⁾ Рукопись груз. перевода *Лисей книги* принадлежитъ къ началу XIX в. Оригиналъ этой книги на армянскомъ языкѣ относится приблизительно къ началу XVII в. Въ грузинскомъ переводѣ недостаетъ шести послѣднихъ притчъ. Онъ сдѣланъ, повидимому, въ сокращенномъ видѣ, не покрывая деталей армянскаго подлинника. *Мартъ*. Сборники притчъ Вардана, СПб. 1899, ч. I, стр. 575.

³⁾ Ср. напр. С. С. Орбеліани № 19, „Горецъ и орѣховое дерево“ и № 128 груз. перевода притчъ Вардана Орѣхъ и Арбузь; № 37 перваго—Воликъ и Осель съ № 103 втораго подъ тѣмъ же заглавіемъ. Ср. № 53 Мальчикъ и цыплята груз. перевода Лисей книги съ басней, записанной въ Имеретинской деревнѣ Чолеви, недалеко отъ Окриби, извѣстнаго своими анекдотами о глуцахъ (*Ахакій Церетели*, Сборникъ 1897, VII, 19—20).

культурно-религиознымъ сношеніямъ ея съ Италіей. Католическіе миссіонеры, а затѣмъ знакомство грузинъ съ схоластическою образованностью въ Москвѣ, вводятъ ихъ въ сферу новыхъ вопросовъ школьнаго дѣла, теоретическаго мышленія и кипучей умственной работы, направленной лучшими представителями общества на усвоеніе европейской науки и насажденіе ея въ отечествѣ въ интересахъ обновленія силъ народа и укрѣпленія въ немъ національнаго самосознанія. Во главѣ кружка, проникнутаго этими возвышенными идеями, стоитъ Антоній I, католикосъ Грузіи, обязанный пробужденіемъ научныхъ интересовъ католическимъ миссіонерамъ.

О грузино-католикахъ.

Въ странѣ грузинъ, всегда отличавшихся религиозной терпимостью, свободно, безъ ограниченій со стороны правительства, распространялись различныя фракціи христіанской вѣры: католики, армяне-грегоріане не только не подвергались стѣсненіямъ въ отправленіи своего богослуженія, но находились даже подъ покровительствомъ православныхъ грузинскихъ царей и распространяли свое вѣроученіе, насколько это имъ удавалось, среди православныхъ. Католическіе миссіонеры впервые проникли въ Грузію около XIII в. ¹⁾, когда страна, разоренная мангольскими полчищами, раздѣлилась на два царства, изъ которыхъ вскорѣ выдѣлилось самостоятельное владѣніе—Месхетія или Саатабаго, нынѣшній Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды. Въ Месхетіи-то, ближайшей, пограничной съ Турціей провинціей, появились католическіе миссіонеры, которые, пользуясь протекціей султана и эрзерумскаго паши, стали переводить въ лоно католической церкви грузинъ—православныхъ. Ослабленіе Грузіи въ интересахъ Турціи требовало разрыва Верхней и Нижней Карталиніи (Иверіи), что легко могло быть достигнуто религиознымъ разединеніемъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что османскіе паши простерли свой милостивый покровъ на римскихъ миссіонеровъ, позволяя имъ безпрепятственно насаждать католицизмъ въ отторгнутой отъ Грузіи Месхійской провинціи (Саатабаго). Населенію было даровано папою право слушать мессу на грузинскомъ языкѣ, и съ этихъ поръ возникаетъ, или вѣрнѣе сказать укрѣпляется начало грузино-католической церкви, первые послѣдователи которой выговорили себѣ эту привилегію еще въ XIII в. Католики-грузины гор. Ахалцыха съ его окрестными деревнями: Удэ, Вале, Хизабавра, Арали, Баралети и др., въ силу договоровъ Турціи съ западными державами, сохранили твердо свою вѣру, не подвергаясь дав-

¹⁾ Во времена царицы Тамары и Русуданы римскіе папы писали имъ отвѣтныя буллы: папа Гонорій въ 1227 г., Григорій въ 1242 г., Николай IV въ 1292 г., Іоаннъ XXII въ 1332 г. Этотъ папа Іоаннъ въ 1239 г. прислалъ въ Тифлисъ епископа и патеровъ для грузино-католиковъ. Съ 1626 г. въ Грузіи были патеры доминиканскаго и августинскаго орденовъ, а съ 1661 по 1845 г.—бануцины.

лению со стороны послѣдователей ислама, который насильно огнемъ и мечемъ былъ водворенъ въ православной части населенія. Такимъ образомъ, въ Месхетин. обособившейся въ 1306 г. отъ Грузіи подъ названіемъ Самцхе-Саатабаго, въ XVI в. утверждается сюзеренная власть турокъ, а съ XVII ст. вассалы Месхетин принуждаются принять исламъ и титуловаться атабегами. Католицизмъ, здѣсь распространенный со времени послѣдняго крестоваго похода, поддерживается миссіонерами, свободно проникавшими въ глубь М. Азии подъ покровительствомъ западно-европейскихъ государствъ. Всѣхъ европейцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ католиковъ турки называли однимъ общимъ именемъ „франги“ (у грузинъ „пранги“), и всякій франгъ былъ гарантированъ отъ насильственнаго обращенія въ мусульманство, безпрепятственно навязываемое христіанамъ прочихъ исповѣданій. Католицизмъ подъ могучимъ покровомъ папства становился на Востокѣ единственнымъ убѣжищемъ гонимаго христіанства. Христіане охотно становились „франги“, чтобы тѣмъ самымъ укрыться подъ защиту Запада. До сихъ поръ грузино-католики называютъ себя „пранги“, отождествля такимъ образомъ національность съ вѣрою.

Миссіонеры проникли въ Грузію по главному торговому пути, ведущему изъ Константинополя чрезъ Трапезундъ въ Месхетію и далѣе въ Карталинію и въ столицу ея, Тифлисъ. Папа Іоаннъ XXII въ XIV в. поставилъ здѣсь даже Іоанна, монаха-доминиканца епископомъ католикамъ Грузинскаго царства, создавъ особую епархію — „diocesis Thefeleciensis“. Построенное здѣсь патерами церковью (Благовѣщенская) и монастыри существовали еще въ XVII ст., до нашествія шаха Аббаса, и тамъ у патеровъ гостилъ знаменитый путешественникъ Шарденъ, который подробно описываетъ положеніе католиковъ въ Грузіи, Имеретин и Мингрелии. Венеціанцы и генуэзцы, захватившіе торговлю съ Востокомъ по торговой дорогѣ съ Чернаго моря, чрезъ древнюю Діоскурію (Сухумъ), и закавказскіе города, имѣли здѣсь священниковъ, знакомившихъ населеніе съ ученіемъ катол. церкви. Съ начала XVIII ст. миссіонеры пріобрѣтаютъ большую популярность среди народа и даже при дворѣ грузинскихъ царей. Католицизмъ тогда подвергся при царѣ Теймуразѣ II на время преслѣдованію, церкви миссіонеровъ были разрушены въ Тифлисѣ, но нужда въ медицинской помощи во время повальной болѣзни въ 1758 г. заставила царя Ираклія II вызвать изъ Ахалциха изгнанныхъ изъ Грузіи миссіонеровъ, обѣщавъ имъ покровительство и денежную субсидію. Въ дѣлѣ миссіонерства помимо медицины не мало услугъ оказали капуцинскія школы, существованіе которыхъ въ Тифлисѣ засвидѣтельствовано показаніями путешественника Пейсонеля ¹⁾, Шардена въ 1671 г. и Турнефора въ 1701 г. Къ этому времени относятся обращеніе въ католицизмъ переселенныхъ изъ Грузіи въ Персію и принявшихъ тамъ исламъ грузинскихъ дворянъ: Бараташвили, Орбеліани, Эристави, Чхендзе. Сталъ распространяться католицизмъ не только среди грузинъ, населявшихъ владѣнія мусульманъ — Персін Турціи, но и въ самой Грузіи строились церкви, гдѣ мессу служили по-латыни и по-гру-

¹⁾ При царѣ Шахъ-Навазѣ миссіонеры, пишетъ Пейсонель, были подъ покровительствомъ царя, такъ какъ они являлись учителями народа и его медиками.

зински, читая при этомъ евангеліе и проповѣдь по-грузински. Миссіонеры изучали грузинскій языкъ на мѣстѣ, а также въ Римѣ при Propaganda Fide, гдѣ были учреждены кафедрa грузинскаго языка и типографія. Въ послѣдней, основанной въ 1630 г., раньше, чѣмъ появился станокъ въ самой Грузіи, печатались молитвы и катехизисъ, переведенные съ латинскаго языка на грузинскій. Въ XVIII в. въ папской коллегіи приобрѣлъ извѣстность, какъ ученый переводчикъ Давидъ Тулукашвили, грузинъ, уроженецъ гор. Гори, авторъ соч. „Dottrina christiana per uso missioni della Georgia“.

Сближеніе Грузіи съ католическимъ міромъ сопровождалось весьма важными результатами въ области грузинской культуры и ознакомленія Европы съ Грузіей. Памятники христіанскаго искусства XV, XVI и XVII вв. свидѣтельствуютъ видоизмѣненія сравнительно съ византійскимъ стилемъ, господствовавшимъ до того въ Грузіи. Распространяются техническіе приемы и нѣкоторыя детальныя особенности тогдашней итальянской архитектуры (напр. Катцаретскій храмъ) чрезъ посредство генуэзскихъ колоній, находившихся на берегу Чернаго моря. Въ Римѣ основывается типографія, гдѣ печатается первая грузинская грамматика Maggio „Syntagmata linguarum orientalium, quae in Georgiae regionibus audiuntur (Romae, 1670) и итальяно-грузинскій словарь Paolini и Ирбаха, грузина по происхожденію (Римъ, 1629). Въ Римской коллегіи получаютъ образованіе грузины, которые потомъ становятся въ ряды проповѣдниковъ католицизма у себя на родинѣ. Католическіе миссіонеры впервые составили карту Грузіи и распространили въ Европѣ свѣдѣнія о Грузіи, таковы Делаверле, Шарденъ и др. Чрезъ ихъ посредство пѣнненнй въ Стамбулѣ груз. царь Симеонъ проситъ помощи у папы Павла III противъ притѣсненія турокъ. Въ Персіи они поддерживали рвеніе къ христіанскому ученію въ тѣхъ грузинахъ, которые подъ пыткой готовы были принять исламъ. Въ этомъ отношеніи приобрѣлъ извѣстность Фра Джованно Тадеозъ, прибывшій въ Грузію къ царю Теймуразу, въ качествѣ представителя шаха для выраженія соболѣзнованія по поводу смерти царицы. Въ знакъ особаго къ нему вниманія ему разрѣшили служить вмѣстѣ съ православнымъ митрополитомъ въ Алавердскомъ храмѣ. Подъ его вліяніемъ въ Иранѣ принимаютъ католицизмъ Андроникашвили, Макашвили, Вачнадзе и др. Сама царица Кетевана, жена Давида, увлеклась ученіемъ августинскихъ монаховъ и приблизила ихъ къ себѣ, будучи въ плѣну у персовъ. Одинъ изъ нихъ, Антоній, былъ свидѣтелемъ ея мученической кончины и первымъ ея биографомъ. Ей посвятили миссіонеры рядъ трогательныхъ донесеній предъ правителями 3. Европы, вызывая сочувствіе къ опозоренной и угнетаемой Грузіи. Вообще въ Персіи на грузинскихъ вельможъ и на самихъ царей католич. патеры вліяли весьма благотворно, пробуждая въ нихъ національное и религіозное чувство. Они склонили на свою сторону Вахтанга VI¹⁾, монаха С. С. Орбелиани (въ

¹⁾ Этотъ царь свидѣтельствуетъ объ успѣшной пропагандѣ католицизма среди грузинъ. Онъ въ письмѣ отъ 29 ноября 1722 г. доноситъ папѣ слѣд. знаменательныя слова: „Con meco sono de credenza cattolici in buono numero“.

1709 г.), плодовитого писателя и Антонія I. Католикоса Грузин, а раньше Католикоса Виссаріона Имеретинскаго, который призналъ не только главенство папы, но и догматъ римской церкви: Духъ Святой, исходящій отъ Отца и Сына. Въ самой Грузин они открывали школы и обучали языкамъ латинскому, итальянскому и грузинскому, распространяли научныя познанія, возбуждали умъ къ дѣятельности и вносили свѣтъ западной цивилизаціи. Грузины, получавшіе воспитаніе въ Италіи (напр. Антонъ Тумановъ, Меписовъ, Тулакашвили, Мамулашвили, Харпчарашвили), переводили книги съ европейскихъ языковъ на грузинскій, знакомили Европу съ современныя состояніемъ Грузин. писали учебники для грузинскихъ школъ. Въ этомъ отношеніи оставилъ по себѣ незабвенную память горіецъ Давидъ Тулакашвили въ XVIII в.

Жизнь и дѣятельность Антонія I, католикоса Грузин въ 18 в.

Антоній I, католикосъ—патріархъ Грузин, принадлежать къ одному изъ замѣчательныхъ дѣятелей христіанскаго востока. Жизнь, полная самыхъ неожиданныхъ приключеній, и дѣятельность, отличающаяся необыкновеннымъ разнообразіемъ, обрисовываютъ этого энергичнаго пастыря человѣкомъ съ желѣзной волею и съ глубокимъ умомъ, благороднымъ патріотомъ и пламеннымъ поборникомъ Христова ученія въ тяжелую эпоху грузинскаго народа. То проповѣдникъ, то дипломатъ, отвлеченный мыслитель и практическій дѣлецъ, авторъ философскихъ и филологическихъ трактатовъ, боецъ за православіе съ склонностями къ католицизму, руководитель общественной жизни въ Грузин и изгнанникъ, пріютившійся въ Россіи,—католикосъ Антоній I занимаетъ чрезвычайно оригинальное мѣсто въ исторической литературѣ XVIII в.

Нѣтъ нужды объяснять столь пестрые, нерѣдко поражающіе рѣзкостью и противорѣчивостью, его переходы изъ одной сферы дѣятельности въ другую вѣлѣнями слѣпой судьбы, капризно направляющей сплы человѣка нежданно-негаданно, какъ противный вѣтеръ легкой челнокъ въ открытомъ океанѣ. Тотъ вѣкъ въ Грузин, къ которому относится жизнь и дѣятельность католикоса Антонія I, самъ бурлил и клокоталъ на пошатнувшихся отъ вражескихъ рукъ традиціонныхъ устояхъ—измѣнчивость общественнаго настроенія и колебанія въ государственномъ строѣ стали столь обычными явленіями, какъ неизбѣжная смѣна круговращенія временъ: непримиримое столкновение западныхъ идей, проникшихъ черезъ католическихъ миссіонеровъ, съ мѣстными, исторически сложившимися особенностями, политическое ре-

негатство и религиозное отступничество, возведение на тронъ и низложение царей по волѣ шаха или султана, усилившіяся неурядицы феодаловъ и возстаніе брата на брата—насыщали воздухъ міазмами, воспитывающими въ современникахъ излишнюю нервность и неувѣренность въ разѣ отмежеванномъ кругѣ интересовъ. Подъ непрерывнымъ страхомъ, персидскій ли ханъ, или турецкій паша пройдетъ съ огнемъ и мечомъ отъ государевыхъ палатъ до монастырской кельи. Одинаково непрочно сидѣла на головѣ и пышная царская корона и скромный иноческій клобукъ; никто не могъ ручаться не только за неотъемлемость по́томъ добытаго земного блага, но за свою жизнь и свободу; неровная борьба ислама съ христіанствомъ доминутно угрожала святынямъ церкви быть попираемы нечестивыми прикосновеніями, а Сіонскому храму въ Тифлисъ быть обращену въ мусульманскую мечеть, подобно Софійскому собору ¹⁾).

Въ такой смутный періодъ, исполненныхъ неожиданностей и быстрыхъ перелетовъ съ вершины славы въ бездну пропасти, люди съ гибкимъ умомъ и богатыми способностями, всплывавшіе на поверхность бурной жизни, должны были проникнуться естественно сознаниемъ жить поспѣшно, торопиться привести въ исполненіе задуманный планъ дѣйствій, приспособляться къ измѣнившимся условіямъ окружающей среды, не разѣ жертвуя своими убѣжденіями подъ напоромъ стиснувшихъ обстоятельствъ, пробовать свои силы въ борьбѣ за существованіе въ совершенно другой сферѣ, въ которой случайно они очутились, пускать всѣ средства въ ходъ удержатъ за собою кормило правленія или направленія возбужденныхъ умовъ. Таковъ общій абрисъ исторической картины Грузіи XVIII в., выдѣляющійся неизгладимыми штрихами, при осторожномъ ея проявленіи. Послѣдствія отмѣченнаго государственнаго порядка и общественнаго броженія плотно отложились въ духъ и характеръ дѣятельности истаго сына своего вѣка, лучшаго его выразителя Антонія I, католикоса Грузіи.

Католикосъ Антоній I, въ мірѣ Теймуразъ, сынъ царя Іессея Карталинскаго, перешедшаго въ исламъ для снисканія милости шаха, и племянникъ извѣстнаго Вахтанга VI, царя—законодателя, по рожденію предназначался для политической карьеры, а не носителемъ жезла Христова стада. Семейное несчастіе, постигшее царевича Теймураза въ юномъ возрастѣ побудило его посвятить себя Богу, произнести монашескій обѣтъ, не отрекаясь отъ мірской суеты, въ кипучій

¹⁾ О тревожномъ состояніи Грузіи въ XVIII в. см. *Brosset Hist. de la Géorgie*. Бутковъ—Матеріалы для Новой исторіи Кавказа и др.

водворотъ которой втягивался на ряду съ неугомоннымъ обитателемъ укрѣпленныхъ замковъ и смиренный отшельникъ грузинской обители. Родившись въ 1720 г., семи лѣтъ уже онъ потерялъ отца и оставался вмѣстѣ съ двумя сестрами на попеченіи нѣжной своей матери Елизаветы ¹⁾, дочери Ираклія I. Свѣдѣнія наши о первоначальномъ обученіи и періодѣ его жизни, обнимающемъ съ 7 лѣтняго возраста до 15 лѣтъ, весьма скудны и недостаточно пробѣрены, чтобы можно было утверждать вслѣдъ за академикомъ Броссе и проф. Чубиновымъ о занятіяхъ молодого царевича въ Давидо-Гареджійской пустыни подъ руководствомъ тогдашнихъ знаменитыхъ наставниковъ въ монастырской школѣ, наибольшую извѣстность среди которыхъ приобрѣлъ инокъ С. С. Орбелиани, авторъ «Книги премудрости и лжи», Грузинскаго словаря, Путешествія по Европѣ и ближайшаго сотрудника Вахтанга VI на политическомъ и литературномъ поприще ²⁾.

Не располагая критически обслѣдованнымъ матеріаломъ до вступленія Теймураза въ бракъ, можно, руководясь данными изъ послѣдующей его дѣятельности и общими соображеніями, высказаться о характерѣ образованія, которое получилъ грузинскій царевичъ. Согласно принятой въ то время системѣ воспитанія къ Теймуразу, вѣроятно, приставили духовныхъ особъ, сообщившихъ ему познанія христіанскаго вѣроученія, ознакомившихъ его съ свѣтской литературой и восточными языками. Объемъ и количество предметовъ тогдашней школы не могли служить большимъ бременемъ для усвоенія ихъ юношей, обладающимъ отъ природы живымъ умомъ и любознательностью. Рано покинувъ школьную скамью, преждевременно развившись физически подъ теплыми лучами волшебнаго юга, Теймуразъ, пятнадцати лѣтъ, подросткомъ въ глазахъ сѣверянъ, былъ уже сосватанъ и невѣстой его стала дочь крупнаго феодала, не разъ спасающаго тронъ Грузіи—Гиви Амилахвари ³⁾. Но предполагавшійся бракъ молодой четы ⁴⁾ совпалъ съ тѣмъ переходнымъ фазисомъ въ жизни грузинскаго народа, когда имуще-

¹⁾ Антоній I называетъ мать свою Елизаветой („Мѣрное слово“ 1835), по другимъ даннымъ ее именовали Еленой и Бегу („Готовое слово“) Предисл. стр. II, Тифлисъ, 1892.

²⁾ См. объ немъ выше стр. 236 и др.

³⁾ *Мтварелшвили* Антонъ I, католикось Грузіи, стр. 44 (*Иверія* 1880 года, № 4).

⁴⁾ Годъ рожденія Антонія не установленъ: въ одной собственноручной записи онъ считаетъ годомъ рожденія отъ Р. X. 1721, но отъ созданія міра данная имъ дата соотвѣтствуетъ 1706 году. См. газ. „Иверія“ 1898 г. № 292.

ственная и семейная безопасность не была гарантирована от шахского произвола. Ненасытные и сладострастные взоры владѣтеля Ирана, Шахъ-Надира, остановились на прелестной княжнѣ, и она была доставлена ему въ гаремъ покорнымъ фирману ея отцомъ. Такой жестокой ударъ для юнаго человѣка и царственного его самолюбія не могъ остаться безъ вліянія на предстоящій жизненный путь Теймураза, открывъ глаза жертвѣ персидскаго деспотизма на ненормальный укладъ политической организаціи Грузіи. Сознавая слабость своей страпы сбросить тяготѣвшее надъ ней тяжелое иго, Теймуразъ долженъ былъ разстаться съ мыслью быть достойнымъ обладателемъ царскаго трона въ ту смутную эпоху и избрать другой путь общественнаго служенія.

Давидо-Гареджійская пустынь явилась первымъ пристанищемъ, гдѣ въ мирныхъ, духовныхъ занятіяхъ нашель онъ временное успокоеніе. Но взволнованная душа требовала разлуки съ тою мѣстностью, которая нанесла ей неисцѣлимую рану. Вотъ почему Теймуразъ вскорѣ покидаетъ Восточную Грузію и переселяется въ Имеретію, обуреваемый наплывомъ чувствъ и неопредѣлившихся еще мыслей. Отсюда въ 1738 г. съ матерью, принявшей иноческій санъ, Теймуразъ ¹⁾ намѣревался отбыть въ Москву, вѣроятно съ цѣлью искать поддержку у русскаго правительства, но встрѣтивъ задержку и подозрительное недовѣріе со стороны русскихъ властей, нетерпѣливо повернулъ назадъ съ Астрахани, разставшись съ матерью въ Черкесіи, отправившейся «безпрепятственно» къ московской государынѣ. Очутившись въ предѣлахъ Имеретіи, восемнадцатилѣтній юноша, испытавшій много невзгодъ и вдоволь наглядѣвшись на безконечную сѣть интригъ и крамоль, разочаровавшись въ надеждѣ быть свѣтскимъ главой, окончательно разрѣшаетъ смутно таившійся въ немъ неотвязный вопросъ и постригается въ 1739 г. въ монахи Евѣміемъ, митрополитомъ Имеретинскимъ подъ именемъ Антонія ²⁾.

¹⁾ Въ мірѣ нѣкоторые именуютъ Теймураза Арчиломъ, но опровергается это мнѣніе донесеніемъ оберъ-комендантомъ Юнгеромъ о пріѣздѣ въ Визлярскую крѣпость „царевича Теймураза Іесева“. См. *Броссе* Переписка груз. царей съ русск. государями, стр. LXXXVIII и собственноручную записку Антонія „Иверія“ 1898. № 292.

²⁾ Приписка къ рукописи Тифл. церк. муз. (№ 123) гласитъ, что „Антоній принялъ монашество 18 лѣтъ и постригся въ Гаэнати (=Гелати) 2 февр., а 3 февраля въ субботу рукоположенъ былъ Евѣміемъ во діаконы. Ошибочно предполагали, будто постригъ его въ иноки католикось Григорій, а не Евѣміій.

Чернецъ изъ царскаго рода, хорошо образованный и съ богатыми дарованіями, вдали отъ политическихъ замысловъ матери, дельбующей мечту узрѣть сына на карталинскомъ престолѣ, Антоній углубляется въ своей кельѣ въ науку и размышленія о земной суетѣ и небесномъ блаженствѣ. Душа его, — пишетъ просвѣщенный ученикъ Антонія, архіеп. Тимоѳей, авторъ путешествія по Святымъ Мѣстамъ, — пламенѣла къ Богу и искала иноческаго пристанища: она жаждала и порывалась подняться мыслью до обиталищъ Божества. Молодой отшельникъ не взирая на высоту своего царскаго происхожденія, ни на принадлежащій ему царскій тронъ, бросивъ все это, возложилъ тяжелый крестъ и избралъ жизнь подвижническую, полную лишеній вмѣстѣ съ братіей славнаго храма «Гаэнатскаго», (т. е. Гелатскаго монастыря ¹⁾) въ 7 верстахъ отъ Кутаиса).

Родовитость и образованіе юнаго отрока открыли ему широкій путь для безпрепятственнаго восхожденія быстрыми шагами по ступенямъ іерархической лѣстницы. Въ 1739 году онъ получилъ мѣсто игумена Гелатскаго монастыря, центра духовнаго просвѣщенія Имеретіи, а въ 1784 г. 27 сентября онъ былъ возведенъ абхазскимъ католикомъ Григоріемъ въ санъ архіерея съ назначеніемъ Кутаисскимъ митрополитомъ, вмѣсто Тимоѳея, посланнаго въ качествѣ посла въ Россію имеретинскимъ царемъ Александромъ и на пути въ Грузію попавшаго въ плѣнъ лезгинамъ ²⁾).

Мать неодобрительно встрѣтила извѣстіе о постриженіи сына въ монахи, такъ какъ этимъ актомъ царевичъ окончательно устранилъ себя отъ Карталинскаго трона, который она чаяла доставить ему силою русскаго оружія; притомъ письменно она упрекала его въ неблагодарности къ воспитавшей его Грузіи, которой онъ обязанъ былъ нравственно служить своими познаніями, а не Имеретіи, гдѣ ему нелегко будетъ явиться достойнымъ преемникомъ митрополита Тимоѳея.

Необычайный фактъ возведенія въ митрополиты 20-лѣтняго инока, склоннаго къ отшельнической тишинѣ, не ослѣпилъ Антонія, свѣтлый умъ котораго уже сталъ одумывать планъ пастырскаго служенія поколебленной въ вѣрѣ Христовой странѣ. Однако не прошло и двухъ лѣтъ, какъ

¹⁾ Гелати именуется въ груз. лѣтописяхъ Аеономъ по своему просвѣтительному значенію. Ср. *Епископъ Кирионъ*. Заслуги грузинскаго монашества. Т. 1899, стр. 28.

²⁾ *Жорданія* („Дух. Вѣст. груз. визархата“, 1891, № 5) опровергаетъ мнѣніе прежнихъ изслѣдователей, по которому возведеніе Антонія въ санъ митрополита состоялось въ 1738 году.

ему пришлось разстаться съ Имеретією, изъ которой былъ изгнанъ его покровитель, царь Александръ, братомъ своимъ Георгіемъ, овладѣвшимъ престоломъ при содѣйствіи турокъ ¹).

Антоній пріютился въ Телавъ до конца 1741 г. у родственника, кахетинскаго царя Теймураза, женатаго на двоюродной его сестрѣ, Тамарѣ, дочери царя Вахтанга VI. Со временемъ его пребыванія въ Восточной Грузіи совпала болѣзнь Карталинскаго католикоса Доментія III, дяди царицы Тамары. Послѣдній, чувствуя приближеніе смерти, созвалъ соборъ для избранія преемника на патриаршій тронъ. Соборъ единогласно, согласно указанію Доментія III, провозгласилъ Антонія, католикосомъ, «какъ сугубо достойнѣйшаго іерарха, съ юныхъ лѣтъ оставившаго богатство и царство земное и возлюбившаго небесное, принявшаго обѣтъ и постриженіе». Не смотря на лестное признаніе высокихъ качествъ въ юномъ подвижникѣ и на настояніе престарѣлаго Доментія, Антоній не принялъ предложенной ему высшей іерархической степени «изъ смиренія и любомудрія». Въ этихъ словахъ лѣтописца слышится непререкаемый гласъ истины, раздававшійся въ душѣ молодого митрополита, считавшаго себя неподготовленнымъ для отвѣтственнаго поста правленія Иверской церковью.

Покинувъ родину и близкихъ себѣ членовъ царской семьи, Антоній въ 1742 г. возвратился въ Кутаисъ, доставшійся снова царю Александру, поддержанному шахомъ Надиромъ противъ претендента Георгія, креатуры турецкаго султана. Однако, черезъ годъ (5 января въ 1743 г.) Антоній окончателью покидаетъ Имеретію и поселяется въ монастырѣ Іоанна Крестителя (въ 60 верст. отъ Тифлиса) по припискѣ къ одной рукописи Тифлисскаго церковнаго музея ²), а по словамъ его біографа, арх. Тимофея, въ Давидо-Гаретжійской пустыни, «стремясь къ уединенію и подвигамъ благочестія, вѣща, вмѣсто славы, нищеты и подвиговъ суровой аскетической жизни, пастырь (занявшій іерархическій престолъ противъ своей воли) добровольно превращается въ пасомаго и раба, во всемъ послушнаго настоятелю Іоанна-Крестительской пустыни». Тихая келья, обособляющая его отъ житейскихъ страстей, недолго могла удовлетворять широкіе замыслы и общественные порывы Антонія I, сдерживаемые имъ до благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ 1744 г. Антоній стоитъ въ центрѣ политическаго движенія Грузіи, принимаетъ близкое участіе въ важномъ событіи и на-

¹ *Картлисъ-Цховреба*, ч. II, стр. 235—6, 256, 348—9.

² Жорданія, гл. II его изслѣдованія „Антоній I, католикосъ Грузіи, архіеп. Владимірскій и Яропольскій“.

родномъ торжествѣ по случаю пожалованія Карталинскаго престола Теймуразу II, а Кахетинскаго сыну его Ираклію II шахомъ Надиромъ, сопровождаетъ царицу Тамару изъ Телава въ Карталинію ¹⁾).

Политическое соединеніе Карталиніи съ Кахетіей подъ властью отца и сына сопровождалось страшнымъ, небывалымъ въ исторіи груз. церкви, событіемъ—рука злодѣя, Таріела Тамазпиви, 11 августа 1744 г. поразила кинжаломъ католикоса Николая (Херхеулидзе), преемника Доментія III. Осиротѣвшая кафедра снова съ мольбою протянула руки къ Антонію, который на этотъ разъ внялъ просьбамъ и согласился принять власть, но «не безъ смущенія и страха», какъ онъ самъ выражается. «Свѣтильникъ, скрытый подъ столомъ,—говоритъ архіеп. Тимоей,—ставится на столъ, чтобы свѣтить всѣмъ». Такимъ образомъ, монастырская келья, ведущая черезъ пустыню переходящаго міра въ небесную дверь, оказалась тѣсною для затаенныхъ замысловъ Антонія, двадцати четырехъ лѣтъ ставшаго высшимъ іерархомъ Иверской церкви, вліятельнымъ руководителемъ не только духовной, но и политической жизни. Другими словами, черный клубокъ, смѣненный вскорѣ на бѣлый съ серафимами, временно лишь прикрылъ врожденныя и воспитанныя въ царственной атмосферѣ неискоренимыя властолюбивыя наклонности, которыя и не замедлили пробудиться съ новою силою и неотвязной настойчивостью. Упустивъ царскіе бразды, съ полнымъ самообладаніемъ онъ, какъ Католикосъ, стянулъ въ свои руки разнообразныя нити, скрѣпляя авторитетомъ церковнаго главы, равнаго по значенію въ глазахъ народа съ свѣтскимъ главой. Царскій тронъ въ эпоху персидско-турецкаго воздѣйствія на внутреннюю исторію Грузіи представлялся весьма опаснымъ, хрупкимъ зданіемъ, обладатели котораго смѣнялись съ мимолетной быстротой. Тронъ же патріаршій покоился на болѣе прочныхъ и незыблемыхъ основахъ: мусульманскія власти не только не вмѣшивались въ церковныя дѣла, но часто занскивали у духовенства для закрѣпленія своего колеблющагося положенія. Понятно отсюда, что Антоній I, отказавшись невольно отъ царскаго трона, добровольно принялъ иноческій санъ, чтобы сохранить права на тронъ, но не на тронъ царскій, а патріаршій ²⁾). Условія благопріятствовали осуществленію давно лелѣмыхъ Антоніемъ I замысловъ: Карталинія съ Кахетіей были объединены подъ управленіемъ

¹⁾ Тамара, супруга Теймураза II, дочь Вахтанга VI, потомкамъ котораго принадлежалъ Карталинскій престолъ.

²⁾ Шахъ назначилъ католикосамъ для тогдашняго времени весьма крупное жалованье въ 10.000 р. и осыпалъ ихъ своими щедрыми милостями.

Теймураза и сына его Ираклия II. Благодаря энергії послѣдняго, ставшаго по смерти отца своего (1744) обладателемъ обоихъ престоловъ, Грузія стала на путь реформъ и политической славы. Параллельно съ новыми государственными преобразованіями начинается періодъ обновленія въ церковной жизни. Въ этой области талантъ Антонія I проявился во всей своей разумной глубинѣ и дальновидной ширинѣ. Разоренная матеріально и обезсиленная въ нравственно-религіозномъ отношеніи, Грузія переживала одинъ изъ острыхъ кризисовъ въ своемъ существованіи. Отъ нея была отторгнута турками цѣлая область—Самцхе-Саатабаго (нынѣ ахалцихо-ахалкалакскіе уѣзды Тифлис. губ.). Храмы были разорены, школы закрыты, страна опустошена, а народъ прозаялъ во мракѣ невѣжества, испытывая на ряду съ вторженіями иноплеменныхъ завоевателей всѣ горестныя послѣдствія немолчаемой борьбы царей съ крупными феодалами, каковы были князья: Амилахвари, Эристовы, Баратовы. Политическое раздробленіе на мелкіе самостоятельные удѣлы съ феодальнымъ строемъ повлекло за собою распаденіе единства церковной власти, печальнымъ результатомъ чего явилась претензія мѣстныхъ архіереевъ провозгласить свою независимость отъ главы Иверской церкви патріарха-католикоса ¹⁾. Наконецъ, чистотѣ православнаго ученія стала угрожать суевѣрная опасность не только отъ послѣдователей корана, но еще въ большей степени отъ представителей армянской церкви и римскихъ миссіонеровъ, нашедшихъ благодарную почву для пропаганды католицизма. Антонію I предстояло обширное поле для проявленія своихъ административныхъ способностей и просвѣтительныхъ наклонностей. Опъ началъ свою дѣятельность съ такого пункта, который обнаруживаетъ въ немъ чело-вѣка, взявшагося за дѣло съ твердымъ планомъ опредѣленныхъ дѣйствій. Антоній I прежде всего старается опредѣлить свои отношенія къ царской власти и укрѣпить ее, такъ какъ только твердость послѣдней обуславливала прочность церковныхъ порядковъ. Желая усилить центральную власть католикоса, Антоній I совершенно справедливо полагалъ сначала возстановить поколебавшееся значеніе царя, на котораго можно было бы опереться какъ на надежнаго союзника въ интересовавшемъ обоихъ вопросѣ. Возвышая авторитетъ царя, Антоній I надѣялся тѣмъ устроить дѣла церкви. Торжественное миропомазаніе и коронація Теймураза II,—недружелюбно встрѣченнаго въ

¹⁾ Католикосы въ это время, какъ и цари, получили отъ шаха фирманъ на утвержденіе въ своей власти. Такой фирманъ былъ пожалованъ и Антонію I. См. *Акты Кавказ. Археол. Ком. I, 75.*

Карталини поборниками потомковъ Вахтанга VI, переселившихся по необходимости въ Россію, — 1-го октября, въ день храмоваго праздника въ Мцхетѣ, по пышному обряду, опредѣляемому самимъ католикосомъ, расположила карталинскій народъ въ пользу вѣнчаннаго и миропомазаннаго царя. Власть его, отъ Бога исходящая, призывала къ повиновенію ослушниковъ и неугомонныхъ претендентовъ на царскій тронъ. Въ видахъ вѣчнаго закрѣпленія Карталини за Теймуразомъ, онъ прибѣгъ къ матримоніальнымъ средствамъ. Онъ устроилъ свадьбу овдовѣвшаго Теймураза, съ Анною, сестрою бывшаго кратковременнаго правителя Карталини, незаконнорожденнаго сына царя Іессея, Арчила (Абдуль-бега), выдавъ за него, для усиленія родственныхъ узъ и прекращенія его претензій на Карталинскій тронъ, дочь Ираклія II кахетинскаго, красавицу Бегумъ ¹⁾. А когда Абдуль-бегъ возымѣлъ желаніе захватить престолъ Ираклія, то Антоній I благословилъ его на битву съ возмутителемъ страны, который вскорѣ былъ разбитъ и заключенъ въ тюрьму. Но ходатайство Антонія I спасло его изъ заключенія, а фактъ счастливаго заступничества католикоса возвышалъ его значеніе, укрѣплялъ его авторитетъ. Еще смѣлѣе выступилъ Антоній I на защиту царской власти, когда былъ открытъ заговоръ именитыхъ князей противъ Ираклія II. Заговорщики ²⁾ были наказаны, а соборнымъ постановленіемъ, состоявшимся подъ руководствомъ Антонія, рѣшено было лишить ихъ власти и помѣстій. Волненіе улеглось, однако католикосъ возбудилъ противъ себя царевича Георгія, молчаливаго сторонника феодальной партіи, ненавидѣвшаго Антонія, притомъ не только за схоластическія, недоступныя его уму сочиненія, но и за нежеланія его внести въ предисловія печатавшихся церковныхъ книгъ къ словамъ: «въ царствованіе благовѣрнаго ц. Ираклія» прибавленія «и наслѣдника его, царевича Георгія».

Поддерживая царя нравственными совѣтами и торжественными молебствіями по случаю побѣдъ Ираклія, Антоній I не отказывалъ и въ матеріальныхъ вспоможеніяхъ, отдавая въ его распоряженіе для высшихъ цѣлей монастырскихъ крестьянъ и жертвуя церковными средствами. Эта неослабная поддержка имъ государственныхъ интересовъ все болѣе и болѣе сближала царя съ католикосомъ и располагала перваго въ пользу задуманныхъ вторымъ преобразованія церков-

¹⁾ *Brosset*. H. de la Géorgie, Addition IX p. 628.

²⁾ См. соч. „Исторія Георгіанская объ юношѣ Амилдохваравѣ“ СПб. 1779. Заговорщиками были: незаконнорожденный сынъ Вахтанга VI, Паата, Дм. Амилдохвари съ сыномъ Александромъ, Глаха Цицишвили и др.

ныхъ порядковъ. Сливъ интересы церкви съ интересами государства, Антоній I издаеть всё распоряженія отъ имени царя или съ его подписью, устраняя такимъ образомъ поводъ къ столкновенію между двумя равноправными главами народа по законамъ царя Вахтанга VI. Желая укрѣпить и опредѣлить монастырскія владѣнія, онъ собралъ всё грамоты царей пожалованныхъ помѣстій и подалъ царю на утвержденіе. По приведенію въ извѣстность церковныхъ имуществъ, онъ принялъ мѣры къ огражденію ихъ отъ злоупотребленій, установивъ церковный судъ по русскому образцу — дикастерію. Ревностно принялся онъ за возстановленіе разрушенныхъ храмовъ, очищеніе отъ нежелательныхъ примѣсей религій и нравовъ общества, раскинулъ сѣть монастырскихъ школъ, оживилъ своими учеными трудами грузинскую литературу, возобновилъ печатаніе книгъ ¹⁾, возстановилъ помѣстные соборы для возстановленія взаимныхъ отношеній католикоса къ отдѣльнымъ архіереямъ, вышедшимъ изъ повиновенія главѣ церкви ²⁾.

Энергическая его дѣятельность стала уже приносить свои благотворные плоды, какъ неожиданно она должна была прерваться въ 1755 г., въ виду его увлеченія Флорентійской унией, совращенія его въ католичество и изгнанія изъ отечества.

Сближеніе съ католическими миссіонерами, съ XVII в. проникавшими въ Грузію и обрѣтшими въ ней теплый пріемъ, произошло на научной почвѣ. Задавшись мыслію обновить школу и внести новый лучъ просвѣщенія въ общественную жизнь, Антонію I необходимо было воспользоваться услугами армянскихъ и католическихъ духовныхъ особъ. Начавъ свою литературную дѣятельность съ обычнаго въ грузинской литературѣ Анбантъ-кеба прославленіемъ невинныхъ предметовъ въ алфавитномъ порядкѣ (1734—1739), онъ, при содѣйствіи армянскаго священника Филиппа Кайтмазшвили, перевелъ діалектику Аристотеля и его же Десять категорій ³⁾. Также съ армянскаго языка воспроизвелъ онъ Риторику Михитара. Закончивъ первую серію философскихъ трудовъ, онъ написалъ самостоятельно Прославленіе св. Абибоса Некресели (въ 1748 г.) и напечаталъ въ 1751 г. «Проповѣдь

¹⁾ Акты Евк. Арх. Ком. I, 55—56. Ср. Hist. de la Géorgie II, 2, p. 40.

²⁾ Такъ Алавердскій епископъ вступилъ въ явное пререкательство съ католикосомъ и сталъ самостоятельно управлять, надѣвая безъ разрѣшенія Антонія I митру.

³⁾ Объ этомъ сохранилось свѣдѣніе въ Каталогѣ книгъ католикоса подъ № 271. Ср. Мтвареловъ, op. c., 49.

въ день Срѣтвенія Господня» (рукоп. Слб. ак. н.). Съ 1750 г. усиливаются его сношенія съ католическими миссіонерами, при содѣйствіи которыхъ онъ составилъ «Готовое Слово», рѣчь о которомъ предстоитъ ниже, и грамматику. Продолжительныя научныя занятія съ папскими пунціями повлекли за собою совращеніе его въ католицизмъ въ 1753 г., оспариваемое нѣкоторыми писателями, утверждающими, что Антоній I былъ ложно обвиненъ въ принятіи флорентійской уніи ¹⁾). Колебанія по этому вопросу устраняють постановленіе мѣстнаго собора и наказаніе самого католикаса. На борьбу съ католическими миссіонерами, совратившими главу грузинской православной церкви выступили архіеп. Савва, царскій духовникъ, Захарій Габаевъ и др. По ихъ настоянію царь изгналъ патеровъ и виновника соблазна—Николу не только изъ Тифлиса, но изъ г. Гори, церковь же была передана православнымъ ²⁾). Миссіонеры были возвращены въ Тифлисъ при Иракліи II.

Созванъ былъ въ Мцхетѣ духовный соборъ ³⁾, въ присутствіи царей Теймураза Карталинскаго и Ираклія Кахетинскаго 16 декабря 1755 г., совращенный католикосъ былъ отрѣшенъ отъ патріаршаго трона и воспрещено ему священнодѣйствіе; единомыслящему съ нимъ духовенству положено строгое наказаніе, а міряне лишены приобщенія св. Даровъ. Актъ этого собора до насъ не дошелъ, а постановленіе, напечатанное въ жур. «Мнатоби» (1872, II), было составлено на соборѣ 4 апр. 1756 г.

¹⁾ „Истор. изображеніе Грузіи“ (СПб. 1802, стр. 74) отвергаетъ фактъ совращенія.—Въ рапортѣ коллегіи иностр. дѣлъ импер. Екатерины II (1 дек. 1768 г.) сообщается, что „патріархъ или католикосъ Антоній, будучи обличенъ въ принятіи имъ римскаго закона и отъ мѣста своего, хотя и покаялся, отрѣшенъ, а по приѣздѣ сюда опредѣленъ во Владимірѣ архіепископомъ. оставался здѣсь до кончины Теймуразовой, но потомъ возвратился. Ср. *Цагарели*. Грамоты и другіе истор. документы, относящіеся къ Грузіи XVIII в., т. I, стр. 12, СПб. 1891.

²⁾ О проникновеніи католицизма и успѣхахъ его насажденія въ Грузіи см. мои статьи въ „С.-Петербург. Вѣд.“ и журналѣ „Пастырь“ за 1900 г.

³⁾ По мнѣнію Юсселиани, Антоній I былъ изобличенъ, по порученію ц. Теймураза (объ немъ выше стр. 153), въ виду доноса свящ. Габаева, Ниноцминдскіи митроп. Саввою, который притворился исповѣдующимъ католическую вѣру. Письма къ нему Антонія, въ которыхъ онъ старался утверждать новообращеннаго въ католицизмъ, сдѣлались основой для его осужденія. Оправдались предостереженія патера Николая, который на пріятную новость, сообщенную Антоніемъ, о томъ, что попался въ ихъ сѣти „добрый осетръ“, отвѣтилъ: опасаясь, какъ бы осетръ не прорвалъ сѣти и не увлекъ съ собою мелкихъ рыбъ, т. е. іерарховъ и свѣтскихъ лицъ, подавшихъ пропагандѣ.

по тому же вопросу ¹⁾). На этомъ второмъ соборѣ Антоній сознался въ заблужденіи и принесъ раскаяніе, отъ котораго онъ отказался на первомъ соборѣ, будучи трижды спрошенъ посланными архимандритами. Послѣ раскаянія Антоній добился у царя Теймураза отпустительной грамоты въ Россію и разрѣшенія священнодѣйствовать. Антоній въ своемъ прошеніи объ отпустительной грамотѣ сознается, что виновенъ въ принятіи Флорентійскаго собора, что погрѣшилъ противъ православія только въ двухъ словахъ: въ вопросахъ «о Духѣ св. и о главенствѣ папы», при этомъ клянется, что въ немъ не осталось ничего сомнительнаго относительно нечестиваго собора Флорентійскаго. Въ виду того, что онъ пришелъ въ разумъ познанія истины и на основаніи этой слезливой просьбы къ своему державному родственнику, созванный царемъ соборъ 4 апр. 1756 г. позволилъ ему ѣхать въ Россію, снялъ съ него воспрещеніе священнодѣйствовать, разрѣшивъ ²⁾ принести безкровную жертву 14 апр. въ день Воскресенія Христова въ г. Горн. Католикомъ же поспѣшили избрать Иосифа Руставскаго.

Запасшись отпустительной грамотой, письмами царя Теймураза, патріарховъ Антіохійскаго Сильвестра и Іерусалимскаго Паренія, въ которыхъ онъ титулуется православнымъ патріархомъ. (Арх. св. Синода за 1756 г. № 350) Антоній I со свитою изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ черезъ Дарьяльское ущелье и г. Кизляръ выѣхалъ въ Россію, гдѣ задумалъ униженный и оскорбленный іерархъ искать покоя подъ покровительствомъ проживающихъ родственниковъ, потомковъ Вахтанга VI, и обрѣсти помилованіе вдали отъ родныхъ, для которыхъ считалъ онъ себя погибшимъ. Получивъ въ г. Астрахани разрѣшеніе импер. Елизаветы Петровны пріѣхать въ С.-Петербургъ, Антоній I въ январѣ 1757 г. прибылъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ весьма благосклонно внукомъ Вахтанга, Александромъ Бакаровичемъ, неукоснительнымъ претендентомъ на Карталинскій престолъ. Изгнанный патріархъ могъ послужить хорошимъ орудіемъ для осуществленія властолюбивыхъ притязаній царевича Александра. При участіи его, успѣвшаго сблизиться съ имп. Елизаветой, Антоній могъ надѣяться на благосклонный пріемъ со стороны православнаго правительства, которому однако было извѣстно возвращеніе его въ унию и преслѣдуемое русскою властью римско-католичество.

¹⁾ „Дух. В.“ (1891, 14): наказанныя духовныя лица частью остались въ Грузіи подъ именемъ „растригъ“, частью переселились въ Россію.

²⁾ Въ „Дух. В.“ за 1891, № 19 приводится въ полномъ видѣ письмо царя Теймураза къ Антонію I.

Въ сопровожденіи царев. Александра Антоній прибылъ въ С.-Петербургъ, явился въ Синодъ, въ назначенное присутствіе, гдѣ онъ привѣтствуемый вставаніемъ членовъ, заявилъ, что желаетъ остаться въ Россіи. Въ прошеніи, внушенномъ царев. Александромъ, къ императрицѣ, онъ умалчиваетъ о фактѣ своего совращенія и церковномъ надъ нимъ судѣ, называетъ причиною оставленія кафедры гнѣвъ царя Теймураза, обличеннаго имъ въ деспотизмъ и незаконномъ захватѣ трона, принадлежавшаго наслѣдникамъ, живущимъ въ Россіи. (См. прошеніе «Дух. В.» 1892, № 2).

Донесеніе это, оставляя невыясненной причину изгнанія Антонія изъ Грузіи, показалось императрицѣ подозрительной тѣмъ болѣе, что о фактѣ совращенія католикоса въ латинство старательно умалчивалось. Питая увѣренность, что цѣль не будетъ достигнута такимъ путемъ, Антоній, вдохновляемый тѣмъ же цар. Александромъ, подалъ другое прошеніе, въ которомъ совершенно обходитъ особу царя Теймураза, сваливая вину безчинствъ ¹⁾ въ Карталиніи на чиновниковъ (кн. К. Мухранскій, Джимшеръ и Сулханъ), которые, въ отмщеніе за обличеніе ихъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, обвинили его въ латинской ереси. Тайный смыслъ, впрочемъ, этого донесенія заключался въ томъ, что царь Теймуразъ притѣсняетъ населеніе Карталиніи, за которую заступился Антоній, какъ членъ законныхъ наслѣдниковъ престола царя Вахтанга VI, жившихъ въ Россіи. Императрица препроводила документы, представленныя Антоніемъ въ св. Синодъ, чтобы послѣдній испыталъ его относительно религіознаго вѣроисповѣданія. Антоній подалъ съ собственноручною подписью символъ вѣры на русскомъ и грузинскомъ языкахъ въ доказательство того, что онъ признаетъ всѣ догматы православной церкви ²⁾. На основаніи этого исповѣданія истинной православной вѣры синодъ призналъ Антонія оправданнымъ. Просьба Антонія оставить за нимъ титулъ католикоса Синодъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить, находя титулъ этотъ необычнымъ для народа и непристойнымъ судить іерарха съ такимъ титуломъ, равнозначущимъ титулу патріарха, притомъ въ государствѣ, гдѣ патріаршество было упразднено, принявъ къ свѣдѣнію и справки, сообщенныя еп. Амвросіемъ Переяславскимъ относительно этого титула, даваемого іе-

¹⁾ Католикосъ разумѣетъ бунтъ въ Грузіи, въ отсутствіе ц. Теймураза, за время 1747—9 гг., при правителѣ страны Абдуль-бегъ; напрасно только католикосъ сваливаетъ вину правителя на его чиновниковъ.

²⁾ Подписью на груз. языкѣ онъ удостовѣряетъ, по требованію синода, что онъ исповѣдуетъ все утвержденное семью вселенскими соборами «Дух. В.» 1892, 6.

рарху армянской церкви ¹⁾. Указомъ отъ 8 августа 1757 г. архіепископу Антонію, новопріѣхавшему изъ Грузіи въ Россію поручены были Владимірская и Іеропольская архіепископская кафедрa, при чемъ согласно его прошенію, въ виду того, что онъ «слабо знаетъ русскій языкъ», Синодъ назначаетъ ему переводчика—грузинскаго священника Георгія Давидова изъ г. Свіажа, въ окрестностяхъ котораго стоялъ гусарскій полкъ изъ грузинъ.

Владимірской епархіей Антоній управлялъ съ 1757 до 1762 г.

Какова была его дѣятельность для русской паствы, пока остается неизслѣдованной, но лично для него переселеніе въ Россію оказалось весьма плодотворнымъ, такъ какъ это обстоятельство способствовало ему въ изученіи русскаго языка, знаніе котораго онъ обнаружилъ въ многочисленныхъ переводахъ съ русскаго языка на грузинскій. Вдали отъ родины онъ предается научнымъ занятіямъ: усваиваетъ латинскій языкъ, за который онъ принялся еще въ Грузіи подъ руководствомъ іезуитовъ, изучаетъ богословіе и философскія науки, сближается съ просвѣщенными русскими іерархами и грузинскими образованными царевичами ²⁾. Въ немъ не гаснетъ любовь къ отчизнѣ, весь проникается мыслью о нравственномъ и умственномъ ея развитіи «Для васъ, соотечественники мои,—пишетъ онъ въ предисловіи къ своему «Мірному слову»,—мнѣ легко съ самый тяжелый трудъ и свидѣтель мнѣ Всевышній, считаю пріятнымъ, погубить за васъ жизнь мою, съ вами страдать, за васъ трудиться непрестанно и самоотверженно».

Пребываніемъ своимъ въ Россіи Антоній воспользовался, чтобы заготовить цѣлый кругъ книгъ и учебниковъ, необходимыхъ для новаго типа грузинскихъ школъ. Труды его въ научной и педагогической области весьма разнообразны. Онъ началъ въ Россіи свою прерванную литературную дѣятельность ³⁾ съ перевода «Годишной минеи», напечатанной имъ же впоследствии въ Тифлисѣ (1781 г.) съ присоединені-

¹⁾ Католикосами груз. іерархи стали именоваться при ц. Вахтангъ I, когда груз. церковь была признана Антиохійскимъ соборомъ автокефальной, а при католикосѣ Іоаннѣ ок. 751 г. первенствующіе груз. іерархи стали именоваться *католикосами и патриархами*. Ген. Сухотинъ въ донесеніи своемъ гр. Панину называетъ Антонія патриархомъ. *Царели*. Грамоты и др. ист. докум. I, 12, 62, 480.

²⁾ Знакомство съ кн. Дм. Циціановымъ (отецъ Павла Циціанова, перваго Кавказскаго намѣстника), знаткомъ европейскихъ языковъ, должно было отразиться на Антоніи также благотворно.

³⁾ О первыхъ его трудахъ см. у меня выше. Ср. *Мтварелишвили*, ор. с., стр. 49—50.

емъ мнѣнія относительно неумѣстнаго празднованія св. Георгія 10-го ноября ¹⁾). Переводъ былъ сдѣланъ съ русскаго текста, свѣреннаго съ греческимъ. Впервые, благодаря Антонію, появляется грузинское пѣснопѣніе на вечернѣ въ страстной четвергъ, канонъ страстной субботы Марка еп. Индрунтскаго (?), перелагается въ стихи Клемакъ, издаются Типиконъ, Параалитиконъ, напечатанный въ 1772 г. въ г. Тифлисѣ, Праздничная Минея (печ. въ Москвѣ, 1805 г.) переводъ 50 псалмовъ съ толкованіями, вызвавшими протестъ со стороны св. Зах. Габаева, который усмотрѣлъ въ нихъ мысли, противныя православію ²⁾). Ему же принадлежатъ переводы: Философіи, полной нравственной, Логикѣ, Метафизикѣ Баумейстера ³⁾. (Кат. рукоп. Спб. акад. № 169—172 Тифл. и Общ. грам. 1762 г.), Физикѣ Вольфа (ib. № 185), Исторіи Александра Макед., соч. Курціуса съ своими примѣчаніями (1762 г.). Къ этому времени скопчался въ С.-Петербургѣ царь Теймуразъ II, на тронъ котораго вступилъ его сынъ Ираклій II. Послѣдній еще въ 1756 г. писалъ Антонію: «я не могу безъ тебя обойтись, — это будетъ видно впоследствии, — безъ тебя мнѣ ничего не нравится». Теперь занявъ престолъ соединенныхъ царствъ—Карталини и Кахетин, Ираклій II исполняетъ свое слово и вызываетъ Антонія I изъ Россіи на кафедру католикаса Грузіи ⁴⁾. Антоній I указомъ св. синода былъ уволенъ изъ Владимірской епархіи и разрѣшенъ выѣздъ на родину, при чемъ ему было пожаловано на нужды и расходы 1500 рублей ⁵⁾. По возвращеніи въ Грузію 1762 г., Антоній открылъ здѣсь двѣ семинаріи—въ Тифлисѣ и въ Телавѣ. Преподаваніе въ семинаріяхъ было организовано по образцу схоластическихъ школъ въ Россіи. Главнымъ образомъ онѣ были согласованы съ программой славяно греко-латинской академіи въ Москвѣ. Антоній I ввелъ въ кругъ обязательныхъ предметовъ: грамматику, риторику, философію, богословіе. Средства на

¹⁾ *Пл. Юсселиани* Древности Тифлиса, Т. 1866, стр. 80.

²⁾ *Пл. Юсселиани*. Назван. соч., стр. 38.

³⁾ „Мѣрное слово“ §§ 816—818, гдѣ Антоній себя называетъ переводчикомъ „философіи Фридерикоса Баумейстера. Баумейстеръ—„recteur du collège de Görlitz“.

⁴⁾ Вызовъ Антонія навлекъ подозрѣніе на Ираклія II: въ рапортѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ импер. Екатерины II выражается сомнѣніе, не возмѣлъ ли Ираклій „склонность къ католическому закону“. *Царели.* Грамоты и другіе истор. документы XVIII ст., относящіеся къ Грузіи. Т. I. СПб. 1891. стр. 12.

⁵⁾ *Мтварелишвили*, ор. с., стр. 58 съ указаніемъ № 292 архива св. синода.

содержаніе семинарій откускались изъ казны ¹⁾ Ираклія II. Настоятельная потребность въ учебныхъ руководствахъ возбуждаетъ въ католикохъ новый приливъ литературной энергіи. Въ виду школьныхъ запросовъ онъ сочинилъ грамматику для учащихся (1764 г.), передѣланная черезъ три года въ обширный грамматическій трактатъ, перевелъ риторику Мхитара (1761), Категоріи Аристотеля (1769 г.), написалъ Катехизисъ (1767 г.), составилъ Мартирологъ—прославленіе грузинскихъ и иныхъ святыхъ (1769 г.), Богословіе въ четырехъ частяхъ (1779 г.), дошедшее съ оглавленіемъ, составл. архим. Гаіозомъ, Мѣрное слово, изд. Пл. Иосселиани (1853 г.), историческій очеркъ «Происхождение грузинскихъ царей», написанное по порученію Кизлярскаго коменданта Фраундорфа (1756—1760), Переложеніе въ стихи лѣствицы Іоанна Синайскаго, Похвальное слово св. Шіо Мгвимели, Прологъ за іюнь, іюль, августъ ²⁾, перевелъ исторію Ефесскаго собора, съ армянскаго яз., оставилъ Апологію—защиту, въ виду обвиненія Антонія священникомъ З. Габашвили, Проповѣди, Письма, Толкованіе на посланія къ Римлянамъ, перевелъ Камень вѣры Стефана Яворскаго ³⁾ и рядъ другихъ произведеній. Обзоръ этихъ трудовъ свидѣтельствуетъ о широкой подготовкѣ Антонія I, объ его глубокихъ познаніяхъ и неутомимой энергіи. Печать его дѣятельности отразилась на всѣхъ видахъ литературнаго и научнаго творчества. Если принять къ свѣдѣнію его труды по школьному образованію, по церковному устройству и проповѣднической дѣятельности, то Антонія I съ одинаковымъ правомъ можно причислить и къ теоретическимъ мыслителямъ, и къ практическимъ дѣльцамъ. Въ сферѣ практическихъ вопросовъ его заслуги завершились дипломатической миссіею ⁴⁾, которая на него была возложена Иракліемъ II предъ Екатериной II. Представителямъ Ираклія II, отправившимся съ большою свитою, пришлось испытать не мало невзгодъ въ Астрахани, гдѣ они были задержаны губернаторомъ на восемь мѣсяцевъ безъ права выѣзда къ русскому двору. Черезъ два года приблизительно по ихъ

¹⁾ Акты Кавказ. археогр. Ком. I, стр. 530.

²⁾ Въ предисловіи къ рукописи этого труда Антонія, переписанной его ученикомъ Трифиломъ, читается, что Іоаннъ-философъ Чирчимели составилъ прологъ за сентябрь по январь, а еп. Арсеній Булманси за февраль и мартъ.

³⁾ Нѣкоторые приписываютъ Антонію только инициативу перевода этой книги. См. „Истор. изображеніе Грузіи“ СПб. 1805, стр. 76.

⁴⁾ Ираклій II отправилъ въ 1772 г. католикаса Антонія и сына своего Леона „съ нужнѣйшими представленіями“ къ русской императрицѣ. *Царскіи*, оп. с. 334, 365 и др.

отъѣздѣ изъ Грузіи (5 янв. 1772 г.) государыня Екатерина II отъ 31 дек. 1773 г. въ грамотѣ на имя Ираклія II отвѣчаетъ на просьбу пословъ о помощи силой противъ лезгинъ и турокъ отказомъ, въ виду невозможности обуздать первыхъ и состоявшагося мира между Россіей и Турціей, и обѣщала при будущемъ заключеніи съ Портою мира формально взять отъ послѣдней обѣщаніе о безопасности и безвредности грузинскаго народа. Проектъ договора съ указаніемъ условий, на какихъ Ираклій желалъ бы поступить подъ покровительство Россіи, былъ пайденъ несвоевременнымъ. Ген. Сухотину велѣно было возвратиться съ войскомъ въ Россію, о чемъ довелъ до свѣдѣнія царя Соломона кап. Львовъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ Грузіи. Лишь въ 1783 г. былъ заключенъ трактатъ между Россіей и Грузіей, въ силу котораго послѣдняя вошла подъ покровительство первой и Антоній I, между прочимъ, былъ назначенъ членомъ св. синода ¹⁾. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого Антоній I, на 68 году жизни, истомленный подъ бременемъ непостоянной судьбы, сошелъ въ могилу 1-го марта 1788 года, оставивъ тронъ Антонію II, сыну Ираклія II.

Грузинская образованность обязана Антонію I необычайнымъ подъемомъ философскихъ и богословскихъ интересовъ. Умственное затишье, предшествовавшее его дѣятельности, еще ярче выясняетъ его значеніе въ научной области. Наиболѣе крупными вкладами католикоса Антонія въ грузинскую науку являются помимо грамматки, «Мзатквелеба» — (Готовое слово) «Цкобиленткვაоба» (Мѣрное слово) и переводы философскихъ трактатовъ.

Обратимся сначала къ «Мзаметквелеба» ²⁾.

Мзаметквелеба ³⁾ — готовый отвѣтъ, обнимающій слишкомъ 600 печатныхъ страницъ, представляетъ глубоко обдуманное, строго логическое, основанное на твореніяхъ отцовъ церкви и исторіи опроверженіе системъ монофизитскихъ ученій вообще и въ частности ученія армянской ереси, пропаганда которой, начавшаяся раньше, усилилась особенно при католикосѣ Антоніи I (1744—1749 гг.).

Послѣ Ефесскаго собора въ 449 г. извѣстнаго въ исторіи подъ наименованіемъ «разбойничьяго», вслѣдствіе насилій, произведенныхъ предсѣдательствующимъ на немъ Александрійскимъ архіепископомъ

¹⁾ П. С. З. Р. И. т. XXI, 1584. Ср. *Бутковъ* — Матеріалы для новой исторіи Кавказа, т. II, стр. 125. артикулъ 8-й.

²⁾ См. *А. Натроевъ* о „Мзаметквелеба“ въ „Дух. В. груз. экзархата“.

³⁾ Напечатанъ на средства преосвященнаго Александра, епископа Горійскаго, нынѣ Гурійско-Мингрельскаго, Т. 1892.

Диоскоромъ, былъ созванъ императоромъ Маркіаномъ въ Халкидонѣ законный IV вселенскій соборъ въ 451 году, на которомъ присутствовало до 630 отцовъ церкви. Соборъ этотъ, подъ предсѣдательствомъ Анатолія Константинопольскаго, осудилъ дѣйствія Диоскора и точнѣе опредѣлилъ вѣроученіе, противное несторіанству и восторжествовавшему на Ефесскомъ соборѣ монашеству. По изложеніи Диоскора, сообщники его, въ числѣ которыхъ католикосъ Антоній I упоминаетъ нѣкоего архимандрита Сирійскаго Варсума, изложеннаго также соборомъ, разсѣялись по Сиріи, въ странѣ сопредѣльной Арменіи и Грузіи, и начали распространять осужденное Халкидонскимъ соборомъ еретическое ученіе Диоскора, утверждая, что на Халкидонскомъ соборѣ будто бы было принято ученіе о двойствѣ лицъ въ Иисусѣ Христѣ и были возобновлены заблужденія Несторія. Обстоятельствами, не мало способствующими къ распространенію здѣсь монофизитской ереси, нельзя не признать и то, что на Халкидонскомъ соборѣ никто изъ духовенства не могъ присутствовать, такъ какъ армяне были заняты въ то время войною противъ Сапора, царя персидскаго, принуждавшаго къ отреченію отъ христіанской вѣры и къ принятію вѣры персовъ—огнепоклонниковъ. Но самой важной причиною отпаденія армянской церкви отъ союза со вселенскою церковью послужили, по мнѣнію католикоса Антонія I, обстоятельства не столько религіозныя, проистекающія отъ различнаго пониманія догматовъ вѣры, сколько политическія, имѣющія въ основѣ своей соперничество между двумя могущественными государствами того времени—Греціею и Персіею, съ переменнымъ успѣхомъ добивающимися первенства въ дѣлѣ вліянія на востокъ вообще и въ частности въ Грузіи и Арменіи. Халкидонскій соборъ послужилъ только поводомъ для этого отпаденія, такъ какъ персидскій царь Хозрой, подъ властью котораго находились тогда армяне, находя въ отпаденіи армянъ отъ союза съ греческою церковью гарантію своего владычества въ Арменіи, категорически предложилъ армянамъ или отречься совершенно отъ христіанской религіи и принять вѣру персовъ, или выбрать одну изъ религіозныхъ вѣронсповѣдныхъ формъ, исповѣдуемыхъ сирійцами за исключеніемъ, впрочемъ той, которая исповѣдуется греками¹⁾. Первымъ такимъ отступникомъ является въ Арменіи архіепископъ Эчміадзинской церкви католикосъ Нери Аштаракскій. Этотъ, въ угоду персидскому царю Хозрою, со-

¹⁾ Католикосъ Арсеній: „О раздѣленіи церковей грузинской и армянской“ стр. 315 Хроника и др. матеріалы, собранные О. Жордоня, изд. 1893 г. Тифлисъ.

бралъ изъ нѣсколькихъ епископовъ соборъ въ Двинѣ, въ 551 году, на которомъ отвергъ постановленіе Халкидонскаго собора о двухъ естествахъ въ лицѣ Иисуса Христа и примкнулъ со своею паствою къ монофизитамъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, когда въ 596 г. по Р. Хр. соборъ горсти армянскихъ монофитовъ, въ числѣ 10 епископовъ, подѣ предсѣдательствомъ католикоса армянскаго Авраама I, объявилъ греческую церковь еретическою и заповѣдалъ всѣмъ послѣдователямъ новой вѣры прекратить подѣ угрозой вѣчнаго проклятiя, всякую связь съ нею, кромѣ связи торговой, грузинская церковь, при католикосѣ Кирионѣ ¹⁾, въ 598 г. по Р. Хр. также прервала съ нею сношенiя. Такимъ образомъ, армянская церковь, отдѣлившись отъ церкви сирiйской, чтобы не быть въ iерархической зависимости отъ нея, и прервавъ общенiе съ греческою, а также со всѣми западными церквами, въ то время еще пребывающими въ соединенiи съ церковью вселенскою, равно будучи отвергнута и Иверскою-Грузинскою церковью, оказалась внѣ всякаго союза со вселенскою церковью.

Но со времени бѣдствiй Арменiи, въ Грузiи находило прiютъ не мало армянъ, выселявшихся сюда по причинѣ непрестанныхъ грабежей со стороны турокъ, персовъ и др. Эти-то выходцы изъ Арменiи, пользуясь во всей полнотѣ благами страны и довѣрчивостью къ нимъ грузинскаго населенiя, которое ихъ не считало еретиками, и стали сѣять въ средѣ грузинскихъ армянъ тотъ духъ религiознаго сепаратизма, которымъ были пропитаны. Не имѣя успѣха внутри, таковыя оказались однакоже весьма вредными на окраинахъ Грузiи, смежныхъ съ армянскимъ населенiемъ, таковы напр. Храмское ущелье или Сомхетiя, Борчалинскiй уѣздъ; Камбечани (нынѣшнiй Сигвахскiй уѣздъ или Кизикия); страны за-Алазанскiя, при-Курскiя, при-Ара-ратскiя. Но особенно много зла причинили пропагандисты армянской вѣры въ такъ называемой Турецкой Грузiи, окончательно вошедшей послѣ погрома Шахъ-Аббаса въ XVII в. въ составъ Турцiи, подѣ влиянiемъ которой она находилась и равьше. Они взяли грузинъ турецкихъ подѣ свою охрану и попеченiе подѣ условiемъ только принятiя армянской вѣры, и православные грузины, избѣгая худшей участи—обращенiя въ исламъ, охотно принимали армянскую вѣру. Число армянскихъ церквей быстро росло въ Турецкой Грузiи, т. е. нынѣшней Батумской, Ардаганской, Ахалцыхской и частью Карсской областяхъ. Древнiе православные храмы вмѣстѣ съ народомъ перешли

---

¹⁾ Отвѣты его на посланiе армянскаго духовенства сохранились въ извлеченiи на армянскомъ языкѣ.

въ собственность армянъ или католиковъ. «Историческіе документы доказываютъ,—говоритъ г. Жорданія въ своей монографіи объ Антоніи католикосѣ, что въ XVII вѣкѣ Храмское ущелье и Сомхетин заселяли православные грузины. Доселе ущелье это покрыто церквами и монастырями, совершенно цѣлыми, съ грузинскими надписями и фресками, не достаетъ только иконостаса для полнаго ихъ возстановленія. Знаменитые по древности, величинѣ и архитектурѣ храмы Болниси, гдѣ былъ митрополитомъ Тимоеей, повѣствующій намъ о пропагандѣ армянской ереси въ этой части Грузіи, равно Питаретп, Самшвилде, Дманиси и др. и нынѣ пусты, хотя совершенно цѣлы. Когда же исчезло здѣсь православіе и водворилось монофизитство? Нужно думать, отвѣчаетъ онъ, что въ указываемое Антоніемъ и архіеп. Тимоеемъ время положено прочное основаніе совращенію, которое развиваясь далѣе, кончилось почти полнымъ исчезновеніемъ тутъ православія. Тотъ же авторъ съ грустью констатируетъ въ примѣчаніи къ своей статьѣ тотъ печальный фактъ, что древніе православные храмы обращаются «тертерами» въ армянскіе, при чемъ исчезаютъ грузинскіе надписи ¹⁾. Несмотря на эти успѣхи въ окраинахъ Грузіи, пропаганда армянской вѣры внутри Грузіи, до конца XVII вѣка, не представляла особенной опасности. Грузинская церковь издавна располагала многими сочиненіями, написанными отцами церкви въ опроверженіе армянской монофизитской ереси ²⁾. Пользуясь ими, пастыри грузинской церкви въ многочисленныхъ опытахъ споровъ съ армянскимъ духовенствомъ всегда оказывались побѣдителями еретиковъ. Но въ началѣ XVIII вѣка обстоятельства измѣнились. Ученые труды мхитаристовъ наводнили изъ Европы всю Армению и способствовали быстрому поднятію армянскаго духовенства въ богословскомъ просвѣщеніи. Схоластическія сочиненія евро-

¹⁾ „Тертерами“ называются армянскіе священники.

²⁾ Изъ числа этихъ сочиненій сохранились въ рукописяхъ: 1) св. Іоанна Дамаскина: а) слово въ опроверженіе некторіанской ереси; б) опроверженіе ереси іакобитовъ; в) о двухъ естествахъ и дѣйствіяхъ въ І. Христѣ; г) „Предводитель“. 2) Монаха Никиты Стифата: опроверженіе богохульной ереси армянской въ 5 книгахъ. 3) Определенія Халкидонскаго собора. 4) Федора, еп. Харанскаго, именуемаго Абхикуромъ „Обличеніе армян. вѣры. 5) Евстратія Никейскаго „Анаематствованіе ереси іаковитовъ, въ сообществѣ съ которыми находятся армяне. 6) Исторія отпаденія армян. церкви отъ грузинской Арсенія, католикоса X в. (изд. у Ф. Жорданія). Этотъ же Арсеній считается переводчикомъ т. н. сборника „догматиконъ“, содержащій ученіе отцовъ церкви противъ армянской монофизитской ереси. (Рукопись хранится въ Общ. распротр. грамоты среди грузинъ, № 1463).

пейскихъ писателей, переведенныя ими на армянскій языкъ, послужили новымъ и богатымъ, доселѣ неизвѣстнымъ въ Грузіи и Арменіи, источникомъ для религиозныхъ споровъ. Армяне, исключительно, располагавшіе этимъ новымъ оружіемъ схоластическихъ хитросплетеній, построенныхъ преимущественно на логикѣ Аристотеля, оказались несравненно выше грузинскаго духовенства. Это невѣдомое доселѣ оружіе одновременно подняли на грузинскую церковь пропагандисты католической и армянской вѣры. Пропаганда монофизической ереси усилилась особенно и достигла своего апогея въ первые годы правленія Антонія I (1744—1749 гг.). Хитрые и ловкіе проповѣдники эти, по свидѣтельству Тимоѳея, архіепископа Самтаврскаго, какъ хищные волки ворвались въ церковь Христову, чтобы растерзать и расхитить стадо Его. Разставивъ губительныя сѣти свои въ той части Грузіи, которая называется Сомхетією (она была раньше населена православными) въ странѣ, близкой къ Эчмиадзину, они наводнили также всѣ города и села Грузіи, похищая церкви, соблазняя и совращая неученый простой народъ ¹⁾. Изъ числа таковыхъ самымъ ревностнымъ распространителемъ армянской ереси является во время католикоса Антонія I нѣкій армянскій католикосъ Лазарь Чаукели въ 1750 году. Онъ издалъ обширное свое сочиненіе, подъ названіемъ «Драхтцанкаль» — «желанный рай», пользовавшееся большою популярностью. «Оно, какъ говоритъ архіеп. Тимоѳей, читалось среди народа и многихъ вводило въ геенну огненную». По свидѣтельству Антонія, сочиненіе это полно еретическихъ заблужденій, имѣетъ своею цѣлью оправдать армянскую ересь и опровергнуть ученіе вселенской церкви о личности I. Христа, доказывая тождественность природы Слова и природы плоти Господа, естества Его и Лица. Независимо отъ сего, «осуждая Халкидонскій соборъ и называя православныхъ христіанъ «Леонтіанами», Лазарь армянскую-Вагаршпатскую церковь и ея епископа считаетъ главою всѣхъ церквей ²⁾.

Антоній I, какъ добрый пастырь не могъ не возгорѣть ревностью о спасеніи совращаемыхъ. Твердо помня слова пророка: если кто увидитъ идущій мечъ и не вострубитъ, чтобы предотвратить народъ, души ихъ отъ него взыщу, — Антоній, обуреваемый ревностью о св. православной церкви, считаетъ священнымъ своимъ долгомъ «очистить цвѣты отъ терній, пшеницу отъ плевель и благоуханіе Христово отъ зловоній еретическихъ». Терніемъ же, волчицемъ, плевелами, злово-

¹⁾ „Мзаметквелеба“ стр. 615.

²⁾ „Мзаметквелеба“ стр. 326.

ніемъ и тьмою онъ называлъ тѣхъ, которые смѣшивали два естества во Христѣ, что причиняло душѣ его великія страданія. «Я руководимый благостію Духа Святаго и писаніями св. отцевъ церкви, види сгадо хищныхъ волковъ, не замолчалъ, но приступилъ къ составленію противооборонительнаго отъ нихъ средства».

«Написалъ я книгу сію (мзаметквелеба—готовый отвѣтъ), дабы васъ не соблазняли враги истины и, подкрѣпляемые ею, не удаляясь отъ двора святая святыхъ, но содержали бы правую вѣру во Христа, воплотившагося и вочеловѣчившагося для нашего спасенія». Въ другомъ мѣстѣ своего труда католикосъ говоритъ, что поводомъ къ написанію книги его послужили сочиненія армянскихъ священнослужителей: Ознелія, Іоанна, Спаронелія Павла, Сіунелія Степана, Гошика Ванаканелія, Вардана, Сергѣя, Мамотца, Ортонелія Іоанна, Татевелія Григорія, Чаукелія Лазаря, современника своего, который былъ въ дружбѣ съ Антоніемъ, и Ангелія Іакова. Сочиненія ихъ, по свидѣтельству католикоса, полны еретическихъ заблужденій и злословія на католическую вѣру, почему онъ, по примѣру достославныхъ предшественниковъ своихъ: священнаго Киріона и блаженнаго Арсенія, благодатію Духа Святаго, рѣшился противостать противъ ученія сихъ еретиковъ ¹⁾.

Такъ какъ пропагандисты армянской ереси обосновывались обыкновенно на схоластическихъ источникахъ и частью на исторіи армянской церкви, то католикосъ Антоній I, рѣшившись вступить въ борьбу съ ними, естественно долженъ былъ ознакомиться съ этими новыми источниками чрезъ изученіе ихъ на латинскомъ и армянскомъ языкахъ. При ознакомленіи съ первыми—латинскими источниками много помогъ ему, какъ говоритъ католикосъ, нѣкто Іоаннъ священно-монахъ изъ латинъ, а со вторыми—съ армянскими—священникъ Филиппъ, родомъ изъ армянъ.

Таковы обстоятельства, побудившія католикоса Антонія I къ написанію «Мзаметквелеба».

Разборъ этого сочиненія, обнимающаго слишкомъ 600 страницъ, потребовалъ бы многихъ десятковъ страницъ. Предложимъ лишь общую характеристику и внѣшній обзоръ этого произведенія, пользующагося заслуженною извѣстностью грузинскаго златоуста и ученаго богослова XVIII вѣка Антонія I.

Сочиненіе свое католикосъ Антоній I дѣлитъ на три книги. Въ первой книгѣ, обнимающей первыя 20 стр., заключается обличеніе

¹⁾ „Мзаметквелеба“ стр. 4.

ереси Несторія, съ которою ставится въ связь историческая и догматическая основа появленія монофизитства.

Во второй книгѣ, состоящей изъ 119 страницъ, излагается исторія появленія Несторіанства, борьбы противъ него папы Александрійскаго Кирилла; осужденіе и низложеніе Несторія соборомъ первымъ Ефесскимъ, въ составѣ 200 отцовъ церкви, въ 431 г.; подробная исторія Евтихіанства и особенно незаконныхъ дѣйствій Діоскора, папы Александрійскаго; исторія второго Ефесскаго собора, бывшаго въ 449 г., извѣстнаго подъ наименованіемъ «разбойничьяго». Собранныя Діоскоромъ вооруженная толпа врывается въ церковь, гдѣ засѣдалъ соборъ; епископы, несогласные съ Діоскоромъ, подвергаются побоямъ и истязаніямъ, самъ патріархъ Флавіанъ, спивленный съ ногъ ударомъ жезла, нанесеннымъ изъ рукъ Діоскора, подвергается такимъ побоямъ и истязаніямъ, что чрезъ три дня умираетъ; далѣе излагается исторія IV вселенскаго Халкидонскаго собора, бывшаго въ 451 году, на которомъ въ составѣ 630 отцевъ церкви, былъ осужденъ и низложенъ архіеп. Александрійскій Діоскоръ. Съ 4-й главы излагается за тѣмъ подробная исторія появленія и развитія армянской ереси, при чемъ католикосъ констатируетъ тотъ знаменательный фактъ, что главной причиной отпаденія армянской церкви отъ католической послужили соображенія преимущественно политическія. Сопоставляя при этомъ ученіе разныхъ армянскихъ католикосовъ, соборныхъ постановленій армянской церкви и армянскихъ писателей, Католикосъ Антоній I приходитъ къ тому заключенію, что въ армянской церкви нѣтъ строго опредѣленнаго ученія: одни изъ этихъ писателей держатся строго монофизитства и отвергаютъ Халкидонскій соборъ, другіе, около третьей части всѣхъ армянскихъ католикосовъ, почти не отличаются отъ православныхъ, третьи же занимаютъ середину между тѣмъ и другими, не выработавши опредѣленной системы религіозныхъ вѣрованій. Къ числу первыхъ, отвергающихъ Халкидонскій соборъ и придерживающихся строго монофизитства, относятся: 1) Нерсе Апштаракельскій, первый давшій поводъ къ отпаденію отъ православной церкви. Этотъ нъ угоду персидскому царю Хозрою, устроилъ соборъ въ Двинѣ, на которомъ отвергъ Халкидонскій соборъ и присоединился съ паствою своею къ ереси Евтихіа, Діоскора. Арія, Аполинарія и постановилъ въ трисвятой пѣсни прибавлять еретическія слова епископа Петроза Антиохійскаго: «Святій безсмертный, иже распни за ны»; равно установилъ праздновать Рождество Христова, вмѣсто 25 декабря, 6 января, заодно съ крещеніемъ. 2) Католикосъ Аврамъ родомъ изъ Грузіи, иначе называемый Ахватоми. При немъ произошло отдѣленіе ар-

мянской церкви отъ грузинской. Поводомъ для этого послужило то обстоятельство, что католикосъ главнаго города. Грузинъ Мцхеты Квирионъ (575—580 г. н. Р. X.), недовольный отпаденіемъ армянъ отъ союза со вселенскою церковью и присоединеніемъ къ ереси монофизитской, низложилъ армянскаго Цуртавскаго ¹⁾ епископа по имени Мосе и изгналъ его, какъ еретика, изъ Грузинской епархіи; католикосъ же Аврамъ требовалъ возвращенія ему отнятой кафедры. 3) Католикосъ Іоаннъ Ознели. Это, по мнѣнію Антонія, былъ самымъ опасѣйшимъ врагомъ православной церкви. При немъ состоялся соборъ въ Маназертѣ, окончательно отдѣлившій армянъ въ монофизитствѣ; на этомъ соборѣ былъ преданъ анаемѣ армянскими епископами IV вселенскій Халкидонскій соборъ и посланіе папы Льва Римскаго, легшее въ основу Халкидонскаго собора. 4) Мисаилъ Ассирійскій. Этотъ написалъ сочиненіе, подъ названіемъ «жезлъ», которое по свидѣтельству Антонія, полно злословій и хулы на католическую восточную церковь.

Ко второй категоріи армянскихъ писателей, которые почти не отличаются отъ православныхъ, относятся: 1) св. великомученикъ епископъ Григорій, просвѣтитель Арменіи. Этотъ святитель былъ рукоположенъ въ архіепископа въ 302 году, въ Кесаріи Каппадокійской, отъ Леонтія, архіепископа византійскаго и ввелъ обряды сей церкви въ церковь армянскую. Въ исповѣданіи вѣры армянской церкви, начертанной св. Григоріемъ, говорится о двухъ естествахъ въ одномъ лицѣ І. Христа. Говорятъ, что архипастыръ этотъ имѣлъ видѣніе, будто бы по смерти его явятся въ Арменію губители въ лицѣ нечестивыхъ служителей церкви, которые совратятъ просвѣщенныхъ имъ свѣтомъ христіанской вѣры армянъ въ ересь и погубятъ души ихъ, что буквально исполнилось.

2) Епископъ Аристакъ, сынъ и преемникъ отца своего Григорія, просвѣтителя Арменіи. Этотъ присутствовалъ въ 325 г. на первомъ Никейскомъ вселенскомъ соборѣ, осудившемъ Арія и правила вѣры, вмѣстѣ съ постановленіями этого собора о внѣшнемъ благочиніи, ввелъ въ церковь армянскую. 3) Католикосъ Арменіи Нерсесъ Великій. Это первый патріархъ армянскій, рукоположенный въ этотъ санъ отъ кесарійскаго греческаго патріарха. Онъ присутствовалъ на первомъ Константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ въ 381 году противъ Македонія

¹⁾ Цуртави—нынѣшняя Гадшенка, по географіи ц. Вахушти—Гачіани, находилась близъ нынѣшней русской деревни „Кашенка“, близъ Ахталы, на границѣ Картлі и Ерети и подчинялась Грузіи. *Θ. Жорданія*, Хроника и пр. стр. 320.

и Аполинарія и правила вѣры съ прочими постановленіями онаго собора ввелъ въ церковь армянскую. Этому же Нерсесу Великому приписывается пророческое сказаніе о паденіи армянскаго царства и церкви въ точности исполняющееся на этомъ народѣ. 4) Католикосъ Исаакъ Великій. Онъ сносился письменно съ Θεодосіемъ Великимъ, греческимъ императоромъ и съ греческимъ патріархомъ Аттікомъ. Въ 435 году онъ составилъ соборъ епископовъ армянскихъ, на которомъ были осуждены писанія Θεодора мансуэтскаго, учителя Несторіева и Діодора тарсійскаго, учителя Θεодорова и опредѣленіе созданнаго имъ собора, съ присовокупленіемъ описанія исповѣданія вѣры, отправилъ къ Константинопольскому патріарху Проклу, который признавъ исповѣданіе того армянскаго собора православнымъ, отвѣтствовалъ Исааку Великому въ выраженіяхъ православной вѣры противъ Несторія и послѣдователей его. При жизни сего патріарха, св. Месропъ, архимандритъ армянскій, изобрѣлъ буквы армянскія, въ 403 году. Оба они, при взаимномъ содѣйствіи, перевели съ греческаго на армянскій языкъ не только всю Библию, но и сочиненія древнихъ церковныхъ писателей: Евсевія, Василія, Аванасія, Кирилла и др., также церковныя книги греческія: требникъ, литургію и др. книги о таинствахъ церковныхъ и священнодѣйствіяхъ. Такъ какъ Исаакъ Великій не могъ присутствовать на Ефессомъ, третьемъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ противъ Несторія, то возвратившись изъ Персіи въ Арменію, составилъ соборъ изъ епископовъ армянскихъ въ городѣ Амтиматѣ, вторично предалъ анаѳемѣ Несторія и послѣдователей его и принялъ исповѣданіе вѣры и правила собора Ефесскаго. Этому же Исааку католикосъ Антоній I приписываетъ сочиненіе, въ которомъ онъ описываетъ духовное свое видѣніе, гдѣ пророчески предсказываетъ объ отнятіи отъ народа армянскаго царства и священства за имѣющее послѣдовать со-
 вращеніе отъ вѣры православной. 5) Грамматикъ Мосе, перелазатель на армянскій языкъ книгъ св. писанія ветхаго и новаго завѣта и авторъ іереміады по случаю отпаденія армянской церкви отъ вселенской. 6) Католикосъ Арменіи Эдра. При немъ армянская церковь, разсмотрѣвъ на соборѣ Карнукалакскомъ (въ нынѣшнемъ Эрзерумѣ) постановленія Халкидонскаго IV вселенскаго собора и признавъ ихъ непогрѣшимыми, равно и вѣру восточной церкви—православною, приняла Халкидонскій соборъ, предалъ анаѳемѣ Двинскій соборъ, установила праздновать Рождество Христова 25 декабря, согласно постановленіямъ св. отцевъ и вычеркнуть изъ трисвятой пѣсни слова: «иже распяны за ны», а Іоанна Маргомелія, противника сихъ постановленій собора, низложила и отлучила отъ церкви. 7) Къ такимъ же сторон-

никамъ и поборникамъ православія католикосъ Антоній I причисляетъ изъ армянскихъ святителей: католикоса Иоанна, прозваннаго философомъ; Давида, любителя мудрости, Никона, написавшаго сочиненіе въ обличеніе ереси, введенной нѣкоторыми нечестивыми армянами, католикосовъ: Захарія и Вагана, Григорія Нареквели, предавшаго анаемѣ соборы армянскіе въ Двинѣ и Малацкертѣ, дерзнувшіе отвергнуть св. Халкидонскій соборъ; католикосовъ: Григорія и Нерсе Клаели. Къ этому послѣднему императоръ Мануиль Комненъ, въ 1177 году направилъ греческаго богослова, по имени Тріана. Они нѣсколько дней разсуждали между собою о существѣ вѣры и обрядовъ и послѣ столь продолжительныхъ розысканій, разсужденій и разнообразныхъ письменныхъ сношеній армянъ съ греками, наконецъ духовенство и свѣтскіе армяне составили великій соборъ при патріаршемъ престолѣ въ г. Рушкаль, на которомъ признали единогласно, всенародно Халкидонскій соборъ и исповѣданіе вѣры, имъ составленное, привяли и подписали. 8) Такого же характера, по словамъ католикоса Антонія I, постановленія армянскихъ соборовъ: второго, созваннаго въ Ширакванѣ; третьяго собора армянскихъ отцовъ церкви въ городѣ Тарсѣ киликійскомъ, созваннаго во время возникшихъ разногласій между восточною и западными церквами; четвертаго, созваннаго въ гор. Сисѣ при армянскихъ царяхъ Гетомѣ и сынѣ его Леонѣ, и пятаго собора, происходившаго въ гор. Аенинахъ.

Гл. V посвящена обличенію еретическаго ученія объ одномъ ествѣ I. Христа и наконецъ въ гл. VI, VII и VIII приложены письма патріарха Константинопольскаго Флавіана къ папѣ Римскому Льву и посланіе послѣдняго къ Флавіану, и выдержки изъ отцовъ церкви, подтверждающія православное ученіе о двухъ естествахъ въ I. Христвѣ. «Бога мы знаемъ въ трехъ лицахъ: Бога Отца, иже есть Вина и Источникъ Собоначальнаго Своего Слова чрезъ рожденіе и Пресв. Своего Духа чрезъ исхожденіе. Сынъ не есть Начало, ни Духъ Св. Слово рождается отъ Отца, но не исходитъ, какъ Духъ Св.; Утѣшитель же Духъ Св. не рождается отъ Отца, какъ Слово, но исходитъ».

Третья книга заключаетъ три четверти (450 стр.) всего сочиненія и представляетъ историко-богословскій и философскій (въ духѣ схоластики) анализъ и обличеніе основныхъ вопросовъ монофизитской ереси объ одной нераздѣльной Св. Троицѣ, Творцѣ всего видимаго и невидимаго, объ ествѣ и лицѣ съ опроверженіемъ ученія еретиковъ, отдѣляющихъ или отождествляющихъ естество съ лицомъ или считающимъ два лица въ I. Христвѣ, объ одной природѣ, о двухъ дѣйствіяхъ въ I. Христвѣ божественномъ и человѣческомъ, нераздѣльныхъ и неслиянныхъ; о суще-

ствѣ, природѣ и вѣпостасѣ въ І. Христѣ; объ еретической прибавкѣ къ трисвятой пѣсни словъ: «святый безсмертный, иже распялся за ны», обличеніе тѣхъ, которые не растворяютъ вина водою при св. безкровномъ приношеніи; обличеніе тѣхъ, которые праздники Рождества и Крещенія Христова соединяютъ въ одно, 6-го января; обличеніе тѣхъ, которые подобно Іудеямъ, приносятъ въ жертву Богу воловъ, козъ, овецъ, и проч.; обличеніе папистовъ; сводъ отличительныхъ особенностей догматическихъ и обрядовыхъ армянской религіи православной, каковыхъ Антоній I насчитываетъ 52.

Сочиненіе заканчивается одой къ Пресвятой Троицѣ, написанной такъ называемымъ силлабическимъ родомъ стихосложенія, въ коей въ поэтической формѣ выражено размышленіе поэта-богослова о Божествѣ.

Ода эта, извѣстная на грузинскомъ языкѣ подъ наименованіемъ «ергасеули», состоитъ изъ 50 куплетовъ, по 5 стиховъ, изъ которыхъ въ каждомъ стихѣ по двѣнадцати или по тринадцати слоговъ. «Ергасеули» представляетъ въ поэтической формѣ квинтъ-эссенцію всего сочиненія католикоса Антонія I, «Мраметквелеба», противъ монофизитовъ. Этотъ родъ стихотворенія болѣе уже не встрѣчается нынѣ въ грузинской поэтической литературѣ.

Къ сочиненію приложено на концѣ повѣствованіе Тимоѳея, митрополита Самтаврсакаго о томъ, кѣмъ, когда и по какимъ обстоятельствамъ была написана книга эта «мза-метквелеба» и какое значеніе имѣетъ она въ дѣлѣ борьбы со врагами православной вѣры и церкви Христовой.

Сочиненіе это имѣетъ огромныя литературныя достоинства въ церковно-богословскомъ отношеніи. Касаясь трудныхъ богословскихъ вопросовъ, знакомитъ читателя со многими темными и неясными вопросами богословско-исторической литературы, которые въ изложеніи такого мастера и знатока богословія, какимъ является католикосъ Антоній I предстаютъ въ полномъ свѣтѣ и въ прозрачной ясности очертаній. Въ немъ выведенъ цѣлый рядъ писателей, мало или вовсе неизвѣстныхъ и ко всѣмъ имъ авторъ умѣетъ возбудить вниманіе и интересъ. Богатая эрудиція, мастерское умѣніе пользоваться данными богословской науки, св. писанія, философіи, риторики¹⁾, логики отличаетъ это произведеніе католикоса, какъ и всѣ вообще его работы.

¹⁾ См. № 333 рукоп. церковнаго музея въ Тифлисі.

«Сдѣлавшись пастыремъ вашимъ, говоритъ онъ грузинамъ въ VI словѣ предисловія къ своей грамматикѣ, и зная, что одного слышаннаго недостаточно, я счелъ своею обязанностью принять сердечное участіе въ васъ просвѣтить души ваши, какъ пасомыхъ, наукою; любовь къ вамъ вызвала умъ мой къ дѣятельности и по плодамъ можете узнать сокровенную причину ихъ». Согласно съ этимъ заявленіемъ онъ составляетъ рядъ полезныхъ, просвѣтительныхъ руководствъ, сообщающихъ свѣдѣнія какъ изъ отечественной исторіи и церкви, такъ изъ области философіи и всеобщей исторіи. Къ подобнымъ его трудамъ относится «Мѣрное слово» («Цкобилситквоба») ¹⁾ похвальное слово въ честь святыхъ грузинскихъ (въ родѣ мѣсяцеслова Симеона Полоцкаго), царей, писателей и дѣятелей, весьма цѣнное произведеніе, заключающее массу библиографическихъ данныхъ о древней грузинской письменности. Издано Пл. Иосселани. Оно состоитъ изъ семи частей; къ послѣдней присоединено прибавленіе. Первая часть посвящена Троицѣ и ея сущности, Рождеству, Крещенію, жизни и смерти Сына Божія, Евхаристіи и семи вселенскихъ соборовъ; вторая часть трактуетъ о Богородицѣ; третья о честномъ Крестѣ и хитонѣ Господнѣ; четвертая объ ангелахъ, апостолахъ, пророкахъ, преподобныхъ, праведникахъ и др.; пятая о святыхъ грузинской церкви: св. парица Кетевана, св. Або, Бидзини, Элизбаръ и Шалва Эристовы, Давидъ и Константинъ Аргветскіе, Неофитъ епископъ Урбинскій, Михаэль Гобронъ, Иларіонъ—чудотворецъ, тринадцать сирійскихъ отцовъ ²⁾, св. Нина, просвѣтительница Грузіи, св. Іоаннъ и Евѳимій, Аѳонскіе переводчики, братья Давидъ Таризгали, цари Арчилъ, и Луарсабъ и др.; шестая часть обнимаетъ похвальные слова славнымъ грузинскимъ царямъ, таковы: Миріанъ, Вахтангъ, Арчилъ Хосровани, Гурамъ Давитіани, Баграть III Багратовани, сынъ Гургѳона, Давидъ III, Георгій III, Тамара, Димитрій III, сынъ Давида, Георгій V Блестательный, Баграть V, Александръ I, Луарсабъ I и II, Свимеонъ I, Теймуразъ I и II, Вахтангъ V (=VI), Ираклій II ³⁾. Седьмая часть заключаетъ въ себѣ прославленіе грузинскихъ ученыхъ и книжниковъ, таковы: переводчикъ книгъ св. писанія Іоаннъ, за краснорѣчіе прозванный Златоустомъ, жилъ въ XI в., католикосъ Абхазскій Арсеній (1390), катол. Николай (при цар. Тамарѣ) мудрый

¹⁾ Изд. Пл. Иосселани, (Тифлисъ, 1853) съ біографическимъ очеркомъ Антонія I и комментаріями.

²⁾ См. ихъ перечисленіе у меня въ I книгѣ Очерковъ по ист. груз. слов.

³⁾ См. выше ссылки на этотъ трутъ Антонія, при обзорѣ писателей.

пастырь и известный оратор кат. Иоаннъ при цар. Тамарѣ борвавшийся противъ армянскаго вѣроисповѣданія, катол. Арсеній Булмасадзе (XIII в.) авторъ ямбическихъ стиховъ, католикосъ Николай (1490), возстановлявшій церкви и монастыри послѣ вторженія Лангтемура, катол. Доментій, царевичъ, при Вахтангѣ VI оказалъ услуги православію во время борьбы съ исламомъ; Арсеній Ниноцмидели (XI в.) архипастырь, переводчикъ богословія Дамаскина, Метафраста и др. Иоаннъ Болнели (XI в.) философъ и богословъ, Антоній Чкондидели, воспитавшійся въ Гареджіиской пустыни, проповѣдникъ и книжникъ Іаковъ первый Шемокмедели изъ фамиліи Думбадзе (XVII в.) мужъ большой учености, толкователь смысла религіи, авторъ разрушенія вѣры магометанъ, Іосифъ митрополитъ Тифлисскій, пѣтъ, мудрецъ, написавшій поэму о Моуравѣ Саакадзе, Николай Руставели, краснорѣчивый проповѣдникъ, Николай Мровели изъ Орбеліановыхъ, XVIII в. писавшій «чудные стихи», авторъ «семи смертныхъ грѣховъ» и Пасхалиона и потрудившійся надъ печатаніемъ книгъ Иоаннъ Мангдели (XVIII в.), великій постникъ, Иларіонъ (IX в.) святой мужъ, переводчикъ житія Семебна Столпника и др., Иоаннъ, отецъ Евфимія Аѳонскаго, св. Евфимій и Георгій Аѳонскіе, Иоаннъ Грезелидзе (XI в.) авторъ «Разрушенія вѣры мусульманъ», семи вселенскихъ соборовъ и перевода Исторіи церкви Θεодорита и др. Иоаннъ Хахулели (XI в.) борець противъ Состена армянскаго первосвященника, Захарій Мирдашидзе, Григорій, прозванный за твердость въ вѣрѣ «Новымъ Авраамомъ», Иларіонъ Тулаели, духовникъ Георгія Аѳонскаго, ученикъ послѣдняго Арсеній, переводчикъ богословскихъ сочиненій (XI в.). Переводчики и ораторы: Свѣтлый Антоній (XI в.), свв. Георгій (XI в.), Гавріилъ, (аѳонскіе иноки); философъ Петрицій Чирчимели Ефремъ Младшій, риторъ и переводчикъ богословскихъ книгъ; Арсеній Икалтоели, авторъ Дзеглисъ-цера и слова въ честь Давида Возобновителя, Иоаннъ Тайчидзе (XI в.) оставившій переводъ Діалектики, категорій Иоанна Дамаскина, о 12 камняхъ Епифанія Кипрскаго, Исповѣданія въ честь святыхъ, писатели Шавтели, Руставели, Чахрухадзе, Тмогвели, Теймуразъ II, Арчилъ II, Вахтангъ VI, С. С. Орбеліани—баснописецъ, стихотворецъ—Димитрій Орбеліани, Вахушти—географъ и историкъ, Дим. Цицишвили, авторъ геометріи по образцу русской, латинской, французской и нѣмецкой.

Въ прибавленіи онъ сообщаетъ предисловіе къ философіи Баумейстера ¹⁾ къ своей категоріи и катехизису; эпитафію матери своей

¹⁾ Это сочиненіе было предназначено учебникомъ въ школахъ. См. предисловіе къ рукописи, хранящейся въ Тифл. Общ. грам. № 351.

Елизаветѣ, сестрамъ своимъ Анастасіи и Маріи. Все сочиненіе написано т. н. «ямбами», т. е. 12 слоговымъ стихомъ безъ рифмы. Языкъ значительно проще сравнительно съ языкомъ философскихъ трактатовъ Антонія. Что касается до философскихъ трудовъ, то они являются буквально переводами съ русскаго текста съ нарушеніемъ правилъ грузинской конструкціи. Такъ, «Наставленія метафизическія» переведены Антоніемъ не съ латинскаго оригинала, а съ русскаго переложенія, что явствуетъ изъ того, что въ грузинскомъ переводѣ отсутствуетъ латинское предисловіе, (*Praefatio ad benevolum lectorum de dignitate, necesstate et utilitate metaphisicis*), приложенное и въ русскомъ переводѣ. Очевидно, Антоній не владѣлъ твердо латинскимъ языкомъ. Заслуга Антонія заключается въ томъ, что онъ впервые ввелъ философскую терминологию, создалъ выраженія для отвлеченныхъ понятій иногда весьма удачныя, таковы: сущность, совершенство и проч. ¹⁾).

Антоній первый составилъ учебникъ по риторикѣ ²⁾. Предметъ риторики заключается, по его мнѣнію, въ искусномъ и пріятномъ распределеніи матеріала. Первая глава посвящена опредѣленію періодической рѣчи, вторая раздѣленію періодовъ на виды; слѣдующія двѣ главы рассматриваютъ тропы и фигуры и заканчивають отдѣлъ прозы обзоромъ хриі. Въ обзорѣ поэзіи особо толкуется драматическое искусство, всего менѣе процвѣтавшее въ древней Грузіи ³⁾: Антоній даетъ указанія о распоряженіи словъ и о средствахъ воздѣйствія на чувство и умъ.

По языку Антоній I оставилъ грамматику въ трехъ видахъ. Первая грамматика (1753 г.) составлена по образцу Мхитаровой грамматики, вторая пространная въ 1767 г. и третья «Симетне» представляетъ краткій учебникъ грамматики въ вопросахъ и отвѣтахъ. Литературный языкъ онъ дѣлитъ, по средневѣковой теоріи, на три стили: простой для всѣхъ доступный (языкъ синаксарій и повѣстей), второй—возвышенный, доступный для образованныхъ (языкъ св. писанія), третій высокій, доступный ученымъ (творенія отцевъ церкви, труды философа Петрици, царя Давида Возобновителя, Ш. Руставели и др.).

¹⁾ См. мою ст. въ „Квалі“ 1897, № 41.

²⁾ Риторика Мхитара, переведенная Антоніемъ, хранится въ библіотекѣ Общества грамотности въ Тифлисѣ.

³⁾ Въ XVIII в. лишь появились переводы драматическихъ произведеній таковы: въ 1792 г. съ русскаго кн. Г. Авалова „Рогоносецъ“, „Мать — совѣстница дочери“ и др., очевидно съ комедій Сумарокова. Въ 1795 г. появилась Ифигенія Расина въ переводѣ Д. Чолокашвили.

Этотъ взглядъ Антонія на литературный языкъ бросаетъ свѣтъ на характерныя особенности его произведеній. Рѣчь его, отличающаяся длиннотами и витѣватостью, окрашена религиозно-схоластическими свойствами. Предисловіе къ грамматикѣ онъ дѣлитъ на шесть словъ. Первое состоитъ изъ безсвязныхъ текстовъ св. писанія, преимущественно изъ книгъ Премудрости Соломона, имѣющихъ цѣлью на ихъ основаніи доказать пользу и необходимость ученія. Второе «слово» выясняетъ причины составленія грамматики, въ виду ея отсутствія въ его время на груз. языкѣ. Антоній перечисляетъ до 20 предшествовавшихъ ему грузинскихъ переводчиковъ грамматики (въ ихъ числѣ Іоанна Петрици), но ихъ труды не могли быть найдены ни царемъ Вахтангомъ VI, ни С. С. Орбелиани, ни любителемъ знанія царевичемъ Вахушти. Когда поиски послѣднихъ оказались тщетными, они обратились къ одному изъ тифлисскихъ гражданъ, нынѣ «вардапету» ¹⁾ Захарію, который приступилъ ихъ къ переводу грамматики съ армянскаго, которая однако Антоніемъ не удостоивается названія грамматики. Ему католикосу, «помазанному елеемъ невидимой благодати» удастся впервые найти части грузинской рѣчи. При помощи армянскаго священника Филиппа Кайтмазишвили, онъ сначала перевелъ съ армянскаго категоріи Аристотеля о словѣ сочиненій и предложеній (т. е. о «силлогизмѣ»), а потомъ по повелѣнію царей Теймураза II и Ираклія II, онъ предпринялъ составленіе грамматики. Не ограничиваясь свѣдѣніями по армянской грамматикѣ, онъ обращается за помощью и справками къ латинскимъ миссіонерамъ. По зрѣломъ изслѣдованіи онъ признаетъ, какъ сообщаетъ въ V словѣ, въ грузинскомъ языкѣ 8 падежей и опредѣлилъ всѣ части рѣчи и 3 склоненія, а въ послѣднемъ VI словѣ онъ выражаетъ желаніе, чтобы всѣ руководствовались установленными имъ правилами. Вторую грамматику онъ составилъ потому, что въ первомъ трудѣ многое ему показалось языку несвойственнымъ, а свойственное было въ немъ забыто. Будучи въ Россіи, онъ сталъ вчитываться въ произведенія грузинской письменности; ознакомился съ мнѣніями знатоковъ классическихъ и западноевропейскихъ языковъ ²⁾, и умъ его еще «больше вникъ въ это искусство» (т. е. грамматику). Вторая грамматика состоитъ изъ 8 частей, синтаксисъ дополненъ новыми примѣрами. Подъ именемъ грамматики Антоній понимаетъ «искусство правильно говорить и писать», а подъ именемъ грамматикъ—автора грамматики, ритора, стилиста, хорошаго

¹⁾ Вардапетъ—архимандритъ у армянъ.

²⁾ Знакомство съ грамматикой Ломоносова въ его трудахъ незамѣтно.

переводчика, комментатора ¹⁾). Преувеличеннымъ мнѣніемъ о грамматическомъ искусствѣ и неопредѣленности понятія—грамматика, грамматикъ объясняется его противорѣчивое показаніе относительно существованія грамматики въ древне-грузинской письменности. Антоній I имѣлъ въ виду предшествовавшіе труды по грамматикѣ, напр. Петрици, котораго онъ самъ называетъ грамматикомъ. По его мнѣнію, грамматика можетъ предписывать правила по своему усмотрѣнію, чтобы научить искусству правильно говорить и писать. Въ виду этого ошибочнаго пониманія роли грамматики, онъ ввелъ звуки для облегченія произношенія, не существующую въ груз. яз. форму вин. падежа, предложивъ обозначать его черточкой сверху, послѣлоги замѣнилъ предлогами (напр. «мебр.»), искусственно составилъ *meethe* (первый). Въ его трудахъ, написанныхъ тяжелымъ языкомъ нѣтъ строгой методы и системы въ распредѣленіи грамматическаго матеріала. Но при этихъ недостаткахъ работы Антонія I создали эпоху въ грузинской наукѣ. Отъ его грамматическихъ изысканій ведетъ начало разработка грузинскаго языка; его богословскія и философскія сочиненія до настоящаго времени остаются чуть ли не единственными образцами грузинской теологической и философской системы; его историческій очеркъ былъ первый опытъ школьнаго руководства ²⁾, съ его именемъ, наконецъ, связывается представленіе о просвѣщенномъ архипастырѣ, поставившемъ въ Грузіи школьное образованіе на европейскую почву.

Архим. Гаіозъ въ 1783 г. 28 мая въ день акта Тенавской семинаріи въ торжественной рѣчи ³⁾ оцѣнилъ дѣятельность Антонія I слѣд. словами; «Трудами святѣйшаго пастыря и учителя нашего царевича Антонія заложены основанія всякихъ знаній, воспламенилась ревность, явились высокіе умы, умножились научные свѣточи».

Къ числу достойныхъ учениковъ Антонія, «научныхъ свѣточей», принадлежитъ самъ Гай или Гаіозъ, ректоръ Телавской семинаріи.

¹⁾ Грамматика его изд. въ Тифлисѣ 1885 г. на средства епископа Александра. См. объ его грамматическихъ трудахъ *Цаирели*. Грамматическая литература, стр. 1—20.

²⁾ См. его „Маленькая Барглисъ-Цховреба“—истор. хрестоматія (рукопись) и Происхожденіе грузино-имеретинскихъ царей написанное по просьбѣ Фроендорфа, кизляр. коменд., напечатанное въ журналѣ *Иверія* по рукописи Мартвильскаго собора. Ср. Рукопись библ. св. ян. Ив. Гр. Грузинскаго (СПБ. Публ. Библ.). Тамъ же его „Письма изъ Владиміра къ кн. Іоавну Орбелиани“.

³⁾ Рѣчь эта хранится въ рукописи въ СПБ. Публ. Библ.

Захарій Габаевъ.

Противъ Антонія I выступилъ свящ. Захарій Габаевъ царскій духовникъ, завѣдующій печатаніемъ книгъ при Метехскомъ замкѣ въ извѣстной сатирѣ «Война кошки» ¹⁾, въ которой подъ кошкою изображается Антоній, объявившій жестокою войну мышамъ, т. е. духовенству. Цѣль сатиры—осмѣяніе низверженнаго Антонія и всей его дѣятельности. Авторъ сатиры не даромъ представляетъ своего героя въ образѣ кошки, которую уподобляютъ царю звѣрей—льву; авторъ намекаетъ на царское происхожденіе Антонія. Кошка превозносится своимъ высокимъ происхожденіемъ ²⁾ и богатырскою силою, которая ищетъ исхода, дѣятельности. Вниманіе кошки обратилось на рой мышей, счастливо и богато проживавшихъ въ своихъ норахъ (разумѣется, кажется, монашествующее сословіе, безотчетно распоряжавшееся церковными богатствами монастырей). Вооруженная тяжеловѣсно, кошка гордо врывается въ самый центръ царства мышей и безжалостно истребляетъ ихъ ³⁾. Увлеченная первою побѣдою, кошка рѣшается истребить весь родъ мышей, загнать ихъ въ норы и забрать въ свои руки «управленіе рудою», т. е. церковнымъ богатствомъ: католикось, какъ мы видѣли, дѣйствительно старался ограничить произволь духовенства въ пользованіи церковнымъ имуществомъ. Вынужденные критическимъ положеніемъ, всѣ мыши соединяются и призываютъ на помощь крысъ, бѣлокъ, куницъ и др. и въ кровопролитной битвѣ одерживаютъ побѣду надъ кошкою. Избитая и искалѣченная отъ побоевъ, кошка лишается наконецъ самаго лучшаго своего украшенія—хвоста: мыши оторвали его (пародія низверженія Антонія съ каедры). Напрасно армяне и іранги (разумѣются вообще католики) старались помочь ей, совѣтуя спастись бѣгствомъ: кошка попала въ плѣнъ. Начинается рядъ поруганій и насмѣшекъ надъ искалѣченною и избитою кошкою: мыши хотятъ «опорожнить полный желудокъ ея», «крѣпко подтянуть ея животъ ремнемъ», приговаривая: «васька, прошло то время, когда ты насъ морилъ голодомъ» ⁴⁾, бьютъ ее зубами «подъ звуки органовъ»,

¹⁾ Напеч. у Чубинова въ хрестоматіи. Захарій Габаевъ былъ духовникъ царя Теймураза II. Онъ былъ виновникъ отрѣшенія Антонія отъ трона. Самъ онъ былъ лишенъ сана при Иракліи II и переселился въ Имеретію. Сынъ его Бесяки—извѣстный поэтъ. Ср. *Ethe. Kitab-i-Mūs* (ор. с., 267).

²⁾ 1 и 9 ст.

³⁾ Стих. 2—8.

⁴⁾ Стихи: 9, 12, 30 и др.

припѣваючи: «не хочешь ли теперь проглотить малыхъ мышей! разинь-ка ротикъ! Ужь всёмъ ты надоѣлъ! выложи обратно, что доселѣ проглотилъ... Видишь, прекрасная шерсть твоя вся общипана; если тебѣ удастся еще воцариться, тогда глотай насъ». Побѣдители наконецъ высказываютъ мысль убить врага ¹⁾. Но нѣкоторыя мыши «въ шляпахъ» (разумѣется, вѣроятно, дворянство, сочувствовавшее католикамъ или, вѣрнѣе, грузино-католики), совѣтуютъ ему скорѣе бѣжать въ Черкесію ²⁾ или въ Москву (въ Россію) въ качествѣ богомольца ³⁾. Поруганіе свое надъ кошкою мыши заключили тѣмъ, что остригли ее ⁴⁾. Первая половина сатиры заканчивается насмѣшкою: «васька, наученная французскому способу веденія войны и пораженная мышами!!»...

Во второй части сатиры изображается кошка, оплакивающая свое униженіе и потерянный хвостъ и прощающаяся съ подобными себѣ животными: сободемъ, лисицею, съ роемъ горностаекъ, куницъ и проч. Всѣ они, припавъ къ ногамъ кошки, высказываютъ горькое соболѣзнованіе, «что царь звѣрей (кошка) потерялъ хвостъ, стоившій цѣлой Франціи» ⁵⁾. (Насмѣшка надъ католиками, которые въ Грузіи извѣстны подъ именемъ франговъ т. е. франковъ). Кошка, рѣшившаяся «бѣжать въ Каабу» (въ Москву), прощается съ ними послѣ трогательной рѣчи, съ горючими слезами на глазахъ и при громкихъ вопляхъ ⁶⁾.

Изъ тона сатиры усматривается, что въ рядахъ духовенства развилось неудовольствіе на Антонія, между прочимъ, и вслѣдствіе его стремленія ограничить права епархіальныхъ правителей и настоятелей монастырей въ безотчетномъ пользованіи церковнымъ достояніемъ. Архіепископъ Тимофей также свидѣтельствуетъ, что Антоній «во имя вѣры вмѣшивался въ (религіозныя) дѣла царей и обнажалъ (?) правителей и сильно училъ». Все это не могло остаться безъ вліянія на судьбу Антонія, но объяснить этимъ фактъ низложенія Антонія, послѣ всего сказаннаго, совершенно невозможно. Да и самое показаніе Тимофея историческими данными не оправдывается.

Въ XVIII в., благодаря усиліямъ Антонія I и пробудившимся интересамъ въ Грузіи, организуется школьное образованіе на европей-

¹⁾ ст. 18, 23, 26.

²⁾ ст. 25.

³⁾ ст. 28.

⁴⁾ ст. 34.

⁵⁾ ст. 44.

⁶⁾ ст. 45—50.

скихъ началахъ. Возникають учебныя заведенія въ Тифлисѣ и Телавѣ въ которыхъ обученіе ведется по широкой программѣ. Мы имѣемъ основательныя свѣдѣнія о постановкѣ преподаванія въ центръ Кахети—Телавѣ, при ректорахъ Гаіозѣ и Давидѣ.

Телавская семинарія. Первый ея ректоръ Гаіозъ Нацвмишвили (1746—1819).

Гаіозъ былъ изъ дворянъ и родился въ сел. Магаро (Сигнах. уѣзда, Тифлис. губ.). Въ предисловіи, написанномъ имъ къ извѣстному сочиненію католикоса Антонія I «Готовое Слово», онъ въ акростихѣ¹⁾, называя себя Гаіозомъ, говоритъ: «ученикъ посвящаетъ тебѣ автору»; слѣдовательно, онъ воспитался подъ руководствомъ этого знаменитаго пастыря грузинской церкви. Когда въ 1756 г. католикосъ Антоній былъ вынужденъ переселиться въ Россію, Гаіозу было только 10 лѣтъ, и потому мы можемъ предположить, что Гаіозъ началъ только учиться подъ надзоромъ католикоса года за два до удаленія его изъ Грузіи и снова, вѣроятно, подвергся вліянію своего учителя, по возвращеніи его въ 1762 г. на родину; только при этомъ предположеніи будетъ намъ понятно, почему Гаіозъ называетъ себя ученикомъ Гаіозомъ, или же онъ считаетъ себя его ученикомъ по духу, внесенному Антоніемъ въ жизнь Грузіи. Черезъ три года послѣ водворенія католикоса Антонія I въ Грузію, Гаіозъ въ 1765 г. будучи 19 лѣтъ, былъ посвященъ въ діакона²⁾. Съ этого времени Гаіозъ жилъ неразлучно съ своимъ глубокообразованнымъ учителемъ — католикосомъ. Онъ предпринялъ въ 1772 г. путешествіе въ Петербургъ съ Антоніемъ I и царевичемъ Леономъ, по порученію царя Ираклія II для политическихъ переговоровъ, закончившихся союзомъ Грузіи съ Россією по трактату, заключенному въ 1783 г. Екатериной II и Иракліемъ II въ г. Георгиевскѣ, гдѣ Гаіозъ былъ ассистентомъ при грузинскихъ уполномоченныхъ, какъ знатокъ русскаго языка. Пробывъ въ сѣверной столицѣ два года, послы вернулись въ Москву, гдѣ Гаіозъ, съ согласія Антонія I, поступилъ въ Московскую духовную академію, а Антоній возвратился на родину.

Въ академіи онъ провелъ четыре года въ числѣ своекоштныхъ, согласно его просьбѣ (1774—1778). Въ прошеніи, поданномъ на Вы-

¹⁾ Готовое Слово, стр. XXVI, изд. П. Иосселиани; издатель предполагалъ, что Антоній въ 1756 г. взялъ съ собою въ Россію маленькаго Гаіоза.

²⁾ *Мтсваремшивили* въ ст. „Телавская семинарія и Гаіозъ Нацвмишвили“ ссылается на Дѣло Архива св. Синода 1774 г. № 2330.

сочайшее имя, Гаіозъ говорить, что онъ уже изучилъ разные предметы на родинѣ, но замѣтивъ въ Россіи безпомѣрное въ наукахъ превосходство, онъ вознамѣрился изучить русскій, латинскій (и греч. ¹⁾ языки). Синодъ, собравъ всѣ справки, разрѣшилъ Гаіозу вступить въ академію. Въ 1782 г. видно Гаіозъ ²⁾ былъ уже въ Грузіи и возведенъ былъ 28 мая того же года въ санъ архимандрита Антоніемъ I предъ открытіемъ телавской семинаріи. Торжество открытія Телавской семинаріи при Иракліи II описано самимъ Гаіозомъ ³⁾. Вслѣдъ за божественной литургіей, отслуженной ректоромъ въ присутствіи семинаристовъ, послѣдніе вмѣстѣ съ приглашенными почетными гостями были приглашены въ залу, гдѣ былъ прочитанъ приказъ семинаристамъ католикоса, протектора семинаріи «инструкція» къ ректору и положенія, кои должны были лечь въ основу семинаріи. Затѣмъ обратился съ словомъ къ присутствовавшимъ архим. Гаіозъ. Воздавъ хвалу царю Ираклію II, священному желанію котораго обязана семинарія своимъ открытіемъ, «ибо онъ весь проникнуть помыслами, дабы мы были озарены свѣтомъ наукъ», ораторъ остановился на выясненіи разницы между знаніемъ и невѣжествомъ, свѣтомъ и тьмой. Наука приводитъ прежде всего человѣка къ познанію самого себя и уразумѣнію цѣли свсего назначенія на землѣ. Цѣль же эта заключается въ дѣятельности на благо ближняго, въ попеченіи надъ духомъ, а не надъ тѣломъ, въ выработкѣ характера при опасности не предаваться унынію, избирая путь, приближающій насъ къ добрымъ порывамъ. Необразованный человѣкъ считаетъ себя вѣнцомъ творенія и, подобно звѣрю, стремится лишь къ чувственнымъ удовольствіямъ, исполненъ себялюбивыхъ и корыстолюбивыхъ стремленій, пьетъ кровь собрата съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ небесный нектаръ, ложъ предпочитаетъ истинѣ, обманъ честности, низость вѣчной славы». Вторыхъ наука знакомитъ человѣка съ всеблагимъ промысломъ Божиимъ, съ безконечною мудростью и милосердіемъ Творца. Ученый чтитъ Бога не изъ страха, а изъ любви. Не только мысли, но дѣянія неуче-

¹⁾ Что Гаіозъ зналъ греч. яз., видно изъ „Путешествія русскаго митр. Іоны“, (стр. 20—1) который говоритъ, что письма на греч. яз., адресованныя Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами къ груз. царю и католикосу, перевелъ Гаіозъ Пензскій, т. е. архіерей.

²⁾ Д. З. Бакрадзе считаетъ Гаіоза изъ фамиліи Такашвили, но почему—неизвестно. См. „Калмасоба“ предисловіе, стр. IV. Т. 1896.

³⁾ См. еще его слово о покровительствѣ рус. импер. груз. царству. СПб. Публ. Библ. Собр. кн. Грузинскаго № 219.

наго противорѣчатъ завѣтамъ вѣры: вмѣсто любви они проявляютъ недовольствія, зависть, скупость, расточительность, безсиліе. Ученый же чуждъ лѣни, недружелюбія, любостыжанія, ибо онъ знаетъ, что такое добро и зло, честность и безчестіе. Онъ заботится объ общемъ а не о личномъ благѣ. Наука приучаетъ человѣка уважать царя и видѣть въ немъ отца подданныхъ ему равныхъ сыновъ Божьихъ. Напомнивъ еще разъ о томъ, что виновникомъ насажденія науки въ Грузіи является благочестивый царь Ираклій II, обратившій неусыпныя силы свои на семинаристовъ, ораторъ воздаетъ должное брату царю, патріарху Антонію I, «поднявшему Грузію къ свѣту изъ тьмы, обогатившему учебную сокровищницу оригинальными и переводными книгами и превратившему свою родину въ новыя Аѳины». Рѣчь онъ закончилъ призывомъ къ горячей молитвѣ о дарованіи царю и верховному покровителю семинаріи здравія и благоденствія.

Торжество завершилось просьбой, обращенной Гаіозомъ къ митр. Досіею Черкезишвили, извѣстному богослову и философу ¹⁾, преподавать первый урокъ грамматики «юношамъ въ внѣшъ насажденномъ виноградникѣ», но такъ какъ владыка отклонилъ это предложеніе, то самъ новый ректоръ, по прочтеніи семинаристами молитвы, сочиненной Антоніемъ I «Непостижимый свѣтъ», — объяснилъ границы грамматики. Продолженіемъ перваго урока служила діалогическая бесѣда съ семинаристами о сотвореніи міра и земли, которой предшествовала молитва, «Богородице Дѣво». Въ заключеніе Гаіозъ обратился съ рѣчью «къ высокочтимымъ гостямъ», которымъ отрадно будетъ видѣть воспитанныхъ дѣтей и взывая къ семинаристамъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ заведеніи для обогащенія ума знаніями, облагороженія сердца и укрѣпленія въ себѣ любви къ отечеству. Такъ происходило открытіе первой семинаріи, созданной по образцу русской, съ которыми познакомились лично катол. Антоній и архим. Гаіозъ, взявъ въ прежней школы, въ которой между прочимъ по словамъ Гаіоза получилъ образованіе самъ Досіей и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на торжествѣ почетныхъ гостей. Судя по нѣкоторымъ замѣткамъ въ семинаріи обучали: грамматикѣ, риторикѣ, философіи и богословію.

Гаіозъ отправлялъ обязанности ректора всего одинъ годъ. Въ 1784 г. во главѣ телавской семинаріи уже стоялъ Давидъ Алексѣевъ

¹⁾ Досіею принадлежитъ переводъ *Περὶ ῥητορικῆς* Аристотеля: *Риторика и Философія Давида*, переведенная съ армянскаго языка. Онъ скончался въ 1789 г. *Лоссеани*, Путевыя замѣтки по Кахетіи, стр. 117.

(1784—1799 ¹⁾) а Гаіозъ былъ какъ знатокъ русскаго языка назначенъ вмѣстѣ съ князьями Ив. Багратиономъ и Гарсеваномъ Чавчавадзе делегатами царя Ираклія II для заключенія трактата въ 1783 г. въ гор. Георгіевскѣ съ генераломъ Потемкинымъ, представителемъ импер. Екатерины II. Онъ остался на сѣверномъ Кавказѣ и въ 1785 г. былъ назначенъ членомъ Осетинской комиссіи, учрежденной по мысли Юсіфа Самебели и Іоакима Мангели въ Моздокѣ для распространенія христіанства среди горцевъ. Гаіозъ сблизился съ ген. Потемкинымъ, получившимъ въ управленіе Новороссійскій край. Въ 1789 г. Гаіозъ живетъ въ Кременчугѣ (Полтавской губ.), какъ видно изъ замѣтокъ къ книгамъ, имъ переписаннымъ, а въ 1790 г. онъ встрѣчается въ Яссахъ съ митроп. Іоной, путешественникомъ по святымъ мѣстамъ ²⁾. Здѣсь онъ служилъ съ митрополитомъ литургію на груз. языкѣ, въ присутствіи Потемкина. Покровительству послѣдняго онъ, вѣроятно, обязанъ тѣмъ, что Гаіозъ императрицей былъ награжденъ золотымъ крестомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями. Въ 1793 г. онъ былъ возведенъ въ С.-Петербургѣ въ санъ архіерея и назначенъ епископомъ Моздокскимъ и Мафарскимъ, получивъ 5000 золотыхъ полуперіаловъ. Синодъ далъ ему особая инструкціи въ томъ, что онъ долженъ былъ отправлять миссіонеровъ къ осетинамъ, самому объѣзжать паству и слѣдить, насколько твердо и искренно слѣдуютъ вѣрѣ вновь обращенные горцы. Обязанностью его было распространеніе образованія среди осетинъ и объ открытіи школъ, лучшіе ученики изъ которыхъ должны были быть отправляемы въ астраханскую семинарію съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи они назначались священниками въ осетинскихъ селеніяхъ. На него возлагались заботы о реставраціи древнихъ церквей и сооруженіи новыхъ. Но, въ виду того, что ни дома, ни облаченій для архіерея въ г. Моздокѣ еще не было, Гаіозу пришлось остаться въ С.-Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ, а такъ какъ къ этому времени (14 ноября 1793 г.) умеръ астраханскій епископъ Тихонъ, то Гаіозу поручено было временное управленіе астраханской епархіей. Почти годъ онъ провелъ въ Астрахани, управляя издали Моздокской каедрой, и только весною 1794 г. онъ прибылъ въ свою епархію. Здѣсь онъ поселился въ домѣ, гдѣ помѣщалось училище, съ пѣвческимъ хоромъ котораго онъ въ мантии пѣшкомъ ходилъ въ соборную церковь для религиозныхъ требъ. Его высокій ростъ, выразительныя черты лица. ³⁾

¹⁾ *Пл. Иоселіани*. Икортскій монастырь, стр. 87.

²⁾ Путешествіе митр. Іоны, стр. 113.

³⁾ Портретъ его сохранился въ бібліотекѣ Ставропольской духовной семинаріи.

и архіерейское облаченіе производили сильное впечатлѣніе на осетинъ. Гаіозъ проявилъ громадную энергію и умѣнье поднять низкій уровень семейной нравственности своей паствы, въ короткое время построилъ 6 церквей, привелъ кассу, расхищаемую его преемниками, въ порядокъ и сталъ соблюдать большую экономію въ расходахъ, въ 1797 г. основалъ монастырь Преображенскій ¹⁾ Моздокской, улучшилъ положеніе школы, гдѣ преподавателями до него бывали малообразованные дьячки, назначивъ съ лучшей подготовкой, какъ напр. учителями словесной науки Іоанна Чилашвили, окончившаго курсъ въ Славяно-греко-латинской академіи. Въ интересахъ же прочнаго насажденія вѣры и науки, самъ Гаіозъ составилъ осетинскій алфавитъ, положивъ въ его основаніе славянскую азбуку, и перевелъ на этотъ языкъ Начальное ученіе челоувѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго писанія, напечатавъ въ Москвѣ 1798 г. параллельно по ц. славянски Кириллицей и по-осетински ²⁾. Такъ, онъ первый положилъ начало осетинской письменности, а изъ его школы вышли ученики, впоследствии занявшіеся миссіонерской дѣятельностью среди горцевъ.

16 октября 1799 г. по указу св. синода по упраздненіи моздокской каедры и присоединеніи ея къ астраханской епархіи, Гаіозъ былъ назначенъ архіепископомъ Саратовскимъ и Пензенскимъ (1799—1818) и умеръ въ Астрахани въ 1819 г., гдѣ, вѣроятно, и погребенъ. Гаіозъ оставилъ оригинальныя и переводныя сочиненія. Изъ первыхъ замѣчательна «Краткая грузинская грамматика», частью церковными, частью гражданскими буквами напечатанная въ 1789 г. въ Кременчугѣ. Она заключаетъ въ себѣ обзоръ звуковъ, этимологіи и синтаксисъ. Авторъ признаетъ 8 падежей въ имени и три времени въ глаголѣ. Ему же принадлежитъ «Предисловіе къ Мѣрному слову Антонія католикоса», «Исторія Грузіи» и «Проповѣди» и рѣчи (Ираклію II).

¹⁾ По мысли императрицы, монастырь долженъ былъ быть центромъ просвѣщенія. Гаіозъ же учредилъ въ Моздокѣ женскій монастырь близъ часовни Иверской Божіей Матери, почитаемой всѣми горцами и присланной, по преданію, осетинамъ царшей Тамарой.

²⁾ *Миллеръ*. Осетинскіе этюды, I, стр. 1. Ср. *Бутковъ*. Матеріалы для исторіи Кавказа I, 273, гдѣ передается, что Гаіозомъ издана въ маѣ 1798 г. азбука и сокращенный катихизисъ на русскомъ и осетинскомъ языкахъ. Гаіозу принадлежитъ „Краткое изложеніе древнихъ философовъ (перев.)“. Рукопись хранится въ Тифл. церк. музеѣ (№ 314).

Имъ переведено въ 1776 году въ Москвѣ съ русскаго Путешествіе барона де Польниці, съ посвященіемъ царевичу Георгію Вахтанговичу; перевелъ Амвросія Медиоланскаго въ 1789 г. въ Кременчугѣ о «преставленіи Сатира и Θεодосія Вел.; Священная Исторія въ 1799 г. въ г. Моздокѣ; Регламентъ, Исторія Петра В., Исторія Египта Діодора и Геродота, Древняя Исторія, Военный артикулъ Петра В., Словарь европейскихъ городовъ, Богословіе митр. московскаго Платона; Марка Аврелія нравственныя разсужденія; Велизарій Мармонтеля; Царскій свитокъ (?); Китайская мудрость; ¹⁾ Толкованіе притчей Соломона; Посланія Василя В., Вопросъ и отвѣты вѣроисповѣданія, Мысли объ умѣ (?); Мысли для обученія юношамъ, Утреннія молитвы ²⁾.

Этотъ списокъ трудовъ архіеп. Гаіоза ³⁾ вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія въ виду того, что одни изъ нихъ безусловно дошли до насъ, а другіе ему приписываются, но пока не найдено точныхъ указаній объ ихъ существованіи и принадлежности дѣятельному іерарху.

Приводимъ отрывокъ изъ торжественной рѣчи Гаіоза, произнесенной имъ 28 мая 1783 г. на открытіи Телавской семинаріи, въ присутствіи царя Иракліи и катол. Антонія.—Онъ открываетъ рѣчь указаніемъ на важность воспитанія.

„Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что благое воспитаніе и добрыя нравы въ человѣческомъ родѣ зависятъ отъ истинной науки. Поэтому, если научное воспитаніе,

¹⁾ Поднесена для царевны Анны Кайхесровны, племянницы царя Вахтанга VI.

²⁾ Утреннія молитвы, писанныя въ Кременчугѣ въ 1788 г., значатся въ спискѣ книгъ царевны Саломе, переданныхъ студентамъ Спб. университета, Посланія Василя Вел. написаны въ Моздокѣ 28 янв. 1799 г. Посланія св. Іоанна Сипаята къ пастырю или настоятелю, переписанныя Гаіозомъ въ Моздокѣ въ 1799 г. О злыхъ ангелахъ, перев. съ русскаго Гаіозомъ въ столицѣ Молдавовалахскаго княжества, въ г. Яссахъ 29 марта 1792 г. Велизарій Мармонтеля, переводъ съ русскаго, въ Кременчугѣ въ 1787 г. (рукоп.). Древняя исторія египтянъ, карагенянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ, македонянъ и грековъ, перев. съ рус. архим. Гаіоза въ 1783 г. Путешествіе барона де-Польниці съ историческими и географическими замѣтками, переводъ его же въ 1776 г. въ Москвѣ. Нравоучительныя разсужденія Марка Аврелія, пер. 1795 г. Опыты гвѣченія цыгги пер. съ рус. въ 1709 г. Военный артикулъ Петра Вел., перев. Гаіоза при Иракліи II. Слово о покровительствѣ рус. императора грузинскому царству (собр. цар. груз. въ Спб. Пуб. Библ. № 219) послѣ заключенія трактата 1783 г.

³⁾ *Иверія*, 1881 №№ 7, 8 и 9.

которое возжигаетъ въ разумѣ свѣтъ, озаряющій всякую истину, лишится покровительства, то массы учащейся молодежи и прекраснѣйшія учрежденія сдѣлаются негодными и бесполезными, такъ какъ изсякнетъ огонь пожеланія и погаснетъ пламень благороднаго соревнованія; ревностное же содѣйствіе такому настроенію ихъ, милостивое попеченіе и одобреніе ихъ труда разовьетъ въ нихъ желаніе и вооружитъ ихъ новыми силами. Такое положеніе дѣлъ мы видимъ въ нашемъ отечествѣ благодаря трудамъ благовѣрнаго царя Ираклія II. Съ того времени, какъ трудами святѣйшаго пастыря и учителя нашего царевича Антонія заложены основанія всякихъ знаній, воспламенилась ревность, явились высокіе умы, умножились научные свѣточы⁴. Обращаясь къ Антонію I, онъ продолжаетъ!

Поэтому, не только наши пресвященные, но и простые сыны отечества горячо стремятся къ широкому развитію этого дорогаго дѣла, среди конхъ особенно ваше пресвященство достойно занимать первѣйшее мѣсто ради вашихъ заслугъ. Здѣсь я не буду перечислять тѣхъ блестящихъ способностей вашей просвѣщенной души, присутствіе которой среди насъ я чувствую и пользуюсь ею, но скажу относительно ея высокой пользы для отечества и согласно съ нашими трудящимися пресвященными, которые стремятся къ утвержденію и расширенію сего священнаго мѣста и просимъ съ великодушіемъ принять нашу благодарность. Посему вы не лишите исполненія и увѣчанія этого священнаго нашего собранія и всегда съ радостнымъ лицомъ посѣщайте это маленькое и юное дѣло наше, какъ добрый отецъ и сотрудникъ святыхъ лицъ, которые захотѣли основать этотъ жизненный и безсмертный памятникъ на аренѣ нашего отечества.

Вы же честные и дорогіе гости не оставляйте этого дорогаго дѣла, драгоценность коего суть ваши любимыя сыновья, которые воспитываются безсмертною, славною и небесною пищею, но радуйтесь этой драгоценности, радуйтесь неистощимой милости Ираклія и просите у Предобраго и Благаго Бога, чтобы Онъ увеличилъ долготѣіе жизни царя Ираклія, который насадилъ эту виноградную лозу, вѣтви которой должны касаться окраинъ нашего отечества, которое производитъ самую виноградную лозу и раститъ вашихъ сыновей, какъ вы сами видите, чтобы насаждающее и собирающее равно радовались совмѣстно.

И вы, мои дорогія дѣти и славные сыны своего отечества и достойные слуги владыки и въ особенности ревностнаго отца нашего, радуйтесь этому добру среди васъ, которое вы сами хорошо чувствуете. Напрягайте вашъ умъ для принятія завѣщанной мудрости, вдвиньте вашу лодку съ милостью Св. Духа въ архипелагъ науки и подвигайтесь къ гавани мудрости Бога, гдѣ вы принесете благодарственною жертвою сердца ваши во-1-ыхъ Богу, какъ первопричинѣ всего добраго, а во-2-ыхъ Ираклію, какъ заботящемуся о счастіи и благоденствіи вашемъ.

Въ этомъ священномъ и достопочтенномъ мѣстѣ, пресвященный владыко, не въ силахъ сказать достойнаго слова, чтобы указать на благость основателя сего дорогаго и священнаго мѣста, благовѣрнаго, и если больше не сказать, милостиваго отца и царя нашего Ираклія II, дабы всѣ лица, находящіяся въ этомъ священномъ мѣстѣ исходнымъ пунктомъ сдѣлали благодарность неизрѣченной благодати Бога, Который даровалъ намъ такого благочестиваго царя и дѣятеля на

счастье своихъ подданныхъ. Если всякій подлежащій потребуеть свойственной ему красивой словесной формы, то гдѣ еще болѣе приложимо возвышеніе разума? Гдѣ высшее и лучшее слово достойно произносить, какъ не здѣсь? Гдѣ требуется высшая сила слова, какъ не здѣсь для привлеченія и отрезвленія слушателей въ этомъ нашемъ собраніи, чтобы ясно показать имъ дѣла благовѣрнаго царя нашего. любовь къ наукѣ и попеченіе о подданныхъ котораго должны открыть и откроютъ не только домъ сей, который называется семинаріей и вышедшіе отъ сюда были и будутъ проповѣдниками ихъ до послѣдняго въ родѣ человѣческомъ, каковое дѣло царя Ираклія есть особенная милость для народа Кахетіи и всей Грузіи.

Хвалится Римъ Кесаремъ Августомъ, хвалится Галлія Людовикомъ XIV, хвалится Россія Петромъ Великимъ, которые утвердили въ предѣлахъ своего царства ученія мудрости; хвалится Македонія и вся Эллада Александромъ Великимъ, который нестоимой энергіей обошелъ лице земли и какъ ореолъ покорилъ своему скипетру различные народности и еще болѣе хвалится всякій христіанскій народъ Константиномъ Великимъ, равноапостольнымъ царемъ, дѣятельностью котораго цвѣтутъ всѣ христіанскіе народности.

Подобно имъ и мы должны хвалиться нашимъ царемъ, который соединилъ въ себѣ всѣ лучшія и добрыя качества вышеупомянутыхъ царей: посмотрите на православную мать нашу церковь, какъ гремитъ надъ всей вселенной проповѣдь о непоколебимой православной вѣрѣ. Это все плоды чьихъ трудовъ? Не благовѣрнаго ли царя нашего, благая дѣятельность котораго ставитъ его на равнѣ съ равноапостольнымъ царемъ Константиномъ Великимъ, святѣйшимъ изъ вселенскихъ патріарховъ. Посмотрите на состояніе нашего государства, прежнее положеніе котораго мы сами порицаемъ; жилища, села, деревни, мѣстечки и города теперь возобновлены. Это чье дѣло? Не побѣдоноснаго ли царя нашего, непреодолимая сила и мужественное геройство котораго наводитъ страхъ и трепетъ на звѣроподобныхъ нашихъ враговъ, отъ которыхъ мы прежде находились въ стѣсненномъ положеніи? Я перестану и не хочу говорить объ этомъ состояніи, чтобы не разстроить этого (радостнаго) собранія; перестану говорить и о звѣрѣ Ассирійскомъ, ядомъ котораго обезчестились наши цари и скажу лишь о сильномъ (владѣтелѣ востока и запада, юга и сѣвера) султанѣ, отъ величія и силы коего боятся и трепещетъ все лице земли, который прикидывается ко всѣмъ другомъ посылая имъ посланія и награды въ знакъ дружбы. Кто изъ насъ когда-либо слышалъ подобныя вещи относительно предшествующихъ царей, которые почти постоянно находились въ трепетѣ отъ нихъ, какъ говорятъ объ этомъ лѣтописи?—Ораторъ, вѣроятно, вспоминаетъ о побѣдѣ, одержанной Иракліемъ надъ турками при Астивндзѣ.

„Чей этотъ знакъ, который украшаетъ его съ правой стороны, а съ лѣвой орденъ святого и всехвалянаго, первозваннаго апостола Андрея? Не російскихъ ли императоровъ, котораго заслужилъ Петръ Вел. своей благовѣрною дѣятельностью. Посмотрите на отрасль царя. его первенца и возлюбленнаго сына благовѣрнаго Георгія, который украсилъ себя, какъ и его отецъ, всѣми знаками благовѣрной дѣятельности; какъ украшаетъ его орденъ св. Александра Невскаго, російскаго князя, который говоритъ о благовѣрной дѣятельности его носящаго, и грамота Петра Вел.

Развѣ все это не плодъ его благовѣрнаго царствованія, завоевавшего ему величавее имя, такъ что сдѣлалъ себя безсмертнымъ среди мировыхъ владыкъ, свидѣтельствуютъ ли объ этомъ вышепомянутые знаки, присланныя Россійскою императрицею Екатериною В. и въ особенности ея посланія, кои говорятъ о благовѣрной дѣятельности нашего царя“. Гаіозъ служилъ истолкователемъ и защитникомъ дѣяній Ираклія II, какъ Теофанъ Прокоповичъ поборникъ реформъ Петра Вел. Онъ одобряетъ мудрыя мѣропріятія Ираклія, клонящіяся къ укрѣпленію величія и благоденствія царства.

Давидъ Алексішвили, ректоръ Телавской семинаріи. Послѣ Гаіоза ректоромъ Телавской семинаріи былъ назначенъ Давидъ Алексішвили-Месхіевъ, извѣстный каллиграфъ, ученый, авторъ и переписчикъ разнообразныхъ сочиненій. Въ семинаріи онъ преподавалъ философію и богословіе ¹⁾. Онъ былъ ученикъ Антонія I, католикоса Грузіи. Въ управленіе семинаріей онъ вступилъ въ 1784 г., въ годъ основанія этого учебнаго заведенія въ виду того, что ея первый ректоръ Гаіозъ Нацвлишвили былъ переведенъ въ Астрахань на архіерейскую кафедру. Ректору Давиду, на ряду съ католикосомъ Антоніемъ пришлось вынести на своихъ плечахъ весь трудъ составленія учебниковъ: катихизисъ богословія, грамматика, риторика, категоріи философія (по Баумейстеру), физика (по Вольфу), исторія Грузіи, обработанная подъ руководствомъ Антонія I, вѣроятно, не безъ участія ректора Давида. Послѣднему принадлежитъ самостоятельная работа—учебникъ по географіи. Есть основаніе предполагать его соучастіе въ составленіи учебниковъ по алгебрѣ, геометріи и ариметикѣ. Давидъ близко стоялъ къ царскому дому и несъ обязанности воспитателя царевича Давида. По оставленіи должности ректора онъ жилъ въ Тифлисѣ при Анчисхатскомъ соборѣ, получивъ здѣсь названіе «философа-цукія» за то, что онъ поддерживалъ плечами. Умеръ въ 1827—1830 гг. въ Тифлисѣ въ полной бѣдности, усилившейся со смерти цар. Давида, который его поддерживалъ денежною субсидіей. На бѣдность онъ жалуется въ письмѣ къ свящ. Іоанну Цицкишвили ²⁾.

Сочиненія ³⁾ Давида Алексішвили, («высокороднаго») ректора Телавской семинаріи, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одна обнимаетъ произведенія стихотворныя, другая философско-богословскія.

¹⁾ См. его приписку къ „Путешествію архіеп. Тимоея“.

²⁾ Иверія 1878, № 39. По смерти ц. Давида онъ письма печаталъ траурнымъ сургучемъ въ знакъ горести.

³⁾ Онъ произвелъ въ 1793 г. перепись населенія Бахетіи предъ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи „Дрозба“ 1879, № 236.

Онъ составилъ «Толкованіе сновидѣній», происхожденіе которыхъ онъ объясняетъ тройко: какъ явленіе Божіей воли, навожденіе злаго духа или же въ видѣ переживанія испытанныхъ ощущеній. Стихотворенія его носятъ характеръ посвященія разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ или отражаютъ злобу дня, переходя часто въ посланія и шутку иногда и въ непристойную. Нерѣдко въ памятникахъ, имъ переписанныхъ, мы находимъ эпиграммы и стихотворенія нескромнаго содержанія, несоответствующаго иноческому званію. Посвященія его обращены къ царицѣ Тамарѣ, Ираклію II, Георгію XII, имеретинскому царю Давиду, царевичу Вахтангу, и др. Поэзіей онъ увлекся еще въ юности, когда онъ воспитывался у католикаса Антонія I. Онъ въ одномъ мѣстѣ помѣстилъ слѣдъ «когда я былъ малъ и занимался *грамматикой*, тогда катол. Антоній, сынъ Иессея, приказалъ мнѣ сочинить привѣтствіе въ ямбахъ царю Ираклію II». Стихотвореніе онъ поднесъ въ день ангела, и смыслъ его заключается въ словахъ акростиха: «Ираклій, прославлявшійся мужествомъ, именитый царствованіемъ». Онъ это исполнилъ и кстати вспомнилъ, что на 45 году жизни онъ уже сталъ ректоромъ семинаріи. Посвященіе царю Георгію онъ написалъ, когда изучалъ *риторику* и поднесъ ему въ день ангела. Въ стихотвореніи онъ выражаетъ «полное желаніе отъ всего сердца едновержавному царю, обладателю двухъ клиптровъ (т. е. Карталиніи и Кахетіи, объединенныхъ Иракліемъ II, мудрости Соломона и долгоденствія до скончанія вѣковъ». Этому же царю онъ посвятилъ въ 1798 г. новое стихотвореніе. Подъ его руководствомъ были составлены и привѣтствія воспитанниками семинаріи Кобуловымъ Андронниковымъ и др., обращенныя къ царевичу Вахтангу въ день посѣщенія имъ учебнаго заведенія Кобуловъ сказалъ: «О сынъ мудраго августѣйшаго отца, воззри какъ юноши, пребывающіе въ невѣдѣніи, здѣсь просвѣтляются». Андрониковъ, какъ подобало пѣту-схоластику прибѣгаетъ къ самоуниженію: «Ты, отъ природы просвѣщенѣйшій мудрецъ, видишь мою немощь, чтобы быть въ состояніи сказать достойное тебя».

Католикаса Антонія, своего учителя, привѣтствовалъ любитель мудрости, смиренный Давидъ въ день рожденія «пятыколѣбными» (строчными) ямбами въ 1773 году. Обращаясь къ Антонію I, «отпрыску Давида» (т. е. пророка Давида, отъ котораго себя производили грузинскіе Багратиды), онъ выражаетъ увѣренность, что Антонія благодать возсіяла, какъ діадема, а слава его блещетъ, какъ молнія... имя его не умретъ съ теченіемъ ряда вѣковъ!» Привѣтствіе написано торжественнымъ азыкомъ, какъ требовала стилистика самого Антонія I. Простотой и естественностью отличаются его посланія и эпиграммы.

Такъ, къ докторамъ онъ обращаетъ четверостишіе, въ которомъ, намекая на ихъ корыстолюбіе, говоритъ, что «напрасенъ упрекъ въ воровствѣ, когда эта роль ведетъ къ цѣли». Къ эпиграммамъ должно быть отнесено еще слѣд. четверостишіе: «Достойнъ похвалы мужъ, который коситъ міръ, какъ ниву,—такъ онъ соберетъ серебро, сколько бы кругомъ ни ворчали». Есть дружескіе стихи, посвященные Александру Чавчавадзе ¹⁾. Онъ былъ извѣстенъ своимъ остроуміемъ, а какъ педагогъ наклонностью къ суровымъ наказаніямъ.

Изъ прозаическихъ его произведеній дошли до насъ письма къ Кутаисскому митрополиту Досивею, Мидиванъ бегу Бежану, «другу Виссаріону», топчибаш (начальнику стрѣлковъ) Андроникову. Кроме того, онъ написалъ «Десять главъ» въ 1781 г. о царевичѣ Леонѣ (сына Ираклія II), о рожденіи его, воспитаніи, отношеніяхъ къ отцу, посольствѣ его къ російскому двору и пребываніи его въ Россіи, женитбѣ, кончинѣ его и горести, причиненной родителямъ, оплакиваніе его. Ему же принадлежитъ «Дорожная географія» съ присоединеніемъ завѣщанія, написаннаго «по приказанію кн. Георгія Тумалова» въ 1822 г.

Къ числу ораторскихъ его произведеній принадлежитъ стройная рѣчь, произнесенная имъ предъ царемъ Георгіемъ XII въ 1798 г. февраля 22, вскорѣ по вступленіи Георгія на престолъ. Рѣчь эта построена по всѣмъ правиламъ схоластической реторики. Въ началѣ, «согласно ученію древнихъ мудрецовъ», онъ указываетъ на два главныхъ вида ощущеній—радости и горести, какъ явленій «страсти». Ораторомъ оба эти чувства въ моментъ произношенія рѣчи владѣютъ неразрывно: кончина добродѣтельнаго и славнаго царя Ираклія II, постигшая, какъ огненная гроза Иверію, и погрузившая страну въ безысходное горе и мракъ, наполняетъ его невыразимымъ горемъ. Неумолимая смерть, страшная какъ буря, снявъ съ достохвальнаго царя корону и порфиру, облекла его въ бѣлый саванъ и покрыла черной землей... Церковь осиротѣла, утративъ своего мощнаго защитника отъ безбожныхъ враговъ. Царица, царевичи и народъ въ безутѣшномъ горѣ льютъ горячія слезы. Но горе не разлучно съ радостью—она смягчаетъ его. Воцареніе Георгія—облегченіе постигшаго несчастья. Царствованіе узаконено самимъ провидѣніемъ, первородствомъ, волей державнаго отца, съ благословенія матери-царицы и католикоса Антонія II. «Я недостойный пастырь приношу, говоритъ онъ—поздрав-

¹⁾ Онъ писалъ: шапри, пистикаури, мухамбази и др.

ление словесное, вмѣсто золота и серебра. Желаю тебѣ славы Александра, силу Самсона, мудрость Сезостриса, кротость Иракля, отца твоего. Помни, что нѣтъ царя помимо воли Всевышняго. Такъ утѣшь мать свою, успокой братьевъ своихъ, дабы умиротворить страну и оградить ее отъ враговъ ¹⁾.—Изъ руководителей Тифлисской семинаріи былъ извѣстенъ ректоръ Кайтмазашвили.

Историческіе труды XVII—XVIII в.

Крупное значеніе для характеристики культуры Грузіи имѣютъ историческіе труды XVII—XVIII вв. Во главѣ историческаго изученія Грузіи стоятъ царь Вахтангъ и царевичъ Вахушти.

Вахушти.

Начало грузинской историографіи восходитъ къ VII в. ²⁾. Пересмотръ и сводъ грузинскихъ историческихъ памятниковъ открывается въ XVIII в. подъ руководствомъ царя Вахтанга VI (см. выше стр. 146 и сл.), инициатора обработки лѣтописи «Картлисъ-Цховреба». Дѣло его продолжилъ царевичъ Вахушти ³⁾.

Вахушти, побочный сынъ царя Вахтанга VI, извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ историкъ и географъ. Біографическія объ немъ крайне скудны. Родился онъ около 1696 г. Въ 1716 г. женился на Маріи

¹⁾ Въ дополненіе къ его трудамъ укажемъ, что ему принадлежатъ трактатъ „О разумныхъ тваряхъ, изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ“ въ 1784 г., Братская грузинская грамматика, философское сочиненіе о конечныхъ причинахъ 1807 г. переводъ *Пері ἤρμενεύας* Аристотеля (съ армянскаго) въ 1794 г., „ректора Телавской семинаріи“, Учебникъ ариметики (задачи и примѣры).—Сатирическое посланіе противъ „безбожнаго Давида—ректора“ принадлежитъ царевнѣ Маріи Ираклиевнѣ.—Онъ передѣлалъ „Бараміани“ въ 1787 г. и присоединилъ стихи, которые самъ же считаетъ „непристойными“ (см. мою ст. въ „Моамбѣ“ за 1897 г. „Груз. рукописи парижской національной библ.“); дополнилъ „Тимсаріани“ новыми притчами (см. у меня выше стр. 119 и сл.). Дорожная географія описана имъ по приказанію кн. Георгія Туманова. Ошибочно приписывали эту работу ректору Гаюзу.

²⁾ См. I в. моихъ Очерковъ. Ср. *Studia Biblica et ecclesiastica. Essays chiefly in biblical and patristic criticism by Membres of the University of Oxford. Vol. V. Part I. Life of St. Nino, by Marjory Wardrop and I. O. Wardrop.* Въ особ. см. *The armen. version of Djouanschêr, transl. by F. C. Conybeare, prefatory note, p. 678. Oxford, 1900.*

³⁾ Рукописи, недавно найденныя, отличаются въ нѣкоторыхъ деталяхъ отъ текста, напечатаннаго подъ ред. Д. Бакрадзе (Тифлисъ 1885). См. *Иверію* 1890, № 131.

Георг. Абашидзе. Известно только, что съ молодю онъ обнаружилъ большую любознательность и склонность къ научнымъ занятіямъ. Въ возрастѣ 16—17 лѣтъ онъ сталъ усердно посѣщать въ Тифлисъ проживавшихъ католическихъ миссіонеровъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ, вѣроятно, ознакомился съ латинскимъ языкомъ. Боясь его совращенія въ католичество, царь запретилъ ему сношенія съ папскими нунціями.

Въ юные годы онъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, въ одно время даже правилъ Грузіей ¹⁾, въ отсутствіе царя Вахтанга VI, но впослѣдствіи, онъ переселился въ 1724 г. въ Россію вмѣстѣ съ своимъ злополучнымъ отцомъ, утратившимъ окончательно царскій тронъ ²⁾. Поселившись въ Москвѣ, (ум. въ 1772 г. погребенъ, вѣроятно, въ Донскомъ монастырѣ), Вахушти предался мирнымъ ученымъ занятіямъ. Въ его распоряженіи были многочисленныя историческія памятники, вывезенныя его отцомъ изъ Грузіи. На основаніи этихъ документовъ онъ написалъ обстоятельную исторію Грузіи, дополняющую «Картлисъ-Цховреба», — лѣтопись Грузіи, компилятивную работу комиссіи, созванной Вахтангомъ VI ³⁾. О трудахъ Вахушти съ большой похвалою отзывается католикосъ Антоній I, но прибавляетъ, что царевичъ вызвалъ своей исторіей много неудовольствій, въ виду извращеній имъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ личнаго пристрастія ⁴⁾. Исторія Грузіи Вахушти обнимаетъ жизнь Грузіи съ древнѣйшихъ временъ до половины XVIII в.

Исторія его распадается на нѣсколько главъ, обозрѣвающихъ Грузію до распадѣнія ея на три царства и пять княжествъ въ 1649 г. Далѣе слѣдуетъ исторія Грузіи по отдѣльнымъ царствамъ: Кахетіи съ 687 по 1744 г., Имеретіи за тотъ же періодъ, Самцхе-Саатабаго (нынѣш. Ахалцихск. у.) съ 508 по 1744 г. Помимо исторіи Грузіи трудъ его заключаетъ описаніе Осетіи и другихъ кавказскихъ странъ. Въ заключеніе приложена сравнительная хронологическая таблица гру-

¹⁾ Вахушти пришелъ въ ужасъ, узнавъ отъ гр. Толстого, что Петръ В. вернулся изъ Дербента въ Россію, вмѣсто ожидаемаго соединенія съ Вахтангомъ противъ Персіи.

²⁾ См. мою ст. *Ж. М. Н. Пр.* 1899 г. май, стр. 108—9.

³⁾ См. объ его дѣятельности выше.

⁴⁾ „Мѣрное Слово“, изд. Пл. Юсселиани § 811. Вахушти принадлежатъ слѣд. труды: Исторія и Географія Грузіи, Пасхалии, доведенныя до 1754 г. (въ концѣ библіи), Хронологическая таблица событій, составленная имъ на основаніи различныхъ источниковъ и схемъ отъ 1201 г. до 1755 г. ямбы, „Висраміани“ въ стихахъ и переводъ съ рус. „Всеобщ. географіи“ и „Пришествія антихриста“.

инских царей и католикосовъ съ правителями Азіи и Европы съ 237 г. до Р. Х. (съ царя Фарнаваза) до 1745 г. по Р. Хр. и хронологическій указатель событій отъ царицы Тамары 1201 г. до 1744 г. Въ числѣ источниковъ своихъ онъ называетъ Древній судебникъ Имеретіи, Мелхійскій Псалтирь съ указаніемъ важнѣйшихъ происшествій, Ирмосъ имеретинскій съ перечнемъ крупныхъ событій, Сигели Баратовыхъ и Тумановыхъ (См. «Гуджаръ Баратовыхъ» подъ заглавіемъ «Одинъ изъ источниковъ Исторіи Грузинскаго царев. Вахушти. СПб. 1893). Кончилъ онъ свою исторію 20 октября 1745 года Географія ¹⁾ Грузіи Вахушти является однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія Кавказа. Географическому обзору предшествуетъ глава этнографическаго содержанія «О нравахъ и обычаяхъ грузинъ». За ней слѣдуетъ: Описаніе замѣчательныхъ мѣстъ Салицхе или Саатабаго; Описаніе Карталини, Кахетіи, Кухетіи, Геретіи, Тушетіи, Дидоетіи, Имеретіи (Мингрелии и Абхазіи) и Осетіи. Описаніе заключаетъ цѣнныя свѣдѣнія по географіи, исторіи, археологіи, этнографіи и естественнымъ произведеніямъ страны. Къ труду царевича приложены 22 карты, изъ которыхъ изданы ак. Броссе 6 картъ, заключающихъ въ себѣ собственно Грузію, Имеретію и Турецкую Грузію. Масштабъ этихъ картъ около 10 верстъ въ дюймѣ, и на нихъ нанесены главнѣйшія рѣки, значительное число населенныхъ пунктовъ, монастырей и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ; водораздѣльные хребты изображены пунктирными чертами. «Имѣя въ виду, что карты Вахушти составлены не по съемкамъ, слѣдуетъ признать ихъ по точности довольно удовлетворительными и весьма старательно составленными» ²⁾. Его карты послужили матеріаломъ для первой точной карты Закавказья, составленной въ 1738 г. въ Петербургѣ извѣстнымъ французскимъ астрономомъ Іосифомъ—Николаемъ Делилемъ ³⁾. Географія имъ составлена на основаніи государственныхъ документовъ ⁴⁾

¹⁾ Изд. въ 1842 г. ак. Броссе грузинскій текстъ съ французскимъ переводомъ и примѣчаніями требуетъ новое критическое изданіе памятника. М. Джанашивили перепечаталъ изъ изданія Броссе «Самцхе» и «Картли». Т. 1892—1895 гг.

²⁾ *Г. О. Стебницкій* Картографическое обозрѣніе Кавказа и Закавказья въ Трудахъ Ш съѣзда ориенталистовъ. СПб. 1879—80 г., стр. 363.

³⁾ См. изд. имъ въ 1766 г. въ Парижѣ Carte générale de la Géorgie et de la Arménie.

⁴⁾ Вѣроятно, онъ воспользовался трудомъ, приписываемымъ царю Вахтангу «Описаніе границъ Грузіи».

Помимо географіи Грузіи царевичу Вахушти принадлежать переводъ соч. (1752 г.) «Краткое руководство къ географіи въ пользу учащагося при гимназіи юношества въ С.-Петербургѣ, 1742 г. (Печатано при Императорской Академіи Наукъ ¹⁾). Къ грузинскому переводу приложено четверостишіе, акростихъ котораго даетъ понять, что географія эта переложена царевичемъ Вахушти. Переводчикъ подвергъ оригиналъ нѣкоторымъ сокращеніямъ и измѣненіямъ. Такъ, онъ исключалъ вовсе главу «Приготовленіе», въ которой разбираются вопросы: что есть географія?—Какимъ образомъ географіи научиться можно?—Какъ должно ландкарту предъ собою класть? и пр. Пропустивъ также отдѣлъ по всеобщей географіи, онъ ограничился переводомъ той части, которая озаглавлена «Краткая политическая географія къ изъясненію изданнаго на російскомъ языкѣ небольшого атласа, сочиненная для употребленія гимназіи при Императорской Академіи Наукъ. Въ С.-Петербургѣ 1745 г.». Дополненія имѣются относительно Персіи, Турціи, Грузіи, географія которой царевичу была извѣстна болѣе детально, чѣмъ русскому автору. Переводчикъ точнѣе опредѣляетъ границы частей Грузіи, ея положеніе, климатъ достопримѣчательности и характеръ правленія. Одинъ недостатокъ долженъ былъ послужить препятствіемъ къ широкому распространенію этого учебника: тяжелый языкъ, неправильная конструкція рѣчи, буквальное воспроизведеніе оригинала въ ущербъ смыслу ²⁾. Вахушти связалъ свое имя также съ изданіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ и въ составленіи пасхальнаго круга, приложеннаго къ напечатанной въ 1743 г. грузинской библии. Ему приписывается переложеніе въ стихи повѣсти «Висраміани». Кромѣ того, до насъ дошелъ переводъ его съ русскаго «Пришествіе антихриста» (№ 58, рукоп. церков. музея) и русско-грузинскій словарь, составленный имъ въ сотрудничествѣ діакона Георгія Гамбарашвили ³⁾. Много труда онъ положилъ на изданіе Библии въ Москвѣ въ 1743 г.

---

¹⁾ Рукопись—автографъ изъ бібліотеки царя Ираклія II попала законоучителю царскихъ дѣтей свящ. Юву Чиджавадзе, отъ послѣднихъ сыну его свящ. Якову Чиджавадзе. Нынѣ составляетъ собственность О. Д. Жорданія. Всѣ карты писаны рукою Вахушти. Между 262—263 стр. помѣщены три карты Россіи съ западною и восточною частями Сибири. Съ 263 стр. слѣдуетъ перечень городовъ Россіи съ указаніемъ почтоваго разстоянія между ними. Переводчикъ присоединилъ объясненіе иностранныхъ словъ: акція, аллея, зубръ и пр.

²⁾ См. мою ст. объ этой географіи въ *Квали* 1896, № 6.

³⁾ См. „Цқобилсигтѡаба“ § 811. Примѣчаніе.

⁴⁾ Въ 1838 г. въ Ав. Наукъ поступилъ, какъ въ отчетѣ названъ „Vosa-

До насъ дошло прошеніе груз. цар. Вахушты о пожалованіи ему въ бѣдномъ положеніи его отписныхъ деревень Михаила Головкина жены ¹⁾).

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Елизавета Петровна Самодержица всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ царевичъ грузинской Вахуштъ, а въ чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пуняты.

1.

По Высочайшему указу Вашего Императорскаго Величества вселюбезнѣйшаго родителя блаженной и вѣчной славы достойныя памяти Великаго Государя Императора Петра Перваго въ 724 (1724?) году выѣхалъ изъ государства своего родитель мой царь Вахтангъ Леоновичъ къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества со всей фамиліею и при немъ будущими грузинскими князьями и дворянами; хотя жъ въ жизни Его Императорскаго Величества блаженной и высокой славы достойныя памяти вселюбезнѣйшаго родителя Вашего Императорскаго Величества Государя Императора Петра Великаго видѣть не сподобился, однакожъ при Державѣ блаженныя и высокой славы достойныя памяти Вселюбезнѣйшія родительницы, Вашего Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны означенный родитель мой царь Вахтангъ Леоновичъ принять и Всевысочайше на содержаніе ежегодно жалованье опредѣлено было: денегъ 24.000 рублей, хлѣба 4000 четвертей, дровъ 200 сажень, да на двѣсти лошадей фуража.

2.

Изъ котораго опредѣленнаго Вашего Императорскаго Величества ежегоднаго жалованья я всеподданнѣйшій рабъ Вашего Императорскаго Величества получалъ отъ родителя моего каждый годъ денегъ 2090 рублей, хлѣба 2089 четвертей, дровъ 38 саж., да на 15 лошадей фурафа по 736 годъ, и хотя онымъ опредѣленнымъ жалованьемъ я какъ свою фамиліею, такъ и при мнѣ будущю свитую пробавить себя не могъ, но видя родитель мой царь Вахтангъ Леоновичъ то мое недовольство, сверхъ онаго опредѣленнаго жалованья награждалъ меня именованнаго сверхъ того по возможности ежегодно.

3.

Въ 735-мъ году оный родитель мой царь Вахтангъ Леоновичъ умеръ, и съ того 735 г. по 739 г., онаго Вашего Императорскаго Величества жалованья, не имѣя никакой причины, лишенъ былъ, а въ томъ 739 г. нияннымъ указомъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, опредѣлено годовое

---

bulaire (словарь) russe—georgien assez etendu, par le diacre Giorgi Ghamb-rachwili et par ordre de Tsaravitsch Wakhoncht. (Das Asiat. Museum d. kais. Akad. der. Wissensch. St. Petersburg. Von Dorn. 1846, стр. 556.

¹⁾ Гл. Арх. М. И. Д. въ Москвѣ, дѣло 1749 г., № 19.

жалованье всѣмъ нашимъ фамиліямъ, въ томъ числѣ и мнѣ, вмѣсто вышеописаннаго моего оклада, только по одной тысячѣ по пятьсотъ рублей, считая отъ 737-го до 740 г., по полуторы тысячи каждый годъ и впредь производить, которую сумму и получаю изъ Государственнаго Статсъ-Канторы по третямъ года.

4.

Будучи жъ въ государствѣ Вашего Императорскаго Величества по должности моей, какъ я всеподданнѣйшій рабъ Вашего Императорскаго Величества имѣющихъ у меня дѣтей отдалъ въ разныя науки, гдѣ бъ по возрастѣ своимъ могли бъ принять высокославную службу Вашего Императорскаго Величества, отъ которыхъ одинъ уже въ высокославной службѣ Вашего Императорскаго Величества, чрезъ что намъ отъ ученья ихъ, такъ и отъ невозможнаго пропитанія съ фамилією моею, такъ и при мнѣ будущему свитю съ полутора тысячною рублевою суммою пришелъ въ немалые долги и убожество страннее.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было изъ матерней великодушнѣйшей милости Вашего Императорскаго Величества мнѣ съ дѣтьми моими въ такомъ убожествѣ Всемилоствѣйше пожаловать, вмѣсто того бывшаго оклада отъ блаженныя и высокой славы достойныя памяти вселюбезнѣйшія родительницы Вашего Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, отписныя деревни Михаила Головкина жены Екатерины Ивановой, чрезъ чтобъ оными несносными долгами расплатиться могъ и будучи жъ сына моего въ высокославную службу Вашего Императорскаго Величества и впредь будущихъ возрастѣ дѣтей моихъ, которые по должности ихъ кровь пролить высокославной службѣ Вашего Императорскаго Величества должности себя находить пропитать себя могли, въ жизни жъ какъ моей, такъ и фамилій моихъ за высокое здравіе Вашего Императорскаго Величества и ихъ Императорскихъ Высочествъ вѣчно бъ Бога молили, ибо я, припадая къ Монарше освященнымъ стопамъ Вашего Император. Величества, отдаюся всеподаннымъ рабомъ въ вѣчное потомство быть.

Всемилоствѣйшая Государыня! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитѣ милостивое рѣшеніе учинить. Ноября дня 1749 года. Бъ подданію надлежитъ въ Государственную Иностранную Коллегію. Челобитную писалъ Главной Дворцовой Канцеляріи подканцеляристъ Никита Смирновъ.

Прислано въ коллегію отъ Его Сіятельства канцлера въ 16 день дек. 1740-го.

Подлинное прошеніе по пунктамъ подписано на грузинскомъ языкѣ.—

У Вахушти рано умерли дѣти Иванъ, Николай, Александра и Анна. Дочери его княжнѣ Маріи Багратионовой († 1807 г.), пожалована была въ 1789 г. пенсія въ 1550 р., опредѣленная ей съ покойною (1785 г.) сестрой Александрой.

Исторія Грузіи царевича Іоанна, сына послѣдняго грузинскаго царя Георгія, содержитъ въ себѣ происшествія отъ принятія грузинами христіанской вѣры до конца XVIII столѣтія. Исторія эта включена въ сочиненіе, которое извѣстно подъ заглавіемъ: «Калмасоба» «Путешествіе по Грузіи грузинскаго іеромонаха Іоны, а сочиненіе это

важно не только для изучения грузинской истории, но и для изучения географии Грузии, ее образованности и обычаевъ (см. ниже).

Древняя история Грузии составлена по грузинскимъ, греческимъ, латинскимъ и персидскимъ историческимъ сочиненіямъ царевича Теймураза, объемлетъ происшествія отъ начала грузинскаго народа до принятія грузинами въ 317 г. христіанской вѣры, издано въ 1850 г. 4) Краткая история Грузии католикоса Антонія I, написанная имъ для употребленія въ учрежденныхъ въ царствованіе царя Ираклія II духовныхъ училищахъ 5). Родословная таблица грузинскихъ царей съ краткою исторіею Карталинніи, Кахетіи, Имсретіи и Саатабаго, составленная Давидомъ Тумановымъ.

Къ историческимъ же памятникамъ относятся:

1) Историческія записи католикоса Захарія, жившаго въ началѣ XVII вѣка. 2) История христіанства въ Кобулеті — западной Грузии, — написана Іоанномъ Чхатурели (1698 г.). 3) Лѣтопись Грузіи Сехніа Чхейдзе содержитъ исторію съ 1653 г. по 1673 годъ. Чхейдзе получилъ образованіе въ Анчисхатской школѣ; зналъ восточные языки, былъ современникъ карталинскому царю Георгію XI (1676—1709) участвовалъ съ нимъ вмѣстѣ въ походахъ противъ возмутителя Кандагарской области Мирвейса; потому сочиненіе это весьма важно и для Персидской исторіи. Происшествія, случившіяся въ это время въ Персіи, Чхейдзе описаны съ подробностью и аккуратностью. 4) Лѣтопись Папуна Орбеліани объемлетъ исторію Грузии съ 1737 г. по 1757 годъ. Папуна Орбеліани былъ современникомъ царямъ: Вахтангу VI—историку и законодателю, и Ираклію II, участвовалъ во многихъ походахъ, былъ нѣсколько разъ въ Персіи и описалъ всѣ происшествія этого времени, случившіяся въ Грузіи и Персіи. Лѣтопись Папуна Орбеліани есть продолженіе лѣтописи Сехніа Чхейдзе. Она сообщаетъ свѣдѣнія, основанныя на личныхъ наблюденіяхъ. Писалъ онъ и стихи. Рукописный экземпляръ лѣтописей Сехніа Чхейдзе и Папуна Орбеліани (говоритъ проф. Чубиновъ), находится въ одной только Академической библіотекѣ восточныхъ рукописей; съ нихъ, по порученію академика Гильденштеда, сдѣланъ русскій переводъ, хранящійся также въ Академической библіотекѣ восточныхъ рукописей. 5) Жизнь Георгія Саакадзе, описанная Іосифомъ Тбилели, является также историческимъ матеріаломъ (см. выше). 6) Продолженіе хроники, неизвѣстнаго автора, заключаетъ въ хронологическомъ порядкѣ происшествія, случившіяся въ Грузіи съ 1476 по 1620 годъ, писано, какъ видно изъ самаго сочиненія, современниками. 7) История Грузии отъ 1744 г. по 1835 г.

грузинскихъ царевичей: Давида и Баграта служить продолженіемъ Вахуштіевой Исторіи Кахетіи. 8) Исторія о разореніи Тифлиса Ага Магометъ-ханомъ въ 1795 г. начинается съ 1789 г. и продолжается по 1801 годъ, написано царевичемъ Теймуразомъ и литографирована академикомъ Броссе въ 1804 г. въ Парижѣ и заключаетъ въ себѣ текстъ съ переводомъ французскимъ. 9) Исторія завоеванія Турками Ахалцхской области въ 1625 неизвѣстнаго автора. 10) Исторія похода Икертинскаго царя Соломона I въ Абхазію и битвы подъ крѣпостью Рухи, написаны въ стихахъ Бессаріономъ Габашвили и Гегеджкорія. 11) Историческія записки католикоса Доментія (1709). Къ жизнеописаніямъ относятся ¹⁾: 1) Житіе грузинскихъ святыхъ. Оно начинается жизнеописаніемъ св. равноапостольныя Нины, обращеніемъ Грузинъ въ христіанство, продолжается жизнеописаніемъ благочестивыхъ мужей и женъ, споспѣшествовавшихъ распространенію христіанства въ Грузіи и богоугодными своими подвигами заслужившихъ сопричисленіе къ святымъ, коихъ память празднуется грузинскою церковью въ установленныя дни и доходятъ до царицы Кетеваны, замученной въ 1624 г. Персидскимъ-шахомъ Аббасомъ I. Житія грузинскихъ святыхъ, не смотря на древность, отличаются простотою и ясностью слога, написаны современными духовными лицами, и весьма важны для историка Грузинъ, по содержанію и описанію жизни и подвиговъ царей, царицъ, князей и лицъ, имѣвшихъ участіе въ борьбѣ съ варварами за вѣру и отечество. Житіе св. отцевъ грузинскихъ собраны въ одну книгу католикосомъ Бессаріономъ, жившимъ въ 1724 году, въ царствованіе царя Вахтанга VI. Собраніе жизни и подвиговъ святыхъ мучениковъ грузинскихъ, извѣстное подъ заглавіемъ Мартирологъ, написано католикосомъ Антоніемъ I. Мартирологъ описываетъ подвиги и страданія за вѣру и отечество царей, царицъ, князей и лицъ, имѣвшихъ участіе въ борьбѣ съ огнепоклонниками, а потомъ и магометанами и вліяніе на утвержденіе христіанства въ Грузіи на прочномъ основаніи. Она написана съ знаніемъ дѣла и исправностью, (см. объ этой книгѣ выше, стр. 269). Хронологическій указатель важнѣйшихъ происшествій отъ 1373 года по 1703 г. неизвѣстнаго автора, изданъ въ Парижѣ съ французскимъ переводомъ Ак. Броссе въ 1830 г. Новое изданіе сего перевода помѣщено въ запискахъ Академіи Наукъ.

Парсаданъ Горгиджанидзе или Горгиджанашвили, историкъ, лексикографъ и переводчикъ персидскихъ произведеній, род. въ г. Гори

¹⁾ См. у меня о житіяхъ свв. и историч. трудахъ I и II в. „Очерковъ“.

около 1626 г. и умеръ въ началѣ XVIII в. т. к. лѣтопись его доводится до 1703 г. Онъ воспитывался и жилъ подъ покровительствомъ царя Ростомъ и супруги его Маріи. По желанію послѣдней, какъ извѣстно, переписанъ очень важный вариантъ «Картлисъ Цховреба». Объ его образованности и знаніи языковъ говорить цар. Теймуразъ. Въ виду того, что нѣкто Георгій Джанашвили оказался пзмѣнникомъ царя, Парсаданъ, по мнѣнію Броссе, перемѣнилъ фамилію Джанашвили на Горгиджанидзе (= Георгій + Джанишвили). Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ дипломатической цѣлью въ Персію ¹⁾ при шахѣ Аббасѣ и между прочимъ по порученію царя Ростомъ для испрошенія утвердить по немъ наслѣдникомъ Вахтанга Мухранскаго ²⁾. Онъ былъ принять шахомъ благосклонно и былъ пожалованъ щедрыми милостями, какъ самъ онъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ. Вліяніе его было настолько сильно, что по его ходатайству шахъ и царь распредѣляли должности и имѣнья. За то онъ часто дѣлался жертвой интригъ противной ему партіи. Ненавистники достигли цѣли: онъ палъ въ немилость, былъ раненъ въ плечо и умеръ въ бѣдности. Но онъ не утратилъ вѣры въ добро: онъ предостерегаетъ вездѣ дѣлать зло даже врагамъ и подальше стоять отъ вельможъ. Въ семьѣ также былъ несчастливъ: сынъ женился безъ его позволенія. Онъ сочинилъ нѣчто въ родѣ Заѣщанія, въ которомъ излагаетъ свои воззрѣнія ³⁾. Сыну совѣтуетъ беречь тайны въ сердцѣ и быть поэкономнѣе въ жизни; хорошо раздѣлить все достояніе раздѣлить на три части: одну употребить на добрыя дѣла, вторую передать въ пользу родственниковъ, а третью оставить въ свое обезпеченіе. Ему же принадлежатъ: Словарь грузинско-персидскій лексиконъ; составленный въ груз. транскрипціи, Исторія османскихъ правителей, заключающая краткое перечисленіе турецкихъ султановъ и событій въ ихъ жизни; Мусульманскіе законы, сообщающіе свѣдѣнія объ обязанностяхъ правовѣрнаго, о намазѣ и милостынѣ. («Джами Абаси») «Онъ записалъ народныя повѣрья о значеніи «игры членовъ тѣла» и толкованье каждаго изъ нихъ. (См. объ этихъ гадательныхъ кн. I в. моихъ «Очерковъ»). Повѣствованіе въ его исторіи до Ростомъ отличается баснословіемъ, а ближе къ своему времени

¹⁾ *Генри Бреннеръ* въ книгѣ „Series regum Iberiae“ говоритъ объ этой миссіи данной: *viro quem poverat esse regi gratissimum domino Passadano* Ср. *Brosset. Hist. d. l. Géorgie II, 511.*

²⁾ Картл. Цховр. II, 538.

³⁾ Джанашвили изд. небольшую книжку, въ которой онъ помѣстилъ справки о Горгиджанидзе.

онъ рассказываетъ обстоятельнѣе (о Вахтангѣ V, Шахѣ - Навазѣ, Горги).

Димитрій Глашадзе воспитался при дворѣ Вахтанга VI, учился въ Давидо-Гареджійской пустыни, служилъ впоследствии въ груз. типографіи. Писалъ элегическіе стихи историческаго содержанія. Впоследствии былъ посвященъ во священники, а по смерти жены постригся въ иноки. Изучилъ онъ персидскій, армянскій и греческій языки, на которыхъ читалъ сочиненія для извлеченія свѣдѣній о Грузіи, которыя онъ собралъ въ одинъ сводъ. Помогалъ онъ царю Вахтангу въ собираніи фактовъ изъ гуджаровъ и сигелей.

Исторію (1722—1725 г.) Иракліа описалъ Оманъ-Мдвиванбегъ, хотя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ въ этой исторіи Иракліа имени Омана не встрѣчается.

Въ С.-Петербургской публичной библиотекѣ ¹⁾ хранится рукопись, въ которой, за риёмованнымъ пересказомъ Ветхаго Заѣта до Давида и Соломона, слѣдуетъ изложеніе событій, согласно свѣдѣніямъ «Картлисъ-Цховреба». Слѣдовательно, на особенно выдающійся историческій интересъ книга не претендуетъ, а является однимъ изъ многочисленныхъ образцовъ древней грузинской литературы, въ которой стихотворные рассказы преобладаютъ надъ прозаическими. Житія святыхъ, историческія повѣсти, біографическіе факты объ именитыхъ дѣятеляхъ и даже философскія разсужденія облекались въ риёмованную или размѣренную рѣчь, нерѣдко въ довольно неуклюжей формѣ. Это странное явленіе можетъ быть объяснено легкостью грузинскаго стихосложенія, основаннаго на количествѣ слоговъ. Авторъ разбираемой исто-

---

¹⁾ Судьба Грузіи, изд. прот. Д. Гамбашидзе, Кутаисъ, 1897 г. Въ Иверіи № 12 и 13 (1899 г.) неизвѣстный авторъ попытался открыть сочинителя „Судьбы Грузіи“ и приписалъ ее Петру Георгіевичу Ларадзе (объ немъ см. выше), возстановившему „Диларіани“ и написавшему не мало стиховъ. Впрочемъ, самъ авторъ не скрываетъ, что напечатанный протоіереемъ Гамбашидзе памятникъ отличается отъ тѣхъ однородныхъ рукописей — Тифл. Общ. грам. (№ 155 и 187), которыя навели его на гипотезу. Тифлисскія рукописи представляютъ *сильно отличающійся вариантъ* отъ петербургской рукописи. „Въ первыхъ совершенно нѣтъ главъ отъ царицы Тамары до конца (по печ. изд. стр. 183—237) и предшествовавшіе имъ стихи иначе расположены, заголовки не соответствуютъ, но также есть *много другихъ отличій*“. Эти слова обязываютъ насъ сказать, что гипотеза неизвѣстнаго автора о принадлежности „Судьбы Грузіи“ Ларадзе разрушена имъ собственными руками: сочинителемъ анологичнаго стихотворнаго изложенія Ветхаго Заѣта и исторіи Грузіи по тифлисскимъ рукописямъ является другое лицо, сравнительно съ петербургскимъ.

рической повѣсти начинается рассказъ съ Ветхаго Заѣта, чтобы связать легендарное происхождение грузинскихъ царей съ именами Давида и Соломона. Вторая глава ея ужъ повѣствуетъ о прибытіи Гурама, отпрыска царя и пророка Давида въ Грузію при царяхъ ея Дачи и брата его Мирдатѣ. Вступленіе къ дальнѣйшему изложенію историческихъ фактовъ не лишено поэтическаго колорита. «Издревле, съ сердцемъ необъятымъ они (Багратиды) влюбились Картли, гдѣ воздухъ благоарстворень, и бѣгутъ ручьи; (тамъ) горы и долины одѣты въ чудную растительность, обиліе красивыхъ плодовъ превращаетъ ее въ нарядный рай». Любопытно, что авторъ допускаетъ народныя выраженія и придаетъ повѣствованію простой, естественный характеръ. Такъ, онъ сопровождаетъ слово рай эпитетомъ нарядный. Авторъ слѣдитъ за внѣшними и внутренними событіями въ исторіи Грузіи, излагаетъ безчисленныя войны съ Гурама до нашествія монголовъ включительно. Заключается изданная часть царствованіемъ Давида Нарина XIII вѣка). Съ особенною любовью онъ останавливается на личности и дѣяніяхъ царя Давида Возобновителя и царицы Тамары. Авторъ выходитъ здѣсь изъ предѣловъ историческихъ документовъ и создаетъ картину оплакиванія великой царицы: «Плачь первый карталинцевъ; второй—имеретинъ, мингрельцевъ, гурійцевъ и абхазцевъ; третій—саатабагойцевъ; четвертый—кахетинцевъ и пятый—тушинъ, шавовъ, хевсуръ, арагвцевъ, ксанцевъ и кавказскихъ горцевъ». Плачь сохраняетъ индивидуальныя особенности и на ряду съ прославленіемъ безсмертной царицы заключаетъ въ себѣ изліянія горестныхъ чувствъ переполнившихъ ихъ сердца.

Путешествія, мемуары, автобіографія.

Путешествія совершали съ древнѣйшихъ временъ съ цѣлью или религіозною по святымъ мѣстамъ, или въ торговыхъ интересахъ, или же съ дипломатической миссіей. Систематическаго описанія своего путешествія оставили немногіе, но отрывочныя свѣдѣнія имѣются о путешественникахъ съ IV в., со времени перваго царя христіанина Миріана. За нимъ слѣдовалъ въ V в. царь Вахтангъ Горгаславъ; въ IX в. св. Иларіонъ Донаури изъ Кахетіи. Позднѣйшіе путешественники составляли записки о посѣщенныхъ мѣстахъ въ связи съ впечатлѣніями и приключеніями, ими пережитыми. Выше приводились содержанія Путевыхъ замѣтокъ по Европѣ С. С. Орбеліани. Отъ XVIII в. дошли до насъ и другія сочиненія такого же описательнаго характера

ктера, таковы путешествія архіеп. Тимоѳея, митроп. Іоны, Раф. Данибегова въ Индію и др. Въ началѣ XIX в. путешествіе въ Св. Землю совершилъ Аваловъ ¹⁾. Сохранилось извѣстіе о путешествіи въ Іерусалимъ св. Давида Гареджійскаго, одного изъ 13 сирійскихъ отцовъ, прибывшихъ въ Грузію въ VI в. Въ XI в. чрезъ Антиохію въ Іерусалимъ совершила паломничество царица Марія, мать Баграта IV ²⁾.

¹⁾ См. *Царели*. Свѣдѣнія, вып. II.

²⁾ См. объ этомъ акты Георгія Святогорца.

Важное значеніе въ судьбахъ юной Грузинской церкви имѣло пришествіе въ Грузію XIII Сирійскихъ Баппадокійскихъ отцовъ. Это, при всѣхъ разногласіяхъ ¹⁾ достовѣрное событіе случилось въ VI в., въ виду повсемѣстной тогда усиленной пропаганды огнепоклонниковъ-маговъ и стремленія Персін возстановить въ христіанской Грузіи потухшіе алтари Зороастра, поэтому страна нуждалась въ ревностныхъ поборникахъ христіанства. Одинъ изъ нихъ, преподобный Давидъ, поселился въ пустынѣ Гареджіиской. Гареджа, по своему уединенію и безмолвію располагающаяся къ глубокимъ созерцаніямъ природы и къ благоговѣйнымъ размышленіямъ, какъ бы предназначена была для иной—высшей жизни. И дѣйствительно, въ безводной и бесплодной пустынѣ возсіяла Грузинская Фиваида. Неусыпными трудами св. Давида и его учениковъ высѣчены въ скалахъ пещеры ²⁾. Архитектоническія формы ихъ показываютъ, что одинъ изъ нихъ устроенъ по плану церкви, а другія имѣли спеціальное назначеніе служить для жилыхъ помѣщеній иноковъ.

Устроивъ въ пещерахъ обители и водворивъ въ нихъ чинъ по образцу Палестинскому порядокъ, св. Давидъ Гареджіискій захотѣлъ исполнить свое пламенное желаніе видѣть св. великій земной градъ Іерусалимскій и поклониться его святынямъ. Собранное имъ стадо Христово поручилъ онъ сотруднику своему и преемнику въ настоятельство о. Лукіану и преп. Додо, самъ же съ нѣкоторыми изъ учениковъ отправился въ путь для поклоненія святымъ мѣстамъ, освященнымъ Божественными стопами Спасителя и его Пречистой Матери. Послѣ продолжительнаго и труднаго странствованія преподобный отецъ, наконецъ, достигъ же-

¹⁾ До сихъ поръ существуетъ разногласіе касательно времени прибытія въ Грузію XIII отцовъ, не смотря на то, что полстолѣтія тому назадъ этотъ важный вопросъ подвергъ тщательному разбору академикъ Броссе и, примиривъ кажущіеся анахронизмы, установилъ точную дату. См. газ. „Кавказъ“ за 1850 г. №№ 24—25.

²⁾ См. рукописную тетрадь архимандрита Тарасія подъ заглавіемъ: „Браткія свѣдѣнія о Грузинскихъ монастыряхъ“. Библіотека Квабтаховскаго монастыря № 46. Эти свѣдѣнія написаны въ 1842 году 6 августа для члена Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы, настоятеля Тифлисскаго Спасопреображенскаго монастыря, ректора семинаріи и благочиннаго монастырей Грузинской епархіи, архимандрита Флавіана. Ср. И. К. Повѣствованіе о чудодѣйственномъ камнѣ Давидо-Гареджіиской пустыни. Тифлисъ, 1898.

Путешествіе архіеп. Тимоѳея.

Тимоѳея, родомъ Габашвили, достойный ученикъ просвѣщеннаго католикоса Виссаріона, принадлежалъ къ лучшимъ по уму и дѣятель-

лаемой цѣли. Когда странники дошли до мѣста, называвшагося „вершиною благодати“, откуда открывался въ пустынномъ своемъ величїи св. градъ Божїй Іерусалимъ, внезапный ужасъ объялъ святаго старца Давида и глубокое чувство смиренія проникло въ его дѣшу.— „Какъ я дерзну, говорилъ онъ, грѣшными ногами своими поперать слѣды Богочеловѣка, мѣста, освященныя Его святѣйшими Божественными стопами?“. Напрасно его уговаривали ученики продолжать путь къ Іерусалиму.— „Довольно съ меня и того, отвѣчалъ смиренный инокъ, что своими грѣшными очами удостоился узрѣть святаго мѣста, хотя и издали“. Учениковъ же своихъ, какъ бы болѣе себя достойныхъ, отправилъ онъ для поклоненія Іерусалимскимъ святынямъ, завѣщавъ имъ вознести теплыя молитвы и за грѣшнаго ихъ отца надъ гробомъ Искупителя рода человѣческаго, а самъ издали, въ виду храма св. Гроба Господня, мысленно помолвившись святынь Іерусалимской, взялъ себѣ въ благословеніе три камня св. земли, оросилъ ихъ слезами и пошелъ въ обратный путь съ успокоеннымъ сердцемъ, что исполнилъ свой обѣтъ.

Богъ, видя такое смиреніе Давида, благоволилъ открыть людямъ его святость и вѣру. Онъ послалъ своего ангела къ Илиѣ, патриарху Іерусалимскому, сказать ему въ сонномъ видѣніи: „Мой возлюбленный Давидъ, приблизившись къ Іерусалиму, взялъ съ собою благодать его. Теперь же отправь скороходовъ, дабы догнать его идущаго за городомъ, одѣяннаго въ ветхія одежды и держащаго въ рукѣ корзинку, въ которой лежатъ три камня и, взявъ у него тѣ камни, возвратить только одинъ и сказать ему: Такъ повелѣваетъ тебѣ Богъ: по вѣрѣ твоей взята тобою благодать Моего града Іерусалима, но Миѣ угодно, чтобы двѣ части ты возвратилъ Іерусалиму, дабы совершенно не лишить его благодати, а третью часть даю тебѣ для пустыни твоей. Возьми камень этотъ, какъ благодать, въ твою пустыню для памяти и извѣщенія вѣры твоей“. Патриархъ, проснувшись, весьма удивился этому свидѣнію; онъ, немедля, призвалъ скороходовъ и, рассказавъ имъ все видѣнное во снѣ, посылаетъ ихъ къ св. Давиду. Они скоро догнали преп. Давида и рассказали ему все, что видѣлъ во снѣ и слышалъ отъ ангела Божїя патриархъ Іерусалимскій св. Давидъ возблагодарилъ Бога, что удостоился благодати Его и, отдавъ два камня посланнымъ, самъ съ однимъ малымъ камнемъ, но съ великою благодатію Божіею, возвратился, къ общей радости оставленныхъ духовныхъ чадъ своихъ, въ свою пустыню, гдѣ и положилъ камень святой земли, отъ котораго, какъ свидѣтельствуется жизнеописаніе святаго Давида Гареджійскаго ¹⁾, до

¹⁾ Житіе преп. Давида Гареджійскаго чудотворца. Полн. жизн. св. груз. церк. *М. Сабанина*. Ч. I, стр. 123—140; О празд., устан. прав. груз. церк. *Д. Пурцеладзе* стр. 52—59.

ности современныхъ ему іерархамъ грузинской церкви. Таковымъ счи-

сихъ поръ являются чудеса и знаменія: съ вѣрою лобызающіе его недужные и страждущіе исцѣляются. Чудодѣйственный этотъ камень, привлекавшій въ пустыню Гареджіскую несмѣтное количество богомольцевъ, послѣ блаженной кончины св. Давида ¹⁾ лежалъ на могилѣ его, находящейся въ изсѣченной имъ же пещерѣ, которую въ IX вѣкѣ расширилъ св. Иларіонъ, устроившій и раку для мощей св. чудотворца Давида. И до нынѣ, замѣчаетъ писатель житія его, обильныя исцѣленія истекаютъ отъ его гроба и бывають при камнѣ, принесенномъ имъ изъ святой земли ²⁾. Ибо троекратная въ Гареджи молитва, какъ свидѣтельствуетъ Грузинская лѣтопись равняется одному паломничеству въ Іерусалимъ.

Долго ли св. камень, принесенный св. Давидомъ изъ Іерусалима, находился на его могилѣ, когда и кѣмъ онъ былъ сокрытъ, никому не было извѣстно. Дальнѣйшую исторію этого камня И. Б. нашелъ въ библіотекѣ Квабтаховскаго монастыря, между ея рукописями ³⁾, которую приводитъ дословно. „Сколь любопытно, было знать: куда камень сей обращенъ по доставленіи съ Святой Земли, но обстоятельство сіе скрывалось неизвѣстностью до 1811 года. А въ семъ году бывшій настоятель Давидъ-Гареджіской обители, архимандритъ Иларіонъ (родомъ изъ князей Бебуровыхъ ⁴⁾), приступивъ къ возобновленію церкви Преображенія Гос-

¹⁾ Грузинская церковь причислила его къ лику святыхъ своихъ и установила празднество памяти святаго въ день его преставленія, въ четвертокъ седьмой недѣли по Пасхѣ; на ряду же съ прочими XIII отцами празднуется память его 7 мая.

²⁾ До X вѣка древнее жизнеописаніе святаго Давида Гареджіскаго считалось потеряннымъ, но оно было отыскано еще прежде, чѣмъ католикосъ грузинскій Арсеній на основаніи уцѣлѣвшихъ еще въ памяти народа свѣдѣній, приступилъ къ составленію новаго жизнеописанія. Между манускриптами моими, говоритъ П. Юсселиани, есть одно жизнеописаніе подробнѣе Арсеніева, составленное неизвѣстнымъ авторомъ.

³⁾ Рукопись эта на сѣрой толстой бумагѣ, она переведена съ грузинскаго языка, какъ значится на ней, и имѣетъ съ боку съ лѣвой стороны приписку: „Дядинька! простите, что замѣдлилъ; госиожа невѣстка была здѣсь и царевичъ и потому не могъ освободиться. Вашъ Іакинѣ“. Кѣмъ написана эта рукопись первоначально погрузински, откуда Іакинѣ переписалъ или перевелъ на русскій языкъ, неизвѣстно. Поименованный выше Іакинѣ, сынъ протоіерея Анчисхатскаго собора Дмитрія Алексіева-Месхіева; дядинька же, упоминаемый въ припискѣ—архимандритъ Тарасій, первый настоятель Квабтаховскаго монастыря по его возобновленіи и братъ протоіерея Дмитрія Алексіева-Месхіева.

⁴⁾ Архимандритъ же Тарасій свидѣтельствуетъ, что бывшій настоятель Давидо-Гареджіской обители Иларіонъ происходилъ изъ княжеской фамиліи Вачнадзе—см. Крат. свѣд. о груз. мон. стр. 13.

таль его самъ царь Александръ, поручившій ему въ 1738 г. важное посольство въ Россію, къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, имѣвшее цѣлью «отдать Имеретинское царство и народъ подъ могущее покровительство Россіи», посольство, не оправдавшее, впрочемъ, ожидавшихся отъ него надеждъ. По возвращеніи изъ Россіи, онъ получилъ сначала Самтаврскую епархію, затѣмъ въ 1749 г. Балкійскую и наконецъ Картлійскую архіепископію, которая считалась по достоинству

подня, изсѣченной въ сей обители изъ натурального камня, въ коей почиваютъ священные останки св. преподобнаго Давида Гарелжійскаго, нашелся въ необходимости сломать бывшія въ ней двѣ колонны, изъ коихъ одна возвышалась съ восточной стороны у иконостасной боковой двери, а другая примыкала къ кирпичной пристройкѣ на известкѣ, имѣющейся внутри означенной церкви съ южной стороны. При таковой сломкѣ въ первой колоннѣ (у иконостасной двери), оказалась стѣна, вмѣщавшая въ себѣ амбразуру довольной величины—обѣ оштукатуренныя алебастромъ. На амбразурѣ сей была видна живопись, представлявшая св. Давида и преподобнаго Додо, цѣловавшихъ аки бы другъ у друга руки и приветствовавшихъ съ радостью, произведенною новымъ свиданіемъ,--съ слѣдующею на ней надписью: „Образъ пришествія св. Давида изъ Іерусалима“. А когда надобность потребовала уничтожить и сію стѣну съ живописью, то въ ней оказалась другая таковая съ небольшою амбразурою, вмѣщавшею въ себѣ самую малую амбразуру, соответствовавшую величинѣ помнутаго камня, кои всѣ также были оштукатурены алебастромъ. Въ послѣдней изъ нихъ найденъ св. камень съ знаками горѣвшей предъ нимъ свѣчи и поблекши отъ времени не большими отбѣлками ея. Камень этотъ величиною не много менѣе гусяцаго яйца, подобно ему продолговатъ и оканчивается конически. На остромъ концѣ его видно пятно, имѣющее цвѣтъ темной (застарѣлой) крови, и на одной сторонѣ вдоль отъ одного конца до другого замѣтна тонкая черта того же цвѣта; цвѣтъ же самого камня представляетъ смѣсь краснаго съ бѣлымъ. Онъ имѣетъ чудотворную силу, оказывающую благотворное вліяніе на прикасающихся къ нему съ вѣрою. Братья св. обители, слѣдуя примѣру св. Отецъ, сберегшихъ св. камень въ описанномъ мѣстѣ, сохранили его въ той же церкви въ особомъ мѣстѣ, отдѣльно отъ перваго, извѣстномъ только нѣкоторымъ старѣйшимъ изъ нихъ“. „Но на праздникъ св. Давида, говоритъ архимандритъ Тарасій, дополняя сказаніе о св. камнѣ, вынимаютъ его изъ хранилища для поклоненія и потомъ опять сокрываютъ“¹⁾. „Много говоритъ сердцу этотъ простой камень, залогъ необычайнаго смиренія“, свидѣтельствуетъ извѣстный паломникъ по святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьевъ²⁾.

---

¹⁾ Брат. свѣд. о груз. мон. Тарасія стр. 14.

²⁾ Грузія и Арменія. *Муравьева*. Ч. I, стр. 106.

и важности первою послѣ католикозской ¹⁾ и, какъ человѣкъ образованный и сотоварищъ Антонія по воспитанію ²⁾, онъ стоялъ за дѣло католика Антонія. По изгнаніи послѣдняго въ Россію въ 1755 году за принятіе флорентійской уніи, Тимоеей, вѣроятно, подвергся гоненію, какъ другъ осужденнаго и по этой именно причинѣ, нужно думать, онъ принужденъ былъ оставить кафедру ³⁾ и предпринять далекое путешествіе по святымъ мѣстамъ, оставивъ намъ прекрасное описаніе этого путешествія. По возвращеніи же обратно въ Грузію въ 1757 г. онъ, оставленный безъ епархіи, проживалъ нѣкоторое время въ Давидо-Гареджіійской пустынѣ, а за тѣмъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ тогда проживалъ изгнанный изъ Грузіи католикосъ, окончивъ жизнь свою въ городѣ Астрахани въ 1764 г. ⁴⁾. Оставленное Тимоеемъ описаніе путешествія по святымъ мѣстамъ показываетъ, что онъ зналъ татарскій языкъ, знакомъ былъ съ категоріями, діалектикою и философіею Прокла Діодоха, съ современными ему учено-богословскими и схоластическими сочиненіями и даже съ произведеніями свѣтской литературы; основательно знакомъ былъ съ священнымъ писаніемъ, богослужбными книгами и исторіею церкви ⁵⁾. При этомъ онъ былъ глубоко религіозный іерархъ, вездѣ и во всемъ искавшій перста Божія и преклонявшійся предъ Его непостижимымъ провидѣніемъ. Тимоеей былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ Грузинской церкви, выдававшійся изъ ряда другихъ своимъ развитіемъ и пастырскими достоинствами, которыя цѣнились современниками его и что онъ принадлежалъ къ той свѣтлой и просвѣщенной партіи, во главѣ которой стоялъ католикосъ Антоній. Въ литературѣ Тимоеей извѣстенъ, какъ авторъ «Путешествія по Св. Землѣ ⁶⁾».

¹⁾ Переп. Грузинскихъ царей съ Рус. Госуд. стр. 225—226 и LXXXIX.

²⁾ Путешествіе Тимоеея, Архіеп. Барт. Цхов. II стр. 385. Всѣми этими епархіями онъ управлялъ въ званіи архіепископа. Гуджар. синод. конторы въ Собраніи нашихъ Гуджаровъ № 134.

³⁾ *ibid.* стр. 6—7.

⁴⁾ *ibid.*

⁵⁾ *ibid.* Архивъ св. Сын. Дѣло 1761 г. № 196; и за 1738 г. № 360.

⁶⁾ См. его путешествіе, изданное П. Юселиани въ 1853 г. по повелѣнію Намѣстника Кавказскаго Воронцова.

⁷⁾ Еще въ XV в. въ Іерусалимъ отправился изъ Самцхе іеромонахъ Филиппъ Шакарашвили, въ XVI в. оттуда же ѣздилъ въ Св. Землю епископъ Амвросій, изъ Бахетіи Чолокашвили, изъ Тифлиса (въ 1540 г.) епископъ Елисе Сагиншвили; въ 1570 г. архіеп. урбинскій Власъ и тифлисскій Барнава. Въ XVII въ Іерусалимѣ

Авторъ въ предисловіи къ своему труду ¹⁾ объясняетъ цѣль своего путешествія и мотивы, побудившіе его написать свой трудъ. Онъ рѣшилъ самъ видѣть въ Палестинѣ тѣ обитатели, которыя были воздвигнуты грузинскими царями въ дни ихъ могущества и славы. Осмотрѣвъ святыни, усердіемъ грузинъ сбереженные въ Іерусалимѣ, онъ собралъ всѣ свѣдѣнія объ нихъ (заимствуя и у иностранныхъ писателей) и предлагаютъ вниманію своихъ читателей. Призывая благословеніе Господа на своихъ соотечественниковъ, онъ смиренно проситъ прощенія въ тѣхъ невольныхъ ошибкахъ, которыя вкрались въ его описанія.

Путешествіе разбито на 23 главы. Въ нихъ Тимоѳей описываетъ свои впечатлѣнія отъ Тифлиса до Адона, посѣщеніе здѣсь различныхъ обителей, поѣздку въ Египетъ и Іерусалимъ, возвращеніе черезъ Кипръ и Аѳины въ Грузію. Онъ выѣхалъ изъ Грузіи въ 1755 г. въ царствованіе Теймураза II. Путь его лежалъ отъ Ахалцыха до Трапезунда и далѣе. Вездѣ онъ былъ принятъ ласково и предупредительно. Посѣтилъ онъ по пути города Триполисъ, Коману, гдѣ поклонился гробу Іоанна Златоуста и представился Неокесарійскому митрополиту. Указывая въ точности всѣ пункты, (Смирна, Хіосъ, Митилине и др.), черезъ которые онъ проѣзжалъ, онъ отмѣчаетъ и тѣ воспоминанія, которыя съ ними связаны въ исторіи христіанской церкви. Въ подробностяхъ описываетъ замѣчательные храмы съ внѣшней и внутренней стороны даются краткія историческія свѣдѣнія объ ихъ возникновеніи. Онъ не упускаетъ случая отмѣтить также народныя преданія, къ нимъ приуроченныя. Разыскивая всюду слѣды пребыванія грузинъ, онъ осмотрѣлъ Тенедееосъ («Бохчадъ»), куда былъ сосланъ турками груз. католикосъ Доментій въ началѣ XVIII в.

Прибывъ на Аѳонъ ²⁾, онъ внимательно осмотрѣлъ Иверскій Пор-

были абхазскій католикосъ Максимъ и Никифоръ (въ мѣрѣ Николай) Чолокашвили († 1658), знатокъ языковъ, грамматикъ, риторъ, философъ; онъ же былъ посломъ царя Теймураза I къ царю Михаилу Теодоровичу. Онъ расписалъ Крестный монастырь въ Іерусалимѣ въ 1643 г.

¹⁾ Путешествіе его издано Пл. Юсселиани въ 1858 г. со списка, едѣланнаго въ 1787 г. въ Телавѣ ректоромъ семинаріи Давидомъ Алексишвили. Рукописные списки Азіат. музея №№ 20а и 20в немного расходятся съ названнымъ выше спискомъ. Въ № 20а недостаетъ описанія пути изъ Тифлиса до Батума. Выдержки изъ его труда см. *Муравьева* Путешествіе къ Св. Мѣстамъ, СПб. 1830, *Brosset* „Additions“ къ „Hist. d. l. Géorgie“, *Цагарели* Памятники груз. старины въ Св. Землѣ и на Синаѣ, СПб. 1888.

²⁾ Въ 1733 г., какъ свидѣтельствуесть его запись въ одномъ сборникѣ, нынѣ изданномъ.

таинскій монастырь. Его встрѣтила братія съ подобающимъ чиномъ и исполнила панихиду по грузинскихъ царяхъ. Онъ пораженъ богатствомъ и красотою этой обители, восходящей ко времени св. Евѳимія, Иоанна, Торникія и Георгія Мтацминдемоли (святогорца), при царяхъ Баграта Куропалата, Давидъ и др. и возобновленной при царѣ Александрѣ, Дадіани, Гуріели, Апотомъ Мухранскимъ. Передаетъ сказаніе о Портаятской иконѣ Божіей Матери (изъ Никеи), приплывшей во времена иконоборства къ Аеону, гдѣ ее принялъ св. Гавріилъ. Рассказываетъ о чудесномъ возвращеніи знанія грузинскаго языка св. Евѳимію, забывшему владѣть родною рѣчью и лишь послѣ видѣнія Богородицы призвавшей его переводить свящ. писаніе по-грузински, ставшаго знаменитымъ писателемъ «риторомъ, превосходящимъ Гомера ¹⁾». Говоря о книжныхъ и драгоценныхъ сокровищахъ монастыря, онъ упоминаетъ о шлемѣ, саблѣ, кольчугѣ Торника. Здѣсь поминаютъ грузинскихъ царей и князей, строителей и жертвователей, а Тимоѳеѣ внесъ въ списокъ еще царей Теймураза и Ираклія. Переходя къ описанію монастыря св. Аванасія, онъ сообщаетъ, какъ по откровенію, было указано мѣсто для св. обители. Авторъ изумленъ благочестивою и воздержанною жизнью иноковъ, довольствующихся скуднымъ пропитаніемъ. На Аеонѣ,—онъ еще отмѣчаетъ,—не встрѣчаются животныя и птицы мужескаго пола среди этой роскошной природы, «испещренной райскими долинами и рощами, среди шумящихъ рѣкъ, подобно Ефрату и Тигру, зеленѣющихъ садовъ, оглашаемыхъ игрою пѣнистыхъ водопадовъ и пѣвчихъ птицъ». Онъ подробно перечисляетъ въ поэтическихъ краскахъ деревья, цвѣты и травы, волшебнo украшающія аеонскую природу. Нѣсколько строкъ вдохновенныхъ онъ посвящаетъ описанію Босфора и Константинополя. Отъ художественныхъ описаній авторъ переходитъ къ благочестивымъ размышленіямъ о святыхъ мощахъ, обрѣтаемыхъ въ аеонскихъ обителяхъ. Знакомитъ съ школьнымъ преподаваніемъ по метафизикѣ, богословію краснорѣчію при Ватопедскомъ монастырѣ. Посѣтилъ онъ Зографскій и Хиландарскій монастыри «сербовъ и болгаръ»; въ послѣдній греки недопускаются. О чудесномъ спасеніи его, при нашествіи турокъ, онъ мимоходомъ упоминаетъ, говоря, что монастырь сталъ незримъ для враговъ, будучи по Божьей волѣ окутанъ непроницаемымъ туманомъ. Видѣлъ монастырь Ксенопсъ, возобновленный господаремъ Валахіи «Матѳеемъ», мона-

¹⁾ Ср. Житіе св. Евѳимія въ сборникѣ XI в., изд. Тифлисск. церк. музеемъ, 1900 г. стр. 26. Царица Небесная даровала ему во снѣ способность говорить на грузинскомъ языкѣ, въ чемъ онъ прежде сильно затруднялся.

стырь Костамонъ, построенный Константиномъ В. Во всѣхъ монастыряхъ его встрѣчала братія съ крестомъ и колокольнымъ звономъ. Такъ, онъ описываетъ встрѣчу, напр., въ монастырѣ Филотеосъ, построенномъ царемъ Леономъ, дѣдомъ царя Теймураза. Онъ распрашиваетъ, гдѣ можно, о причинахъ сходства названія иберовъ—грузинъ съ иберами съ «гишпанскими», выслушиваетъ и записываетъ краткія свѣдѣнія изъ исторіи просвѣщенія Грузии христіанствомъ ¹⁾ изъ устъ константинопольскаго патріарха Кирилла (который при его отъѣздѣ былъ смѣщенъ и замѣненъ Калиникомъ). Изъ Аѳона чрезъ Константинополь онъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ. По пути онъ посѣтилъ грузинскій Улумбійскій монастырь. Въ Іерусалимѣ и въ его окрестностяхъ онъ осмотрѣлъ всѣ мѣста, связанные съ земнымъ пребываніемъ Спасителя: Назаретъ, Кану, Ѡаворъ, скалу, откуда іудеи хотѣли сбросить І. Христа, мѣсто, гдѣ былъ Спаситель взятъ, гдѣ возложили терновый на Него вѣнокъ и судили, водружецъ крестъ страданія Его. Онъ славить гимнами, написанными по категоріямъ Аристотеля (сколько, гдѣ, когда...). Тутъ же онъ приводитъ исчисленіе страданій, данное Самимъ Спасителемъ по откровенію преподобной Елизаветѣ.

Въ заключеніе онъ приводитъ справки о водвореніи грузинъ въ Іерусалимѣ со времени царей Миріана и Вахтанга Горгаслана и св. Прохора (изъ с. Шавти, откуда былъ и поэтъ Шавтели, замѣчаетъ Пл. Юсселиани). На поддержаніе грузинской лавры цари иверскіе отправляли щедрые дары. Онъ перечисляетъ когда и какимъ грузинскимъ царемъ или вельможей были воздвигнуты храмы и обители въ св. землѣ, кто какіе вклады и приношенія дѣлалъ въ теченіе 15 вѣковъ. Онъ удивляется, что грузины не знаютъ о своихъ святыняхъ въ Палестинѣ ²⁾. Значенія своего этотъ памятникъ и нынѣ не утратилъ.

Путешествіе митрополита Іоны.

Митрополитъ Іона (въ мірѣ Іоаннъ), авторъ сочиненія «Путешествіе по Востоку» ³⁾, происходилъ изъ княжеской фамиліи Гедевановыхъ. Сынъ грузинскаго генерала Гавріила, Іоаннъ родился въ 1737 г. и воспитывался при дворѣ католикоса Антонія, который его посвятилъ въ архидіаконство на шестнадцатомъ году жизни. Находясь подъ по-

¹⁾ Допускаетъ иностранныя выраженія: воевода, Башыштагъ (Улумбскія горы), сѣверный вѣтеръ—*Нотъ*.

²⁾ Последняя глава посвящена обратному путешествію чрезъ Кипръ въ Грузію.

³⁾ Изд. Пл. Юсселиани, Тифлисъ. 1852.

кровительством католикоса Антонія, Иона его сопровождалъ въ 1754 г. въ Россію и состоялъ при немъ въ періодъ управленія Антоніемъ Владимірской епархіей. По возвращеніи въ Грузію, Антоній его возвелъ въ санъ архимандрита, а въ 1775 г. Иона получилъ архіерейскую кафедру въ Руиси, съ званіемъ митрополита. Лишенный чрезъ пять лѣтъ по постановленію духовнаго собора ¹⁾ въ 1780 г. кафедры царемъ Иракліемъ II, онъ былъ заключенъ въ Давидо-Гареджійскую пустынь, откуда онъ бѣжалъ въ Имеретію. Вернувшись на короткое время въ Тифлисъ, онъ переправился въ Ахалцихъ, откуда при содѣйствіи Атабега предпринялъ путешествіе чрезъ Шавшетію въ Константинополь съ цѣлью добиться у патриарха назначенія на архіерейскую кафедру въ Верхней Карталиніи. Восточные патриархи—Константинопольскій, Іерусалимскій и Александрійскій—ходатайствовали предъ католикосомъ Антоніемъ I и царемъ Иракліемъ II о возвращеніи Ионѣ архіерейскаго сана. Возстановивъ свои права, Иона прибылъ въ Молдавію, гдѣ представился ген. Потемкину, который исходатайствовалъ ему пенсію въ 600 р. и мѣстожительство въ Кіевѣ.

Пробывъ въ Кіевѣ три года, онъ вошелъ въ Синодъ съ заявленіемъ о томъ, чтобы онъ продолжалъ именоваться въ Россіи митрополитомъ, въ виду того, что онъ былъ возведенъ въ этотъ санъ въ Грузіи, удостовѣренный показаніями астраханскаго архіепископа Гаіоза и абхазскаго католикоса Максима, проживающаго въ это время также въ Кіевѣ. Иона при своемъ заявленіи представилъ и грамоту, дарованную ему въ 1775 г. католикосомъ Антоніемъ ²⁾. Нѣтъ извѣстій, добился ли цѣли Иона,—только отъ 1799 г. мы находимъ вторую его просьбу предъ Синодомъ, въ которой онъ изъявляетъ желаніе поселиться въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ. На этотъ разъ просьба его была исполнена. Онъ переселился въ Москву и умеръ здѣсь 84 лѣтъ въ 1821 году.

Иона описываетъ свое путешествіе съ Тифлиса въ Константинополь, достопримѣчательности послѣдняго. Посѣтилъ Аеонъ и его монастыри, гдѣ радушно былъ принятъ въ Иверской Лаврѣ. Поклонился

¹⁾ Причиной (довольно туманной) отрѣшенія отъ кафедры онъ самъ считаетъ „житейскія волненія“.

²⁾ Въ дѣлахъ Синода 1792 г. № 279 находится копія съ грамоты царя Ираклія II и Антонія I: По повелѣнію нашему и по волѣ Его Святѣйшества моего брата католикоса Антонія, по смерти митрополита Германа, избранъ въ Грузіи соборомъ духовныхъ чиновъ сей Гедеоновъ сынъ, архимандритъ Иона пастыремъ Русскимъ и Сурамскимъ. Повинуйтесь ему.

св. мѣстамъ въ Палестинѣ и на возвратномъ пути чрезъ Архипелагъ прибылъ въ Венецію. Удостоился онъ видѣть Египетъ и Синай ¹⁾. Чрезъ Вѣнуонъ прибылъ въ Польшу а затѣмъ въ Молдавію, откуда уже вступилъ въ предѣлы Россіи. Особую главу онъ посвящаетъ описанію Кіево-Печерской лавры и съ благодарностью вспоминаетъ внимательное отношеніе къ себѣ русскаго духовенства. Сочиненіе его проникаетъ элегическій тонъ: онъ оканчиваетъ свою книгу признаніемъ истинности словъ Соломона: «все суета!»

Языкъ его художественный и выразительный, мѣстами однако страдаетъ русицизмами въ лексическомъ составѣ; онъ употребляетъ слова — «лодка», «кровать», «карета», «островъ», «приходъ» (церковь) «рунка» (=рюмка), «отка» (=водка), «аеонскій», «печерскій» и др. вмѣсто соотвѣствующихъ грузинскихъ выраженій. Описаніе его носитъ отпечатокъ непосредственныхъ впечатлѣній и наблюденій туриста. Онъ съ одинаковымъ вниманіемъ записываетъ картины моря, предметы производства и торговли и окружающей природы, дворецъ патріарха, храмъ св. Софіи, торжественная прогулка султана въ Стамбулѣ. Иногда онъ относится критически къ сообщаемымъ ему свѣдѣніямъ, напр., на Аеонѣ онъ отказывается вѣрить, что своды католическаго храма изготовлены изъ чистаго золота. Въ подробности онъ вдается при описаніи Грузинской лавры на Аеонѣ, при чемъ сообщаетъ объ ней историческія справки и свѣдѣнія о современномъ ея состояніи. Не упускаетъ случая ознакомиться и съ знаменитымъ Хиландарскимъ монастыремъ. Посѣтилъ онъ острова Митилена, Хиосъ, Лесбосъ, Смирну и Кипръ, отмѣчая своеобразные обычаи и строй каждаго изъ нихъ. Такъ, въ Смирнѣ свадьбу устраиваетъ митрополитъ: онъ относитъ кольцо жениха въ домъ невѣсты. Встрѣчаются у него легендарныя сказанія: о крѣпости кадзовъ, объ одичавшемъ человѣкѣ и пр. Тщательно онъ осматриваетъ святыя мѣста (Гробъ Господень,

¹⁾ Вотъ точный его маршрутъ. Съ Аеона, посѣтивъ острова архипелага малоазійскіе и сирійскіе берега, онъ высадился въ Яфѣ, оттуда поѣхалъ въ Іерусалимъ, посѣтилъ Виллеемъ. Изъ Іерусалима отправился въ Яфѣ, Акру, на Фаворъ, въ Назаретъ, Тиверіяду, обратно въ Іерусалимъ, посѣтилъ Саввинскую лавру, Іерихонъ, Іорданъ, Лидду, Яфѣ, Грецію, Александрію, Каиръ, Суецъ и прибылъ на Синай, гдѣ пробылъ 4 мѣсяца. Обратно чрезъ Каиръ и Александрію пріѣхалъ на Аеонъ, держалъ затѣмъ путь мимо Черногоріи и Далмаціи, явился въ Вѣну, оттуда чрезъ Польшу и Валахію въ Яссы, гдѣ встрѣтился съ арх. Гаіозомъ, по слову ц. Ираклія къ ген. Потемкину. Чрезъ Кіевъ онъ прибылъ въ Москву. Путешествіе свое онъ писалъ въ 1805—1810 гг.

Византию, Виллеемъ, Назаретъ, Купель Силоамскую, гробъ Лазаря и храмы, построенные грузинами. Онъ видѣлъ портреты грузинскихъ царей и Дадіани въ церкви св. Креста въ Иерусалимѣ, Иерихонъ, гору Фаворъ, озеро Тиверіатское. На Синаѣ онъ посѣтилъ мѣсто, гдѣ Господь далъ Моисею десять заповѣдей, источникъ Агари, кустъ Моисеевъ. Не забываетъ упомянуть, гдѣ онъ принималъ участіе въ священнослуженіи, и гдѣ постигло его бѣдствіе—крушеніе лодки, поглотившее его достояніе. Помимо релігіозныхъ вопросовъ, онъ интересуется всѣмъ, что онъ встрѣчаетъ. Въ окрестностяхъ Аѳинъ онъ осмотрѣлъ развалины школъ Платона и Аристотеля. Близъ Неаполя его поражаетъ огнедышащая гора «Азопъ», т. е. Везувій. Въ Венеціи онъ изумляется, созерцая мраморныя позолоченныя внутри дворцы дождей, а на рынкѣ торгующихъ женщинъ. Въ Египтѣ его поражаетъ бѣдность трудолюбивыхъ фелаховъ и жадность господствующаго класса. Здѣсь женщины сами впрягаются въ плугъ. Арабы—воры и мошенники. Но все это онъ описываетъ мимоходомъ, вскользь, переходя отъ одного предмета къ другому, по мѣрѣ измѣненія района наблюденія. Нерѣдко его можно упрекнуть въ краткости и въ отсутствіи обстоятельности. Такъ, онъ слишкомъ мало сообщаетъ о сокровищахъ Иверской обители, упоминаетъ вскользь о типографіи мхитаристовъ близъ Венеціи, а между тѣмъ вдается въ подробности, какъ его угощали русскій консуль Корфу, пожаловалъ его консуль въ Далмацію «грекъ Дмитрій». Въ Вѣну онъ пріѣхалъ въ то время, когда умеръ императоръ Іосифъ, чрезъ день по смерти своей супруги. Замѣчаетъ, что (народъ былъ огорченъ). Красота и памятники Вѣны вдохновили его написать нѣсколько художественныхъ строкъ. Неописанную радость онъ передаетъ при встрѣчѣ своей въ Яссахъ съ архим. Гаіозомъ, посломъ ц. Ираклія II къ князю Потемкину. Радость эта вскорѣ омрачилась болѣзнью и смертью князя, принявшаго его ласково и благосклонно. Онъ описываетъ церемоніалъ его погребенія. Изъ гор. Яссы онъ вступилъ уже въ Россію, въ Кіевъ, который обратилъ его вниманіе своими святынями.

Путешествіе въ Индію грузинскаго дворянина Рафаила Данибегова ¹⁾.

Книга ²⁾ посвящена Государю Императору Александру I. Въ посвященіи авторъ знакомитъ съ происхожденіемъ своего сочиненія.

¹⁾ См. Каталогъ бібліотеки в. кн. Георія Александровича Бѣгичева стр. 57 и моя ст. въ „Нов. Об.“ № 2420.

²⁾ На грузинскомъ языкѣ книга эта ниѣ неизвѣстна. Русскій переводъ появился въ Москвѣ 1815 г. Напечатано въ типографіи С. Селивановскаго, съ разрѣшенія цензора, орд. проф. Московскаго университета Ивана Двигубскаго. 56 стр. 8°.

«Странствуя 18 лѣтъ, говоритъ онъ,—по Индіи и пространнымъ землямъ, вокругъ нее лежащимъ, я собралъ нѣкоторыя черты обычаевъ и нравовъ обитателей тамошнихъ, образа ихъ жизни, ихъ богослуженія и нѣкоторыя свѣдѣнія о качествахъ самой земли». Желая ознакомить «россіянь» съ результатами своего путешествія, онъ перевелъ свой трудъ съ грузинскаго на русскій языкъ. «Жребій мой—воскликаетъ онъ,—возвысится на самый верхъ счастья, ежели сіе ничтожное мое приношеніе удостоится великодушнаго Вашего Императорскаго Величества благоволенія».

«1795 марта 15-го дня,—такъ начинается онъ изложеніе своего путешествія,—я былъ отправленъ грузинскимъ царемъ Иракліемъ въ Индію по слѣдующему обстоятельству: въ Мадрасѣ жилъ богатый армянинъ, который ежегодно присылалъ Ираклію подарки. Царь въ вознагражденіе пожаловалъ ему большую деревню Лори и крѣпость на оную послалъ чрезъ меня». Въ Мадрасѣ онъ не засталъ въ живыхъ армянина, а крѣпость вручилъ сыну его.

Первый городъ, который онъ видѣлъ и описываетъ въ своей книгѣ,—это «Ахалцеха», находящаяся «подъ властью турокъ». Здѣсь впрочемъ, онъ не нашелъ ничего достойнаго вниманія. Изъ Ахалциха прибылъ въ Арзрумъ. «Мѣстоположеніе города довольно хорошее, обширностью онъ превосходитъ Ахалцеху». Украшеніемъ его служатъ «мраморныя колодези по всѣмъ улицамъ». Городъ бѣденъ со стороны дровъ, и жители топятъ каломъ животныхъ. На разстояніи 12 дней пути отъ него лежитъ г. Муша. Въ 30 верст. отъ Муши находится гробъ Іоанна Крестителя. Надъ могилой Предтечи сооружена великолѣпная церковь. Оттуда онъ поѣхалъ въ Аргану, славящуюся мѣдными рудами. До г. Фалы ѣхать 9 дней. Она лежитъ на берегу Тигра; «недавно случившееся землетрясеніе разрушило ее». Путь до Мертина продолжался 7 дней. Онъ бѣденъ водой. Путешественники привозятъ съ собою небольшой запасъ воды.

Тигранакертъ—городъ старинный и великій. Нынѣ именуется Тьербекиромъ. «Въ немъ много плодоносныхъ деревьевъ. Жаль, что въ этомъ прекрасномъ городѣ жители очень дурны. Не говоря уже объ иноземцахъ, они ненавидятъ и другъ друга». До Ниневіи онъ ѣхалъ 15 дней. Городъ лежитъ на берегу Шата. «Онъ великъ и знаменитъ по хорошимъ зданіямъ. Жители ласковы и чловѣколюбивы. Женщинъ можно назвать красавицами». Употребляютъ здѣсь арабскій языкъ. Изъ Ниневіи прибылъ въ Вавилонъ, «нынѣ называемый Багдадомъ. Городъ красивъ и окруженъ стѣнами, а жители горды и очень дѣятельны; ведутъ торговлю съ европейцами». Оставивъ Вавилонъ, онъ напра-

вился въ Басру. Городъ лежитъ на берегу Персидскаго залива. «По-всюду виноградники и сады. Климатъ знойный, вода негодная». На суднѣ отправился въ г. Маскать, окруженный безплодными («голодными») горами. Начальникъ города у жителей называется имамомъ. «Онъ всегда ходитъ нагишомъ, привязывая только небольшое полотно спереди для прикрытія тѣла. Подданные предъ нимъ повергаются ницъ и цѣлуютъ у него руку».

Черезъ 22 дня пути онъ прибылъ въ Бомбей—славную английскую пристань. Она построена португальцами, но по раздѣленіи досталась англичанамъ. Жители огнепоклонники и называютъ себя каберомъ или фарсомъ. Изъ Бомбея поплылъ въ г. Колумбъ на остр. Цейлонъ. Вокругъ него много сандала, гвоздики, кардамона, корицы. Въ г. Манаръ «климатъ весьма жарокъ, и потому цвѣтъ жителей самый черный. Поклоняются они коровамъ и водѣ, ходятъ безъ сапогъ и туфель, считая грѣхомъ употреблять кожу животныхъ. Почитая себѣ подобными животныхъ, не убиваютъ ихъ на пищу». Побывавъ въ Бондогери, Костъ-Малваръ, Тракбергъ, онъ со вниманіемъ осмотрѣлъ крѣпость Мадраса. Здѣсь жители жуютъ листь-фанъ, который, будучи разжеванъ, превращается въ алую краску. Климатъ теплый, и потому жители, кромѣ тончайшей полотняной одежды, ничего не надѣваютъ. Въ 3 хъ верстахъ отъ Мадраса находится могила св. Фомы. Жители Беки похожи на китайцевъ. Въ одной верстѣ находится жилище жрецовъ, называемое Ламой или Брамой. Городомъ управляетъ «ховарбаіомъ». Предъ государемъ онъ ни сидѣть, ни стоять не можетъ, а долженъ лежать брюхомъ на полъ и такъ отвѣчать на его вопросы».

Въ этомъ городѣ нашъ путешественникъ чуть не былъ обезглавленъ за то, что онъ ступилъ ногой на доску, предназначенную для судна. Знакомые армяне спасли его отъ бѣды. Другое несчастіе его постигло во время путешествія въ Колкаду. Поднялась страшная буря, угрожавшая безопасности судна. Онъ, вмѣстѣ съ другими, бросился въ лодку, привязанную къ судну, и причалилъ къ берегу. Однако, боясь крокодиловъ и львовъ, они не рѣшались вступить на землю, и 19 дней носились по морю, питааясь одной травой. Наконецъ, имъ удалось выплыть на р. Кикаею. По свѣту они приплыли къ рыбаку, котораго пришлось еще увѣрять, что они такіе-же люди, какъ онъ самъ. Пробывъ въ его деревнѣ 8 дней, онъ отправился въ г. Бахаръ-Кайнъ. Здѣсь англійскій главнокомандующій ласково ихъ принялъ, далъ имъ новыя платья и направилъ въ Колкаду, на берегу р. Гангеса. «Вода здѣсь негодная, потому что индійцы опаливаютъ тѣла на огнѣ и бросаютъ, гдѣ они гниютъ и разлагаются». Побывавъ въ Сирампурѣ,

Чхрѣ, Маршитабатѣ, Мункирѣ, онѣ обратилъ вниманіе на обычай жителей Азимабата. Слабыхъ и больныхъ приводятъ къ Гангесу, погружаютъ въ воду и начинаютъ ее лить ему въ ротъ, принуждая говорить: «Кина Нарайнѣ» (Господи Боже). Если они не задыхаются такимъ способомъ, то, продержавъ ихъ на огнѣ, бросаютъ въ рѣку. Бопарисъ называется городомъ Завѣта, потому что старики, оставляя все земное благосостояніе, идутъ сюда умирать, чтобъ избавиться отъ смертныхъ мукъ. Корова здѣсь очень почитается.—Лакнахорѣ, Камберѣ, Фарахапатѣ, Мередѣ ничемъ не поразили нашего путешественника. Въ Дели онѣ видѣлъ храмъ-чума-мечеть, покрытый чистымъ золотомъ. Отъ него Сиринагорѣ лежитъ въ 300 вер. Во время ярмарки здѣсь насчитывается до 500,000 чел. Городѣ Фадикурѣ обведенъ насыпью, жители идолопоклонники. Онѣ былъ столицей царя могольскаго. Ужасное насѣкомое корбитъ кого укусить, рѣдко тотъ не умираетъ. Главноуправляющій китаецъ называется Анбакѣ. Городѣ Лакхорѣ на берегу рѣки Рави; работаетъ шелковыя и шерстяныя ткани. Норпорѣ и Фарѣ хорошо помнятся путешественнику тѣмъ, что здѣсь при немъ сожгли одного идолопоклонника. «Съ нимъ двѣ его жены были жрецами облиты масломъ и сдѣлались добычей огня». Недалеко отъ этого города находится огнедышащая гора. Индійскій моголь хотѣлъ ее затушить. Для этого онѣ провелъ канаву и началъ заливать гору водой, но попытки его не увѣнчались успѣхомъ.

Восторженно онѣ описываетъ Кашемирѣ, откуда вывозятся шали. Относительно разбойниковъ здѣсь существуютъ слѣдующіе обычаи: «Если онѣ попался въ первый разъ, то отрѣзываютъ у него правую руку; во второй же разъ разрѣзываютъ ему брюхо, кладутъ на верблюда и везутъ на базарѣ показывать народу», вѣроятно, въ назиданіе, «чтобы другимъ не повадно было», какъ выражается «Уложеніе Алексѣя Михайловича». Окружность кашемира имѣетъ пріятный видъ. До Семипалатинска отсюда дорога длиной въ 3,000 в. идетъ черезъ Калмыцкую степь. Отъ Кашемира до Тибета 20 верстѣ. Жители очень бѣдные. «Дурной ихъ обычай» заключается въ томъ, что три-четыре брата имѣютъ одну жену. Ребенокъ же почитаетъ отцомъ только старшаго брата.

Въ Индіи его поразили насѣкомыя и то, что въ каждомъ домѣ обитаетъ змѣя. По дорогѣ на возвратномъ пути онѣ видѣлъ много различныхъ народностей—калмыковъ, киргизовъ, казаковъ и кочевниковъ, «живущихъ въ палаткахъ».

До Яронта путешествіе скучное, такъ какъ приходится ѣхать по безплодной дорогѣ. Отъ Семипалатинска до Кохана 2,000 верстѣ. Въ

Коханъ живетъ татарскій ханъ. Отъ Кохана до Бухары 1,500 вер. Отъ Бухары до Кабулы, столицы Авганскаго государства, 1,500 вер. Изъ Семипалатинска ѣхаль до Омской крѣпости, оттуда прибыль къ Макарью, во времени ярмарки, и, наконецъ, «благодаря Провидѣнію, я удостоился видѣть и Москву».

Здѣсь кончается это любопытное путешествіе. Авторъ разбираемой книги очень наблюдательный и любознательный человекъ. Онъ касается и географическаго положенія города, и историческаго прошлаго страны, и нравовъ жителей, и обычаевъ идолопоклонниковъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, пополняютъ факты, и до сихъ поръ извѣстные, напр., о положеніи стариковъ и слабыхъ въ первобытной семьѣ. Сожженіе женъ вмѣстѣ съ мужьями извѣсно у славянъ по свидѣтельству арабскихъ историковъ (см. Гаркави, Хвольсонъ). Сжато и мѣтко, съ рѣдкимъ умѣньемъ онъ характеризуетъ общій бытъ страны ¹⁾.

Завѣщаніе Іессея Осешвили ²⁾.

Завѣщаніе Іессея Осешвили, написанное имъ въ формѣ дневника въ назиданіе дѣтямъ, любопытный памятникъ XVIII в. Мало заключаая историческихъ фактовъ, если не считать свѣдѣнія о вторженіяхъ джарцевъ или мимоходомъ брошенное сообщеніе о генер. Потемкинѣ, завѣщаніе сосредоточивается на постепенномъ ростѣ имѣній автора и наставленіяхъ. Онъ начинается завѣщаніе во имя Отца и Сына и Св. Духа съ того, что онъ, православный христіанинъ. Іессей Осешвили, судя по его завѣщанію, православный христіанинъ, 40 лѣтъ въ моментъ составленія этого памятника, сынъ образованнаго священника и внукъ протоіерея Сіонскаго собора ³⁾. Мать его дворянскаго мелкаго рода. Родился 10 ноября 1729 г. въ Джавахоніи, куда на время переселились его родные, укрываясь отъ нашествія лезгинъ. Крестнымъ отцемъ его былъ Вахтангъ Капланишвили, впоследствии перешедшій въ католицизмъ. Двухъ лѣтъ пришлось его вновь укрывать въ Цвери

¹⁾ Путешествіе Данибегова во многомъ напоминаетъ „Хожденіе за три моря“ Аванасія Никитина.

²⁾ Напеч. въ журн. „Цискари“ за 1871 (кн. XII) и 1872 гг. (кн. I, II, IV, XII). Въ какомъ родствѣ находился Іессей Осешвили съ извѣстнымъ протоіереемъ Іоанномъ Осешвили († 1801 г.), переводчикомъ съ армянскаго „0 подобіяхъ и символахъ, указываемыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ на Божию Матерь“, — неизвѣстно. См. *Руссеіани*. Древности Тифлиса, стр. 119 и 194.

³⁾ Конечно, онъ не внукъ упомянутаго протоіерея Іоанна Осешвили, жившаго въ концѣ XVIII в.

въ виду вторженія Надиръ-шаха. Черезъ пять лѣтъ Надиръ-шахъ ворвался въ Тифлисъ, который былъ ему предоставленъ турками. Семи лѣтъ его стали обучать чтенію, письму и пѣнію подъ руководствомъ Ютама Шатберишвили. Отецъ его разорился послѣ того, какъ вынужденъ былъ въ качествѣ поручителя уплатить долгъ одного князя. Для расплаты съ оставшимся долгомъ въ 600 р. онъ отправился искать помощи въ Имеретіи, а громадную семью оставилъ на попеченіи двѣнадцатилѣтняго сына, автора завѣщанія. Послѣднему пришлось за 1½ года, время отсутствія отца, испытать много горя и лишеній. По смерти Надира шахомъ сталъ Адиль, дѣла котораго запутались, а Грузія свободнѣе вздохнула. Въ это время царствовалъ Теймуразъ II, который приблизилъ нашего автора къ себѣ за хорошей почеркъ и сдѣлалъ его исправляющимъ обязанность секретаря царицы Анаханумъ. Съ этого дня начинается самостоятельная жизнь Иессея, преполненная многихъ приключеній. 24 лѣтъ онъ потерялъ жену, урожденную Чачкашвили. Не желая оставаться дьячкомъ или идти въ монахи, онъ остался при дворѣ царскимъ секретаремъ. Онъ сталъ вести строгій образъ жизни: никогда не напивался, не игралъ въ кости, не бывалъ поручителемъ. Этими условіями онъ приобрѣлъ себѣ благосостояніе: имѣнне и крестьянъ. Онъ былъ вскорѣ назначенъ хранителемъ царскихъ драгоценностей, разбогатѣлъ и на 27 году жизни купилъ сады и земли.

Вступилъ во второй бракъ въ 1755 г. съ урожденной Абхазшвили, дочери Кизикинскаго моурава. Онъ былъ въ большой милости у царя, сопровождалъ его въ Гори и Телавъ, сталъ нѣкоторое время, помимо казначея еще стольникомъ (супраджи). Въ 1758 г. колесо фортуны обратилось противъ него. Умеръ у него отецъ, который ему завѣщалъ только долю дочери изъ своего состоянія, такъ какъ Иессей давно уже отдѣлился отъ своихъ. Въ особенности его сразилъ гнѣвъ царицы Анаханумъ. Царицу упросили въ Ахалцихѣ католическіе миссіонеры вернуть имъ въ Тифлисъ покинутую имъ церковь. Для рѣшенія этого вопроса царь хотѣлъ созвать соборъ. Но духовенство узнавъ это чрезъ одного монаха—Аѳанасія возстало и провалило это дѣло. Царица Анаханумъ ¹⁾ приписала преждевременное оглашеніе вопроса Иессею и подвергла его опалѣ. Его обвинили въ расхищеніи казны и

---

¹⁾ Царица Анаханумъ, вторая супруга Теймураза, вдова Байхосро Цицишвили. дочь Бежана Бараташвили. Теймуразъ женился на ней въ 1746 г. по смерти первой супруги, царицы Тамары, дочери Вахтанга VI.

арестовали. Царь Ираклий съ своей стороны заподозрилъ его въ продажѣ золотого кинжала. Имѣнье его конфисковали. Остался онъ въ бѣдственномъ положеніи. Многіе вступились за него, но бесполезно, пока на смертномъ одрѣ не выяснилось въ исповѣди, что онъ напрасно былъ оклеветанъ въ оглашеніи тайны. Оправившись, онъ былъ вызванъ изъ Кахетіи въ Душетъ. Тамъ онъ понравился Ираклию II почеркомъ и умѣньемъ составлять бумаги, въ Россію отправляемые на имя высочайшихъ особъ. Но и послѣ этого ему долго приходится скитаться и перебиваться. Благодаря заступничеству духовника З. Габашвили онъ былъ вновь назначенъ царскимъ секретаремъ, но гнѣвъ Анаханумъ его преслѣдовалъ по пятамъ: онъ былъ вновь смѣщенъ и не добился прощенія. Наконецъ, только по смерти Теймураза, Ираклий назначилъ его секретаремъ съ жалованьемъ четвертой доли (а не третьей) изъ доходовъ. Онъ быстро пошелъ въ гору и вскорѣ купилъ у Манучара Солагашвили двухъ крѣпостныхъ съ землей за 60 р. За этой куплей послѣдовалъ рядъ другихъ пріобрѣтеній.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ приводитъ перечисленіе тѣхъ имѣній и крестьянъ, которые были имъ пріобрѣтены. Для расширенія своихъ владѣній онъ ничего не жалѣлъ, забывалъ душу, заботы о спасеніи которой въ завѣщаніи возлагаетъ на своихъ дѣтей. Онъ пользовался всякимъ случаемъ и стѣсненнымъ положеніемъ владѣльцевъ или должнымъ ихъ обязательствомъ за небольшую сумму присоединить къ своей землѣ новый участокъ, садъ, мельницу и крестьянъ. Часто у него не хватало средствъ для осуществленія своихъ широкихъ плановъ. Разъ у него не оказалось 1 р. 80 коп., (сверхъ уплоченныхъ 20 р.), чтобы подписать купчую крѣпость. Больше всѣхъ онъ купилъ у Габашвили Солагашвили и Бараташвили. Онъ добился того, что царь Ираклий своей грамотой утвердилъ за нимъ за безцѣнокъ. купленные имѣнья. Обращая вниманіе дѣтей на трудности, съ которыми было сопряжено пріобрѣтеніе столь большихъ владѣній, которыя равняются княжескому удѣлу, онъ умоляетъ ихъ не растривать и не расчленять его хозяйства. Ему пришлось пережить нѣсколько опасностей: разъ—чуть не утонулъ въ Алазани, падалъ съ лошади и пр., но Богъ спасалъ. Внимательно указавъ, гдѣ и за сколько онъ купилъ землю или крестьянъ, за что были ему пожалованы царицей Дарьей крѣпостные, онъ съ грустью замѣчаетъ, что дѣти, день рожденія которыхъ онъ съ благодарностью Богу отмѣчалъ, не сумѣютъ оправдать его надеждъ и наставленій. Изъ шести сыновей, одного только Іоанна считаетъ разумнымъ, и къ нему онъ обращается съ рѣчью въ концѣ завѣщанія.

Старшій сынъ еще при жизни отдѣлился отъ отца, второй Осс¹⁾ долгое время скрывался въ Ахалцихской области и своимъ исчезновеніемъ отравилъ праздники Рождества Христова. Остальные тоже рисуются какими то безпутными, готовыми по-пусту растратить потомъ и кровью, всевозможными лишеніями нажитое благосостояніе. Дочери были послушнѣе и скромнѣе, но ихъ нужно выдать замужъ съ соответственной долей изъ наслѣдства. Попеченіе объ нихъ онъ возлагаетъ на сыновей, а самъ желаетъ отречься отъ міра и искать спасенія въ монастырской кельѣ. Однако, онъ не увѣренъ, удастся ли ему осуществить это задушевное желанье и сопровождаетъ его грустнымъ размышленіемъ, что дѣти мало позаботятся объ его душѣ. Онъ точно опредѣляетъ, сколько и кому изъ духовенства заплатить за упокой его души, распредѣляетъ свои платья, мантию завѣщаетъ архіерею, но видя неблагодарность дѣтей, онъ остается въ недоумѣніи о своей судьбѣ. Изъ его же завѣщанія видно, что дѣти недовольны: онъ былъ скупъ, стяжатель, пріобрѣтатель; недостаточно изящно ихъ одѣвалъ и быть можетъ скудно питалъ²⁾. Правда онъ называетъ нѣкоторые неурожайные годы, когда имѣніе давало ему немного, а литра хлѣба стоило 20 коп., но судя по его же показанію доходы въ натурѣ и денежные были весьма обильны. Онъ былъ судья и компетенція его распространялась на весьма широкую область. Судъ творилъ не безъ лицепріятія, что можно засвидѣтельствовать изъ жалобъ, подаваемыхъ на него. Не пріобрѣтши любви народа, онъ лишился привязанности дѣтей: они забыли грамоту, перестали писать, пѣть, чему онъ такъ старательно ихъ училъ. Они проводили время весело и часто вдали отъ дома отца: совершая безчинства, иногда и кражи въ городѣ и у отца. Крестьяне отъ него убѣгали, имѣнья у него оспаривали. Онъ женилъ сына своего Ивана и устроилъ пышную свадьбу, на которую пригласилъ членовъ царской семьи, а женихъ на другой же день совершилъ кражу со взломомъ въ одной лавкѣ. Едва ли при этихъ наклонностяхъ сыновья исполнять волю отца. Онъ завѣщаетъ: не дѣлиться, жить и дѣйствовать всѣмъ братьямъ вмѣстѣ, во главѣ стоятъ старшему брату, но если онъ окажется неспособнымъ, то наиболѣе разумному принять руководительство. На могилѣ онъ проситъ поставить памятникъ съ надписью, какъ онъ изъ бѣдныхъ сталъ состоятельнымъ. Пожелавъ имъ

¹⁾ Онъ только его одѣвалъ въ „шелковыя ткани“.

²⁾ Они подвергались тѣмъ порокамъ, отъ которыхъ онъ предостерегалъ,—онъ умолялъ не пьянствовать, въ кости не играть, не воровать. Кроме того онъ наставлялъ не предаваться блуду, царю не измѣнять, поручителемъ не являться.

счастья, онъ прощается съ ними, напомнивъ еще разъ беречь его хозяйство и заботиться объ его душѣ.

Впечатлѣніе, этотъ единственный памятникъ оставляетъ двойственное: онъ умный человекъ, способный бороться и выбиться на дорогу, но съ другой стороны, крайне корыстолюбивый, всѣ интересы сосредоточившій на приобрѣтеніи. Памятникъ знакомитъ съ домашнимъ строемъ жизни въ эпогу воздѣйствія Персіи и Россіи. Языкъ вулгарный, многословный ¹⁾. Памятникъ этотъ своего рода «Завѣщаніе» Посошкова и «Духовная» Татищева.

Извѣстны еще мемуары цар. Григорія (Цагарели, Свѣдѣнія I, 10) и грузинскаго архіерея о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины ²⁾.

Воспоминанія о царѣ Вахтангѣ VI оставилъ кн. Гавріилъ Геловани, переводчикъ съ русскаго языка латинскаго географическаго словаря городовъ. Онъ сопровождалъ Вахтанга VI въ Россію, описалъ его путешествіе и пріемъ, оказанный грузинскому ех—царю русскимъ ирavitельствомъ. Свое описаніе начинаетъ съ указанія стѣсеннаго положенія Персіи въ началѣ XVIII в., излагаетъ побѣдоносный походъ сѣвернаго царя Петра Алексѣевича, взятія имъ «Дарубанда и всѣхъ земель до Гилана и Мазандарана». Далѣе описываетъ пріѣздъ посла гр. Толстого къ царю Вахтангу и отбытіе послѣдняго съ большой свитой изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ черезъ Имеретію и Черкессію въ Россію. Торжественныя встрѣчи съ пушечными выстрѣлами сопровождали царя по пути. Горькое разочарованіе царя по случаю смерти Петра В. и трогательное вниманіе, съ которымъ онъ принятъ былъ императрицей Екатериной I—дополняютъ содержаніе записки, факты которой согласуются съ другими нашими свѣдѣніями о злополучномъ Вахтангѣ ³⁾. Авторъ записки имеретинъ, что отражается на языкѣ разсказа. Онъ сопровождалъ царя изъ Имеретіи, куда онъ былъ отправленъ на воспитаніе Тамарой, супругой Одишскаго владѣтеля Левана Дадіани. Въ

¹⁾ Памятникъ знакомитъ съ экономическимъ состояніемъ Грузіи, порядкомъ кушли—продажи, совершаемымъ путемъ записей—сигелей, закрѣпощеніемъ крестьянъ посредствомъ самопродажи, бѣгствомъ крѣпостныхъ и разыскиваніемъ ихъ. Дворцовыя интриги и отраженіе ихъ на подданныхъ, судопроизводство и администрація нашии также свое здѣсь выраженіе.

²⁾ См. «Чтенія въ Общ. И. и Др. Р.» кн. IV 1900 г. мой переводъ съ примѣчаніями названной записки.

³⁾ См. выше у меня.

Имеретию онъ былъ посланъ къ царевнѣ Нинѣ, дочери царя Баграта ¹⁾ (1696—1731 г.), проживающей въ Гелатскомъ монастырѣ. Ея племянникъ, царь Александръ (1721—1752), не желая выпускать изъ предѣловъ царства царевны Нины, тайкомъ направившейся къ Вахтангу VI, чтобы ѣхать съ нимъ въ Россію, велѣлъ кн. Микадзе задержать ее, но царевнѣ удалось съ помощью хитростью достигнуть своей цѣли. Свѣдѣнія изъ записки Гавриила Геловани являются любопытными дополненіями къ исторіи западной Грузіи. Эти воспоминанія приложены къ переводу Геловани географіи на грузинскій языкъ.

Автобіографія царевича Георгія Александровича.

Автобіографія царевича Георгія Александровича ²⁾, внука имеретинскаго царя Соломона I, проливаетъ свѣтъ на исторію конца XVIII в. Она написана въ началѣ XIX ст. (1807 г. 18 авг.) и именуется «Приключенія съ внукомъ Соломона—Георгіемъ Александровичемъ».

Въ началѣ онъ проситъ снисхожденія у читателей, а потомъ повѣствуетъ исторію своей жизни. Онъ родился въ 1778 г., насколько можно судить изъ сопоставленія упомянутыхъ имъ синхронистическихъ фактовъ. Ему было шесть лѣтъ, когда умеръ дѣдъ его, Соломонъ I (1784) и полтора года, когда лишился отца Александра (1780 г.). Остался онъ послѣ нихъ «сиротою безъ призора, безъ дѣда, безъ отца, безъ брата». Признанный еще Соломономъ I наслѣдникомъ трона, онъ былъ устраненъ отъ управленія, которое захватилъ Давидъ Георгіевичъ, родственникъ царя. Противникъ послѣдняго, сынъ Арчила, Соломонъ наслѣдовалъ ему, подъ именемъ Соломона II. Этотъ принялъ участіе въ сиротѣ и окружилъ его «дружеской любовью». «Святители вражды» возбудили царя противъ Георгія. Лишенъ былъ я, — говоритъ онъ, — милости царя, удаленъ съ царскихъ палатъ, въ горести въ разлукѣ съ любезной женой и дѣтьми, я переживалъ тяжелыя воспоминанія будучи 17 лѣтъ. Былъ онъ заключенъ въ темную Мухурскую крѣпость, на границѣ Имеретіи и Рачи, въ которой онъ пробылъ два года, предаваясь полному отчаянію, не разъ помышляя о самоубійствѣ, отъ котораго его удерживалъ страхъ не погубить душу, спасая тѣло. Въ такомъ печальномъ состояніи онъ задумалъ избавиться изъ плѣна и бѣжать изъ крѣпости. Онъ найденнымъ ножикомъ сдѣлалъ изъ своихъ оковъ ключъ, которымъ отперъ двери тюрьмы и въ минуту, когда стража была объята сномъ, онъ вышелъ изъ крѣпости въ темную ночь.

¹⁾ Багратъ нѣсколько разъ вступалъ на престолъ и лишался его.

²⁾ Журн. „Моамбе“ 1900, № 5.

Направился онъ по скалистой пустынной дорогѣ и пришелъ на третій день во дворецъ царя, въ искренней надеждѣ, какъ человѣкъ невинный, удостоится его милостиваго вниманія. Но «неусыпный дьяволъ» внушилъ его врагамъ возстановить вновь царя, который подвергъ его болѣе тяжелому заключенію въ томъ же Мухури. Здѣсь испытывая душевныя и физическія муки онъ тщетно обратился за помощью къ д. с. сов. Петру Максимовичу Литвинову, русскому комиссару состоящему при имеретинскомъ царѣ ¹⁾). Тогда вздумалъ спуститься изъ окна крѣпости ²⁾, и воспользовавшись содѣйствіемъ духовника своего онъ достигъ цѣли, онъ сошелъ по веревкѣ. Добрый человѣкъ далъ ему лошадь и ему удалось скрыться отъ погони, «съ помощью Божьей» и прибылъ въ Кутаисъ къ русскому генералу «Рикхову» въ 1807 г. 23 октября. Онъ былъ здѣсь принятъ благосклонно и согласно его желанію былъ отправленъ въ Москву для представленія государю. Въ Москвѣ въ 1807 г. августа 9 дня онъ написалъ свою автобіографію и заканчиваетъ стихотвореніемъ, въ которомъ выражаетъ грусть по семьѣ, оставшейся въ Грузіи. Жена его Дарія, дочь Рачинскаго Эристава Ростома, досталась Николаю Дадіани. Памятникъ характерно рисуетъ политическіе порядки и общественные нравы, господствующіе въ Имеретинскомъ царствѣ.

Значеніе монастырей. Духовная литература.

Основателями грузинскаго монашества собственно въ Грузіи,— въ Св. землѣ грузинскіе монастыри появляются еще съ IV-го столѣтія ³⁾),—были святыя Каппадокійскіе отцы. Глава ихъ, преп. Іоаннъ Зезданели, съ 12-ю своими учениками, получивъ благословеніе отъ Симеона Столпника, прибылъ въ Иверію.

Монастыри, основанные Каппадокійскими отцами, не только были представителями монашества въ древней Грузіи, положившими свой отпечатокъ на внѣшній и внутренній бытъ древнихъ грузинскихъ мо-

¹⁾ Въ 1807 г. онъ былъ тифлискимъ губернаторомъ, какъ сообщаетъ автобіографъ.

²⁾ Высота цхра мхари (= 7 саж.).

³⁾ Преданіе свидѣтельствуетъ, что царь Миріанъ (265—342), по совѣту св. Нины, посѣтилъ Іерусалимъ и на Логовомъ знаменіи построилъ Брестный монастырь 148—150. Памят. Груз. въ Св. землѣ и на Синаѣ. Т. IV стр. 33—37; 103—105.

настырей, но и выразителями нужд древне-грузинской церкви, въ свою очередь оказавшими сильное благотворное влияние на дѣла этой церкви. Еще при жизни преп. отшельниковъ Каппадокійскихъ, новыя обители, основанныя ихъ непосредственными учениками, охвативъ всю восточную Грузію, стали стягивать ее къ одному религіозному центру—Мцхету.

Каппадокійскіе отцы, укрѣпляя христіанство въ Грузіи, явились гонителями языческихъ вѣрованій. Эпоха ихъ миссіи представляетъ переходъ къ самымъ опаснымъ временамъ для благосостоянія церковнаго и гражданскаго.

Къ прежнимъ бѣдствіямъ въ VII в. прибавляются еще новыя. Ближайшіе преемники Магомета въ фанатическомъ порывѣ несмѣтными своими полчищами обрушились на православную Грузію.

Въ ожесточенной борьбѣ съ магометанствомъ, продолжавшейся двѣнадцать вѣковъ, православныя обители принимали весьма живое участіе,—онѣ были оплотами, защищавшими гонимую вѣру, и здѣсь православный грузинскій народъ учился крѣпко стоять за вѣру и народность,—драгоценное наслѣдіе отцовъ.

Въ борьбѣ противъ фанатизма персовъ и турокъ любовь къ отечеству и къ православной религіи вызывали древнихъ грузинъ на всякія жертвы и самоотверженіе. Цари, князья и азнаури (дворяне), истинные рыцари этого желѣзнаго вѣка, всегда съ саблею въ рукѣ, одушевляемые стремленіемъ къ національной самозащитѣ, въ своемъ желаніи угодить Богу, дѣлали въ монастыри богатые вклады, жертвовали цѣлыя селенія и обширныя угодья¹⁾.

Такимъ образомъ монастыри въ Грузіи, пріобрѣтши недвижимую собственность, сдѣлались пріютами несчастныхъ и гонимыхъ. Такъ появились въ Грузіи такъ называемые монастырскіе или церковныя крестьяне и дворяне, изъ которыхъ набиралось католикосское войско, на ряду съ царскими войсками защищавшее Грузію отъ враговъ.

Крестьяне, жившіе на монастырской землѣ, пользовались большими льготами сравнительно съ крестьянами дворянскими и царскими.

Монастыри грузинскіе представляли изъ себя своеобразныя миссіонерскія станціи,—это крѣпости, около которыхъ группировались

¹⁾ Кавказъ 1868 г. № 7: Опис. гудж. Давидо-Гаредж. мон. № 57; Ист. груз. цер. Пл. Иоселіани изд. 2, стр. 119—120; Изв. Кавк. общ. ист. и археол. т. I, вып. I, стр. 73—74; Зап. Кавказ. геогр. общ. кн. IV, 1857 г. стр. 33; I, 137, 212—213, 221, 230, 256, 318, 225; II, 111, 524; Церк. гудж. Пурцеладзе стр. 1—6, 8—9, 35—38; 78—79, 102—107, 110, 115—120 и др.

главныя силы въ борьбѣ съ инославной пропагандой и антинаціональными стремленіями; опѣ укрѣпляли въ народѣ національное самосознаніе, распатанное иноплеменнымъ владычествомъ. Но самую великую заслугу оказало грузинское монашество отечественной церкви и обществу распространеніемъ среди своихъ собратьевъ и Кавказскихъ горцевъ истинно-христіанскаго просвѣщенія въ духѣ православія и народности. За неизмѣнимъ собственнаго письма, грузинскій алфавитъ приобрѣлъ у нихъ право гражданственности и языкъ. Картвельскій языкъ сдѣлался для горцевъ Кавказа органомъ и источникомъ, откуда черпали они свое духовное просвѣщеніе.

Грузинскіе отшельники своими трудами, сочиненіями и личными назидательными бесѣдами имѣли широкое вліяніе въ нравственно-религіозной жизни грузинскаго общества. Изъ монастырей выходили: ученые, поэты и богословы, какъ напр.—католикосъ Киріонъ, св. Мурванозъ, архипастыри восточные—Виссаріонъ, Николай и Антоній В., западные—Малахія и Николай, Іаковъ Шемокмедели, Саба-Сулханъ Орбеліани, Гаіозъ, архіепископъ Астраханскій и др., прекрасно выяснявшіе самыя высокія истины христіанскаго ученія, то замѣчательныя философы—Іоаннъ Петрици Чирчимели—божественный философъ, поэты Шота Руставели—творецъ Барсовой кожи, Абдулъ Мессія, а въ монашествѣ Іоаннъ Шавтели ¹⁾, Антоній, Досіеѣй Некресели; проповѣдники — Іоаннъ Хахульскій — грузинскій Златоустъ, Іоаннъ Болнели, Амвросій Некресели, Антоній I и др.

Вслѣдствіе усиленія мусульманъ въ XVI—XVII вв. и порабощенія ими Грузіи, особенно увеличилось религіозное паломничество на востокъ; всѣ лучшія силы на поприщѣ богословской науки сосредоточились въ многочисленныхъ грузинскихъ монастыряхъ Аѳона, Палестины и Синая ²⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, завязалось новое средоточіе духовной жизни,—скуда же переносится центръ монашества. Въ этихъ убѣжищахъ наукъ монахи неутомимо трудились надъ переводомъ и перепискою твореній классическихъ и христіанскихъ писателей, составляли пѣснопѣнія и жизнеописанія отечественныхъ святыхъ, собирали и сберегали рукописныя сокровища своихъ предшественниковъ и снабжали священно-богослужебными книгами обѣднѣвшія грузинскія церкви.

¹⁾ См. объ немъ мой II в. „Очерковъ“ стр. 232—243.

²⁾ Профес. А. Цагарели. Пам. Груз. стар. въ Св. землѣ и на Синаѣ. Т. IV плав. сбор. стр. 89—130; 275—298.

Съ появленіемъ же книгопечатанія, грузинскіе монахи неутомимо занимаются въ типографіяхъ и у насъ и въ грузинскихъ колоніяхъ Россіи ¹⁾ надъ исправленіемъ и печатаніемъ священно-богослужебныхъ книгъ. Изъ этихъ труженниковъ особенно замѣчательны: епископъ Николай, архіепископы Аѳанасій и Доментій Ш Тпелели, Іосифъ Самбелі, епископъ Григорій Хардчашнели, митрополитъ Варлаамъ, іеромонахъ Германъ, Захарій, придворный духовникъ и многіе др. ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ грузинскихъ монастыряхъ (въ Іерусалимскомъ св. Или и Іакова) па христіанскомъ востокѣ чеканились даже деньги.

Пока процвѣтали монастыри въ Грузіи, грузинская церковь имѣла въ нихъ оплотъ противъ враговъ вѣшнихъ и внутреннихъ. Но время и разрушительная рука людей положили печать свою на эти религіозно-просвѣтительные центры. Безпрестанныя нападенія и разоренія Грузіи персами, монголами, арабами, хозарами, турками-османами и кавказскими горцами сокрушили и разрушили грузинскіе монастыри ³⁾. Особенно же чувствительный ударъ былъ нанесенъ грузинскому монашеству и монастырямъ завоеваніемъ Самцхе-Саотабаго турками и нашествіемъ неистоваго шахъ-Аббаса I-го, который разорилъ многіе изъ нихъ до основанія, въ томъ числѣ обратилъ въ груду развалинъ и знаменитую Давидо-Гареджійскую лавру — грузинскую Оиванду, въ которой въ ночь св. Пасхи приказалъ предать истребленію до 6.000 мирныхъ иноковъ.

Въ XVII—XVIII вв., когда наступилъ періодъ возрожденія Грузіи, вслѣдъ за введеніемъ реформъ для обновленія государства и правильного развитія литературно-художественной жизни народа, при дѣятельномъ участіи Антонія католикаса I и Гаіоза архіепископа Астраханскаго, научно-литературная дѣятельность почти исключительно сосредоточилась въ самой Грузіи и постепенно стала замѣтно ослабляться картвельскій элементъ въ грузинскихъ монастыряхъ Святой земли.

«Въ русскомъ царствѣ, говоритъ авторъ, есть древне-христіанская область, прославленная мученическимъ героизмомъ въ лѣтописяхъ православной церкви и наполненная памятниками своего пламеннаго усердія Іерусалимъ и его окрестности,—Грузія. Ея благочестивые

¹⁾ Бутковъ. Матер. для нов. ист. Кавк. ч. I, стр. 506, пр. 4.

²⁾ О печатаніи грузинскихъ богослужебныхъ книгъ въ Грузіи и внѣ оной. См. А. Цагарели. Свѣд. о памят. Груз. письм. вып. I, стр. XL—2 и ниже у меня.

³⁾ Д. Пурцеладзе. Груз. церк. гудж., стр. 18—19, 59—30, 46, 51—52, 69 и 113. Ср. *Епископъ Кирионъ. Заслуги груз. монашества.* Тифлисъ. 1899.

иноки и доселѣ подвизаются въ славной лаврѣ пр. Саввы, на Аѳонѣ, недавно еще были и на Синаѣ. Иверскіе цари устроили монастыри вокругъ Іерусалима... Лучшій и благоустроеннѣйшій изъ іерусалимскихъ монастырей св. Креста, очищенный отъ всѣхъ долговъ царемъ Иракліемъ II въ концѣ XVIII в., находится только въ завѣдываніи патриархіи по случайному отсутствію иверскихъ монаховъ, доступъ которымъ былъ прекращенъ только въ концѣ прошлаго вѣка, вслѣдствіе послѣдней отчаянной борьбы Грузіи съ Турціей и Персіей. Права же Грузіи на ихъ обители въ св. землѣ не оспариваются, какъ не возбуждается спора о пользованіи грузинскими землями, числящимися за іерусалимскою патриархіей. Между тѣмъ все Закавказье, по видимому, не подозреваетъ о существованіи Палестинскаго Общества и даже неслышно о поклонникахъ изъ грузинскихъ монаховъ, духовенства и мірянъ. Это тѣмъ непонятнѣе, что грузины сохранили почти въ нетронutomъ видѣ всѣ привлекательныя черты своей исторической личности: глубокое религиозное чувство, стойкую вѣрность церкви, доблестную преданность добровольно избранному Государю, братское довѣріе къ единовѣрной Россіи, которой они вручили свою судьбу, не поступааясь своею національностью и справедливо не опасаясь за ея неприкосновенность».

Съ XIII по XVIII в. грузинская духовная литература обогащается какъ переводными, такъ и оригинальными трудами. Авторы и переводчики подвизаются на этомъ поприщѣ, какъ въ самой Грузіи, такъ и въ грузинскихъ монастыряхъ за ея предѣлами.

Наиболѣе видное мѣсто среди оригинальныхъ сочиненій духовно-назидательнаго содержания занимаютъ пѣснопѣнія въ честь святыхъ и полемическія и обличительныя противъ иновѣрцевъ. Въ самомъ началѣ XIII в. выступаетъ плодовитый писатель католикосъ Арсеній Булмайсимдзе (онъ же Исимисдзе), современникъ нашествія татаръ, жившій при царѣ Георгіи (вѣроятно, сынъ царицы Тамары). По одной записи къ рукописи, по особому вычисленію конецъ его дѣятельности относится къ 1273 г., или же его пѣснопѣнія вписаны въ сборникъ съ названной датой. Антоній I католикосъ ¹⁾ считаетъ его богословомъ философомъ, пѣитомъ. Онъ переложилъ въ ямбическіе стихи «Прологъ» и внесъ въ пѣснопѣніе св. Евстаѳію ²⁾ Мцхетели ямбическіе стихи

¹⁾ „Джобилсигтеваоба“ § 657.

²⁾ См. его прологи и ямбическіе стихи р. № 85 церк. музея.

въ честь Пресв. Богородицы. Николай, (въ нач. XIV в.) именуемый свѣтиломъ церкви, оставилъ стихиры по случаю безведрія.

Въ XVI в. въ Зап. Грузіи дѣйствуетъ катол. Евдемонъ († 1578), который для поднятія христіанства созываетъ духовный соборъ. Его преемникъ Евѣимій Сакварелидзе (1578—1605) приумножаетъ число богослужебныхъ и богословскихъ сочиненій. Обличителемъ выступаетъ архипастырь Симеонъ, предавшій проклятію царя Георгія, убившаго отца своего Александра.

Къ этому же времени относится жизнь изъ царскаго дома царевича Баграта, (Мухранскаго?) написавшаго «Повѣсть о религіи безбожныхъ измаильтянъ»¹. Опроверженіе мусульманства въ XVII в. предпринялъ и Іаковъ Шемокмедели, по фамиліи Думбадзе.

Митрополитъ Яковъ Шемокмедели-Думбадзе²) вступилъ на кафедру въ 1647 г. при католикосѣ абхазскомъ Максимѣ. Онъ былъ въ Іерусалимѣ около третьей четверти XVII в. Написалъ онъ, по предложенію царя Георгія XI Карталинскаго или Шахъ-Наваза (1674—1709), въ стихахъ «Пренія магометанина съ христіаниномъ». Бесѣда представляетъ отвѣты православія противъ возможныхъ со стороны магометанъ вопросовъ: о Христіанскомъ Богѣ, о причинѣ Распятія Спасителя, о причастіи, о разрѣшеніи христіанамъ свинины и пр. Сочиненіе написано въ эпоху усиленія ислама въ Грузіи и въ интересахъ отстоять церковь противъ послѣдователей «безбожнаго Магомета». Изъ числа дѣятелей имъ упомянутыхъ, важно отмѣтить для установленія даты его кончины имена стихотворца «Мудреца Мровели-Николая Орбелиани († 1728 г.) и Маміи Гудіемъ» († 1714). Этому же Якову Митрополиту приписываютъ сборникъ

¹) Если въ этомъ авторѣ по г. Марру можно видѣть Баграта Мухранскаго, то окажется, что Баграта жилъ болѣе 150 лѣтъ! На 3 стр. своей брошюрки, посвященной разрѣшенію двухъ спорныхъ вопросовъ о книгѣ Баграта и повѣсти „Амиралъ Дареджаніани“, г. Марръ предполагаетъ, что авторъ *пренія о религіи безбожныхъ измаильтянъ* вѣроятно жилъ въ XVI в. и быть можетъ его надо признать въ Баграта Мухранскаго, постригшеся въ монахи въ 1539 г. И послѣ этого необоснованнаго соображенія г. Марръ смѣло продолжаетъ: Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ неоспоримое доказательство того, что царевичъ жилъ до конца XVII в., когда подвизался въ литературѣ другой духовный писатель Іаковъ Шемокмедскій, другими словами Баграта, постригшійся въ монахи,—предположите юный возрастъ,—въ 1539 г. прожилъ семьдесятъ по крайней мѣрѣ лѣтъ въ XVI в. и весь XVII вѣкъ! Вотъ къ чему приводитъ страсть къ гипотезамъ.

²) „Объ немъ см. *Бакрадзе* Археол. Путеш. по Грузіи и Адчарѣ стр. 156—158. *Жорданія*. Хроника... I, 303—8.

«Пчела», въ составъ котораго вошла между прочимъ «Исторія раздѣленія» армянской и грузинской церкви католикоса XI в. Арсенія. Умеръ Яковъ въ началѣ XVIII в. до 1713 г., такъ какъ въ этомъ году упоминается уже Шемокмедели Николай.

Еще къ XIII в. относится рукопись, заключающая обличеніе армянъ, магометанъ, евреевъ, подъ заглавіемъ «Тцинамдзгвари» (*Предводитель*)¹⁾. Католикосу Виссаріону (съ 1724 г. занималъ кафедру), принадлежить «Грдемли» (*Наковальня*), перепис. въ 1773 г. и направленная противъ латинянъ, а кутаисскому митрополиту Іосифу (1769—1776) приписывается Мардухи («Клещи») противъ еретиковъ. Первое изъ нихъ направлено также противъ суевѣрій (обличеніе ученія о лунѣ и зодіакахъ).

Заклинатель по чину древней церкви Исаакъ, извѣстенъ какъ списатель многихъ богослужебныхъ книгъ.

Іеромонахъ Григорій Вахвахидзе въ началѣ XVII в. описалъ мученическую кончину царицы Кетевани. Иѣснопѣнія ей посвятилъ іеромонахъ Косма († 1735). Католикосъ Виссаріонъ († 1735) написалъ житія отцовъ,—помимо упомянутаго соч. «Грдемли», составленнаго при содѣйствіи капуцина Франциска,—Синаксарь повѣсть о хитонѣ Господнемъ съ акаѳистомъ. Николай Руставели (Черкешивили † 1720) посвятилъ пѣснопѣніе св. Додо. Инокъ Петръ Чхартшвили въ началѣ XVIII в. написалъ названное выше соч. о распространеніи христіанства въ Кобулетіи²⁾ и жизнь въ стихахъ царя Александра грузинскаго Николай Тбилели (еп. Орбеліани), родственникъ С. С. Орбеліани и царя Вахтанга плодовитый писатель. Будучи въ 1705—1716 г. въ санѣ іеромонаха, въ 1716 г. онъ возведенъ на епископскую кафедру въ Руиси (Мровели), по прошествіи нѣкотораго времени онъ назначенъ митрополитомъ тифлискимъ. Какъ человѣкъ образованный, онъ принималъ участіе³⁾ въ исправленіи печатавшихся

¹⁾ Это опроверженіе озаглавлено: „Посланіе въ армянскія земли іерусалимскаго патріарха Ѳомы, написанное на арбскомъ языкѣ Ѳеодоромъ, называемомъ Абикуррой и мною священникомъ и синкеломъ и „синкеломъ“ іерусалимскаго храма, переведенное на греческій языкъ. Кат. Тифл. церк. древлехраняща. Тифлисъ, 1898, I, № 65. Ср. „Тцинамдзгвари“ Іоанна Дамаскина или отвѣтъ о правой вѣрѣ еретикамъ, отвергающимъ два естества во Христѣ, ib. № 200.

²⁾ См. объ этихъ писателяхъ „Цқобилситкѡаба“ катол. Антонія I.

³⁾ См. запись его при печатномъ Дѣяніи апостоловъ (Тифлисъ, 1709 г.). Онъ заявляетъ, что по предложенію царя Вахтанга свѣрялъ Дѣянія съ греческимъ текстомъ и снабдилъ ихъ индексомъ.

при немъ священныхъ книгъ (Евангеліе и Апостоль и др.). Ему принадлежатъ сочиненія: Семь смертныхъ грѣховъ, Пасхалія 1743 г., Толкованіе исповѣди, Ямбическіе стихи въ честь грузинскихъ святыхъ: Нины, Або, Исе Цилкнели, Евстаѳія Мцхетели, Арчила и Луарсаба, Рожденія Евоимія и Георгія Мтацминдели, Кетевани и др. Онъ же составилъ учебникъ «Начатки христіанскаго наставленія»¹⁾. Достоинство его заключается въ простотѣ изложенія основъ вѣроученія.—Въ честь св. Исе Цилкнели написалъ ямбическіе стихи Іесе Эростовъ Ксанскій († 1739). Въ концѣ 18 в. выступилъ катол. Антоній II, авторъ «Завѣщанія».

Въ XVIII в. митрополитъ Романозъ написалъ «Цымбанъ» пѣснопѣвній («Тцинтцили гагадебисани»). Романозъ происходилъ изъ князей Арагвскихъ Эриставовъ. Написалъ онъ свой трудъ въ 1745 г. въ сентябрѣ въ Москвѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ, пользуясь священнымъ писаніемъ, для огражденія отъ распространившихся лжеученій и утвержденія въ вѣрѣ «сладкимъ гласомъ»²⁾ Александра, сына Арчила († 1762 г.). До насъ дошли еще: въ переводѣ слово Симеона Полоцкаго, «Вѣнецъ»;—духовно-нравственное сочиненіе, краткое изложеніе дѣяній древнихъ философовъ, переведенное арх. Гаіозомъ, сборники пѣснопѣвній и восхваленій въ честь различныхъ святыхъ.

Полиглотъ и пилигримъ архим. Николай Чолокашвили (ум. ок. 1630 г.) принималъ участіе въ приумноженіи сочиненій.

Крупнымъ представителемъ среди духовныхъ дѣятелей является ученый католик. Доментій III³⁾, сынъ Левана, братъ царя Вахтанга. Въ 1705 г. онъ былъ возведенъ въ высшій духовный санъ, по смерти Христофора Урдубегашвили, а черезъ два года ѣздилъ къ шаху въ Испагань и въ 1708 г. мы видимъ его снова въ Грузіи. Потомъ по вызову султана отправляется въ Константинополь въ 1724 г. и возвращается оттуда черезъ годъ, въ 1739 г. онъ уже въ Имеретіи и умираетъ въ 1742 г. Жизнь его проходитъ въ скитаніяхъ, частью въ изгнаніи. По его порученію переписанъ сборникъ, заключающій исповѣданіе вѣры Іоанна Дамаскина (хран. въ Тифл. церк. музеѣ), философія Порфирія и посланіе св. Козьмы. Для философской терминологіи этотъ сборникъ имѣетъ огромное значеніе. Здѣсь мы находимъ удачный переводъ отвлеченныхъ понятій. Вотъ образецъ его философіи: существа

¹⁾ Эта книга издана (Т. 1885) священниками Гр. Мгебріевымъ, П. Карбеловымъ и А. Молодиновымъ. Издатели указываютъ варианты этого труда.

²⁾ Рук. церк. музея № 150.

³⁾ Доментій I былъ католикосомъ при Симонѣ I (1558—1600); Доментій II при Вахтангѣ V шахъ-Навазѣ (1658—1676).

раздѣляется на тѣлесныя и безтѣлесныя. Тѣлесныя — на духовныя и бездушныя. Духовныя: на чувственныя—животныя и безчувственныя—растенія. Чувственныя на словесныя и безсловесныя; словесныя на смертныя и бессмертныя ¹⁾. По его приказанію переписано также четвероевангеліе въ 1705 г. Габріиломъ Амбросишвили. (Р. цер. м. № 45). Николай (1705 г.) писатель гимновъ, Іоаннъ Осешвили, спасшій икону Сіонской Божіей Матери въ 1795 г. при нашествіи персовъ, перевелъ съ армянскаго языка «О подобіяхъ и символахъ, указываемыхъ въ ветхомъ завѣтѣ».

Проповѣдники—Антоній Чкондидели и Амвросіи Некресели.

Антоній, чкондидскій митрополитъ, извѣстный проповѣдникъ, былъ сынъ Отіа Дадіани, правившаго Мингреліей 1728—1744 г. По смерти отца, Антоній, мірскаго имени котораго мы не знаемъ, воспитывался въ домѣ дяди своего Кація Дадіани, преемника Отіа (1744—1788). Духовнымъ образованіемъ онъ главнымъ образомъ обязанъ реліgioзной матери своей Гулканѣ, дочери Рачинскаго Эристава Шошита. Онъ изучалъ не только священное писаніе, но и свѣтскихъ авторовъ, между ними, классическихъ поэтовъ. Образованіе окончилъ въ открытой царемъ Иракліемъ ²⁾ тифлисской школѣ, преобразованной впоследствии Гаіозомъ въ семинарію. Здѣсь въ особенности увлекся чтеніемъ философскихъ и богословскихъ сочиненій подъ вліяніемъ Захарія Габашвили, вкусъ къ которымъ развили въ немъ предъ тѣмъ католическіе миссіонеры. Вернувшись въ Мингрелію, онъ былъ назначенъ епископомъ Цагерскимъ и вскорѣ пріобрѣлъ огромную популярность своими краснорѣчивыми проповѣдями. Онъ обратилъ на себя вниманіе самого католикаса Антонія I поученіемъ 1765 г. въ Тифлисѣ, на свадьбѣ сестры Ираклія II и Кація Дадіани.

Въ 1777 г. по смерти Григорія Чкондидели, въ этотъ санъ возведенъ былъ Антоній, въ интересахъ закрѣпленія вліянія дадіановъ изъ фамиліи Чикоани. Въ виду того, что Чкондидели являлись не только духовными, но и свѣтскими владыками, то естественно, Чикоани достигшія дадіанства, стремились предоставлять чкондидскую кафедру лицамъ изъ своей семьи. Между ними бывали и недостойные представители въ родѣ Николая, который своей страстью къ охотѣ и суетнымъ препровожденіямъ времени побудилъ Антонія произнести монашескій обѣтъ.

¹⁾ Р. церк. музея № 57.

²⁾ Жена Ираклія Дареджана, была родная тета Антонія.

Ставъ инокомъ, Антоній сдѣлался образцомъ строгой жизни и христіанской добродѣтели. Онъ весь посвятилъ себя служенію народу. Отказавшись отъ роскоши и суеты, онъ сдѣлался отцомъ сиротъ и несчастныхъ. Въ его домѣ готовились обѣды для бѣдняковъ. Онъ выступалъ съ обличеніями противъ плѣнопродавцевъ, предавая ихъ отлученію отъ церкви и проклятію на основаніи постановленій созваннаго имъ собора 1792 и 1794 гг. Многие покаались и исправились склоненные силой его рѣчи и чистотой его помысловъ. Въ 1789 г. онъ отрекся отъ Чкондидской кathedры и провелъ жизнь до смерти (1815 г.) въ Нахаробскомъ монастырѣ.

Проповѣди ¹⁾ его отличаются простотою и задушевностью. Рѣчи его затрогиваютъ живые вопросы, а не отвлеченныя темы.

Страницы исторіи грузинской проповѣди съ одинаковымъ правомъ украшаютъ: архіепископъ моздокскій Гай Нацвлишвили, митрополить, а впоследствии первый экзархъ Грузіи, Варлаамъ изъ князей Эристовыхъ, протоіерей Сіонскаго собора Іоаннъ Осемвили, епископъ Некресскій—Амвросій Микадзе и прочіе и прочіе. Остановимъ вниманіе на проповѣдяхъ послѣдняго, т. е. Амвросія Некресскаго.

Преосвященный Амвросій одинаково великъ въ грузинской церковной исторіи, какъ неутомимый миссіонеръ и какъ церковный проповѣдникъ. Онъ неуставно путешествовалъ по Кахетин, разоряемой тогда лезгинами, и проповѣдывалъ отчаявшемуся народу воодушевиться во имя блестящаго будущаго и высшей правды Божіей. Онъ писалъ проповѣдь обыкновенно въ нѣсколькихъ экземплярахъ на одну и ту же тему и, разсылая ихъ по приходамъ, предлагалъ священникамъ постоянно читать ихъ народу. Въ концѣ одной проповѣди самъ Амвросій говорить, что написалъ 16 проповѣдей и разослалъ ихъ по приходамъ. «Пусть онѣ лежатъ въ моихъ приходяхъ, говоритъ онъ, и когда священникамъ будетъ угодно, пусть читаютъ ихъ». (Сборн. пропов. Амвросія стр. 19 и 261). Часто бывало и такъ, что сами священники и народъ обращались къ нему съ такою цѣлью, почему разные списки проповѣдей Амвросія можно было видѣть вездѣ въ селахъ и даже городахъ. Благодаря неутомимой проповѣднической его дѣятельности, отъ него дошло до насъ порядочное число проповѣдей, хотя несомнѣнно и то, что не всѣ его проповѣди извѣстны намъ. Какъ и другіе грузинскіе старыя писатели, и Амвросій былъ забытъ учеными изслѣдованіями до послѣдняго времени. Проповѣди его увидѣли свѣтъ лишь

¹⁾ Изданы епископомъ имеретинскимъ Виссаріономъ, Кутаисъ 1898.

въ 1886 г., когда онѣ были изданы преосв. Александромъ, епископомъ Горійскимъ, нынѣ Гурийскимъ. Этотъ сборникъ проповѣдей Амвросія содержитъ въ себѣ 38 проповѣдей. Всѣ онѣ писаны въ формѣ слова. По содержанию своему онѣ раздѣляются на догматическія въ обширномъ смыслѣ слова и историческія. Къ первымъ можно отнести всѣ слова, сказанныя на Господскіе, Богородичные праздники, въ честь ангеловъ, святыхъ вселенской Церкви, дни поста и на разные библейскіе тексты или просто взятая проповѣдникомъ событія; а ко вторымъ относятся слова, сказанныя на злобу времени. Первыхъ 33, а послѣднихъ лишь 5 ¹⁾).

Въ проповѣдяхъ перваго рода Амвросій большою частью беретъ тексты изъ дневныхъ чтеній и раскрываетъ ихъ. Тексты эти весьма разнообразны. Весьма часто проповѣдь пишетъ онъ на извѣстныя мѣста изъ священныхъ пѣснопѣвій, взятыхъ имъ изъ чина повседневнаго или праздничнаго богослуженія (сборн. стр. 98). Иногда съ предвзятою цѣлью раскрыть какую-нибудь мысль Амвросій беретъ какое либо событіе изъ священной исторіи или изъ жизни церкви и разъясняетъ смыслъ и значеніе его, примѣнительно къ предмету своей рѣчи. Такъ поступаетъ онъ даже и въ проповѣдяхъ историческаго характера или писанныхъ на злобу времени. Напримѣръ, желая нарисовать картину тогдашняго состоянія Грузіи, по поводу разоренія ея Ага-Магометъ Ханомъ въ 1795 году, Амвросій беретъ фактъ изгнанія Адама изъ рая и съ положеніемъ праотца сравниваетъ положеніе Грузіи, объясняя при этомъ причины того и другого явленія (Сборн., 200). Иногда проповѣдникъ самъ сочиняетъ акrostихъ въ честь того или другаго событія, или лица и ставя его въ началѣ проповѣди, раскрываетъ его какъ текстъ (48). Такъ поступаетъ онъ, напримѣръ, въ словѣ на день св. пророка Іліи (сборн. 252). Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ Амвросій позволяетъ себѣ гораздо большія вольности. Онъ, напр., прерываетъ прозаическую рѣчь и продолжаетъ говорить стихами (стр. 155). Начиная проповѣдь, прежде онъ ставитъ на бумагѣ мѣсто и годъ произнесенія ея, потомъ упоминаетъ о себѣ, какъ о недостойномъ проповѣдникѣ и авторѣ слова; иногда сюда же прибавляетъ поводъ и цѣль написанія, подъ часъ съ приведеніемъ и главныхъ положеній, которыя онъ дальше думаетъ раскрыть (стр. 1 и 41). Не рѣдко здѣсь же пишетъ и краткую молитву къ Богу, гдѣ проситъ Бога помощи, а иногда ее переноситъ онъ къ концу слова, прибавляя и историческую приписку (стр. 10).

¹⁾ См. статья *М. Кел*—*дзе* въ журналѣ „Пастырь“ за 1894. №№ 21 и 22.

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ текстъ помѣщается между предисловіемъ и главнымъ содержаніемъ, а если текстъ бываетъ въ началѣ, то предисловіе отдѣляется часто отъ изложенія формулой: «во имя Отца и Сына и Св. Духа». Впрочемъ есть у Амвросія проповѣди и безъ всякихъ текстовъ и предисловій (10).

Раскрывая то или другое положеніе, Амвросій обнаруживаетъ весьма сильное увлеченіе схоластицизмомъ, духомъ котораго онъ всецѣло пропитался въ школь знаменитаго католикоса Антонія I. Кромѣ того, что у него въ проповѣдяхъ весьма часто и почти совершенно неумѣстно фигурируютъ то ямбическіе, то другіе стихи и акростихи, — эта излюбленная мода схоластикова, — онъ на каждомъ шагѣ ссылается на какихъ то философовъ, и притомъ тамъ, гдѣ къ данному вопросу въ проповѣди философія не имѣетъ ровно никакого отношенія. У него часто, напр., можно встрѣтить пресловутыя схоластическія выраженія; «надобно изслѣдовать мудрость», «какъ говорятъ мудрецы», или философы, «какъ Фридерикось Баумейстеръ говорить въ своей философіи».

Но схоластицизмъ Амвросія больше и нагляднѣе выражается въ пониманіи и раскрытіи библейскихъ текстовъ. Весьма часто онъ беретъ серьезный и многосодержательный текстъ св. Писанія или глубокомысленное изреченіе какого либо св. отца Церкви, но при этомъ, не замѣчая существеннаго содержанія, или нарочно обходя хотя бы и важное, но слишкомъ ясное содержаніе, останавливается не удачно на менѣ важныхъ сторонахъ; беретъ эти стороны и строить чуть ли не цѣлую философію. Напримѣръ, онъ беретъ ученіе св. Іоанна Златоуста о крестномъ знаменіи. Пропуская духъ ученія св. отца, Амвросій начинаегь грамматически разбирать каждое слово св. отца, приводитъ въ текстѣ же проповѣди 242-ой параграфъ изъ дефинитивной философіи Баумейстера¹⁾, гдѣ философъ говорить объ интеллектуальной способности человѣка, и на основаніи этого ученія раскрываетъ на цѣлой страницѣ смыслъ слова «мысленно», употребленнаго Златоустомъ (онъ говорить, что нужно крестное знаменіе изображать прежде мысленно, на умѣ), подробно распространяясь о понятіяхъ, идеяхъ и категоріяхъ (Сборн. стр. 42)! Въ другой проповѣди въ текстѣ изъ перваго часа: «Что Ты, наречень, о благодатная! Небо, яко возсіяла еси солнце правды», Амвросій останавливается на словѣ небо, дока-

¹⁾ Эта философія была переведена, какъ выше сказано, на грузинскій языкъ католикосомъ Антоніемъ и употреблялась въ новооткрытыхъ Антоніемъ семинаріяхъ въ качествѣ учебника.

зывая, что въ этихъ словахъ все другое уступаетъ первое мѣсто по важности слову неба, и ссылаясь на какихъ то философовъ, начинаетъ анализировать понятіе небо. «Философы и разные ученые, говорятъ проповѣдникъ—различно учать о небѣ; по однимъ, есть нѣсколько небесъ, по другимъ, ихъ опредѣленное число девять, а по третьимъ—только три неба. Потому онъ перебираетъ различныя названія небесъ, созвѣздіи и т. д. (Сборн. 98—99). Кромѣ всего сказаннаго, въ проповѣдяхъ Амвросія бросается въ глаза обычное у схоластиковъ дѣленіе и подраздѣленіе самаго несложнаго предмета, или понятія. Амвросію хочется отыскать въ каждомъ словѣ опредѣленное количество словъ и значеній. Напримѣръ, приводя текстъ изъ Евангелія Іоанна о крещеніи І. Христа, Амвросій говоритъ, что здѣсь нужно изслѣдовать именно три вещи: 1) почему Господь принялъ крещеніе отъ Іоанна Крестителя, 2) что мы получаемъ въ крещеніи и 3) какъ нужно совершать крещеніе. Отвѣчая на первый вопросъ, онъ находитъ семь смысловъ въ фактѣ крещенія І. Христа отъ Іоанна Крестителя. Точно также, опредѣляя степень страданій І. Христа, проповѣдникъ находитъ именно пять страданій Его (Сборн. 50); говоря о введеніи Дѣвы Маріи во храмъ, онъ изслѣдуетъ «три вещи», а изъ названія Дѣвы Маріи «благодатнаго» Амвросій выводитъ шесть (шесть) значеній слова и уроковъ для слушателей. Благодаря тому многія проповѣди Амвросія страдаютъ и матеріально, и формально. Матеріально потому, что гоненіе за всякими «уроками», разными совершенно посторонними и ненужными «смыслами», не даетъ автору сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и главномъ. Оттого же проповѣдь осложняется различными отступленіями, ненужными разъясненіями натянуты (Сборн. 108—113).

Благодаря указаннымъ формальнымъ слабостямъ, пострадала и правоучительная часть проповѣдей Амвросія. Авторъ заранѣе избираетъ опредѣленные предметы и явленія въ жизни народа и не стѣсняясь ни темой проповѣди, ни временемъ, ни обстоятельствами, вездѣ,—почти въ каждой проповѣди,—находитъ мѣсто для однихъ и тѣхъ же нравственныхъ и практическихъ уроковъ, не думая о томъ, насколько такой нравственный выводъ въ проповѣди вяжется съ существомъ этой проповѣди. Можетъ быть, отсюда вышло и то явленіе, что кодексъ нравственныхъ понятій и наставленій Амвросія весьма ограниченъ. Вездѣ у него говорится объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ въ жизни народа, а о суетвѣрии почти въ каждой проповѣди.

Но въ этомъ то, впрочемъ, и недостатокъ, и достоинство проповѣдей Амвросія. Но это самое придаетъ проповѣдямъ Амвросія рѣдкую у его современниковъ жизненность и практичность. Амвросій пре-

восходно знаетъ духовныя нужды своего народа. Время его дѣятельности на некресской каедрѣ (1781—1808 г.), было самое несчастное для Кахетіи. Окончательное разореніе страны, обѣдненіе народа, непрерывныя набѣги мусульманъ и усиленіе въ странѣ ислама произвели въ народѣ кахетинскомъ крайнюю деморализацію нравовъ, доходившую часто до полного пренебреженія христіанскими и самыми необходимыми обязанностями къ праздникамъ церковнымъ, постамъ, духовенству и проч., а народъ подѣ давленіемъ ислама дичалъ со дня на день; усилились суевѣрія, языческіе обряды, религіозный индифферентизмъ и т. п. ¹⁾ Вотъ на эти то духовныя болѣзни, и нападаетъ преосвященный Амвросій, лѣча ихъ всѣми силами своей души. Чтобы больше подѣйствовать на простыхъ слушателей, Амвросій въ нравственномъ приложеніи своихъ проповѣдей изъ формалиста-схоластика превращается въ совершеннаго простеца, друга слушателей. Онъ становится какъ какъ бы въ ряды толпы, его слушающей, и убѣдительнѣйшимъ образомъ умоляетъ ее слушаться его (проповѣдника), полюбить христіанскую—дѣдовскую вѣру, презрѣть исламъ и суевѣрія, унижающіе человѣческое достоинство, возгрѣвать въ себѣ прежнюю любовь и уваженіе къ духовному сану и т. д., называя при этомъ слушателей то братьями, то соработниками, то товарищами, то друзьями, то сыновьями и дѣтьми своими (Сборн. стр. 90—91).

Нужно замѣтить при этомъ, что у преосвященнаго Амвросія въ некресской епархіи была миссіонерская школа, въ родѣ духовнаго училища, и главною цѣлью назначеніе Амвросія на некресской каедрѣ было улучшеніе состоянія училища и поднятіе духоваго просвѣщенія въ Кахетіи. Народъ равнодушно относился къ дѣлу образованія ума, и вотъ Амвросій въ своихъ проповѣдяхъ говоритъ и объ этомъ, увѣщевая народъ полюбить христіанское просвѣщеніе.

Но преосвященный Амвросій великъ не этимъ. Онъ знаменитъ тамъ, гдѣ онъ въ своихъ проповѣдяхъ касается тѣхъ событій и историческихъ переворотовъ, которые совершались въ тогдашней Грузіи. Это было то время, когда рѣшалась историческая судьба грузинскаго народа, когда именно вся мусульманская Азія не только терзала православную Грузію, но собиралась даже совершенно проглотить ее и на развалинахъ православныхъ храмовъ поднять знамя ислама. Амвросій сокрушается духомъ, видя такое печальное положеніе Церкви Христовой и безпримѣрныя въ исторіи страданія православнаго грузин-

¹⁾ На ослабленіе религіозности, двоевѣрія и упадокъ нравственности указываютъ и другіе источники.

скаго народа. Онъ былъ очевидцемъ того, какъ враги осаждали города, выжигали деревни; а защитники православія или убѣгали въ горы, или вырѣзывались поголовно, или собирая послѣднія силы, выступали противъ своихъ поработителей. Видѣлъ онъ эту ужасную картину, бурю, грозу и, не имѣя силъ удерживаться отъ слезъ, то плакалъ вмѣстѣ съ народомъ, то, порой воодушевляясь, утѣшалъ и ободрялъ отчаявшійся народъ ¹⁾. Приводимъ отрывки изъ одной его проповѣди. Извѣстенъ еще проповѣдникъ Досаеѣ Некресели въ концѣ XVIII в.

Поученіе простому народу, сказанное митрополитомъ Некресскимъ Амвросіемъ, по поводу бѣдствій, постигшихъ Кахетію, при нападении на Грузію Ага-Маломедъ-хана, въ мѣсяцъ отъ Рожд. Хрис. 1795-го сентября 13 дня.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Боголюбезно собравшійся сюда христіанскій народъ, за вѣру Христа столько лѣтъ въ Варталиніи и Кахетіи, а нынѣ особенно притѣсняемый отъ рукъ невѣрныхъ враговъ-хулителей Христа и подверженный страху горькаго плѣненія и опустошенія!

Не собственными ли глазами видѣли мы тѣ страшныя скорбь и печаль, поджоги, опустошенія и плѣненія, кои ниспосланы были на насъ Богомъ отъ рукъ невѣрныхъ за великія прегрѣшенія наши, но это не образумило насъ.

Посему прошу, молю васъ ради тѣхъ бѣдствій, тѣхъ страшныхъ испытаній, кои имѣютъ быть ниспосланы на насъ, во гнѣвъ своемъ. Богомъ, опомнитесь!

Развѣ не знаете, возлюбленные мои, что волки начинаютъ выть, когда небо заволакивается тучами, что они начинаютъ преслѣдовать овецъ въ ненастные облачные дни. Подъ туманомъ, въ семь случаевъ, нужно разумѣть гнѣвъ Божій на насъ, подъ волками же ниспосланныхъ на насъ, видимо и невидимо, враговъ. Ибо по истинѣ страшенъ нашъ грѣхъ предъ Господомъ. Грѣхъ ослѣпилъ наши глаза, грѣхъ помрачилъ нашъ разумъ до того, что и на гнѣвъ Божій вниманія не обращаемъ, а нѣкоторые изъ насъ даже смѣются и услаждаются чужими бѣдствіями, сатанински приговаривая: „что, молъ, намъ за дѣло до того, что съ кѣмъ ни сотрясается, вѣдь съ нами же ничего не случилось“. О горе, горе христіанству! Да гдѣ, кто тотъ дерзкій врагъ, кто такими рѣчами возбуждаетъ справедливую кару Божію?

Стѣснены мы, любезныя, да,—стѣснены сильно въ этой маленькой лодкѣ, въ необширной и ограниченной нашей странѣ—Грузіи. Вотъ уже сколько лѣтъ страна наша попирается врагами: одни изъ насъ потеряли состояніе, другіе—мужей и женъ, третьи—осиротѣли, четвертые безвременно погбли въ борьбѣ со

¹⁾ Переводъ нѣкоторыхъ изъ проповѣдей преосв. Амвросія сдѣланъ А. П. Натроевымъ и напечатанъ въ „Духов. Вѣсти. Груз. Экзархата“.

врагами вѣры и креста, а всѣ мы вмѣстѣ, ежегодно испытывая притѣсненія отъ рукъ невѣрныхъ, крайне опечаленные, плачемъ и сокрушаемся. Лишились достойныхъ сыновъ отечества, лишились энергій, смерть ослабла насъ, грѣхъ одождѣл и подлинно связалъ насъ по рукамъ.

Эта избранная Богоматерью страна болѣе всѣхъ унижена, всѣми поправа, всѣми обижена; нѣкогда прославленные Карталинія и Кахетія и ихъ народы едва ли не болѣе всѣхъ унижены, умалены, угнетены. Прежде, когда мы обращались къ Богоматери и колѣнопреклоненіемъ изливали предъ Нею свое горе, Она всегда милувала и оказывала материнское свое призрѣніе. Что же, спрашивается, служить причиною этого? Что же другое, какъ не грѣхи наши, какъ не мерзость, неповиновеніе и гордость; какъ не зависть и вражда!

Неоднократно Его Величество, со свойственнымъ ему смиреніемъ, говорилъ своимъ приближеннымъ: „по истинѣ, удивленъ я, ибо не знаю, чему приписать, какъ не своимъ грѣхамъ. Съ кѣмъ я дружбу завязалъ, непременно врагомъ моимъ сдѣлался онъ; тамъ, гдѣ былъ я твердо увѣренъ, что будетъ мнѣ удача, какъ разъ, наоборотъ,—получалъ неудачу, бывалъ побѣждаемъ и въ конецъ раззоряемъ. Что за странная моя судьба, что за несчастье мое, диву даюсь просто я!„

Оставимъ это и перейдемъ теперь къ другимъ святымъ. Отчего ничего не въ состояніи сдѣлать дивныя дѣла, чудеса столькихъ св. пророковъ, св. апостоловъ, св. великихъ священно-мучениковъ и священно-служителей, св. дѣвъ мученицъ, пролившихъ кровь за Христа, въ дѣлѣ заступничества за весь міръ? А слезы, моленія благочестивыхъ царей нашихъ? Дѣйствительно, по избраніи Божьей Матерью Себѣ въ удѣлъ и освобожденіи страны нашей отъ служенія діаволу и идоламъ, Грузією владѣли и невѣрные, но немало и благочестивыхъ, праведныхъ царей царствовало здѣсь, вѣрою и правдою управляло ея судьбою. Таковы: преславный государь великій Вахтангъ I, преславная великая царица Тамара; прославленный великій царь, свѣтлѣйшій Георгій, преславнѣйшій св. царь Давидъ Возобновитель и много другихъ блаженной памяти царей. Благочестивые цари эти располагали силою крѣпкою, непобѣдимую, высотой преобладающею, богатствами безчисленными народами и странами, исполненными благъ всякаго рода. Но теперь куда все это дѣвалось любезные?! Вѣдь они для своихъ же дѣтей (нашихъ повелителей) трудились, для нихъ враговъ уняжали, для ихъ наслѣдства престолъ и страну укрѣпляли. А еще царица Кетевана, пролившая кровь, претерпѣвшая за вѣру во Христа невыразимыя муки и истязанія отъ рукъ невѣрныхъ и безжалостныхъ враговъ нашей вѣры; вѣдь она приходится бабушкой нашимъ царямъ; вѣдь она и въ самыхъ своихъ мукахъ помнила, постоянно вспоминала своихъ дѣтей и просила Бога объ ихъ благоденствіи! Почему же молчитъ она теперь, что наложило печать запрещенія на ея святую, праведную молитву; почему не оказываетъ помощи своей царю Ираклію, не коборзетъ его враговъ и не посрамитъ ихъ?!

Рыдайте, плачьте, грузины, оплакивайте порочную грѣховную жизнь свою и во всемъ вините себя! Оставимъ теперь ихъ и припомнимъ другого царя, царствовавшего въ наше время, при насъ, царя праведнаго, блаженнаго Теймураза. Приблизьтесь ко мнѣ всѣ бывшіе вѣрные его служители и сподвижники, съ пла-

чемъ и слезами рассмотримъ праведное царствованіе этого царя, царя кроткаго, справедливаго, вѣрующаго пріятнаго, сладкаго, любвеобильнаго и Боголюбиваго; пожертвовавшаго себя отечеству, умершаго въ одиночествѣ, вдали отъ своихъ подданныхъ, въ чуждой странѣ, среди чуждыхъ ему народовъ; царя отъ насъ не оплаканнаго, царя, которому не имѣли возможности сказать послѣднее „прости“. Этотъ праведникъ, чувствуя приближеніе смерти, устремивъ глаза на образъ Богоматери, умирающей умоляетъ Ее принять снова страну его подъ Свое покровительство, оказать материнское Свое призрѣніе сыну его Ираклію, дать ему возможность, чрезъ посредство великаго Императора Россійскаго, избавить ее отъ столькихъ притѣсненій враговъ вѣры; но увы и Теймураза праведныя слезы не помогаютъ намъ!

Горе, горе! защитите насъ святые, помогите намъ препрославленные! Пробудись, Пресвятая Богоматерь Марія, припадаемъ къ Тебѣ.

Посему призри милостиво на насъ, Царица Небесная, услышь моленія народа Твоего, угнетаемаго невѣрными; дай побѣду царю нашему Ираклію; пособи воинству его силою Единороднаго Сына Твоего!

Литературная дѣятельность членовъ царской семьи.

Особенно дѣятельную роль въ литературѣ приняли члены царствовавшей фамиліи. Изъ нихъ наиболѣе плодовитымъ оказался цар. Давидъ. Еще раньше выступилъ царевичъ Бакаръ Вахтанговичъ, переводчикъ Уложенія Алексѣя Михайловича, совмѣстно съ сыномъ своимъ, Леономъ (рукоп. Ак. Н.). Подъ наблюденіемъ Бакара предпринято было печатаніе грузинской Библіи въ Москвѣ (см. дальше).

Бакаръ Вахтанговичъ также принялъ участіе въ политикѣ. Онъ род. въ 1700 г. Былъ съ отцемъ въ Персіи, гдѣ изучилъ персидскій языкъ. Сопровождалъ Вахтанга въ Россію и при его жизни получилъ чинъ ген.-лейтенанта въ 1729 г. (Бутковъ I, 66, пр. 2). Помимо жалованья у него было громадное имѣніе въ Нижегородской губ.; въ дер. Лисковѣ владѣлъ 1215 крестьянами, въ дер. Теріюшевѣ 502 души и Кашуповѣ 1179 (ib. I, 432, 67). Онъ женился на Мельниковой, устроилъ груз. типографію, жилъ богато въ Москвѣ. † 1750 г. и оставилъ 35.000 р. казеннаго долга и дѣтей Александра и Леона. Первый изъ нихъ долго боролся противъ Ираклія для возвращенія трона въ родъ Вахтанга.

Памятникъ, освѣщающій попытки Бакара, сына Вахтанга VI, вернуть себѣ престолъ Грузіи, это—хранящійся въ М. Гл. Арх. М. И. Д. Указъ сенату.

Отъ артиллеріи генералъ лейтенантъ грузинской царевичъ Бакаръ всеподданнѣйше просить у насъ объ отпускѣ его въ отечество въ Грузію, пребывая въ надеждѣ оное свое отечество при нонѣшнихъ обстоятельствахъ во владѣніе себѣ безъ препятствія получить и онымъ по отцѣ своемъ наследовать; а понеже по-

койной отецъ его грузинской царь Вахтангъ съ фамиліею своею въ нашу имперію по собственной ихъ волѣ выѣхали и для ихъ благосостоянія въ высокой протекціи и милостей нашихъ славы достойнѣйшей памяти государей родителей содержаны были, которую протекцію равномѣрно и мы помянутому царевичу Бакару и его фамиліи милостивѣйше продолжать склонны, однакожъ притомъ намѣренія не имѣемъ противъ собственнаго его желанія здѣсь въ нашей имперіи удерживать: того ради всемилостивѣйше повелѣваемъ призвавъ его царевича Бакара въ сенатъ объявить ему сей нашъ указъ, что ежели онъ непрежѣнное желаніе имѣеть въ отечество свое ѣхать, въ томъ дается ему позволеніе, чтобъ онъ со всею своею фамиліею туда ѣхалъ, но въ такомъ случаѣ всѣ у него во владѣніи имѣющіяся въ нашей имперіи недвижимыя имѣнія и дворы отобрать и ко двору нашему приписать, а его царевича Бакара съ фамиліею отпустить, справясь напередъ буде нашихъ дѣлъ до него не касается; буде же онъ намѣреніе свое къ отъѣзду отложить и по прежнему здѣсь въ нашей имперіи остаться похощеть, то мы ему и фамиліи его нетоко имѣвшую протекцію нашу продолжать, но и дальнѣйшія милости оказательства по обстоятельствамъ его заслугъ подавать всемилостивѣйше соизволяемъ и помянутыя недвижимыя его по прежнему во владѣніе его оставляемъ, токмо же отъ сего времени продавать и закладывать оныхъ именнымъ нашимъ указомъ ему запретить и нашему сенату учинить по сему нашему указу.

Оригинальной подписокъ собственною ея императорскаго величества рукою тако Елизаветъ. Въ Москвѣ въ 4 августа 1749 года.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой!

Поданнымъ въ государственную иностранную коллегію всеяжайшимъ моимъ прощеніемъ просилъ я объ отъѣздѣ моемъ въ мое отечество того ради вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя моего всепокорнѣйше и нижайше прошу по оному меня милостью неоставить и показать ко мнѣ высокую вашего высокографскаго сіятельства протекцію дабы я могъ въ нынѣшнемъ способнѣйшемъ (ради моего отъѣзда) гдѣтнемъ времени получить резолюцію, за что во всю жизнь мою долженъ благодарить и прославлять высокое вашего высокографскаго сіятельства имя и милость

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой вашего высокографскаго сіятельства покорнѣйшій слуга грузинскій царевичъ Бакаръ.

1749 года іюня 13 дня.

Сынъ Бакара, Леванъ, знатокъ языковъ, перевелъ въ 1698 году «Всемирную исторію» неизвѣстнаго автора (рукоп. Общ. груз. грам.).

Царевичъ Давидъ Георгіевичъ родился въ августѣ 1767 г. ¹⁾ Воспитаніе получилъ подъ руководствомъ О. Я. Геттинга, австрійскаго уроженца, ученаго мужа, прибывшаго въ 1789 г. изъ Петербурга по просьбѣ царя Ираклія II. Вліяніе на юнаго царевича могъ оказать и

¹⁾ *Еривошъ*. Царевичъ Давидъ. „Кавказ. В.“. 1900, № 1.

докторъ Яковъ Рейнегсъ, приславный кн. Потемкинымъ въ Грузію въ качествѣ политическаго агента. Рейнегсъ организовалъ «полкъ» изъ молодежи, лейтенантомъ котораго назначилъ брата Давида, царевича Александра. Въ военныхъ эзерциціяхъ Рейнегса, вѣроятно, принималъ участіе и царевичъ Давидъ. Въ 1797 г. Давидъ признанный Павломъ I наследникомъ по отцѣ, Георгіи XII, пріѣзжалъ въ Петербургъ для изъявленія своей преданности русскому императору. Геттингъ сопровождалъ его въ качествѣ секретаря и переводчика, а впоследствии въ 1799 г. получилъ выморочный домъ Степана Мандинова около Могнинской церкви ¹⁾ въ Тифлисъ. Съ раннихъ лѣтъ Давидъ проявлялъ любознательность и живость характера. Прибывшій въ 1784 г. въ Тифлисъ ген. Потемкинъ о царевичѣ далъ слѣд. отзывъ: «Давидъ 17 лѣтъ, казался не глупъ, и при свойствѣ этомъ являетъ быстроту ума, особую смѣлость и охоту къ войнѣ; къ этому отзыву Бурнашевъ ²⁾ прибавляетъ, что царевичъ проявляетъ «крайнее желаніе познать европейскую военную науку». Докторъ Рейнегсъ и католическіе миссіонеры удовлетворили эту жажду и внушили царевичу интересъ къ французской революціи и личности Наполеона I. Въ юномъ возрастѣ въ 1789 г. онъ принялъ командованіе надъ войскомъ, отправленнымъ Иракліемъ II въ Карталинію на помощь внуку Ираклія Давиду Аргилевичу, изгнанному изъ Имеретіи воцарившимся Давидомъ Георгіевичемъ. Не разъ удачно отражалъ вторженія лезгинъ, какъ объ этомъ пишетъ самъ въ Исторіи Грузіи, взялъ Джавахетскія крѣпости, совершилъ успѣшный походъ на Карсъ (объ этомъ, впрочемъ, помимо самого Давида, источники умалчиваютъ), двинулся въ 1793—1794 гг. съ войскомъ къ Эривани и принудилъ ея хана уплатить дань, обѣщавшую Ираклію. При вторженіи Ага-Магометъ хана въ Грузію въ 1895 г. онъ принялъ въ оборонѣ страны, противъ лезгинъ, ограбившихъ деревню Демуръ-Чаханъ. Въ 1796 г. онъ съ царевичемъ Александромъ ходилъ на помощь Ибрагиму-хану Шупинскому, чтобы взять городъ Ганджу. Въ 1800 г. по смерти Георгія XII онъ былъ объявленъ Павломъ I правителемъ Грузіи «до разсмотрѣнія просьбы родителя» его о принятіи Грузіи въ подданство Россіи на извѣстныхъ условіяхъ. Въ 1803 г. царевичъ Давидъ переселился въ Россію. Умеръ онъ въ чинѣ ген.-лейтенанта въ 1829 году и съ прозвищемъ «вольтеріанецъ».

¹⁾ *Иллюстр. приб. къ Тифл. Листку*, за 1900, № 20.

²⁾ *Бурнашевъ. Картина Грузіи и пр.*, изд. К. Бѣгичева, Т. 1896, стр. 11.

Лишившись политической власти, онъ посвятилъ себя литературѣ. Еще въ Тифлисѣ онъ успѣлъ въ 1800 г. въ возобновленной послѣ Ага-Магомета-хана типографіи напечатать Сокращенную всеобщую исторію (128 стр. 4^о), составленную имъ въ 1798 г. Исторія заключаетъ въ себѣ рассказы объ Ассиріи, Персіи, Греціи, Римѣ, Грузіи на основаніи русскихъ и грузинскихъ источниковъ. Предисловіе онъ посвящаетъ выясненію пользы и важности просвѣщенія. Впослѣдствіи (1805 г., СПб.) онъ напечаталъ краткую исторію Грузіи и занялся переводами. Ему принадлежатъ переводы съ русскаго: Эстетическія разсужденія Ансильона, (СПб. 1815), Сборникъ статей по физикѣ, рецепты съ русскаго и латинскаго языковъ, Руководство по артиллеріи, посвященное имъ Грузіи брату своему Іоанну; географія, мѣтологія, романическія письма, вѣрованія брахмановъ, Духъ законовъ Монтескье, Приготовленіе ракетъ и разныхъ военныхъ снарядовъ (1799 г.), Обзорѣніе Грузіи по части права и законовѣдѣнія (Рук. Ак. Наукъ), Исторія Надира-шаха, написанная его визиремъ Мирзой Мехди и переведенная на грузинскій языкъ въ 1802 г. въ Тифлисѣ. Списокъ съ него исполненъ въ 1804 г. Баграмомъ, Георгіевичемъ. Онъ составилъ въ вопросахъ философію и краткую грамматику ¹⁾.

Ему же принадлежитъ «Новый шихъ или переписка на персидскій вкусъ любовника съ любовницей, жившихъ при подошвѣ Кавказскихъ горъ. Твореніе царевича грузинскаго Давида» ²⁾.

Въ предисловіи къ переводу, передается краткое содержаніе книги. Указавъ въ примѣчаніи, что «наименованіе шихъ на персидскомъ языкѣ означаетъ первую особу въ духовныхъ магометанскаго исповѣданія алевской сексы», романистъ отмѣчаетъ происхожденіе «переписки». «Шихъ Санацъ,—говоритъ онъ,—знаменитый персіанинъ, прибылъ въ Грузію и влюбился въ одну крестьянку, именемъ Перія. Пламенная любовь

¹⁾ Въ предисловіи, посвященномъ дѣду—Ираклію II, авторъ говоритъ, что онъ, движимый сердечной любовью къ царю и народу, составилъ грамматику, двери къ мудрости,—на основаніи древнихъ и новыхъ грамматикъ. Грамматика составлена не позже 1798 г. Хранится она въ рукописяхъ (Кат. Азіат. Музея Ак. Н. № 93, in 4, стр. 72). Изложена въ вопросахъ и отвѣтахъ и оканчивается философскимъ объясненіемъ грамматическихъ категорій и изображеній разныхъ круговъ, связанныхъ между собою съ надписями: сущность, форма, плотская душа, живой камень, чувственное растеніе и пр. 2-е изд. Исторіи Грузіи, Т. 1893.

²⁾ Переведено съ грузинскаго губернскимъ секретаремъ Сергѣемъ Митропольскимъ. Спб. 1804 г. При императорской академіи наукъ. Сія книга разсмотрѣна и къ напечатанію одобрена. Императорской академіи наукъ. Цензоръ надворный совѣтникъ Федоръ Свенскій.

побудила его просить ея руки. Но она, не желая на то согласиться, предложила ему: что Періа тогда будетъ женою шиха Санана, когда шихъ Сананъ будетъ пить вино. Но какъ у магометанъ запрещено употреблять такой напитокъ, а для шиховъ и муллъ наипаче непростительно. Сіе побудило шиха удалиться. Но онъ раскаялся скоро о удаленіи отъ Періи и началъ къ ней писать. Періа, читавъ его письма, сама пришла въ раскаяніе, которое открыла въ своихъ отвѣтахъ на письма, писанныя къ ней шихомъ Сананомъ».

Шихъ написалъ 12 писемъ, на которыя онъ получилъ въ отвѣтъ отъ Періи 12 посланій. Высокопарнымъ ходульнымъ языкомъ набрасываются мысли обоихъ корреспондентовъ. «Когда разумъ мой,—пишетъ шихъ къ Періи,—несноснымъ возмутившись представленіемъ, не могъ обладать чувствами и погасить воспламенившуюся въ душѣ моей страсть, тогда я коснулся пера и смущеніе мое открылъ всѣмъ»... Изліянія потоковъ слезъ намекъ на страданія въ преувеличенныхъ размѣрахъ проходятъ красной нитью въ этой сентиментальной перепискѣ. «Я лишень силъ; глаза мои обращены въ источникъ слезъ, которыя умножились противъ океана и душа моя столько возненавидѣла тѣло, что я вездѣ ищу смерти и не нахожу ея... Съ самаго моего рожденія,—вослицаетъ онъ,—гонитъ меня рокъ!» Не дождавшись отвѣта отъ Періи, онъ пишетъ второе посланіе, гдѣ говоритъ о смерти неизвѣстнаго странника, сравниваетъ себя съ прикованнымъ Прометеемъ, сердце котораго безпрестанно клевалъ хищный орелъ: «несносная горестъ терзаетъ мое сердце; ты (обращаясь съ укоромъ къ Періи), занимаясь веселостями и удовольствіями, не чувствуешь, какое пламя возгорѣло въ моемъ сердцѣ». Въ третьемъ письмѣ онъ увѣряетъ ее въ своихъ непреложныхъ чувствахъ къ ней: «Образъ твой служить для меня токмо изваяніемъ, которому я тысячу разъ всякій день поклонялся, при всемъ томъ ты оставила меня! Да будетъ между нами судьей небо!» Отвѣта все нѣтъ! Шихъ призываетъ на помощь всю греческую міеологію и съ чертами титанической страсти открываетъ намъ свое измученное сердце. «Сей несчастный случай, который сдѣлался для меня дѣйствіемъ новаго Плутона подобно горѣ Идѣ; бѣдное сердце мое погружено въ потокъ временъ Девкаліона и ты, любимица моя, похищена изъ садовъ Гесперійскихъ не Геркулесомъ, но исчадіемъ ада». Онъ никогда не вѣрилъ въ ея искренность: «письма твои не почиталъ справедливыми, потому что любимицы иногда пріятными, но лестными начертаніями открываютъ свои чувства».

Періа нашла нужнымъ отвѣтить на это письмо. Она начинаетъ его чрезвычайно характерно для «простой крестьянки». Въ ея уста

вложены философскія сентенціи: «Гдѣ нѣтъ познаній о естественномъ законѣ,—авторитетно поучаетъ она насъ,—тамъ не можетъ совѣсть имѣть мѣста, гдѣ нѣтъ человѣчества (!), тамъ помрачается честность!» Затѣмъ, въ строгомъ тонѣ она читаетъ ему нотацію: «Ты, убѣгая отъ всѣхъ, погасилъ въ себѣ совѣсть, пренебрегъ законъ природы и еще могъ поднять цро, чтобы порочить меня своей дерзостью... Ты, напедь меня безъ защиты, опредѣлилъ быть новой меня Ифигеніей для угожденія будто бы новой Діанѣ... Ты не можешь обольстить меня краснорѣчіемъ. Перестань писать, я не могу читать твоихъ писемъ». Однако, она смягчается, тронута его «пріятнѣйшими письмами». «Побужденія совѣсти,—читаемъ во 2-мъ письмѣ,—истребили во мнѣ ожесточеніе, умъ мой обращенъ къ вниманію твоихъ сѣтованій. Сіе меня побуждаетъ вмѣсто утѣшенія проливать слезы». Въ третьемъ письмѣ она принимаетъ нѣжное участіе въ его «огорченіяхъ», увѣряетъ его въ своей ему вѣрности. «Искра любви скрывается въ пеплѣ сердца моего и со временемъ воспламенится». Она не скрываетъ, что въ выраженіяхъ его чувствъ «она усматриваетъ болѣе самолюбія нежели пѣжности» (IV п.).

Шихъ отвѣчаетъ (V п.) страстнымъ письмомъ и умоляетъ ее отдать ему сердце, какъ онъ отдалъ ей. Періа открываетъ пылкія чувства, «возмущенія души отъ Амура». Она старается разсвѣять его горестныя думы. Но онъ не хочетъ вводить себя въ заблужденіе. Онъ знаетъ, что «богиня несогласія открыла возмущеніе» между ними. Онъ не чувствуетъ себя «въ Елисейскихъ поляхъ или въ раю, въ сладостной тишинѣ» (VI и VII п.). Ему хорошо извѣстны ея душевныя качества: «ты доброта, ты не пренебрежешь меня. Ежели, подражая Пенелопѣ, воскресишь въ себѣ прежнія чувствованія, добродѣтель твоя будетъ всѣмъ открыта». Періа спѣшитъ увѣрить его, что «никогда не погаснетъ пламень, любовью рожденный» въ ея душѣ. «Хотя я отъ тебя удалена, но посредствомъ Морфея часто я тебя вижу». Она раскаивается въ своей прежней холодности, «прегрѣшеніяхъ». «Ты не имѣешь права на меня сѣтовать» (VIII п.). Ободренный ея признаніемъ, шихъ радостно встрѣчаетъ Восходящую звѣзду своего счастья. «Солнце не для того сіяетъ, чтобъ изсушить растеніе. Ты новое солнце все истребляешь». Слѣдуетъ масса сравненій въ восточномъ вкусѣ, изъ которыхъ я привожу одно: «Ты была свѣтильникъ, я уподоблялся бабочкѣ, и хотя я всякій день сгоралъ, но ты меня оживотворяла. Надежда моя не пресѣклась»,—заключаетъ опъ свое объясненіе. «Совѣсть тебѣ должна открыть, что всѣ мои мысли стремятся къ тебѣ одной... Кромѣ тебя, мой взоръ ничего пріятнаго не видитъ; продолженіе моей жизни зависитъ отъ тебя!» (X и XI п.).

«Если даже въ твоихъ лестныхъ выраженіяхъ,—пишетъ Перія,— скрывается обманъ, то я всегда пойду по слѣдамъ твоей ко мнѣ любви. Когда я получила твое письмо, клянусь честью и твоей любовью, которую Купидонъ изобразилъ на сердцѣ моемъ стрѣлами страсти, душа моя была исполнена восторга». Она все глубже открываетъ ему сокровенныя свои чувства. «Совѣсть моя свидѣтель, что ты никогда не забудь въ моемъ сердцѣ... Ежели бы ты спѣшилъ пожертвовать для меня собою, я имѣю готовъ жертвенникъ сердца моего къ принятію столь желанной для меня жертвы. Ежели бы ты изливалъ сладостный токъ для чувствъ, то я бы готова была обонять оный. Ежели бы ты былъ соловей, тогда бы я обратилась въ распускающуюся розу. Ежели бы ты былъ горлицей, я бы служила пальмю»... (XI п.). Самъ «Демонъ» Лермонтова позавидовалъ бы ей въ такихъ нѣжныхъ клятвахъ! Ей остается напомнить, на послѣднее письмо шика, чтобъ онъ произнесъ клятву въ вѣрности ей, за нарушеніе которой онъ «подвергнется осужденію всѣхъ».

Произведеніе царевича Давида представляетъ должную дань сентиментальному направленію въ русской литературѣ со времени появленія «Бѣдной Лизы» Карамзина. Царевичъ испыталъ это вліяніе подобно обрусѣвшему чувствительному писателю кн. Шаликову, противъ котораго впослѣдствіи направилъ одну изъ своихъ острыхъ эпиграммъ Пушкинъ. XVIII вѣкъ, извѣстный подъ названіемъ рационалистическаго, характеризуется двумя чертами—стремленіемъ реформировать существующія общественныя учрежденія и развитіемъ чуткости и сострадательности въ человѣкѣ. Это смягченіе нравовъ вызвало новый романъ въ чувствительномъ вкусѣ, представителемъ котораго явился англичанинъ Ричардсонъ. Его романы «Памела или награжденная добродѣтель», «Клариса» имѣли невѣроятный успѣхъ естественностью разсказа и трогательной его моралью. Ж. Ж. Руссо въ своихъ произведеніяхъ «Новая Элоиза» и «Эмиль» является талантливымъ послѣдователемъ Ричардсона въ чувствительной изящной литературѣ. Какое впечатлѣніе произвела «Бѣдная Лиза» — хорошо всѣмъ извѣстно. Царевичъ Давидъ, подъ обяательнымъ вліяніемъ «слезливаго» направленія, написалъ въ эпистолярной формѣ (ср. *La nouvelle Héloïse*) романъ, избравъ персіанина своимъ героемъ, быть можетъ подъ вліяніемъ Монтескье и его соч. «Lettres persanes»¹⁾.

¹⁾ Еще въ началѣ XVIII в. Александръ, сынъ царя Арчила, переселившася въ Россію въ 1698 г., подобно своему отцу интересовался литературой. Царевичъ Александръ служилъ при Петрѣ Вел. и былъ возведенъ имъ въ званіе фельдцейх-

Царевичъ Вахтангъ, сынъ Ираклія II, оставилъ историческія эпистоли. Царевичъ Багратъ Георгіевичъ перевелъ «лѣчебникъ лошадей». Царевичъ Теймуразъ Георгіевичъ, членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, котораго акад. Броссе называлъ своимъ учителемъ, написалъ Исторію Грузіи (СПб., 1848), заключающую любопытныя свѣдѣнія о древнемъ бытѣ грузинскаго народа. Краткій обзоръ Грузіи, онъ послалъ въ 1839 г. въ Парижское Азіатское Общество. Царевичъ Леонъ Бакаровичъ перевелъ металлургію. Царевичъ Александръ Георгіевичъ, скончавшійся въ Персіи, по поводу смерти супруги написалъ элегію¹⁾.

Царица Марія, жена Георгія XII, оставила элегическое стихотвореніе, касающееся ея горестной судьбы. Царевны Кетевана и Оекла Иракліевны писали стихи. Царевичи Илья, Окропиръ, Григорій были причастны литературѣ. Въ особенности прославился еще царевичъ Іоаннъ какъ полководецъ и какъ ученый человекъ. Онъ составилъ записку о преобразованіи государственнаго строя Грузіи и подаль царю Георгію въ 1799 г. Здѣсь онъ ратуетъ за реформы Грузіи въ европейскомъ духѣ. Онъ же составилъ русско-грузинскій словарь и сочинилъ или участвовалъ въ сочиненіи «Калмасоба».

Калмасоба.

Іоаннъ — царевичъ, авторъ «Калмасоба», былъ сынъ Георгія XII и супруги его Кетевани (урожденной Андрониковой). Онъ родился въ 1772 г. Восьми лѣтъ потерялъ мать. Вся жизнь его м. б. раздѣлена на два періода: первый онъ провелъ на родинѣ, а второй въ Россіи. Грузія при немъ была ареной непрерывныхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ, персовъ и лезгинъ. Страна была превращена въ военный лагерь. При такихъ условіяхъ закалялись воины и слагались воинскія доблести. Царевичъ Іоаннъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ лицъ, которыхъ жизнь съ раннихъ лѣтъ приготовляла къ оборонѣ отечества и къ походнымъ приключеніямъ. Будучи восемнад-

---

цей мастера. Въ войнѣ со шведами онъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ стогольскую крѣпость. По освобожденіи изъ плѣна, онъ выѣхалъ къ отцу въ Москву, но умеръ по дорогѣ въ Ригѣ (1710 г.). Александромъ переведено изъ Симеона Полоцкаго „Слово о Успеніи Пресв. Богородицы“. Оно вошло въ сборникъ груз. статей (inf. 764 л.), переписанный „въ царствованіе государя и великаго князя Петра Алексѣевича, вседержца Великой, Малой и Бѣлой Руси“.

¹⁾ Въ Россіи въ качествѣ поэта (см. сборн. стих. рукоп. общ. груз. грам.) и переводчика (1762) Всеобщей исторіи Геллимера Бураса выступилъ герой „Исторіи объ юношѣ Амхлаваровѣ“ (Спб. 1779), оппонентъ ц. Ираклія, Александръ Амхлавари.

цати лѣтъ въ 1790 г. царевичъ Іоаннъ во главѣ съ артиллеріей принялъ участіе въ борьбѣ имеретинскаго царя Соломона съ соперникомъ своимъ Давидомъ и доставилъ первому побѣду надъ вторымъ. Въ 1795 г. при нашествіи Ага-Магометъ-хана, шаха персидскаго, онъ сразился съ нимъ и, приостановивъ его у бань Тифлиса, далъ возможность царю Ираклію, своему дѣду, выбраться изъ города. Впослѣдствіи онъ защищаетъ страну отъ лезгинъ то одинъ съ отрядомъ изъ грузинъ, то вмѣстѣ съ царевичемъ Давидомъ, при содѣйствіи русскихъ солдатъ, прибывшихъ въ Грузію въ 1799 г.

На 28-мъ году онъ потерялъ отца, Грузія присоединилась къ Россіи въ 1801 г. и въ это же время онъ переселился въ Россію съ женою своею Кетеваной, (дочерью Зураба Церетели). Умеръ онъ въ 1839 г., оставивъ сына Григорія. Наслѣдникъ послѣдняго—Иванъ передалъ доставшееся богатое книгохранилище въ С.-Петербургскую публичную библіотеку.

Цар. Іоаннъ оставилъ нѣсколько произведеній, изъ которыхъ «Калмасоба» является наиболѣе цѣннымъ по своему содержанію и по характеру обработки. Названіе «Калмасоба» (отъ слова («калд-иммо») заимствованъ изъ грузинскаго обычнаго права. Подъ этимъ терминомъ обозначается сборъ хлѣба и вина для монастырскихъ нуждъ. Сборщикомъ авторъ выводитъ иподіакона Іоанна Хелашвили. Іоаннъ Хелашвили получилъ образованіе въ телавской семинаріи, гдѣ обучался самъ царевичъ Іоаннъ. Онъ былъ дворянскаго происхожденія, изъ деревни Вакири Сигнахскаго уѣзда. Отправляясь за сборомъ—«сакалмасодъ», по порученію настоятеля Досиея Пицхелаури, онъ встрѣчается близъ дер. Дарси съ однимъ изъ горійскихъ жителей, обратившихся изъ армянской вѣры въ православіе, Зурабомъ Гамбарашвили, съ человѣкомъ остроумнымъ и неугомоннымъ собесѣдникомъ, и съ нимъ вмѣстѣ онъ обходитъ Карталинію, Кахетію, Кизикию, Сомхетію и возвращаются въ Тифлисъ. Посѣщая различныя деревни (Хидистави, Карели, Сурамъ, Мухрани, Мцхетъ, Марткопи, Хашили, Телавъ, Алвани, Шилда, Кварели, Борчало, Сигнахъ, Ахтала и др.), Іоаннъ Хелашвили описываетъ мѣстность, ея растительность, достопримѣчательность и нравы населенія. При разговорѣ Хелашвили съ представителями различныхъ уголковъ Грузіи, въ «Калмасоба» соблюдается особенности говора и мѣстныхъ обычаевъ: предъ нами проходятъ карталинцы, кахетинцы, кизикинцы, тушины и пшавы. Авторъ выводитъ предъ нами замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей и знакомитъ вкратцѣ съ ихъ заслугами: свящ. Которидзе, Николай Цицишвили, (воспитанникъ телавской семинаріи), Мачабели, Мамацшвили, митрополитъ Мровели, Руставели,

путь царя Ираклия Отарика Норіели, Оманъ Херхеулидзе, Николай Орбеліани, тифлисскій ксендзъ Андрей. Онъ характеризуетъ тогдашнихъ врачей Іоанна Карашвили и Татула, рисуетъ портреты современныхъ поэтовъ и музыкантовъ—Алаверда и Саатнава, церковнаго регента Леонтія Салагашвили. Любопытны свѣдѣнія о телавской семинаріи, ея ректоръ Давидъ и системъ тогдашняго школьнаго воспитанія. Изъ «Калмасоба» явствуетъ имущественное состояніе грузинскихъ монастырей и жизнь иноковъ. Іоаннъ Хелашвили помимо фактическихъ свѣдѣній о современномъ строѣ намѣчаетъ идеалъ желательныхъ отношеній между помѣщикомъ и крѣпостными, высказываетъ мысли о необходимости воспитанія и образованія. Не упускаетъ случая сказать нѣсколько словъ о причинѣ отпаденія армянской церкви отъ грузинской. Выражая откровенно свои мнѣнія и рисуя свои душевные планы, иподіаконъ Іоаннъ часто терпитъ за эти оскорбленія, гоненія и даже побои, но онъ не унываетъ и продолжаетъ свое дѣло. Предъ нами проходятъ въ его обрисовкѣ портреты царя Ираклія и его многочисленной семьи, съ краткимъ обзоромъ военныхъ дѣйствій той эпохи. Знакомя съ придворными чинами, авторъ останавливается на оцѣнкѣ инструкціи, данной грузинскимъ посламъ Гарсевану Чавчавадзе, Эліазару Палавандишвили и Георгію Авалишвили. Передастъ послѣднія скорбныя минуты въ жизни Грузіи, послѣдовавшія послѣ смерти царя Георгія: раздоры среди царевнечей и горестное положеніе страны. Мимоходомъ сообщаются свѣдѣнія изъ боевой жизни грузинъ и вторженіи лезгинъ. Помимо историко юридическихъ свѣдѣній «Калмасоба» заключаетъ свѣдѣнія по всѣмъ разнороднымъ наукамъ, известнымъ ея образованному автору ¹⁾.

Въ бесѣдѣ Іоанна съ «Андреемъ, ученикомъ игумена Іоны» читатели знакомятся съ исторіей сотворенія міра Господомъ въ шесть дней и человѣка по образу своему. Первый день кончается рассказомъ о грѣхопаденіи. Объ ангелахъ авторъ говоритъ значительно позже, послѣ того какъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о войскѣ и его устройствѣ. На второй день близъ Хведурети встрѣчаются съ Цицишвили, ученикомъ Вольтера, т. е. «человѣка безбожнаго и коварнаго»²⁾. Этому Цицишвили Іоаннъ даетъ наставленіе о вѣрѣ, о свойствахъ Бога, о пророкахъ и апостолахъ, свидѣтельствующихъ объ Немъ, сообщаетъ и толкуетъ 10 заповѣдей и 9 блаженствъ. Далѣе авторъ переходитъ къ

¹⁾ Объясняются термины: эджиби, джабадари.

²⁾ Вольтеръ, очевидно, былъ въ модѣ у тогдашнихъ грузинъ. Имъ увлекся еще царевичъ Давидъ Георгіевичъ и слылъ за убѣжденнаго вольтеріанца.

пзясненію 7 таинствъ, о строеніи чловѣка (изъ огня, воды, воздуха и земли ¹). Здѣсь дѣлается экскурсъ въ область психологіи («психи» ²) и этики (различіе между добромъ и зломъ), религіозныхъ обязанностей (постъ, молитва, милостыня). При этомъ дѣлаются ссылки на отцевъ церкви и философовъ. Остановливаясь на ученіи Христа, онъ знакомитъ съ вѣроученіемъ армянъ, лютеранъ, еретиковъ (якобиты, несторіане). Въ параллель приводитъ свѣдѣнія изъ религіи азычниковъ, іудеевъ, магометанъ и отличіе ихъ отъ христіанства. Въ заключеніе этой главы даются моральныя наставленія (будь добръ, люби ближняго, почитай родителей, не завидуй другимъ, учись, не наказуй слугъ безъ вины), и истолкованіемъ значенія словъ: архимандритъ, архіепископъ, митрополитъ.

Въ бесѣдѣ съ Амилахвари онъ разясняетъ область дисциплинъ: юриструденціи, философіи, медицины, риторики, поэзіи, физики, математики, стратегіи. Авторъ отстаиваетъ гуманныя отношенія между крѣпостнымъ и его бариномъ, начальникомъ и подчиненнымъ. Подробно останавливается затѣмъ на логикѣ, хріяхъ, діалектикѣ, категоріяхъ силлагизмахъ и въ особенности грамматикѣ, сообщая всѣ свѣдѣнія изъ этимологіи и синаксиса, склоненія именъ и спряженіе глаголовъ, заканчивая эту обстоятельную главу ознакомленіемъ читателей также съ остальными частями рѣчи діалектики, просодіей и титлами. Согласно правописанію католика Антонія онъ послѣдого обращаетъ въ предлоги (см. стр. 214, 219).

Слѣдующая глава посвящена явленіямъ природы: онъ разсматриваетъ происхожденіе дожда, вѣтра и града. Затѣмъ онъ обращается къ космографіи (описываются солнце, луна, планеты) и архитектурѣ, къ древней исторіи Греціи (Тезей, исторія Трои и пр.), Египта (пирамидъ). Въ заключеніе книги приводятся свѣдѣнія изъ естественной исторіи, различныя игры и четыре ариѳметическихъ дѣйствій ³).

Произведеніе «Калмасоба» приписывается не только царевичу Іоанну, но также Іонѣ Хелашвили. Вопросъ еще не разрѣшенъ, кто авторъ *Калмасоба*, этой грузинской энциклопедіи XVIII в. Но Іоанну, безусловно принадлежать «Подражаніе лѣствицѣ Іоанна» (въ стихахъ, 1807 г.) и обширная записка, подданная имъ Георгію XII въ 1799 г. о

¹) Ср. Давидъ Гурамышвили „Давитіани“.

²) Кроме этого барбаризма, далѣе встрѣчаемъ: „Посланникоба“, іарнали (генералъ).

³) *Калмасоба*, изд. 3. Чичинадзе въ Тифлисѣ 1896, есть перепечатка этой книги изъ журнала „Цискари“ за 1862 и 1867 гг.

реорганизации внутреннего управления Грузии. Сравнивая некоторые главы (напр. о судѣ военномъ и администраціи) изъ записки съ «Калмасоба», мы находимъ сходство, что заставляетъ приписать «Калмасоба» въ значительной степени Іоанну. Быть можетъ, Іона дополнилъ его рукопись некоторыми свѣдѣніями. Іоаннъ же перевелъ логику «Кандильяка» и «Любовную переписку съ Юліей».

Какъ образецъ свѣтской рѣчи, приводимъ надгробное слово, произнесенное Соломономъ Леонидзе ¹⁾, извѣстнымъ „исаджули“ (главный судья), по поводу смерти царя Ираклія II въ 1798 г.

Сегодня природа, восшедшая на престолъ гнѣва, обливается безцѣнной кровью жертвой отъ иверійскаго племени; сегодня чудо небесное позавидовало земному чуду, небо похитило у земли ея богатство, сильныхъ силу, мудрыхъ мудрость, народовъ вѣнецъ, воиновъ начальника и самодержцевъ государственное знаніе. Великіе императоры! Оплакивайте августѣйшій домъ вашъ, плачьте о суетности земного величія. Выслушайте вѣсть достопамятную: не стало Геркулеса, непобѣдимаго царя Ираклія! Посмотрите, какъ все суетно подъ солнцемъ!

А вы, плачущіе роды картвельскіе, воины, непобѣжденные сарацинами! Водилъ васъ царь, какъ Моисей сыновъ Израіля, слышали вы голосъ господина вашего, и слова библіи: „не оскудѣетъ бо князь отъ Іуды“—преисполняли васъ радостью и надеждами. Левъ іудинъ изъ дома Давидова до сегодняшняго дня ходилъ войной на три царства: турокъ, персовъ и народовъ Кавказа. Сегодня же непобѣдимый герой—сочетаніе древняго Геркулеса съ древнимъ Ахиллесомъ, одинъ пошелъ противъ несмѣтныхъ силъ неба. Были сильные міра сего. Нѣтъ ихъ. Не стало и безсмертнаго царя. Хотъ и лишились вы общаго отца, незабвеннаго царя и господина, однако достаточно онъ васъ прославилъ, пока былъ здѣсь. Онъ возвеличилъ имя ваше и на землѣ и на небѣ. Прославилъ родъ свой, прославилъ мужество васъ, грузинъ, до небесъ и нынѣ вознесся къ ангеламъ небеснымъ. Но и здѣсь и тамъ онъ живъ. Зачѣмъ же плачете вы, сыны, покинутые отцомъ?

А ты, храмъ двѣнадцати скипетровъ, упованіе племенъ картвельскихъ, зачѣмъ плачешь ты, домъ Давидовъ, домъ, прославленный великимъ царемъ Александромъ, возвеличенный царемъ Теймуразомъ первымъ, обогранный кровью царицы Кетевани, гдѣ было достаточно радости и праведной жизни, гдѣ блаженной памяти царь Теймуразъ и царица Тамара праздновали рожденіе царя Ираклія, и гдѣ, для искупленія вины картвельскаго рода, росъ царь Ираклій, левъ іудинъ изъ дома Давидова, гдѣ во время пировъ звучала лира Давида; до сихъ поръ на твоихъ пирахъ царь Ираклій, еще въ юности затмившій сильныхъ міра сего, поражалъ всѣхъ своихъ умомъ и мужествомъ. До сихъ поръ на твоихъ пирахъ можно было видѣть царя Ираклія, сидящаго на тронѣ, слышать его царственныя остроты и множество заздравныхъ пѣснопѣній, въ честь его сложенныхъ.

¹⁾ Ему же принадлежитъ извѣстная алегія. Плачъ тушинъ-шавъ-хевсуръ надъ Иракліемъ II.

Зачѣмъ ты плачешь, домъ Давидовъ? Если турки овладѣютъ основаніемъ царства твоего, святымъ олтаремъ небснаго царя, Ираклій дастъ имъ отпоръ. Не онъ ли...

Зачѣмъ ты плачешь, домъ Давидовъ? Если персы овладѣютъ Высочайшимъ трономъ твоимъ, то славнѣйшій изъ всѣхъ царей, когда либо твоими предкамъ рожденныхъ, царь Ираклій имъ дастъ отпоръ. Не онъ ли спасъ Грузію отъ Надиръ Авшари и одинъ противъ тысячи обратилъ въ бѣгство Фаталыхана и царя Авшари Азатхана? Не его ли величіе засвидѣтельствовалъ современный Александръ Македонскій, король прусскій Фридрихъ, вырѣзавъ на монетахъ слѣдующія знаменательныя слова: „Я — Геркулесъ непобѣдимый, а затѣмъ царь Грузіи Георгіанъ?“

Зачѣмъ ты плачешь, домъ Давидовъ? Пока грузинское войско имѣетъ во главѣ царя Ираклія, этого Моисея нашихъ временъ, и пока этотъ славный царскій домъ добываетъ вспомогательныя отряды изъ Великой Россіи, изъ Сибири. кто смѣетъ унижить тебя? Развернется счастливое знамя царя Ираклія, и лезгинны будутъ спѣшить становиться въ наши отряды, осетины и черкесы воспламенятся желаніемъ проливать кровь на глазахъ у царя Ираклія.

Зачѣмъ ты плачешь, домъ Давидовъ? Съ тѣхъ поръ какъ ты удостоился видѣть на своемъ тронѣ царя Ираклія, слава твоя возросла и достигла высоты, недостигнутой всѣми прошедшими вѣками; болѣе возвысился ты, болѣе приблизился къ счастью. Небеса громомъ превозносили могущество твое, сфера земная преклонялась у ногъ твоихъ, луна и солнце состарѣлись въ походахъ царя Ираклія. Днемъ солнце служило въ качествѣ передового полководца, а ночью луна предводительствовала побѣдоноснымъ войскомъ его. Поля и горы, обогранныя неприятельской кровью, повѣствуютъ о немъ. Кто можетъ его забыть? Кто получалъ отъ цезарей тронъ, порфиру и знамя?

Но, государь, на что тебѣ нужны были или царскій вѣвѣцъ или порфира, если ты думалъ покрываться саваномъ, или скипетръ державный, если руки, державшія его, ты намѣревался скрестить на груди, или знамя, затмѣвавшее міръ, если ты думалъ поднять завѣсу страха, покрывавшую нашихъ враговъ, или тронъ царскій, если ты готовилъ себѣ могилу?

Плачь и рыдай земля, которая обогащаетъ родъ человѣчскій драгоценнѣйшими камнями, но которая богатство чувствъ и познаній—царя Ираклія—похоронила въ своей глубинѣ. Смуться, поражайся, плачь о небо! Вѣдь глаза царя Ираклія, подобно Аврааму, благоговѣнно созерцавшіе твою прозрачную лазурь, навѣки закрылись!

Затмись, о солнце, которому опредѣлено затмѣніемъ выражать свое горе! вѣдь солнце земное покрывшейся уже мракомъ Барталиніи—царя Ираклія—не видитъ твоихъ яркихъ лучей! О. силы небесныя!

До сихъ поръ васъ у себя принимавшій въ качествѣ хозяина, царь Ираклій нынѣ является къ вамъ въ качествѣ гостя. Хоть и въ не царскомъ величій вы его увидите, ибо, какъ узникъ, просить онъ у васъ могилы, но примите его благосклонно. какъ единокровнаго царя Кетевани; встрѣчайте его, какъ великаго Константина!

Великій и всемогущій Боже!

Лишились христіанскіе народы защитника своего и общаго отца, сильнаго и доблестнаго мужа! Мы плачемъ, а царь Ираклій, глава—правитель народа, прибѣжище вдовъ и сиротъ, защитникъ отъ враговъ, примѣръ неутомимаго трудолюбія въ могилѣ истлѣвается!

Молимъ Тя, Иисусъ, пощади любвеобильную душу царя Ираклія: спаси отъ бѣды покинутую имъ Грузію!

Буда закатилось ты, свѣтило царскихъ родовъ, у диска котораго мудрецы заимствовали свѣтъ? Гдѣ, государь, твое царственное провидѣніе? Зачѣмъ ты снялъ саблю, побѣды которой неисчислимы, зачѣмъ отвернулся и отъ знамени, которое, развѣваясь въ воздухѣ, затмѣняло землю и вызывало небо на кровавый бой. А небо свидѣтельствовало непобѣдимость Геркулеса-царя.

Зачѣмъ ты прославлялъ высочайшій домъ твой, разъ ужъ думалъ на вѣки съ нимъ разстаться? Зачѣмъ возбудилъ въ своей высочайшей супругѣ гордость царицы, разъ ужъ такъ жестоко думалъ съ ней поступить? Чѣмъ тебя обидѣла славная родина царицы Дареджаны? Зачѣмъ похитилъ гордость семейства Дадіани? Зачѣмъ прославилъ ее на своемъ высочайшемъ тронѣ? Разъ ужъ прославилъ зачѣмъ наказалъ? Зачѣмъ измѣнилъ государынѣ, въ мужѣ и дѣтяхъ счастливой, заставилъ ее облачиться въ трауръ; зачѣмъ сдѣлалъ ее вдовой, о безсердечный? Зачѣмъ лишилъ ее государя мужа, о безжалостный? Гдѣ хоронишь ты цезарями вѣнчанную главу свою? Гдѣ у тебя эти мощныя руки, что и у пернатыхъ, въ поднебесной вышинѣ летавшихъ, похищали жизнь? А любимецъ-дѣвицъ, зачѣмъ ты училъ женской скромности и смиренію, если собирался вынуждать ихъ плакать съ непокрытой головой? Зачѣмъ вселилъ духъ неустрашимой смѣлости и отваги въ сердцахъ твоихъ наслѣдниковъ, если собирался лишить ихъ въ лицѣ себя несокрушимой опоры? Для чего училъ насъ военному искусству и внушалъ мужество, если лишалъ насъ возможности проливать кровь предъ тобою?

Меня недостойнаго, твоими щедротами воспитаннаго, твоему гуманному господству поклонявшагося Соломона, зачѣмъ до сихъ поръ держалъ въ живыхъ, разъ ужъ такой конецъ меня ждалъ?

Гдѣ потерялъ ты, государь, чувство благородной вѣжливости и приличій? Зачѣмъ оно не возмущается: что значать эти ужасныя привѣтствія, это возвышеніе голоса, необычное и неестественное во дворцѣ, которому приличествуетъ торжественное безмолвіе?

Всѣ съ удивленіемъ говорили: горе не тронуло сердца Соломона; оно не отразилось на немъ!

Гордость мнѣ придавали, во-первыхъ, чувство сознанія своей правоты, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что я видѣлъ царя Ираклія живымъ. Зналъ я, что царь Ираклій здравствуетъ—и врагъ и несчастія мнѣ были не страшны. А теперь!.. пусть сердце недруга царя Ираклія такъ страдаетъ, какъ страдаетъ вслѣдствіе его смерти сердце Соломона! Что мнѣ оплакивать? Потерю ли гуманнѣйшаго господина или то, что онъ недавно въ письмѣ, собственной его высочества рукой написанномъ, извинялся предо мной въ причиненіи мнѣ противъ своей воли, неприятности?

Государыня царица и царевичи!

Заклинаю васъ именовъ царя Ираклія, явите мнѣ одну изъ двухъ милостей: или велите меня казнить и положить доской подъ высочайшее тѣло царя Ираклія, чтобы оно на моей груди покоилось, на ней же истлѣвало. Это мнѣ вполне замѣнить тѣ дни, когда я по десяти, по пятнадцати часовъ проводилъ одинъ на одинъ съ незабвеннымъ царемъ. Развѣ это было отношеніе господина къ рабу, или государя къ подданному?

Ваши высочества! Обсудите внимательно и соблаговолите внять просьбѣ моей. (Здѣсь онъ обращается къ присутствующимъ царевичамъ).

Или же удалите меня изъ этой страны, чтобы не горѣть неугасимымъ огнемъ всякій разъ при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я или пораженъ геройству царя Ираклія, или служилъ его побѣдоносному знамени, или кой-когда кровь предъ нимъ проливалъ, или гдѣ во время достопамятныхъ пировъ любилъ онъ выслушивать мои остроты съ незаслуженной съ моей стороны благосклонностью, или же бесѣдовалъ со мной о государственныхъ дѣлахъ.

Государь мой, всеобщій отецъ, царь Иракліи!

На кого мнѣ обратить то безграничное поклоненіе, которое я чувствовалъ къ твоему высочеству, подъ чьимъ знаменемъ служить, кого любить, за кого умирать, для кого жить? Жизнь послѣ твоей смерти, кромѣ позора, ничего мнѣ не судить! ¹⁾

Переводная литература XVII—XVIII вв.—Учебники.

До XVII в. грузинская литература обогащалась преимущественно переводами съ греческаго (нравственно-религіозныя книги) и персидскаго (сказочно-романическими), отчасти она пользовалась переложеніями съ сирскаго и армянскаго языковъ.

Съ XVII в. начиная грузины обращаются за переводами еще къ европейскимъ и русскимъ. Римскіе миссіонеры даютъ въ грузинскомъ переводѣ католическій катехизисъ и наставленія въ вѣрѣ, а русскіе авторы сообщаютъ грузинамъ матеріалъ для ознакомленія съ европейской наукой и техникой. Это теченіе открывается въ Москвѣ. При царѣ Арчилѣ, переселившемся въ Москву, переводится греческій хронографъ ²⁾, съ славянскаго языка «сербскую Александрію». При царѣ

¹⁾ См. это слово въ газ. Иверій за 1898 г. № 7. Ср. *Иоселіани*, Жизнь Георгія XII, стр. 63.

²⁾ Хронографъ—полная исторія, рассказы священные и свѣтскіе съ сотворенія міра: израильтянъ, іудеевъ, ассирянъ, римлянъ и грековъ до взятія турками Константинополя. Онъ переведенъ іеромонахомъ грузинномъ Баграмомъ Сологашвили, инокомъ Афонской Иверской обители, который прибылъ съ царемъ Арчиломъ изъ Грузіи въ Россію. Онъ довелъ свой переводъ только до Феодосія Младшаго, такъ какъ Арчилъ послалъ его въ Швецію въ гор. Стокгольмъ за сыномъ

Вахтангъ предпринимаются переводы съ русскаго языка. Водворившіеся въ Москвѣ вмѣстѣ съ ними грузинскіе дворяне и князья, изучивъ русскій языкъ, обогатили грузинскую литературу дотолѣ неизвѣстными книгами по математикѣ, артиллеріи, исторіи и изящной словесности.

Такъ, Михаэль Эліевичъ, получившій образованіе сначала въ тифлисскомъ католическомъ училищѣ, а потомъ въ московской навигацкой школѣ, перевелъ въ 1724 г. по приказанію Вахтанга VI (при его участіи) геометрію, законченную секретаремъ (мдиваномъ) царя Мельхиседекскомъ Кавкасидзе. Князь Гавріилъ Геловани, воспитавшійся подъ вліяніемъ римскихъ миссіонеровъ, сопровождалъ царя Вахтанга въ Москву, описалъ его путешествіе («Иверія» 1879 г. см. выше, стр. 316) въ Москвѣ въ 1737 г. и перевелъ съ русскаго краткій географическій словарь городовъ, переложенный на русскій языкъ съ латинскаго при Петрѣ В.—Свимонъ Макацаридзе, сынъ крестьянина, докончилъ свое образованіе въ Россіи при Петрѣ В. и перевелъ здѣсь «Домашнюю экономію» (касательно скотоводства, развитія растений, ремеслъ и пр.). Появляются въ переводѣ теоретическая и практическая ариѳметика для дѣтей инспектора гимназіи Аникова, ариѳметическія задачи и упражненія, тригонометрія, логарифмы, географическій словарь Новаго Завѣта (нач. XIX в. архимандрита Тарасія), наставленія въ военномъ искусствѣ короля Фридриха, воинскій уставъ, фортификація, Приготовленіе ракетъ, военныхъ снарядовъ съ чертежами цар. Давида 1799 г. Впервые появляются—Начальное основаніе ситуациі Лукина, въ переводѣ цар. Давида 1791 г., лѣчебники, рецепты и пр.

Заалъ Эндрокішвали, получившій образованіе въ Россіи, составляетъ по образцу русскихъ, учебники по географіи и математикѣ.

Ревазъ Корчибашвили при Иракліи II переводитъ «Пантеонъ», а архим. Порфирій въ 1792 г. «Разрушеніе Іерусалима», Саридонъ Чолакашвили «Телемака» Фенелопа (съ Третьяковскаго), Іоаннъ Картвеловъ «Путешествіе Делапорта». Переводятся цар. Іоанномъ оды («Богъ») Державина и цар. Фарнаозомъ повѣсти («Раиса») Карамзина.

Появляются переводныя молебныя книги, церковно-богослужебныя сочиненія (труды Юсифъ Самебели), описанія Софійскаго собора и наставленія пастырямъ (Іеронима Алексѣева).

Александромъ, взятымъ въ плѣнъ шведами. Съ помощью другихъ самъ Арчилъ предпринялъ продолженіе этого труда съ Маркіана и закончилъ его. Экземпляръ переписанный по порученію Арчила дворянами Онисимѣ и Евфремомъ хранится въ библ. царевича Теймураза.

Одинъ изъ первыхъ учебниковъ для изученія русскаго и грузинскаго языковъ, составилъ въ 1803 г. Годердзи Пираловъ, тифлисскій купецъ переселившійся въ Россію, гдѣ занялъ мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи. Грузинскую грамматику составляли: арх. Гаіозъ, митр. Варлаамъ Эристовъ, царев. Давидъ, Зурабъ Шаншовани (грузино-католикъ, путешествовавшій по Востоку) въ 1737 г., Іоаннъ Картвеловъ (ум. 1825); грамматика послѣдняя оставалась учебникомъ въ Грузіи до 1827 г.

Многіе изъ грузинъ получали образованіе не только въ Россіи, но и въ З. Европѣ. Ихъ познаніями пользовался Ираклій II при организаціи въ Грузіи военнаго искусства и артиллеріи. Сынъ Вахтанга VI Паака обучался въ Англіи. При Петрѣ В. во главѣ артиллеріи стоялъ Александръ, сынъ царя Арчила. Появляются впервые ученые врачи, художники (напр. Исай Джанджугашвили, нарисовавшій Георгія XII и царевича Александра).

Какъ понимали преподаваніе и насколько толково излагали свои мысли авторы учебниковъ, можно судить по торжественной рѣчи архимандрита Гаіоза, посвященной грамматикѣ въ день открытія Телавской семинаріи ¹⁾.

«Я скажу ясно и кратко въ чемъ суть грамматики, какъ начало настоящаго нашего собранія.

Во всемъ этомъ помогала мнѣ молитва духовника моего, святѣйшаго архипастыря и ректора этой семинаріи, царевича отца Антонія, отъ кого я воспринялъ сущность этого ученія.

Между всѣми другими благородными способностями, которыми человекъ превосходитъ животнаго, первое есть слово, которое получено имъ отъ Бога, чтобы свою мысль опъ передавалъ другимъ. Польза отъ этого велика, ибо благодаря слову распространяется наука между людьми, въ противномъ случаѣ она должна была стать въ узкихъ рамкахъ, если отдѣльное было не въ состояніи понять мысль другихъ.

Я здѣсь не буду говорить объ органахъ, но обсудимъ вопросъ о многообразіи и разновидностяхъ и разнообразіи измѣненій сперва въ голосѣ, а затѣмъ въ произношеніи.

Удивляемся сперва многообразію и разновидности идеи, которыя происходятъ отъ органа зрѣнія въ душѣ нашей, также достойно не меньшаго удивленія многообразіе идеи, порождаемыхъ въ зависимости отъ слуха и многихъ другихъ органовъ, что и подтверждаетъ разно-

¹⁾ Болѣе яснаго и правильнаго изложенія сущности грамматическихъ знаній въ грузинской литературѣ XVIII в. мы не знаемъ.

образіе въ голосѣ и измѣненіе его. Въ произношеніи онъ различаеъ гибкость и рѣзкость интонаціи, твердость и мягкость, долготу и краткость, пріятность и непонятность.

Такія измѣненія можно уловить среди окружающихъ насъ персіанъ, сирійцевъ, лезгинъ, осетинъ, черкесовъ и многихъ другихъ народностей кавказскихъ горъ, не помяная образованныхъ народовъ, у которыхъ измѣненій въ голосѣ безчисленное множество.

Эти разнообразныя измѣненія въ голосѣ явились причиной разнообразія нарѣчій». Ораторъ переходитъ къ перечисленію звуковъ по органамъ произношенія. Онъ говоритъ:

«Для произношенія звуковъ существуютъ губы, зубы, горло съ прилегающими къ нимъ частями тѣла и ноздри носа. Движеніе этихъ органовъ имѣетъ два вида отъ коихъ произносимые звуки будутъ въ 1-мъ случаѣ протяжныя, а во 2-мъ короткіе. Протяжныя и легко приимѣаемыя звуки будутъ гласныя а на оборотъ согласныя.

Разнообразныя движенія губъ и горла и происходящіе отъ этого разнообразныя звуки описаны у дидакала и пастыря нашего въ грамматикѣ (ссылка на грам. Антонія, часть 3, § 13).

Отъ соединенія гласныхъ съ согласными происходитъ новый звукъ, который мы назовемъ слогомъ, отъ произношенія ихъ въ одинъ пріемъ безъ перерыва. Когда же отъ соединенія слоговъ происходятъ со страстностью души звуки, относящіеся къ предмету или къ дѣлу, то они называются ловомъ (лекси)...» Отъ фонетики онъ переходитъ къ этимологіи.

«Мы рассмотримъ 2 явленія или 2 рода предметовъ во 1-хъ, чувствующихъ, во 2-хъ дѣйствующихъ.

Такъ какъ человѣкъ способенъ говорить для передачи своихъ мыслей другому, то онъ такъ же способенъ представлять идеи вещей, дѣйствія коихъ онъ сообщаетъ другимъ. Подобное представленіе и выраженія дѣйствія называется глаголомъ, а представленіе и выраженіе самой вещи называется именемъ. Такъ какъ эти двѣ части рѣчи постоянно соединяются между собою для выраженія предмета и его дѣйствія, то они и должны имѣть въ грамматикѣ первенствующее мѣсто.

Множественность идеи и быстрое представленіе вещей, для передачи безъ затрудненій, заставили человѣка потрудиться надъ тѣмъ, чтобы возможно было говорить коротко, ясно и благозвучно. Поэтому онъ долженъ былъ удалить неблагозвучныя комбинаціи звуковъ и даже словъ, каковыя суть мѣстоимѣнія, междометія и союзы. Мѣстоимѣніе замѣняетъ въ разговорѣ названіе или имя предмета, междо-

метіе-же однимъ произношеніемъ звука дѣлаетъ яснымъ состояніе души.

Потребность также заставила человѣка отыскать средство для краткаго, но точнаго выраженія дѣйствій вообще, каковыми средствами являются причастіе, нарѣчіе и предлогъ для обозначенія положенія и состоянія, а союзъ для совокупленія и соединенія.

Теперь намъ ясно, что имя существительное и глаголь суть необходимыя и главныя части человѣческаго слова, а мѣстоименіе, причастіе, междометіе, союзы и др. которыя выполняютъ лишь малую функцію—второстепенныхъ. Человѣческая рѣчь имѣетъ 8 частей. 1) Имя существительное для опредѣленія предмета. 2) Мѣстоименіе, для краткости замѣняющее имя. 3) Глаголь для опредѣленія дѣйствія предмета. 4) Причастіе—означающее дѣйствующее лицо. 5) Предлогъ для указанія положенія предмета. 6) Нарѣчіе для краткаго указанія обстоятельствъ глагола. 7) Союзъ для опредѣленія связи многихъ предметовъ между собою. 8) Междометіе для выраженія состоянія души.

Всѣ предметы находящіеся на землѣ имѣютъ нѣкоторое сходство между собою кои обозначаются однимъ общимъ именемъ и это имя есть собирательное, а имя, указывающее на одинъ не раздѣльный предметъ, есть собственное.

Представленіе многихъ разнообразныхъ предметовъ наталкиваетъ нашъ умъ на изслѣдованія особенностей каждаго изъ этихъ предметовъ. Названіе предмета есть имя существительное, но названіе качества, которое всегда соединяется, съ предметомъ и не можетъ самостоятельно существовать въ зависимости отъ предмета—есть имя прилагательное.

Предметы раздѣляются на два рода: одушевленные и неодушевленные. Первое названіе указываетъ на оба рода одушевленныхъ существъ; первый родъ одушевленныхъ существъ называется мужскимъ а второй женскимъ, а родъ неодушевленныхъ предметовъ называется среднимъ.

Выраженіе одного предмета однимъ словомъ есть простое имя, а двумя или многими сложное.

Вещи мы представляемъ или каждую особо, или нѣсколько вмѣстѣ, по сему и указаніе на одинъ предметъ называется единственнымъ числомъ, а на многихъ множественнымъ числомъ. И здѣсь замѣтно стараніе человѣка для выраженія, какъ одного предмета, такъ и многихъ однимъ словомъ.

Слова соединяются между собою для ясности, и въ такомъ случаѣ, когда слово представляетъ предметъ просто и независимо отъ

других ставится въ именительномъ падежѣ; падежъ, указывающій на происхожденіе какого-нибудь предмета, наз. родительнымъ; указывающій на принадлежность—наз. дательнымъ; когда же дѣйствіе предмета переходитъ на другой предметъ, то падежъ наз. винительнымъ; сила или орудіе ставится въ падежѣ, который называется творительнымъ; для обозначенія дѣйствующаго предмета употребляется повѣствовательный падежъ; обращеніе—въ звательномъ падежѣ. Такое измѣненіе словъ по значенію называется измѣненіемъ по падежамъ, которыхъ на грузинскомъ языкѣ 8.

Виѣствъ съ представленіемъ предмета мы представляемъ и дѣйствіе его, которое бываетъ двоякаго рода. Первый указываетъ на самостоятельность дѣйствующаго предмета и есть дѣйствительный залогъ, второй же указываетъ на зависимость отъ другого предмета и есть страдательный залогъ; есть и другія виды дѣйствій и глаголъ, указывающій, что дѣйствіе предмета не переходитъ на предметъ, называется среднимъ.

Но такъ какъ человѣкъ имѣетъ стремленіе передавать другимъ свои мысли, то онъ долженъ ясно представлять, теперь ли происходитъ дѣйствіе, или оно было, или будетъ. Слово, указывающее на дѣйствіе въ настоящей моментъ, наз. настоящимъ временемъ, на бывшее дѣйствіе—прошедшимъ, а на долженствующее быть—будущимъ. Этыхъ трехъ временъ вполне довольно для выраженія всякой, даже блестящей мысли ¹⁾.

Такъ какъ человѣку необходимо было передавать свои мысли 3-му лицу при посредствѣ второго, то отсюда является дѣйствіе 3-хъ лицъ, т. е. 1-е, передающее свои мысли, второе, кому передаются для передачи, а 3-е для кого высказываются.

Выраженіе, посредствомъ котораго дѣйствіе становится яснымъ, называется опредѣленнымъ наклоненіемъ, повелѣніе или приказаніе поступать выражается повелительнымъ наклоненіемъ, при существованіи же препятствія для дѣйствія и при возможности выполненія его употребляются два наклоненія: желательное и сослагательное.

Способность человѣка къ членораздѣльной рѣчи является причиной передачи мысли отъ одного къ другому, нуждающемуся въ ней, для этого же необходимы были 3 части рѣчи. Изъ нихъ первая дѣлаетъ яснымъ дѣйствіе, вторая указываетъ на самое дѣйствіе и третья на дѣйствующій предметъ. Ораторъ обращается къ синтаксису. «Соеди-

¹⁾ Любопытно, что грамматикъ не игнорируетъ психологическихъ явленій и исходить изъ нихъ въ своихъ сужденіяхъ.

неніе частей рѣчи называется синтаксисомъ, а остальные части рѣчи являются опредѣляющими и дополняющими по отношенію къ дѣйствующему предмету, т. е. имени существительному или къ самому дѣйствию, т. е. глаголу. Широкое представленіе этого знанія и указаніе на дѣйствительную пользу всего этого далъ нашъ дидаскаль во второмъ изданіи своей грамматики».

Въ заключеніе ораторъ заявляетъ, «что грамматика есть философская мысль, присущая человѣческой словесности и въ особенности риторикѣ».

Дѣлается переходъ къ требованіямъ риторики: «Риторика требуетъ краткости, ясности, живости и благозвучности слога. Безъ риторики и грамматики философъ неубѣдителенъ, историкъ непріятенъ, богословъ сомнителенъ, судья бесполезенъ. Всѣ нуждаются въ грамматикѣ—даже мудрецы, какъ въ основѣ всякаго знанія, о чемъ говоритъ философъ Іоаннъ Петрици: «грамматика есть пробный камень для дѣйствій или описаній».—Ораторъ возвращается къ благодарности Ираклію II и Антонію I. И это преддверіе словесности, т. е. грамматику предлагаю юношамъ какъ лепту. Сперва благовѣрному царю нашему, огцовски заботящемуся о своихъ подданныхъ, затѣмъ святѣйшему папѣ нашему и духовнику, т. е. его же ему и наконецъ вашей честности, какъ вкладъ въ основаніе словесности».

Оканчивается рѣчь призывомъ благословенія на царя и на новое дѣло. «Всесильный Боже, мудро управляющій всѣми, сохрани во благоденствіи Тобою данную жизнь и Тобою же прославленнаго царя нашего Ираклія съ августѣйшимъ семействомъ, чрезъ котораго распространилъ Ты это благое дѣйствіе Твое между нами и до послѣдняго въ родѣ человѣческомъ до скончанія вѣка ¹⁾».

¹⁾ „Въ 1783 г. 28 мая въ 3 часа собрались въ семинаріи всѣ знаменитыя лица Телавы. Пропѣли „Царю Небесный“.

Семинаристами были произнесены удивительныя и привлекательныя рѣчи.

Послѣ этого произнесъ слово ректоръ семинаріи объ расширеніи дѣлъ ихъ высочества и о пользѣ грамматики.

Послѣ этого семинаристы вступили въ преніе между собою.

Затѣмъ прочли посланіе къ семинаристамъ его преосвященство.

Послѣ этого—слово ректора, обращенное къ Некресскому епископу Досиѣю Черкезову, опять пѣніе и конецъ акта.

Эти оба слова переписаны здѣсь: одно о пользѣ грамматики, а второе благодарственное“.

Эта программа торжества отмѣчаетъ схоластическіе диспуты воспитанниковъ, перенесенные въ Телавскую семинарію, очевидно, изъ Славяно-греко-латинской академіи.

Юридическіе памятники.

Юридическими памятниками оригинальными и переводными Грузинская литература богата. Номоканонъ греческій, переведенный св. Евѣміемъ († 1058 г.) ¹⁾ среди переводныхъ представляетъ крупный научный интересъ. Главное его содержаніе составляетъ переводъ правилъ VI вселенскаго собора, бывшаго въ 691 г. въ Трулль при Юстиніанѣ Безносомъ, хотя соборъ въ грузинскомъ переводѣ смѣло отождествленъ съ общепризнаннымъ VI вселенскимъ соборомъ, бывшимъ за 10 лѣтъ прежде и не издавшимъ никакихъ каноническихъ опредѣленій. Наибольшій интересъ возбуждаетъ пентенціальный сборникъ Іоанна Постника, вошедшій въ переводъ св. Евѣмія ²⁾.

«Дзеглисъ-цера», или постановленія духовнаго собора при царѣ Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) является наиболѣе древнимъ памятникомъ грузинскаго законодательства. Въ 1280—1282 гг. состоялся, повидимому, въ Тифлисѣ, судъ по одной дефектной рукописи XVII в., при царѣ Дмитріи Самопожертвователѣ духовный соборъ по вопросу о возвращеніи церкви занятыхъ мірянами церковныхъ имѣній. Объ этомъ соборѣ упоминаетъ и грузинская лѣтопись «Картлисъ Цховреба». Къ XIV в. относится «Дзеглисъ-деба» царя Георгія Блистательнаго (1318—1346 гг.), вытѣсниваемаго монголовъ изъ Грузіи. Этотъ памятникъ заключаетъ въ себѣ «уложеніе» для горцевъ, касательно

¹⁾ Въ Тифл. церков. музеѣ хранятся Большой Номоканонъ 1217 г. и Малый Номоканонъ, переводъ св. Евѣмія, переписанный въ 1703 г. въ Константинополѣ, „Новомъ Римѣ“, по приказанію Григорія Мтацминдели, рукою инока Василія, Евстратія Малушидзе, въ царствованіе Романоза. („Иверія“, 1898, № 41, 42.

²⁾ См. Mél. Asiat, t. VII, Broasset. Notice sur un Nomocanon géorgien и Забѣчанія о грузинскомъ Номоканонѣ, письмо проф. А. С. Павлова изъ Одессы къ акад. Броссе (1874 г.). Въ нѣкоторыхъ сборникахъ канонѣвъ (XIII в.), приписываемыхъ переводчику св. Евѣмію, мы находимъ слѣд. статьи: Постановленія VI вселенскаго собора, переведенныя св. Евѣміемъ Мтацминдели и рядомъ съ ними— 2) Каноны отцевъ церкви (Василія Бесарійскаго, Меодія Константинопольскаго и др.); 3) Анаѳематствованіе Евтихіа Діоскура, яковитовъ, армянъ, Арія, Маркіона и др.; 4) Опроверженіе ислама и жидовствующей ереси; 5) Постановленія Антиохійскаго и Лаодикійскаго соборовъ и пр. Въ названномъ сборникѣ 1202 г. приводится отвѣтъ св. Евѣмія иноку Георгію на его вопросъ о книгахъ каноническихъ и неканоническихъ. См. *Жорданія*, Хроникн, II, стр. 83, у меня I вып. „Очерковъ“ и Аѳонскій сборникъ, изд. Тифл. церк. музеемъ. Т. 1900.

взысканія за кровь и насиліе; выработанное царемъ при участіи католикоса Евѳимія, ущельскихъ старцевъ и народа. Уложеніе Георгія состоитъ изъ 46 статей. Дополненіемъ къ этому законодательскому акту можетъ служить Сигель Горгадзе о цѣнѣ крови и документъ, хранящійся въ Кутаисскомъ депутатскомъ собраніи о взысканіяхъ за кровь Чачеладзе ¹⁾. XIV и XV столѣтія доставили Грузіи законы мекхійскихъ правителей Беки (1361—1391), пополненные внукомъ его Агбулой (1444—1451). Эти законодатели извѣстны подъ именемъ Джакели и Цихисъ-Джварели отъ названія своихъ замковъ. Законы ихъ (176 статей) преподаны были населенію Самцхе-Саатабаго по примѣру Георгія Блистательнаго. Къ XV же вѣку относится сигель царя Александра, данный Тлашадзе о цѣнѣ крови. Къ концу XVI и къ началу XVII в. относятся католикосовы законы (изъ 23 статей) противъ распространившихся въ Имеретіи «разводовъ, убійствъ, тайнаго плѣнопродавства и много другихъ противныхъ религіи безпорядковъ».

Въ началѣ XVIII вѣка грузинскіе законы получаютъ опредѣленную систематизацію благодаря ихъ кодификаціи царемъ Вахтангомъ VI, прозванныхъ законодателемъ. Въ составъ сборника царя Вахтанга VI вошли: уложеніе царя Вахтанга, и законы греческіе, армянскіе царя Георгія V, атабеговъ Беки Агбуги, — Мисеевы, католикосовы и обычаи, получившіе законодательное освѣщеніе при грузинскихъ царяхъ, послѣ Вахтанга VI.

Происхожденіе законовъ греческихъ, армянскихъ и моисеевыхъ, вскрывающихся въ уложеніи царя Вахтанга VI, требуютъ разъясненія. Подъ армянскими законами разумѣются «переводъ изъ книги законовъ Великой Арменіи», приписываемыхъ Мехитару Гошу (431 ст.), дѣятелю исхода XII и начала XIII в. Существуетъ мнѣніе, что законы Гоши примѣнялись въ Грузіи въ дѣлахъ торговыхъ, коммерческихъ. Законы Моисеевы (52 ст.) заимствованы изъ Второзаконія. Греческіе законы имѣютъ слѣд. заголовокъ: законы Льва Мудраго, Константина и др. государей для руководства царямъ и судьямъ. Ак. Броссе полагалъ, что упоминаемый Левъ—императоръ Левъ Мудрый, Константинъ сынъ его—Константинъ VI. Сборникъ греческихъ законовъ въ Вахтанговомъ уложеніи по его мнѣнію это—Синописисъ Василикъ, составленный Романомъ, сыномъ Константина VI. Баронъ Розенкампфъ въ 5 приложеніи къ «обозрѣнію Кормчей Книги» считаетъ греческіе законы у Вахтанга однимъ изъ прохироновъ, составленныхъ въ царствованіе Василія Македонянина, Леона и сыновей его. Проф. Чубиновъ источ-

¹⁾ Памятникъ приготовленъ мною къ печати.

никами греческихъ законовъ грузинскаго уложенія считаетъ шестикнижіе Арменопула и Властерова алфавитное собраніе, т. е. Синтагма Матвѣя Власторя. Къ этому мнѣнію присоединяется новый изслѣдователь этого спорнаго вопроса проф. Сокольскій въ статьѣ «Греко-римское право въ уложеніи Вахтанга» (Ж. М. Н. П. 1897, сент., отзывъ объ ней Виз. Врем. V вып. 1898).

Въ своей статьѣ г. Сокольскій обосновываетъ слѣд. главные тезисы: 1) Греческіе законы грузинскаго уложенія не только заимствовали въ значительной степени свои положенія изъ Властаря, но они суть не что иное, какъ сокращеніе синтагмы Властаря, положенное изъ Арменопула и другихъ источниковъ. 2) Сокращеніе это составлено не въ Грузіи а въ самой Греціи, на что указываетъ распределеніе матеріала въ порядкѣ греческаго алфавита, а также и то обстоятельство, что епитоматоръ синтагмы Властаря, легшей въ основу грузинскаго уложенія не только сокращалъ ее, но и пополнялъ извлеченіями изъ Арменопула и другихъ источниковъ, чего грузинскій компиляторъ сдѣлать не могъ. 3) Сокращеніе это, или подобное ему, было весьма распространено въ Московской Руси, гдѣ оно имѣло авторитетъ наравнѣ съ великокняжескими и царскими законами. 4) Греко-римское право содержится не только въ томъ отдѣлѣ уложенія царя Вахтанга, который озаглавленъ «законы греческіе», но и въ отдѣлѣ, отмѣченномъ, какъ, «законы армянскіе». Находящіеся въ армян. отдѣлѣ первыя 150 ст. представляютъ переводъ армянской редакціи сирійско-римскаго Юрид. сборника, составленнаго въ концѣ V в. при имп. Василискѣ. Такъ изученіе уложенія Вахтанга, назв. авторомъ *Epitome Syntagmatis Matthaei Blastaris ad Hexabilium Armenopuli mutati* (по терминологіи, установленной для памятниковъ византійскаго права знаменитымъ Цахаріэ-фонъ-Мингенталемъ) дало возможность раскрыть одну изъ темныхъ страницъ въ исторіи вліянія Византіи на Грузію.

Мнѣніе о использованіи сборника царя Вахтанга VI въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, основанное на томъ, что въ послѣднемъ имѣются статьи, которыя отсутствуютъ въ византійскомъ законодательствѣ, источникъ кодекса «тишайшаго царя», можетъ быть принято съ оговоркой. Прямыхъ указаній о вліяніи грузинскаго законодательства на русское не только не имѣется, но время составленія уложенія Алексѣя Михайловича (1646—1676) предшествуетъ эпохѣ кодификаціи царя Вахтанга (начало XVIII в.). Обратное воздѣйствіе болѣе допустимо: по крайней мѣрѣ, это позволяетъ сказать сохранившійся въ Академіи Наукъ грузинскій переводъ уложенія

Алексѣя Михайловича. Переводъ исполненъ по приказанію царя Вахтанга его сыномъ Бакаромъ и Леономъ Бакаровичемъ.

Кодексъ Вахтанга VI отличается гуманнымъ взглядомъ на неприкосновенность человѣческой личности, на ея отношенія къ другимъ и на характеръ и наказуемость преступленій. Страшныхъ даже для воображенія казней, которыми изобиловали прежніе европейскіе кодексы, вообще не встрѣчаются въ грузинскихъ законахъ ¹⁾.—Къ юридическимъ актамъ относятся различныя дарственныя записи, гуджары и сигели ²⁾.

Дополненіе къ грузинскимъ католическимъ законамъ.

Для освѣщенія вопроса объ отношеніи церкви къ государству въ Грузіи, о духовномъ судѣ, о церковныхъ владѣніяхъ недостаточно пользоваться узаконеніями католиковъ и необходимо обратиться къ церковнымъ актамъ, дошедшимъ до насъ въ громадномъ количествѣ. Эти акты или „гуджары“ заключаютъ въ себѣ не только разрѣшеніе отдѣльныхъ частныхъ спорныхъ вопросовъ, но представляютъ иногда цѣлый рядъ новыхъ узаконеній и дополненій къ существующему законодательству. Такимъ дополненіемъ къ законамъ католиковъ можетъ служить напечатанный впервые мною ³⁾ на грузинскомъ языкѣ актъ Бичвинтскаго храма.

Бичвинтскій актъ ⁴⁾ написанъ на пергаментѣ изъ пяти отдѣльныхъ листовъ, перешитыхъ между собою бѣлыми нитями. Актъ, вѣроятно составлялся постепенно, начиная съ XIV до конца XVII в. Это мнѣніе мы основываемъ на слѣдующихъ доводахъ: упомянутые въ актѣ цари—Великій Багратъ V (1360—1395), Георгій II Имеретинскій (1548—1585), Теймуразъ I, жившій въ первой

¹⁾ Литература о груз. законодательствѣ не богата. Объ немъ см. „Арх. ист. и практ. свѣдѣній“ *Калачова* кн. VI, 1861, въ указ. по ист. рус. права № 229. „*Съв. Пчела*“ 1839, № 142. О древнемъ законодательствѣ Грузіи „*Библия для Чит.*“ т. XXVI, 49. Нѣкоторые законы ц. Вахтанга, см. еще Библия. Кодиф. отдѣла 1880 г. № 408 и Энцикл. Лекс. т. IX, СПб. 1837, стр. 132.

²⁾ См. Отзывъ *А. С. Френкеля* изд. Сборникъ законовъ груз. ц. Вахтанга VI при русскомъ ихъ переводѣ, сдѣланномъ Д. З. Баградзе (Тифлисъ, 1887 г.). Ср. *Дарестъ*. Исслѣдованія по исторіи права и *М. Ковалевскаго* Законъ и обычай на Кавказѣ. М. 1890.

³⁾ Изданія подобныхъ памятниковъ см. въ I т. „Актовъ Кавказ. Археогр. Ком.“, *Пурицеладзе*, Церковные гуджары, Двор. и Крестьянскія грамоты, Гуджары, изд. мною: „Древности Грузіи“, печатавшіяся въ журн. „*Моамбэ*“ и *Жорданія*, „*Хровики*“ и пр. См. у него въ особенности т. II, стр. 94, 125, 162, 182, 184, 193, 356—7, 232—7, 243, 250, 251—4, 262, 283, 291, 336, 342, 278—9 (Сигель Журули), 272 (вознагражденіи Самтавнели), 285 (уплата неустойки за отказъ отъ брака). См. еще *Цагарели*, Свѣдѣнія, III в.

⁴⁾ „Гуджары“ (церковные акты). Кутаисъ. 1891 г., стр. 130—4.

⁵⁾ См. мою ст. въ „Юридич. В.“ за 1892, июль—августъ.

половинѣ XVII ст., владѣтельные князья Мингрелин—Дадіани Маміа III († 1532), сыновья его Леванъ († 1572), Георгій († 1582), Маміа IV († 1590), Ростомъ, владѣтель Гуріи († 1564) и сынъ его Георгій († 1600) дѣлають приношенія Бичвинтскому храму, жертвуютъ крестьянъ и деревни, скрѣпяя свои дары собственноручной подписью. Католикосы, утверждающіе этотъ актъ, подобно въ немъ названнымъ царямъ и князьямъ, жили въ различное время, въ разныхъ частяхъ Грузіи: здѣсь упоминаются католикосы Малахія, Евдемонъ, Евеній, Захарій, Давидъ, Максимъ и др. Достаточно сказать, что Малахія жьлъ въ XVI в., а Максимъ—въ XVIII в., чтобы убѣдиться въ предположеніи о постепенномъ составленіи Бичвинтскаго акта, получившаго настоящій видъ не ранѣе первой четверти XVIII в., въ теченіе четырехъ вѣковъ.

Предлагаемъ теперь извлеченіе наиболѣе важныхъ отрывковъ изъ занимающаго насъ акта.

§ 1 ¹⁾. „Теперь объявляемъ всѣмъ великимъ и малымъ нашимъ подданнымъ: никто изъ васъ да не дерзнетъ проявить какое либо враждебное дѣйствіе или совершить преступленіе по отношенію къ братіи Бичвинтскаго храма, его церковнымъ людямъ, крестьянамъ, деревнямъ и помѣстьямъ.

§ 2. Если кто погрѣшитъ предъ симъ великимъ храмомъ,—погубитъ душу, а кто, ворвавшись въ храмъ, похититъ что либо, тотъ изъ крестьянъ царскихъ съ своимъ владѣніемъ дѣлается церковнымъ крестьяниномъ. Если же церковь ограбить крѣпостной вельможи, князя или дворянина, то пусть его господинъ съ 12 себѣ равными и 24 равными разбойнику принесутъ присягу, что разбой совершень безъ его вѣдома. Если присягнетъ господинъ, то онъ неповиненъ, а разбойникъ съ своимъ участкомъ и имѣніемъ переходитъ во владѣніе церкви. Если же господинъ не присягнетъ, то и имѣніе его отбирается въ пользу церкви, и самъ вмѣстѣ съ разбойникомъ наказывается смертною казнью черезъ повѣшеніе.

§ 3. Если воръ унесетъ изъ ограды церкви что либо, то онъ долженъ уплатить за безчестіе тройную цѣну крови князя ²⁾. Если же онъ похититъ что либо извнѣ ограды церкви на разстояніи колокольнаго звона, или угонитъ скотину, то въ удовлетвореніе за безчестіе пусть будетъ взыскана двойная цѣна крови князя.

§ 4. Если кто либо изъ вельможъ, князей или дворянъ будетъ поносить словесно или дерзнетъ нанести оскорбленіе дѣйствіемъ католикосу, пусть будетъ взыскано съ него въ пользу церкви 50 крестьянъ, а въ удовлетвореніе католикоса съ большими извиненіями—цѣна двухъ кровей.

¹⁾ Дѣленіе на параграфы лишь для удобства пользованія произведено нами.

²⁾ По законамъ царя Вахтанга VI (§§ 26, 27 и 28) на удовлетвореніе крови первѣйшаго князя опредѣляется 15.600 руб.; за кровь средняго князя—7.680 р.; за кровь третьекласснаго князя—3.840 р. Если эту цифру умножить на три, то получимъ сумму штрафа, налагаемаго актомъ за похищеніе церковныхъ вещей.

§ 5. За нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ, поруганіе, нападеніе на домъ или арестъ кого либо изъ братіи, взыскать 6 крестьянъ въ пользу церкви и 200.000 тетри ¹⁾ потерпѣвшему ²⁾).

§ 6. За убійство кого либо изъ братіи или церковнаго челоуѣка („сына“) взыскать въ пользу церкви 20 крестьянъ, а за двѣ крови дать ему удовлетвореніе.

§ 7. За угонъ табуна католикоса—600.000 тетри взыскивается въ пользу церкви.

§ 8. За разбивку табуна названныхъ церковныхъ людей 10.000 тетри въ пользу церкви, а 2.000 потерпѣвшему съ возвращеніемъ и похищеннаго послѣднему.

§ 9. За ограбленіе посланника (гонца) католикоса—10.000 тетри церкви и 4.000—потерпѣвшему.

§ 10. За угонъ рабочихъ и не рабочихъ быговъ 18 000 тетри церкви. За ограбленіе гонца должностныхъ лицъ 4.000 тетри церкви и 2.000 потерпѣвшему.

§ 11. За нанесеніе побоевъ или оскорбленіе словами епископу взыскивается 12 крестьянъ въ пользу церкви и 300.000 тетри потерпѣвшему. Если дерзнувшимъ на это преступленіе окажется крестьянинъ, то онъ съ своимъ имѣніемъ отчисляется во владѣніе церкви ³⁾).

§ 12. За убійство служителя или крѣпостнаго католикоса взыскивается въ пользу церкви 6.000 тетри, 300.000 за кровь и 15.000 въ видѣ задатка до уплаты за кровь („санахшире“) ⁴⁾. Служителямъ церкви воздается удовлетвореніе наравнѣ съ церковными людьми. За убійство церковнаго служителя 700.000 тетри церкви, 40.000 за кровь и 15.000 „санахшире“.

§ 13. За совершеніе побѣга или грабежа селенія или крестьянъ, также угонъ скота въ предѣлахъ колокольнаго звона, 600.000 гривенниковъ („кирма-неули“) церкви и 3.000 потерпѣвшему.

§ 14. За убійство крестьянъ служителей монастырскихъ городовъ, селеній, помѣстій и подворій 60.000 тетри церкви, 30.000 за кровь и 15.000 „санахшире“.

¹⁾ Тетри—серебряная монета въ 5 коп.

²⁾ Nach einem Kapitular Ludwigs I. äusserte, dass der in der Kirche begangene Todschatz mit dem Leben unter Umständen mit 600 Solidi und dem Königsbaune, die in der Kirche an Kleriken verübte Verwundung mit dreifacher compositio und dera Bannbusse gesühnt werden musste. *Brunner Rechtsgesch.*, II, 46—7.

³⁾ Wer in Gegenwart des Bischof das Schwert zückt, verliert die Hand; wer est thut in der Stadt oder in dem Hause, wo der Bischof sich aufhält, aber nicht in dessen Gegenwart, wird ausgestäupt. *Brunner Rechtsg* II, 47.

⁴⁾ „Санахшире“—задатокъ до уплаты за кровь—употребляется часто въ грузинскихъ юридическихъ памятникахъ. „Кирманеули“—гривеннику.

§ 15. За набѣгъ на селенія и сельчанъ 200.000 тетри церкви, 2.000 сельчанамъ и добыча остается имъ же. За убійство напавшихъ кровь и „санах-шире“ не взыскиваются.

§ 16. За угонъ изъ стада 30.000 тетри церкви и 2.000 потерпѣвшему. За ограбленіе церкви взыскивается цѣна четырехъ кровей.

§ 17. За кражу топора у церковнаго крѣпостнаго взыскать для пострадавшаго цѣну двойной крови, если онъ духовное лицо, и одну кровь, если онъ свѣтское лицо.

§ 18. Кто броситъ жену, съ него взыскивается полная кровь.

§ 19. За вырубку виноградника, принадлежащаго церкви или церковному крѣпостному 30.000 тетри церкви и 1.000 потерпѣвшему. Тоже самое взыскивается за порчу мельницы.

§ 20. За побой конюха, столбника, пастуха крѣпостнаго Бичвинтскаго храма взыскивается 10.000 тетри церкви и хозяину потерпѣвшаго.

§ 21. За разбой и хищнической грабежъ чего либо 20.000 тетри въ пользу церкви.

§ 22. За ловлю рыбы безъ вѣдома католикоса въ Бичвинтской рѣкѣ 20.000 тетри церкви. За пораненіе церковнаго крѣпостнаго безъ слѣда три „геби“¹⁾, съ клеймомъ же—12 часть крови.

Нынѣ утвердили заступничествомъ Бичвинтской Богородицы достойную уваженія и страха для всѣхъ людей грамоту. Такъ какъ Бичвинтскій храмъ есть первѣйшій, то мы постановили и утвердили сію грамоту, никто да не измѣнитъ и не нарушитъ ея.

Въ законахъ католикосовыхъ, извѣстныхъ въ печати въ русскомъ переводѣ, мы не находимъ означенной въ актѣ квалификаціи преступленій противъ церкви и наказаній или взысканій за нихъ. Съ другой стороны, законы католикосовы носятъ болѣе суровый характеръ, чѣмъ Бичвинтскій актъ. § 3 этихъ законовъ прямо гласитъ: „кто церковь обокрадетъ и образа ограбитъ, тотъ безъ суда да будетъ повѣшенъ“. Въ слѣдующемъ параграфѣ (§ 4) читаемъ: „кто, вошедъ въ церковь, унесетъ изъ оной имущество, съ того взыскать похищенное, а самого изувѣчить“. Достаточно для подкрѣпленія нашей мысли сопоставить съ этими параграфами вышеприведенные изъ Бичвинтскаго акта § 2, гдѣ только по суду наказывается воръ, и § 3, гдѣ за похищеніе церковныхъ вещей полагается не изувѣченіе, а лишь усиленное взысканіе крови, т. е. денежное вознагражденіе. Далѣе, параграфъ 23 законовъ католикосовыхъ предписываетъ: „кто оставитъ жену свою безъ причины законной... да подвергнется смертной казни“. Постановленіе по Бичвинтскому акту касательно этого вопроса опять отличается большей гуманностью и мягкостью. § 18 этого акта назначаетъ: „кто броситъ женщину, съ него взыскивается полная кровь“.

¹⁾ Значеніе слова „геби“ неизвѣстно. Нужно полагать, что „геби“ составляетъ какую-либо дробь, во всякомъ случаѣ меньше $\frac{1}{4}$.

При чтении законов католикосовых явно выступает влияние кормчей книги, на которую часто дѣлается ими ссылка. „Кто осмѣлится, читаемъ, напримеръ, въ § 18, злословить католикоса или епископа, того наказать, какъ въ книгѣ кормчей предписано“. Въ Бичвинтскомъ актѣ намъ не приходится встрѣчать указаній на кормчую книгу; это, кажется, служитъ свидѣтельствомъ, что постановленія собора, сохранившіяся въ нашемъ актѣ, не отражаютъ на себѣ вѣдѣствія греческаго законодательства по церковнымъ вопросамъ и представляютъ памятникъ мѣстный, національный.

Зрѣлища и театр.

Свѣдѣнія о различныхъ зрѣлищахъ и театральныхъ представленіяхъ въ Грузіи восходятъ къ XVII вѣку. Древніе же грузины забавлялись различными играми, въ которыхъ проявлялись ихъ сила, ловкость, изворотливость, таковыми были: игра въ мечъ, стрѣльба въ цѣль, единоборство, кулачный бой, конскіе бѣга и скачки. Къ этимъ препровожденіямъ присоединялись пѣніе, музыка и охота ¹⁾. Свѣдѣнія о различныхъ видахъ гимнастическихъ упражненій сообщаютъ царственные писатели Арчилъ, Теймуразъ, Вахушти и очевидцы этихъ забавъ еще въ началѣ текущаго столѣтія.

До послѣдняго времени въ Грузіи въ первый понедѣльникъ Великаго поста устраивается шумный народный маскарадъ, извѣстный подъ именемъ Кееноба. Это шумная уличная процессія, во главѣ которой идетъ кеени, изображающій шаха въ карикатурномъ видѣ: онъ сидитъ на ослѣ или на верблюдѣ, одѣтъ въ бараній тулупъ наизнанку, на головѣ войлочный колпакъ, лицо вымазано сажей. Иногда за нимъ слѣдовала и супруга. Ихъ сопровождаетъ зурна, окружаютъ чины свиты въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ. Процессія обходитъ главныя улицы города, причѣмъ свита усиленно выпрашиваетъ подачки у зрителей, врывается въ дома, чѣмъ нагоняетъ страхъ на дѣтей. Подобное чувство отъ кееноба испытывали мы въ дѣтствѣ, проведенномъ нами въ г. Гори. На пріобрѣтенныя подачки не только деньгами, но и провизіей устраивается въ заключеніе шумный пиръ, оканчивающійся вечеромъ кулачнымъ боемъ. Предварительно кеени привозили къ рѣкѣ и бросали его съ шумомъ и гикомъ туда, какъ бы съ намѣреніемъ утопить, онъ пользуется этимъ, чтобы обмыть выпачканное лицо. Говорятъ, что въ прежнія времена въ процессіи участвовалъ самъ грузинскій царь. Между партіями царя

¹⁾ См. Карглисъ-Цховреба, ч. I и II. Ср. Журн. „Иверія“ 1885, № I Древнегруз. препровожденія времени.

в кеени и происходилъ вечеромъ кулачный бой. Нерѣдко теперь одновременно появляются въ разныхъ концахъ города по два, по три кеени партіи которыхъ вступаютъ въ заключеніи пира въ горячій, беспощадный бой, сопровождающійся иногда и бросаніемъ камней, что часто влечетъ за собою опасныя пораненія. Въ этомъ зрѣлищѣ принято усматривать воспоминаніе побѣды грузинскаго царя надъ какимъ-то персидскимъ шахомъ. Вѣрнѣе мнѣніе, по которому кееноба не отголосокъ историческаго событія, а переживаніе отдаленныхъ языческихъ временъ. Въ нихъ можно видѣть остатки весеннихъ игрищъ. Аналогичныя шутовскія процессіи у осетинъ, армянъ, наконецъ у персовъ (въ Испагани) возводятъ грузинское кееноба или къ общему источнику, ведущему начало отъ языческаго игрища, олицетворявшую весеннюю побѣду свѣтлаго солнца надъ мрачною зимою, или же, быть можетъ этотъ народный праздникъ является заимствованнымъ. Послѣдняя оговорка менѣе вѣроятна, такъ какъ кееноба исполняется въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Грузіи, что не могло быть объяснено заимствованиемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ столь извѣстное намъ зрѣлище ограничилось бы райономъ городскихъ поселеній. Шутовская окраска весеннаго праздника кееноба, вѣроятно, подсказана враждебнымъ отношеніемъ къ Персіи, причинявшей неисчислимыя бѣдствія Грузіи и Арменіи ¹⁾.

Кромѣ того, грузинскій народъ любилъ созерцать «тамаша» плясуновъ и игры скомороховъ ²⁾. При царѣ Теймуразѣ въ день Христоваго

¹⁾ Описание кееноба при кн. Цициановѣ см. біографію кн. Д. О. Бебутова. Военный Сбор. 1867, №№ 6—7. Объ немъ же „Бавк. Календарь“ 1855. „Квали“ за 1893, № 6 ст. Г. Церетели и Тифл. Л. прибавленіе № 5 за 1899 г. Покойный Г. Е. Церетели начало Кееноба относилъ не ко временамъ воспоминанія объ Ага-Магометъ-ханѣ или шахѣ Аббазѣ, когда было истреблено персидское войско Георгіемъ Саакадзе и царемъ Теймуразомъ I, а къ VII в., къ первымъ временамъ мусульманскаго владычества въ Грузіи. Мнѣніе это не было обосновано.

²⁾ Омѣтимъ еще (*Квали*, 1893, № 5). *Берикоба*, особое народное празднество, устраиваемое въ концѣ масляницы въ различныхъ концахъ Грузіи. Такъ какъ масляница обыкновенно выпадаетъ на начало весны — въ февралѣ въ Грузіи начинаютъ цвѣсти деревья (наступилъ февраль, и вода проникла въ дерево, птицы заложили фундаментъ для гнѣздъ, говоритъ народная поговорка), поэтому является предположеніе, что „берикоба“ близко стоитъ къ древнему торжеству весеннаго солнцеворота. Характеръ груз. „берикоба“ и греческаго празднества въ честь Деметры и Діонисія, какъ видно будетъ изъ изложенія, одинъ и тотъ же. Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ шесть. Одинъ наряжается въ дамскій костюмъ или покрывается женскою маскою, другой надѣваетъ голову свиньи или осла, навиды-

Воскресенія въ 1639 г. русскій посоль Арсеній Сухановъ, былъ свидѣтелемъ зрѣлища, о которомъ и сохранилъ намъ интересныя свѣдѣнія. У царя на обѣдѣ играли два скомороха—«одинъ съ сурнею, другой съ бубномъ» и было представленіе—ходьба по канату. Въ землю вкопано было дерево сажень 6 вышиною чрезъ него былъ перекинута канатъ, по которому ходилъ мужикъ кумычанинъ сверху внизъ «и ногами ухватяся за канатъ, а самъ повиснулъ и руками плескалъ»; во время ходьбы по канату у него было въ рукахъ дерево сажени въ 2½ съ навязаннымъ по концамъ его «пескомъ въ дерюгахъ»¹⁾.

Театральныя представленія въ Грузіи водворяются въ XVIII ст. при Иракліи II. При немъ были отправлены въ Россію для довершенія образованія молодые князья—Е. Туркестановъ, Георгій Аваловъ, Ив. Орбелиани. Они здѣсь предались литературнымъ занятіямъ. Ив. Орбелиани перевелъ мифологию, Туркестановъ отрывки изъ Аристотеля, Георгій Аваловъ занялся переводомъ драматическихъ произведеній. Вернувшись на родину, они устроили театръ, гдѣ впервые въ 1791 году по словамъ свящ. Кешишъ-Дардиманди и сардаря Іоанна Орбелиани,

---

васть на себя шкуру соответствующаго черепу животнаго. Наряженные кавалеръ и дама, женихъ и невѣста, въ пляскѣ мимикой ухаживаютъ другъ за другомъ. Третье лицо съ рогами козла становится на копыта, четвертымъ же актеромъ является мужчина безъ маски, который держитъ въ рукахъ два деревянныхъ кинжала и уларнетъ ихъ другъ о друга. Эти лица сопровождаются пѣвцомъ подъ звука „ствирѣ“ (родъ флейты) и однимъ крестьяниномъ, который собираетъ яйца въ корзину. Актеры ходятъ изъ одного дома въ другой, пѣвецъ играетъ, спутникъ ихъ безъ маски стучитъ кинжалами, женихъ и невѣста пляшутъ, лицо съ маской козла подходитъ то къ дамѣ, то къ кавалеру и что-то имъ шепчетъ на ухо, избѣгая приблизиться къ вооруженному кинжаломъ. Козлиная маска виѣстъ съ женихомъ и невѣстой пляшетъ, прыгаетъ и гримасничаетъ. Народъ собирается вокругъ нихъ и смѣется. Когда ихъ игра мимикой кончится, то человекъ съ корзиной подходитъ къ домохозяйину и проситъ въ стихахъ дать имъ одно яйцо, а Господь да услышитъ его обиліе. Въ Аджаріи (Зап. Грузія) грузины эту церемонію совершаютъ почти одинаково съ греками. Здѣсь двое молодыхъ въ женскомъ и мужскомъ одѣяніи пляшутъ, а третье лицо въ роли козлиной маски обходитъ обоихъ, то къ одному наклоняется, то къ другому, какъ будто желая ихъ совратить. Оно кривляется, что свидѣтельствуешь о какой-то безирравственности. Вмѣсто „ствирѣ“ употребляется здѣсь труба изъ рога. Можно предполагать, что „берикоба“ представляетъ языческое празднество въ честь козла—бога лѣса или явленіе лѣснаго духа для соблазна молодыхъ людей. Коза до сихъ поръ считается порожденіемъ дьявола, а баранъ—представитель добраго генія.

¹⁾ *Бълокуроев.* Арсеній Сухановъ. стр. 141—2 (примѣч.).

въ присутствіи царя Ираклія II, давали оригинальную драму «Царь Теймуразъ». Содержаніе ея заключается въ томъ, что Теймуразъ встаетъ изъ гроба и видитъ одного горожанина Мигуашвили, одѣтаго по-европейски и удивляясь вообще переменѣ нравовъ восклицаетъ: «да, Грузія, несчастная страна! Но Ираклій, надѣюсь на тебя, что ты съ честью и справедливостью будешь ею править». Георгію Авалову принадлежатъ переводы слѣд. русскихъ пьесъ: Рогоносецъ Сумарокова (давали въ 1792 г.), Совмѣстница, Споръ, а также Бесѣда мертвецовъ—оригинальная (?), Скупой и Щедрый ¹⁾. Въ спектакль принимали участіе дочери царя Ираклія II. Для развлеченія этого царя мдиваибегъ Давидъ Чолокашвили въ 1795 г. передѣлалъ Ифгенію Расина ²⁾.

Начало книгопечатанія.

До начала XVII в. памятники грузинской словесности распространялись въ обществѣ исключительно путемъ списковъ и изводовъ. Въ 1625 г. впервые открывается грузинская типографія, при томъ не въ самой Грузіи, а въ Италіи, въ Римѣ, католическими миссіонерами. Въ 1625 г. здѣсь появилась первая книга, напечатанная грузинскими буквами—Молитвенникъ. Типографія находилась подъ покровительствомъ папы и принадлежала «братіи пропаганды вѣры». Въ 1629 г. въ этой типографіи былъ отпечатанъ *Alphabetum Ibericum sine georgianum, cum oratione dominica, Salutatione angelica* Ст. Паулини и грузино-итальянскій словарь миссіонера Стефана Паулини при содѣйствіи Никафора Ирбаха (*Dizionario giorgiano e italiano, composto di Stefano Paolini con l'ausilio del Niceforo Irbachi giorgiano, monacho di s. Basilio ad uso de Missionarii della Sacra Congregazione de Propaganda fide. In Roma. 1629*). За нимъ послѣдовала грузинская грамматика, составленная католическимъ миссіонеромъ Маджіемъ: *Syntagmaton lingnarum orientaliū, quae in Georgiae regionibus audiuntur auctore Francisco Maria Madggio, clerico regulari, panormitano. Romae MDCXLIII. SX Tipographia Sacrae congregationis de propaganda Fide. Infol. VIII + 143*. Второе изданіе, Romae MDCLXX (= 1643 и 1670 г.).

¹⁾ „Дрозба“ 1899 г. №№ 236 и 237.

²⁾ Въ началѣ XIX ст. появляются драматическія произведенія въ переводѣ кн. Александра Чавчавадзе; таковы—„Альзира“, траг. Вольтера (см. мою ст. Груз. рукописи Париж. Націон. библ.); „Ифгенія“ (Агамемнонъ) по рукописи СПб. публичной библіотеки (№ 46) приписывается Александру Чавчавадзе. *Цитарели* (Свѣдѣнія, III, 301) считаетъ ее переводомъ Д. Чолокашвили.

Въ 1733 г. (впослѣд. еще въ 1793 г.) появилось христіанское наставленіе Давида Тулукаанти ¹⁾ «*Doctrina Christiana*». Появленіе грамматики, словаря и христіанскихъ наставленій въ Римѣ на грузинскомъ языкѣ объясняется тѣмъ усиленнымъ вниманіемъ, которое обратилъ папскій престолъ на Грузію, пытавшійся распространить здѣсь католицизмъ. Въ Римѣ были открыты курсы грузинскаго языка, въ видахъ подготовки миссіонеровъ, отправляющихся въ Закавказье съ цѣлью пропаганды католицизма.

По установившемуся мнѣнію инициаторомъ грузинскаго печатнаго дѣла является царь Вахтангъ VI (1709 г.). Это не совсѣмъ вѣрно. Извѣстно, что еще до вахтанговскаго предпріятія, дядя его царь Арчилъ переселился въ Москву, гдѣ сталъ очевидцемъ успѣховъ русскаго книгопечатанія. Въ то время начальникомъ надъ иностранными дѣлами состоялъ сподвижникъ Петра I—графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, по распоряженію котораго съ 1703 года стали печататься въ столицѣ газеты и календари. Пионеръ періодической печати въ Россіи, уже по должности своей, долженъ былъ быть въ близкихъ сношеніяхъ съ проживающимъ въ Москвѣ царемъ Арчиломъ. Тутъ и возникла у послѣдняго мысль создать и грузинскую печать. Ф. Плонъ, въ своемъ очеркѣ дипломатическихъ сношеній російскихъ государей съ грузинскими царями, передаетъ фактъ, что въ 1703 году, или около этого времени, царь Арчилъ обратился къ Головину съ письмомъ, въ которомъ просилъ «объ исходатайствованіи у государя (Петра I-го) повелѣнія напечатать въ типографіи нѣсколько церковныхъ книгъ на грузинскомъ языкѣ, для всеобщаго употребленія въ его отечествѣ. Въ Грузіи же печатаніе ограничено по недостатку литеръ и людей». Здѣсь фраза «въ Грузіи же печатаніе ограничено» хотя и давала бы право предположить, что въ то время какъ будто Вахтангова типографія уже существовала, но еще съ ограниченою дѣятельностью, но это будетъ чистѣйшій анахронизмъ, ибо въ Тифлисѣ грузинское книгопечатаніе

¹⁾ См. объ немъ З. Чичинадзе „Главные причины вниманія Рима къ Грузіи и горіецъ Давидъ Тулукани“. Тифлисъ. 1898. Вліяніе итальянцевъ сказалось въ названіи самаго типографскаго станка („стамба“—итал. *stampatore*). Кроме того, культурное вліяніе ихъ отразилось во многихъ общественныхъ отношеніяхъ и между прочимъ въ заимствованіи слово „*usurigi*“ отъ (*ius balco usurigi* въ Неаполѣ), что по-грузински обозначаетъ отвѣтственность по праву. *Исарлогъ*. Письма о Грузіи. Т. 1899. Итальянцамъ обязаны грузины знакомствомъ съ Франціей и Англіей. По-грузински „Парижи“—Парижъ и „Инглиси“—Англія звучатъ согласно итальянскому произношенію *Parigi, Inglesi*.

началось лишь въ 1709 г., а заявленіе Арчила сдѣлано нѣсколько раньше, такъ какъ Головинъ умеръ уже въ 1706 г.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ фактовъ приводитъ къ заключенію, что идея о грузинскомъ книгопечатаніи родилась въ царѣ Арчилѣ при близкомъ его знакомствѣ съ усиленными трудами Головина по развитію печати въ Россіи еще въ 1703 или въ послѣдующихъ годахъ. Что отвѣтилъ Головинъ на просьбу царя—не имѣется свѣдѣній. Но такъ какъ царь Арчилъ почти съ этого же времени принимается за подготовку грузинскаго текста библіи къ печати, то надо полагать, что Головинъ уже испросилъ на то царское соизволеніе, и московскую казенную типографію слѣдовало лишь снабдить необходимымъ грузинскимъ шрифтомъ, что разумѣется, требовало и времени, и труда. Хотя и вослѣдовала смерть Головина въ 1706 г., однако дѣло не остановилось. Шрифты были отлиты и приступили къ печатанію.

Изъ этой типографіи вышли грузинскія книги, изъ которыхъ до насъ дошла Псалтирь, напечатанная въ 1705 г. ¹⁾

Затѣмъ открывается грузинская типографія въ Валахіи, благодаря случайному пребыванію тамъ одного грузинскаго іерарха «Antim Ivireanel», какъ его называютъ иностранные источники. Въ 1705 г. онъ былъ возведенъ въ санъ Римникскаго архіерея и былъ въ 1709 г. назначенъ епископомъ Валахіи. Онъ утонулъ или утопили его во время переправы чрезъ р. Морицъ, послѣ того, какъ онъ былъ отрѣшенъ отъ престола и направлялся на Синай. Этотъ Антимъ изучилъ основательно языки румынскій, греческій, славянскій, турецкій, арабскій. Онъ открылъ типографіи въ Римникѣ, затѣмъ въ Тарговненѣ и Свеаговѣ близъ Бухареста. Онъ тамъ печаталъ книги на вышеназванныхъ языкахъ. Въ 1701 г. онъ отпечаталъ по просьбѣ антиохійскаго патріарха

---

¹⁾ См. мою ст. въ „Моамбэ“ (1900, III) „Старопечатныя книги, хранящіяся въ Московской Синодальной типографіи“. Псалтирь, напечатанная здѣсь въ 1705 г., является самой древней печатной книгой на груз. языкѣ. Она сопровождается слѣд. замѣчаніемъ: Во славу Святыя Троицы, повелѣніемъ благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексіи Петровичѣ, благословеніемъ же пресвященныхъ архіереевъ между патріаршествомъ напечатана сія богодохновенная книга Псалтирь *имеретинскимъ діалектомъ и письмены* въ царственной московской типографіи, въ лѣто отъ сотворенія міра *хсл* отъ Рождества же по плоти Бога Слова *αψε*, индикта *ӣ*, мѣца марта. По грузинской датѣ, къ ней же приложенной, выходитъ, что книга напечатана въ 1705 г.

греко-арабскій кондакъ. Арабскія буквы, имъ отлитыя, впоследствии были посланы къ патриарху въ Алеппо. Антимъ отлилъ также грузинскія буквы, отпечаталъ кондакъ и отправилъ въ Грузію вмѣстѣ съ наборщиками. Этими условіями объясняется до нынѣ остававшійся страннымъ фактъ вызова царемъ Вахтангомъ VI типографщиковъ изъ Валахіи. Архіерей Антимъ подготовилъ для него станокъ и людей для типографскаго дѣла въ Грузіи. Предложеніями Антима воспользовались въ Грузіи и завели типографіи въ Тифлисъ и Кутаисъ. Первенцемъ тифлисской типографіи слѣдуетъ считать Евангеліе, выпущенное въ свѣтъ въ 1709 г., за нимъ слѣдуютъ Часословъ и Служебникъ въ 1710 г., прежде всѣхъ другихъ книгъ отпечатанныхъ, какъ значитъ въ предисловіи. Устройство типографій грузины обязаны мастеру изъ Валахіи Михаилу Стефанову ²⁾. Печатаемъ завѣдывалъ монахъ Николай Орбелиани. Помимо богослужебныхъ книгъ при немъ была отпечатана «Барпсова Кожа» Руставели въ 1712 г. Корректуру держалъ Михаилъ, сынъ придворнаго протоіерея. Въ 1721 г. появилось «Познаніе твореній» астролическаго содержанія, переведенное Вахтангомъ съ персидскаго. Всѣ церковныя книги, вышедшія изъ тифлисской типографіи, снабжены грузинскимъ гербомъ. Затѣмъ съ переселеніемъ Вахтанга VI въ Москву (въ 1724 г.) типографія прекращаетъ свою дѣятельность и возобновляется въ 50 одахъ XVIII в. при царѣ Теймуразѣ и Иракліи II.

Станокъ сталъ работать при Метехской церкви. Здѣсь не мало услугъ оказалъ въ качествѣ мастера армянинъ изъ Константинополя Погосъ Оханесіянъ. Въ этой типографіи подъ руководствомъ священника Христофора Кежерашвили отпечатано до 7400 экзempl. разныхъ книгъ духовнаго содержанія. Послѣ нашествія Ага-Магометъ-хана типографія была возобновлена въ Тифлисъ.

Въ концѣ XVIII в. въ 1785 г. имеретинскій царь Соломонъ II, при содѣйствіи Романоза Зубашвили, изучавшаго у Михаила, уроженца Валахіи, типографское дѣло, устроилъ въ Кутаисѣ типографію для печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ. Архимандритъ Захарій слѣдилъ за корректурой. Въ 1787 г., вышла изъ кутаисской типографіи первая печатная книга. Типографія эта, какъ читаемъ въ старыхъ

¹⁾ Моя ст. въ Иверіи 1898, № 63. Грузинскій дѣятель на чужбинѣ. Ср. *M. Gasier* въ *Zeitschrift f. die Kunde d. Morgenl.* В. XI, Heft, 4, стр. 383.

²⁾ Въ предисловіи къ нѣкоторымъ печатнымъ книгамъ читается:... я Вахтангъ, привелъ изъ Валахіи типографщиковъ и устроилъ станокъ во спасеніе души, отца и матери Туты, урожденной Гуріели, во здравіе души моей и царицы Русуданы, дочери владѣтеля Черкессіи.

книгахъ, отпечатанныхъ въ ней, находилась подъ надзоромъ сахтхуцеси (министра двора) Зураба Церетели. По случаю моровой язвы, посѣгившей Имеретію, въ началѣ текущаго столѣтія, кутаисская типографія была сначала перенесена въ Сачхере (въ Шорапанскомъ уѣздѣ), а затѣмъ въ сел. Цеси (въ Рачинскомъ уѣздѣ). Вслѣдствіе такого странствованія этой типографіи, книги, начатыя печатаніемъ въ Кутаисѣ, были окончены въ сел. Цеси. Книги отпечатанныя въ этой типографіи свидѣтельствуетъ о томъ, что въ это далекое отъ насъ время типографское дѣло у насъ отличалось большимъ развитіемъ и совершенствомъ: тщательное отношеніе къ дѣлу, прекрасный шрифтъ, изящество изданія и теперь удивляютъ насъ въ этихъ книгахъ.

Руководителями Грузинскихъ типографій въ Россіи были: Иосифъ Самбели, царевичи Бакаръ и Вахушти, катол. Антоній I, Аеанасій Амилахвари. Епископъ Гр. Хартчанашвили, Экзархъ Варлаамъ и еп. Гаіозъ.

Иосифъ ¹⁾, архіепископъ Троицкаго монастыря въ сел. Хапми, Тифлис. г. извѣстный подъ именемъ Самбели (отъ «Самеба» — Троица), принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которые окружали царя Вахтанга VI и двинули впередъ дѣло печатанія грузинскихъ книгъ. Онъ происходилъ изъ фамилии князей Кобуловыхъ и былъ сынъ Тамаза, государственнаго секретаря кахетинскаго царства. Гдѣ онъ получилъ воспитаніе, намъ неизвѣстно. Въ концѣ XVII в. источники называютъ его игуменомъ Шіо-Мгвимскаго монастыря, въ 1705 г. былъ возведенъ въ санъ архіерея патриархомъ Доментіемъ, а въ 1709 г. получилъ «Троицкую» епархію, которую онъ занималъ до 1723 года. Къ этому времени относится заключеніе союза Вахтангомъ VI и Петромъ В. противъ Персіи въ видахъ для занятія Каспійскаго побережья. Но когда русскій императоръ вернулся изъ Дербента въ Россію, персы, лезгины и турки общими силами ополчились на царя Вахтанга за сближеніе его съ русскимъ монархомъ, овладѣли Грузіей и возвели на престолъ омусульманившагося Тесея, брата Вахтанга. Послѣдній вынужденъ былъ бѣжать съ семьей въ Россію (1724 г.). Самебская епархія подверглась разоренію отъ лезгинъ и архіеп. Иосифъ былъ переведенъ на Цилканскую кафедрю, хотя онъ продолжалъ во всѣхъ записяхъ называть себя «Самбели», вѣроятно, потому, что «Цилкнели», т. е. архіеп. Цилканскій, былъ еще живъ, когда Самбели

¹⁾ *Жоржаниа* (въ Иверіи 1884, кн. I и II) подвергъ обстоятельному анализу всѣ свѣдѣнія, касающіяся жизни и дѣятельности архіеп. Иосифа Самбели. Мы ими пользуемся.

переселился въ Россію и въ 1733 г. подалъ бумагу на имя св. Синода ¹⁾. Въ 1730 г. Карталиня подверглась вторженію турокъ, Мухранъ Цилканы и были преданы опустошенію. Архіеп. Іосифъ, желая собрать въ Россіи пожертвованія для возстановленія разрушенныхъ храмовъ ²⁾, съ благословенія католикаса Виссаріона со свитою изъ 33 человекъ направляется по теперешней военно-грузинской дорогѣ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Здѣсь лезгины напали на него, ограбили его, нѣкоторыхъ изъ его свиты перебили, а самого архіерея взяли въ плѣнъ. Вѣсть объ этомъ несчастіи дошла до С.-Петербурга, и было велѣно иностранной коллегіей коменданту крѣпости св. Креста освободить Самебели изъ плѣна съ его спутниками. Въ 1732 г. онъ прибылъ въ Москву, гдѣ ему со свитой назначили 5000 р. содержанія, выдаваемого до него, по установившемуся обычаю въ интересахъ политическаго сближенія Грузіи съ Россіей, двумъ грузинскимъ епископамъ Христофору и Николаю ³⁾. По указу императрицы Анны Іоанновны Самебели вскорѣ былъ назначенъ намѣстникомъ Новгородскаго архіеп. Теофана Прокоповича, съ жительствомъ въ Юрьевскомъ монастырѣ ⁴⁾. Умеръ онъ на дорогѣ 1 сент. 1750 г. и погребенъ въ Астрахани. Онъ спѣшилъ изъ Москвы въ Кизляръ съ радостною вѣстью для Іоанна Мангели объ удовлетвореніи его ходатайства построить новый монастырь въ Кизлярѣ.

Въ Новгородѣ начинается издательская дѣятельность архіеп. Іосифа. Онъ завелъ на свои средства типографію и, какъ можно думать по одной старопечатной книгѣ безъ даты, но съ записями 1740 г. епископа Никозскаго, не позже 1739 г. выпустилъ уже Цвѣтную Триодъ. Сотрудниками его были: прибывшій изъ Грузіи называемый то священникомъ, то іеромонахомъ въ дѣлахъ св. Синода Христофоръ Гурамашвили, придворный свящ. Георгій, придворный іеромонахъ Давидъ Хозашвили и архимандритъ Германъ. Эти лица, какъ видно изъ послѣсловія къ Триоди, свѣряли грузинскій текстъ съ русскимъ, исправ-

¹⁾ „Цилкнели“ былъ по сану выше Самебели; первый состоялъ въ санѣ архіепископа и служилъ въ саккобѣ, а второй числился епископомъ и служилъ въ филолѣ. Это оригинальная особенность грузинской іерархіи выяснилась изъ дѣла архіеп. Іосифа предъ св. Синодомъ.

²⁾ По примѣру митр. Самтавійскаго и Горійскаго Романоза дважды путешествовалъ по Россіи въ 1722 и 1729 гг.

³⁾ Дѣло 1734 г. №№ 300 и 302 Архива св. Синода.

⁴⁾ Отсюда его титулъ „пресвященному архіепископу Новгородскому, Юрьевскаго монастыря священноархимандриту Іосифу“. Дѣло 1734 г. № 303.

для первый, гдѣ находили его «исказившимся съ теченіемъ времени». Изъ этой же типографіи выпущены Часословъ, Тріодъ постная, Параклитовъ и Евангеліе—всѣ «въ царствованіе Анны Іоанновны», т. е. до 1740 г., когда была основана типографія въ Москвѣ по мысли Бакара, сына Вахтанга VI для напечатанія грузинской библии.

Библия была переведена на груз. языкъ еще въ IX—X вв., но въ виду того, что нѣкоторыя изъ его книгъ были утрачены въ XVII в., царь Арчилъ, желая восполнить пробѣлы, сталъ переводить съ славянскаго, по переселеніи въ Россію. Это дѣло, прекратившееся за его смертію, продолжилъ царь Вахтангъ VI, завелъ въ Тифлисъ типографію, выписалъ наборщиковъ изъ Валахіи ¹⁾, напечаталъ много книгъ, но не успѣлъ довершить изданіе библии. Царь скончался въ Астрахани въ 1737 г. и предпріятіе его завершилъ въ Москвѣ царевичъ Бакаръ Вахтанговичъ, который выписалъ изъ Новгорода Іосифа Самебели и подалъ прошеніе въ Синодъ о разрѣшеніи ему печатать грузинскія богослужебныя книги въ Академіи Наукъ. Кабинетъ министровъ изъявилъ полное согласіе на этотъ предметъ съ условіемъ, что грузинскія книги будутъ свѣрены съ славянскими знающимъ оба эти языки лицомъ. Но такъ какъ русское правительство не приняло на себя издержекъ по изданію грузинскихъ книгъ, Бакаръ рѣшилъ печатать на свои средства, поручивъ завѣдованіе типографіею Іосифу Самебели, который, по указу св. Синода былъ переведенъ въ 1740 году архимандр. въ московскій Знаменскій монастырь. Типографія была устроена въ Всесвятскомъ близъ Москвы ²⁾, значительно расширенная сравнительно съ Новгородской, но характеръ шрифта остается тотъ же, какъ и руководители печатаніемъ—бывшіе сотрудники Самебели.

Еще царями Арчиломъ и Вахтангомъ была приготовлена библия для печати съ присоединеніемъ новыхъ переводовъ книгъ Зираха и Макаевеевъ съ славянской библии, напечатанной въ Москвѣ въ 1663 г. Но такъ какъ св. Синодъ обязалъ Бакара печатать грузинскую библию, свѣривъ ее предварительно съ славянскимъ текстомъ, то приступили

¹⁾ Здѣсь напечатанъ алфавитомъ *хуиури* и *мхедрули* „Барсова Кожа“ Руставели, „О твореніи небесъ“, съ иллюстраціями, Христіанское Наставленіе, Псалтырь, Апостолъ, Евангеліе, Часословъ въ 1713 г. Въ послѣсловіи Часослова упоминаются: „типографщикъ Гавріилъ, рисовальщикъ Георгій“. Еромъ нихъ здѣсь работали свящ. Михаилъ и пріѣзжія лица изъ Валахіи. Въ 1720 г. у Вахтанга было напечатано „Освященіе церкви и антифона“.

²⁾ *Бутковъ*. Матеріалы по ист. Кавказа I, 506. Ср. *В. Сопиковъ* Опытъ Рос. библиогр., стр. CXVIII. См. еще „Кребули“, кн. Ав. Церетели за 1899, № XII.

къ исправленію первой. Оказалось, что въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ фразъ и отдѣльныхъ словъ, была она раздѣлена только на главы безъ указанія стиховъ. Но слѣдовать одной славянской библіи 1663 г. исполненной ошибокъ, Бакаръ и его сотрудники, также не нашли возможнымъ. Соборъ духовныхъ и свѣтскихъ грузинъ поручилъ царевичу Вахушти, извѣстному ученому историку, раздѣлить главы библіи, исправленной Арчиломъ на стихи, и согласились съ его предложеніемъ сличить ее не только съ славянскою, но также греческой, латинской, еврейской, армянской и сирійской библіей. Очевидно, Вахушти имѣлъ въ виду библію, исправленную по приказанію Петра В. Теофилактомъ ¹⁾ Лопатинскимъ. Судя по послѣсловію Вахушти къ напечатанной груз. библіи, его исправленіями были недовольны, и наградили его «укорами вмѣсто благодарности». Здѣсь имъ упоминается вмѣсто Иосифъ Самебели ²⁾ Андрей Ивановъ, по догадкѣ г. Жорданія, гр. Остерманъ, который покровительствовалъ Вахушти въ дѣлѣ печатанія книгъ.

Исправленія Вахушти коснулись книгъ Бытіе, Исходъ, Левитъ, Чисель, Второзаконіе, Иисуса сына Навина, Судей, Паралиполинонъ Иова, Еклезіаста и др. Книги Юдиѣ и Товія были переведены съ вольгаты. Текстъ сопровождается предисловіемъ Бакара, указывающимъ исторію грузинской библіи до печати и послѣловія Вахушти. Кромѣ того, онъ снабженъ календаремъ съ указаніемъ повседневныхъ чтеній, оглав-

¹⁾ Впослѣдствіи по предложенію Теофана Прокоповича исправленная Лопатинскимъ слав. библія подверглась переработкѣ согласно одному греческому переводу 70 толковниковъ.

²⁾ Имъ издана книга О непостижимости Бога Іоанна Дамаскина въ г. Москвѣ, повидимому въ его собственной типографіи. Въ глубокой старости онъ подалъ въ отставку и выѣхалъ въ Грузію, но умеръ по дорогѣ въ 1750 г. въ Саратовѣ и похороненъ въ Астрахани. (См. статью „Грузины въ Астраханской епархіи и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ архипастырей въ 186 г.“ Д. Вѣсти. Груз. Экз. за 1898 г., №№ 12, 16, 18 и 20). Въ 1724 г. 8 ноября прибылъ въ Астрахань царь Вахтангъ Леоновичъ съ многочисленной свитой изъ 145 чел., въ числѣ которыхъ были Христофоръ архіеп. Самтавгійскій, митроп. Тифлисскій Павелъ и четыре епископа Николай Рунтавели, Арсеній Манггели, Іона и Николай Урбнели, а также нѣсколько архимандритовъ, игуменовъ и другихъ священныхъ лицъ. Въ 1731 г. въ Петербургѣ уже проживалъ Іосифъ Самебели, который ходатайствовалъ объ обезпеченіи пріѣзжихъ своихъ соотечественниковъ. Впослѣдствіи въ Астрахань (1736 г.) попалъ Іоаннъ Манггели, которому не удалось здѣсь обосноваться. Его отправили въ Кизлярскій Кресто-Воздвиженскій для грузинъ монастырь. Желаніе его построить здѣсь монастырь увѣнчалось успѣхомъ лишь предъ смертью (28 марта 1751 г.).

леніемъ. Толкованія царя Вахтанга о счисленіи времени, опечатки. Библия была исправлена въ 1742 г. и въ 1743 г. она вышла изъ печати. Въ 1750 г. умеръ и царевичъ Бакаръ ¹⁾ и Іосифъ Самебели. Дѣятельность типографіи пріостановилась. Впослѣдствіи въ 1756 г. печатаніе груз. книгъ продолжалось во Владимірѣ, подъ руководствомъ архіеп. Антонія I, бывшаго католикаса Грузіи, который напечаталъ какъ богослужебныя, такъ и учебныя книги (грузинскій букварь). Между прочимъ онъ отпечаталъ «Камень вѣры» переводъ Вахушти. Въ Москвѣ же грузинская типографія снова возрождается въ 1761 г. Ее устроилъ митрополитъ тифлискій Аѳанасій (Амилахвари) ²⁾, принявшій подданство Россіи вопреки требованію царя Ираклія II. Подъ руководствомъ корректора Мельхиседека Кавкасидзе въ 1765 г. здѣсь отпечатали Апостоль, Псалмы, Часословъ и Букварь латинско-греческо-русскій и др. Въ 1768 г. открыта типографія въ С.-Петербургѣ епископомъ Григоріемъ Хартчашвели ³⁾, гдѣ въ 1789 г. напечатано Евангеліе. Въ началѣ XIX в. въ Спб. типографію открылъ первый экзархъ Грузіи Варлаамъ изъ кн. Эристовыхъ ⁴⁾.

Къ исторіи изданій Евангелія и Библии на грузинскомъ языкѣ.

Старо-печатное Евангеліе имѣетъ слѣд. объяснительныя замѣтки:

Великими трудами и богатыми израсходованиями правовѣрнаго и образованнаго правителя Грузіи, царевича Вахтанга Левановича, явилось это новое и первоначальное Евангеліе въ царствованіе великаго и славнаго царя Грузіи Георгія. Напечатано въ городѣ Тифлисѣ, въ типографіи Михаила Степановича Онгровлахеги 1709 г. ⁵⁾. (1-я стр.)

¹⁾ Царевичъ Бакаръ не смогъ осуществить своей мечты вернуть въ родъ царя Вахтанга VI тронъ Картлиніи. Съ братомъ своимъ, получившимъ образованіе въ Парижѣ, Паатою онъ тщетно пытался, прибывъ въ Тифлисѣ, составить заговоръ противъ воцарившагося Ираклія II. Заговорщики были жестоко наказаны, и Бакаръ поспѣшилъ вернуться въ Москву, гдѣ и скончался.

²⁾ Онъ умеръ въ 1774 г., погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

³⁾ Въ Кременчугѣ печаталъ Гаіозъ грамматику, заповѣди Василія Македонянина сыну своему. Въ Грузіи печатались въ Тифлисѣ, а въ Кутаисѣ и Сачхерахъ при Соломонѣ II. Въ Моздокѣ съ перерывами дѣйствовала типографія въ 1629—1799 гг.

⁴⁾ Въ XIX ст. грузинскій шрифтъ появляется въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Монтбани, Константинополѣ, Венеціи и Парижѣ.

⁵⁾ Этимъ же предисловіемъ воспользовался и составитель книжки „Полтавскій Крестовозавиженскій монастырь“, прот. П. И. Мазановъ, помѣстившій на 26 стр. своей книжки (Полтава. 1891 г., изд. второе) свѣдѣнія о „Евангеліи на грузинскомъ языкѣ“.

Правитель Грузіи царевичъ Вахтангъ, внукъ славнаго царя Вахтанга, племянникъ царя Арчила и великаго грузинскаго царя Георгія, сынъ величестнаго Левана, привелъ типографщика изъ Влахіи и устроилъ типографію во славу Пресвятыя Троицы, по завѣщанію прежнихъ царей и своихъ родителей. Онъ основалъ ее для своего спасенія и для спасенія души супруги своей Русудани, дочери черкесскаго князя, и для воспитанія своихъ сыновей и дочерей. (2-я стр.).

Да радуются всѣ читатели этого Евангелія.

Основателемъ этого удивительнаго и чуднаго учрежденія, т. е. типографіи, былъ образованный и славный управитель Грузіи царевичъ Вахтангъ.

Я же, рабъ вашъ, боголюбивые и всеславные жители Грузіи былъ руководителемъ и распорядителемъ всѣми дѣлами и принадлежностями типографскими. Прежде всего мы напечатали эту Божественную и священную ¹⁾ книгу—Св. Евангеліе Смиренно молю васъ всѣхъ, великихъ и малыхъ, если найдете въ этомъ Евангеліи какое нибудь ошибочное слово или невѣрную букву, то не осуждайте меня, ибо я, какъ чужестранецъ, не понималъ вашего языка, а всѣ мои сотрудники были неопытны въ типографскомъ дѣлѣ. Какъ я былъ человекъ не видавшій Грузіи, такъ и мои сотрудники были невѣдущими дѣла типографскаго. Посему прошу у васъ прощенія, дабы Всеблагій Богъ простилъ и вамъ прегрѣшенія ваши, какъ говорятъ Слово Божіе: „отпускайте и отпускайте вамъ“.

Вашъ слуга. усердно работающій въ типографіи,

Михаилъ Степановичъ Онгровлахели. (3-я стр.).

Правитель Грузіи, племянникъ правобѣрнаго царя Арчила и славнаго царя Георгія, сынъ Левана, благочестивый и боголюбивый Вахтангъ, постарался устроить типографію, которая въ Грузіи никогда еще не существовала. А такъ какъ книги Св. Писанія подвергались значительной порчѣ вслѣдствіе списыванія и переписыванія ихъ невѣжественными переписчиками, то мнѣ, іеромонаху Николаю, повелѣно было исправить книги Св. Писанія. Не имѣя возможности противиться волѣ царя, я съ величайшимъ трудомъ исправилъ это Евангеліе. Сличалъ его съ греческими и другими евангеліями, подвергъ слово и букву тщательному изслѣдованію. Только указателя этого (къ чтеніямъ евангельскимъ) не оказалось нигдѣ. Но для удобства и легкаго нахожденія (евангельскихъ чтеній) я самъ составилъ простой и удобопонятный указатель евангельскихъ чтеній на всѣ дни года ²⁾. Прошу награды изъ васъ, кому трудъ мой попадется въ руки, пожелайте мнѣ царства небеснаго. Это для васъ не трудно, а для меня очень полезно. (4-я стр.).

Похвала Св. евангелисту Матѳею, составленная (вѣкиишъ) Софроніемъ.

¹⁾ Эти слова уничтожаютъ мнѣніе г. А. Ерицова, предполагавшаго, что первоначальнымъ грузинской печати на грузинской почвѣ „Дѣянія апостоловъ“ („Нов. Об.“ 1891 г. № 2424 и отвѣтъ М. Кел—дзе, тамъ же № 3583).

²⁾ Упомянутый указатель къ евангельскимъ чтеніямъ на всѣ дни года находится въ концѣ Евангелія въ видѣ приложения и нисколько не различается отъ указателя вообще Православной Церкви.

Матеей, называемый Левием, первый написал свое Евангелие въ Иудеѣ, для имѣвшихъ обрѣзаніе,—іудеевъ. Евангелие свое Матеей написалъ первоначально на еврейскомъ языкѣ, а послѣ, неизвѣстно кѣмъ, оно было переведено на греческій языкъ. Еврейскій же подлинникъ написанный Матеемъ, находился въ Кесаріи Памфилійской, въ книжномъ хранилищѣ, завѣдываемомъ Мартирозою. По моему мнѣнію, онъ (подлинникъ) и нынѣ имѣется у Іудеевъ, жившихъ на границѣ съ Сирією. Евангелие это было написано для христіанъ изъ іудеевъ, какъ удобопонятная книга для нихъ. Матеей, вопреки желанію 70-ти учениковъ, не захотѣлъ свое евангелие перевести на греческій языкъ; а что онъ свое Евангелие написалъ на еврейскомъ языкѣ — это находитъ подтвержденіе въ слѣдующихъ словахъ самого Евангелія: „отъ Египта воззвалъ Сына моего“ и: „яко Назорей наречется“.—Подобныя свѣдѣнія о евангелистахъ и написанныхъ ими евангеліяхъ находятся въ грузинскомъ евангеліи предъ всѣми четырьмя евангеліями. Другихъ отличій первопечатное грузинское евангеліе сравнительно съ русскимъ евангеліемъ не имѣетъ.—По вѣншему своему виду Полтавское евангеліе таково: оно въ бархатномъ малиноваго цвѣта переплетѣ, въ четвертую долю большаго листа, съ тисненіемъ по краямъ. (5 стр.).

Первое печатное изданіе грузинской библіи состоялось въ 1743 г. ¹⁾, въ г. Москвѣ и извѣстно подъ именемъ Бакаровской, по имени грузинскаго царевича Бакара Вахтанговича) библіи или Московскаго печатнаго изданія грузинской библіи. Когда и гдѣ редактированъ этотъ варіантъ грузинской библіи и съ какого языка сдѣланъ переводъ ея, нѣкоторымъ разъясненіемъ этого служить драгоценное послѣсловіе къ этой библіи царя Бакара Вахтанговича и главнаго редактора и издателя оной, брата царя Бакара, царевича Вахушта Вахтанговича. Изъ этого послѣловія мы узнаемъ, что въ Грузіи еще древними переводчиками были собраны и переведены книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Заветъа, но неблагоприятныя политическія обстоятельства губительно отразились на состояніи книжныхъ сокровищъ этой страны: одніе изъ книгъ совершенно пропали, другія подверглись сильному искаженію, вообще же онѣ были разрознены, неполны и пр. Книга Іисуса, сына Сирахова, и Маккавейскія совершенно не оказалось. Уцѣлѣвшія же книги были безъ обозначенія главъ и стиховъ. Царь Арчилъ († 1712 г. въ Москвѣ), сынъ царя Вахтанга V, оставивъ тронъ и переселившись въ Россію, въ царствованіе императора Петра Великаго, собралъ и привелъ въ порядокъ книги эти, при чемъ сличивъ съ славянскою библією, пополнилъ недостающія въ оныхъ мѣста. Книги же Маккавейскія и Іисуса сына Сирахова, какъ не оказавшіяся на грузинскомъ языкѣ, были вновь переведены съ славянскаго языка на грузинскій языкъ. Еще царь Вахтангъ VI, отецъ царя Бакара Вахтанговича, имѣлъ желаніе издать трудъ Арчила ²⁾, но

¹⁾ См. Дух. В. груз. экз. 1899, № 7—8 ст. А. Натроева.

²⁾ Мы выше указывали, что самъ Арчилъ еще въ 1705 г. напечаталъ въ Москвѣ Псалтырь „на имеретинскомъ діалектѣ“. Названъ имеретинскій (тотъ же грузинскій) діалектъ, вѣроятно, по случайнымъ признакамъ, быть можетъ только потому, что Арчилъ былъ царемъ Имеретинскимъ.

успѣлъ напечатать лишь кое-что изъ пророковъ, псалтирь и Новый Завѣтъ въ устроенной въ г. Тифлисѣ типографіи (1710—1723 гг.). Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что въ трудахъ Арчила, вслѣдствіе небрежности переписчиковъ, оказалось много отступленій и пропусковъ или не доставало цѣлыхъ стиховъ, словъ и фразъ или были лишніе и что библія не была раздѣлена на стихи,—побудило царя Бакара Вахтанговича заняться новымъ сличеніемъ грузинской библіи и исправленіемъ ея текста.

Дѣло это было возложено царемъ на брата своего Вахуштія, человека высокопросвѣщеннаго, при участіи лицъ: настоятеля, іеромонаха Христофора Гурамшвили, секретаря (мдивани) Мелхиседека Кавкасидзе и придворныхъ священниковъ Филиппа и Давида. Много труда положено на это также архіепископомъ І. Самебели, митр. Аванасіемъ Тифлискимъ и кн. Д. Цицишвили, отцомъ извѣстнаго героя и намѣстника Кавказскаго, измѣнически убитаго въ Баку. Редакціонный составъ этотъ, сличивъ и исправивъ грузинскую библію, раздѣлилъ ее, принятельно къ славянской, на главы и стихи, при чемъ дополнилъ тѣми мѣстами, какихъ не доставало ¹⁾).

---

¹⁾ „Во славу Св. Единосущнаго и Нераздѣльнаго Троицы Отца и Сына и Св. Духа во время благочестивѣйшія и пресвѣтлѣйшія Императрицы и Самодержицы всея Россіи Елизаветы Петровны и при наслѣдникѣ Ея Великомъ Князѣ Петрѣ Феодоровичѣ по тщаніемъ и по стараніемъ напечатали мы Давидовъ, Соломоновъ, Багратионовъ, царя Вахтанга Леоновича, сынъ Бакаръ, сію душеспасительную книгу священную библію. Понеже прежде всякимъ усердіемъ, хотя блаженнаго памяти царь Арчилъ ошибочное въ оной библіи исправилъ и собралъ, потому что въ нашей землѣ въ то время не найдено цѣлой библіи, которую св. отцы перевели, а нѣкоторыя книги изъ библіи пропали, какъ то Іисусъ Сирахъ и Маккавейскія, а которыхъ и найдены и то отъ переписчиковъ всѣ испорчены и смѣшаны главы и стихи. Но царь Арчилъ все то собралъ и исправилъ и не доставшее перевелъ по своей возможности и также блаженнаго памяти отецъ нашъ царь Вахтангъ хотѣлъ въ столичномъ своемъ городѣ Тифлисѣ напечатать и призвалъ изъ Валахіи типографщика и завелъ типографію и трудомъ и усердіемъ привелъ въ совершенство все нужное для типографіи и нѣкоторыя пророческія книги въ Грузіи напечаталъ, но отъ времени и случая сей трудъ остался недоконченнымъ и въ то время изъ нашего отечества пріѣхали мы въ великое государство, въ Россію 1724 года, въ царствованіе вел. Государя Императора Петра Алексѣевича, въ царствующій городъ Москву. По прошествіи нѣкотораго времени разсматривалъ труды двухъ тѣхъ царей Арчила и Вахтанга и ихъ учердіе къ напечатанію библію недовершенное возжелалъ и я, яко елень на источникахъ водные слѣдовать имъ въ семь трудѣ, и совершить. Нынѣ помощью Господа Саваоа я совершилъ желаніе ихъ и дѣло рукъ моихъ исправилъ и напечаталъ въ царствующемъ градѣ великой Москвѣ благословеніемъ св. Правительствующаго Синода, и нынѣ по хотѣнію моему трудился въ исправленіи печатанія архіепископъ Іосифъ Самебельскій и также напечатано

Хотя издателями первой печатной грузинской библии, было положено много труда надъ нею, но вслѣдствіе не глубокаго знакомства ихъ съ славянскимъ языкомъ, а допущено въ ней много неточностей и неправильностей въ переводѣ.

Переводчики грузинской библии слишкомъ рабски держались славянскаго текста, который они переводили буквально, что имѣло своимъ послѣдствіемъ несоотвѣтствіе мѣстами перевода грузинской библии съ духомъ и съ конструкціею грузинской рѣчи. Такъ, они „цвѣтъ полевой (полевой) перевели въ смыслѣ слова „полный“.

Мысль о должномъ исправленіи грузинской библии издавна занимала православныхъ іерарховъ отечественной русско-грузинской церкви. Первую заботу объ этомъ мы видимъ со стороны Россійскаго Комитета Библейскаго общества и экзарховъ Грузіи. Еще при высокопреосвященнѣйшемъ архіепископѣ Давидѣ, въ 1816 году Комитетъ означеннаго общества предполагалъ отправить 15 юношей изъ Грузіи, подъ руководствомъ г. Чубинова, въ С.-Петербургскую духовную академію для изученія Св. Писанія, чтобы со временемъ приступить къ исправленію грузинской библии.

Первый Комитетъ, для исправленія печатнаго списка грузинской библии составленъ при Евсеіи, экзархѣ Грузіи. Онъ отъ 27 сентября 1863 г., просилъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода на составленіе, подъ предѣлательствомъ епископа Геронтія (Папитова), викарія грузинскаго, Комитетъ для исправленія Московскаго изданія грузинской библии (т. е. библии Бакара Вахтанговича). При докладѣ о семъ Синоду, митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ объяснилъ, что, по отзыву лицъ, основательно знающихъ грузинскій языкъ и литературу, текстъ, употребляемый нынѣ на грузинскомъ языкѣ библии не вполне вѣренъ и согласенъ съ греческимъ

то, что переведено было отъ царя Арчила и съ перевода св. отецъ исправлено, и такъ всѣ книги и главы и стихи поправлены и теперь нѣтъ сомнѣнія, чтобы было ошибочное противу Еврейскаго, Египтскаго, Ассирійскаго, Булгарскаго и Армянскаго и другихъ прочихъ библий для пользы душъ царей нашихъ, Арчила и дочерей отца моего, царя Вахтанга и матери моей царицы Русудани и жены моей Анны“ и пр. (См. Труды V арх. съѣзда).

Издавалъ ее царь Бакаръ. Главы и стихи поставлены противъ Россійской библии, ибо въ Арчилевой библии все было безъ раздѣленія и напечатано близъ Москвы въ селѣ Всесвятскомъ въ 1748 г.

Наборщикомъ былъ іеромонахъ Христофоръ Гурамовъ и два священника—Филиппъ и Давидъ. Надзирателемъ былъ секретарь царскій Мелхиседекъ Кавкасіевъ. На концѣ библии по примѣру русской напечатанъ въ мѣсяцесловѣ отдѣлъ Евангелія и каталогъ.

Послѣ всего этого припечатана пасхалія съ златымъ числомъ по рукамъ, росписаніе праздниковъ по мѣсяцамъ, указатель опечатокъ и „увѣдомленіе о изданіи св. библии отъ Вахушта побочнаго сына Вахтангіева“.

текстом и что въ Сіонскомъ кафедральномъ соборѣ имѣется списокъ съ сдѣланнаго въ 978 году перевода библіи съ греческаго текста на грузинскій языкъ, который, по близости своей къ оригиналу, признается предпочтительнымъ предъ нынѣ употребляемою грузинскою библіею.

Въ виду такого отзыва митрополита Исидора, Синодъ, предоставилъ экзарху Грузіи Евсеію, привести въ исполненіе предположеніе объ учрежденіи Комитета для сличенія и исправленія грузинской библіи по Аѳонскому ея списку.

Важное значеніе и высокая авторитетность Аѳонскаго списка грузинской библіи издавна сознавались первосвятителями грузинской церкви. Католикосъ грузинской церкви Антоній II, митрополитъ Варлаамъ, первый экзархъ Грузіи, митрополиты Теофилактъ и Іона признавали необходимымъ отправить на Аѳонъ комиссію для снятія на мѣстѣ копій со списка Аѳонской библіи.

Въ 1820 году комиссія эта была хотя и отправлена, но, по смутнымъ политическимъ обстоятельствамъ и осложненію восточнаго вопроса, предпріятіе это не могло быть осуществлено. Мысль была достигнута только въ 1848—1849 гг., при экзархѣ Грузіи Исидорѣ, когда для этой цѣли былъ командированъ на Аѳонъ грузинскій археологъ П. І. Иосселиани бывшимъ намѣстникомъ кавказскимъ кн. Воронцовымъ. Покойнымъ археологомъ былъ привезенъ въ Тифлисъ Аѳонскій списокъ библіи, съ котораго были сняты копіи въ 3-хъ экземплярахъ: одна для тифлискаго Сіонскаго собора, другая для имеретинскаго митрополита Давида (Церетели), а третья для владѣтельнаго князя мингрельскаго Дадіани^{*)}.

Къ сожалѣнію, добытый покойнымъ археологомъ съ такими усиліями списокъ Аѳонской библіи не есть однако копія съ Аѳонскаго ея списка, исправленнаго св. Евѣміемъ († 1028), но съ другого списка грузинской библіи, пріобрѣтеннаго Торникіемъ задолго до основанія еще Иверскаго, на Аѳонѣ, монастыря (въ 980—982 по Рожд. Хр.). Это, между прочимъ, доказывается и отсутствіемъ всякихъ поправокъ въ книгѣ рукою св. Евѣмія и датой 978 года, когда пріобрѣтенъ этотъ списокъ.

Послѣднее печатное изданіе библіи сдѣлано не съ Аѳонской, а съ Бакаровской, гражданскимъ шрифтомъ въ 1884 г. въ типографіи Е. Хеладзе. Объ извращеніи текста грузинской библіи при этомъ изданіи было письменно заявлено преосвященнымъ Гаврииломъ, епископомъ Имеретіи, и законоучителемъ Закавказскаго дѣвичьяго института, пр. Петромъ Кончueвымъ. Послѣднимъ представлена еще бывшему экзарху Грузіи Владимиру, нынѣ митрополиту Московскому, весьма обширная, на 26

^{*)} Аѳонская библія 978 г. не даетъ дѣленія главъ на стихи, а въ нѣкоторыхъ книгахъ нѣтъ даже дѣленія на главы. Въ ней много такихъ мѣстъ, которыя отсутствуютъ въ Бакаровской печатной библіи, а также въ славянской и михетской. Къ сожалѣнію въ этомъ списокѣ библіи мѣстами недостаетъ нѣкоторыхъ главъ, нѣтъ вовсе 1 и 2 книгъ Паралипомена и третьей книги Маккавѣевъ, а также Псалтыри, вновь переведенной въ первой половинѣ XI в. О библіи см. *Иосселиани, Древности Тифлиса*, стр. 153—5, 226.

листахъ, записка съ указаніемъ всѣхъ допущенныхъ при ея изданіи неправильностей, пропусковъ, ошибокъ, опечатокъ и искаженій текста библіи ¹⁾).

Грузино-Имеретинская Синодальная контора, убѣдившись, что въ грузинскую библію, изданную въ 1884 г., дѣйствительно вошли грубыя ошибки, искажающія священныи текстъ, указомъ своимъ, отъ 24 сентября 1896 г. опредѣлила для исправленія ея составить комитетъ, подъ предѣдательствомъ настоятеля Хирскаго Стефановскаго монастыря, нынѣ преосвященнаго Леонида еп. Имеретинскаго.

Результатомъ занятій Комитета въ теченіе двухъ лѣтъ служить исправленіе имъ первой книги Пятовнижія Моисея — „Бытія“, просмотръ и провѣрка относящихся къ этой книгѣ замѣтокъ по сличенію и исправленію грузинской библіи протоіерея П. Кончуева, и составленіе словаря трудныхъ и малопонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ означенной книгѣ. Помимо исправленія текста библіи, Комитетомъ произведены: правильная разстановка знаковъ препинанія, раздѣленіе библіи на главы и стихи, примѣнительно къ Синодальному изданію русской библіи 1892 года, и снабженіе текста грузинской библіи параллельными мѣстами.

Всѣхъ вариантовъ грузинской библіи, которыми приходится руководствоваться Комитету при сличеніи и исправленіи ея, нынѣ имѣется восемь; они суть слѣдующіе: 1) Сионскій вариантъ грузинской библіи, ошибочно считающійся за Аѳонскій списокъ и представляющій копию съ Торникіевскаго списка грузинской библіи; 2) Мцхетскій вариантъ библіи (VII—VIII в.), 3) Бакаровскій, царя Бакара Вахтанговича (Московское печатное изданіе грузинской библіи 1743 г.), 4) библія, напечатанная въ Тифлисъ гражданскими буквами въ 1884 году въ типографіи Е. Хеладзе; 6) вариантъ грузинской библіи Телавской соборной церкви, доставленный въ 1899 г. преосвященнымъ Кириономъ, и хранящійся въ Тифлисскомъ церковномъ древнехранилищѣ; 7—8) два Кутаисскихъ рукописныхъ варианта грузинской библіи, одинъ изъ коихъ принадлежитъ Кутаисскому Александро-Невскому кафедральному собору, а другой—домовой Кутаисскаго духовнаго училища церкви, пристроенной къ развалинамъ древняго Багратова собора ²⁾). Послѣдніе варианты отно-

¹⁾ Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ этого изданія заключается въ томъ, что главы и стихи въ немъ перебиты. Такъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ съ 16 ст. XIV гл. II Второзаконія нужно искать продолженія на 387 стр.—и далѣе, гдѣ помѣщены главы XVI—XVII, а съ 15 ст. XVIII гл. приходится искать въ началѣ этой же книги. Такіе недосмотры указаны прот. Кончуевымъ въ ст. „Грузинская Библія“ (*Моамбэ*, 1896, II). Онъ указываетъ на искаженія еще въ Бакаровской библіи: такъ, здѣсь вмѣсто горы Хоревъ стоитъ „K'ogebis mtha“, что значитъ въ переводѣ „гора ястребовъ“, вмѣсто имени „Лотъ“ находимъ Логі (пьяница), Ханевъ передѣланъ въ Балеби (дѣвы) въ то время, какъ эти слова въ аѳонскомъ списокѣ даны правильно.

²⁾ См. объ этомъ списокѣ XII в. *Жорданія*. Хроника, II, 37. О неудовлетворительности обращающагося нынѣ въ печатномъ видѣ Часослова см. *Моамбэ*

сятся къ XII и XIII вѣкамъ. Помимо чрезвычайно важныхъ примѣчаній на поляхъ означенныхъ вариантовъ, взятыхъ изъ твореній отцовъ и учителей церкви II—V вв.: Свифохосса, Феодорита, Минева, Евсевія, Омропира, Кимена, Акакія, Северіана, Г. Ниссаго, Оригена, Иринея, Аквилы, Дидима и пр., творенія которыхъ весьма мало извѣстны въ экзегетической наукѣ, варианты эти представляютъ драгоценныя находки для грузинской библіи въ томъ отношеніи, что заключаютъ въ себѣ текстъ ея, исправленный такими глубокими знатоками грузинскаго языка и Св. Писанія, какими совершенно основательно считаются перелататели и исправители священныхъ книгъ св. Евѣмій и св. Георгій—святогорцы, Афонскіе подвижники X и XI столѣтій. Варианты эти до послѣдняго времени считались утерянными. Извѣстно изъ исторіи перевода грузинской библіи, что царь Вахтангъ, будучи не въ состояніи найти полный переводъ грузинской библіи ни въ Грузіи, ни на Афонѣ, вынужденъ былъ перевести, притомъ неудачно, нѣкоторыя недостающія книги—I. сына Сирахова, Маккавейскія,—равно много отдѣльныхъ главъ и стиховъ съ славянскаго языка. Нынѣ въ древнемъ переводѣ книги эти найдены. Кромѣ перечисленныхъ вариантовъ Комитетъ пользовался при исправленіи грузинской библіи переводами на славянскомъ, русскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ.

Нынѣ Комитетъ занятъ сличеніемъ и исправленіемъ второй книги Пятикнижія Моисеева „Исходъ“.

О вариантахъ Грузинской Библіи.

Грузинская Библія есть переводъ съ Греческой 70 толковниковъ. Грузинская церковь, въ первое время принадлежала къ Антиохійской патриархіи и въ IV—V вѣкахъ поддерживала постоянныя сношенія съ Антихією²⁾. Она по-

---

1898, III. Здѣсь указаны неточности въ родѣ сарке (зеркало) вм. саркиноза (—магометане—арабы, турки, персы).

²⁾ Еще въ XV в. (1428 г.) архіеп. Герасимъ Ацхурскій, возведенный въ этотъ санъ католикомъ Микелемъ даетъ ему письменное за себя и за своихъ преемниковъ обѣщаніе поминать въ церкви, „какъ было и въ прежнія времена“—цари и католикоса всей Грузіи, при чемъ онъ обязался не поминать уже въ своей церкви Антиохійскаго патриарха и не принимать его посланцевъ. (*Путешествіе*. Церк. гуджары, стр. 103). Въ 1426 г. Михаилъ, патриархъ Иерусалимскій и Антиохій прибылъ въ Грузію и привѣтствовалъ царя, Дадіани, атаанеговъ, эриставовъ и амхлаваря и рассмотрѣвъ положеніе вѣры и церкви, нашелъ на основаніи документовъ, что католикосовъ грузинскихъ и абхазскихъ въ прежнія времена составляли патриархи Антиохійскіе, но потомъ порядки измѣнились по обстоятельствамъ времени и потому согласно желанію царя, владѣтельныхъ лицъ и существовавшему „прежде обычаю“ онъ посвятилъ въ санъ католикоса для Лихт-Аміери (Имеретіи) Одиши (Мингрели) Гуріи и Абхазіи много потрудившагося для паствы Іоакима, архіеп. Бедійскаго. Онъ всю Абхазію, отпавшую отъ христіанства, обратилъ вновь въ христіанство и утвердилъ его въ ней (ib., стр. 132—3).—Патриархи

сылала просвѣтителей и миссіонеровъ въ Грузію еще въ VI вѣѣ, слѣдовательно, она же, вѣроятно, и позаботилась дать нововозникшей церкви Грузинской Евангеліе, переведенное непосредственно съ языка Греческой церкви. Съ другой стороны, грузины и церковь грузинская, понятно, питая особенное благоговѣніе къ евангельскимъ подлинникамъ и къ греческому языку, какъ органу церкви-матери, безъ сомнѣнія, могли и должны были получить первые переводы Евангелія, очерпнутые непосредственно изъ греческаго подлинника, а не изъ вторыхъ рукъ. Это было, наконецъ, въ интересахъ греческой православной церкви ¹⁾. Необходимо однако допустить, что при переводѣ Евангелія грузинскій переводчикъ (или переводчики) имѣлъ подъ руками, между прочимъ, и армянскій переводъ и съ нимъ справлялся въ сомнительныхъ для себя случаяхъ, равно для передачи нѣкоторыхъ словъ и формъ прибѣгалъ къ помощи армянскаго перевода. Къ такому заключенію приводитъ, между прочимъ, его и анализъ грузинскаго перевода книги „Пѣснь-пѣсней“. Мы знаемъ также, что грузинскую біблію, изданную въ Москвѣ въ 1743 г., исправили и недостающія книги переводили на основаніи нѣсколькихъ многоязычныхъ переводовъ, но на этомъ изданіи больше всего замѣтно вліяніе церковно-славянской Библии, съ которой грузинскій переводъ только сличали, а не переводили. Что же касается, наконецъ, времени перевода какъ грузинской Библии, такъ и цикла церковно-богослужебныхъ книгъ, то переводъ этотъ, былъ конченъ задолго до начала Аеонско-Иверскаго періода (въ X в.) религіозно-литературной дѣятельности, при чемъ онъ сдѣланъ не разъ, а въ разное время, разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ, въ Грузіи и внѣ ея. Такими центрами, гдѣ писаны и хранились древнѣйшія грузинскія рукописи, были внѣ Грузіи лавра св. Саввы, Олимпъ греческій и Константинополь; далѣе грузинскіе монастыри въ Сиріи. Въ Грузіи такими же центрами являются монастыри, основанные 13 Сирійскими отцами, пришедшими въ Грузію въ VI в.; Самцхійскіи обители VIII—IX вв., а равно резиденціи царей и католикосовъ.

Другого мнѣнія держится П. Юсселиани, извѣстный историкъ и археологъ грузинскій. По его мнѣнію, переводъ грузинской Библии, какъ и нѣкоторыхъ другихъ священныхъ книгъ, сдѣланъ съ сирохалдейскаго языка, при чемъ считаетъ извѣстными таковыя на грузинскомъ языкѣ значительно ранѣе X и даже V вѣка—эпохи, по увѣренію армянскихъ историковъ, изобрѣтенія Месропомъ письменъ грузинскихъ.

Извѣстный ученый и каллиграфъ XVIII в., придворный священникъ и духовникъ царя Ираклія, Захарій Габаевъ утверждаетъ однако, что переводъ грузинской Библии сдѣланъ съ арабскаго языка. Въ концѣ рукописи перевода „Органъ“ Прокла Діодоха встрѣчается слѣдующая приписка: „въ древней книгѣ встрѣ-

---

антиохійскій въ титулѣ именуется понынѣ еще и иверійскимъ. См. объ этомъ у меня. Источники по введенію христіанства въ Грузію.

¹⁾ А. Цагарели. Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности. Выпускъ II. Спб. 1889 г.

тилъ я, Захарій духовникъ, и оттуда выписалъ. За много лѣтъ до Евѳимія (1028 г. по Рож. Хр.) и Георгія, свв. отцовъ перелагателей, прибыли въ Іерусалимъ Давидъ и Стефанъ, изъ рода грузинъ, и здѣсь, выучившись Еллинскому языку и краснорѣчію, впервые переложили нѣсколько богослужебныхъ книгъ съ греческаго на грузинскій языкъ и съ арабскаго языка книги св. Писанія съ большимъ тщаніемъ. Спустя много времени послѣ этого возникла церковь Портаитиссы во имя Божіей Матери, куда собралось много грузинскихъ монаховъ. Между ними появились Евѳимій и Георгій, блаженные отцы, которые, переложенныя Давидомъ и Стефаномъ книги, вслѣдствіе искаженія ихъ переписчиками, исправили и очистили и многія вновь переложили. Послѣ нихъ появились изъ Самцхэ преподобные иноки Саба Тухарели и Ефремъ младшій, ученикъ Іоанна Петриція. Этого Ефрема побудилъ просьбами Саба Тухарели перевести нѣсколько книгъ, непереложенныхъ еще на нашъ языкъ, и тотъ перевелъ“. Далѣе идетъ перечисленіе трудовъ этого отца.

Не менѣе важно мнѣніе объ этомъ и самого Георгія Мтацминдели—святогорца (XI в.). Покойный археологъ, извѣстный историкъ грузинскій Д. Бакрадзе, въ 1860 г., во время путешествія по Сванетіи, нашелъ три древнихъ списка Евангелія перевода Георгія Мтацминдели. На одномъ изъ этихъ списковъ, составляющемъ автографъ самого Георгія Мтацминдели (XI в.), сдѣлана рукою переписчика слѣдующая записъ, имѣющая весьма важное значеніе для исторіи грузинскаго перевода книгъ Св. Писанія.

Изъ этой записи видно, что еще во время Георгія Мтацминдели—святогорца (XI вѣк.) въ употребленіи было нѣсколько переводовъ Евангелія: а) переводъ первыхъ вѣковъ христіанства въ Грузіи—первоначальный (V—VI вв.), сдѣланный точно, б) Ханмети, подъ которымъ, по мнѣнію Бакрадзе, разумѣется Евангеліе съ прибавленіями, но всего вѣроятнѣе считать подъ нимъ географическое названіе какой либо мѣстности, в) переводъ Евангелія Сабацминдури, т. е. сдѣланный въ Саввинской лаврѣ, въ Палестинѣ и, наконецъ, д) переводъ самого Георгія. Переводчикъ послѣдняго обращается съ убѣдительною просьбой ко всѣмъ не смѣшивать текстовъ разныхъ редакцій и переписывать съ его Георгія, перевода только въ такомъ случаѣ, когда у писцовъ не встрѣтятся подъ руками первоначальныхъ переводовъ Евангелія. Все это, хотя говорится здѣсь касательно Четвероглавія, но необходимо приписать и къ книгамъ ветхаго завѣта, такъ какъ названія „Ханмети“, „Сабацминдури“ одинаково относятся какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ. Подъ такими именами разумѣются переводы книгъ Св. Писанія, сдѣланные, какъ сказано выше, въ Ханметахъ и въ Саввинской лаврѣ, въ Палестинѣ.

Съ такой же похвалою отзывается св. Георгій о первыхъ переводахъ и въ написанной имъ біографіи Евѳимія Аѳонскаго. „И Евѳимій началъ переводить, говорить онъ, и всѣхъ удивилъ, ибо подобныхъ переводовъ не было на нашемъ языкѣ и не будетъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые были сдѣланы еще прежде (т. е. первыми переводчиками).

О переводахъ первыхъ переводчиковъ говорить рукопись за № 114 каталога грузинскихъ книгъ монастыря св. Креста. Въ концѣ ея переписчикъ поуче-

ній св. І. Златоуста, нікто Микель Двали, приводить записъ завѣщанія отца Іоанна, основателя Иверскаго монастыря на Аѳонѣ 998 г. по Р. Хр., въ которой о. Іоаннъ говоритъ, что послѣ переводчиковъ книгъ ветхозавѣтныхъ, Евангелія, Дѣяній Апостольскихъ (посланій Апостола Павла), не было никого, который бы перевелъ эти толкованія на св. Евангеліе и другія книги. Іоаннъ, давъ себѣ много труда, выучилъ сына своего Евемію греческому языку въ совершенствѣ и предложилъ ему сдѣлать переводы съ греческаго на грузинскій языкъ.—Изъ этого весьма цѣннаго свидѣтельства видно, что ветхій завѣтъ, равно Евангеліе, Дѣянія Апостольскія и посланія Апостола Павла были переведены еще первыми переводчиками грузинскими, жившими задолго до X вѣка. При этомъ переводы эти лучшими авторитетами X—XI вв., знавшими греческій и армянскій языки въ совершенствѣ, считались безукоризненными.

Заслуживаетъ также вниманія мнѣніе по этому предмету извѣстнаго грузинскаго историка и археолога, покойнаго Д. Зах. Бакрадзе. Время перевода грузинской Библии упомянутый историкъ относитъ къ періоду до VIII столѣтія по Р. Хр. Если несомнѣнна древность лѣтописи грузинской, то необходимо признать не менѣе достовѣрнымъ и то, что при Вахангѣ Горгасланѣ у грузинъ имѣлись переводы богослужебныхъ книгъ. Съ этой стороны сказанія грузинскихъ лѣтописцевъ, что супругъ царя Мирдата (408—410 г.) Сандухтѣ было переведено Евангеліе, что Фарсманъ VI (542—557) далъ Евагрію драгоцѣнное Евангеліе, разукрашенное блаж. царемъ Вахангомъ, заслуживаютъ извѣстнаго довѣрія.

Вопросъ: съ какого языка сдѣланъ переводъ Евангелія на грузинскій языкъ, по мнѣнію г. Бакрадзе, нельзя считать выясненнымъ, но предполагаетъ, что этотъ переводъ сдѣланъ съ армянскаго. Мнѣніе это впоследствии было устранено г. Цагарели.

Бакрадзе основывался на слѣдахъ впаінія армянскаго языка, а съ другой—на томъ, что въ древности нерѣдко были у грузинъ примѣры перевода священнобогослужебныхъ книгъ, равно какъ свято-отеческихъ произведеній съ армянскаго языка на грузинскій, какъ и обратно—съ грузинскаго на армянскій.

Въ церковномъ музеѣ ¹⁾ при тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ хранится одинъ важный вариантъ грузинской библии, поступившій изъ Мцхетскаго католикосскаго собора. Рукопись состоитъ изъ большого тома въ 852 страницы, къ которому приложены: указатель параллельныхъ мѣстъ къ книгамъ ветхаго и новаго завѣта и переводъ на грузинскій языкъ еврейскихъ и сиро-халдейскихъ словъ и именъ въ алфавитномъ порядкѣ, заключающій въ себѣ 74 страницы, написанныхъ мелкимъ смѣшаннымъ: церковнымъ и гражданскимъ письмомъ. Текстъ библии писанъ въ два столбца, бумаги рукописи сѣроватая, поля страницъ широкія. Письмо церковное, строчное, мелкое. Начальныя буквы, заглавныя фразы писаны красными чернилами. На каждой страницѣ по 40 строкъ съ точнымъ обозначеніемъ названія въ началѣ каждой книги на грузинскомъ и еврейскомъ языкахъ, раздѣленіемъ на главы и стихи. Рукопись эта не есть оригиналъ, но снята съ какого то древняго

¹⁾ Ср. Иверія, 1897, № 42 и 45.

списка, который, надо полагать, былъ значительно поврежденъ отъ времени и стихій. Бромъ того, что вариантъ не полонъ, въ немъ не хватаетъ цѣлыхъ не только стиховъ, но даже главъ, для которыхъ переписчикомъ оставлены свободныя мѣста. Многія изъ этихъ мѣстъ восполнены текстомъ гражданского письма, причемъ переводъ отличенъ какъ отъ Аеонской, такъ и отъ Бакаревской библии. Что рукопись эта списана съ болѣе древнѣйшаго документа, видно, между прочимъ, и изъ приписки въ приложеніи, предъ словами „Іонафанъ“ и „Іоасафатъ“, гдѣ указывается, что „оригиналъ подожженъ въ этихъ мѣстахъ“, равно изъ приписки на 421 страницѣ варианта, гдѣ переписчикъ указываетъ, какія главы цѣлы въ оригиналѣ, какія повреждены и съ какихъ стиховъ. Къ сожалѣнію, кѣмъ первоначально сдѣланъ этотъ вариантъ, съ котораго списанъ настоящій списокъ Грузинской библии; равно когда и чьею рукою переписанъ онъ, опредѣлить не представляется возможности, такъ какъ въ немъ не имѣется ни предисловія, ни послѣсловія. На стр. 562 означенной рукописи имѣется внизу, на полѣ, приписка рукою переписчика: (Помилуй меня Богъ грѣшного Лазаря, потщись переписать вѣрно). Кто такой этотъ Лазарь, извѣстный ли писецъ XIII—XIV вв. подъ именемъ Ѡаддея (Лазаря), или другой какой-либо, сказать трудно. Судя по характеру и почерку письма, рукопись эта сдѣлана не однимъ переписчикомъ, но четырьмя. Основываясь на близкомъ сходствѣ нѣкоторыхъ книгъ означеннаго списка библии съ вариантомъ Грузинской библии, извѣстнымъ подъ названіемъ Бакаревской библии, Московскаго печатнаго изданія Грузинской библии 1743 г., нѣкоторые думали, что вариантъ этотъ есть прототипъ Грузинской библии, съ котораго снятъ списокъ Бакаревской библии. Но внимательное разсмотрѣніе его приводитъ къ тому заключенію, что онъ списанъ съ болѣе древнѣйшаго перевода, чѣмъ это представляетъ Бакаревскій списокъ библии и быть можетъ даже Аеонскій (978 г.).¹⁾

Вариантъ этотъ имѣеть заголовокъ на грузинскомъ языкѣ съ еврейскимъ переводомъ. Книга Бытія, которая называется по еврейски „Берешитъ“. Книга Второзаконія, которая по еврейски называется „Елле-атдегамамъ“. 1 кн. Ездры имѣеть надпись: „Эта книга, слѣдуя армянскому порядку, второй Ездрой считается, вторая Ездра третьей, а третья первой. Если захочешь слычить, такъ слычи“. Заслуживаетъ вниманія и характерная надпись на книгѣ „Пѣснь пѣсней“: Похвала-похвалъ Соломонова, которая есть благословеніе-благословеній и называется по еврейски „Сиръ“, — „Аскринъ“.—Такихъ надписей мы не встрѣчаемъ въ переводахъ съ греческаго 70 толковниковъ, каковымъ является Аеонскій переводъ грузинской библии съ датой 978 г.

Любопытна транскрипція именъ: Абба, а не Авва; Абрамъ, Абель, Мосе, а не Моусей; Абдіасъ, а не Авдій; Іесо, а не Іисусъ; Абиелекъ, а не Авимелекъ; Абессаломъ, Іобъ, Тамара, а не Ѡавара; Барнаба, Барукъ, Варухъ; Бетавія, Влеанія;

¹⁾ Ср. Очень краткія свѣдѣнія о Груз. библии Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, begründet von Herzog, Heft 21—22 стр. 100—101.

Бетлемъ, Вилелеемъ; Бартоломеоъ, а не Варооломей; Бевіаминъ, вм. Веніаминъ; Саба, а не Савва; Сабаотъ, вм. Саввоотъ; Басилій, а не Василій и пр. Исправители искаженныхъ переписчиками св. книгъ, равно и перелагатели другихъ, замѣтивъ, что эти собствѣнные имена уже получили въ устахъ грузинъ авторитетъ, не измѣнили ихъ во переводу греческому 70 толковниковъ.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія также приписка, сдѣланная рукою переписчика, на стр. 682 того же варианта: Погуби Богъ, кто вынудилъ Савву сечь книгу библіи. Приписка эта, судя по характеру почерка, сдѣлана рукою переписчика Лазаря, но списалъ ли онъ, или отъ себя внесъ ее, неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но она свидѣтельствуетъ, что библія эта есть, такъ называемый, „Саба-циндуръ“ и говорить, по всей вѣроятности, о той борьбѣ, которая долгое время велась между грузинскими переводами богослужебныхъ книгъ съ греческаго 70 толковниковъ (Аеонскій переводъ) и съ еврейскаго, сирохалдейскаго языковъ (переводы Синайскіе, Іерусалимскіе, Палестинскіе), закончившейся торжествомъ Аеонскаго перевода богослужебныхъ книгъ. Въ періодъ времени отъ V до IX вѣка переводъ Грузинской библіи былъ вполне уже оконченъ. Заслуга Аеонскихъ переводчиковъ—святогорцевъ заключалась не въ томъ, что до нихъ будто у насъ не было перевода Св. Писанія и вообще книгъ богослужебныхъ, но въ томъ главнымъ образомъ, что они, освободивъ грузинскую церковь отъ вліянія Антиохійской и Іерусалимской церквей, сблизили ее съ Константинопольскою: зовели здѣшніе порядки и самыя богослужебныя книги, переведенныя съ еврейскаго и сирійскаго языковъ, исправляти по принятому въ Греціи переводу 70 толковниковъ. — Это вліяніе Антиохійской и Іерусалимской церквей обнаруживается долго даже послѣ XI в., что видно изъ гуджаровъ церквей: Гелатской, Бедійской, Бутанской Баграта IV церкви, равно сигелей Моквской, Мартвильской, Цайшской и Гопской церквей. Неоднократно мы встрѣчаемъ въ нихъ выраженія: „такъ научились мы въ Палестинѣ“, „не такъ научены мы отцами Палестинскими“ и пр.

Не мало у насъ данныхъ на то, что древнѣйшіе переводы св. богослужебныхъ книгъ и твореній св. отцевъ сдѣланы въ Іерусалимѣ, въ Саввинской лаврѣ, Ханметахъ, на Синаѣ. Древнѣйшее грузинское Евангеліе называлось Іерусалимскимъ, Сабацциндскимъ, Ханметскимъ; переводы же позднѣйшіе съ XI в. и позже—„Аеонскими“, святогорскими переводами съ греческаго. Заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи, надпись на псалмѣ 136 пергаментной псалтыри, относимой г. Цагарели, на основаніи палеографическихъ признаковъ, къ VIII—IX в. Въ одномъ мѣстѣ здѣсь мы читаемъ: Псаломъ Давида, переписанный рукою Іереми съ еврейскаго 136. Интересны также послѣсловіе, надписи и приписки къ пергаментной Псалтыри, хранящейся въ церковномъ музеѣ при Сіонскомъ соборѣ за № 37, относимой г. Жорданія къ періоду 974 г. Въ послѣсловіи ея переводчикъ, говоря о раздѣленіи псалмовъ на три каөизмы, указываетъ, что грузинскій переводъ псалтыри совершенно тождественъ съ Іерусалимскимъ (еврейскимъ) оригиналомъ.

Все это нынѣ уже ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія ту мысль, что переводъ Грузинской библіи былъ законченъ задолго до основанія Аеонскаго монастыря, имѣвшаго мѣсто 980—982 г.

Во многимъ особенностямъ этого варианта библіи необходимо отнести также діалогическую форму изложенія книги „Пѣснь Пѣсней“. Въ этомъ отношеніи вариантъ этотъ представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ и интереснѣйшихъ по формѣ памятниковъ. Діалогическую форму книга эта имѣетъ, какъ извѣстно, въ греческихъ кодексахъ библіи IV—V вв., съ которыхъ сдѣланъ грузинскій Аѳонскій переводъ этой книги, приложенный въ I выпуску кн. А. Цагарели „Свидѣнія о памятникахъ грузинской письменности“ Спб. 1886 г. Но означенный Михетскій вариантъ этой книги отличается отъ Аѳонскаго варианта какъ въ отношеніи чистоты языка, такъ и правильности перевода.

Въ сожалѣнію, вариантъ этотъ не полонъ. Многихъ книгъ совершенно нѣтъ; въ имѣющихся же—большіе пробѣлы: недостаетъ не только стиховъ, но даже цѣлыхъ главъ. Отсутствуютъ книги пророческія большихъ и малыхъ пророковъ, замѣни конхъ приложены книги пророческія вмѣстѣ съ книгами трехъ первыхъ евангелистовъ, напечатанныя по повелѣнію царя Вахтанга (IV), въ устроенной имъ въ Тифлисѣ типографіи въ 1710—1723 г. Также не имѣется книгъ: I сына Сирахова, Маккавейскихъ и 3 книги Ездры. Пропусковъ же особенно много въ книгахъ: Притчей и Премудрости Соломона и Екклесіастъ. Книга Нееміи перемѣшана съ книгами Ездры. Въ книги же „Есѳеръ“—шесть лишнихъ главъ, противъ славянской библіи.

Присутствіе, впрочемъ, еврейскихъ названій книгъ въ грузинской библіи не можетъ свидѣльствовать о переводѣ ея съ еврейскаго языка, такъ какъ въ нѣкоторыхъ греческихъ кодексахъ имѣются подобныя же еврейскія названія отдѣльных книгъ библіи. Транскрипція именъ (Абба, Абель и др.), которой придавалъ такое важное значеніе П. А. Юсселиани, поддерживая гипотезу перевода съ сирскаго, едва ли можетъ поколебать мнѣніе о переводѣ грузинской библіи съ греческой 70 толковниковъ. Вся разница въ воспроизведеніи именъ 70 толковниковъ и грузинской сводится въ чтеніи буквы β и η, которыми еще въ классическую эпоху соответствовали звуки б и в, е и и¹). По сравненіи же текстовъ Бытія изъ библіи грузинской и еврейской, мы убѣдились, что первая не можетъ быть признана переводомъ со второй, такъ какъ въ ней отсутствуютъ всѣ особеннности еврейскаго текста и сохранены таковыя греческаго перевода 70 толковниковъ.

¹) См. по этому вопросу специальное изслѣдованіе *Fr. Blass. Über die Aussprache des griechischen*. Berlin. 1882. 0—переводъ грузинской библіи съ еврейскаго см. у меня II в. „Очерковъ“, стр. 68, примѣч.

П Р И Л О Ж Е Н І Е .

Апокрифы.

Евангеліе Іоакима (Іоанова?)—Рождество Пресвятой Маріи ¹⁾.

Были родители, но дѣтей не имѣли. Наступилъ день храмоваго праздника. Іоакимъ, взявъ жертвенную овцу, отправился въ церковь на богомолье. Съ нимъ вмѣстѣ были и многіе другіе богомольцы, и тоже съ овцами; во главѣ всѣхъ шла овца Іоакима, которая, идя, попрыгивала. Спутники Іоакима, видя это, обидѣлись и они сказали ему: «Ты бездѣтень, и твоя жертва не можетъ быть угодна Богу; зачѣмъ ты присоединился къ намъ? Твоего и хлѣба нельзя ѣсть! Возьми свою овцу и удались отъ насъ?» Іоакимъ, связавъ свое жертвенное животное веревкою и выдѣливъ ее изъ числа другихъ овецъ, вернулся обратно домой; онъ былъ печалень, горько плакалъ и, изнывая въ сердцѣ, молился непрестанно. Пройдя немного, онъ своротилъ съ дороги и, ставъ на колѣни, возопилъ съ плачемъ: «Господи Боже, сотворившій всякое дыханіе! Ты всякому одушевленному существу далъ способность размножаться, плодиться, радоваться плодомъ чрева своего, я же одинъ между всѣми обреченъ оставаться въ печали и позорѣ. Молю Тебя, Господи, услышь прошеніе мое и гласъ мой: если я не достоинъ, сдѣлай достойнымъ и даруй мнѣ чадо, и Тебѣ же пожертвую родившагося отъ жены моей». Такихъ словъ онъ говорилъ много. Помолившись усердно, всталъ и пустился въ путь, и пройдя немного, встрѣтилъ свою супругу, которая была печальна. Онъ спросилъ Анну, почему она такъ печальна.—«Какъ не быть печальною», отвѣтила она, «весь міръ радуется плодомъ своего чрева, я же одна явилась гадкою и осталась безъ потомства». Затѣмъ мужъ сказалъ ей, что богомольцы его жертву не присоединили къ своимъ, прогнали и устыдили его. И они оба плакали долго и пролили много слезъ. Іоакимъ сказалъ Аннѣ: «оставляю тебѣ все имѣніе мое, самъ же ухожу въ горы, гдѣ и буду молиться». И отправился онъ въ глухое мѣсто и молился тамъ 40 сутокъ, и во все это время онъ не ѣлъ и не пилъ. Въ это же время молилась дома и Анна, постясь 40 дней и ночей. Въ одинъ день Анна

---

¹⁾ Грузинскій оригиналъ хранится въ Тифлис. церковномъ музеѣ. Переводомъ его я обязанъ М. Г. Джанашиви.

отправилась въ садъ и, сѣвъ подъ деревомъ, плакала такъ: «Анна дома, но горюеть, такъ какъ до сихъ поръ не имѣеть чада и, въдобавокъ, еще овдовѣла ¹⁾! О, дѣва Анна, отверженная мужчинами и обиженная женщинами! горе тебѣ, Анна! всякое плодовое дерево и всякая трава приносятъ плодъ и ягоды, ты же одна бесплодна; всякая птица выводитъ птенца, ты же одна бесплодна; горе тебѣ Анна, что и рыба въ водѣ радуется, видя плодъ свой, а ты бесплодна». Такъ горевала она и плакала. Вотъ она подняла взоры свои вверхъ и увидѣла воробьевъ, которые, спугнувъ своего молодого птенчика съ гнѣзда, радовались и веселились; жутко стало ей, и она начала рыдать и, обратившись къ Богу со слезами, говорила: «Господи, Вседержецъ неба и земли, возрадуй и меня вмѣстѣ съ этими воробьями!» Тотчасъ же предсталъ предъ ней ангелъ и сказалъ: «Анна! Богъ услышалъ молитву твою и дастъ тебѣ дочь, имя которой будетъ Маріамъ, и будетъ она свята и всѣ роды и племена будутъ почитать ее». Услышавъ это слово, Анна очень обрадовалась и, прославивъ Бога, отправилась возрадовать своего мужа. Іоакимъ уже возвращался домой, и онъ встрѣтилъ ее на полпути. Анна сказала ему: «счастливъ ты, Іоакимъ, ибо молитву твою услышалъ Богъ, Который, разрѣшивъ (тебя отъ бесплодія), хочетъ дать тебѣ дочь и ее будетъ ублажать весь міръ». Іоакимъ говоритъ ей: «Какъ тебѣ, такъ и мнѣ благовѣствовалъ Ангелъ». Обрадованные супруги вернулись домой, и Богъ далъ имъ дитя: зачала Анна и родила на седьмомъ мѣсяцѣ, послѣ зачатія, и такъ случилось потому, что супруги эти жаждали скоро увидѣть дитя. Въ ту ночь Іоакиму приснился сонъ: будто его посохъ расцвѣлъ, обременился плодомъ, выросъ въ большое высокое дерево, плодами его питались всѣ одушевленные твари, но, не смотря на это, число этихъ плодовъ не только не уменьшалось, но даже увеличивалось. Проснувшись, Іоакимъ благодарилъ Бога и далъ онъ Ему обѣтъ, что ежегодно Марію представить во храмъ и принесетъ тамъ жертву. Когда подросла Марія и было ей 4 года, отняли ее отъ груди и привели во храмъ на богомолье; ихъ жертва состояла въ одной бѣлой телицѣ. Когда ее зарѣзалъ священникъ, увидѣлъ, что изъ ея жилъ, вмѣсто крови, струится

¹⁾ Съ этимъ памятникомъ можно сравнить славянское „Первоевангеліе Іакова“ (*Порфирьевъ*. Апокриф. сказ. о новозав. лицахъ и событіяхъ стр. 136 и слѣд.). Изъ первой главы первоевангелія по-грузински нѣтъ свѣдѣній, что Іоакимъ былъ богатъ. II глава начинается: „Жена же его двѣма сѣтованіема сѣтовашеса, двѣма плачема плакашеса. Сѣтую вдовство моего и плачюся бещадіе моего“. Главное содержаніе евангелія Іоанново, какъ извѣстно составляетъ рожденіе Богоматери.

молоко. Тоже самое видѣли и всѣ другіе священники и дивились, первосвященникъ же, пророчествуя, говорилъ: «Вы всѣ будете свидѣтелями, что отъ одной дѣвы родится избавитель Израиля». Тогда Іоакимъ сообщилъ имъ объ откровеніи ангела и о своемъ сновидѣніи, и затѣмъ, поручивъ Марію священникамъ, отправился домой съ женой своей. Спустя немного времени послѣ этого родители Маріи умерли, она же вмѣстѣ съ другими дѣвами оставалась во храмѣ до 14-лѣтняго возраста. Когда дѣвы выходили на дворъ и Марію оставляли одну, всѣ слышали, какъ ангелъ приходилъ и говорилъ съ ней, и когда онѣ возвращались и спрашивали, о чемъ говорилъ ангелъ, она молчала и никому ничего не сообщала. Дѣвы также видѣли, что когда Марія становилась на молитву, лицо ея начинало сіять, и объ этомъ онѣ сообщали священникамъ, которые проходили и наблюдали за молящеюся, но, не замѣтя ничего особеннаго, не вѣрили тому, что сообщали имъ дѣвы. Однажды въ ночномъ видѣніи ангелъ сообщилъ священникамъ, чтобы всѣ дѣвы, достигшія 14-лѣтняго возраста, выданы были замужь по жребію. Когда утромъ пришли прихожане въ церковь и служеніе окончилось, священники сказали имъ, чтобы каждый изъ нихъ, уходя, оставилъ тутъ что-либо. И прихожане оставили: кто топорикъ, кто счеты и пр. Былъ здѣсь и отецъ Іосифъ, у котораго за поясомъ имѣлся топорикъ, и онъ, доставъ его, оставилъ, тутъ. Іосифъ не зналъ, въ чемъ дѣло. Когда мужчины разошлись, священники сказали дѣвамъ, чтобы каждая изъ нихъ подняла одинъ изъ оставленныхъ предметовъ. Всѣ взяли по одному предмету, Маріи же достался топорикъ Іосифа. Затѣмъ вторично созвали прихожанъ и сказали имъ: «Велѣніе ангела: каждый изъ васъ обязанъ жениться на дѣвѣ, въ рукахъ которой найдетъ предметъ, оставленный имъ здѣсь». Іосифъ сказалъ священникамъ: «Я старый человѣкъ и имѣю сыновей и дочерей, мнѣ неприлично сыграть свадьбу». Священники возразили: «это не наше желаніе, а веленіе Бога, и недостойно не исполнять волю Его. Всѣ берите къ себѣ обрученныхъ вами дѣвъ, сохраните ихъ въ чистотѣ и дѣлайте приготовленія къ свадьбѣ». Іосифъ привелъ Марію домой и ввелъ ее въ отдѣльную комнату, гдѣ и оставилъ ее подъ наблюденіемъ своей старшей дочери: послѣдней поручено было слѣдить за Маріею, чтобы она не выходила на дворъ и не вела себя неприлично.

Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи отъ Гавріила ¹⁾.

Когда Іосифъ отправился въ другое мѣсто, Марія была въ отдѣльной комнатѣ и занималась рукодѣлемъ. Однажды утромъ она одна отправилась къ источнику за водой и увидѣла, что у источника стоитъ архангелъ Гавріиль, и у него въ рукахъ имѣется бѣлый цвѣтокъ. Гавріиль, предлагая цвѣтокъ Маріи, говорилъ ей: «Радуйся, Марія, Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего». Марія посмотрѣла на ангела и не поцѣловала (?), но наполнивъ водою (кувшинъ), торопливо пошла домой и, войдя въ комнату и притворивъ за собою двери, сѣла и стала размышлять такъ: «Кто былъ человекъ, благовѣствовавшій мнѣ? Какъ онъ могъ знать меня или домъ мой? Что значить это благовѣщеніе?» Такіе вопросы она задавала себѣ и была въ недоумѣніи, какъ вдругъ предъ очами ея предсталъ тотъ же Гавріиль и сказалъ ей: «Обрѣла ты Божию благодать! Родившемуся отъ Тебя Богъ дастъ престолъ Свой и будетъ Онъ царствовать вѣчно и царствію Его не будетъ конца». Марія спросила ангела: «Какъ это сбудется, когда я будучи дѣвою, не знаю мужа, а безъ мужа вѣдь сынъ не рождается? Ты хочешь меня обмануть и соблазнить, выйди вонъ! меня ты не убѣдишь въ томъ, что говоришь. Говоря неправду, ты хочешь живыми словами соблазнить меня! Не могу я повѣрить такимъ живымъ словамъ, выйди вонъ и старайся, чтобы никто не узналъ о твоёмъ прибытіи и уходѣ, а то стануть тебя преслѣдовать сыновья Іосифа». Ангелъ отвѣтилъ: «знаю, что ты дѣвственница и безпорочна и невозможно (родить безъ мужа), но Богъ, сотворившій небо и землю, найдетъ на Тебя, Тотъ Богъ, Который сотворилъ ангела и человекъ, Котораго славятъ и величаютъ 9 ликовъ ангеловъ, а лицезрѣть Его величія не могутъ». Марія возразила: «Ты человекъ и не имѣешь соображенія! Ты говоришь, что Творецъ неба и земли можетъ вмѣститься во чревѣ моемъ, и еще говоришь, что все Имъ сотворено, отъ Него... (?) и ангелы не могутъ видѣть славу Его: въ такомъ случаѣ, какъ же Онъ можетъ вмѣститься во чревѣ моемъ и въ природѣ моей? Не могу повѣрить твоему слову, которое и отъ народа (?) и отъ міра. Да, ты желаешь словомъ своимъ ввести меня въ заблужденіе! Можетъ быть ты и есть тотъ, который въ раю обольстилъ мать нашу Еву и лишилъ ее величія, сказавъ ей, что если она поѣстъ плодъ, будетъ Богомъ; она вышла изъ рая и тѣмъ

¹⁾ Ср. XI гл. славянскаго Первеевангелія Іоакова.

и насъ лишила райской жизни. Если бы она поразмыслила и недовѣрилась такъ легко, мы и теперь находились бы въ раю. Вотъ уже 5.002 года, какъ люди, размножившіеся отъ нея, страдаютъ, находясь въ аду, и это потому, что повѣрила одному только слову. Боюсь, ты сказала слишкомъ великія слова и всѣ они записаны мною; человѣческая мысль не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы безпредметное и безтѣлесное божеское естество могло вмѣститься во чревѣ какой-то женщины! Небеса Ему престоль, а земля подножье, какой же домъ можетъ вмѣстить Его въ себя, какъ же Онъ умѣстится во чревѣ моемъ? Онъ создалъ вселенную, но можетъ ли вселенная вмѣстить Его въ себя?—Если я ангелъ, Тебѣ не слѣдуетъ бояться, Марія! я не злой духъ, а архангелъ Гавріиль, старшій изъ всѣхъ ангеловъ и постоянно пребывающій предъ лицомъ Св. Троицы; прислалъ меня Богъ; если бы я показалъ Тебѣ славу (Бога?), Ты не устояла бы предъ ней. Тотъ, который благовѣствовалъ Захарію о рождествѣ Іоанна, былъ я, онъ потому и онѣмѣлъ, что не повѣрилъ слову моему; но вотъ уже беременна Твоя родственница Елисавета, и Захарія не будетъ говорить до тѣхъ поръ, пока не родится ребенокъ, и такъ сдѣлалъ я потому, что онъ не повѣрилъ мнѣ. Ты же повѣрь и не желай себѣ худшаго! я не діаволь. Отъ всѣхъ рождается плодъ проклятый, отъ тебя же родится благословенный; рай, закрытый Евою, откроется чрезъ Тебя. Отъ Евы люди помрачались, отъ тебя получаютъ розу—Христа, отъ Евы проклетіе Божіе, отъ Тебя благословеніе; отъ Евы болѣзни и смерть, отъ Тебя здравіе и благодать; отъ Евы горе и печаль, отъ Тебя радость; отъ Евы смерть, отъ Тебя жизнь; отъ Евы погибель, отъ Тебя спасеніе ¹⁾. Радуйся, благодатная Невѣста Божія! Радуйся, храмъ Духа! Радуйся ковчегъ Моисея! Радуйся, сосудъ для манны! Радуйся, подсвѣчникъ свѣта! Радуйся коробъ (?) Давидовъ! Радуйся, жемчужина морская! Радуйся, зерно изумрудное! Радуйся, радость ангела! Радуйся, гордость дѣвственности! Радуйся, Царица Небесная! Радуйся, родительница Бога! Радуйся, (?)! Радуйся, взростившая Вседержителя! Радуйся, кормилица Творца! Радуйся, родившая Необрѣтаемаго! Радуйся, видѣвшая Невидимаго! Радуйся, родившая Нерождаемаго! Радуйся, лобызавшая Нелобыземаго! Радуйся, Невѣста не-

¹⁾ Въ разсказъ о событіи вставлены разныя подробности, частью составленныя по подражанію другимъ библейскимъ разсказамъ, частью заимствованныя изъ устныхъ преданій или другихъ апокрифовъ. Разсказъ первоевангелія о двухъ благовѣщеніяхъ Богоматери, изъ коихъ одно было на колодецѣ, а другое дома (въ храмѣ, по слав. апокрифу), отразился въ церковной живописи.

бесная и Божія! и послѣ этого Тебя будутъ величать Семанъ (?), Дакеръ (?), Тебя вѣчно будутъ воспѣвать Гавріилы, восхвалять тебя всѣ дыханія, всякое существо возрадуется чрезъ Тебя, всякій плодъ чело-вѣчскій Тебя будетъ ублажать, всѣ вѣрующіе будутъ молиться Тебѣ. Если же не повѣришь, то удостоишься наказанія Захаріи». Марія, услышавъ эти слова ангела, испугалась, и, затѣмъ повинувшись, сказала ему: «нѣтъ во Мнѣ мѣста для лукавства; если ангельская благовѣсть утверждена, пусть будетъ по слову твоему. Ожидаю пришествія Господа; Онъ Самъ знаетъ, что есть Мой Творецъ, пусть будетъ воля Того, отъ Кого все зависить, и да исполнится сказанное тобою». Тогда ангель поклонился Маріи и сказалъ ей: «не медля отправляйся къ дочери Твоей тетки Елисаветѣ и увидишь тамъ диво, но никому не говори о томъ, пока само обнаружится». Ангель ушелъ.

Марія отправляется къ Елисаветѣ.

Встала Марія и отправилась въ деревню къ Елисаветѣ и, когда прибыла и вошла въ домъ ея, поздоровалась съ ней. Какъ только Елисавета услышала голосъ Маріи, тотчасъ во чревѣ ея перевернулся ребенокъ и поклонился чреву Пресвятой, въ которой зачался Христосъ. Она громко сказала Маріи: «благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего; ребенокъ, находящійся во чревѣ моемъ, услышалъ голосъ Твой, возрадовался, и блаженъ тотъ, кто увѣруетъ въ слово Божіе, сказанное Тебѣ чрезъ ангела объ исполненіи Его воли». Затѣмъ Марія начала величать Бога и произнесла съ радостью: «Величить душа Моя Бога, Спасителя и Избавителя Моего, Который призрѣлъ на Мое ничтожество. Послѣ этого всѣ племена будутъ величать меня». Она говорила и многое другое, что написано въ концѣ (книги). Марія осталась у Елисаветы 3 мѣсяца, и когда настало время родить Елисаветѣ, она сказала Маріи: «иди въ докъ Іосифа, ибо неприлично, чтобы Ты стояла (?), а Твой господинъ прислуживалъ; ступай и бери съ собою Солнце правды, что во чревѣ твоемъ; ступай и бери съ собою Царя ангеловъ; ступай и бери Творца-Адама; ступай и бери Господа-Пророка; ступай и бери Бога-Авраама. Не должно и недостойно Тебѣ присутствовать при родахъ моихъ». Марія встала и отправилась. Спустя немного времени послѣ этого отъ Елисаветы родился сынъ, и она объявила священникамъ о Маріи. По истеченіи 6-ти мѣсяцевъ вернулся домой Іосифъ и вошелъ въ свое жилище. Какъ только священники узнали, что онъ вернулся, прислали дьякона и извѣстили, чтобы онъ готовился къ свадьбѣ. Возвратившагося Іосифа встрѣтила Марія, умыла ноги его и подала ему хлѣбъ.

Въ это время Іосифъ замѣтилъ, что у нея утроба увеличилась. Онъ весьма опечалился, всталъ и отправился въ деревню и, вызвавъ свою дочь Соломію ¹⁾, сказалъ ей: «я замѣтилъ, что она (утроба) у нея отросла, иди и узнай, отъ кого забеременѣла она? Узнай и сообщи мнѣ!» Соломія пришла и увидѣла, что Марія беременна. Соломія спрашивала Марію сказать, отъ кого она беременна, но Марія молчала и только плакала. Соломія вернулась къ отцу и сказала ему, что Марія беременна, но отъ кого не говоритъ, а только молча плачетъ. Іосифъ замѣтилъ: «Ее я поручилъ тебѣ и ты должна была слѣдить за ней! Хорошо ли теперь, когда меня побьютъ камнями и осрамятъ предъ лицомъ всѣхъ людей?» ²⁾.

Іосифъ былъ печаленъ. Всталъ онъ и, придя къ Маріи, спросилъ ее: «что это сдѣлала ты? Всѣ въ мірѣ свято соблюдали себя, ты же одна запятнала свою дѣвственность! Могу ли теперь я показаться народу и сѣсть съ ними, когда ты такъ поступила со мною и устыдила меня?» И онъ ей говорилъ много суровыхъ словъ и, устрашая ее, требовалъ открыть истину и назвать виновника своей беременности. Марія же молча проливала слезы; Іосифъ, приставая къ ней, вызывалъ ее на откровенность. «Если не признаешься мнѣ, говорилъ Іосифъ Маріи, узнаетъ вся страна и она заставитъ тебя сказать правду, и осрамить тебя. Всѣ знаютъ, что я тутъ не при чемъ: я оставилъ тебя и отправился въ деревню, а теперь когда вернулся, вижу, что ты уже беременна. Если желаешь себѣ добра, скажи правду, какова бы ни была она!» — «Скажу», молвила Марія, «но боюсь, что ты не повѣришь». — «Если скажешь правду, повѣрю». Тогда Марія сказала Іосифу: «Богъ свидѣтель, что я ничего не знаю отъ обыкновеннаго человѣка. Въ тотъ день, когда я отправилась къ источнику за водой, вдругъ предсталъ предо мной какой-то человѣкъ и сказалъ мнѣ: «Радуйся благодатная Марія, Господь съ тобою!» Я побѣжала назадъ и, придя домой, заперлась въ комнатѣ, но прошелъ часъ времени и вдругъ тотъ же человѣкъ появился въ запертой комнатѣ и повторилъ тоже самое

¹⁾ Соломія по слав. апокрифу, жена, а не дочь Іосифа. Отъ Соломіи у Іосифа родился Іаковъ. См. *Порфирьевъ*. Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 299. Въ грузинскомъ апокрифѣ новыя подробности.

²⁾ Сказанія о Богоматери, изложенныя въ Первоевангеліи, восходящемъ ко II в., приписывавшемся Тимендорфомъ христіанину изъ іудеевъ, а по указаніямъ нѣкоторыхъ отцевъ церкви принадлежащемъ Іакову, брату Господню, отражались въ словахъ на Рождество Богоматери Іоанна Дамаскина, и въ церковныхъ канонахъ Андрея Критскаго.

слово. Я отвѣтила, какъ возможно родить безъ мужа, а онъ возразилъ, что найдетъ Духъ на тебя и воздѣйствиемъ Его сотворится. Я спросила, кто онъ? а онъ отвѣтилъ, что онъ архангелъ Гавріиль, стоящій предъ Господомъ. (И Марія рассказала Іосифу все, что было сказано ангеломъ). Іосифъ сказалъ ей: «въ такомъ случаѣ я дамъ тебѣ пить воду «соблазна» и если ты права, обнаружится. Марія плакала и говорила Іосифу: «сказала я тебѣ правду, а ты не повѣрилъ, дѣлай, что хочешь! Богъ свидѣтель, что во всемъ этомъ кромѣ сказаннаго ничего болѣе не знаю». Іосифъ размышлялъ, что дѣлать, куда взять ее и, думая такъ, онъ задремалъ и, опустивъ голову на подушку, заснулъ. Во снѣ представился ему архангелъ Гавріиль, который держалъ въ рукѣ огненный мечъ и имѣлъ видъ страшный. Ангелъ угрожалъ Іосифу и говорилъ ему: «Не боишься ли ты меня? Зачѣмъ ты беспокоишь Мать моего Царя? Родившійся отъ нея будетъ отъ Святаго Духа и будетъ называться Богочеловѣкомъ, и ты долженъ благоговѣнно и смиренно служить Ему и не мучить Марію»... Іосифъ поклонился Маріи и сказалъ ей: «не печалься Марія, послѣ этого я буду служить тебѣ».

(Дальше 4 листа вырваны изъ рукописи).

Копія съ донесенія объ Иисусѣ Христѣ, которое было препровождена изъ Иерусалима къ императору Тиверію отъ Публия Летулла, іудейскаго правителя. Это донесеніе сохранилось въ Римѣ, въ монастырской библиотекѣ кесарей, и было переведено съ латинскаго языка однимъ латинскимъ священникомъ Филиппомъ ¹⁾.

Въ угожденіе тебѣ, о Кесарь, по твоему желанію, докладываю, что у насъ, среди ввѣренныхъ мнѣ въ управленіе владѣній, есть человекъ, который называется Иисусомъ Христомъ, ведущій полную великихъ подвиговъ жизнь. Народъ именуетъ его пророкомъ истины, а ученики его говорятъ о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ, создателѣ неба и земли и всего существующаго и существовавшаго. Истинно, о Кесарь, удивительныя дѣла слышны объ этомъ Иисусѣ Христѣ: онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ больныхъ однимъ только словомъ.

¹⁾ Изъ рукописи, приобретенной мною въ г. Сухумѣ. Сравнивая это донесеніе съ армянскимъ „Посланиемъ Пилата къ Тиверію по распятіи Господа (Юбилейный сбор. въ честь Вс. Θ. Миллера, стр. 97—99, М. 1900), мы находимъ, что грузинское донесеніе значительно пространнѣе и даетъ оно рядъ новыхъ деталей. Первое донесеніе сдѣлано еще при жизни І. Христа. Пилатъ Его всячески возноситъ.

Это—человѣкъ искренній, добродѣтельный и въ высшей степени привлекательной наружности. Его лицо дышетъ такою непонятною святою прелестью, что смотрящимъ на него поневолѣ внушается любовь, соединенная со страхомъ. Волосы его цвѣта, созрѣвшаго мяса, но болѣе блестящія и на лобной части раздѣлены проборожъ на два ряда, по древнему Назарейскому обычаю. Лобъ у него открытый; лицо проясненное; свѣтлое, безъ всякихъ морщинъ и сіяетъ цѣломудріемъ: оно неподобно. Ноги, носъ и ротъ—прекрасны. Борода—густая, того же цвѣта какъ и волосы, не особенно длинна и раздѣлена пополамъ. Отъ его лицезрѣнія (испытывается) благоговѣнье и гнетъ. Глаза его въ высшей степени прекрасны и блестящія: они приковываютъ къ себѣ вниманіе всѣхъ и властвуютъ надъ всѣми. Его лицо такъ же сіяетъ, какъ лучи солнца, и никто не въ силахъ смотрѣть на него по причинѣ ослѣпительнаго блеска. Когда Онъ обличаетъ, Его слово дѣйствуетъ потрясающе, а когда Онъ учитъ—онъ заставляетъ плакать. Онъ невольно вызываетъ къ Себѣ общую любовь. Самъ Онъ веселъ, но, долженъ я доложить, что никогда никто не видѣлъ Его смѣющимся или плачущимъ. У него локти и кисти рукъ—прекрасныя. Онъ со всѣми весьма любезенъ, только рѣдко показывается въ обществѣ, когда же показывается, въ высшей степени степененъ и добросовѣстенъ въ своихъ поступкахъ. Доложу кратко, что Онъ—человѣкъ болѣе прекрасный, чѣмъ кто-либо можетъ воспроизвести и описать Его и совершенно похожъ на свою мать, прекраснѣйшую женщину, болѣе прекрасную, чѣмъ можетъ быть женщина, которая когда нибудь можетъ показаться на этомъ свѣтѣ.

Если вашему величеству очень желательно, Кесарь, лицезрѣть Его, какъ объ этомъ прежде вамъ я докладывалъ, прикажи и скоро препровожду Его.—Содержащеся въ книгѣ удивить іерусалимскій городъ. Ибо Онъ знаетъ всѣ мудрости, хотя никогда ничему не учился. Онъ ходитъ съ обнаженной головой и босикомъ, а потому многіе издѣваются надъ Нимъ, какъ надъ помѣшаннымъ, но тѣхъ, которые находятъя вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ безгранично волнуетъ и потрясаетъ. Истинно, это человѣкъ, подобнаго которому міръ нашъ не видѣлъ и евреи единогласно утверждаютъ, что никогда не слышали изъ устъ человѣка такихъ мыслей и такихъ глубокосодержательныхъ ученій, какими мыслями и ученіями Христосъ поражаетъ ихъ. Нѣкоторые изъ евреевъ полагаютъ, что Онъ Богъ и вѣрятъ въ Него, какъ въ Бога. Но многіе изъ нихъ ропщатъ на Него, что Онъ яко бы противникъ твоего величества. Подобное заблужденіе жалкихъ людей изъ евреевъ меня тяжело беспокоитъ. Всѣ могутъ сказать относительно

Его только то, что Онъ не только ни единому существу никогда не причинялъ никакого огорченія, но, какъ утверждаютъ тѣ люди, которые Его знаютъ, и имѣли съ Нимъ какое нибудь отношеніе, они получали отъ Него неисчерпаемыя блага и исцѣленія отъ болѣзней. Я же готовъ всегда къ вашимъ услугамъ и что вамъ угодно будетъ мнѣ приказать о Христѣ, мною исполнено будетъ безпрекословно, и вы не беспокойтесь.

Писано во время 7-го вселенскаго собора, во 2-е полнолуніе.

Предисловіе переводчика ¹⁾.

Объ исторіи древней и о притчахъ—вамъ будетъ доложено рапортомъ, предисловіе же рапорта выслушайте отъ переводчика сего, ибо рапортъ нижеизложенный переведенъ изъ книги, сочиненной господиномъ Іаковомъ и напечатанной въ Константинополѣ.

Ослѣпленнымъ разумомъ, легкомысленнѣйшимъ умомъ Понтійскій Пилать, чуждый малѣйшей вѣры въ истину, довѣрился жестокииъ и ложнымъ доносамъ богоубійць—евреевъ противъ Іисуса Христа. Хотя временно совѣсть его освѣтила въ немъ внутренняго человѣка и онъ какъ будто почувствовалъ—гдѣ правда, но плоть скоро побѣдила духъ, и онъ согласился предать Іисуса смертной казни и такимъ образомъ онъ выдалъ Спасителя всѣхъ на распятіе и смерть. Страшное дѣло, касающееся этого, извѣстно всему міру и не буду поэтому распространяться. Когда язычникъ и злѣйшій изъ людей—Пилать созналъ свою ужасную ошибку предъ Богочеловѣкомъ Назарееяниномъ, и былъ свидѣтелемъ удивительнѣйшихъ чудесъ, сотворенныхъ Христомъ, онъ, до сихъ поръ слѣпой, прозрѣлъ умственно, образумился, и съ грустью возопилъ: «Что мнѣ дѣлать несчастному изъ несчастнѣйшихъ! Я погубилъ Іисуса Назарееянина, Спасителя и покровителя всѣхъ. Мой Кесарь скорбитъ уже объ этомъ, онъ меня накажетъ самымъ жестокииъ образомъ». Поэтому онъ созвалъ всѣхъ знатныхъ и, посовѣтовавшись съ ними, сказалъ имъ: «какое несчастное дѣло съ нами приключо-

---

¹⁾ Ср. слав. апокрифъ у *Порфирьева*. Апокр. сказ. о новозав. лицахъ и событіяхъ, стр. 191—7. Здѣсь много подробностей объ Его исцѣленіяхъ и чудесахъ, послѣдовавшихъ по распятіи и Воскресеніи. Разсказъ взятъ изъ Евангелія Никодима, тайнаго ученика Спасителя. Евангеліе Никодима пользовалось такимъ, если не большимъ уваженіемъ какъ Первоевангеліе Іакова. Первая часть его въ древнихъ спискахъ называлась Актами или Записками Пилата о Господѣ І. Христѣ. Въ нихъ содержится описаніе осужденія Пилатомъ Спасителя, Его крестной смерти и вознесенія съ нѣкоторыми отличіями отъ каноническихъ евангелій. II ч. повѣствуетъ о сошествіи Христа во адъ.

чилось! Мы умертвили человѣка праведнаго. Я увѣренъ, что отъ Кесаря все это не можетъ быть сокрыто, нашими завистниками и врагами будетъ донесено о нашей винѣ даже больше того, что мы заслужили, и я нахожу поэтому болѣе удобнымъ, чтобы донесеніе послѣдовало отъ меня лично и какъ вы мнѣ совѣтуете?» Знатные отвѣтили: «ты самъ лучше насъ знаешь, какъ удобнѣе поступить. Мы же, съ своей стороны, думаемъ точно такъ же, какъ и ты: лучше будетъ, если донесеніе отъ тебя послѣдуетъ!»¹⁾

Рапортъ отъ Пилата.

Да будетъ доложено вашему самодержавному величеству то поразительное происшествіе, которое имѣло мѣсто нынѣ въ нашемъ мірѣ, во время царствованія вашего. Явился нѣкій человѣкъ въ Галилеѣ, по происхожденію еврей, Назарянинъ, изъ рода Іуды, именующійся Іисусомъ, котораго почитаютъ Господомъ и Сыномъ Божиимъ; онъ рожденъ въ Вилеємѣ, въ городѣ Давида, въ царствованіе Ирода іудейскаго, когда волхвы прибыли изъ Востока и спрашивали: «гдѣ царь іудейскій, который родился, ибо мы видѣли звѣзду Его на Востокѣ и пришли поклониться. Иродъ, услышавъ это, смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ. Иродъ собралъ первосвященниковъ и книжниковъ и спросилъ ихъ: «гдѣ надлежитъ родиться Христу?» Они отвѣтили:— «Въ Вилеємѣ Іудейскомъ».

Иродъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ умертвить всѣхъ младенцевъ мужского пола. Послѣ сего прошло 30 лѣтъ, и Онъ явился на свѣтъ, крестился и началъ творить чудеса и дивныя дѣла. И какъ многіе утверждали и какъ мы лично удостовѣрились, все это Онъ совершалъ силою слова: мертвыхъ воскрешалъ, хромыхъ заставлялъ ходить, прокаженныхъ исцѣлялъ, бѣсовъ изгонялъ изъ бѣсноватыхъ, слѣпымъ даровалъ зрѣніе— все это Онъ дѣлалъ ничѣмъ инымъ, какъ единымъ словомъ, и ничего подобнаго наши боги неспособны дѣлать. И князь этотъ ходилъ по свѣту, какъ простой человѣкъ, не имѣлъ ни дома, ни мѣста, гдѣ могъ бы преклонить голову, ни имущества, ни города, ни славы, ни человѣческихъ нуждъ, но безвозмездно исцѣлялъ всѣхъ болѣющихъ, возвращалъ изъ смерти къ жизни. Не такъ Онъ дѣйствовалъ, какъ лѣкари; ничего для себя Онъ не добивался, но дѣлалъ то, что желалъ, однимъ словомъ, и не наединѣ, а явно, воочію всѣхъ, пока всѣ не приходили къ заключенію, что Онъ истинный Сынъ

¹⁾ См. у меня въ II вып. Очерковъ (324—5 стр.) „Постановленіе Пилата о преданіи Спасителя смерти“ и I вып. „Страсти Господни“.

Божій. И я слышалъ, видѣлъ и удостовѣрился, что дѣйствительно было вѣрно и истинно все, что Онъ дѣлалъ. Но незаконный и безбожный народъ еврейскій, видя сколько добродѣтелей, милостей и всякаго благополучія исходитъ отъ Христа, отомстилъ Ему за это добро и, совмѣстно съ первосвященниками и книжниками, началъ утверждать, что Онъ оскорбляетъ законы ихъ, противникъ Кесаря, называетъ себя Сыномъ Божиимъ. Вооруженные такими злонамѣреніями, предали Его въ мои руки и приговорили Его къ смерти, обвиняя Его въ томъ, что онъ дѣйствуетъ силою вельзевула, что Онъ соблазняетъ, искушаетъ людей и нарушаетъ законы. Я впервые узналъ изъ ихъ же вѣрныхъ словъ, что въ законѣ ихъ писано, что Богъ пребывающій на небѣ, сотворилъ всѣ твари ¹⁾. Они нашимъ богамъ не поклоняются, а говорятъ такъ: Богъ пришлетъ Сына своего на землю, Сынъ воплотится отъ Святой Дѣвы, и Онъ будетъ ходить по міру, какъ человѣкъ, Котораго я и увидѣлъ глазами своими въ вѣранныхъ мнѣ владѣніяхъ, и лично я самъ неоднократно спрашивалъ и слышалъ отъ Него мудрыя слова. Родъ же евреевъ противился Ему, такъ какъ Онъ упрекалъ ихъ въ пренебреженіи своими законами и своими пророками. Они же не могли отвѣчать Ему ничего. О Немъ мною все было узнано, разслѣдовано и я видѣлъ, что ни одна изъ причинъ, на основаніи коихъ Его желали приговорить къ смерти, не была уважительна, хотя они говорили, что Онъ нарушаетъ день субботы, что было противъ ихъ закона: такъ Онъ исцѣлялъ, большею частью въ субботу, и потому звали Его противникомъ и врагомъ закона. Противъ него поднялось множество людей городскихъ, правители и почетные особы города, имена коихъ Филиппъ и первосвященники Анна и Кайафа. Они взяли въ плѣнъ Его, связали и въ такомъ положеніи держали въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ до утра. Затѣмъ безчисленная толпа Его противниковъ доставила Его ко мнѣ, осуждая Его въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, меня они уговорили, и я предалъ Его въ руки ихъ на страданіе. Взяли Его и подвергли всевозможнымъ мученіямъ, позору и безграничнымъ страданіямъ. Я уже описывалъ все, что тогда

---

¹⁾ Въ армянскомъ нѣтъ всего приведеннаго начала изъ рапорта Пилата. Посланіе въ славянскихъ редакціяхъ помѣщается непосредственно послѣ первой части, но встрѣчается и въ формѣ отдѣльной и болѣе подробной статьи, чѣмъ само Евангеліе. По сбор. Соловецк. библ. Евангеліе Никодима начинается: „Въ лѣто же ѿ царства Тиверія црѣствующему в Римѣ и и обладающую вселенною всего... пришедше къ Пилату игумену на Іса гѣще и обваживающе (въ греч. текстъ Тишандора *κατ'ἰσοβντες*).

было надъ нимъ учинено, и сколько чудесъ совершилось при его распятіи. Я кратко донесъ все это, съ цѣлью предупредить ваше величество, чтобы окружающіе васъ придворные люди и мои недоброжелатели, руководимые чувствомъ зависти, не оклеветали меня предъ вами донесеніемъ вашему величеству обстоятельствъ въ ложномъ видѣ.

Будьте благополучны!

Письмо это было послано въ Римъ къ Кесарю. Когда прочитали его, вѣсть, сообщенная въ немъ, облетѣла (весь Римъ). Горожане были поражены, а знатные и правители донесли Кесарю слѣдующее: «Самодержавный Кесарь! Клянемся своей головой и твоимъ величествомъ, что они совершили величайшее зло, въ особенности правитель Пилатъ, который Человѣка невиннаго и праведнаго предаль смерти и такая напасть и такое беззаконіе обнаружилось въ вашемъ владѣніи, по винѣ неправосуднаго правителя. Неужели взятки и сребролюбие могли склонить его къ тому, чтобы поругать, запятнать честь вашего правленія и сдѣлать его противникомъ всякаго вашего приказанія!» Услыша это, царь Римскій преисполнился безграничной скорби и приказалъ приготовить грозный отрядъ войскъ для сопровожденія нѣкоего судьи, которому велѣлъ немедленно ѣхать въ Іерусалимъ, чтобы немедленно изслѣдовать всю истину дѣла, происшедшаго въ Іерусалимѣ¹⁾.

Прибывъ въ Іерусалимъ, на другой день судья этотъ явился въ присутственное мѣсто, приказалъ созвать всѣхъ жителей города отъ мала до велика, вмѣстѣ съ ними онъ вызвалъ и Пилата и сказалъ ему судья: О Пилатъ! отвѣтствуй мнѣ, что побудило тебя доносить царю рапортомъ то, что ты донесъ и кто тебя понудилъ, помимо приказанія нашего Кесаря, сдѣлать ту несправедливость.

Пилатъ отвѣтствовалъ: не отъ себя и по своему желанію сдѣлалъ я это, а по принужденію и беззаконію, противъ своей воли.

Спрашиваетъ его судья: кто послужилъ причиной этого и какимъ образомъ?

Отвѣтствовалъ Пилатъ: я прежде (всѣхъ) отъ многихъ убѣдился что Человѣкъ тотъ былъ невинный и праведный, но народъ этотъ безъ основанія возбудилъ меня.

Говоритъ ему судья: Если было такъ, какъ ты говоришь, почему ты наказалъ Человѣка праведнаго, котораго ты признавалъ свѣтомъ міра и подателемъ жизни?

---

¹⁾ Допросъ Пилата и народа судьей, отправленнымъ изъ Рима въ Іерусалимъ, отсутствуетъ въ армянскомъ и славянскомъ апокрифахъ. Судъ и смерть Пилата въ армянскомъ слиты, а въ грузинскомъ раздѣлены.

Отвѣчаетъ Пилать: Я не отъ себя сдѣлалъ это. Спросите у сего народа, кто былъ причиною его смерти: ибо они приняли на самихъ себя и сыновей своихъ (отвѣтственность).

Повелительно спросилъ судья: Кто совершилъ такое злодѣяніе?

Но они всё молчали.

Тогда говоритъ судья: Клянусь богами и головою Кесаря, что если вы не откроете тѣхъ людей, то найду на васъ большое испытаніе и зло: обращу васъ въ плѣнниковъ и рабовъ и уничтожу васъ съ достояніемъ.

Отвѣчаетъ Пилать: О судья! скажу 'я, что многократно я испытывалъ Человѣка того, и никакой вины въ немъ, за которую онъ достоинъ былъ бы смерти, я не нашелъ. Умолялъ о Немъ народъ сей: я не вижу этого Человѣка достойнымъ смерти, сдѣлаю ему предостереженіе и отпущу его. Но ничѣмъ подобнымъ я не могъ вызвать одобренія народа. Народъ сей предъ вами, судья, и если я причиною Его смерти, прикажи сему народу: пусть бросаютъ въ меня камнями!

Говоритъ судья: Народъ! Что вы имѣете отвѣтить ему?

Тогда народъ возвысилъ голосъ свой и возопилъ: Судья! да будетъ извѣстно вамъ и съ вами присутствующимъ, что мы никакихъ проступковъ не совершали, противъ правительства никогда не дѣйствовали, платили подать, отбывали всякую повинность и приговоръ, и мы потому подчиняемся мірскимъ господамъ, чтобы мы могли соблюдать обряды и дѣло вѣры нашей и богослуженія явно, а не тайно безъ страха и робости. Это мы знаемъ точно, такъ читали въ законахъ нашихъ и пророческихъ книгахъ, что надлежитъ явиться на землю съ неба Слову Божію, которому должно воплотиться въ Св. Дѣву, вочеловѣчиться, подобно намъ, и ходить по міру, какъ человѣку. Все это написано такъ, мы признаемъ и строго слѣдуемъ всему этому. Мы читали, что намъ сообщили пророки и слышали, что Христу надлежитъ прійти въ одно изъ началъ 6-лѣтія. Но не могли уразумѣть настоящаго времени, въ которое надлежитъ ему явиться; мы ждемъ Его, согласно завѣту пророковъ. Нашъ Спаситель прійдетъ и будетъ совершеннѣйшимъ. Того-же мы не знали—откуда Онъ! Родители Его оказались изъ нашей среды, это стало извѣстно недавно,—прежде этого не знали! Когда ему исполнилось 30 лѣтъ, Онъ пришелъ, крестился и мы увидѣли Его въ мірѣ нашемъ въ рубищѣ и образѣ убогаго нищаго. Онъ выбралъ 12 апостоловъ изъ галилеянъ, съ помощью которыхъ всѣхъ подчинилъ, такъ какъ онъ былъ волхвомъ, ворожеемъ: хитро-сплетеннымъ обманомъ дѣйствовалъ на глупыхъ и слабыхъ, обвораживалъ ихъ и краснорѣчіемъ подкуплялъ и плѣнялъ ихъ хрупкій умъ;

дѣла его, которыя онъ дѣлалъ среди всѣхъ открыто, были злонамѣренны; онъ былъ врагомъ и противникомъ нашего рода и все, что Онъ ни совершалъ, было въ день субботній; клеймилъ, ругалъ всѣхъ насъ до тѣхъ поръ, пока нашему терпѣнію не пришелъ конецъ. Противъ него поднялись мы, и передали Его въ руки судьи, синедріона. Послѣдній ни въ чемъ не былъ виновенъ, мы умоляли его клятвой завѣряли и склонили судьбу этого и что приказалъ намъ (сдѣлать, то мы сдѣлали). Отъ себя, своимъ произволомъ, мы ничего не сдѣлали, но по приказанію судьи.

Тогда судья разгнѣвался на Пилата и сказалъ ему: приготовься ѣхать въ Римъ къ Кесарю. И приказалъ судья заключить въ темницы знатныхъ, князей и правителей города, левитовъ, книжниковъ и старшинъ изъ народа, которыхъ подвергали самымъ тяжелымъ пыткамъ, vybrили у нихъ волосы на головѣ и бороды; ихъ богатства, ихъ драгоценные сосуды были похищены. Пилата же связали желѣзными цѣпями, шею его заковали желѣзнымъ обручемъ и, посадивши его на корабль, отправили въ Римъ. Пилать съ горестью предвидѣлъ, какая гибель ожидаетъ его изъ рукъ царя и, обезумѣвъ отъ скорби, всталъ ночью и бросился въ море, но корабельщики замѣтили его, бросились за нимъ, ухватились за цѣпь и несчастнаго Пилата вытащили изъ моря и посадили опять на корабль и съ большою заботливостью доставили его въ Римъ ¹⁾.

Тогда Кесарь вошелъ въ храмъ идоловъ, вмѣстѣ со своими знатными, и возсѣлъ на тронъ, и угодно было ему принести жертву идоламъ Аскифу и Гкафу (?). Всталъ Пилать и обстоятельно разсказалъ Кесарю все, что только онъ слышалъ, видѣлъ, зналъ о жизни Іисуса Христа; о распятіи, о чудесахъ, которыя Онъ дѣлалъ и которыя были совершены при распятіи, о воскресеніи Его, о вознесеніи и тому подобное. Кесарь же, когда услышалъ о воскресеніи Христа, безгранично обрадовался и приказалъ привести Пилата къ нему поближе. Пилать подошелъ.

Сказалъ ему царь: О, ты, жалкій и злой человѣкъ! Для того ли я водворилъ тебя въ странѣ съ властью, чтобы творить несправедливый судъ и Человѣка праведнаго, святого и общепользнаго предать для смерти въ руки нечестивой толпы?

Отвѣтилъ Пилать: О царь! Дѣло не такъ, какъ угодно было вамъ понять, я не отъ себя и не по своей волѣ дѣйствовалъ!

---

¹⁾ Подробности взятія Пилата подъ стражу и попытка его избѣгнуться отъ суда, бросаясь въ море, не имѣются въ армянскомъ апокрифѣ.

Говорить ему Кесарь: не ты ли предъ этимъ сообщилъ мнѣ письмомъ о томъ Человѣкѣ.

Отвѣтилъ Пилать: Я доложилъ письменно объ Его праведности, о томъ, что не вижу въ Немъ лжи. Никто не можетъ обо мнѣ сказать, чтобы я говорилъ, кромѣ хорошаго, что нибудь дурное о Немъ.

Говорить ему Кесарь: ни отъ кого ничего я не слыхалъ, развѣ только чрезъ ваше письмо освѣдомился обо всемъ и своимъ же письмомъ ты заранѣе осудилъ себя.

Отвѣтилъ Пилать: Царь, находимся предъ лицомъ вашимъ я и собраніе сіе, исполняющее служеніе богамъ, позвольте ему высказаться, считаетъ ли оно за мною такое зло, за которое я былъ бы достоинъ смерти.

Отвѣтилъ ему царь: Какое зло еще осталось на свѣтѣ, не совершенное тобою, когда ты умертвилъ такого Человѣка, который однимъ словомъ даровалъ жизнь людямъ, возстановлялъ міръ нашъ изъ развалинъ, а ты волею своею сдѣлалъ то, что свѣтъ мой опустошенъ!

Пилать сказалъ: О царь, да будьте увѣрены, что я добровольно ничего не дѣлалъ, но знатные и толпа города возстали и хотѣли убить меня, а я испугался ихъ. Они безъ моего вѣдома держали Его въ однѣ сутки связаннымъ, они предали Его смерти и я не причастенъ въ пролитіи крови праведнаго.

Отвѣтилъ ему царь: Ну кто же возсталъ противъ тебя и противъ моей царской воли?

Сказалъ Пилать: Знатные и князья города были вожаками народа.

Спросилъ Кесарь: Кто были тѣ, которые не подчинялись волѣ и повудили тебя пыткой и насиліемъ?

Отвѣтилъ Пилать: Нѣтъ царь! Они не приводили своего намѣренія въ исполненіе. Они представили мнѣ такихъ неблагонамѣренныхъ и злоязычныхъ людей, которые говорили о Немъ, что Онъ противникъ власти Кесарскаго величества, Себя признаетъ равнымъ Богу, и этимъ они склонили меня къ своему желанію

Говорить ему Кесарь: Чѣмъ же Онъ могъ противиться царской моей волѣ и моей власти? У Него было много войскъ?! Что заставило тебя повѣрить имъ?

Отвѣтилъ Пилать: Нѣтъ, царь! Я боялся вашего величества, вашего приказанія и совершилъ то, что они мнѣ подсказали.

Спросилъ царь: Кто были первыми зачинщиками и соучастниками въ этомъ дѣлѣ?

Отвѣтилъ Пилать: Вотъ кто—Симонъ, Давдаель, Левъ, Нефа-

лимъ, Гаадъ, Александръ, Ларось и первосвященники—Анна и Кайафа и множество другихъ изъ толпы, взбунтовавшейся противъ него ¹⁾.

Сказаль ему царь: Я тебя поставилъ правителемъ и судьбою надъ тою странюю и исполнителемъ моихъ приказаній!

Доложилъ Пилать: Истинно говорите, царь! Но во многихъ злодѣяніяхъ обвиняли Его и ихъ злорѣчіе было мало правдоподобно, но я не зналъ настоящей сути дѣла.

Говорить ему царь: Когда они уговаривали тебя о взятіи Его подъ стражу, тебѣ подобало охранять Его надлежащее до времени, пока ты не нашель причинъ, на основаніи коихъ Онъ заслуживаетъ смерти и лишь послѣ, какъ подобаешь судѣ, ты могъ Его наказать. А если Онъ не заслуживаетъ смерти, подобаешь и тебѣ умереть вмѣстѣ съ Нимъ.

Отвѣтилъ Пилать: О царь! я не могъ сразу угадать ихъ коварства, но послѣ, когда я услышалъ и увидѣлъ ихъ дѣла, тогда я понималъ.

Говорить царь: Кто знаетъ, можетъ быть взятками тебя подкупили и драгоценныя вещи заставили тебя фарисействовать?

Отвѣтилъ Пилать: Нѣтъ, царь! Хотя многократно представлялись мнѣ свидѣтели и приписывали Ему зло, но я не послушался ихъ. Но, когда они мнѣ сказали, что Его же ученикъ предаль Его и сказали, что онъ же и былъ ученикъ Его неблаговидныхъ дѣйствій, тогда я разрѣшилъ казнить Его.

Царь спросилъ: Гдѣ же тотъ ученикъ?

Отвѣтилъ Пилать: Я не знаю, но они же мнѣ сказали, что онъ раскаялся въ своемъ проступкѣ, горько тосковалъ и серебро, которое онъ получилъ, передалъ левитамъ, а самъ пошелъ и повѣсился.

Отвѣчаетъ царь: Было бы лучше, если бы и ты повѣсился вмѣстѣ съ нимъ, а не руками моими удостоился бы худшей смерти.

Отвѣтилъ Пилать: Пусть будетъ воля твоя. Но я знаю, что не по своей волѣ, не по своему правосудію дѣлалъ я это.

Говорить ему царь: О, жалкій человекъ! Если ты испугался народа, когда передали Его тебѣ и нашель Его ни въ чемъ невиннымъ, ты могъ заключить Его въ тюрьму для успокоенія толпы и удовлетворенія желанія ихъ сердца. А затѣмъ, если нашель бы Его достойнымъ—предаль бы смерти, а если нѣтъ,—то могъ какими нибудь уловками арестовать правителя города и уговорить горожанъ объ убіе-

¹⁾ Ср. Евангеліе Никодима (Порфирьевъ, н. с., 164 и сл.) архіеп. Юсипъ и Кайафа и Анна и Дафайла Гамалеила, Іоуда и Левкыя и Неофалима и Александра и Аира и пр.

ни Его, и противодѣйствовать тебѣ никто не могъ. Но ты не такъ сдѣлалъ: когда они увидѣли легковѣсность твоего сердца и шаткость твоего разума, подкупили тебя вещами и заставили тебя сдѣлать то, чего они домогались.

Отвѣтилъ Пилать: О царь! Умоляю выслушать меня: когда Его передали и представили ко мнѣ, я тогда страшно испугался, такъ какъ Ему приписывали разныя злодѣянія, а Онъ молчалъ и ничего не отвѣчалъ, и это возбудило во мнѣ большое подозрѣніе.

Отвѣтилъ ему царь: О ты, неразумный судья! Скажи мнѣ правду, добровольно ли Онъ предалъ себя въ руки смерти, такъ какъ Онъ имѣлъ власть дѣлать только то, что хотѣлъ, который именовался Иисусомъ Христомъ, Сыномъ Божиимъ и Царемъ Иудейскимъ?

О чудо! Лишь только Кесарь произнесъ имя Иисуса, множество идоловъ и иконъ упало внизъ и разбилося въдребезги. Всталъ съ мѣста Кесарь, вышелъ изъ храма и приказалъ держать Пилата до утра осторожно.

На другой же день возсѣлъ царь на тронѣ судилища и, крайне разгнѣванный, приказалъ доставить къ нему Пилата, и когда послѣдній предсталъ предъ нимъ, сказалъ ему Кесарь: Ахъ ты, несчастный! Отвѣтствуй мнѣ: кто былъ распятый Иисусъ, единымъ произнесениемъ имени Котораго сразу разрушились всѣ предметы моего поклоненія?

Отвѣтилъ Пилать: предъ этимъ я доносилъ вашему величеству о Немъ, и опять повторяю, что сущая истина то, о чемъ я васъ увѣдомлялъ письмомъ.

Спросилъ Кесарь: Откуда былъ Онъ: отъ неба, или отъ міра сего?

Отвѣтилъ Пилать: Жилъ Онъ въ мірѣ, ходилъ съ людьми, Онъ открыто показывался всѣмъ, нѣкоторые говорили, что Онъ добрый, другіе считали Его злымъ и ворожеемъ, а Онъ называлъ себя Сыномъ Бога и говорилъ, что Онъ сошелъ съ неба.

Говорить ему Кесарь: Если такъ, значить Онъ былъ царь, такъ какъ царскою властью совершалъ Онъ все, что только Ему угодно было, а ты посягнулъ на царскую волю и свѣтъ мой разрушилъ ты!

Отвѣтилъ Пилать: Клянусь богами и головой твоею, самодержавный Кесарь, что при совершеніи того, что совершено, мною не руководили ни вражда, ни желаніе дѣйствовать противъ кого-либо, ни полученіе взятокъ, какъ угодно говорить вашему величеству.

Приказалъ Кесарь: Злѣйшее существо! Ты видишь плоды твоихъ злодѣяній. Ты совершилъ вопіющее беззаконіе, и боги наши разрушены, и тебѣ надлежитъ умереть вмѣстѣ съ послѣдними!

Сердце Кесаря переполнилось гнѣвомъ и яростью и приказалъ слугамъ подвергнуть Пилата всевозможнымъ пыткамъ и бросить въ темницу до того времени, пока не будетъ рѣшено—какого рода смертной казни онъ долженъ быть подвергнутъ.

Вмѣстѣ съ этимъ приказалъ: написать письмо царю Сомхетіи Авгарозу, который царствовалъ въ Едессіи и письмо это было слѣдующаго содержанія ¹⁾:

Я, Царь Царей, Августѣйшій Кесарь Римскаго государства, тебя, любезнаго моего брата, царя великой Сомхетіи и восточнаго правителя, Авгароза, привѣтствую.

Прежде всего хочу засвидѣтельствовать вашему самодержавному величеству мою наибольшую братскую любовь и (пожелать) взаимное согласіе и единомысленное отношеніе.

Вмѣстѣ съ этимъ да будетъ доложено вашему величеству слѣдующее:

Былъ человекъ, именовавшійся Иисусъ, который появился въ странѣ Галилейской, въ городѣ Назаретѣ, и выросъ въ образѣ человека. О немъ нѣкоторые говорили, что онъ Сына Бога, Царь Іудейскій. Евреи, безгранично озлобленные противъ Него, предали Его Пилату и распяли Его на крестѣ, какъ волхва и человека, заслужившаго смерть. Распространился слухъ повсюду, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Я основательно разслѣдовалъ дѣло и удостовѣрился, что сказанное о Немъ—сухая правда. Пилатъ незаконно осудилъ Его, невиннаго. Пилата, связаннаго желѣзными цѣпями, я держу въ темницѣ и повелѣваю, чтобы онъ былъ умерщвленъ жестокою смертью.

Нынѣ,—я умоляю вашу доблесть,—отправляйтесь въ Іерусалимъ и подвергните безбожный и незаконный родъ еврейскій самымъ тяжкимъ наказаніямъ, опустошите, отомстите имъ за невинно пролитую кровь Иисуса, возьмите въ плѣнъ матерей и дѣтей ихъ, сожгите ихъ дома и жилища огнемъ, разсѣйте ихъ съ свойственной вамъ яростью и пагубой. Все это сдѣлайте немедленно, безъ отсрочки. Будьте здоровы.

Лишь только получилъ царь Авгарозъ письмо Кесаря, онъ отправился въ Іерусалимъ въ сопровожденіи войска и, приблизившись къ городу, осадилъ его; городъ былъ разграбленъ и изгнаны жители, которые разсѣялись по всему міру; матери и дѣти ихъ были провзены мечемъ, или взяты въ плѣнъ, и такъ затоптанные подъ ногами, они разбrelись по всему міру и понынѣ разбросаны по лицу всей земли ²⁾.

¹⁾ Письмо это болѣе пространное, чѣмъ извѣстно изъ упоминанія объ немъ въ армянскомъ и славянскомъ апокрифахъ.

²⁾ Приказаніе наказать іудеевъ получаетъ по армянскому и славянскому

По истеченіи же нѣкотораго времени, Кесарь Веспасіанъ прибылъ въ г. Іерусалимъ, въ сопровожденіи 300 тысячнаго войска, разрушилъ до основанія дома, жилища и разогвалъ (по міру), гдѣ они пребываютъ и нынѣ, безъ имени.

О безчестномъ же Пилатѣ Кесарь приказалъ побить его камнями ¹⁾. Вызвали его за городъ и народъ закидалъ его камнями и трупъ его былъ брошенъ на съденіе звѣрямъ и птицамъ небеснымъ. И такую смертью былъ умерщвленъ нечестивый Пилатъ со всѣми единомышленниками и соучастниками своими. Такъ они приняли воздаяніе здѣсь и унаслѣдуютъ геенну огненную уготованную Господомъ нашимъ для послѣдняго дня.

Имя Господа нашего Іисуса Христа да прославится для славо-словія Святой Троицы Единопостасной, и нынѣ и присно.

«Слѣдующее описаніе выписано изъ рукописи, хранящейся въ бібліотекѣ лорда Белли и составляющей копію съ подлиннаго письма Публія Лентула въ Римѣ ²⁾».

Во времена Тиверія Кесаря Римскаго, всѣ начальники, правившіе разными областями, подвластными Риму, обязаны были присылать въ сенатъ извѣстія о всѣхъ случившихся въ областяхъ ихъ достопамятныхъ происшествіяхъ. Изъ тѣхъ начальниковъ Сенаторъ «Лентуль», управлявшій Іудеею, представилъ сенату Римскому о Спасителѣ нашемъ слѣдующее извѣстіе.

«Великому и почтенному сенату Римскому, Сенаторъ Лентуль, правящій Іудеею» (доноситъ).

«Желаю здравствовать!»

«Въ наши времена явился, и нынѣ есть еще у насъ, Человѣкъ отмѣнной добродѣтели, называемый Іисусъ Христосъ. Народъ почитаетъ Его за Пророка истины; а ученики Его, признаютъ сего Мужа за Сына Божія: Онъ воскрешаетъ мертвыхъ, и исцѣляетъ болѣзни всякаго рода, однимъ своимъ словомъ. Человѣкъ сей высокаго роста, величественнаго вида, и на кого Онъ взглянетъ въ томъ вдругъ возбуждаетъ къ себѣ почтеніе, смѣшанное со страхомъ. Онъ отмѣнно строенъ, волосы Его зрѣлокаштановаго цвѣта, гладки до ушей, а отъ

Лиціанъ (или Ликий), начальникъ восточныхъ странъ. Нѣтъ въ нихъ дополнительныхъ свѣдѣній о Веспасіанѣ.

¹⁾ По славянски—былъ обезглавленъ.

²⁾ Изъ надписи къ одной грузинской иконѣ въ Мингреліи.

онихъ до низу свѣтлыя, и кудрями падаютъ по плечамъ, а посреди головы раздѣляются на обѣ стороны, по обычаю Назареевъ; лобъ ровный и гладкій; лицо чистое, безъ всякихъ пятенъ и морщинъ, и украшено легкимъ румянцемъ; носъ и ротъ расположены очень правильно; борода такого же цвѣта, какъ и волосы на головѣ, нѣсколько густая, но не длинная, раздвоившаяся по срединѣ. Взглядъ его кротокъ, отличающійся важностью совершеннаго человѣка; глаза Его небснаго цвѣта, пронизательные и живые. Онъ строгъ въ обличеніяхъ, ласковъ и кротокъ въ увѣщаніяхъ, пріятенъ и вмѣстѣ важенъ въ поученіяхъ. Почти никто не видалъ его смѣющимся, за то многіе видятъ его плачущимъ; руки его очень пріятны; говоритъ немного, но разговоры его основательны. Однимъ словомъ, рѣдкою красотою своею Онъ превосходитъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, и въ Немъ видна истина, безъ всякой лести».

Копія изображенія Спасителя, вырѣзаннаго на изумрудѣ, по повелѣнію Тиверія Кесаря; изумрудъ этотъ былъ впоследствии присланъ турецкимъ султаномъ папѣ Инокентію 8-му для выкупа брата, взятаго въ плѣнъ христіанами.»

Рукопись, переписанная въ 1835 г. нѣкимъ Иваномъ Харазипвили довольно красивымъ скорымъ гражданскимъ почеркомъ, заключаетъ нѣсколько апокрифовъ. Принадлежитъ она одной старухѣ Душетскаго уѣзда, которая почитаетъ ее за библію и обращается съ нею благоговѣйно. Рукопись должно быть переведена съ армянскаго ¹⁾,—это показываютъ слова, которыми оканчиваются помѣщенные въ книгѣ повѣсти: «Боже! Помани переводчика этой книги и переписчика. Аминь». Когда она переведена и къмъ, въ книгѣ нѣтъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній.

Книга заключаетъ въ себѣ 336 страницъ, въ переплетѣ, въ началѣ и концѣ книги оставлены въ запасъ листы, которые разными почерками тамъ и сямъ испачканы черновыми набросками. Въ книгѣ содержатся повѣсти, кои хотя и позаимствованы изъ священной исто-

¹⁾ Въ XVIII—XIX в. стали появляться апокрифы въ переводѣ съ армянскаго. Такъ помимо приведенныхъ мною въ I, II и III выпускахъ, известны „Дѣтство Христа“, переведенное Досеоемъ Некресели, известнымъ проповѣдникомъ, обличавшимъ народъ въ невѣжествѣ. Онъ же перевелъ съ армянскаго Философію границъ арм. философа Давида (рукоп. церк. музея, № 183), Риторикку, Исторію Арменіи и др. Замѣтимъ, что „Дѣтство Христа“ впервые переведено съ греческаго. (См. у меня II в. „Очерковъ“.

ріи, настолько отличаются от повѣствованій, что нужно признать такую книгу за апокрифическую.

Я же привожу здѣсь изъ содержанія книги только заглавія и нѣкоторыя выдержки.

Стр. 1. Выходъ Адама изъ рая:

Когда Адамъ былъ изгнанъ изъ свѣтлаго рая, солнце его пригрѣло и немного приободрило, хотя оно и не было настолько лучезарнымъ, какъ райскій свѣтъ, но все же изъ него исходилъ свѣтъ; онъ не зналъ ничего о заходѣ и восходѣ солнца. Когда стемнѣло, онъ подумалъ, что не разсвѣтетъ, такъ какъ (онъ непривыкъ) въ раю обиталъ вѣчный свѣтъ; онъ не зналъ ничего о смѣнѣ ночи и дня, поэтому, когда зашло солнце и наступила ночь, онъ рѣшилъ, что больше не увидитъ свѣта и началъ плакать и скорбѣть до самаго разсвѣта. Когда пѣтухъ пропѣлъ и провозвѣстилъ наступленіе утра, явился ему діаволь въ лицѣ ангела. Адамъ говоритъ ему: потому мы плачемъ, что Богъ создалъ насъ, поселилъ насъ въ раю и далъ намъ свѣтъ, а затѣмъ низвергнулъ насъ въ это темное мѣсто; Богъ опять вошелъ въ наше положеніе, прислалъ намъ своего ангела и вывелъ насъ изъ тьмы и водворилъ насъ въ міръ свѣтломъ; но теперь ничего не знаемъ, въ чемъ провинились и какое еще согрѣшеніе совершили предъ Богомъ, что Онъ опять насъ ввергнулъ въ темное обиталище. На это діаволь отвѣчаетъ: что вы дали ангелу взамѣнъ того, что онъ вывелъ васъ въ свѣтлый міръ? И, когда ему сказали, что ангелу ничѣмъ не отплатили, діаволь отвѣтствовалъ: вы должны были сдѣлаться его пототственнымъ рабомъ, въ этомъ ваша ошибка и именно поэтому свѣтъ оставилъ васъ.

Діаволь, зная, что скоро разсвѣтетъ, обѣщалъ испуганному отъ темной ночи Адаму возвращеніе свѣта, а за это заранѣе беретъ отъ него условіе, что онъ будетъ его вѣчнымъ рабомъ со своимъ потомствомъ. Въ это время показалось на востокѣ солнце, и Адамъ принялъ его за свѣтъ, возвращенный ему діаволомъ. Затѣмъ діаволь клятвенно заставилъ засвидѣтельствовать Адама условіе, данное послѣднимъ, о пребываніи вѣчнымъ рабомъ діавола.

Стр. 5. Смерть Авеля отъ руки Каина.

Стр. 17. Благовѣщеніе ангела о рожденіи Сиеа.

Стр. 29. Проповѣдь о гостепрїимствѣ, о призрѣніи путешествующихъ и нищихъ, или рѣшеніе отца Авраама. (Здѣсь же нарисованъ отецъ Авраамъ съ преклоненными колѣнами и вознесенными на небо руками).

Стр. 37. Приѣмъ гостей Авраама на дорогѣ и уничтоженіе огнемъ Содома и Гоморры.

Въ концѣ и этого письма нарисованъ отецъ Авраамъ съ преклоненными колѣнами, который въ одной рукѣ держитъ Исаака, а въ другой—мечъ для закланія его, около же Авраама нарисованъ ангелъ и агнецъ; затѣмъ повѣствуется о принесеніи въ жертву Исаака. Рисунки исполнены красными и черными красками и, какъ видно, живописцемъ неопытнымъ и неосвѣдомленнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Стр. 52. Приведеніе Ревекки и помолвка съ нею Исаака.

Здѣсь нарисована слишкомъ длинная и невзрачная лошадь, на которой сидятъ двѣ особы, одѣтыя въ одинаковыя платья, одна изъ нихъ бородатая, другая—безъ бороды, на верху рисунка имѣется надпись: «Мелхиседекъ ведетъ невѣсту Исаака Ревекку».

Стр. 64. Отправленіе Іакова для женитьбы и благословеніе его отцомъ.

Стр. 76. Сыновья Іакова и жизнь ихъ.

Стр. 105. Отправленіе сыновъ израильскихъ въ пустыню и прибытіе ихъ въ обѣтованную землю.

Стр. 117. Родители Богородицы Іоакимъ и Анна.

Они находились въ старости лѣтъ и не имѣли дѣтей. Наступилъ храмовой праздникъ, туда въ массѣ другихъ людей отправился и Іоакимъ. Агнецъ Іоакима, который долженъ былъ бы принесенъ въ жертву, скакалъ впереди идущихъ, за что на Іоакима обидѣлись и сказали ему, что его жертва недостойна быть принесенной Богу, ибо онъ бездѣтенъ, и что онъ плохо поступилъ, что пошелъ съ ними; его хлѣбъ не будетъ угоденъ Богу и пусть онъ возьметъ свою овцу и убирается куда хочетъ. Іоакимъ, услышавъ это, взялъ свою овцу и отошелъ отъ нихъ прочь. Много онъ плакалъ, затѣмъ слезно просилъ Господа о томъ, чтобы внялъ его мольбамъ и даровать ему сына, такъ какъ кромѣ него все живущее въ мірѣ наслаждается и блаженствуетъ, взирая на своихъ дѣтей, а онъ—единственный человѣкъ, который лишень этого утѣшенія. Онъ закололъ своего агнца и далъ Господу обѣтъ, что если онъ удостоенъ будетъ сына, то онъ пожертвуетъ его Ему же. Возвратившись домой, онъ нашелъ жену Анну сильно скорбящей и тоскующей по своей бездѣтности. Іоакимъ рѣшилъ удалиться въ пустыню и тамъ предаться посту и молитвѣ, Анна постилась дома и возносила Господу свои молитвы ¹⁾.

¹⁾ Ср. съ вышеприведеннымъ апокрифомъ „Рождество Пресвятой Богородицы“.

«Разъ, когда Анна сидѣла въ саду подь деревомъ и горько плакала о немѣннн сына, ей явился ангель и обрадовалъ ее такою вѣстью, что Господь услышалъ ихъ молитвы и скоро у нихъ будетъ дитя. Анна эту радостную вещь сообщила и Іоакиму. Іоакимъ же, по возвращеніи изъ пустыни, видѣлъ такой сонъ: онъ видитъ, что его посохъ расцвѣлъ и на немъ висятъ плоды, безчисленный народъ ѣстъ эти плоды, но отъ этого плодовъ не убывало, но, напротивъ, число ихъ все увеличивалось».

«Затѣмъ, когда у Анны родилась дочь и ей исполнилось четыре года, Іоакимъ и Анна взяли ее въ храмъ и агнца для принесенія въ жертву; когда закололи агнца, то вмѣсто крови изъ него брызнуло молоко. Когда увидѣли это старцы, очень удивились, а одинъ изъ нихъ, первосвященникъ, предсказалъ, что отъ этой дѣвы долженъ родиться Спаситель народа Израильскаго.

Марію оставили въ церкви вмѣстѣ съ другими дѣвами. Когда другія дѣвы выходили на дворъ, а Марія одна оставалась въ церкви, ей являлись ангелы и бесѣдовали съ нею; дѣвы слышали это и спрашивали Марію—съ кѣмъ она говоритъ, но она ничего не отвѣчала имъ на такой вопросъ».

Затѣмъ рассказываетъ о благовѣщеніи Богородицы и въ концѣ нарисована Богородица на колѣняхъ, а впереди ея ангель съ крыльями.

Благовѣщеніе совершилось не тогда, когда Марія читала священное писаніе, но когда Марія отправилась за водой: тамъ явился ей ангель и тамъ ей благовѣствовалъ. Затѣмъ этотъ рассказъ оканчивается славословіемъ Пресвятой Богородицѣ нерифмованными, бѣлыми стихами.

Стр. 137. Благовѣщеніе и рожденіе Іоанна Предтечи.

И эта повѣсть оканчивается вознесеніемъ хвалы въ честь Іоанна Предтечи, написанной опять-таки бѣлыми стихами.

Эти стихи начинаются такъ:

Іоаннъ—сынъ священника старика,
 Іоаннъ—плодъ отъ неплодной,
 Іоаннъ—рожденный отъ вѣмого,
 Іоаннъ—предрекшій благословеніе...

И проч. 47 строкъ стиховъ начинаются словомъ «Іоаннъ» и оканчиваются однимъ и тѣмъ же слогомъ.

Стр. 145. Испытаніе Маріи священниками.

Стр. 149. Марія пьетъ воды испытанія.

Въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ рассказывается о томъ, какъ священники спрашивали Марію относительно беременности, которую за-

мѣтили, отвѣтъ Маріи, какой послѣдовалъ отъ послѣдней, затѣмъ Марія пьетъ изъ источника пророка Моисея *воды испытанія* и спасеніе ея отъ этой роковой воды, которая, по словамъ повѣсти, имѣла такое свойство и силу, дарованная Богомъ, что та, которая пила ее, подвергалась смерти, если была не законно-беременной.

Стр. 153. Начинается повѣствованіе о Рождествѣ Христовомъ.

«Когда прошло пять тысячъ сто или двѣсти лѣтъ по выходѣ Адама изъ рая, въ первый годъ царствованія армянскаго царя Апкара, во время первосвященниковъ Каіафы и Анны, Архангелъ Гавріиль принесть Маріи благую вѣсть, въ г. Назаретѣ, въ *апрѣль мѣсяць, на 7 день*, въ среду утромъ. Въ тотъ же день въ Индіи показалась одна звѣзда, которая была равная полному мѣсяцу и въ ней можно было видѣть четырнадцатилѣтнюю дѣву, державшую въ рукѣ ребенка однодневнаго. И днемъ и ночью можно было видѣть ихъ, но только въ Индіи. Всѣхъ безгранично удивляла эта звѣзда. Въ это время царь издалъ приказъ, чтобъ собрался весь народъ и сдѣлали запросъ мудрецамъ относительно этой открывшейся звѣзды. Искали, искали, но не нашли ни одинаго человѣка, который зналъ бы что-нибудь объ этой звѣздѣ. Затѣмъ, одинъ изъ старѣйшинъ, добивающихся познанія этой звѣзды, предался посту и молитвѣ въ продолженіе 40 дней, въ сороковой же день онъ во снѣ увидѣлъ ангела, который сказалъ ему, что Христосъ родился въ странѣ Іерусалимской, царю надлежитъ отправиться и поклониться Ему, а это—звѣзда Его, и она будетъ царю путеvodительствовать.

Снарядился царь Мелко ¹⁾, взялъ съ собою четыре тысячи чело-вѣкъ и отправился. Звѣзда слѣдовала имъ впереди, прибыли они въ страну Кизилбашовъ ²⁾. Когда услышалъ царь Гаспаръ о прибытіи его, встрѣтилъ его и принялъ съ большою почестью и спросилъ его о причинѣ его пріѣзда и о мѣстѣ, куда онъ отправляется. Онъ объяснилъ ему причину его немедленнаго пріѣзда и показалъ звѣзду. Гаспаръ обрадовался и онъ самъ изъявилъ желаніе ѣхать съ нимъ; взялъ и онъ съ собою 4 тысячи чело-вѣкъ. Они пустились въ путь и пріѣхали въ Абашскую страну, гдѣ уговорили и царя Багдасара ѣхать съ ними, который съ 4 тысячами людей послѣдовалъ за ними; такимъ образомъ 3 царя съ 12-ю тысячами людей ѣхали къ мѣсту назначенія

¹⁾ Мелко, Гаспаръ, Апкаръ, Багдасаръ—имена армянскія.

²⁾ Персовъ.

и пробыли на дорогѣ 7½ мѣсяцевъ. Когда же они прїѣхали въ Иерусалимъ, то звѣзда остановилась тамъ».

Затѣмъ повѣствуется о томъ, какъ 3 царя разсуждали съ «Ервотомъ» (Иродомъ) о рождествѣ Христа и поклоненіи Ему, конечно, не согласно священному писанію, а въ иномъ духѣ. Исусъ же Христосъ, указано въ Вилеємѣ, родился въ четвергъ, 6 января, въ полночь.

Стр. 168. Введеніе во храмъ Исуса Христа.

«Былъ одинъ царь въ г. Александріи, по имени «Петломѣ» (Птолмей?), любитель книгъ. Онъ приказалъ, чтобы со всѣхъ сторонъ свѣта доставили всевозможныя книги и перевели ихъ на греческій языкъ. Между прочими книгами были принесены и «пророческія книги» іудеевъ, которыя должны были быть переведены на греческій языкъ. Близъ города Александріи было одно озеро, на берегу котораго, въ возвышенной части, на скалѣ, онъ приказалъ построить домъ въ нѣсколько комнатъ, двери которыхъ вдавались въ озеро, чтобы переводчики не могли видѣть другъ друга. Въ каждой комнатѣ помѣстили по два переводчика и поручили имъ переводить книги на греческій языкъ. Всѣхъ переводчиковъ было 70. По окончаніи каждаго дня, они вечеромъ отдавали царю отчетъ своей работы: кто что перевелъ и какъ, прочитывали и просматривали. Между этими переводчиками находился одинъ книжникъ, который именовался Симономъ; онъ перевелъ книгу пророка Исаіи, и когда онъ дошелъ до мѣста, гдѣ написано: «Вотъ дѣва зачнетъ и родитъ Эммануила, который есть Богъ», написалъ это и горестью наполнилось его сердце, онъ сказалъ себѣ: «царь упрямъ и ни за что не повѣритъ точности этого перевода», потому онъ стеръ написанное, но затѣмъ раскаялся, подумавъ, что можетъ быть другіе перевели это мѣсто и въ такомъ случаѣ для него будетъ и стыдно, и плохо. Когда онъ предавался такимъ мрачнымъ думамъ, сонъ сомкнулъ ему глаза. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что стертыя слова вновь написаны золотыми буквами, и онъ возопилъ со слезами: «Блаженные тѣ, которые будутъ жить въ то время и увидятъ Его!» Въ ту же минуту явился ему ангелъ и сказалъ, что онъ до тѣхъ поръ не умретъ, пока не увидитъ рожденнаго отъ Дѣвы. Поэтому Симонъ отправился въ «Елусаремъ», помѣстился въ одномъ домѣ ближе къ храму, гдѣ предавался молитвѣ и прожилъ 324 года, до времени, когда родился Исусъ Христосъ. Когда исполнилось 40 дней послѣ рождества Христа, Богоматерь и Иосифъ взяли Младенца въ храмъ и двухъ голубиныхъ птенцовъ. Восточныя двери храма были заперты, по словамъ пророка, безъ ключа. Когда они вошли въ городъ, небо заволокло туманомъ, запертыя двери прогремѣли и съ шумомъ откры-

лись, произошло землетрясеніе и весь народъ вышелъ изъ храма. Ангель возвѣстилъ Симону: Симонъ! Вотъ исполнилось желаніе твоего сердца, приходи въ церковь и посмотри на Дѣву и на рожденнаго отъ Дѣвы. Пошелъ Симонъ, взялъ въ руки Іисуса, благословилъ и сказалъ: «Отнынѣ освобождаешь Ты раба Твоего по слову Твоему» и послѣ этихъ словъ онъ испустилъ духъ»...

Затѣмъ сказано, что такъ какъ на это обстоятельство въ Іерусалимѣ обратили вниманіе, Іосифъ и Марія въ ту же ночь тайкомъ отправились въ Миссирійскій городъ (т. е. въ Египеть).

Стр. 177. О выходѣ Іоанна изъ пустыни и приходъ его къ Іордану для крещенія.

Приведу здѣсь только первую часть этой повѣсти, которая многимъ отличается отъ священнаго писанія.

Когда исполнилось Іоанну 6 мѣсяцевъ, узналъ царь «Еровте», что волхвы обманули его и не извѣстили его ни о чемъ, разгнѣвался и послалъ людей, чтобы послѣдніе немедленно истребили бы всѣхъ младенцевъ ниже двухъ лѣтъ отъ роду, которые окажутся въ Виеелемѣ. Когда пріѣхали волхвы для поклоненія, тогда же получилъ приказаніе царь Еровте отъ царя «Огоста» (?), чтобы ѣхать въ страну франковъ (т. е. Европу); въ поѣздкѣ туда и обратно прошло два года. Когда пріѣхалъ царь Еровте въ Іерусалимъ, вспомнилъ и спросилъ: три царя, которые пріѣхали, чтобы видѣть Младенца, видѣли его или нѣтъ. Отвѣтили, что эти цари видѣли Младенца, но они не проѣзжали мимо ихъ, а поѣхали другой дорогою. Царь поэтому приказалъ истребить двухлѣтнихъ младенцевъ, такъ какъ думалъ среди нихъ окажется и тотъ Младенецъ.

Когда посланные царемъ люди начали убивать дѣтей, Елизавета взяла своего Іоанна и бѣжала изъ Виеелема, посланники царя погнались за нею; она пустилась по одной скалѣ, оглянулась назадъ и увидѣла, что ее догоняютъ уже. Тогда она возопила громкимъ голосомъ: «Господи Боже Израиля! Подари мнѣ этого сына, дай мнѣ утѣшиться имъ на старости лѣтъ, не давай мнѣ видѣть его смерти». Тотчасъ же скала отверзлась и въ нее вошли мать и сынъ, и находились въ ней 5 мѣсяцевъ; гонцы же возвратились и сказали Еровту: Мы нашли Христа, но отверзлась скала и Онъ въ нее вошелъ. Еровте спросилъ ихъ: чей Онъ сынъ? Они отвѣтили: сынъ Захарія. Послалъ онъ ихъ къ Захарію, котораго убили въ самой церкви. Земля разверзлась и поглотила тѣло Захарія.

Ангель отпустилъ Елисавету въ Іерусалимъ для исполненія обряда погребенія, надъ покойнымъ Захаріемъ, младенцу же Іоанну, до возвращенія матери изъ Іерусалима, прислуживали ангелы.

Послѣ этого Іоаннъ вышелъ изъ скалы и жилъ въ пустынѣ 30 лѣтъ. Затѣмъ пришелъ къ берегамъ Іордана для проповѣди и крестилъ приходящихъ къ нему; для крещенія пришелъ къ нему, между прочими, и царь Иродъ, но ему Іоаннъ Предтеча отказалъ, замѣтивъ ему, что онъ недостойнъ принять крещеніе, такъ какъ женатъ на жонѣ своего брата. Послѣ этого царь возненавидѣлъ Іоанна и, въ отмщеніе, заставилъ убить его.

Въ началѣ этой повѣсти нарисованъ Іоаннъ Предтеча, у котораго на шеѣ виситъ крестъ, а такъ же и въ рукѣ онъ держитъ крестъ. Съ нимъ стоятъ съ двухъ сторонъ ангелы съ крыльями. Эти рисунки крайне неизящны и некрасивы, являясь плохой, видимо, имитацией рисунковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, съ которой сама эта книга списана. Повѣсть заканчивается славословіемъ Іоанну Предтечѣ и крещенію.

Стр. 184. Дѣянія Господа нашего Іисуса Христа.

До 193 страницы рассказывается объ избраніи Іисусомъ Христомъ учениковъ и на этой страницѣ нарисованъ входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. И здѣсь видно явно, что живописецъ плохой мастеръ своего дѣла.

«Въ это же самое время (когда Іисусъ Христосъ изъ церкви вошелъ въ домъ Гамалійскаго священника, исцѣлилъ одного разслабленнаго и вышелъ оттуда) приходятъ къ Іисусу посланники армянскаго царя и хотѣли увидѣть Его, но, такъ какъ народу было много, не могли пробраться къ Нему. Увидя апостола Филиппа, сказали ему, что хотятъ видѣть Христа. Филиппъ передалъ ихъ желаніе Андрею, Андрей же Христу и Христосъ приказалъ, чтобы они вошли. Когда вошелъ армянскій посланникъ, поклонился онъ Христу и подаль ему письмо отъ царя, а Христосъ письмо передалъ Іоанну, который и прочиталъ слѣдующее:

«Я Апкаръ¹⁾, царь Сомхетіи, рабъ Іисуса, вопреки нравамъ другихъ, которые увидятся съ тобою и послѣ увѣруютъ, вѣрую въ тебя, не видѣвши лично тебя, я вѣрю, что Ты—Сынъ Божій, пришедшій съ неба, чтобы погибшему человѣку возвратитъ свое человѣческое подобіе, а я пропавшій человѣкъ, погруженный въ беззаконія и страдающій неизлѣчимою болѣзнію, и, если Вамъ угодно, пожалуйста въ нашу страну и излѣчите меня, но я докладываю Вамъ, не царскимъ своимъ приказаніемъ, но умоляю какъ рабъ». И подали Христу не

¹⁾ Извѣстная переписка Авгара съ І. Христомъ. См. у меня въ „Арх. экспедиціи на Кавказѣ“ (М. 1898). Ср. „Авгарозъ“—груз. рукопись Гл. Арх. М. И. Д. въ Москвѣ.

сшитую рубашку, къ которой еще не коснулась игла, — царь прислалъ ее въ подарокъ. Иисусъ отвѣтилъ: «я не могу туда отправиться, такъ какъ я собираюсь къ отцу и послѣ моего вознесенія я пришлю моего ученика Тадеоза, чтобы онъ испѣлилъ его». Благословилъ онъ царя, пожелалъ благополучія его царствованію и восхвалилъ его вѣру. Посланникъ, видя, что Христосъ не намѣренъ идти къ царю, привелъ одного живописца и предложилъ ему, чтобы срисовать портретъ Иисуса Христа. Живописецъ началъ на бумагѣ рисовать ликъ Христа. Когда онъ нарисовалъ на бумагѣ Христа, Христосъ показался ему сѣдолосымъ, онъ стеръ нарисованное и вновь нарисовалъ Христа, но уже съ сѣдыми волосами, но увы! теперь Христосъ показался ему совѣтъ старикомъ, онъ чуть съ ума не сошелъ отъ удивленія. Христосъ спросилъ его, почему онъ такъ удивленно смотритъ, живописецъ отвѣтилъ: Господи, хочу срисовать Твое лицо, чтобы поднести моему царю и никакъ не удастся мнѣ сдѣлать этого. Спросилъ Христосъ: На что же вамъ портретъ Мой? Живописецъ доложилъ: Нашъ царь съ нетерпѣніемъ желаетъ видѣть Тебя и поручилъ намъ, что если Иисусъ не пожалуетъ, нарисуйте Его портретъ и принесите мнѣ, чтобы испѣлиться мнѣ отъ него ¹⁾. И другой разъ похвалилъ Христосъ вѣру Апкара, взявъ Христосъ свой холстовый платокъ, покрылъ имъ лицо и на томъ холстѣ изобразилъ ликъ Иисуса Христа во всей своей рельефности и полнотѣ. Христосъ отдалъ его посланнику и сказалъ ему: возьми образъ сей царю Апкару и съ нею мое благословеніе (которое да приобщится къ нему), при видѣ этого образа, при видѣ Тадеоза и по принятіи крещенія. Поклонились ему, взяли образъ, и пустились въ свой путь и, по приказанію Бога, далекій путь они прошли только въ 5 дней и пришли въ Урфу, гдѣ былъ царь, вышедши въ вербную среду изъ Іерусалима, они пришли въ свой городъ въ страстную пятницу. Въ пятницу же, когда приблизились они къ городу, увидѣли, что непріатели окружаютъ его, и не рѣшались со страху двгаться за черту города, боясь, что непріатели убьютъ ихъ и могутъ захватить имѣвшійся у нихъ образъ; тамъ же на лугу, оказался высохшій колодезь, куда бросили образъ. Самн же подошли къ городу съ другой стороны и чрезъ нее вошли въ него. Въ ту же ночь непріатель оставилъ городъ и ушелъ. Они утромъ представились царю и доложили, что Христосъ самъ не придетъ, но даль

---

¹⁾ Здѣсь существующія преданія относительно хитона Господня и Анчатскаго Нерукотвореннаго Образа обосновываются на армянскомъ источникѣ.

свой образъ, мы испугались и бросили его въ колодезь. Царь очень обрадовался вѣсти относительно иконы. Онъ приказалъ, чтобы всѣ мужчины, женщины, мальчики, находящіеся въ городѣ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ послѣдовали за нимъ къ мѣсту нахождения иконы. Такъ и было сдѣлано. Самъ Апкаръ царь въ сопровожденіи массы народа со свѣчами въ рукахъ отправились къ означенному мѣсту и съ благоговѣніемъ взяли оттуда образъ Христа и понесли въ городъ, гдѣ сохранили до прибытія апостола.

Стр. 202. Доносъ Іуды Искаріотскаго на Христа.

Послѣ этого съ 300 стр. помѣщены слѣдующія повѣсти изъ новаго завѣта: Распятіе Господа, Воскресеніе Господа, Вознесеніе, Преображеніе, Успеніе Пресвятой Дѣвы Маріи, Нахожденіе Честнаго Креста Господня и затѣмъ похвальное слово «кресту» бѣлыми стихами. Многое и въ этихъ повѣстяхъ имѣетъ своеобразный характеръ.

Стр. 331. Мученія святого Григорія, просвѣтителя Арменіи, царемъ Сомхетіи Трдатомъ, въ г. Вагаршапата.

Въ концѣ этой повѣсти два листа вырваны. Оставлены только три страницы, въ которыхъ о страданіи свят. Григорія ничего не упоминается. Въмѣсто этого авторъ повѣсти описываетъ походъ отца царя Трдата Хосро противъ персидскаго царя Арташири, который будто бы предательски убилъ персидскаго царя Артаваза, брата Хосро, и самъ воцарился. Чтобы отомстить за кровь брата, по словамъ историка, Хосро собралъ войско безчисленное, какъ песокъ: авгановъ, грузинъ, открылъ врата Дагестана, взялъ оттуда и присоединилъ къ своему войску лезгинъ, черкезовъ, а также и другихъ, живущихъ вокругъ Галбуза и населяющихъ побережья моря, и всю Сомхетію съ Арарата до «Светисъ-Кари», а оттуда до города Тифлиса, двинулся съ такимъ огромнымъ полчищемъ и съ яростью бросился на непріятеля, какъ левъ на ягненка; онъ отпустилъ отдѣльное полчище въ стороны Асуристаніи... и пр. Однимъ словомъ они, армяне, разрушили до тла персидскія крѣпости, уничтожили до основанія все персидское царство, усмирили и подчинили подъ свою власть персовъ и завладѣли многими «добычами», какъ рассказываетъ авторъ.

Житіе и дѣянія блаженныхъ праведниковъ, къ которымъ отправился Зосима¹⁾. (Благослови отче!)

---

¹⁾ Ср. Житіе и жизнь препод. о. н. Зосимы, како ходи въ Рахмани (Благ. отче). Тихонравовъ. Памятники отречен. рус. лит. II, 84.

Былъ одинъ старецъ (монахъ), поселившійся въ пустынѣ, и имя ему Зосимъ. Онъ сорокъ лѣтъ ¹⁾ не ѣлъ хлѣба и не пилъ вина и не видѣлъ лица человѣческаго. День и ночь молился Богу, чтобъ ему (удалось) пойти и видѣть (мѣсто), гдѣ пребываютъ блаженные нагоправедники. И вотъ ангелъ Божій явился и сказалъ ему: «Зосимъ, человѣкъ Божій! Вотъ я явился сказать тебѣ, что ты пойдешь къ блаженнымъ, но ты не останешься съ ними. Да не вознесется умъ твой и скажешь, что «въ продолженіе 40 (чего?) не вкусилъ хлѣба»; вотъ лице Божіе предъ тобою». Отвѣчая, Зосимъ сказалъ ангелу: «Вѣрю и знаю, что только захочетъ Богъ, для Него все легко (исполнимо)». Сказалъ ему ангелъ: «Ты достоинъ этой милости, поэтому теперь встань и иди». Я же Зосимъ вышелъ изъ пещеры моей и передо мной шелъ Богъ, и я не зналъ, доколѣ идти; шелъ я 40 дней изнемогъ мой духъ и молился я Богу и сѣлъ въ какомъ-то мѣстѣ. И вотъ пришелъ верблюдъ и склонился и посадилъ меня себѣ на спину и несъ меня сорокъ дней и оставилъ въ пустынномъ мѣстѣ. Случилось землетрясеніе и поднялся сильный вихрь и восхитилъ онъ меня отъ земли и посадилъ на что-то, и я былъ влекомъ такъ вихремъ, и не зналъ, куда идти, и принесъ меня и бросилъ у берега рѣки и имя этой рѣкѣ было—«Божья». (Евмеаси по рус. списку). И хотѣлъ я тогда перейти рѣку эту. А рѣка эта заговорила и сказала мнѣ: «Зосимъ, Божій человѣкъ! черезъ меня и птица не перелѣтала, ни дуновеніе вѣтра, ни солнце (не переправлялось) ни луна, ни искустель міра дьяволъ». И я Зосимъ убоился, удивленный и помолился Богу и тотчасъ тамъ выросли два дерева: одно по ту, другое по эту сторсну рѣки той, прекрасныя на видъ и были полны плодовъ и благоуханія; и преклонилось одно дерево, которое стояло передо мною на берегу рѣки, и посадило на свои верхушки и вознесло меня очень высоко и наклонилось на середину рѣки на пятнадцать миль (въ ширину) и наклонилось другое дерево, которое стояло по ту сторону рѣки, и подняло на свои вѣтви и вознесло въ воздухъ и наклонилось и посадило (по ту сторону) на другомъ берегу рѣки, на землю. Тогда я отдохнулъ на мѣстѣ тамъ три дня и три ночи; потомъ всталъ и пошелъ, не зная куда. Это мѣсто было—гора, полная благоуханій, и не было другой ни по ту ни по эту сторону. И было мѣсто то полно благоуханія отъ цвѣтовъ и оглянулся я, увидѣлъ нагого человѣка, который сидѣлъ на землѣ, удивился я и сказалъ, не искустель ли это. Тогда услышалъ я гласъ рѣки той, которая сказала мнѣ: «Ничто

¹⁾ 40 дней въ рус. памятникѣ.

еще не переправлялся черезъ меня». И у меня прибавилось силы и сказалъ я ему (старцу): «Радуйся братъ!» Онъ же сказалъ мнѣ въ отвѣтъ: «А кто ты?» И я сказалъ все, что со мной случилось и какъ я пришелъ въ это мѣсто по волѣ Божіей. Онъ же въ отвѣтъ сказалъ мнѣ: «Знаю, что ты Божій человѣкъ, такъ какъ и облако и вѣтеръ не могли переходить черезъ эту рѣку, ибо ширина ея тридцать *миліоновъ* (?) (верстъ по рус. списку) и глубина этой рѣки до преисподней». И когда окончили слова эти такъ сказалъ мнѣ: «Ты (виднo) пришелъ сюда изъ суетнаго міра». Я же сказалъ: «Почему ты нагъ?» Онъ же отвѣчалъ мнѣ: «Если бы ты зналъ, что ты только нагъ. Ты одѣтъ въ овечью шкуру и ты изъ сыновъ міра. Твое одѣяніе осквернено вмѣстѣ съ тѣломъ твоимъ, воззри на высь небесную и увидишь, какова одежда моя». И возврѣлъ я въ высь неба и увидѣлъ лице его, подобное ангельскому (лицу), и одежда его была подобна (одеждѣ) Евы. И испугался я и сказалъ, что это Сынъ Божій. Онъ же всталъ и подаль руку свою и сказалъ: «я одинъ изъ тѣхъ блаженныхъ и поведу я тебя къ старцамъ тѣмъ». Повелъ меня къ какому-то сонму. Люди же эти были похожи на сыновъ Божіихъ и стали юноши предъ старцами и, когда увидѣли, сказали мнѣ: «ты пришелъ изъ суетнаго міра. Теперь давайте помолимся Богу, чтобы Онъ показалъ Свое желаніе, неужели уже близка кончина міра, ибо сей человѣкъ изъ суетнаго міра присланъ сюда». И встали и помолились, и два ангела снизошли съ неба и сказали: «Не бойтесь человѣка сего, ибо Богъ явилъ его, чтобы ему быть съ вами семь дней и видѣть дѣла ваши»¹⁾.

¹⁾ Это житіе вполне сходно съ рус. памятникомъ по рукописи Милютинскихъ Четинъ-Миней 1646—54 г. Моск. Синод. библ. № 806, июнь, л. 1361—1380. По рукописи Сильвестрова сбор. XIV в. „Хожденіе Зосима“ отличается краткостью. Ср. *Эмиль*. (Переводы и статьи, М. 1897). Сказаніе о блаженномъ Зосимѣ и о томъ, какъ онъ думалъ отправиться въ страну блаженныхъ (перев. съ армян.). Въ виду совпаденія грузинскаго текста съ русскимъ, я ограничиваюсь переводомъ приведеннаго отрывка.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 7. Русуданіани, рукоп. Спб. Публич. библ. (поступившая отъ царевича грузинскаго) № 70, дефектная, почеркомъ мхедрули, принадлежитъ дочери Зураба Церетели—Кетевани.

Къ стр. 36. Ср. съ рассказомъ о Банарозѣ повѣсть о Димитріи Ростовскомъ (рукоп. XVII в.), принадлежащая, по словамъ проф. М. И. Соколова къ циклу восточ. и зап. легендъ о гордомъ царѣ Агеѣ объ Юліанѣ Отступникѣ и др. Въ ней повѣствуется, какъ немилостивый кн. Димитрій, купаясь потерялъ одежду и въ видѣ нищаго жилъ работникомъ, пока не былъ Богомъ прощенъ и снова не сдѣлался царемъ.

Къ стр. 59. Объ Исфендіарѣ и Арчеспѣ см. *Hammer Redekunste*, 70 et sq. Къ стр. 84. Низами (шеихъ Низамодинъ Абу-Махоммедъ Ильясъ-ибнъ-Юсовъ)—лучшій романтич. персидскій поэтъ (1141—1203) уроженецъ кумскій, но носитъ прозвище «Ганджеви» (Ганджинскій), п. ч. большую часть провелъ въ Ганджѣ (=Елизаветполь) и тамъ же умеръ. Писалъ и лирическія стихотворенія. Главную славу его составили пять стихотворныхъ этическихъ произведеній, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Пятерицы» («Хемсе») 1) «Мехзеноль осрар.» (Сокровищница тайнъ) мистико-аскетическаго направленія; 2) «Хосровъ и Ширинъ». Любовь сасанидскаго царя Первиза къ армянской княжнѣ Ширинѣ должно изображать стремленіе души человѣческой къ Богу. 3) «Лейла и Меджнунъ»—романъ изъ жизни бедуиновъ, близкій по сюжету къ исторіи Ромео и Джульеты. 4) Хефт пейкар («семь красавицъ»), посв. романтическимъ похождениямъ сасанидскаго царя Бехрама Гура⁴⁾. Здѣсь четвертый изъ 7 рассказовъ принадлежитъ «русской царевнѣ» (*Эрдманъ Behram-Gur die rus. Furstentochter* (Уч. З. Каз. ун. 1843, I—IV), 5) Искандеръ-Нама. («Книга Александра»).

Къ стр. 87. Не подтверждается, что Теймуразъ составилъ хронографъ.—Шахи-Параваніани онъ написалъ въ Рачѣ (*Цискарі*, 1890).

---

⁴⁾ По словамъ царя Арчила (см. выше стр. 98) Барамгура *востанъ* по-грузински Нодаръ Парсаданидзе.

Къ стр. 93. «Арчиліани» рукоп. изъ собр. царевича грузинскаго (Спб. публ. библ.). № 11, на 72 листахъ, почеркъ XIX в. Царю Арчилу принадлежит инициатива перевода Хронографа съ русскаго на грузинскій языкъ. Ср. Хронографъ (1755 г.), другой редакціи, хранящійся въ Тифл. церк. музеѣ ²⁾).

Къ стр. 100. Груз. повѣсть объ Александрѣ М. *им* Александрія ³⁾).

Къ стр. 102. О синдабадѣ см. *Le livre des 1001 nuit, trad. per J. C. Mardrus, t. VI. Paris, 1901.*

Къ стр. 115. Отрывки Бааміани и Бежанъ-Манижаніани найдены проф. Шухардтомъ въ рукоп. XVII в. (изъ частнаго письма ко мнѣ, 1896 г.).

Къ стр. 127. Отрывки изъ Калилы и Димны, рукоп. изъ собр. ц. груз. № 37, перепис. въ 1778 г.

Къ стр. 142. Бесѣда дня и ночи Теймураза I въ каталогѣ Общ. распр. груз. грам. приписывается Теймуразу II.

Къ стр. 153. *Сарке тѣкмулта* Теймураза II, Спб. рукоп. изъ собр. цар. груз. № 13 съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ грузинъ, переписана губерн. секр. Іоанномъ Ялгузидзе, 1823 г., 191 стр. Стихотворенія Арчила и Теймураза, перепис. ректоромъ Давидомъ, хранятся въ Тифл. Общ. груз. грам.

Къ стр. 155. Рукопись Давришіани изъ соб. цар. грузинскаго № 37 и *Сарке тѣкмулта* перепис. въ 1788 г. Къ числу повѣстей въ зависимости отъ Шахъ-Намѣ относится «Сааміани», которую переложилъ въ стихи Бардзима Вачнадзе (см. Арчиліани).

Къ стр. 169. Богъ Бнелши вм. Бальшимъ арм. текста—осмысленіе чрезъ груз. слово «бнели» темный, бнелши=бнели (темный)†ши

²⁾ Арчилъ заявляетъ, что онъ написалъ сравненіе царя Теймураза съ Руставели въ виду того, что объ этомъ не разъ онъ слышалъ отъ карталинцевъ и кахетинцевъ. Познакомивъ съ своей злосчастной судьбой, онъ сообщаетъ, гдѣ или другое его стихотвореніе писано. Сопоставленіе его рукописей показываетъ, что рукопись Академіи Наукъ отличается болѣею правильностью, а изъ печатныхъ изданій Кутаисское страдаетъ пропускомъ нѣкоторыхъ строфъ и перестановкой ихъ. Пропуски имѣются и въ тифлисскомъ изданіи. За описаніемъ бесѣды Теймураза съ Руставели и жизни царя, Арчилъ описываетъ: 1) Нравы грузинъ (воспитаніе); 2) Восемь членовъ тѣла и ихъ свойства (глазъ, носъ, ухо, языкъ, уста, нога, рука, *сердце*—*царь организмма*); 3) Объ очищеніи отъ грѣховъ путемъ крещенія; 4) Пренія человѣка съ непостоянной судьбой. Въ бесѣдѣ участвуетъ Адамъ. Судьба восхваляетъ себя, а человѣкъ упрекаетъ ее за причиняемыя огорченія. Арчилу приписывается повѣсть въ стихахъ о царѣ каджовъ.

³⁾ *Иверія*, 1900, № 284, приводитъ свѣдѣніе о стихотворномъ Александріани, заключающемъ 141 гл., 1921 строфъ. Онъ совпадаетъ съ изложеннымъ мною памятникомъ. Авторъ стихотв. „Александріани“ б. м. Петръ Дардзе.

(=въ). Ассуристанъ арм. форма вмѣсто груз. Ассурети (Ассирія). Эти признаки заставляютъ считать груз. повѣсть переводомъ съ армянскаго.

Нижеприводимыми замѣчаниями къ повѣсти о Хикарѣ я обязанъ Н. Н. Дурново, оставленному при московскомъ университетѣ по кафедрѣ русскаго языка и литературы. За сочиненіе о Хикарѣ ему факультетомъ была присуждена золотая медаль.

Заглавіе грузинскаго текста находитъ себѣ соотвѣтствіе только въ армянскомъ (Изд. Сопубеаге'а въ кн. R. Harris'a—The story of Ahikar), озаглавленномъ такъ: «Изреченія и мудрость Хикара, которыми поучаются сыны (или дѣти) людей». Въ сирийскомъ: «*притчи или поѣтъ Ахикара, мудреца и секретаря* Сеннахерива царя Ассиріи и Ниневіи». Въ славянскомъ 1-я (подчеркнутая) половина заглавія не сохранилась.

Имена боговъ, которымъ Хикаръ приноситъ жертву, сохранились только въ армянскомъ. Въ сирийскомъ и славянскомъ боги во всѣхъ случаяхъ замѣнены единымъ Богомъ (хотя возможно, что существуютъ сирийскіе тексты, гдѣ этой замѣны нѣтъ), въ арабскомъ имена боговъ опущены. Въ этомъ случаѣ грузинск. слѣдуетъ армянской версіи.

Къ примѣч. 3. Грузинскій текстъ въ данномъ случаѣ ближе къ армянскому: «да бросить онъ земли своими руками на меня, чтобы я не остался безъ поминовения». То же въ сирийскомъ: «когда я умру, то да бросить земли на глаза мои» (безъ 2-й части фразы) и въ славянскомъ: «егда приставлюся, да всыплешь ми персть на очи мои».

I. «и онъ воздастъ за твое имя»—буквально то же въ армянскихъ текстахъ кромѣ Сапон (спис Бодлеянской библ. № 131, 1697 г.), гдѣ читается «... за свое воспитаніе». Ничего подобнаго нѣтъ въ другихъ версіяхъ.

Самое имя Натанъ съ t встрѣчается въ такомъ видѣ въ нѣкоторыхъ армянскихъ текстахъ. Въ другихъ армянскихъ текстахъ—Nadan, какъ и во всѣхъ не армянскихъ версіяхъ.

Къ словамъ. «златотканымъ поясомъ опоясахъ». Ни въ сирийской, ни въ славянской, ни въ арабской версіяхъ этой подробности нѣтъ. Въ армянскомъ: «золотое ожерелье надѣлъ я ему на шею». Повидимому, эта подробность армянскаго текста очень архаична. Въ библейскихъ сказахъ о лицахъ, занимавшихъ должность, подобную Ахикаровой (Иосифъ, Даниилъ, Мардохей, Зерувавель и др.) непременно говорится, что царь возлагалъ на нихъ золотую цѣпь или ожерелье. Очевидно, Ахикаръ уже на маленькаго Надана возлагаетъ знаки своего достоинства.

Къ примѣч. 4-му—врядъ ли стоитъ отмѣчать отличія грузинскаго текста отъ арабскаго, п. ч. этихъ отличій очень много. Гораздо ближе,

чѣмъ къ арабскому тексту, грузинскій текстъ стоитъ къ сирійскому и славянскому (почти буквально совпадающему съ сирійскимъ), но и отъ нихъ отличается во всѣхъ случаяхъ, гдѣ эти тексты расходятся съ армянскимъ. Словамъ «корми его молокомъ и медомъ» въ сирійскомъ соотвѣтств.: «и я далъ его вскормить восьми кормилицамъ, и я питалъ его медомъ», а въ слов.: «и дахъ одонти и (т. е. вскормить его грудью) и вскормихъ и медомъ и виномъ». Словамъ «сплахъ на моей груди и пр.» въ сирійскомъ и славянскомъ ничего не соотвѣтствуетъ, въ арабскомъ «сидѣлъ на шелковыхъ ложахъ».

Къ словамъ. Какъ *молокомъ*, хлѣбомъ и водою. Въ армянскомъ, сирійскомъ, славянскомъ и арабскомъ только: «какъ хлѣбомъ и водою». Повидимому, молоко здѣсь вставлено въ одномъ изъ позднѣйшихъ текстовъ, можетъ быть уже въ грузинскомъ переводѣ.

Къ стр. 171. Въ сир. и славян. гораздо проще: въ сир.: О Ахикарь, мудрый писецъ (т. е. секретарь) и хранитель моихъ мыслей, когда ты отъ старости умрешь, кто будетъ послѣ тебя и будетъ служить мнѣ, какъ ты?» въ славян. «о Акире, премудрый книгчѣ, свѣтнице мой, аще старѣвъ преставишися, кого обрещу свѣтника моего».

Къ примѣч. 6. Слова «Государь, здравствуй вѣчно»—во всѣхъ версіяхъ пов. кромѣ грузинской.

Примѣч. къ наставленіямъ.

Въ сирійск., славянск. и армянскомъ Сапоп. текстахъ первому изреченію предшеств. еще одно, которое читается въ разныхъ текстахъ такъ: Сир.: «Слушай, сынъ мой Наданъ, и разумѣй рѣчь мою и внимай словамъ моимъ, какъ словамъ Божиимъ»; Слав.: «человѣче, внимай глаголы моя; сыну мой Анадане, всякому наказанью ясенъ буди»; въ армян. Сапоп.: внимай рѣчи моей и предписаніямъ моимъ. Напиши ихъ на печати твоей и не забывай ихъ, чтобы годы твоей жизни были полны и чтобы въ славѣ и здоровѣ ты могъ достигъ старости». Это изреченіе могло отпасть потому, что въ древнѣйшихъ текстахъ послѣ него слѣдовало: «и затѣмъ я Ахикарь началъ учить Надана... (см. Изд. Harriss'a, Add. 7200, XIII в.). (Съ арабскимъ я не сравниваю).

1. «при дворѣ царя или у начальниковъ и вельможъ» въ сирійск. нѣтъ; подчеркнутыхъ словъ нѣтъ и въ армянск.; въ слав.: «аще что слышиши отъ царя или видиши въ дому его» «береги ее». Въ сир., слав., арм.—силнѣе—«пусть умереть» или «сгнѣть». Въ армян. это изреч. имѣетъ тотъ же размѣръ, что и въ грузин. Въ сирійск. и слав. оно длиннѣе, а именно далѣе слѣдуетъ въ слав.: «аще ли исповѣси, да будутъ ти углье горящи и послѣдокъ ожжешися, и тогда тѣло твое съ порокомъ будети» (въ сир. нѣсколько ближе къ арабскому).

2. арм. 1 б., сирийск. и слав. 4-е. На томъ же мѣстѣ это изреч. стоитъ въ армян. Въ сирийск. и славянск. ему предшествуетъ изреченіе: «если что услышишь, то не рассказывай, и если увидишь что, не объявляй». (Въ армян.—1 в.; въ грузин. совсѣмъ нѣтъ).

Далѣе я буду касаться сирийск. и слав. текста въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ грузинскій расходится съ армянскимъ, хотя бы въ порядкѣ изреченій.

3.—арм. 4. Передъ этимъ въ арм. вставл. 2 изреч. «Сынъ не смотри на красоту женскую» и пр. (грузин. 25) и «Сынъ не будь похожъ на оливковое дерево» и пр. (груз. 107—это изреч. груз. текста ближе къ сирийск., чѣмъ къ арм., какъ увидимъ ниже). Въ сирийск.—4 изреч., соотвѣтствующія изреченіямъ 25, 8, 107 и 47 грузинскаго текста; въ слав.—3 изреч., изъ которыхъ 1-е и 3-е соотвѣтствуютъ 25-му и 47-му изреч. грузинск. текста.

Слову «сѣно» въ 3-мъ изреч. груз. текста мы не находимъ соотвѣтствія ни въ одномъ другомъ текстѣ.

Грузинскій текстъ можно сказать вообще совпадаетъ съ армянскимъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ послѣдній расходится съ остальными текстами. Тамъ, гдѣ грузинскій текстъ не совпадаетъ съ армянскимъ, онъ не совпадаетъ и съ другими текстами и представляетъ повдніа измѣненія. При этомъ, грузинскій текстъ ближе къ худшимъ армянскимъ текстамъ, чѣмъ къ списку Бодлеянской б—ки, обозначаемому у Конибира «Сапоп», и повторяетъ пропуски и ошибки этихъ худшихъ армянскихъ текстовъ. Тѣхъ изреченій, которыя въ грузинскомъ текстѣ являются лишними противъ армянск., нѣтъ въ семитскихъ и въ слав. текстахъ. Только въ одномъ изреченіи грузинск. текстъ какъ будто ближе къ сирийск. и славянск., чѣмъ къ армян. Порядокъ изреченій только въ самомъ началѣ совпадаетъ съ армянскимъ, но дальше уклоняется. Въ сирийск. и слав. порядокъ изреченій еще дальше отъ порядка въ грузинск. текстѣ, но въ общемъ почти совпадаетъ съ порядкомъ изреченій въ армянскихъ текстахъ. Такимъ образомъ грузинскій переводъ повѣсти объ Ахикарѣ, представляя новое свидѣтельство объ интересѣ, возбуждаемомъ этой повѣстью, мало даетъ для восстановления первоначальнаго вида повѣсти.

Важнѣйшія изслѣдованія и повѣсти объ Ахикарѣ:

Hoffman. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Märtyrer, 1880 и пр.

Br. Meissner. Quellenuntersuchungen zur Haikar geschichte. Zeitschrift der Deutschen Morgenländische Gesellschaft, 1894, II.

Lidzbarski M. Zum weisen Achikar. Тамъ же, кн. 3 или 4 стр. 671—675.

Его-же. Изданіе арабск. (каршунск.) текста очень архаичной редакціи.—Die Neu-aramäischen Handschriften der Königl. Bibliothek zu Berlin. Weimar 1895. 2 части: въ первой—арабск. и сирійск. текстъ, во второй—нѣмецк. переводъ съ небольшимъ предисловіемъ и очень цѣнными примѣчаніями.

Dr. E. I. Dillon, въ журн. Contemporary Review, мартъ 1898. Съ этой статьёй я не знакомъ.

Dr. James. въ журн. Guardian, февраль, 2, 1898.

The story of Ahikar и пр. Harris'a, Conybeare'a и Lewis'a.

Causquin. Ahikar et le livre Tobit. Revue Biblique 1898. (съ этой книгой я не знакомъ).

M. Lidzbarski. Рецензія на книгу Коцибира и Harris'a (*The story of Ahikar*) въ Theologische Literaturzeitung, 1899, № 22, столб. 606—609 ¹⁾.

Изъ русскихъ изслѣдованій объ Акирѣ до сихъ поръ лучшимъ остается очеркъ А. Н. Пыпина въ его Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1858. Въ настоящее время этотъ очеркъ очень устарѣлъ, но тѣмъ не менѣе, лучшаго ничего нѣтъ. Превосходныя лекціи Н. С. Тихонравова по повѣсти объ Акирѣ Премудромъ (1878/9 и 1883/4 г.), къ сожалѣнію, сохранились только въ литогр. изданіи, которое достать крайне трудно. Хорошаго изданія славянскихъ текстовъ повѣсти мы тоже не имѣемъ. Можно отмѣтить изданіе *Лича* въ Arkiv' за povjestnicu jugo-slavensku 1868 г. 2-хъ текстовъ сербской ред. XV—XVI в. (перепечат. въ Prilozi k historij kniževnosti U Zagrebu 1868), затѣмъ изданіе плохого южно-славян. списка XVI в. *Барсовымъ* въ Чт. Общ. Истор. и Древн. Россійск. 1886 г., кн. III. О. И. Буслаевъ напечаталъ въ своей Исторической Христоматіи отрывки изъ повѣсти по лучшему русскому списку XV в. принадлежащему Обществу Ист. и Древн. Россійск. Напечатанные имъ отрывки составляютъ въ общей сложности около половины всего списка. Къ сожалѣнію, въ это изданіе вкралась опечатка, а нѣкоторыя мѣста прочитаны невѣрно. Тексты повѣсти, изданные Полевымъ (въ 1842 г.) и Костомаровымъ принадлежать къ переработанной русской

¹⁾ Я прибавлю еще къ литературѣ вопроса: *Theod. Reinach.* Un conte babylonien dans la litterature juive. Le roman d'Akhikar (Revue des etudes juives, 1899, 68). *J. Hélier.* Tobi et Akhiakar. Rev. Sémit. d'épigraphie et d'histoire ancienne. 1900, 8.

редакціи, сильно отличающейся отъ первоначальнаго славянскаго перевода. Иностранные ученые знакомы со славянскою версіею повѣсти по нѣмецкому переводу, напеч. Ягичемъ въ *Byzantin. Zeitschrift* 1892 г. Въ основу этого перевода положенъ текстъ, напеч. Барсовымъ и отрывки, напеч. Буслаевымъ. Къ сожалѣнію, Ягичевъ переводъ отличается такими странностями и уклоненіями отъ оригиналовъ, что пользоваться имъ крайне рискованно.

Славянскій текстъ повѣсти въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился въ лучшихъ русскихъ спискахъ, очень близокъ къ той сирійской версіи, какаѣ напечатана *Harigis* о мѣ довольно позднему сирійскому тексту. Такимъ образомъ славян. текстъ подтверждаетъ архаичность существующей сир. редакціи. Цѣнность слав. перевода повѣсти состоитъ уже въ томъ, что это—древнѣйшій изъ извѣстныхъ полныхъ текстовъ повѣсти. Поэтому желательно скорѣйшее изданіе славянскаго перевода по лучшимъ текстамъ.

Къ стр. 182. О Миріани см. у меня ст. «Груз. рук. Париж. націон. библ.». Манускриптъ переписанъ въ 1760 г.

Къ стр. 193. «Варшикіани», сказочная персидская повѣсть изд. Заргаровымъ (Т. 1899) въ исправленной М. Ахпателовымъ редакціи. Сааміани, Саула-Давитіани упоминается въ спискѣ грузинскихъ памятниковъ 1810 г.

Къ стр. 218 и 229. О Саятъ-Нова см. «Братская помощь армянамъ, пострадавшимъ въ Турціи». Стихотворенія его см. въ сборникѣ № 1 изъ собр. цар. грузинскаго въ Спб. Публич. библ. у Хрестоматія Чубинова. Нѣсколько свѣдѣній объ немъ же даетъ Мсеріанцъ (Мушскій діалектъ, стр. XIII). Стихи Ларадзе см. Хрест. Чубинова. О жизни его *Иверія*, 1901, № 7 и 8.

Къ стр. 230. Борьба Соломона Вел. имеретинскаго съ абхазами воспѣта въ стихахъ *Гегечорія* въ 1836 г. (Хрест. Чубинова). См. эротическіе стихи Дм. Багратіона, Іоны Мровели, На взятіе Поти въ 1810 г. Беглари Орбеліани у Чубинова въ Хрестоматіи.

Къ стр. 242. Объ Антоніи I см. Слово Гаіоза (отрывокъ) въ Теоріи словесности епископа Киріона и Гр. Кипшидзе, стр. 281—2.

Къ стр. 274. Захарій Габаевъ (Габашвили) духовникъ царскій, ученый и вліятельный мужъ былъ отрѣшенъ отъ сана въ 1767 г. за смуты, поднятыя имъ противъ соч. Антонія I Толкованіе 50 псалма (рукоп. № 320 изъ собр. цар. груз.) и изгнанъ въ 1787 г. изъ Грузіи въ Россію. Въ 1768 г. онъ по распоряженію астраханскаго архіерея Мееодія поселяется въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. Синодъ жалобу его изъ Астрахани на названное сочиненіе Антонія яко-бы

противное православія оставилъ безъ послѣдствій и не разрѣшилъ отъ запрещенія, связаннаго грузинскимъ соборомъ. Въ 1770 г. онъ выѣхалъ обратно въ Грузію. Впослѣдствіи ему было возвращено священство и умеръ въ глубокой старости около 1780 г. и погребенъ въ тифлисской церкви св. Андрея Первозваннаго. Его сатиру можно сопоставить съ персидской Kitabi-i-Mus. Переводъ въ стихахъ этого произведенія подъ заглавіемъ «Страшная борьба kota съ мышами, сказанная при шахинъ шахъ» (?) хранится въ Общ. груз. грам.

Къ стр. 274. З. Габашвили посвятилъ стихи царев. Елизаветѣ, Теймуразовнѣ.

Къ стр. 276. Гаіозъ былъ проповѣдникъ идеи необходимости признанія союза съ Россіей. Ему принадлежитъ слово о пользѣ покровительствѣ, оказаннаго Россіей Грузіи, сказанное въ 1783 г. (Рук. изъ собр. царев. грузинскаго, 4 страницы, № 219¹).

Къ стр. 284. Образцы стихотвореній ректора Давида см. Хрест. Чубинова стр. 108.

Къ 290 стр. Рукоп. Тифл. цер. муз. озаглавлена: «Объ Антихристѣ и второмъ пришествіи, переводъ съ русскаго царевичемъ Вахушніемъ въ 1749 г.». Странно, что зная русскій языкъ, Вахушни на прошеніяхъ подписывался по-грузински.

Къ стр. 293. Рукоп. (Жамъ-Гулани) съ иллюстраціями—сотвореніе міра, пророки, апостолы, святые—канчаветской церкви заключаетъ хронологическія даты со времени взятія Константинополя турками изъ исторіи Грузіи (Иверія, 1897 г. отъ 28 мая).

Къ стр. 317. Царевичъ Георгій Александровичъ имеретинскій извѣстенъ еще какъ авторъ нѣсколькихъ стихотвореній. См. рукоп. Общ. груз. грам. № 303 по описанію Д. Каричашвили. Объ этомъ же царевичѣ см. Пурцеладзе, Двор. грам., 55.

Къ стр. 320—323. Рукопись изъ библ. М. И. Сабинина въ 4°. Почеркъ мелкій ихедрули заглавія—хуцური съ кинноварью, 62 стр. Въ концѣ на переплетѣ каменто: черными чернилами. Книгу эту купилъ отъ невѣстки протоіерея Мехіева 7 января 1867 г. и вмѣстѣ съ нею и другія (книги).—Другимъ почеркомъ, красными чернилами: эта книга принадлежитъ Юсифу Ахалшенову. На послѣдней стр. Эта книга принадлежитъ Гоброну Михаилу Сабинину, которую я купилъ у Ахалшенова въ 1880 г. въ Тифлисѣ.

Содержаніе рукописи. «Духовныя наставленія, извлеченныя изъ святыхъ изъ книги Маргаритъ и Библии».

¹) По поводу „посвященія архим. Гаія во епископа“ появилась въ Россіи даже *Ода или тѣнь на прославленіе вѣры и ея поборницы имп. Екатерины II*, одописца П. Кар(абалова). Спб., 1793.

Начало: «Въ началѣ Господь создалъ небо и землю»... За краткимъ обзоромъ исторіи сотворенія міра идетъ толкованіе различныхъ молитвъ и отдѣловъ свящ. писанія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Святой Боже, Святой Кру́пкій и пр. арханг. Гавріиль возгласилъ, когда Господь низвергъ съ неба Самозла и Сатану. *В.* Кто научилъ людей этой молитвъ? *О.* Когда въ Константинополѣ было сильное землетрясеніе, Св. Духъ вознесъ къ небу нѣмого мальчика, тамъ научился у ангеловъ и снизошедши на землю сталъ гѣть эту молитву; у него переняли люди. Далѣе выясняется въ вопросахъ и отвѣтахъ что «Слава Отцу и пр. впервые произнесъ Адамъ, первое ремесло—портняжество; Адамъ и Ева изгнаны были изъ рая, сшили листья фіга и прикрыли наготу свою. *В.* Какого апостола не было при Крестномъ страданіи Спасителя? *О.* Тѣмы. *В.* (Что значить) Покойникъ ищетъ живого? *О.* Покойникъ—Марія, живой—Христосъ.—Двѣнадцать камней на хитонѣ Аарона были образами 12 апостоловъ. За краткимъ повтореніемъ свящ. исторіи, слѣдуетъ именованія пресв. Богородицы (посохъ, ковчегъ, трапеза и пр. Народы міра (Индійцы, Турки и пр.). Свѣдѣнія объ отцахъ церкви и подвижникахъ. О монашествѣ. Книга *Хюионоури*—о второмъ пришествіи и концина міра. Отвѣтъ монаха Евемія Грдзели армянскому учителю Состену. О сотвореніи міра и красотахъ рая. Слово Діонисія Ареопагита о раѣ и Адамѣ. Познаніе души. Ученіе Максима Исповѣдника. Ученіе Іоанна Златоуста о милостынѣ и клятвѣ. Ученіе философовъ о второмъ пришествіи. Бесѣда Григорія Просвѣтителя съ ангелами.

Къ стр. 324. О переводахъ и учебникахъ см. мою ст. Груз. рук. Париж. библ. въ журн. «Моамб».

Къ стр. 335. Леванъ Бакаровичъ перевелъ Тестаментъ (Нравственное ученіе Василя Македонянина, импер. греч., сочиненное для сына своего Льва Мудраго. Съ арм. перевелъ Ефаиртъ (астрономическаго содерж.). М. 1804.

Къ стр. 336. Царевичъ Давидъ написалъ нѣсколько стихотвореній элегическихъ и эротическихъ и Исторію Грузіи по просьбѣ ген. Тучкова, переселился въ Россію 18 февр. 1803 г. умеръ на 50 г. жизни въ званіи сенатора и чин. ген.-лейтенанта 13 мая 1819 г. Объ немъ см. Кишмишевъ. Последніе дни груз. царства (Т. 1898) стр. 73. Давиду принадлежитъ переводъ книги о брахманахъ англійскаго патера Бушѣ и сочиненіе любовныхъ писемъ (образцы). Его «Исторія (краткая) Грузіи со временъ перваго въ ней поселенія», Слб. 1805, значитъ въ библиографіи Сопкова.

Къ стр. 341. См. кн. изъ записокъ цар. Теймураза «Взятіе Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ въ 1795 г.» изд. Бѣгичева. Т. 1895. От-

рывки изъ «Записокъ» составляютъ часть сочиненія Теймураза на груз. яз. подъ заглавіемъ «Краткая исторія военныхъ дѣлъ и народовъ царевича Давида, первороднаго сына Георгія XIII», перев. на французскій языкъ ак. Броссе и въ 1833 г. отлитографированнаго имъ же. Онъ перевелъ «Разсужденіе о добрѣ и злѣ» Аристотеля, съ рус. (Спб. 1818).—Бакаръ Георгіевичъ пер. съ рус. Посольство царя Константина къ испанской королевѣ Елизаветѣ. (Рук. Лазар. инст.).

Къ стр. 345. Царевичъ Іоаннъ перевелъ Сейланіани.—Автографъ его русско грузинскаго словаря приобрѣтенъ случайно мною ¹⁾.

Къ стр. 348. Іоаннъ Базлидзе перевелъ съ русскаго по предложенію цар. Баграта въ 1828 г. «Походъ Наполеона и его бѣгство». Онъ же перевелъ съ русскаго «Училище благочестія». (собр. Сабанина въ Спб. публ. библ. № 11). Димитрій Цицишвили перевелъ геометрію. (*Цикл. Ситкваоба* § 813). Появляется въ переводѣ *Histoire de Milorde*. «Золотая ткань» раввина Самоэля пер. съ рус. кн. Дм. Багратіона (рук.), М. 1786; «Жизнь Іоанна Милостиваго, Александрійск. патр.», пер. съ рус. Георгія Авалова, рукоп. М. 1741.

Къ стр. 350. Въ XVIII в. приобрѣлъ извѣстность ученый врачъ Караевъ и Багиновъ (пер. Карабадини). *Пурицладзе*. Крест. акты, 81.

Къ стр. 354. Другой Николай Черкезовъ Руставскій, извѣстный своими философскими познаніями, получилъ право носить виссонъ въ 1711 (*Пурицладзе*, Церк. чужд., 2, 15).

Къ стр. 358. Дополненіемъ къ законамъ Вахтанга могутъ служить «Законы Леона Иракліевича, данные горцамъ и возобновленные братомъ его Вахтангомъ Иракліевичемъ» (см. *Кребули*, 1871, II). Окружное посланіе катол. Іосифа ²⁾ къ некресскому епископу Досиѳею (*Пурицладзе* церк. гудж., 40) характеризуетъ мѣры, принимаемыя для поднятія нравственнаго и умственнаго уровня народа. Епископамъ предписывается стараться, чтобы прихожане посѣщали церковь, не

¹⁾ Царевичъ Іоаннъ привѣтствовалъ рѣчью импер. Александра I; написалъ историческіе разсказы о разныхъ народахъ Европы; предполагаемыя реформы Грузіи (проектъ представилъ царю Георгію XII) изложилъ въ 79 стихахъ.

²⁾ Объ использованіи Уложенія Вахтанга въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича см. ст. *Н. Тавдиридзе* въ Нов. Об. №№ 4950, 4955 и 5956.—*А. Гзеліевъ* о правовомъ положеніи груз. духовенства ib. №№ 5335, 5340 и 5343. Уложеніе Алексѣя Михайловича, повидному, дважды переводилось: разъ Бакаремъ, а другой разъ Іосифомъ Тбилели, присоединеннымъ къ православію изъ армянской вѣры Петромъ Вел. и нареченнаго Левъ-Петромъ. Онъ былъ переводчикомъ въ иностранной коллегіи (см. Цагарели, III, 183).

оставались безъ исповѣди, распространять знаніе не только среди духовенства, но и народа — учить пасомыхъ какъ власть земные поклонъ, стоять въ церкви, письму и грамотѣ. Духовенство должно было преслѣдовать колдуновъ, ворожеевъ ¹⁾ и деканозовъ (ib. 48 и 49). Учрежденіе дикастеріи см. Церк. гудж., стр. 31. Ст. Н. Урбнели въ Моамбѣ 1898, III «Катол. законы».

Къ стр. 368. При царѣ Георгіи XII подвизался знатокъ греческаго языка свящ. (изъ дворянъ) Христофоръ Бадридзе, оказавшій много услугъ въ веденіи типографіи въ Тифлисѣ еще до нашествія персовъ. Любопытно, что въ грамотѣ, пожалованной ему царемъ Георгіемъ, упоминается объ его путешествіи въ Св. Землю, гдѣ онъ изучилъ типографское дѣло. Вернувшись на родину, онъ принялъ завѣдываніе типографіей и отпечаталъ въ ней 14.000 священно-богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ ощущался недостатокъ. Этотъ свящ. Бадридзе имѣетъ и другія заслуги. Онъ усердно ухаживалъ въ Метехи за больнымъ отъ тифа царемъ Иракліемъ въ теченіе 40 дней. Онъ освободилъ 700 плѣнныхъ христіанъ въ Елизаветполѣ; сопровождалъ группъ Ираклія II изъ Телава во Мцхетъ, гдѣ въ то время свирѣпствовала чума; онъ собралъ разсѣявшихся грековъ — мастеровъ для разработки мѣди. Послѣ нашествія Ага-Магометъ-хана онъ же возобновилъ типографію. За все это царь Георгій возстановилъ всю его фамилію въ дворянскомъ званіи и пожаловалъ пять выморочныхъ имѣній въ сел. Норіо и должность «надвали» въ этой же деревнѣ. Царь обязываетъ его съ потомствомъ въ день кончины своего отца Ираклія II (11 января) служить заупокойную литургію по царѣ и устроить поминки. См. Сигель, данный Бадридзе царемъ Георгіемъ въ газ. «Иверіи», 1900, № 171, съ нѣкоторыми народными воспоминаніями о свящ. Бадридзе, по смерти Георгія разжалованномъ митрополитомъ, въ статьѣ Г. Парадашвили. Ср. съ этимъ сигелемъ краткое его изложеніе у Пурцеладзе, Двор. грам., стр. 34.

¹⁾ За колдовство и ворожбу еще въ XVI в. по распоряженію Самтавійскаго епископа Григорія виновный или виновная должны быть увѣчены носомъ; въ случаѣ же раскаянія даютъ двухъ коровъ; за прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ ворожей и колдуновъ, прижигатели обязаны приводить четырехъ коровъ а изувѣченные одну. Пурцеладзе. Церк. гудж. стр. 49. Ср. Гуджаръ, напечатанный мною (Бутансъ, 1891). Колдунья Марія даетъ обязательство епископу въ томъ, что она отказывается отъ своего „ремесла“, а если будетъ уличена, то предлагаетъ сечь на кострѣ. См. мою ст. (XIII кн.) въ Этногр. Об. „Гадатели и чародѣи по груз. законамъ“, — Воинскій уставъ Ираклія II напечатанъ въ Закавк. Вѣстн. 1848 г. №№ 28 и 29.

Типографіи грузинскія, возникшія въ Венеціи, Константинополѣ и Монтобани ¹⁾, работали успѣшно. Въ Римѣ были напечатаны грузинская азбука и молитвенникъ (1768 и 1778 гг.) ²⁾. О книгахъ изъ московской типографіи см. «Цнобисъ Пурцели» 1899, № 780. Предшествующія статьи въ той же газетѣ автора З. Ч. посвящены обзору дѣятельности груз. типографій въ другихъ мѣстахъ.

Къ стр. 373. О различныхъ вариантахъ псалтыри см. М. Г. Джанашивили. (Грузинская литература X в. Тифлисъ, 1900).

Къ стр. 389. Жизнь Баграта Понтійскаго, составленная ученикомъ его Евагріемъ.—Сицилійскіе герои Тавръ и Мейій. Рукоп. Тифл. церк. муз. № 134. Ср. *Иверія*, 1898, №№ 161 и 162.

---

¹⁾ Книги, отпечатанныя здѣсь, см. газ. „Дрозба“ 1879 г. № 137. Осталось въ рукописи „Grammatica italiana et giorgiana“ *Girolamo de Norcia* для миссіонеровъ въ Ахалцихской обл.

²⁾ Въ Москвѣ грузинская азбука появилась въ 1758 г., а грузинская грамматика, сочиненная на русскомъ языкѣ, въ Спб. 1802.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.....	I—II
<i>Введеніе</i> . Обзоръ исторіи Грузіи въ эпоху ея раздробленія на нѣсколько политически самостоятельныхъ единицъ (XIII—XVII вв.).....	1—5
Характеръ грузинской литературы XIII—XVII в.	6
<i>Русудаміани</i> , героическая повѣсть, содержаніе повѣсти и ея особенности (12 главъ).....	7—52
Стихотвореніе 1320 г. изъ деревни Нугзалы.....	52—53
<i>Амузіани</i> , поэма изъ исторіи Осетіи.....	58—59
<i>Сиронозіани</i> , героическая повѣсть, сравненіе ея съ Шахъ-Намэ и Исфандіаръ-Намэ	50—73
<i>Лейла и Меджунъ</i> , персидская поэма въ грузинскомъ переводѣ царя Теймураза и сравненіе ея съ „Барсовой кожей“ Ш. Руставели..	73—84
Стихотворныя произведенія XVI в.: царевны Маирины, царев. Гоча и кн. Гарсевана Чолокашвили (<i>Похвала фруктамъ</i>).....	84—85
Переломъ (XVII в.) въ исторіи грузинской литературы и усиленіе въ ней національной тенденціи.....	85
<i>Жизнь и произведенія царя Теймураза I:</i>	
Сравненіе весны и осени, Свѣча и Бабочка, Бесѣда лихорадки и священника, Маджама, Плачь о царицѣ, Анбантъ-кеба, Бесѣда дня и ночи, переводы съ персидскаго языка.....	85—93
<i>Арчиміани</i> (Жизнь и дѣятельность царя Арчила)—Пашо Бертадзе.—Бесѣда Руставели съ царемъ Теймуразомъ, Жизнеописаніе царя Теймураза, О нравахъ Грузіи, поэмы Висраміани, Наргизовани и Хрустальный столбъ, Переводъ хронографа и Александрія.....	93—112
<i>Грузинская повѣсть объ Александрѣ М. и сербская Александрія</i> . 100—112	100—112
<i>Ростоміани</i> и сравненіе его съ Шахъ-Намэ.—Бежанъ-Манижаніани..	100—119
<i>Тимсаріани</i> (или Книга Синдабъ—повѣсть о семи мудрецахъ).....	119—123
Придоніани или Утрутіани и Сироназіани (по другой рукоп.)—истокъ Шахъ-Намэ.....	123—124
Бараміани	125—125
<i>Калила и Дамана</i> (Анвары Соханли) въ переводѣ царя Вахтанга VI и новый отрывокъ изъ Калилы и Димны, восходящій къ XII в. 125—145	125—145
<i>XVIII вѣкъ</i> (Общая характеристика).....	145—146
<i>Жизнь и дѣятельность царя Вахтана VI</i> . Переводы съ персидскаго сочиненій астрологическаго содержанія. Стихотворенія. Дагулама. Законы.	146—153
Дѣятельность царя Теймураза II. Біографія. Похвальныя и сатирическія посланія	153—155
<i>Повѣсти, происходящія въ зависимости отъ 1001 ночи</i> .—Давришіани	155—162

	<i>Стр.</i>
Повѣсть о мѣдномъ городѣ.....	162—169
<i>Ученіе и наставленіе Хикара Мудраго</i>	169—181
Шуманикіани.....	180
О царѣ Аздабахтѣ.....	181—182
Миріани.....	182—190
Вамардіани.....	190—193
<i>Героическія повѣсти</i> : 1) Бараманіани.....	193—194
2) Саридоніани.....	194—195
3) Джангнама Сейланіани.....	195—199
<i>Оригинальныя произведенія XVII—XVIII вв. Иосифъ Тбилели и его поэма Дид-Моуравіани</i>	199—202
<i>Давидъ Гурамишвили</i> . Жизнь и его поэма Давитіани.....	202—218
<i>Саятъ-Нова</i> . Биографія и Стихотворенія.....	218—220
<i>Бесики</i> —Бесаріанъ Габашвили, лирической поэтъ.....	220—224
<i>Грузинская пѣснотка</i> Мамуки Бараташвили.....	224—227
<i>Литературная дѣятельность членовъ царской фамилии</i> : царевича Георгія, сына Соломона I (Поэма Хуб-Мардіани), стихи царицы Кетевани, царев. Марін и Кетевани Иракліевныхъ. Стихотворная молитва Ираклія П. Царевичъ Григорій.....	227—229
<i>Писатели XVIII в.</i> Дм. Орбеліани. Соломонъ Месхіевъ. Бнязья Тума- новы (Игнатій, Георгій, Дмитрій). Барамъ и Заалъ Баратовы. Саридонъ и Давидъ Чолокашвили (переводчикъ Телемахида), Бай- хосро Андроникашвили (авторъ соч. „Сѣтъ влюбленныхъ“). Багра- тіоны, Петръ Ларадзе.....	229—230
Повѣсти Джимшедіани и Джимшеріани, Варшикіани.....	230—231
<i>С. С. Орбеліани</i> . Жизнь. Литературная дѣятельность: „Путешествіе въ Европу“, „Бнига Мудрости и Лжи“, „Словарь“ и др.....	231—239
Западное вліяніе въ грузинской литературѣ. Грузино-католики.....	239—242
<i>Жизнь и труды католика Антонія I</i> . Воспитаніе. Церковная его дѣятельность. Переселеніе въ Россію и возвращеніе на родину.....	242—256
Сочиненія его по богословію (Мзаметквелеба), философіи, риторикѣ, ли- тературѣ, грамматикѣ (Цюбилстваоба) и пр.	256—273
<i>Захарій Габасвъ</i> (Габаони-Габашвили) и его сатира „Война Кошки“.....	274—275
<i>Новыя школы въ Грузіи</i> . Телавская семинарія и ея первый ректоръ Гаіозъ. Политическая и литературная его дѣятельность. Истори- ческіе, грамматическіе, богословскіе и переводные его труды....	275—281
Отрывокъ изъ рѣчи Гаіоза въ день открытія Телавской семинаріи... Давидъ Алексішвили, ректоръ семинаріи. Жизнь и сочиненія его....	281—284 284—287
<i>Историческіе труды XVII—XVIII вв.—Вахушты</i> . Его географія и Исторія Грузіи, переводныя его сочиненія. Прошеніе его о пожа- лованіи ему деревень.....	287—292
Историческія записки катола. Захарія, Чхатурели, Чгейдзе, П. Орбеліани, П. Горгіджанидзе, Дм. Тлашадзе.....	292—296

Стр.

Стихотворное изложение Священной Исторіи и судьбы Грузіи.....	296—297
<i>Путешествія, мемуары, автобіографія.</i> Путешествіе Давида Гареджійскаго.	298—301
Путешествіе архіеп. Тимофея по Востоку.	299—305
Путешествіе митроп. Іоны по Св. мѣстамъ.....	305—307
<i>Завѣщаніе Иессея Осетины.</i>	312—316
Воспоминанія о царѣ Вахтангѣ VI.....	316—317
Автобіографія царев. Георгія Александровича.....	317—318
<i>Значеніе монастырей. Духовная литература.</i>	318—320
Батол. Арсеній Булмансидзе, катол. Евдемонъ, Баграць и митр. Яковъ Шемокмедели (Пренія магометанина съ христіанномъ).....	322—323
Батол. Виссаріонъ („Грдемли“, „Марцухи“); іеромонахъ Гр. Вахвахидзе, Николай Черкезшвили, Николай Тбилели, митр. Романозъ (соч. „Цымбанъ“), Доментій Ш.....	324—325
<i>Проповѣдники:</i> Антоній Чкондидели и Амвросій Нейресели.....	325—332
Поученіе народу митроп. Амвросія, сказанное въ 1795 г.....	332—334
<i>Литературная дѣятельность членовъ царской семьи</i> (дополненіе къ стр. 227—229).	
<i>Царев. Бакаръ</i> и сынъ его Леванъ.....	334—335
<i>Царевичъ Давидъ.</i> Біографія и литературная дѣятельность его. Историческіе и научные труды. Повѣсть „Новый Шихъ“.....	335—340
Царевичи Вахтангъ, Баграць, Теймуразъ и Александръ Георгіевичи, Леонъ Бакаровичъ и др. Царица Марія, царевна Фекла Иракліевна. ...	341
<i>Царевичъ Іоаннъ,</i> авторъ русско-грузинскаго словаря и „Калиасоба“, переводчикъ логики Кондильяка и переписки съ Юліей.....	341—345
Надгробное слово Соломона Леонидзе.....	346—348
Переводная литература. Учебники. Переводы по математикѣ, военному искусству, медицинѣ, исторіи, беллетристикѣ, оды Ломоносова и Державина (стр. 230).....	348—350
Слово Гаіоза о грамматикѣ.....	350—354
<i>Юридическіе памятники.</i> Помокановъ, Дзеглисъ-цера и Дзеглисъ-деба, Сборн. законовъ Вахтанга VI.....	354—358
Дополненіе къ католикосовымъ законамъ.....	358
<i>Зрѣлище и театръ.</i>	362—365
<i>Начало книгопечатанія.</i> ...	365—369
Книгопечатаніе въ Россіи. Самебели, Бакеръ, Вахушты, Антовій I, А. Амхлахвари, Г. Хартчашвели, Варлаамъ, Гаіозъ.....	369—378
Въ исторіи изданій евангелія и библіи на груз. яз.	373—380
О вариантахъ грузинской библіи.	380—386
<i>Приложеніе.</i> Апокрифы. Евангеліе Іакова и Никодыма. Житіе бл. Зосимы.	388—420
Дополненія и поправки.....	421—432

О П Е Ч А Т К И:

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
49	8 снизу	сказкѣ	сказки
93	14 снизу	Лейла-Медж приписываемомъ	Лейлы приписываемомъ
119	5 сверху	„повѣсть о семи мудрецахъ“	повѣсть, известная по-грузински подъ именемъ „Тысариани“
125	4 сверху	Называется	Называется
127	4 сверху	Татары	Тамары
152	3 сверху	Давириани	Давитиани
161	14 снизу	старца трехъ дервишей, съ которыми	старца и встрѣтился съ тремя дервишами.
161	21 снизу	убить	избить
172	22 сверху	въ сердце	въ сердце
177	14 снизу	Соломона, I Георгій	Соломона I, Георгій.
181	17—18 сл.	Май... Königi... Kuneim	Man erzählt, o König der Zeit, das in alten Jagen ein König Namens... Residenz Kuneim
201	7 снизу	писателя М.	писателя А.
208	6 снизу	Ираклія I	Ираклія II
221	2 снизу	говгурн	чонгурн
225	13 сверху	злу	Ко злу
227	16 сверху	владытелемъ	властителемъ
243	7 снизу	кельи.	кельи, одинаково
274	4 снизу	Ср. Ethe...	Ср. Войну конхи у Ethé...
277	2 сверху	безпримѣрно	безпримѣрно
278	3 снизу	Пері ἡραμενᾶς	Пері ἡραμενᾶς
281	4 сверху	онъ продолжаетъ!	онъ продолжаетъ:
282	10 сверху	и Θεοδοσία Βελ.;	Θεοδοσία Βελ.; вмѣ же переведены:
292	5 снизу	Исторія Грузіи...	2) Исторія Грузіи...
293	3 сверху	Древняя исторія Грузіи составлена...	3) Древняя исторія Грузіи, составленная... сочиненіямъ,
284	20 сверху	богословія... категоріи	богословіе... категоріи,
286	17 сверху	Тумалова	Туманова
287	5 сверху	Мелхійскій	Месхійскій
299	13 сверху	Салище	Самиче
289	6 снизу	за нимъ слѣдовалъ	За нимъ слѣдовалъ въ Палестину
323	15 снизу	Гудіели	Гуріели
344	18 синлогизмахъ		синлогизмахъ
348	15 снизу	обращаются еще... къ	обращается еще къ произведеніямъ
350	10 снизу	если отдѣльное	еслибы отдѣльное лицо
352	5 снизу	на многихъ	на нѣсколько
365	6 снизу	„Дрозба“ 1899	„Дрозба“ 1879
369	13 сверху	Самбели	Самебели
369	15 сверху	Хартчанашвили	Хартчаншели
400	1 снизу	хатуноробуѣс	хатуноробуѣс
421	3 снизу	„Цискарн“ 1890	„Цискарн“ 1860, II
428	5 снизу	Содержаніе рукописи	Рукопись озаглавлена: